ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ АНГЛІИ.

Религія, законодательство, наука, искусство, промышленность, торговля, литература, нравы и обычаи въ ихъ историческомъ развитіи отъ древнѣйшаго періода до настоящаго времени.

606/29

Изданіе Г. Д. ТРАЙЛЯ.

ТОМЪ III.

Отъ воцаренія Генриха VIII до смерти Елисаветы.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕР. РОССІЙСК. ИСТОР. МУЗЕЯ

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

П. Николаева.

Изданіе К. Т. Солдатенкова

ПОНИЖЕННАЯ ЦѢНА 1 Р.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

МОСКВА.
Типо-Литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., свой домъ.
1897.

Печатаются слѣдующія изданія К. Т. СОЛДАТЕНКОВА.

Белохъ. Исторія Греціи, т. II (послѣдній).
Брандесъ. Фердинандъ Лассаль.
Викторова П. П. Ученіе о личности, вып. II.
Іодля. Исторія этики, т. II (послѣдній).
Ковалевскій М. Происхожденіе современной демократіи, т. I (вторымъ изданіемъ) и Конецъ аристократич. правительствъ.
Лансона. Исторія французской литературы, т. II.
Трайля І. Д. Общественная жизнь Англіи, пер. съ англійскаго, т. IV.
«Экономическая библіотека»: **Родбертусъ, Шмоллеръ** и др.
Лависсъ и Рамбо. Всеобщая исторія, т. II и IV.
Эсменъ. Основныя начала Государственнаго права.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

АНГЛІИ.

Религія, законодательство, наука, искусство, промышленность, торговля, литература, нравы и обычаи въ ихъ историческомъ развитіи отъ древнѣйшаго періода до настоящаго времени.

Изданіе Г. Д. ТРАЙЛЯ.

ТОМЪ III.

Отъ воцаренія Генриха VIII до смерти Елисаветы.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

П. Николаева.

Изданіе К. Т. Солдатенкова

МОСКВА.
Типо-Литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., свой домъ.
1897.

Инвент. № 346379
193 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА IX.

Переходная эпоха отъ 1509—1547.

стр.

Царствованіе Генриха VIII—Смита 1
Конституція при Генрихѣ VIII—Гассаля 6
Новая эра въ области церковнаго и государственнаго управленія—Смита 17
Перемѣна въ относительномъ положеніи классовъ—Гассаля 28
Религія—Раймонда Бизли 34
Уничтоженіе монастырей—Гаскета 53
Распредѣленіе добычи—Раймонда Бизли 62
Военное искусство—Омана 66
Флотъ—Лэйрда Клоуэса 73
Новое образованіе—Басса Мулингера 79
Литература—Сентсбюри. 89
Шотландская литература—Франка Гитса 98
Музыка—Рокстро 102
Земледѣліе—Корбетта. 103
Торговля и денежное обращеніе—Саймса 107
Городская жизнь—Флетчера 118
Чума и ея общественныя слѣдствія—Крейтона 130
Общественная жизнь, нравы и одежда 137

ГЛАВА X.

Новыя общественныя силы 1547—1558.

Царствованіе Эдуарда VI—Смита 152
Царствованіе Маріи 154
Религія—Раймонда Бизли 157
Царствованіе Маріи 164
Англійская библія—Гордона Дуффи 173
Военное искусство—Омона. 176
Флотъ—Лэйрда Клоуэса 181
Открытія и изслѣдованія—1512—1558—Раймонда Бизли 187
Реакція въ дѣлѣ образованія—Басса Мулингера 203
Архитектура и искусство—1509—1558—Гугса 204
Земледѣліе—Корбетта 112
Общественныя бѣдствія—Саймса 214
Пауперизмъ и законы о бѣдныхъ—Гевинса 217
Народное здравіе—Крейтона 227
Общественная жизнь 231
Шотландія—Кольвиля 243
Ирландія—Койса. 260

ГЛАВА XI.

Новое общество 1558- 1584.

СТР.

Англія и Европа—Гассаля 270
Религія—Раймонда Бизли 273
Архитектура и искусство—Гугса 282
Магія, астрологія и алхимія—Стиля 288
Естествознаніе—Уиттакера 294
Литература—Сентсбюри 295
Драма—Сентсбюри 299
Ранняя Елисаветинская поэзія—Сентсбюри. 303
Земледѣліе—Протеро 311
Промышленность и торговля—Саймса 319
Статистическія данныя о Лондонѣ—Крейтона 330
Общество во времена Елисаветы—Сентсбюри 334
Обычаи, нравы и одежда при Елисаветѣ—Батсона 340
Шотландія—1561—1603—Кольвиля 354
Ирландія—Жойса 364

ГЛАВА XII.

Увеличеніе территоріи Англіи.

Англія и Европа—Гассаля 369
Армада—Лэйрда Клоуэса 371
Пораженіе Армады и его результаты—Гассаля 373
Ирландія—Жойса 376
Пуританство и нонконформизъ—Броуна 378
Религіозная борьба—Раймонда Бизли 384
Религія и литература—Гуттона 395
Военное искусство 1558—1603—Омана 401
Флотъ при Елисаветѣ—Лэйрда Клоуэса 407
Изслѣдованіе—Раймонда Бизли 424
Естествознаніе—Уиттакера 451
Музыка—Рокстро 452
Литература вѣка Елисаветы—Сентсбюри 454
Земледѣліе—Протеро 473
Промышленность и торговля—Саймса 478
Пауперизмъ—Гевинса 487
Общественное здравіе—Крейтона 496
Общественная жизнь—Батесона 501

ГЛАВА IX.

Переходная эпоха отъ 1509—1547 г.

Царствованіе Генриха VIII.

Смита.

«Если бы левъ сознавалъ свою собственную силу, трудно-бы было имъ управлять человѣку». Такъ тонко и глубокомысленно охарактеризовалъ Моръ опытъ, вынесенный имъ изъ своего знакомства съ Генрихомъ VIII, и мнѣніе свое о Томасѣ Кромвелѣ. Вышеприведенными словами резюмируется цѣлое царствованіе. Въ самомъ дѣлѣ, на закатѣ своихъ дней Генрихъ VIII безъ арміи, безъ самостоятельныхъ источниковъ доходовъ, безъ явнаго нарушенія конституціонныхъ формъ, успѣлъ пріобрѣсти столь неограниченную власть надъ народомъ, всегда гордившимся своими свободолюбивыми инстинктами и стремленіями къ политическимъ реформамъ, что она въ сущности ничѣмъ не отличалась отъ настоящаго деспотизма.—Всѣ публикуемые государственные акты и документы, относящіеся къ этому времени, наглядно вырисовываютъ передъ нами замѣчательныя способности и глубоко-индивидуальный характеръ этого короля; они указываютъ намъ на громадную важность, какую имѣла его личная инціатива, на удивительную способность увлекать за собою всю націю и широту достигнутыхъ имъ результатовъ. Его вступленіе на престолъ встрѣчено было не однимъ обычнымъ въ подобныхъ случаяхъ ликованіемъ. Иностранцы увидѣли въ этомъ событіи начало золотого вѣка для его государства. Сама Англія, послѣ цѣлаго ряда династическихъ смутъ, послѣ Генриха VII и его деспотическаго правленія,—этого времени позорнаго застоя, политическихъ преслѣдованій и лихоимства—съ радостью обратила свои взоры на молодого принца, который являлся

не только блестящимъ представителемъ культуры и образованности своего вѣка, усвоившимъ его вкусы и стремленія, но идеаломъ физической силы и красоты. За стодесятилѣтній періодъ времени онъ былъ первый изъ королей, права котораго были несомнѣнными, онъ наслѣдовалъ казну, которая по словамъ венеціанца Джюстиніани доходила до 10000000; посредствомъ брака со вдовой брата своего, Екатериной Арагонской, онъ обезпечилъ себѣ союзъ съ Испаніей; а арестомъ и казнью ненавистныхъ министровъ своего отца, Эмпсона и Дёдлея, новый правитель снискалъ себѣ самую широкую популярность.

Англія и континентъ.

Эта эпоха была временемъ великихъ европейскихъ войнъ. Истинной виновницей всѣхъ этихъ войнъ была Франція, сильная сознаніемъ своей централизаціи и единства, обладавшая многочисленнымъ и безпокойнымъ военнымъ сословіемъ; тамъ слышались толки о Карлѣ и Святомъ Гробѣ; тамъ строились болѣе серьезные планы о возвращеніи Неаполя или ограбленіи Венеціи. Но печальныя для Англіи воспоминанія о Кресси и Азинкурѣ, наслѣдственная и застарѣлая вражда къ «нашему противнику — Франціи» пробудилась съ новой силой, благодаря честолюбію французовъ и готова уже была разгорѣться въ цѣлый пожаръ. Генрихъ воспользовался случаемъ, чтобы присоединиться въ 1511 г. къ «Священной Лигѣ» для защиты папскихъ территорій въ Италіи отъ французскихъ притязаній. Экспедиція, условленная съ Фердинандомъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы произвести нападеніе на французовъ съ испанской стороны, была роковой ошибкой. Фердинандъ, самъ по обыкновенію запутавшійся въ своихъ козняхъ, вызвалъ только злобу со стороны своего зятя, которымъ онъ думалъ воспользоваться какъ простымъ орудіемъ. Совершивъ такую ошибку, Генрихъ рѣшилъ начать кампанію 1513 г., направляясь къ фламандскому берегу Франціи, чтобы пріобрѣсть содѣйствіе Максимиліана. Тутъ выступилъ на сцену Вольсей, организаторскія способности и вездѣсущая энергія котораго наложили особый отпечатокъ на первыя двѣнадцать лѣтъ царствованія Генриха VIII. Осень 1513 г. была свидѣтельницей паники, охватившей французовъ, пораженія въ «битвѣ шпоръ», взятія самимъ Генрихомъ Турне и Теруэня, страшнаго пораженія шотландскаго войска при Флодденѣ.

Іаковъ IV палъ на полѣ битвы, оставивъ послѣ себя несовершеннолѣтняго наслѣдника и вдову Маргариту Тюдоръ. Шотландія вынуждена была подчиниться мирному договору, и надолго стала мѣстомъ искуснаго пользованія внутренними шотландскими неурядицами — «игры на ней точно на скрипкѣ», по выраженію Дакра—съ цѣлью положить конецъ всякимъ опасностямъ съ этой стороны. Очень удачной политической комбинаціей, достигнутой послѣ тайныхъ переговоровъ, считался миръ, заключенный съ Франціей въ 1514 г., и не

только миръ, но и почетный союзъ, установленный бракомъ Людовика XII съ сестрой Генриха Маріей. Правда, ей было только 17 лѣтъ, а ему около 60; но смерть, послѣдовавшая черезъ три мѣсяца послѣ брака, скоро возвратила ей свободу.—Со вступленіемъ на престолъ Франциска I и началомъ управленія Карла Испаніей и Нидерландами историческая сцена нѣсколько мѣняетъ своихъ актеровъ, и трое знаменитые современника вступаютъ между собою въ историческое соперничество. Но если борьба между Франциском и Карломъ являлась неизбѣжной и находила, такъ сказать, свое оправданіе, то трудно понять вмѣшательство въ нее со стороны Генриха. Руководящій мотивъ для ея объясненія хотѣли видѣть то въ желаніи его выступить защитникомъ папства, то въ неусыпной заботѣ его о политическомъ равновѣсіи. Но мотивы эти недостаточны для объясненія. Его отношенія къ Франціи принимали различныя формы, начиная отъ подозрительности и интриги и доходя до открытой борьбы, въ то время какъ торговые интересы и здравый смыслъ заставляли его держаться союза съ Карломъ. Знаменитая встрѣча французскаго и англійскаго королей при «The Field of the cloth of Gold» въ 1520 г. въ высшей степени характерна для своего времени по своей чудовищной пышности, по своему бездушному лицемѣрію и наглой дипломатической лжи. Непосредственно передъ встрѣчей съ «своимъ французскимъ братомъ», Генрихъ увѣрялъ въ дружбѣ императора при личномъ свиданіи съ послѣднимъ; а послѣ встрѣчи онъ тотчасъ же отправился на свиданіе съ императоромъ въ Гравелинъ. Францискъ очень хорошо зналъ, что его обманываютъ самымъ постыднымъ образомъ; Генрихъ же въ свою очередь зналъ, что его поведеніе остается небезъизвѣстнымъ для Франциска. И однако этотъ возмутительный фарсъ, разорившій многихъ дворянъ той и другой страны, подъ личиною лицемѣрія былъ разыгранъ до конца. Въ 1523 г. Франція, ослабленная въ Италіи, угрожаемая императоромъ и швейцарцами съ трехъ сторонъ, представляла всѣ данныя для того, чтобы стать жертвою военнаго разгрома. Выдающійся родовитый французъ, конетабль Бурбонъ, предложилъ свой мечъ къ услугамъ враговъ ея. Но, какъ еще было подмѣчено проницательнымъ геніемъ Макіавелли, Францію такъ же легко завоевать, какъ и трудно удержать за собою. Одинъ взрывъ народнаго энтузіазма—и отъ владычества всѣхъ ея враговъ не останется и слѣда; такъ что, когда великая ея армія потерпѣла пораженіе, а король былъ взятъ въ плѣнъ при Павіи въ 1525 г. и Франція, казалось, снова была во власти своихъ враговъ, Генрихъ призадумался надъ своей первой вспышкой злобы, вызванной желаніемъ мести и кончилъ тѣмъ, что заключилъ договоръ съ регентшей Луизой Савойской. Этотъ договоръ былъ возобновленъ въ 1527 г. и скрѣпленъ былъ французскимъ бракомъ принцессы Маріи. Нѣтъ сомнѣнія, что Генрихъ очень не-

охотно содѣйствовалъ дальнѣйшему росту могущества Карла. Кромѣ того, онъ началъ приготовляться къ измѣненію своей иностранной политики, которая была неизбѣжнымъ слѣдствіемъ его развода съ Екатериной. Этотъ вопросъ о разводѣ и послѣдовавшее за нимъ охлажденіе въ отношеніяхъ съ Карломъ объясняютъ тотъ фактъ, что начиная съ этого времени и почти до конца царствованія Генрихъ не велъ ни одной войны съ Франціей. Въ 1538 г. Іаковъ V шотландскій, посредствомъ своего брака, распространилъ вліяніе Гизовъ на свою страну и, благодаря этому вліянію и поощренію со стороны папы, онъ, въ 1542 г., совершилъ внезапное нападеніе на Англію. Дѣло кончилось побѣдою англичанъ при Сольвей Моссъ и смертью шотландскаго короля. Нападенія шотландцевъ всегда сопровождались разрывомъ съ Франціей, и въ 1544 г. Генрихъ напалъ на нее, овладѣлъ Булонью, которая оставалась подъ владычествомъ англичанъ до 1550 года.

Внѣшняя политика Вольсея.

Брьюеръ (Brewer) утверждалъ, что вся эта агрессивная внѣшняя политика должна была вывести Англію изъ ея островного уединенія и возвести съ положенія третьестепеннаго государства на степень первоклассной державы—вершительницы судебъ христіанскаго міра. Въ одномъ остроумномъ французскомъ маскарадѣ, на которомъ присутствовалъ и Вольсей, истинное положеніе дѣлъ было гораздо вѣрнѣе очерчено, когда Англія была представлена въ видѣ человѣка, расплачивающагося за чужія удовольствія (*„paying the piper“*). Гораздо правильнѣе было называть Англію уравнительницею, а не вершительницей судебъ. Ни въ ея интересахъ, ни въ обиліи денежныхъ рессурсовъ нельзя найти оправданія вмѣшательству Англіи въ споръ двухъ державъ, изъ которыхъ каждая обладала и болѣе многочисленнымъ населеніемъ, и болѣе крупными доходами, и болѣе прочной организаціей и наконецъ болѣе сильной дѣйствующей арміей. Между тѣмъ эта политика отклоняла ее отъ ея жизненнаго дѣла, сдѣлавшаяся задачей послѣдующихъ 80 лѣтъ, и заключавшагося въ сохраненіи благопріятнаго для себя нейтралитета со стороны Шотландіи, въ умиротвореніи Ирландіи и въ окончательномъ объединеніи съ Валлисомъ. Въ высшей степени важной и крайне настоятельной задачей для Англіи временъ Тюдоровъ было также созданіе дѣйствительнаго флота, для котораго то немногое, что было сдѣлано, вызвано было случайнымъ интересомъ короля къ своему адмиралтейству (построенъ былъ «Великій Гарри»). Ближайшимъ результатомъ такой политики было появленіе добавочной статьи для финансовой расточительности этого наиболѣе расточительнаго царствованія въ англійской исторіи. Едва-ли можно отрицать, что управленіе Вольсея со стороны его внѣшней политики было дорого стоющимъ, опаснымъ и безплоднымъ, хотя съ виду и энергично дѣятельнымъ.

Однако, безъ сомнѣнія, Вольсей былъ великій человѣкъ. Его адми-

нистративныя способности снискали ему вліятельное положеніе не только въ глазахъ народа, но и въ совѣтахъ Европы. Хотя его выдающіяся способности и были признаны, однако вполнѣ справедливая оцѣнка его личности не была и не могла быть сдѣлана до послѣдняго времени. Только благодаря тому, что открытъ былъ доступъ къ нашимъ собственнымъ и иностраннымъ архивамъ, намъ можно было составить себѣ точное представленіе о смѣлости и широтѣ его задачъ, ясности и здравой практичности его самыхъ отвлеченныхъ идей, о его невѣроятной энергіи, о замѣчательной способности постигать дѣло во всѣхъ его деталяхъ. «Наводя на всѣхъ страхъ, онъ очень немногими или вѣрнѣе ни кѣмъ не былъ любимъ»—такова его характеристика, сдѣланная однимъ знаменитымъ современникомъ. Люди науки, нуждающіеся, вдвойнѣ ненавидѣли этого кардинала, интересы котораго имѣли частью практическій характеръ, а громадныя богатства отдавались на служеніе обширному практическому плану. Вольсей «былъ высокомѣренъ и суровъ съ тѣми, которые не любили его». Но сквозь всю брань и поношенія, которымъ онъ подвергался со стороны своихъ враговъ, не исключая язвительныхъ виршей Скельтона, пробивалось чувство невольнаго удивленія передъ его геніемъ. Онъ вовсе не былъ чуждъ пороковъ своего времени; напротивъ, они ему были вполнѣ присущи—и вульгарное чванство, и высокомѣріе, и нетерпимость, и неразборчивость въ средствахъ, и нравственная распущенность въ частной жизни. Онъ содержалъ до 800 человѣкъ домашней челяди, имѣлъ цѣлую свиту, съ серебряными щитами и сѣкирами, одновременно управлялъ тремя епископствами и однимъ изъ богатѣйшихъ аббатствъ, топталъ ногами представителей родовитаго дворянства, обманывалъ пословъ, наконецъ имѣлъ незаконнаго сына, которому, не стѣсняясь, покровительствовалъ—все это такія черты, которыя можно было встрѣтить и у предшественниковъ Вольсея и которыя вообще не составляли рѣдкости въ жизни духовныхъ лицъ, какую бы высокую ступень іерархической лѣстницы они ни занимали. Но недостатки, которые должны быть поставлены ему въ вину съ чисто исторической точки зрѣнія, заключались въ неправильной оцѣнкѣ условій мѣста и времени, среди которыхъ приходилось дѣйствовать ему и его царственному господину. Онъ былъ болѣе благоразуменъ, нежели проницателенъ; онъ сознавалъ необходимость церковной реформы, но не предвидѣлъ скораго и неизбѣжнаго наступленія Реформаціи. Онъ видѣлъ, что страна требовала введенія строгой законности, что угасающій феодальный духъ долженъ окончательно исчезнуть, что въ судахъ должна быть утверждена справедливая юрисдикція, что Парламентъ не обнаруживалъ расположенія быть лишь послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства; но что ускользнуло отъ его взора—такъ это та особая черта общественнаго настроенія, когда на-

Характеръ и стремленія Вольсея.

родъ враждебно относится даже къ благодѣяніямъ, разъ они навязываются ему извнѣ, когда онъ готовъ терпѣть деспотическаго монарха, но не деспота-министра. Точно также онъ видѣлъ, что королевская власть являлась воплощеніемъ всей націи; что слава и воля короля являлись въ сущности славою и волею народа; но онъ не сумѣлъ предвидѣть, какъ легко и съ какой жестокой безсердечностью король въ одну минуту удалитъ своего слугу, осмѣлившагося ему противорѣчить или переставшаго только быть для него полезнымъ. Вольсей былъ послѣднимъ средневѣковымъ министромъ — послѣднимъ, заключившимъ собою длинный рядъ восходящихъ до Дунстана именъ—Лафранка и Рожера Салисбюри, Бекета и Лангтона, Арунделя и Бофора, а также Фокса и Варгама—этихъ типичныхъ представителей средневѣковой идеи Церкви-Государства. Вмѣстѣ съ нимъ пала и англійская средневѣковая церковь, которая въ продолженіе двухъ съ половиною столѣтій обладала слишкомъ большими средствами и привилегіями, чтобы страшиться постоянныхъ нападокъ, направленныхъ противъ нея, которая была слишкомъ сильной, чтобы не устоять противъ нихъ и, можетъ быть, слишкомъ ужъ развращенной и ультрамонтанской, чтобы заставить ее реформироваться иными мѣрами, кромѣ сильнодѣйствующихъ.

Конституція при Генрихѣ VIII.

А. Гассалля.

Съ 1485 по 1529 годъ, годъ возобновленія парламента, страна въ теченіе долгаго времени управлялась безъ парламента. Правда, пока первымъ министромъ Генриха VII оставался архіепископъ Мортонъ, являвшійся представителемъ ланкастерскихъ традицій, парламентъ созывался шесть разъ въ первыя 12 лѣтъ царствованія этого короля. Но преемниками Мортона усвоена была іоркская политика, продолжавшаяся до 1529 года. Главнымъ представителемъ этой политики былъ Вольсей. Послѣдній никакъ ужъ не можетъ быть названъ конституціоннымъ министромъ. И Генрихъ VII, и Генрихъ VIII все-таки сохраняли внѣшнія конституціонныя формы, хотя и старались пользоваться ими ради собственныхъ цѣлей. Напротивъ, Вольсей не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на конституціонныя формы. За все время своего пребыванія въ должности министра, онъ одинъ только разъ созвалъ парламентъ, да и съ тѣмъ все время ссорился.

Не ранѣе какъ послѣ восьмилѣтняго промежутка, въ 1523 г.

нужда, вызванная войной съ Франціей, заставила Генриха созвать парламентъ. Стеченіе различныхъ обстоятельствъ позволяло Вольсею управлять страною, не прибѣгая къ парламентскимъ собраніямъ. Мирная внѣшняя политика Генриха VII, соединенная съ обычнымъ его скряжничествомъ, облегчила этотъ путь для его сына. Затѣмъ непомѣрное возрастаніе королевскихъ имѣній, право назначенія на духовныя должности и обыкновенные доходы—все это ставило Генриха VIII въ положеніе совершенной независимости отъ парламента. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы Генрихъ VIII удовлетворялся своими личными доходами и пользовался бы невозбранно правомъ производить поборы съ богачей, онъ продолжалъ бы большую часть своего царствованія управлять страною безъ помощи парламента и сталъ бы въ сущности абсолютнымъ монархомъ. Чтобы правильно оцѣнить положеніе, принятое Вольсеемъ по отношенію къ парламенту, и опасность, возникавшую изъ его антиконституціонныхъ взглядовъ, должно быть установлено ясное различіе между постоянными и конституціонными источниками дохода короля и доходами, не освященными конституціей. Постоянные и конституціонные источники доходовъ короля въ дѣйствительности были очень значительны. Первымъ же парламентомъ, собравшимся въ его царствованіе, за нимъ было признано право на пожизненное пользованіе корабельной и таможенными пошлинами, денежными сборами съ шерсти, шерстяныхъ издѣлій и кожъ. Затѣмъ онъ успѣлъ добиться одобренія парламента на полученіе разныхъ другихъ доходовъ, составлявшихъ изрядную сумму и, собиравшихся передъ экспедиціями 1512 и 1513 гг. и во время военныхъ приготовленій въ 1523, 1539, 1543 гг. Къ тому же и соборы духовныхъ лицъ вотировали налоги въ должномъ соотвѣтствіи съ тѣми, которые устанавливались парламентомъ. Кромѣ этихъ конституціонныхъ налоговъ, король могъ время отъ времени обращать къ добровольнымъ, дружескимъ приношеніямъ подобно тѣмъ, которыя онъ пытался собирать въ 1525 г., къ громаднымъ принудительнымъ займамъ 1522—28 гг., къ поборамъ съ духовенства, къ суммамъ, конфискованнымъ по какому нибудь случаю, а въ послѣдніе годы царствованія и прямо къ грабежу. Изъ этихъ противоконституціонныхъ способовъ собиранія денежныхъ средствъ наиболѣе тягостными были займы, которые никогда не возвращались, и сборы, вымогавшіеся подъ видомъ добровольныхъ приношеній.

Вольсей и парламентъ.

Доходы короны.

Только такими принудительными займами и «добровольными приношеніями» собирались суммы, необходимыя для веденія войнъ. Прибѣгая къ такимъ пріемамъ добыванія денегъ, Генрихъ и Вольсей слѣдовали только примѣру своихъ предшественниковъ. Ричардъ II, напр., пользовался принудительными займами и продажей грамотъ; эти мѣры—самыя худшія въ его царствованіе и схожія съ подоб-

Добровольныя приношенія (Benevolences).

ными же актами Эдуарда II—были настолько непопулярны, что ближайшіе преемники не рѣшались уже прибѣгать къ нимъ; и только въ 1473 году Эдуардъ IV началъ собирать такимъ путемъ деньги подъ совсѣмъ несоотвѣтствующимъ имъ названіемъ добровольныхъ приношеній; къ этому же способу онъ вторично обратился въ 1482 г. для полученія денегъ на Шотландскую войну. Сборъ добровольныхъ приношеній разсматривался какъ нововведеніе и какъ новое средство незаконнаго обложенія. Но Эдуардъ IV пользовался популярностью и обнаруживалъ замѣчательныя финансовыя способности въ изысканіи путей, которыми онъ добывалъ и вымогалъ отъ своихъ подданныхъ эти добровольныя приношенія; несмотря на это, обладая громадными средствами, благодаря парламентскимъ постановленіямъ и своей личной предпріимчивости, онъ не имѣлъ никакихъ оправданій для подобнаго рода денежныхъ сборовъ.

Хотя парламентъ въ 1484 году призналъ незаконнымъ этотъ сборъ якобы добровольныхъ приношеній, но Ричардъ III не хотѣлъ отказаться отъ столь удобнаго способа добыванія денегъ. Несмотря на противозаконность этого способа, Генрихъ VII продолжалъ прибѣгать къ нему для пріобрѣтенія денегъ, да и сынъ его, какъ уже было замѣчено, слѣдовалъ по стопамъ своего отца.

Значеніе этихъ добровольныхъ приношеній будетъ сразу понятно, если припомнить, что «они установлены были съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы дать возможность монарху управлять, не прибѣгая къ содѣйствію и помощи парламента—этого высшаго хранителя національной свободы». Становилось вполнѣ возможнымъ, что Генрихъ VIII, облеченный безграничной властью вымогать деньги отъ богатыхъ, превратится въ абсолютнаго монарха континентальнаго типа. Но эти «добровольныя приношенія» были всегда непопулярны и сборъ ихъ требовалъ особеннаго такта. Мятежъ въ Аквартѣ въ 1492 г. по всей вѣроятности и былъ вызванъ насильственнымъ сборомъ этихъ приношеній въ предшествующемъ году.

Въ то же время сборы эти достигали громадной суммы, отъ которой король не желалъ отказаться. Въ 1495 г. парламентъ провелъ законъ, уполномочивающій корону силою собирать—въ случаѣ надобности подвергая даже тюремному заключенію—платежи съ тѣхъ лицъ, которыя дали обѣщаніе уплатить деньги въ 1491 г. и не исполнили его. Понятно, что при болѣе прочномъ положеніи и большей популярности Генриха VIII сравнительно съ Генрихомъ VII, Вольсей широко воспользовался системой добровольныхъ приношеній; и мы не видимъ, чтобы онъ на первое время встрѣтилъ какое нибудь значительное сопротивленіе. При Тюдорахъ, пока этого рода налогъ падалъ всею тяжестью на богатые классы, онъ не вызывалъ никакой ненависти со стороны низшихъ сословій. Если бы Генрихъ VIII и Вольсей воздерживались отъ войнъ и заморскихъ экспе-

диціи, то вполнѣ возможно, что невозбранное право короля на это вымогательство денегъ въ совокупности съ его личными доходами сдѣлали бы его совершенно независимымъ отъ парламента. Очень схожи съ этими сборами были принудительные займы—займы безъ процентовъ. Хотя именно при Генрихѣ VIII узаконено было взиманіе процентовъ, въ концѣ царствованія принудительные займы были истиннымъ бѣдствіемъ, потому что король подъ разными предлогами уклонялся отъ ихъ возврата. Королева Елизавета была гораздо честнѣе, ей и займы эти давались очень охотно.—Но вотъ наступило время затрудненій для Вольсея: тяжесть налоговъ стала невыносимой, королевскіе расходы росли, обычные доходы короля оказались крайне недостаточными въ виду стремленія его дать Англіи выдающееся положеніе въ области европейской политики. Расходы на кампанію 1522 г., предпринятую противъ Франціи, покрыть оказалось очень трудно и пришлось прибѣгнуть къ созыву парламента. Такимъ образомъ расточительность короля, честолюбивая внѣшняя политика въ связи съ обезцѣненіемъ денегъ, вызваннымъ притокомъ драгоцѣнныхъ металловъ въ Европу изъ испанскихъ колоній въ Америкѣ, заставили Вольсея покинуть его систему внутренняго управленія и покориться необходимости обратиться къ парламенту.

Парламентъ 1523 г.

Сдѣлавшись канцлеромъ въ 1515 году, Вольсей принялъ на себя полную отвѣтственность за всѣ отрасли государственнаго управленія и внесъ нѣкоторый порядокъ въ финансы. Онъ надѣялся обойтись безъ помощи парламента, но громадные расходы, вызванныя французской экспедиціей, и долги короля — это такіе вопросы, рѣшить которые совершенно самостоятельно не могъ даже такой человѣкъ, какъ Вольсей, вообще не любившій обращаться за совѣтами къ кому-бы то ни было. Въ апрѣлѣ 1523 года былъ открытъ парламентъ. Положеніе, занятое Вольсеемъ по отношенію къ этому памятному парламенту, рѣшительно доказываетъ, что онъ не обращалъ никакого вниманія на конституціонныя формы и не придавалъ никакого значенія прецедентамъ. Онъ полагалъ, что единственной задачей парламента, разъ ужъ онъ былъ созванъ, было удовлетвореніе денежнымъ нуждамъ короля. Не такъ однако думали представители общинъ; всѣ дѣйствія этого парламента и характеръ рѣчи, которою Вольсей закрылъ его засѣданія, свидѣтельствуютъ о существованіи новаго духа, совершенно неизвѣстнаго въ предшествующее царствованіе. Знаменитый анекдотъ о поведеніи Мора въ роли спикера,—достовѣренъ онъ или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ прекрасно характеризуетъ настроеніе, господствовавшее въ Палатѣ общинъ. Разсказываютъ, что когда кардиналъ появился въ Палатѣ и, послѣ произнесенія длинной рѣчи, въ которой указывалось на необходимость денежной субсидіи, началъ спрашивать мнѣнія по этому вопросу у разныхъ депутатовъ, послѣдніе «отвѣчали ему упорнымъ и рѣши-

тельнымъ молчаніемъ. Когда онъ по этому поводу обратился къ спикеру, то Моръ, колѣнопреклоненный, объяснилъ молчаніе членовъ Палаты тѣмъ, что они, смущенные необычнымъ присутствіемъ среди нихъ кардинала, желали показать, что удовлетвореніе его требованій было бы и неудобно и несогласно съ старинными привилегіями парламента». Эта защита парламентскихъ привилегій явилась совершенной неожиданностью, и «кардиналъ крайне недовольный серомъ Томасомъ Моромъ, и тѣмъ, что парламентъ не удовлетворилъ его желаній, быстро всталъ и удалился». Эта исторія очень характерна для пониманія Вольсеемъ роли парламента въ конституціи и обязанностей его членовъ.

Такъ какъ главная цѣль созыва парламента заключалась въ желаніи получить денежныя средства, то Вольсей и предложилъ ему вотировать субсидію въ 800,000 ф. стерл. Но увидѣвъ со стороны коммонеровъ слишкомъ холодное отношеніе къ его предложенію, онъ пытался запугать ихъ и уничтожить ихъ привилегіи. Вольсей однако не понималъ характера англійскаго народа; онъ ошибался, надѣясь по своему управлять парламентомъ и сдѣлать его «покорнымъ орудіемъ» королевскаго деспотизма. Парламентъ, правда, согласился выдать требуемую субсидію, но уплата ея должна была быть распредѣлена на четыре года. Но что еще болѣе знаменательно, такъ это то, что, отказываясь обсуждать вопросъ въ присутствіи Вольсея, члены парламента показали, что они не намѣрены подчиняться его диктаторскимъ стремленіямъ, и что если они чему нибудь подчиняются, то — таланту, способностямъ, но никакъ не силѣ. Въ концѣ концовъ Вольсей достигъ своей цѣли. Парламентъ вотировалъ субсидію, что вмѣстѣ съ займомъ, совершенномъ еще до созыва его, было, какъ полагали, достаточно для удовлетворенія нужды короля. При закрытіи засѣданій парламента Вольсей, въ качествѣ канцлера, благодарилъ отъ имени короля обѣ Палаты за ихъ согласіе: «Послѣ долгихъ переѣздовъ, сопряженныхъ съ громадными издержками и трудностями, послѣ усиленныхъ занятій и продолжительныхъ размышленій вы назначили почетную и дѣйствительно широкую помощь, которая вызвана потребностями войны, одновременно и наступательной и оборонительной, и которую вы предоставили по уполномочію и ради защиты подданныхъ этого государства въ распоряженіе его величества; Его Милость принимаетъ ее не только съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія и благодарности, но и свидѣтельствуетъ вамъ при этомъ свою сердечнѣйшую признательность. Въ то же время Его Милость увѣряетъ васъ, что ассигнованныя вами суммы и добровольныя пожертвованія будутъ мудро употреблены для защиты государства и васъ, его подданныхъ, для преслѣдованія и подавленія его враговъ, для водворенія въ немъ мира, возстановленія его правъ и устраненія всѣхъ тѣхъ несправедливостей, которыя были причинены

вамъ, его вѣрнымъ подданнымъ, въ предшествующее время». Въ этихъ заявленіяхъ правительство увѣряло парламентъ, что деньги будутъ употреблены только на государственныя цѣли, и признало тотъ принципъ, что король есть не болѣе какъ одна изъ составныхъ частей національнаго единства, на ряду съ лордами и коммонерами и что дѣло короля было въ тоже время и дѣло націи.

Все это дѣло является поразительнымъ образчикомъ ума и смѣлости Вольсея. Трудная финансовая задача была разрѣшена несмотря на упорную оппозицію какъ духовныхъ, такъ и мирянъ. Обложеніе было обременительно для всѣхъ; но фактъ, что отъ этого нисколько не пострадало народное благосостояніе, является достаточнымъ оправданіемъ того довѣрія, которымъ пользовался министръ и убѣдительнымъ доказательствомъ богатства и внутренней силы націи. Всю отвѣтственность за эти мѣры принималъ на себя Вольсей; Генрихъ VIII оставался на заднемъ планѣ, и въ то время, какъ Вольсей выжималъ у несговорчиваго парламента деньги, король цѣлые дни проводилъ на охотѣ. Лично Генрихъ VIII, безъ сомнѣнія, пользовался популярностью. Вольсей же занималъ невыгодное положеніе посредника между королемъ и его подданными; онъ былъ исполнителемъ всѣхъ непріятныхъ мѣропріятій и добровольно переносилъ ту ненависть, которую онъ навлекалъ на себя введеніемъ новыхъ налоговъ; Генрихъ же VIII безнаказанно расточалъ національныя средства для собственнаго удовольствія. Стремясь постоянно къ возвышенію престижа королевской власти, Вольсей этимъ самымъ создавалъ себѣ массу личныхъ непріятностей. Всякая суровая мѣра приписывалась ему; послѣдствія какого нибудь неудачнаго шага обрушивались на него же. На него смотрѣли какъ на ближайшаго совѣтника короля и считали отвѣтственнымъ за всю политику правительства. Этотъ господствовавшій въ народѣ взглядъ на роль Вольсея былъ совершенно правиленъ. Все время, пока кардиналъ оставался въ своей должности, Генрихъ, хотя въ критическихъ обстоятельствахъ всегда давалъ чувствовать свою волю, шелъ все еще ощупью и только еще предчувствовалъ то, что онъ впослѣдствіи могъ совершить. Все гражданское и духовное управленіе въ дѣйствительности сосредоточивалось въ рукахъ Вольсея. Хотя нація совершенно правильно оцѣнивала положеніе, занимаемое великимъ министромъ въ совѣтахъ страны, однако немногимъ было извѣстно, что онъ въ полномъ согласіи со всѣми желалъ мира. И ему и имъ ясно было, что континентальная война при данныхъ обстоятельствахъ была бы ошибкой, отъ которой пострадали бы земледѣліе, торговля и промышленность.

Займы и беневоленціи.

Разъ не оставалось никакой надежды получить въ будущемъ денежную поддержку со стороны парламента, прибыльный миръ являлся, очевидно, лучшей политикой. Налоги, хотя и охотно вотируемые, не легко однако было собирать. Недовольство было громадно, созва-

ніе новаго парламента считалось невозможнымъ; произвольный налогъ въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ вызвалъ бы сильное негодованіе. До дѣйствительнаго заключенія мира Вольсей чувствовалъ себя связаннымъ при собираніи денегъ, ибо плѣнъ Франциска въ Мадридѣ возбуждалъ въ Генрихѣ надежды на завоеванія во Франціи. Требовались ли деньги для войны или для дипломатическихъ сношеній,—и въ томъ и въ другомъ случаѣ успѣшный сборъ ихъ казался невѣроятнымъ. Въ этихъ крайнихъ обстоятельствахъ Вольсей прибѣгнулъ къ средству, которое давно уже было позабыто. Онъ объявилъ, что король рѣшился переправиться черезъ море и лично стать во главѣ арміи во Франціи. Для вооруженія короля онъ потребовалъ добровольнаго взноса, и въ 1525 году были назначены спеціальные чиновники въ каждомъ графствѣ для оцѣнки имущества, съ тѣмъ, чтобы «съ имущества каждаго одна шестая часть была уплачена безъ замедленія въ пользу короля, золотомъ или серебромъ, для надобностей предпринятой имъ войны». Эти добровольныя приношенія» вызвали цѣлую бурю негодованія; народъ поносилъ кардинала и жаловался, что не успѣлъ онъ еще выплатить субсидію, вотированную парламентомъ 1523 года, какъ становится жертвою новаго вымогательства. Духовенство также враждебно отнеслось къ этимъ поборамъ. Доказывали, что въ Англіи ощущался уже недостатокъ въ деньгахъ, что деньги были бы потрачены только на обогащеніе Франціи, что еслибы король завоевалъ Францію, то онъ потерялъ бы только и свое время, и свои доходы въ иностранномъ государствѣ.

Большая часть графствъ не обнаруживала никакой охоты давать деньги и дѣйствуя такъ, они черпали смѣлость въ упорномъ сопротивленіи, которое оказано было духовенствомъ и духовными орденами. Многіе надѣялись избѣжать необходимости уплаты денегъ, благодаря сопротивленію Лондона и другихъ мѣстъ; не было ни одного уголка, гдѣ бы требованіе короля вызвало что либо иное, кромѣ чувства неудовольствія. Стало очевиднымъ, что оппозиція распространившаяся по всей Англіи, приняла бы еще болѣе рѣзкій характеръ, если бы кардиналъ настоялъ на своемъ рѣшеніи собрать эти «дружескіе взносы». Поэтому спеціально учрежденная комиссія была уничтожена, и мысль собрать деньги путемъ пропорціональнаго обложенія имущества каждаго была оставлена. Когда кардиналъ объявилъ мэру и собранію гражданъ объ уничтоженіи комиссіи, то онъ увѣрялъ при этомъ, что король ничего не хотѣлъ отъ нихъ получить, кромѣ добровольнаго свободнаго дара. Но эта новая попытка добыть деньги встрѣтила столь же сильное сопротивленіе. Собравшись вторично, мэръ и граждане обнаружили уже бо́льшую смѣлость и одинъ изъ нихъ заявилъ, что, по статуту Ричарда III, требованіе добровольныхъ приношеній (benevolences) незаконно. Вольсей возражалъ на

это, что Ричардъ былъ узурпаторъ и убійца. «Пусть такъ, ваша милость,—отвѣчали ему,— но его время ознаменовалось и многими хорошими дѣяніями, совершенными не имъ однимъ, но въ согласіи съ представителями всего государства, составляющими парламентъ». Чувствуя себя такимъ образомъ сбитымъ съ занятой позиціи, Вольсей предоставилъ каждому «за себя опредѣлить размѣры денежнаго взноса».

Настроеніе въ другихъ частяхъ страны было не менѣе напряженное, чѣмъ въ Лондонѣ. Народное недовольство, еще болѣе воспламеняемое примѣромъ духовенства и Лондона и усиливаемое безтактнымъ поведеніемъ чиновниковъ-сборщиковъ, получило такой угрожающій характеръ, что рѣшительно нельзя было приступить къ сбору денегъ безъ риска вызвать очень серьезное возмущеніе. Одно время казалось, что въ восточныхъ графствахъ Англіи могли повториться сцены крестьянскаго возстанія, опустошавшаго тогда Германію. Эссексъ обнаруживалъ мало склонности къ удовлетворенію требованій королевскихъ агентовъ и вмѣстѣ съ Линкольнширомъ готовился слѣдовать примѣру Кембриджа, гдѣ граждане соединились съ университетомъ, чтобы оказать сопротивленія несправедливымъ притязаніямъ. Въ Суффолькѣ чиновникамъ-сборщикамъ грозили смертью; въ Норфолькѣ въ народѣ царило еще болѣе опасное возбужденіе. Когда въ Норвичѣ появился герцогъ для усмиренія мятежа, нѣкій Джонъ Гринъ, предводительствовавшій толпою гражданъ, обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью:

«Милордъ! Вы спрашиваете имя нашего предводителя; имя это— Нищета. Ибо она и сестра ея Нужда довели насъ до такихъ дѣйствій. Всѣ присутствующія здѣсь лица и еще гораздо большее ихъ число, присутствія которыхъ я не пожелалъ допустить, живутъ не самостоятельной жизнью, но по милости богатыхъ владѣльцевъ этого графства; мы получаемъ отъ нихъ за нашу работу столь ничтожное вознагражденіе, что его едва хватаетъ на самое необходимое; за это нищенское существованіе мы, наши жены и наши дѣти отдаемъ все свое время. А если бы случилось, что эти владѣльцы лишились бы возможности доставлять намъ и этотъ жалкій заработокъ, то намъ оставалось бы только умереть голодной смертью. И мы близки уже къ этому: суконщики увольняютъ массу рабочихъ; земледѣльцы отпускаютъ своихъ слугъ и покидаютъ свои хозяйства. Они говорятъ, что король предъявляетъ столь чрезмѣрныя требованія, что они не въ состояніи уже платить того, что они платили до сихъ поръ; намъ же остается жалкая смерть отъ нищеты».

Въ этихъ словахъ Дж. Грина ярко сказывается та соціальная эволюція, которую въ то время переживала Англія. Производство хлѣба становилось менѣе выгоднымъ, нежели производство шерсти; города богатѣли на счетъ селъ и деревень. Рядомъ съ возро-

станіемъ національнаго богатства Англіи мы наблюдаемъ фактъ сильной безработицы и серьезнаго недовольства среди народа. Нечего и говорить, что система добровольныхъ приношеній являлась мѣрой крайне противоконституціонной. Но слѣдуетъ замѣтить, что отказъ однихъ, недовольство другихъ, обнаруживавшіеся при сборѣ этихъ денегъ на нужды короля, объясняются не столько желаніемъ противиться антиконституціонному способу дѣйствій, сколько матеріальнымъ истощеніемъ, вызваннымъ войнами и вообще плохими временами.

Политика, опиравшаяся въ своихъ разсчетахъ на дружескія денежныя приношенія не Вольсеемъ, конечно, была выдумана. Король и его товарищи, поощрявшіе его расточительность, требовали войны; Вольсей желалъ мира и экономіи; Генрихъ мечталъ о завоеваніи Франціи; Вольсей ясно видѣлъ, что война съ Франціей была ошибкой, что истинные политическіе интересы Англіи требовали противодѣйствія съ ея стороны намѣреніямъ императора и что вся ея сила лежитъ въ нейтралитетѣ и союзѣ съ Франціей. Но проводя эту мудрую государственную политику, Вольсей становился въ противорѣчіе съ желаніями всей націи. Предпочтеніе, которое онъ оказывалъ дружбѣ съ Франціей передъ союзомъ съ императоромъ, дѣлало его все болѣе и болѣе непопулярнымъ во мнѣніи массы. Плохой урожай еще болѣе обострилъ недовольство, вызванное войной съ императоромъ, которая остановила торговлю и поставила въ крайне затруднительное положеніе купцовъ. Пусть забота Генриха о разводѣ заставила его искать сближенія съ Франціей, но все-таки самые чувствительные удары враждебной критики обрушивались на того же Вольсея, въ которомъ, по обыкновенію, видѣли главнаго вдохновителя всѣхъ поступковъ короля.

Вольсей и король.

Вся исторія съ дружескими приношеніями заслуживаетъ вниманія по многимъ причинамъ. Въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, Вольсей принималъ на себя отвѣтственность за политику, которой онъ въ дѣйствительности не сочувствовалъ и такимъ образомъ защищалъ короля отъ народной ненависти, всею тяжестью падавшей на него самого. Сознаніе имъ своей министерской отвѣтственности— явленіе болѣе свойственное 19 столѣтію, нежели 16-му. Съ другой стороны, эта исторія была первой непріятностью для Генриха. Съ этого времени въ Генрихѣ зародилась особенная ненависть къ духовенству, примѣръ независимости котораго былъ столь-же неожиданъ, сколько и рѣшителенъ для исхода всей исторіи. Эта же исторія послужила еще къ большему усиленію народной ненависти къ Вольсею, котораго несправедливо считали истиннымъ виновникомъ пресловутой комиссіи. Интересно также отмѣтить, что вопросъ о дружескихъ приношеніяхъ былъ снятъ съ очереди главнымъ образомъ вслѣдствіе сопротивленія, встрѣченнаго со стороны Кента. Это

графство всегда славилось независимостью духа. Тамъ еще живы были воспоминанія объ Уатѣ Тайлерѣ и Джакѣ Кодѣ (Jack Code); лишь только рѣшенъ былъ вопросъ о сборѣ денегъ, Кентъ сразу занялъ угрожающее положеніе по отношенію къ правительству. Между тѣмъ неудачный исходъ всей этой исторіи сдѣлалъ войну невозможной и помогъ Вольсею поддержать политику мира. Генрихъ VIII также убѣдился, что онъ ничего не выиграетъ отъ союза съ Карломъ V и потому согласился съ совѣтомъ Вольсея вступить въ мирныя отношенія съ Франциской. Въ 1527 году былъ подписанъ Амьенскій договоръ, и Англія и Франція снова стали союзниками.

Внутренняя политика Вольсея.

Вольсей теперь могъ обратиться къ внутреннимъ вопросамъ, требовавшимъ самаго пристальнаго вниманія. Недовольство царило среди рабочаго населенія, раздраженіе — среди торговцевъ. Возобновилась эпидемія. Народная ненависть противъ кардинала все усиливалась. Но Вольсей, ничѣмъ не смущаясь, принялся за дѣло проведенія необходимыхъ внутреннихъ реформъ. Съ 1515 года эти реформы оставались на заднемъ планѣ; все было заслонено внѣшней политикой, полной разныхъ случайностей и приключеній. Такъ какъ, по мнѣнію Вольсея, для успѣха этой политики требовалось сильное правительство внутри, то все клонилось имъ къ тому, чтобы возможно болѣе укрѣпить монархическую власть. Онъ не имѣлъ никакого понятія о сильной власти конституціоннаго типа. Онъ засталъ Англію въ эпоху политическаго, соціальнаго и умственнаго кризиса. Нація желала сильнаго правительства, способнаго прекратить анархію. Генрихъ VII создалъ сильную монархію, Вольсей далъ еще болѣе силы и могущества монархической власти. Взоры всего населенія были обращены на короля, и Вольсей, сознавая необходимость положительныхъ реформъ во внутреннихъ дѣлахъ, пришелъ къ убѣжденію, что единственно надежнымъ и достаточно сильнымъ орудіемъ для ихъ проведенія была королевская власть.

Сдѣлать это оружіе могучимъ и сильнымъ стало, поэтому, главной цѣлью; и содѣйствуя возвеличенію королевской власти, Вольсей оказывается въ полномъ согласіи съ общественнымъ настроеніемъ Англіи. «И въ добрѣ и въ злѣ, но Англія отождествлялась съ своимъ королемъ, и прошло много времени, пока это воззрѣніе уступило мѣсто другому». Хотя Вольсей стоялъ далеко выше своихъ преемниковъ, но, по своему взгляду на истинное положеніе англійской монархіи, онъ оказался ниже обоихъ Генриховъ и Кромвелля. Его ошибки и недостатки лишь рельефнѣе обозначили темпераментъ англійскаго народа и задачи, выдвинутыя той эпохой. Въ 1528 году, Вольсей началъ съ того, что, казалось, гарантировало ему успѣхъ въ проведеніи его внутренней политики,—съ уничтоженія нѣкоторыхъ мелкихъ религіозныхъ учрежденій; но въ 1529 году, прежде чѣмъ онъ успѣлъ завершить начатую великую религіозную революю-

цію, онъ палъ.—Исторія его министерской карьеры весьма поучительна и въ высшей степени важна съ точки зрѣнія англійской конституціи. Изучивъ ее, мы можемъ отмѣтить выдающіяся характерныя черты монархіи Тюдоровъ; мы при этомъ находимъ массу примѣровъ, убѣдительно доказывающихъ, что деспотизмъ Тюдоровъ существовалъ потому, что онъ былъ популяренъ, и что права парламента, даже въ самый деспотическій періодъ правленія Генриха, не были уничтожены, а обходились молчаніемъ.

Безъ сомнѣнія, Вольсей желалъ превратить парламентъ въ послушное орудіе королевскаго деспотизма. Его удивительная неудача съ парламентомъ 1523 г., а затѣмъ такая же неудача въ дѣлѣ дружескихъ и добровольныхъ приношеній 1525 года, должны были его убѣдить въ существованіи извѣстныхъ предѣловъ для монархической власти. Онъ придавалъ слишкомъ мало значенія силѣ конституціонныхъ формъ. Онъ думалъ найти въ парламентѣ духъ сервилизма, готовность подчиниться высокомѣрнымъ требованіямъ. Онъ воображалъ, что, хотя король могъ собирать деньги неконституціоннымъ путемъ посредствомъ обложенія богатыхъ гражданъ, нація охотно дастъ деньги на нужды короля, и было бы ошибочно ставить въ затруднительное положеніе главное ядро среднихъ классовъ возложеніемъ на нихъ однихъ увеличеннаго налогового бремени. Вольсей желалъ не только сдѣлать короля независимымъ отъ парламента, но и самъ хотѣлъ обходится безъ его помощи. Его попытка возвысить королевскую власть надъ властью парламента не имѣла успѣха только потому, что онъ не понялъ характера англійскаго народа. Его усилія собрать деньги въ 1525 году потерпѣли неудачу только потому, что онъ не замѣтилъ, что одинъ только король могъ дѣлать то, что ему нравилось, лишь бы онъ не требовалъ большихъ суммъ у среднихъ классовъ населенія. Онъ не понялъ настроенія народа, который предоставлялъ полную свободу дѣйствіямъ короля, пока послѣдній щадилъ его карманъ. Несмотря на свою энергію и смѣлость взглядовъ, Вольсей не могъ справиться съ средними классами населенія; послѣдніе вмѣстѣ съ парламентомъ воспользовались этой неудачей и ясно показали, что они не намѣрены становиться въ подчиненное положеніе. Министерство Вольсея существовало какъ разъ въ такой исключительный періодъ, когда для поддержанія порядка внутри и агрессивной политики извнѣ граждане примирились съ временной отсрочкой своихъ конституціонныхъ правъ и безконтрольностью правительственной дѣятельности. Однако, произвольные поборы не были налогами, королевскіе указы не были законами. Ошибка Вольсея послужила урокомъ Генриху VIII. Съ 1529 года начинается періодъ правленія съ помощью парламента. Генрихъ VIII, не желая повторять неудачной попытки Вольсея сдѣлать корону совершенно независимой отъ парламента, «заставилъ парламентъ стать

сознательнытъ орудіемъ королевской воли. Вольсей хотѣлъ уничтожить конституцію или, по крайней мѣрѣ, превратить ее въ пустую форму, лишенную всякаго содержанія; Генрихъ VIII такъ ловко манипулировалъ конституціонной машиной, что сдѣлалъ ее лишь новымъ источникомъ силы монархіи».

Управленіе парламентомъ.

Съ паденіемъ Вольсея началась дѣятельность парламента. Система парламентаризма проводилась подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Кромвелля, благодаря которому подчиненіе парламента королю было заранѣе обезпечено. Это было достигнуто такими способами, какъ прямое вмѣшательство въ выборы, подкупъ, созданіе гнилыхъ мѣстечекъ, вліяніе двора на членовъ Нижней Палаты. Новая политика сопровождалась блестящимъ успѣхомъ, и результатомъ ея было утвержденіе королевской власти на базисѣ «болѣе широкомъ и болѣе надежнымъ, чѣмъ тотъ, о которомъ мечталъ Вольсей».

Министерство Вольсея составляетъ періодъ, когда королевская власть была еще менѣе связана конституціонными ограниченіями, нежели въ предыдущее царствованіе. Въ его время стремленіе королевской власти при Эдуардѣ IV освободиться отъ всякой зависимости отъ парламента достигло своей кульминаціонной точки. Парламентъ, собравшійся въ 1523 году, нанесъ рѣшительный ударъ этой антиконституціонной системѣ, а съ паденіемъ и смертью Вольсея ей положенъ былъ конецъ. Однако не ранѣе какъ въ царствованіе Елисаветы парламентъ окончательно вышелъ изъ положенія пассивнаго подчиненія королевской власти. Деспотизмъ Тюдоровъ къ этому времени уже совершилъ свое дѣло: онъ являлся только средствомъ для достиженія опредѣленной цѣли, которая и была достигнута. Глубокое заблужденіе Вольсея состояло въ его взглядѣ на королевскій абсолютизмъ, какъ на самодовлѣющую цѣль, и въ непониманіи имъ того факта, что абсолютизмъ этотъ является лишь средствомъ къ достиженію дальнѣйшей цѣли. Какъ только Англія благополучно пережила политическую, соціальную и религіозную революцію, надобность въ деспотическомъ правленіи Тюдоровъ миновала. Вольсей былъ министромъ «великой переходной эпохи», и хотя его политика отличалась часто близорукостью, а финансовое управленіе мелочностью, онъ все-таки былъ слишкомъ крупной величиной, чтобъ служить простымъ орудіемъ въ рукахъ своего деспота-повелителя.

Новая эра въ области церковнаго и государственнаго управленія.

А. Л. Смита.

Съ паденіемъ Вольсея начинается новая эра не только въ исторіи англійской церкви, но и въ исторіи парламента, а вмѣстѣ съ тѣмъ

происходитъ перемѣна и въ личномъ характерѣ самого короля. Замѣчательно, что изданіе приказа о созывѣ парламента въ 1529 году всѣми принято было за начало паденія министра, который въ теченіе долгихъ лѣтъ своего могущества лишь одинъ разъ созывалъ парламентъ—въ 1523 году; это собраніе представителей народа онъ пытался, конечно, поставить въ подчиненное положеніе. Политика его заключалась или въ совершенномъ игнорированіи значенія парламента, или же въ управленіи имъ по своему произволу. Но, начиная съ 1529 года, король вскорѣ убѣдился, что гораздо и удобнѣе, и безопаснѣе, и благоразумнѣе управлять вмѣстѣ съ парламентомъ и, дѣйствуя на него подкупомъ и обманомъ, превратить его въ покорное орудіе для своихъ личныхъ цѣлей. Кромѣ того для него было ясно, что для того, чтобы обезпечить себѣ успѣхъ въ вопросѣ о разводѣ съ Екатериной и о бракѣ съ Анной Болейнъ, въ вопросѣ, который неизбѣжно велъ къ разрыву съ папствомъ, необходима была поддержка со стороны всей націи; а это, въ свою очередь, возможно было достигнуть, эксплуатируя свойственное англичанамъ чувство національной ненависти къ чужестранному монашеству, сопротивленіе котораго такимъ путемъ должно было быть окончательно сломлено. Первымъ шагомъ къ этому было провозглашеніе доктрины, выраженной въ старомъ статутѣ «Praemuniге». Эта доктрина, отрицающая всякую иностранную власть надъ англійской церковью и признающая полное подчиненіе духовныхъ судовъ высшей юрисдиціи короны, была уже подтверждена еще 1515 году въ извѣстномъ дѣлѣ доктора Стандиша. Въ Долгомъ парламентѣ эпохи реформаціи подъ вліяніемъ этой доктрины были подвергнуты сильнымъ нападкамъ церковныя злоупотребленія и ловкимъ пріемомъ королю удалось провести противъ нихъ нѣсколько биллей. Въ 1531 году король принудилъ духовенство уплатить штрафъ, наложенный съ соблюденіемъ внѣшнихъ законныхъ формъ, въ опредѣленной суммѣ (118,840 ф. 8 ш. 8 д.), и признать за собою титулъ «высшаго главы церкви послѣ Христа»; послѣднія слова, по глубокомысленному замѣчанію хитраго посланника императора Шапюи, были «пустой оговоркой». Въ 1532 году Генрихъ лично присутствуя и въ палатѣ лордовъ и въ палатѣ общинъ, заставилъ обѣ палаты принять билль, передающій доходы папы отъ назначенія епископовъ («first fruits») королю, а затѣмъ признать своимъ дѣломъ уничтоженіе духовной юрисдикціи, которую онъ захватилъ въ свои собственныя руки. Въ 1533 году Варгамъ и Моръ были замѣщены Кранмеромъ и Одлеемъ; Кромвелль сдѣлался первымъ министромъ; король успѣлъ тайно обвѣнчаться съ Анной; лорды перешли на сторону Болейновъ; и парламентъ вынужденъ былъ въ концѣ концовъ утвердить Statute of Appeals (Статутъ объ аппеляціяхъ). Такимъ образомъ, разрывъ съ Римомъ сталъ совершившимся фактомъ.—Впослѣдствіи парламенты обнаруживали

Разрывъ съ Римомъ.

подобное же рабское подчиненіе желаніямъ короля. Они позволяли ему уничтожать свои долговыя обязательства или возвращали ему уже уплоченные имъ долги; они санкціонировали его указы, придавая имъ силу законовъ; въ случаѣ же, если бы за ними отказались признать таковую, то они предоставляли самому королю озаботиться о должномъ ихъ примѣненіи;—это уже было со стороны парламентовъ полнымъ политическимъ и нравственнымъ самоубійствомъ. Они же узаконили заднимъ числомъ захватъ монастырей; они возвели на степень государственной измѣны отказъ отъ присяги, установленной въ Актѣ о престолонаслѣдіи, и предоставили самому королю установить формы этой присяги. Они пальцемъ не шевельнули, чтобы спасти Екатерину, Мора или Фишера, такъ же какъ не вмѣшивались въ судьбу Анны или Кромвеля. Они предоставили Генриху неслыханное право располагать короной по своему произволу. Они приняли въ 1536 году Статутъ о пользованіи (Uses), а въ 1540 г. Статутъ о завѣщаніяхъ—два статута, противъ которыхъ они протестовали еще въ 1532 году. Они падали ницъ при одномъ упоминаніи имени короля; проливали слезы умиленія при личномъ его обращеніи къ нимъ. Послѣ всего этого нѣтъ ничего удивительнаго, если нѣкоторые писатели утверждали, что во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ король руководился истинными желаніями націи, что предисловія къ тексту законовъ были лишь санкціей совершившихся фактовъ, что народъ самъ желалъ диктатора. Другіе представляли себѣ націю, какъ бы погруженной въ глубокій сонъ и пассивно подчиняющейся неясно сознаннымъ фактамъ, противъ воли навязаннымъ постановленіямъ, и въ тоже время запуганной, обманутой, одураченной хитро задуманнымъ планомъ крайне безсовѣстнаго и коварнаго деспота.

Въ дѣйствительности истина лежитъ между этими двумя крайними воззрѣніями. Конечно, болѣе точной и всесторонней оцѣнки этого періода можно ожидать только при дальнѣйшемъ и ближайшемъ ознакомленіи съ архивными данными, касающимися внѣшней и внутренней политики. Хотя, надо замѣтить, едва-ли въ этомъ отношеніи достижима однородность и полная объективность въ точкѣ зрѣнія, которая всегда будетъ отмѣчена печатью индивидуальности, обусловливаемой политическими и религіозными тенденціями того или иного изслѣдователя.

Томасъ Кромвель.

Подобно тому, какъ время до 1529 года связано съ именемъ Томаса Вольсея, такъ и періодъ отъ 1529—1540 года неразрывно связанъ съ именемъ Томаса Кромвеля. Если Шекспиръ въ своемъ драматическомъ изображеніи представилъ намъ паденіе министра и переходъ власти къ его добросовѣстному сопернику, какъ два непосредственно слѣдовавшихъ другъ за другомъ событія, то это лишь поэтическая вольность, не соотвѣтствующая дѣйствительности. Между опалой Вольсея и возвышеніемъ Кромвеля проходитъ промежутокъ

въ три съ половиною года. Слова Шапюи: «онъ (король) управляетъ всѣмъ» относятся къ концу 1533 года. Въ этотъ промежутокъ, такъ въ годы, предшествовавшіе возвышенію Вольсея и слѣдовавшіе за паденіемъ Кромвеля, господствовали знатные роды дворянъ, особенно Говарды, герцогъ Норфолькъ, графъ Уильтшайръ (Wiltshire), дядя и отецъ Анны Болейнъ. Но для того чтобы руководить политикой въ такое тревожное время, когда Генрихъ ожидалъ извнѣ нападенія Карла, а внутри—возстанія, нужны были не чванливые дворяне, а люди съ болѣе свѣтлыми головами, болѣе гибкими характерами. Въ это именно время выдвинулся человѣкъ, который, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 6 лѣтъ казался дѣйствительнымъ правителемъ Англіи; человѣкъ, прошлое котораго было несовсѣмъ обычно, и скрытный характеръ и цѣли котораго долгое время оставались тайной. То былъ Томасъ Кромвель—человѣкъ лѣтъ 48-ми. Онъ жилъ въ Италіи, въ этой школѣ куртизанства и политическаго коварства; служилъ тамъ простымъ солдатомъ, а затѣмъ сталъ клеркомъ; позднѣе, въ качествѣ купца онъ проживалъ во Фландріи, а съ 1513 года—въ Лондонѣ, гдѣ началъ заниматься юридической практикой. За годъ до паденія Вольсея онъ поступилъ къ нему на службу и взялъ на себя дѣло уничтоженія нѣкоторыхъ мелкихъ монастырей. Онъ до того проникся планами Вольсея, что поддержка его для послѣдняго стала необходимой; поэтому онъ дѣйствовалъ съ большой самоувѣренностью. Но весьма вѣроятно, что Кромвель велъ двойную игру. Съ одной стороны онъ старался пріобрѣсти милость короля, поощряя виды послѣдняго на богатство Вольсея, а съ другой хотѣлъ спасти жертву цѣной отобранія у него его бенефицій и коллегій, которыя тотъ намѣревался устроить. Онъ же, по разсказу кардинала Поля, слишкомъ искреннему и правдоподобному, чтобы его можно было отрицать, подалъ королю коварную мысль разрубить узелъ вопроса о разводѣ провозглашеніемъ самого себя главою церкви. Онъ хвастался Полю, что заимствовалъ свои политическія воззрѣнія не изъ утопій Платона, но изъ житейски-мудрой «безпощадной книги» Макіавели «Государь», получившей въ то время свою извѣстность. Его коварству обязаны тому, жаловались представители нижней палаты въ 1531 г., что міряне были исключены изъ амнистіи, дарованной духовенству. Онъ не только не имѣлъ соперниковъ, какъ смѣлый и оригинальный совѣтникъ, но и какъ авторитетный посредникъ; онъ же умѣлъ создавать искуснѣйшія финансовыя комбинаціи. Соединеніе столь разнообразныхъ качествъ сдѣлало его необходимымъ человѣкомъ и въ самое короткое время онъ прошелъ цѣлую іерархію должностей: члена тайнаго совѣта, хранителя коронныхъ брилліантовъ, секретаря казначейства, начальника караула, канцлера казначейства, государственнаго секретаря, хранителя государственной печати, главнаго инспектора монастырей;

наконецъ, въ 1534 году онъ сталъ намѣстникомъ короля во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, получивъ старшинство предъ всѣми прелатами и перами. На Кромвелѣ лежитъ непосредственная отвѣтственность за скандальныя пріемы уничтоженія монастырей и наказанія возмутившихся картезіанцевъ. По его совѣту, но съ одобренія короля, было куплено согласіе дворянства и джентри на массовый грабежъ. Онъ же руководилъ процессомъ и казнью Анны Болейнъ и позорнымъ преслѣдованіемъ принцессы Маріи. Вполнѣ понятнымъ становится послѣ этого, что «пилигримство Божіей милости» и возстанія Линкольншира и сѣвера были направлены противъ «низкаго кровожаднаго звѣря въ совѣтѣ короля» и что мятежники объявили его еретикомъ и измѣнникомъ.

Пилигримство Божіей Милости.

Что именно отличаетъ великое возстаніе 1536—3« гг. отъ другихъ подобныхъ движеній—это сложность его характера. Соединяя въ себѣ самыя разнообразныя теченія, оно въ одно и тоже время было аристократическое и народное, духовное и свѣтское, революціонное и консервативное, реакціонное и прогрессивное. На знамени его были написаны то политическіе, то религіозные, то аграрные интересы. Крики—«долой Кромвеля!» «долой земельныя огораживанія», вскорѣ перешли въ требованіи автономіи для Сѣвера, въ требованіе низложенія Генриха при помощи шотландцевъ и папы.

Предводителями этого движенія были все люди выдающіеся, хотя они являлись лишь выразителями глубокаго и злобнаго чувства недовольства организованной массы,—недовольства, никѣмъ не скрываемаго, такъ какъ у каждаго, къ какому бы общественному классу онъ не принадлежалъ, было достаточно поводовъ для его обнаруженія. Лорды негодовали противъ нововведеній и ихъ иниціаторовъ, которыхъ они презирали какъ людей низкаго происхожденія. Джентри возмущались новыми законами, запрещавшими, говорили они, оставлять что бы то ни было своимъ дочерямъ и младшимъ сыновьямъ. «Бѣдные поселяне» въ «огораживаніяхъ» видѣли причину повышенія ренты, упадка хозяйства, убыли населенія въ приходахъ. Сѣверяне не желали примириться съ все усиливающейся концентраціею законодательной дѣятельности въ Вестминстерѣ; они возмущены были разрушеніемъ аббатствъ, бывшихъ предметомъ ихъ гордости и глубокаго почитанія, доставлявшихъ ихъ сыновьямъ учителей, служившихъ мѣстомъ храненія ихъ состояній, центрами культуры и торговыхъ сношеній, гдѣ странствующій людъ всегда находилъ для себя гостепріимное убѣжище. Наконецъ, всѣ классы объединились въ одномъ чувствѣ ненависти противъ ереси.

Возстаніе въ Линкольширѣ.

Осенью 1536 года работали три комиссіи, каждая изъ которыхъ уже сама по себѣ могла бы вызвать возмущеніе; изъ нихъ одна занималась рѣшеніемъ вопроса о новомъ обложеніи, вторая—вопросомъ объ уничтоженіи монастырей, третья—вопросомъ о контролѣ

надъ приходскимъ духовенствомъ. Въ Лоутѣ, въ Линкольнширѣ, въ воскресенье 1-го октября 1536 г. народъ возсталъ подъ предводительствомъ «капитана Чеботаря» (Captain Cobbler); къ средѣ 4 октября все графство было уже охвачено мятежемъ. На знамени ихъ были изображены плугъ, чаша, святые дары и пять ранъ Христа. Во главѣ движенія стояли 700—800 викаріевъ и священниковъ, пославшихъ свои требованія королю въ Виндзоръ. Генрихъ поступилъ вполнѣ въ духѣ Тюдоровъ: лейтенантъ его, лордъ Шрюсбюри, былъ неустрашимъ, но у него было только 4000 человѣкъ. 6 октября 30000 мятежниковъ собрались у Линкольна. 11 октября королевское войско двинулось подъ начальствомъ герцога Суффолька. Къ этому времени мятежники уже начали расходиться за недостаткомъ провіанта; вмѣстѣ съ тѣмъ среди ихъ предводителей произошелъ расколъ. Дворяне (gentry) почти всѣ были перебиты духовенствомъ и поселянами. Въ пятницу, 13 числа, Суффолькъ вступилъ въ Линкольнъ, и мятежъ былъ подавленъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что письмо короля, прощающее всѣхъ, за исключеніемъ не многихъ зачинщиковъ, съ презрѣніемъ говорило о высокомѣріи «дерзкихъ поселянъ этого графства, самыхъ грубыхъ и жестокихъ во всемъ королевствѣ».

Возстаніе въ Іоркширѣ.

Вслѣдъ за симъ вспыхнуло возстаніе въ обширномъ графствѣ Іоркъ, и на этотъ разъ во главѣ выступилъ энергичный и умный Робертъ Аскъ (Aske). Отъ Гумбера до Твида разсылалъ онъ свои приказы точно король. 16 октября 40000 вооруженныхъ людей расположились внутри и вокругъ Іорка. Къ нимъ примкнулъ архіепископъ іоркскій. Такъ же поступилъ и лордъ Дарсей, глава мѣстнаго дворянства, имѣвшій за собой 60 лѣтній опытъ военной жизни. «Король сильно боится этого возстанія»,—писалъ ему его секретарь. Единственные крупные дворяне, оставшіеся вѣрными королю были Клиффорды и Дакры. Въ Донкастерѣ почти восьмитысячный королевскій отрядъ отдѣленъ былъ только разлившейся рѣкой отъ 30000-ной массы мятежниковъ, представлявшихъ собою «рослыхъ, стройныхъ и хорошо вооруженныхъ всадниковъ». Отъ гражданской войны спасло Англію главнымъ образомъ благородная вѣра предводителей возстанія въ правоту своего собственнаго дѣла и въ справедливость короля.

Усмиреніе мятежа.

Норфолькъ согласился на предложенныя повстанцами условія. Они послали своихъ депутатовъ къ королю, которые были совсѣмъ очарованы его кроткими словами. Онъ обѣщалъ въ декабрѣ всеобщую амнистію, сѣверянамъ—парламентъ, засѣдающій въ Іоркѣ и (какъ одинаково думали Норфолькъ и Дарсей) нѣкоторыя уступки ихъ требованіямъ. Нельзя не обратить вниманія на то, что народныя жалобы (на огораживанія полей, штрафы, поборы) получили нѣкоторое удовлетвореніе. Но онъ не хотѣлъ сдѣлать ни малѣйшаго шага въ

смыслѣ удовлетворенія реакціоннымъ стремленіямъ духовенства и дворянъ. Послѣ этого на сѣверѣ были расквартированы королевскіе гарнизоны и вновь была принята присяга на вѣрность. Но нѣсколько новыхъ вспышекъ въ январѣ и февралѣ 1537 г. послужили поводомъ къ аресту вожаковъ прежняго возстанія.

Совѣтники короля знали, что шотландскій король замышлялъ нападеніе; а Реджинальдъ Поль изъ Фландріи велъ сношенія съ недовольными элементами въ Англіи. Поэтому местью надъ предательски арестованными хотѣли дать устрашающій примѣръ другимъ. Впрочемъ массоваго кровопролитія не совершили. Наказаніе постигло лишь самыхъ главныхъ участниковъ. Изъ линкольнширскихъ повстанцевъ были казнены лордъ Гуссей, аббатъ шотландской церкви (Kirkstead) и семнадцать другихъ. Изъ сѣверянъ были осуждены 16 человѣкъ; Дарсей былъ обезглавленъ; Перси былъ повѣшенъ рядомъ съ пятью дворянами и аббатами Фонтеня и Жерво, леди Бульмеръ была сожжена на кострѣ. Аскъ и Констебль возились на показъ по восточнымъ графствамъ и были повѣшены въ цѣпяхъ, первый—въ Іоркѣ, второй—въ Гуллѣ. Взрывъ гнѣва, обнаруженнаго Дарсеемъ на судѣ («Ты, Кромвель, являешься причиной этого возстанія... Я вѣрю, что прежде, чѣмъ ты умрешь, найдется настолько благородный человѣкъ, чтобы отрубить тебѣ голову»), показалъ, какъ велика была злоба дворянъ. Пламенныя надежды Поля и гнѣвныя рѣчи сѣверныхъ священниковъ показываютъ ожесточенную ярость духовенства.

Значеніе возстанія.

Ни дворянство, ни духовенство не могли предупредить движенія, которое вело собственно къ уничтоженію ихъ вліянія. Съ точки зрѣнія чисто народныхъ интересовъ это замѣчательное движеніе дало положительные результаты, все значеніе которыхъ должно было сказаться въ будущемъ. Въ смѣлыхъ жалобахъ Аска, въ «страшныхъ крикахъ» «простолюдиновъ» мы уже слышимъ слабый лепетъ того могучаго голоса народа, передъ которымъ, столѣтіе спустя, навсегда пало сооруженное Тюдорами зданіе абсолютизма.

Между тѣмъ Кромвель сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ одну должность за другой: онъ былъ лордомъ-хранителемъ печати, барономъ Кромвелемъ, кавалеромъ ордена Подвязки, деканомъ Уельса, пребендаріемъ Сарума, смотрителемъ лѣсныхъ имѣній къ сѣверу отъ Трента, капитаномъ Карисбрука, констеблемъ Лидса. Онъ получалъ доходы съ четырехъ крупныхъ монастырей.

Однако, когда часъ его вліянія пробилъ, паденіе его было и болѣе неожиданно и еще болѣе унизительно, чѣмъ паденіе Вольсея. Даже въ зенитѣ своего могущества онъ долженъ былъ выносить крайне оскорбительныя выходки со стороны короля. Роковая ошибка Кромвеля заключалась въ томъ, что онъ хотѣлъ играть роль ментора короля, вмѣсто чтобы быть его скромнымъ слугою. Уже въ 1539

году принятіе «Акта Шести Статей»—было пораженіемъ политики, преслѣдуемой Кромвелемъ. Тѣмъ усердіемъ, съ которымъ онъ велъ переговоры для устройства брака Генриха съ Анною Клеве, онъ несомнѣнно стремился въ закрѣпленіе союза короля съ лютеранскими государями, и тѣмъ самымъ предупредить на будущее время отклоненіе англійской политики съ пути реформаціи. Съ свойственной характеру его злобнымъ издѣвательствомъ, Генрихъ продолжалъ осыпать своего министра разными почестями, когда у него уже вполнѣ созрѣло рѣшеніе погубить его; въ 1539 году онъ сдѣлалъ Кромвеля лордомъ каммергеромъ, и въ 1540—графомъ Эссексомъ. Король питалъ отвращеніе къ Аннѣ Клеве, «этой неуклюжей фландрской кобылѣ»; въ союзѣ съ лютеранами онъ больше не нуждался; защитивъ своего господина отъ страшной ненависти народа, Кромвель самъ сталъ ея жертвой; въ его услугахъ болѣе не нуждались, и потому паденіе его должно было совершиться съ такою же безпощадною жестокостью, съ какою онъ относился къ другимъ. Онъ былъ обвиненъ въ поступкахъ, совершенныхъ имъ будто бы безъ вѣдома короля и безъ суда осужденъ парламентомъ за государственную измѣну. Ему было отказано въ защитѣ, его прошеніе о помилованіи было оставлено безъ послѣдствій и 28 іюля 1540 года онъ былъ обезглавленъ.—Немногіе изъ англійскихъ министровъ превосходили Кромвеля своими дарованіями; едва ли кто изъ нихъ обладалъ болѣе обширной властью и столь рѣшительнымъ вліяніемъ, и навѣрное ужъ никто изъ нихъ не имѣлъ столь странной карьеры и такого загадочнаго характера. Этотъ «молотъ монаховъ», этотъ иконоборецъ и гонитель католической церкви не съумѣлъ все-таки внушить къ себѣ полнаго довѣрія со стороны протестантизма. Въ частной жизни онъ является противникомъ лютеранства; на эшафотѣ онъ объявилъ себя вѣрнымъ сыномъ католической церкви; въ своемъ завѣщаніи онъ отказалъ извѣстную сумму на мессы. Ходили даже такіе нелѣпые слухи, что онъ задумывалъ жениться на принцессѣ Маріи и захватить для себя королевскій тронъ. И за всѣмъ тѣмъ мы должны все-таки сознаться, что личность и судьба этого человѣка окружены для насъ необъяснимой тайной.

Паденіе Кромвеля.

Послѣ смерти Кромвеля не чувствовалось уже никакой надобности въ средостѣніи между оппозиціей и королемъ, такъ какъ никакой оппозиціи не существовало. Духовенство, лорды, коммонеры—у всѣхъ казалось, совершенно атрофировалась воля. Прекратилось даже вліяніе Говардовъ послѣ того какъ королева Екатерина Говардъ, уличенная въ 1542 году въ безнравственности, была осуждена на казнь съ тою же возмутительною поспѣшностью, какъ и многіе другіе. Эластическая теорія о «предполагаемой измѣнѣ» (constructive treason) уничтожила благодѣтельные результаты дѣятельности парламентовъ Плантагенетовъ. Теперь легко было распоряжаться жертвами дина-

Концентрація власти въ рукахъ короля.

стическихъ и личныхъ подозрѣній; де-ла Поль, обезглавленный въ 1513 году, и Эдуардъ Стаффордъ, герцогъ Букингамскій—въ 1521 г. были вѣроятными соперниками; Генрихъ Куртеней, маркизъ Экзетеръ происходили отъ Эдуарда IV; Маргарита, графиня Салисбюри, происходила отъ брата Эдуарда, Кларенса. Безпокойство, внушаемое этими родословными, разрѣшались эшафотомъ: въ 1539 г. пала голова маркиза, а въ 1541 году голова старой графини; даже Говарды не могли избѣгнуть общей участи: вслѣдствіе ложныхъ обвиненій герцогъ Норфолькъ и его сынъ графъ Сюррей были заключены въ тюрьму. Сюррей былъ повѣшенъ, а Норфолькъ былъ обязанъ своею жизнью только тому обстоятельству, что король умеръ какъ разъ въ утро того дня, когда должна была совершиться казнь.

Старая и новая аристократія.

Казалось бы, что всего этого было достаточно, чтобы устранить аристократію и заставить ее подчиниться. Но на ее дѣйствовали еще и подкупомъ. Такъ, напр., Брандонъ, герцогъ Суффолькъ, получилъ не менѣе тридцати пожалованій изъ монастырскихъ имѣній въ одномъ только графствѣ Линкольнширъ. Пожалованіями изъ конфискованныхъ церковныхъ имуществъ король создалъ новые аристократическіе роды. Руссель, Кавендишъ, Сеймуръ, Грей, Дудлей, Сидней, Сесиль, Гербертъ, Фитцвильямъ—таковы тѣ имена, которыя отнынѣ замѣнили собою имена Мортимеровъ, Богуновъ, Бигодовъ, Моубреевъ и Невилей среднихъ вѣковъ. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, вліяніе царствованія и личности Генриха VIII на историческія судьбы англійской націи было постояннымъ. Но не одною системою устрашенія и подкупа дѣйствовали Тюдоры для пріобрѣтенія прочнаго вліянія надъ крупными представителями англійской аристократіи. Государственные документы оставили намъ свидѣтельство о существованіи пестрой системы штрафовъ, ссудъ, займовъ, оффиціальныхъ сборовъ, при помощи которыхъ лорды и болѣе крупное провинціальное дворянство опутывались густою сѣтью всякихъ денежныхъ обязательствъ. И въ тотъ вѣкъ безразсудной расточительности и мотовства, когда происходили столь рѣзкія колебанія въ денежныхъ цѣнахъ и глубокія измѣненія въ условіяхъ экономической жизни, очень немногіе могли найдти выходъ изъ такого затруднительнаго положенія.

Король и народъ.

Что касается вопроса о томъ, какимъ образомъ удалось Тюдорамъ обезпечить себѣ покорность со стороны народа, то на него отвѣчали различно. Несомнѣнно, что прежде всего оно объясняется тѣмъ, что народъ горячо желалъ мира и порядка. Онъ еще не забылъ войны Бѣлой и Алой Розъ. Несомнѣнно также, что борьба и побѣды парламента XIV ст. были затемнены мракомъ временъ; притомъ же парламентъ своей позорною слабостью, обнаруженной имъ въ царствованіе Генриха VI, сильно дискредитировалъ себя въ глазахъ народа. Кромѣ того, народы континентальной Европы при переходѣ отъ фео-

дализма къ новому времени понимали безусловную необходимость въ сильной центральной власти, которая являлась бы надежнымъ оплотомъ въ этотъ переходный періодъ: въ Англіи начинали только чувствовать то, что уже испытали на себѣ Франція и Испанія. Но какъ бы справедливы ни были всѣ эти соображенія, остаются однако двѣ болѣе важныя причины разбираемаго нами явленія, которыя историками часто совершенно игнорируются. Первая заключается въ постоянныхъ опасеніяхъ и ожиданіяхъ возможныхъ нападеніяхъ на Англію со стороны Франціи и Шотландіи, а позднѣе и со стороны императора; вторая въ замѣчательной ловкости, съ какой Генрихъ фабриковалъ общественное мнѣніе. Остается только удивляться, съ какимъ искусствомъ успѣвалъ онъ своимъ личнымъ дѣйствіямъ придавать характеръ народныхъ рѣшеній. Впрочемъ, государственныя бумаги начинаютъ обнаруживать тѣ средства, при помощи которыхъ все это совершалось.

Статутъ о Пользованіи.

Онъ понималъ, и, можетъ быть, лучше всякаго другого, что въ примѣненіи своей власти онъ все-таки долженъ былъ считаться съ извѣстными границами, что духъ народной свободы лишь дремалъ, а не окончательно умеръ. Яркимъ примѣромъ этого является его отношеніе къ статутамъ о «Пользованіи» (uses) и завѣщаніяхъ. Первый изъ нихъ былъ введенъ въ 1531 году. Онъ представлялъ полную аналогію его церковнымъ реформамъ. Въ силу практики создавать «пользованія» поземельной собственностью для осуществленія справедливости, король терялъ налогъ съ наслѣдства имѣній точно также, какъ въ силу уплаты папѣ «аннатовъ» или «first fruits» (т. е. дохода съ вновь назначаемыхъ епископовъ) король терялъ пошлины при переходѣ эпархій отъ одного лица къ другому. Потому было необходимо подвергнуть право пользованія общей юрисдикціи, какъ была подчинена общему праву церковная юрисдикція. Кромѣ того было проведено, что «пользованіе» можетъ быть установлено только для половины помѣстья; другую половину получалъ законный наслѣдникъ—и такимъ образомъ король снова получилъ свои старые феодальные права. Это было великой соціальной и законодательной реформой, хорошо задуманной, но она, по словамъ Шапюи, вызвала сильное волненіе; люди вопили, что король захватываетъ половину земель каждаго. Король не принадлежалъ къ людямъ съ уступчивымъ характеромъ и на этотъ разъ право и здравый смыслъ были на его сторонѣ. Но онъ долженъ былъ отсрочить статутъ о пользованіи, а въ 1540 году «пилигриммы Божьей милости» вынудили у него статутъ о завѣщаніяхъ, который предоставлялъ ему гораздо меньше того, къ чему онъ стремился въ 1531 году.

Въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ царствованія Генрихъ болѣе, чѣмъ когда либо, былъ своимъ собственнымъ министромъ. Парламенты собирались рѣже, на менѣе продолжительныя сессіи, и явля-

лись еще болѣе, чѣмъ раньше, покорными орудіями короля. Популярность Генриха оставалась непоколебимой. Хищенія, отличавшія его церковную политику, продолжались по-прежнему. Часовни, госпитали, коллегіи и гильдіи подверглись ограбленію въ 1545 году. Оксфордскія и Кембриджскія коллегіи были временно закрыты и самое существованіе ихъ подвергалось большой опасности; планъ о созданіи новыхъ и болѣе прочныхъ учрежденій былъ простымъ обманомъ. Коллегіи Церкви Христовой, Оксфордская, Троицкая, Кембриджская были только осколками, оставшимися отъ общаго крушенія. Несмотря на пятнадцатилѣтній грабежъ, несмотря на всѣ эти «дружескія приношенія», беневоленціи, пенсіи, получаемыя изъ Франціи, этотъ король-грабитель, наслѣдовавшій громадныя сокровища, оставленныя Генрихомъ VII, кончилъ тѣмъ безразсуднымъ финансовымъ преступленіемъ, которое рѣдко практиковалось въ Англіи—систематическимъ ухудшеніямъ монеты.

Король и реформація.

Въ другихъ отношеніяхъ политика короля стремилась къ установленію неподвижнаго равновѣсія между «партіей слишкомъ торопливой» (rash party) и «партіей тяжелой на подъемъ» (dull party). Онъ сдѣлался «высшимъ главой церкви», но оставался и «защитникомъ вѣры». Съ женитьбой его на послѣдней женѣ, Екатеринѣ Парръ, протестанство получило преобладающее вліяніе при дворѣ; но если Латимеръ безнаказанно произносилъ свои откровенныя рѣчи, то за отрицаніе пресуществленія Анна Аскью была предана пыткѣ и сожжена на кострѣ.

Характеръ Генриха VIII.

Ни объ одномъ изъ англійскихъ королей въ теченіе тысячелѣтней исторіи приговоръ не составляется съ такими затрудненіями, какъ о Генрихѣ VIII. Идолъ народа въ первые годы своего царствованія, безспорный его владыка до конца дней своихъ, обращающійся къ нему съ недосягаемыхъ высотъ своихъ добродѣтелей, мудрости и власти, онъ способенъ вызвать въ нашихъ современникахъ одно только чувство глубокаго отвращенія, какъ чудовище эгоизма, жестокости и грубаго разврата. Дѣйствительно, это былъ человѣкъ мстительный, своевольный, чрезмѣрно расточительный, слабохарактерный; если онъ и не выдѣлялся среди другихъ современныхъ ему правителей глубиною разврата, то за то онъ всѣхъ поражалъ безстыдствомъ и откровенностью его; ему совершенно были чужды такія чувства, какъ благодарность, раскаяніе, сомнѣніе; напротивъ, самоувѣренность ни на минуту не покидала его—самоувѣренность и самообожаніе, являющіяся выдающимися чертами его характера. Не достаточнымъ, конечно, оправданіемъ для него будетъ указаніе на то обстоятельство, что это самообожаніе, въ связи съ абсолютной властью, сосредоточивавшейся въ его рукахъ, въ значительной мѣрѣ способствовало извращенію его личнаго характера. Фишеръ, бывшій совѣтникъ его отца, былъ и его совѣтникомъ; Моръ былъ однимъ

изъ его интимныхъ друзей. И именно послѣ ихъ смерти совершены Генрихомъ самыя ужасныя дѣянія: ложныя обвиненія противъ Анны, его бракъ, съ такимъ безсердечіемъ устраиваемый на другой же день послѣ казни Анны, жестокое обращеніе съ Кромвелемъ. Удивительнѣе всего то, что онъ оказывалъ неотразимое вліяніе на умъ, волю и чувство лучшихъ и величайшихъ людей своего времени. Надо замѣтить, что Генрихъ отличался образованностью и даже ученостью, разносторонностью своихъ интересовъ и знаній и обнаруживалъ глубокое пониманіе насущныхъ вопросовъ своего времени. На самомъ дѣлѣ онъ былъ человѣкъ съ выдающимися способностями, преимущественно практическаго характера. У него была своя вполнѣ ясная и опредѣленная точка зрѣнія на задачи истинной политики, которой онъ и держался до самаго конца, хотя бы ему для этого приходилось прибѣгать къ насилію или обману, жестокости или лихоимству. Моралистъ, теологъ, конституціоналистъ, конечно, осудятъ его. Но при произнесеніи общаго приговора исторіи нельзя упустить изъ виду, что многое изъ того, что онъ совершилъ, было результатомъ необходимости, много было и хорошаго и даже изъ причиненнаго имъ зла въ концѣ концовъ получились хорошія послѣдствія. Генрихъ VIII долженъ быть признанъ самымъ сильнымъ, самымъ способнымъ и наиболѣе выдающимся по своей рѣзко выраженной индивидуальности среди всѣхъ англійскихъ королей.

Перемѣна въ относительномъ положеніи классовъ.

Гассаля.

Въ царствованіе Генриха VIII тенденціи, получившія свое начало въ правленіе его отца, обозначились болѣе ярко и получили свое дальнѣйшее развитіе. Центръ тяжести въ великой государственной машинѣ постоянно перемѣщался. Генрихъ VIII добился и установилъ диктатуру; онъ все время старался установить равновѣсіе между церковью и государствомъ, между короной и сословіями гражданъ, идя при этомъ путемъ, проложеннымъ еще Генрихомъ VII.

Духовенство, находившееся уже въ зависимости отъ короны, самыми обстоятельствами вынуждено было дѣйствовать въ согласіи съ волей короля, не оказывая почти никакого сопротивленія возрастанію королевской власти. Но покорность не избавила духовенства отъ грабежа и потери своего политическаго вліянія. Уничтоживъ монастыри, Генрихъ тѣмъ самымъ выбросилъ изъ парламента почти $^2/_3$

духовныхъ бароновъ, что произвело коренное измѣненіе въ равновѣсіи силъ въ палатѣ лордовъ. Во время появленія Тюдоровъ церковь была единственной силой, съ успѣхомъ сопротивлявшейся коронѣ. Но затѣмъ, лишившись своей популярности, духовенство само вынуждено было искать союза съ королевской властью, а когда произошелъ разрывъ съ Римомъ, оно поняло, что всякая возможность къ возвращенію себѣ своей прежней независимости окончательно исчезла. Въ то же время духовенство не мало содѣйствовало развитію идеи монархической власти. Именно благодаря политикѣ самого духовенства королевская власть пріобрѣла въ глазахъ народа значеніе духовнаго авторитета, сохранивъ его за собою и тогда, когда король удалилъ отъ себя своихъ прежнихъ духовныхъ совѣтниковъ и измѣнилъ свои религіозные принципы. Королевская супрематія была окончательно установлена; Генрихъ VIII присвоилъ себѣ главенство надъ церковью; наряду съ этимъ нельзя было не замѣтить той перемѣны, которая совершалась исподоволь въ рядахъ самого духовенства. Послѣ разрыва съ Римомъ священниками и епископами часто бывали женатые люди, въ общемъ принадлежавшіе къ среднимъ классамъ, съ которыми ихъ связывали родственныя узы, которымъ они симпатизировали и въ средѣ которыхъ они черпали силу для своего вліянія. Такимъ образомъ во внѣшнихъ условіяхъ и внутреннемъ бытѣ духовенства совершилась цѣлая революція. Отнынѣ церковная власть изъ рукъ папы перешла къ коронѣ, должность епископа подчинена была королю, и церковь, потерявъ свою самостоятельность, попала въ положеніе полной зависимости, отъ которой она долгіе годы не могла освободиться; въ началѣ царствованія Генриха число духовныхъ перовъ доходило до 49, а послѣ уничтоженія монастырей число это понизилось до 26.

Старая аристократія.

Росту королевской власти болѣе, чѣмъ какое-либо другое обстоятельство, способствовала перемѣна въ положеніи аристократіи. Генрихъ VIII не нашелъ могущественныхъ бароновъ, которые могли бы ставить препятствія на его пути. Политика проскрипцій уничтожила опасные элементы старой аристократіи. Въ теченіе среднихъ вѣковъ англійскіе бароны несли на себѣ все бремя борьбы за свободу своей страны, и только безсиліе, обнаруженное ими послѣ войнъ обѣихъ Розъ, сдѣлало возможнымъ торжество монархическаго принципа. Нація, жаждавшая порядка и благоустроеннаго управленія, готова была предоставить высшіе классы произволу короля; и Генрихъ VII, пользуясь этимъ настроеніемъ, господствовавшимъ въ народныхъ массахъ, слѣдовалъ политикѣ уравненія классовыхъ привилегій. Его правительство, состоявшее по большей части изъ способныхъ чиновниковъ, пользовавшихся полнымъ его довѣріемъ, не вызывало необходимости исключенія изъ его состава представителей стараго дворянства; но положеніе послѣднихъ ничѣмъ не отличалось

отъ положенія, занимаемаго другими должностными лицами. Такимъ образомъ, ко времени вступленія на престолъ Генриха VIII, былое могущество старой аристократіи не имѣло уже никакого практическаго значенія.

Новая аристократія.

Неограниченное правленіе Генриха VII показало остававшейся еще кучкѣ феодальной аристократіи все безразсудство ихъ попытокъ къ сопротивленію; его политика, заключавшаяся въ стремленіи создать новую аристократію, вполнѣ была усвоена его сыномъ, который дѣйствовалъ въ этомъ направленіи съ еще большей энергіей. Исторія этой политики замѣщенія старой аристократіи новой служитъ прекрасной иллюстраціей для тѣхъ перемѣнъ, которыя имѣли мѣсто въ соціальной жизни. Въ теченіе своего царствованія Генрихъ имѣлъ много случаевъ, которыми онъ очень охотно пользовался, къ созданію новаго, вполнѣ зависимаго отъ него дворянства. Прерогативы короны были чрезвычайно велики; ея права на раздачу должностей и доходы—громадны. Уже въ одномъ непосредственномъ только вѣдѣніи короля находились «должности завѣдующихъ лѣсными имѣніями, замками, охотою, крѣпостями, рыбными ловлями и рудниками; сборщиковъ таможенныхъ пошлинъ въ различныхъ портахъ; назначеніе пословъ, раздача офицерскихъ патентовъ въ арміи и флотѣ». Путемъ казней и конфискацій имуществъ де-ла-Полей, Салисбюри, Эмпсоновъ, Дудлеевъ, коронныя земли, и безъ того уже пріумноженныя благодаря мятежамъ, происходившимъ въ царствованіе Генриха VII, значительно расширились; вмѣстѣ съ тѣмъ съ королевскими помѣстьями связывались многочисленныя прибыльныя должности, которыми король награждалъ своихъ любимцевъ. Кромѣ того, обширнѣйшія пространства земли стали достояніемъ короны послѣ паденія монастырей; большая часть этихъ земель попала въ руки приближенныхъ Генриха, который создалъ такимъ путемъ новую придворную аристократію, обязанную своимъ возвышеніемъ исключительно милости короля, но лишенную, пока онъ оставался живъ, какого бы то ни было активнаго участія въ политической жизни.

Единственнымъ средствомъ выдвинуться впередъ, въ первые годы царствованія, была личная служба королю. Вполнѣ точно установлено, что всѣ эти «Говарды, Брандоны, Джернингамы, Сидней, Плантагенеты, Фитцвильямы, Шерборны, Марней были королевскими сквайрами или рыцарями или принадлежали къ придворной свитѣ». Сообразно съ этимъ всѣ важнѣйшія должности въ различныхъ частяхъ государственнаго управленія, такъ же, какъ и въ арміи и флотѣ, замѣщались лицами, состоявшими на личной службѣ короля, являвшимися вѣрными слугами короны и столь же сильно заинтересованными въ расширеніи прерогативъ королевской власти, какъ и самъ король. Новая аристократія, такимъ образомъ, создавалась совершенно инымъ путемъ, чѣмъ старая феодальная, и вдохновлялась со-

вершенно иными чувствами. Послѣдняя вышла изъ рядовъ высшихъ общественныхъ классовъ; своимъ положеніемъ она была обязана, главнымъ образомъ, обширнымъ земельнымъ владѣніямъ; она зорко слѣдила за проявленіями королевской власти, отражая всякую ея попытку выйти изъ установленныхъ для нея границъ. Новое же дворянство, наоборотъ, вышло изъ низшихъ общественныхъ слоевъ; своимъ возвышеніемъ оно обязано было исключительно личнымъ заслугамъ, оказаннымъ имъ королю, которому оно выражало свою полную покорность. Оно не имѣло ни малѣйшаго сходства съ старымъ дворянствомъ, гордымъ «своимъ феодальнымъ величіемъ и пышностью своей обстановки». Личное дворянство, «обязанное своимъ рангомъ, доходами, значеніемъ, должностью—личнымъ услугамъ, оказаннымъ королю, обогащалось также при помощи опекъ, браковъ, конфискацій, занятія должностей управляющихъ королевскими имѣніями; усиливаясь безпрерывно на счетъ старыхъ аристократическихъ родовъ,—это дворянство рѣшительно всѣмъ было обязано королю».

Съ теченіемъ времени доступъ въ ряды дворянства былъ открытъ купцамъ, юристамъ, городскимъ судьямъ, фабрикантамъ—людямъ, которые, обладая вначалѣ незначительными состояніями, обогатились впослѣдствіи на счетъ конфискованной монастырской собственности. Такимъ образомъ, изъ рядовъ придворныхъ и среднихъ классовъ общества вышла аристократія, обязанная своимъ положеніемъ богатству или милости короля,—дворянство, которое долгіе годы оказывалось совершенно безсильнымъ противиться росту королевскаго абсолютизма.

Возвышеніе среднихъ классовъ.

Вытѣсненіе прежняго родового дворянства средними классами само по себѣ уже являлось обстоятельствомъ, способствовавшимъ перемѣщенію центра тяжести въ системѣ государственнаго управленія. Не происхожденіемъ, а богатствомъ создавалось теперь дворянство. Развитіе промышленности во многомъ было обязано Тюдорамъ. Генрихъ VII оказывалъ поддержку торговому классу; Генрихъ VIII продолжалъ ту же политику. Старое провинціальное дворянство, уже и безъ того истощаемое гражданскими войнами, было разорено еще болѣе расточительностью двора Генриха VIII. Запутываясь въ долгахъ, закладывая свои имѣнія, оно мало-по-малу вытѣснялось арендаторами земель и разбогатѣвшими купцами, которые сумѣли извлечь колоссальныя выгоды изъ открытія Новаго Свѣта, быстраго развитія торговли и распространенія привычекъ къ роскоши.

Въ то время какъ старая аристократія и провинціальное дворянство приходили въ упадокъ, утрачивая свои богатства и политическое вліяніе, средніе классы, при ихъ все усиливавшемся матеріальномъ благосостояніи и общественномъ значеніи, не могли, конечно, оставаться въ своемъ прежнемъ положеніи. Ихъ внутренней побудительной силой было ненасытное стремленіе къ матеріальному обо-

гащенію, которымъ они рѣшили превзойти всѣхъ остальныхъ. Эти новые люди «выслѣживали обнищавшихъ наслѣдниковъ (громкихъ титуловъ), они покупали опеки надъ дѣтьми благороднаго происхожденія» и устраивали браки между ними и своими дѣтьми. На аренду земель они смотрѣли, какъ на коммерческую спекуляцію; вся цѣль ихъ заключалась въ извлеченіи изъ земли возможно большаго дохода.—Съ этого времени степень общественнаго значенія и власти извѣстнаго класса людей измѣрялась высотою ихъ доходовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ земля быстро переходила изъ рукъ въ руки, и владѣльцами огромныхъ помѣстій стали исключительно разбогатѣвшіе купцы. Разграбленіе и уничтоженіе старыхъ феодальныхъ родовъ и монашескихъ орденовъ точно также, хотя и въ меньшей степени, благопріятно было и для положенія іоменовъ. Улучшенные способы обработки и огораживанія полей дали возможность фермерамъ болѣе выгодно обрабатывать свои поля, а прочная система приходскаго самоуправленія, введенная Тюдорами, открыла іоменамъ возможность принять активное участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Благосостояніе и появленіе большого числа мелкихъ собственниковъ было замѣчательной чертой въ общей физіономіи деревенской Англіи временъ Тюдоровъ; и въ царствованіе Генриха VIII общественное значеніе класса іоменовъ открыто было признано. Новоявленная порода маленькихъ, но предпріимчивыхъ «жадныхъ лендлордовъ» не пользовалась среди фермеровъ и земледѣльческихъ рабочихъ такою популярностью, какъ прежніе собственники земли. Однако ростъ новаго дворянства въ XVI ст. не пошатнулъ политическаго равновѣсія, такъ какъ онъ не устранилъ «іоменовъ или среднихъ людей, занимающихъ положеніе, промежуточное между дворяниномъ и половникомъ или крестьяниномъ». И тѣ и другіе уживались и благоденствовали бокъ-о-бокъ.

Новая аристократія и земля.

Всѣ эти перемѣны говорили въ пользу установленія строго-монархическаго режима. Страна требовала властной руки, которая могла бы провести ее чрезъ бури религіозной и аграрной революціи. Парламентъ готовъ былъ идти на встрѣчу желаніямъ короля, рискуя даже быть обвиненнымъ въ раболѣпствѣ. Отдавшіеся во власть одного чувства любостяжанія, не осмѣливающіеся выступить съ какими либо конституціонными ограниченіями по отношенію къ королевской власти, коммонеры новой формаціи не дѣлали ни малѣйшаго шага къ тому, чтобы занять освободившуюся послѣ феодальной аристократіи позицію относительно короля. Они были довольны уже и тѣмъ, что Генрихъ снисходительно выслушивалъ ихъ мнѣнія, если послѣднія соотвѣтствовали, конечно, его собственнымъ желаніямъ, и ихъ раболѣпство еще рѣзче подчеркивало то одностороннее перемѣщеніе центра тяжести, которое совершилось въ конституціонномъ строѣ Англіи. Въ сущности королевская власть стала неограничен-

Укрѣпленіе королевской власти.

ной. Феодализмъ былъ оттѣсненъ меркантильными вѣяніями. Составные элементы общества нашли для себя новый объединяющій принципъ. Весь строй соціальной жизни получилъ иное направленіе. Разрывъ съ Римомъ, по времени совпавшій съ соціальной и экономической эволюціей и въ свою очередь оказавшій значительное содѣйствіе утвержденію принципа монархическаго абсолютизма, создалъ тѣ благопріятныя исключительныя условія для короны, которыя дали ей возможность занять доминирующее положеніе и закрѣпить свое господство надъ всѣми остальными политическими силами страны. Въ это время уже не было тѣхъ гордыхъ бароновъ, которые могли бы королю стать поперекъ дороги; духовенство было беззащитно противъ его враждебныхъ нападковъ, а высшіе слои общества являлись предметомъ зависти со стороны ростущаго средняго сословія; коммонеры, лишенные возможности вести правильную парламентскую работу, благодаря полной политической апатіи, господствовавшей въ палатѣ лордовъ, занимались торговлей, и опасаясь возобновленія раздоровъ, вполнѣ удовлетворялись существовавшимъ положеніемъ дѣлъ. Земледѣльческое населеніе скорѣе возлагало всѣ свои надежды на короля, чѣмъ на лендлордовъ-эксплуататоровъ. Словомъ, всѣ общественные классы обращали свои взоры на короля, санкціонируя тѣмъ самымъ возвышеніе королевской власти.

Результатомъ всѣхъ этихъ перемѣнъ было то, что англійское общество временъ Генриха VIII приняло совершенно новую физіономію. Англійская аристократія измѣнилась кореннымъ образомъ. Не происхожденіе, а степень матеріальнаго богатства стало мѣриломъ политическаго значенія и принадлежности къ той или иной общественной группѣ; высшіе слои общества обнаружили полную готовность принять въ свою среду и ассимилировать низшіе элементы. Исчезла «анархическая автономія феодализма» и ея мѣсто заняли государственное единство и авторитетъ закона; словомъ произошла цѣлая революція, не оставившая нетронутымъ ни одинъ изъ устоевъ прежняго общественнаго строя.

За послѣднія сто лѣтъ колебанія въ равновѣсіи силъ государства были чрезвычайно рѣзки; чашка вѣсовъ наклонялась то въ сторону дворянства, то въ сторону короля. Съ теченіемъ времени новая аристократія должна была добиться независимости, а комонеры—занять прочное положеніе. Такимъ путемъ долженъ былъ создаться противовѣсъ слишкомъ высоко вознесшейся королевской власти съ тѣмъ, чтобы система политическаго равновѣсія была установлена на болѣе правильныхъ основаніяхъ.

Религія.

С. Раймонда Бизли.

Царствованіемъ Генриха VII, по мнѣнію нѣкоторыхъ, проведена та демаркаціонная линія, которая отдѣляетъ новую Англію отъ Англіи средневѣковой; но только при его сынѣ во всей полнотѣ обнаружилось это различіе двухъ эпохъ, ознаменовавшееся рѣзкимъ переходомъ отъ системы гражданскихъ правъ къ системѣ сильной центральной власти, отъ католицизма къ реформѣ какъ въ церкви, такъ и государствѣ.

Время отъ 1509—1529.

При вступленіи на престолъ Генриха VIII религія Англіи ничѣмъ почти не отличалась отъ религіи континента. Все латинское христіанство проходило черезъ стадію религіознаго упадка и не было въ силахъ реформировать церковь изнутри. Среди высшихъ классовъ господствовало язычество, отвѣчавшее требованіямъ ихъ житейской практики, а низшіе слои общества застыли какъ бы въ летаргіи религіознаго суевѣрія; таково было положеніе дѣлъ среди всѣхъ европейскихъ націй, за исключеніемъ развѣ Испаніи. Стимулы благочестія все болѣе и болѣе ограничивались страхомъ передъ смертью, адомъ и чистилищемъ. Джерсонъ, Сигизмундъ и Пій II тщетно пытались вновь призвать церковь къ жизни. По мнѣнію пессимистовъ, она подверглась общему параличу. Папство погрязло въ порокѣ и язычествѣ, а христіанство подчинялось его руководству. Торговля, наука, мореплаваніе — эти истинныя живыя силы вѣка — развивались, не нуждаясь въ религіозномъ импульсѣ всюду, опять таки исключая Испаніи.

Упадокъ религіознаго чувства.

Въ Англіи, какъ и на континентѣ, христіанство медленно шло къ упадку, нестолько вслѣдствіе извращенія истинныхъ началъ его, сколько вслѣдствіе общаго ослабленія религіозныхъ интересовъ. Система частныхъ часовенъ (chantry), торговля мессою, паденіе монастырей, позднѣйшая схоластика, глубокая пропасть между духовенствомъ и мірянами—все это, такъ или иначе, было явнымъ признакомъ упадка, хотя всесторонняя переработка церковной системы никогда не была столь широка, какъ въ то время. Со временъ Вальтера Мертона вся энергія религіозныхъ проповѣдниковъ была обращена на дѣло воспитанія. Даже епископы [1]) начали различать между

---

[1]) Фоксъ, Фишеръ, Ольдгамъ Экстерскій. Среди нихъ особенной извѣстностью пользуется Фишеръ, какъ истинный основатель, (съ помощью леди Маргариты, своей духовной дочери) коллегій Св. Іоанна и Христа въ Кембриджѣ и кафедръ богословія въ обоихъ университетахъ, онъ же первый ввелъ изученіе греческаго языка въ Кембриджѣ, начавъ въ преклонныхъ лѣтахъ самъ изучать его и обучать другихъ.

«учеными клерками» и «праздными монахами» и предпочитали, подобно Уикгаму, Уайнфлиту и Фоксу, основывать коллегіи, а не аббатства. Въ промежутокъ между 1399 и 1509 г. религіозныхъ учрежденій основано было всего восемь, тогда какъ воспитательныхъ и благотворительныхъ до 70; а число монастырей падало вмѣстѣ съ упадкомъ благочестія. Нѣсколько примѣровъ лучше всего уяснятъ положеніе дѣлъ. Обширный мужской монастырь въ Глочестерѣ, который въ 1267 г. вмѣщалъ въ своихъ стѣнахъ 40 обитателей, ко времени Вольсея имѣлъ ихъ всего 7. Тампліеры въ 1310 г. и иностранные монастыри въ 1314 г. тоже исчезли [1]). Система частныхъ часовенъ, почти неизвѣстная до Эдуарда I, вытѣснила кафедральную и приходскую систему, и размножившіеся, благодаря этому, священники, хотя и употреблялись иногда въ качествѣ помощниковъ викаріевъ, учителей мѣстныхъ школъ, наемныхъ проповѣдниковъ, могли однако существовать путемъ разныхъ злоупотребленій, противорѣчившихъ самымъ элементарнымъ правиламъ церковной жизни; они продавали Евхаристію всѣмъ тѣмъ, которые могли купить извѣстное число мессъ, въ которыхъ вымаливалось соотвѣтствующее цѣнѣ уменьшеніе срока пребыванія въ чистилищѣ; и хотя викаріи этихъ часовенъ могли сдѣлать и много хорошаго, а часовни—стать дополнительными учрежденіями къ приходскимъ церквамъ [2]), но стремленіе къ замѣнѣ правильной организаціи [3]) порядками исключительнаго характера, ко времени Вольсея зашло уже такъ далеко, что оно стало первымъ и очень удобнымъ объектомъ для нападокъ со стороны протестантизма. Однако этотъ исключительный порядокъ, установившійся въ религіозной сферѣ, держался не только благодаря разъ усвоенной практикѣ, но и потому, что отвѣчалъ крайней односторонности религіознаго настроенія. Мы, несомнѣнно, должны имѣть въ виду народную религію «не любви, а страха», съ ея картинами ада и вѣчнаго суда, съ пляской смерти, тѣлесными страданіями осужденнаго, если мы хотимъ понять напр., ужасъ Латимера при видѣ «мессы, угодницы дьявола—нашего стараго грабителя, чистилища, устранившаго Крестъ и Вечерю Господню».

Но для того чтобы получить ясное представленіе о состояніи религіи въ Англіи въ первую половину царствованія Генриха VIII (1509—29), въ эпоху политическаго могущества Вольсея, когда

---

[1]) Изъ 1200 монастырей, основанныхъ въ Англіи въ теченіе среднихъ вѣковъ передъ уничтоженіемъ ихъ Генрихомъ VIII оставалось около половины. Въ продолженіе 30 лѣтъ передъ 1509 годомъ не было основано ни одного монастыря.

[2]) Какъ въ соборѣ въ Іоркѣ, гдѣ Ричардъ III началъ строить капеллу для 100 священниковъ.

[3]) Какъ раньше—особенно отъ 11 до 13 вѣка—приходская система была замѣнена монастырями и нищенствующими монахами.

средневѣковая система существовала лишь по имени, мы должны ознакомиться не только съ картиной разложенія отжившаго міра, но и указать на признаки зарожденія новаго. Ибо исторически созданное христіанство старыхъ временъ не было уничтожено въ Англіи путемъ революціи, но *реформировано* и, какъ и на Континентѣ, религіозныя теченія пошли въ двухъ направленіяхъ—Протестантизма и католической Реакціи. Въ это время всеобщаго разложенія, упадка литературы и искусства существовала значительная партія искренныхъ консерваторовъ, вполнѣ готовыхъ взяться за дѣло внутренняго переустройства церкви, если бы она сдѣлалась разумной и активной въ силу рѣзкихъ нападеній на нее извнѣ.

1509—1529 г. „Консервативы".

1. Главная масса англійскаго народа все еще придерживалась своей средневѣковой вѣры въ той окончательной ея формѣ, какую она получила въ XIII столѣтіи, т. е. Символа вѣры, семи таинствъ, вѣры въ таинственное присутствіе Христа при мессѣ и въ главенство папы; словомъ, въ той формѣ, какъ она преподана была общею матерью—Римской церковью—«Mater et magistra omnium ecclesiarum urbis et orbis»; прерогативы папы тѣсно связаны были со всею религіозною системою, съ вѣрою въ то, что божественная воля обнаруживается въ разнообразныхъ матеріальныхъ проявленіяхъ[1]); все это въ совокупности составляло философію католицизма, сущность христіанскаго ученія того времени. Кромѣ всего этого, среди болѣе невѣжественной части населенія господствовали суевѣрія. Тому или иному святому, каждой иконѣ приписывалось свойство оказывать извѣстную милость, къ каждому дню пріурочивалась особая примѣта; противъ многихъ раздавались обвиненія за мысль, что тѣло Христово могло помѣщаться только въ *круглой* просфорѣ. Ученіе о таинствахъ, которымъ схоластики старались одухотворить начало божественнаго присутствія и которое включено было въ постановленія Латеранскаго собора 1215 года, еще не вполнѣ было усвоено многими, которые говорили языкомъ 11-го, а не 13 столѣтія[2]). Нѣкоторыя церемоніи во время Великаго поста и Страстной недѣли имѣли грубую матеріалистическую форму; вполнѣ естественно, если мракомъ средневѣковой эпохи была проникнута религія людей, для которыхъ непосильный трудъ былъ единственнымъ спасеніемъ отъ безъисходной нужды, которые вѣчно должны были пресмыкаться передъ лордами, какъ эти послѣдніе пресмыкались передъ деспотизмомъ новой мо-

Препятствія, встрѣчавшіеся консервативной церковной реформой.

---

[1]) Святыя мѣста, привлекающія пилигримовъ; освященныя вода и земля кладбищъ и торжественное обрядовое окропленіе, святые и ихъ реликвіи (мощи), посвященіе, какъ наслѣдіе апостоловъ, святыя слова, какъ производящія мистическія измѣненія *субстанціи* или сущности, какъ это происходитъ въ Евхаристіи.

[2]) Латеранскій соборъ 1059 года при Николаѣ II и его заявленія, что зубы вѣрующихъ грызутъ въ облаткѣ Евхаристіи Тѣло Христово.

нархіи. Отдѣльныя мѣстности сдѣлались особыми объектами поклоненія [1]), такъ сказать, особыми «складами власти церкви». Если только можно было собрать деньги для папскихъ построекъ въ Римѣ и для увеличенія папскихъ владѣній, давались индульгенціи на тысячи лѣтъ, избавленія отъ «той огненной печи, которая сожгла столько денегъ», а также и канонизаціи, экспектаціи (кандидатуры на имѣющія открыться мѣста священниковъ), соединенія нѣсколькихъ приходовъ въ однихъ рукахъ [2]), диспенсаціи (разрѣшенія), прощенія, юбилеи, реликвіи, скамьи для пиллигримовъ» и т. п. Такъ по крайней мѣрѣ, говорили горячіе евангелисты того времени.

Церковные суды, какъ препятствіе для реформы.

Но церковные суды и праздное и развращенное духовенство были самыми серьезными препятствіями, встрѣчавшимися на пути консервативной реформаціи, въ томъ видѣ, какъ представляетъ ее себѣ Вольсей и громадное число послѣдователей какъ стараго, такъ и новаго ученія [3]). «Не нуждаются ли въ исправленіи порядки нашихъ консисторій»? — спрашивалъ Латимеръ въ 1536 г. «Разбираютъ ли они дѣла лицъ, къ нимъ обращающихся, или вносятъ еще большій безпорядокъ и путаницу? Устраняютъ ли они зло или защищаютъ его? Если вѣрить тому, что говорятъ, то какъ мало было произнесено ими нелицепріятныхъ приговоровъ, свободныхъ отъ подкупа? А что сказать о епископскихъ консисторіяхъ? Что чаще имѣло въ нихъ мѣсто, примѣненіе ли законныхъ наказаній, или освобожденіе отъ нихъ за извѣстный выкупъ»?

«Такъ какъ сужденіе о безнравственныхъ проступкахъ не подлежало вѣдѣнію общаго права, то оно было предоставлено церковнымъ судамъ; послѣдніе именно стали ареной подкупа и разврата, съ которыми безуспѣшно боролись примасы, легаты, соборы, предпочитав-

---

[1]) Кромѣ извѣстнаго „жезла“ въ Бокслн и чудотворныхъ статуй и колодцевъ существовалъ святой терновникъ въ Гластонбюри, расцвѣтавшій на Рождество и Поясъ Св. Дѣвы въ Бретонѣ, помогавшій при родахъ. Ср. Adoracion of Images — Мора: „Мы всякому святому даемъ то ремесло, какое намъ вздумается: св. Людовикъ — лошадиный коваль, св. Ипполитъ—кузнецъ, св. Аполонія—зубы рветъ, св. Сифъ—помогаетъ женщинамъ искать ключи, св. Рокъ — исцѣляетъ болѣзни, и съ нами св. Севастьянъ. Нѣкоторые святые помогаютъ при болѣзни глазъ, другіе при болѣзни груди“... „Мы создали столько боговъ, сколько у насъ есть желательныхъ вещей“—прибавляетъ къ этому Эрзамъ. (Encom. Mor.).

[2]) Списокъ, составленный епископомъ Гибсономъ, 23 духовныхъ начала царствованія Генриха VIII; каждый изъ нихъ въ среднемъ имѣлъ 8 бенефицій.

[3]) Проповѣдь Колета предъ конвокаціей въ Кентербюри, декабрь 1512 г.: „Все зло въ церкви есть или плотская похоть, похоть глазъ или гордость жизни... Насъ волнуютъ ереси, но не столько, сколько негодная жизнь... Нужны не новые законы, а соблюденіе старыхъ... Начать должны епископы“.

шіе однако скорѣе примириться [1]) съ своей неудачей, нежели допустить вмѣшательство свѣтской власти». И далѣе [2]): «большинство лицъ, посвященныхъ въ духовный санъ, не заботятся о чистотѣ душъ, не считаютъ нужнымъ произносить проповѣди; вся ихъ духовная обязанность сводилась къ совершенію заупокойныхъ мессъ», и въ концѣ концовъ «вмѣсто того, чтобы служить образцомъ нравственной жизни, они, напротивъ, превосходили всѣхъ свободою нравовъ. Тѣмъ болѣе въ рядахъ низшаго духовенства, какъ и свѣтского общества, царили грубые пороки, которые не только не скрывались, но и не ставилось никакихъ границъ противъ дальнѣйшаго ихъ распространенія; высшее же духовенство, если и вело нравственно безупречную жизнь, но оно вынуждено было окружать себя пышностью и свѣтскимъ блескомъ. Такія духовныя лица, какъ Мортонъ и Вольсей, выдающіеся министры первыхъ Тюдоровъ, имѣли болѣе значеніе въ качествѣ государственныхъ людей, чѣмъ въ качествѣ пастырей; и постоянно ростущее предубѣжденіе англичанъ противъ клерикального управленія было такъ велико, что рѣзкое обличительное слово Латимера находило многихъ слушателей. «Всѣ эти свободные отъ своихъ священническихъ обязанностей прелаты.... слишкомъ свыклись съ требованіями свѣтской жизни, удобно устроились въ своихъ роскошныхъ домахъ, засѣдаютъ постоянно въ судахъ, стараются объ умноженіи своихъ доходовъ, пируютъ въ своихъ владѣніяхъ, принимаютъ на себя трудныя обязанности пословъ, озабочены благоустройствомъ своихъ замковъ и крѣпостей, бездѣльничаютъ въ своихъ помѣстьяхъ и не могутъ поэтому исполнять» своихъ прямыхъ обязанностей. «Иные заняты дѣлами короля, состоятъ послами, засѣдаютъ въ Тайномъ Совѣтѣ, иные засѣдаютъ въ судахъ, въ парламентѣ въ качествѣ духовныхъ лордовъ, служатъ управляющими монетнаго двора». «Съ тѣхъ поръ, какъ священники стали монетчиками»,—говоритъ одна сложившаяся поговорка,—«достоинство монеты ухудшилось». Нравственная сторона католической системы терялась въ заоблачныхъ высотахъ идеала, а раціональная сущность религіи, съ теченіемъ времени, стушевалась вслѣдствіе чрезмѣрнаго развитія ритуальной стороны. Латинскій языкъ, столь распространенный въ XIV вѣкѣ, сталъ исключительнымъ достояніемъ ученыхъ и духовныхъ въ XVI в. Не смотря на всю громадную важность воз-

---

[1]) Дѣло Гунна 1513—15 гг. и рѣшеніе короля: „Вы, духовные, дѣйствуете прямо противно словамъ вашихъ предшественниковъ, не имѣвшихъ другого главы, кромѣ Бога. Вы толкуете наши указы по своему произволу, но я никогда не соглашусь на это—также, какъ и мои предки". Съ другой стороны Варгамъ составилъ правила для реформы церковныхъ судовъ и въ 1518 г. созвалъ въ Ламбетѣ особый синодъ для разсужденія объ „устраненіи разныхъ злоупотребленій".

[2]) Стёббсъ, 111.

рожденія наукъ и оживленныхъ научныхъ сношеній между странами цивилизованнаго міра, крайніе консерваторы грозили въ сильной степени ослабить значеніе этого движенія, отказываясь воспользоваться добытыми уже результатами. Почти въ теченіе 1000 лѣтъ греческая философская мысль была извѣстна на Западѣ лишь въ латинскомъ переводѣ; но вотъ начинается непосредственное изученіе греческаго языка (какъ въ школѣ св. Павла, Колета), и его поспѣшили ославить, какъ опасное новшество: «Греческій языкъ—языкъ еретиковъ», говорили противники Колета, хотя онъ въ то же время былъ первоначальнымъ языкомъ мѣстной Римской церкви и на немъ написанъ ея служебникъ. Неразумный церковный консерватизмъ.

2. Но именно въ этомъ новомъ научномъ движеніи таился главный источникъ вѣры въ будущее. Христіанское общество не вполнѣ еще развратилось и не окончательно погибло, даже и послѣ Видѣнія Петра Пахаря и посѣщенія Мортономъ св. Альбана. Старая церковь нуждалась въ перестройкѣ, а не въ разрушеніи, и реформистскому движенію извнутри было положено начало такими людьми, какъ Оксфордскіе реформисты 1498 г.,—Колетомъ, Эразмомъ и Моромъ, которые, когда нужно было выступить на опредѣленный путь, сознательно вышли на путь консервативной реформы противъ революціи. Рѣчь Колета на соборѣ 1512 г., такъ же, какъ и его Оксфордскія лекціи [1]) 1497 г. и слово, произнесенное имъ при посвященіи Вольсея въ санъ кардинала, являются лучшими характеристиками того теченія, той партіи, которая, если такъ можно выразиться, спасла Церковь. Удержать католическую систему, придавъ ей болѣе раціоналистическій характеръ, сдѣлать ее пособницей всякого передового движенія въ обществѣ, — такова была ихъ политика! Они желали сохранить ее, соединивъ въ ней предусмотрительность съ способностью понимать окружающее. Реформаторы.

Но и среди тѣхъ, которые были искренними реформистами, существовали двѣ партіи. Одна, представителемъ которой являлся Эразмъ, главной своей цѣлью считала скорѣе науку, на религію же смотрѣла, какъ на средство. Другая, т. е. партія Варгама и Вольсея, Тунсталя, Колета и Мора, смотрѣла на религію, какъ на величайшую общественную силу, какъ на высшее человѣческое благо и надѣялась, что наука придастъ еще больше чистоты и внутренней силы вѣрѣ, составляющей базисъ національнаго характера. Изъ рядовъ послѣдней партіи вышли вожди католическаго возрожденія, а въ рядахъ первой партіи все болѣе и болѣе совершалось отклоненіе въ сторону открыто провозглашаемаго свободомыслія.

Но еще до этого сознательно опредѣленного движенія реформистовъ, были уже признаки, по которымъ можно было судить, что и

---

[1]) О посланіяхъ св. Павла.

Начатки стремленій къ церковной реформѣ.

при полномъ господствѣ средневѣковой системы пробивалось теченіе, шедшее на встрѣчу требованіямъ времени. Такъ, традиціонный латинскій языкъ гимновъ и пѣснопѣній былъ замѣненъ англійскимъ— первый сборникъ Уинкина Уорда былъ напечатанъ въ 1531 г.[1])— даже въ нѣкоторыхъ богослужебныхъ хорахъ; общеустановленные молитвенники были написаны «вполнѣ языкомъ черни» еще въ 1410 году и болѣе трети такихъ изданій было напечатано не позднѣе, какъ въ промежутокъ отъ 1520—47 гг. Только страхъ предъ лоллардизмомъ помѣшалъ появленію общепризнанной англійской библіи задолго до 1539 г. «Еще не далѣе, какъ лѣтъ 100 тому назадъ», говоритъ Кранмеръ въ своемъ предисловіи къ Великой Библіи этого года, «какъ Св. Писаніе не читалось еще на языкѣ, господствующемъ въ этомъ королевствѣ». Въ 1497 — 98 г. Колетъ читалъ на англійскомъ языкѣ посланія апостола Павла, останавливая вниманіе своихъ оксфордскихъ слушателей не на «мистическихъ толкованіяхъ», а на истинномъ смыслѣ и дѣйствительномъ значеніи словъ.

Но за всѣмъ тѣмъ церковь занимала очень выгодную позицію; никто такъ глубоко не проникалъ во всѣ стороны человѣческой жизни; съ своимъ 30.000-нымъ духовенствомъ, 8 тысячами церковныхъ приходовъ, 10 тысячами богоугодныхъ завѣденій, она обладала собственностью, равной $^1/_5$ части національнаго богатства и требовавшей цѣлой системы управленія; выбить ее изъ этой выгодной позиціи было дѣломъ очень труднымъ. Въ этомъ отношеніи не могли ничего сдѣлать даже пуритане.

Революціонеры.

3. Рядомъ съ слѣпой приверженностью къ старинѣ и съ новымъ ученіемъ, не проникнутымъ еще духомъ фанатизма, выступила на сцену и партія революціи. Въ эпоху Вольсея сторонники этой партіи не внушали еще никакихъ опасеній. Прежнее виклифское движеніе, грозное еще въ 1415 году, перестало дѣйствовать возбуждающимъ образомъ на отдѣльные классы или массу еще со времени царствованія Генриха VI. Въ первыя 40 лѣтъ правленія Тюдоровъ обнаруживалось еще мало признаковъ движенія въ сторону проте-

---

[1]) Ср. гимнъ:

Now make us joye in this feste
In quo Christus natus est
A patre unigenitus
Sing we to him and Say welcome
Veni, Rodemptor gentium.

Ср. стихъ при окропленіи святой водой, 1470 г.

Remember your promise, made in Baptism
A Christ's merciful bloodshedding
By the which most holy sprinkling,
Ye from all your sins have pardon.

стантизма [1]). Первые «лютеране» въ Оксфордѣ, Кембриджѣ и Лондонѣ очень часто отрекались отъ своихъ религіозныхъ вѣрованій или уѣзжали за море, и благоразумная мягкая политика Вольсея, Варгама и Тунсталя устранила опасность до того момента, когда правительство послѣ долгихъ усилій рѣшило наконецъ порвать всякія отношенія съ Римомъ и когда вѣра слѣдовала за тѣми измѣненіями, которыя совершались въ области политики. Но если лолларды и потерпѣли неудачу, то они все-же успѣли подготовить низшіе слои общества къ нѣкоторымъ серьезнымъ перемѣнамъ; правда, подготовили они народную массу не въ такой степени, чтобы она эти перемѣны заранѣе предвидѣла или сознательно способствовала ихъ наступленію, но они вселили въ ней настолько смѣлости, что она, не задумываясь, пошла по той дорогѣ, ступить на которую не рѣшились ни французы, ни испанцы. Съ каждымъ годомъ, всякій разъ, какъ группы лицъ «убѣгали съ корабля св. Петра», Англія какъ бы пробуждалась и находила себя все болѣе и болѣе протестантской. Первые пуритане искренно примкнули къ главной цѣли церковной революціи, совершенной Тюдорами—секуляризаціи церкви, подчиненія церкви государству—и такимъ путемъ въ значительной мѣрѣ достигли своихъ собственныхъ цѣлей, тогда какъ пресвитеріанскіе доктринеры [2]) временъ Елисаветы вызвали конфликтъ. Латимеръ не стремился, подобно Картрайту, замѣнить римскаго папу женевскимъ. «Онъ былъ занятъ подготовленіемъ евангелія, которое энергически проповѣдывалъ и распространялъ, какъ завѣщалъ намъ Господь нашъ».

Такимъ образомъ, консерваторы, реформисты и революціонеры не оставили нетронутой ни одной изъ сторонъ англійской религіи. Мы

---

[1]) До паденія Вольсея: 1) 2 мая 1511 г. шесть мужч. и 3 женщ. изъ Тентердена приведены къ Варгаму и отреклись. 2) въ маѣ, іюнѣ, іюлѣ, августѣ и октябрѣ того же года есть такія же замѣтки въ регистрахъ Фицджемса въ Лондонѣ, Никса въ Норвичѣ и Лонгланда въ Линкольнѣ, 3) въ мартѣ и апрѣлѣ 1512 г. Варгамъ настаивалъ, чтобы Вольсей очистилъ Оксфордъ, въ августѣ т. г. сожгли книги въ соборѣ св. Павла, 4) пять „извѣстныхъ“ лютеранъ переведены Вольсеемъ изъ Кембриджа въ Церковь Христову (Колл. Кардинала) въ Оксфордѣ въ 1523 г. 5) Новый Завѣтъ Тиндаля сожженъ въ Чипсайдѣ въ 1527 году. 6) Бильней и Артуръ отреклись предъ Тунсталемъ 27 ноября 1527 г., 7) въ 1528 году появилась Supplication of Beggars Симона Фишо. Лондонскіе протестанты учредили общество „Христіанское Братство“ съ центральнымъ комитетомъ и платными агентами для распространенія Новаго Завѣта и пр.

[2]) Старый государственный протестантизмъ отражается въ такой книгѣ, какъ „Апологія“ Іевеля, гдѣ говорится объ англійской церкви 1562 г., до возрожденія High church 1589—1640. Іевель, нападая на Трентскій соборъ, говоритъ: „мы (церковники) можемъ обсуждать наши бѣдствія. Но почему они исключаютъ христіанскихъ государей изъ своихъ соборовъ? Въ теченіе 500 лѣтъ только одинъ императоръ созывалъ церковные соборы“.

не принимаемъ въ счетъ придворныхъ и людей, равнодушныхъ къ религіознымъ вопросамъ, говоря о силахъ религіознаго движенія, хотя они въ значительной степени содѣйствовали этимъ силамъ. Ибо хотя Кромвель и Кранмеръ стали героями протестантизма, но ихъ миссія носила скорѣе государственный характеръ, чѣмъ проповѣдническій, не въ религіи была ихъ задача, а въ разрушеніи стараго строя и созиданіи новаго. Самая религія ихъ была дѣломъ государственнымъ, и хотя они занимали духовныя должности, но послѣднія не имѣли постояннаго и опредѣленнаго характера—«quamdiu se bene gesserint».

Болѣе политики, нежели доктринеры, реформисты, главная цѣль которыхъ заключалась въ борьбѣ за личную и общественную свободу, превратились со временемъ въ либераловъ 17 вѣка, какъ строгіе консерваторы превратилиеь въ приверженцевъ Рима въ 1570 году; подобно тому, какъ оксфордскіе реформисты создали Англиканскую церковь, такъ пуритане превратились въ конформистовъ и нонкорфомистовъ 1662 г. Протестантизмъ началъ съ того, что возсталъ противъ духа критики и свѣтскости, которыми проникнута была эпоха возрожденія, но дойдя въ послѣдовательномъ своемъ развитіи до состоянія войны съ католическимъ авторитетомъ, кончилъ тѣмъ, что на время и для опредѣленной цѣли заключилъ союзъ съ тѣмъ самымъ свободомыслiемъ, противъ котораго раньше такъ сильно возставалъ. Такимъ образомъ союзъ цивилизаціи съ христіанской вѣрой, который составлялъ цѣль стремленій консервативныхъ реформистовъ, былъ уничтоженъ раздорами въ средѣ самаго религіознаго міра; часто приверженцы новаго ученія оставались друзьями церкви и возсоздавали романскій и англиканскій католицизмъ, другая часть постепенно утрачивала всякій интересъ къ теологіи и отдавалась искусству, литературѣ и наукѣ. Но во времена Вольсея казалось, что новое ученіе будетъ скорѣе управлять латинскимъ христіанствомъ, чѣмъ возвратится въ лоно церкви.

Церковь и Государство до 1547 г.

Судьбы церкви и государства въ царствованіе Генриха VIII переплетаются между собою тѣснѣйшимъ образомъ. Никогда единеніе и зависимость между ними ни до, ни послѣ этого времени не были столь полны. Церковь—государство съ религіозной стороны превратилось въ государственную церковь, высшій департаментъ гражданскаго управленія короля—первосвященника. Лишь послѣ его смерти, и то только отчасти, религія медленно начинаетъ возвращать себѣ свою независимость.

Въ теченіе первыхъ двадцати лѣтъ своего царствованія онъ еще продолжаетъ систему своего отца. Вольсей, этотъ величайшій изъ государственныхъ людей церкви, является послѣдователемъ Мортона и Фокса. Самъ король въ области церкви является наиболѣе смѣлымъ новаторомъ, чѣмъ какой бы то ни было изъ Тюдоровъ до него,

и съ ревностнымъ усердіемъ изучалъ ту теологическую систему [1]), которая предполагалась извѣстной и покровительствуемой Юліемъ II и Львомъ X. Антиклерикальныя чувства явно не обнаруживались, но агитація въ пользу секуляризаціи церкви, особенно ясно выраженная въ эпохи парламентовъ 1395, 1404 и 1410 гг., не возобновлялась уже со времени Генриха V. Движеніе лоллардовъ умерло отъ внутренняго истощенія. Поэтому оффиціальная исторія церкви въ царствованіе Генриха VII не заключаетъ въ себѣ сообщеній о судахъ надъ еретиками. Она повѣствуетъ лишь объ ограниченіи права церковнаго убѣжища и церковной юрисдикціи, объ усиленіи власти, предоставленной епископу надъ церковными преступниками, и о робкой попыткѣ кардинала Мортона — являвшаго въ этомъ отношеніи предшественникомъ Вольсея—къ ревизіи и реформѣ монастырей.

Въ первые шесть лѣтъ новаго царствованія хранителемъ большой печати былъ Варгамъ, пятый изъ епископовъ—канцлеровъ времени Тюдоровъ, архіепископъ Эразма, Гросина и Колета; Гольбейнъ появился въ Ламбетѣ съ рекомендательнымъ письмомъ Эразма и онъ нарисовалъ портретъ примаса; для Варгама, говорили, всѣ люди были братья по стремленію къ знанію; онъ дѣлалъ между ними различіе только по отношенію къ христіанству, дѣля ихъ на враговъ и друзей христіанскаго ученія. Но онъ все-таки годится больше на роль надзирателя надъ школьниками, чѣмъ на роль руководителя церковной и государственной политики; и дѣйствительно между 1513 и 1515 г. бразды правленія ускользаютъ изъ его рукъ и переходятъ къ Томасу Вольсею, когда то бывшему юнымъ баккалавромъ коллегіи Магдалины, а теперь кардиналу архіепископу Іоркскому, который въ качествѣ канцлера и легата a latere, сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ духовную и свѣтскую власть Англіи и сдѣлался такимъ образомъ центральной фигурой послѣднихъ дней стараго режима.

Позднѣйшіе партизаны, съ ихъ дѣленіемъ міра на благочестивыхъ и на папистовъ, не въ силахъ были понять ни положенія, занятого Вольсеемъ, ни его цѣлей. Его войны и интриги, его налоги и роскошь, которою онъ окружалъ себя, его связи съ Римомъ, его посягательство на папскую тіару, его всеобъемлющая власть въ Англіи, по разнымъ причинамъ возбудили противъ него реформистскую партію въ религіи, либеральную въ политикѣ и господствующую партію въ Ломбардъ-стритъ. Онъ хотѣлъ работать, говорили они, въ интересахъ короля лишь до тѣхъ поръ, пока не добился бы хорошаго состоянія для себя и своего господина, и затѣмъ, если бы ему это удалось, перебѣжалъ бы на сторону папскаго двора,

---

[1]) Онъ въ 1521 г., повидимому, при помощи Вольсея, написалъ: „Assertion of the Seven Sacraments“. Любимымъ его авторомъ былъ св. Ѳома.

чтобы добиться каѳедры св. Петра. Его защита и ссылка на то, что онъ желалъ реформировать христіанство и придать ему общемірovое значеніе, не принимались во вниманіе. Онъ разочаровалъ новаторовъ, ожидавшихъ отъ него либеральныхъ мѣръ въ области свѣтскаго и церковнаго управленія. Онъ запрещалъ чтеніе библіи и навлекъ этимъ на себя ненависть всѣхъ безъ различія протестантовъ. Продолжительное сосредоточеніе власти въ его рукахъ, сдѣлало его, какъ и всякаго другого министра, предметомъ сплетень и и клеветы. Люди, расчитывавшіе на успѣхъ, все болѣе и болѣе изнемогали подъ бременемъ разныхъ неудачъ. Недовольство среди сельскаго населенія, принявшее столь серьезные размѣры позднѣе, начало уже тогда обнаруживаться. При сборѣ беневоленціи 1525 г. обнаружилось «мрачное недовольство и ропотъ среди народа». Эти беневоленціи, говорили кентскіе сквайры, хуже налоговъ во Франціи; Англія очутилась въ цѣпяхъ, а не была свободной страной, если бы согласилась платить ихъ.

Но своимъ паденіемъ, какъ и возвышеніемъ, Вольсей обязанъ только личнымъ отношеніямъ къ нему короля. Волею Генриха облеченъ онъ былъ громадной властью, и благодаря этой же волѣ онъ могъ удерживать ее въ своихъ рукахъ. Въ теченіи двадцати лѣтъ государствомъ управляютъ мясникъ и его собака [1])—говорили его враги, въ ожиданіи участи Букингама; слуги существовали лишь для удовлетворенія желаній своего господина, который «ради удовлетворенія хотя бы части своихъ стремленій готовъ былъ подвергнуть опасности цѣлую половину государства». Такъ какъ кардиналъ, подобно Мору, былъ слишкомъ великимъ человѣкомъ, чтобы являться простымъ орудіемъ въ рукахъ безотвѣтственной воли, то эта воля и низвергла его, а вмѣстѣ съ нимъ, остановила на время дѣло консервативной реформы. Вмѣстѣ съ его преемникомъ, Томасомъ Кромвелемъ, на сцену выступила партія революціи. Подобно всей корпораціи духовенства, и Вольсей считался лишь на половину англійскимъ гражданиномъ; какъ противъ духовенства, противъ него воспользовались актомъ praemunire, отъ дѣйствія котораго онъ фактически, если не законно, былъ изъятъ. Когда въ 1529 г. отъ него отобрали печати, церковь очутилась «у ногъ династіи, старавшейся свергнуть ее съ ея высоты и грубо попиравшей ее».

Дѣятельность Вольсея.

Но что сдѣлалъ Вольсей, при всѣхъ этихъ условіяхъ, за эти 20 лѣтъ (1509—1529)? Внутреннее состояніе страны не нарушалось никакимъ взрывомъ, никакимъ насильственнымъ религіознымъ переворотомъ; но заграницей уже зарождалось протестантское дви-

---

[1]) Мясникъ (Генрихъ), собака (Вольсей)—какъ выразился Карлъ V,— были смущены Полидоромъ Вергиліемъ, выдумавшимъ сказку о происхожденіи Вольсея изъ семьи мясника.

женіе, которое мало по малу заставило Англію войти въ соприкосновеніе съ Германіей; проповѣдь новаго ученія приняла революціонный характеръ; пятнадцати вѣковое раздѣленіе христіанства на отдѣльно организованныя націи привело его къ раздѣленію на взаимно враждующія церкви; въ то время, какъ владѣнія папъ постепенно ограничивались небольшимъ итальянскимъ государствомъ, а папа все болѣе и болѣе терялъ въ своемъ значеніи всемірнаго авторитета и оказывался все болѣе и болѣе изолированнымъ, королевская власть становилась все сильнѣе. Тюдоры не выступали сознательно съ опредѣленнымъ планомъ секуляризаціи, но они выбирали своихъ министровъ среди духовныхъ лицъ, среди епископовъ, которые въ должности министровъ въ концѣ концовъ забывали о своемъ духовномъ санѣ. Но Вольсей, о которомъ многіе говорили, что онъ забылъ о своей первоначальной профессіи, съумѣлъ однако въ концѣ жизни послѣдовать примѣру Гросстета; и при оцѣнкѣ его политики всего справедливѣе было бы охарактеризовать ее, какъ политику человѣка, состоявшаго въ духовномъ званіи, и являвшагося послѣднимъ великимъ борцомъ за средневѣковую систему. Онъ прежде всего стремился къ реформѣ англійской церкви посредствомъ постепеннаго превращенія монастырей въ воспитательныя учрежденія, расширенія функцій епископата, учрежденія строгаго и постояннаго надзора за приходскимъ духовенствомъ и путемъ возстановленія и поддержанія конституціонныхъ отношеній къ Риму. Измѣненіями догматическими, даже перемѣнами практическими Вольсей не хотѣлъ заниматься. Онъ, казалось, вѣрилъ, что все было бы хорошо, если бы старое и новое ученіе соединить, какъ это пытались сдѣлать Колетъ въ своей школѣ св. Павла или его другъ въ Ипсвичѣ и въ Коллегіи Кардинала. При осуществленіи этихъ двухъ учрежденій Вольсей слѣдовалъ планамъ Мертона и Викегама—Мертона по отношенію къ той общей идеѣ, что реформація должна быть подготовлена путемъ воспитанія; а Викегама,— по отношенію къ плану созданія великой государственной школы, какъ подготовительной ступени къ университету. Въ 1524—25 г. былъ опредѣленъ штатъ его оксфордской школы и она была открыта; въ 1528 г. кардиналъ самъ начерталъ правила для ипсвичской школы [1]), распредѣливъ курсъ наукъ на 8 классовъ, на которые онъ раздѣлилъ своихъ учениковъ. Для осуществленія этого плана онъ хотѣлъ соединить мелкіе монастыри съ болѣе крупными и назначилъ составленный

Учрежденія Вольсея.

---

[1]) Эти правила сохранились и перепечатаны въ 1825 г. Штаты учрежденія Вольсея въ Оксфордѣ состояли изъ декана, его помощника, 60 канониковъ перваго разряда, 40 второго, 13 капелланов., 12 клерковъ, 16 хористовъ и профессоровъ богословія, каноническаго права, физики, философіи, логики и гуманитарныхъ наукъ; 4 цензоровъ, 3 казначеевъ, 4 управляющихъ, 20 служителей и 186 студентовъ.

такимъ образомъ денежный фондъ на дѣло образованія; онъ даже предполагалъ измѣнить уплату аннатовъ такимъ образомъ, чтобы они на время удовлетворяли не только нужды короля, но и дали бы нѣкоторый излишекъ на школьное дѣло, и вмѣстѣ съ тѣмъ смягчили бы гнѣвъ Рима.

Паденіе Вольсея.

Школа его была уничтожена, учителя устранены, а коллегія преобразована и ограничена властелиномъ, ограбившимъ его. Планы Вольсея, казалось, рушились вмѣстѣ съ его могуществомъ, но даже послѣ того какъ онъ все бросилъ и удалился въ свою іоркскую бенефицію, онъ казался еще болѣе опаснымъ чѣмъ прежде. Причина этого была проста: на сѣверѣ онъ въ качествѣ епископа имѣлъ такое же вліяніе, какъ при дворѣ въ качествѣ государственнаго человѣка; онъ соединилъ около себя все окрестное населеніе и дѣло церкви взялъ въ свои руки; но тутъ явился послѣдній приказъ о его арестѣ.—«Едва ли кого менѣе любили, какъ моего господина кардинала до его появленія, и едва ли кто пріобрѣлъ большую любовь послѣ того, какъ онъ здѣсь поселился; самые ожесточенные враги стали его друзьями. Онъ показалъ примѣръ епископамъ, какъ нужно завоевывать сердца людей. Онъ не пропускалъ почти ни одного праздника, чтобы не проѣхать верхомъ за 5—6 миль въ ту или другую приходскую церковь, и тамъ вдохновлялъ проповѣдниковъ на произнесеніе проповѣдей народу. Тамъ же онъ выступалъ въ качествѣ судьи, служилъ обѣдню при громадномъ стеченіи народа; заботился о благолѣпіи церквей, объ ихъ украшеніи для цѣлей богослуженія. Онъ привозилъ съ собою свой обѣдъ и приглашалъ къ нему многихъ изъ приходскихъ дѣятелей. Онъ распрашивалъ, не было ли какого спора или несогласія между обывателями; и если таковыя оказывались, то онъ призывалъ враждующія стороны въ церковь и тамъ примирялъ ихъ [1])».

Его путешествіе на сѣверъ изъ Нотингамскаго дворца въ Соутвелѣ въ «Cawood by Iork» было тріумфальнымъ шествіемъ народнаго вождя; въ первый день «отъ 8 до 12 и отъ 1 часу до 4-хъ» онъ, стоя, конфирмовалъ приносимыхъ къ нему во время его проѣзда дѣтей, пока «обезсиленный отъ усталости онъ не падалъ въ кресло».

Въ послѣднее утро «при каждомъ своемъ отъѣздѣ» онъ конфирмовалъ болѣе сотни дѣтей, а у каменнаго креста на феррейскомъ (Ferry) мосту собиралась толпа въ 200 другихъ, передъ которой кардиналъ останавливался, выходилъ изъ своей кареты и не двигался далѣе, пока не конфирмовалъ всѣхъ. Въ Кавудѣ (Cawood) «онъ велъ скромный и простой образъ жизни, занимаясь дѣлами благотворенія; двери дома его были открыты для каждаго; при перестройкѣ замка онъ держалъ на ежедневномъ жалованіи болѣе 300 мастеровыхъ;

---

1) Remedy for Sedition, издано въ 1536 г.

приготовляясь занять каѳедру Іоркскаго каѳедральнаго собора, онъ не шелъ по дорогѣ, устланной ярко красными коврами, какъ его предшественники».

Въ это время произошелъ его арестъ. Онъ поспѣшно былъ отвезенъ въ Лондонъ для отвѣта по поводу происходившихъ въ то время общественныхъ волненій; населеніе Іорка и Донкастера бѣжало за его каретой, понося его враговъ: «пусть поразитъ ихъ скверная болѣзнь!—мы имъ отомстимъ! Да спасетъ Богъ вашу милость!».

Совершенно разбитый и тѣломъ и духомъ, Вольсей не могъ идти далѣе Лейчестера.—«Жалкій человѣкъ, отягощенный бѣдствіями», понялъ наконецъ, что религія и деспотизмъ, въ формѣ старой церкви и новой монархіи, не могутъ долго оставаться въ дружескихъ отношеній. «Каждый слагаетъ съ себя бремя обвиненій, я радъ принять ихъ на себя и нести послѣдствія хулы и недовольства народа за мои добрыя намѣренія по отношенію къ королю; но Предвѣчный знаетъ все».

Паденіе Вольсея было не только политической трагедіей, оно было также признакомъ наступавшей соціальной революціи, оно же является ближайшей причиной реформаціи въ Англіи. Хранитель церковныхъ интересовъ, Вольсей, благодаря своей широкой исполнительной власти, преградилъ протестантизму доступъ изъ заграницы. Лютеранъ онъ всегда, хотя и вѣжливо, но твердо держалъ въ подчиненномъ положеніи, считая ихъ продолжателями лоллардовъ, политическими поджигателями. Благодаря своимъ отличнымъ отношеніямъ съ королемъ онъ пользовался безграничнымъ вліяніемъ и полнымъ контролемъ надъ аристократіей. Благодаря занятому имъ положенію и въ Римѣ и въ Вестминстерѣ онъ до того успѣлъ устранить папу отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла, что впослѣдствіи не могли уже снова ввести чужеземныхъ вліяній. Государственный канцлеръ подготовилъ законодательство, церковь, аристократію, джентри и общины Англіи къ признанію новой монархіи Генриха VIII; нація, «трепетавшая всегда передъ Вольсеемъ, трепетала потомъ передъ королемъ, съумѣвшимъ низвергнуть Вольсея». Такова соціальная подкладка управленія Вольсея, и съ его паденіемъ исчезла всякая узда, сдерживавшая короля. Съ этого момента широко открылись двери для вмѣшательства иностранныхъ вліяній во внутреннія дѣла, для интригъ придворныхъ партій, началась совершенно новая національная политика, направляемая исключительно волею короля, а нація въ изумленіи останавливавшаяся передъ этими фактами, охотно однако слѣдовала за ними. Вольсей съумѣлъ привить королю тактъ, искусство управленія, знаніе политики и жизни и все въ такой степени, что послѣдній «могъ ловко пользоваться предразсудкомъ и невѣжествомъ народа для своихъ личныхъ цѣлей» [1]). Съ 1529 г.

Паденіе Вольсея и дальнѣйшій ходъ реформаціи.

[1]) Стёббсъ—Lectures of Medieval and Modern History.

Генрихъ VIII становится своимъ собственнымъ и единственнымъ министромъ; никто уже не можетъ вліять на него.

Причины революціи.

Мы подходимъ теперь къ дѣятельности реформатскаго парламента и тѣмъ измѣненіямъ, которыя были совершены имъ въ системѣ англійской государственной церкви. Хотя разрывъ съ Римомъ и преобразованія въ религіозной жизни Англіи и связаны ближайшимъ образомъ съ личнымъ вопросомъ о разводѣ короля, тѣмъ не менѣе они обусловливаются естественными причинами болѣе общаго характера, и мы должны ясно различать личныя, интеллектуальныя и соціальныя причины революціи (1529—36 гг.)

1. Личныя причины.

Среди личныхъ причинъ первое мѣсто занимали угрызенія совѣсти короля по поводу совершеннаго имъ «кровосмѣшенія, какъ онъ называлъ свой бракъ съ женой своего брата, его страсть къ Аннѣ Болейнъ, его отвращеніе къ увертками, къ которымъ прибѣгали въ Римѣ, его разочарованіе въ Вольсеѣ, смягченіе строгостей ортодоксіи, неизбѣжное вслѣдствіе его тѣсныхъ сношеній съ Болейнами, склонными къ ереси». «Защитникъ вѣры» и «Исповѣдникъ семи таинствъ» постепенно дошелъ до того, что въ неповиновеніи папистовъ усматривалъ нѣчто худшее, чѣмъ лютеранизмъ. Вольсей и палъ отчасти вслѣдствіе недостатка дипломатической проницательности; онъ былъ замѣщенъ агностикомъ Кромвелемъ, не боявшимся ни Бога, ни людей, которыхъ онъ разсматривалъ только съ точки зрѣнія личныхъ интересовъ. Варгамъ, немного позднѣе замѣщенный Кранмеромъ, Моръ и Фишеръ—Одлеемъ и Вріотслеемъ, королева Екатерина—Анной Болейнъ и Жанной Сеймуръ—кто станетъ отрицать, что всѣ эти перемѣны въ личномъ составѣ двора не дѣйствовали въ качествѣ особой причины соціальныхъ перемѣнъ?

2. Интеллектуальныя причины.

Возбужденное состояніе умовъ, подготовленныхъ къ какой то великой перемѣнѣ, ярко обнаруживалось среди тѣхъ группъ классическихъ энтузіастовъ и либеральныхъ реформистовъ, которые однако не были еще поставлены въ необходимость выбирать между церковью и наукой. Кромѣ того, важно также вліяніе различныхъ трактатовъ и книгъ, приливавшихъ изъ Германіи съ 1517 г. Послѣ удаленія Вольсея они сдѣлались любимымъ чтеніемъ «серьезной» части населенія и, благодаря тому, что всѣ были поглощены религіозной борьбой, были забыты даже такіе широкіе планы соціальныхъ реформаторовъ, какъ, напр., «Утопія» Мора.

3. Соціальныя причины.

Подготовленіе Англіи къ принятію ею реформаціи со стороны внутреннихъ соціальныхъ отношеній не имѣло характера дѣятельнаго сознательнаго движенія; для этого достаточно уже было того пассивнаго индифферентизма или прямого отвращенія къ чужеземнымъ епископамъ, того непоколебимаго чувства національной гордости и независимости характера, той народной любви и привязанности къ своимъ обычаямъ, языку и государственному строю, которые всегда

отличали англійскую націю. Католицизмъ безъ папы—таково было тайное желаніе большинства англичанъ, и Генрихъ въ этомъ случаѣ явился только истолкователемъ этого желанія и исполнителемъ его—не болѣе. Онъ пошелъ настоящимъ среднимъ путемъ, который повелъ его и противъ папы, и противъ духовенства, и противъ всѣхъ тенденцій обратиться вновь къ папизму, и противъ реакціи, вызванной уничтоженіемъ монастырей.

Существовало не одно только отвращеніе къ Риму, существовало старинное чувство ланкастерскаго мірянина, возмущавшагося противъ всякаго священническаго авторитета. Епископскіе суды, привилегіи церкви и духовенства потеряли всякое значеніе въ царствованіе Генриха VIII; громадныя богатства духовенства, полная его самостоятельность въ управленіи, неоспоримое господство надъ пятой частью англійской территоріи, выдающееся положеніе, занимаемое имъ среди перовъ (изъ 84 перовъ, духовныхъ было 49), безпрерывное преемство власти клерикальныхъ министровъ какъ канцлеровъ, хранителей печати и президентовъ совѣта и обусловливаемое этимъ политическое господство—все это вызывало крикъ: «обуздать!» Слабость управленія было постоянной жалобой въ эпоху ланкастерскаго дома; теперь король ясно уже видѣлъ, что духовные благодаря значенію ихъ мѣстной власти и подчиненію чужеземному авторитету были «наполовину только нашими подданными». И когда корона рѣшила покончить съ такимъ положеніемъ, всѣ—аристократія, джентри, купцы, закопники охотно поспѣшили на его зовъ. Богатѣйшая корпорація въ государствѣ была ограблена, и этимъ еще болѣе усилилась жажда освобожденія отъ всякихъ стѣсненій. Чѣмъ болѣе, начиная съ XIII стол., церковь, какъ внутри, такъ и внѣ, теряла свое значеніе, тѣмъ шире и глубже она проникала во всѣ общественныя отношенія; люди на каждомъ шагу сталкивались съ различными запрещеніями церковнаго устава; самъ король чувствовалъ себя духовно подчиненнымъ служителемъ Бога; теперь англійскій народъ помогъ ему возвыситься до положенія свѣтскаго папы.

Характеристика англійской реформаціи.

Англійская реформація была ниспроверженіемъ сацердотализма, какъ формы управленія. Начавшись не съ догмы, какъ германскій протестантизмъ, а съ юрисдикціи, она слѣдовала своему собственному закону развитія и повела къ перевороту, который невозможно классифицировать съ другими; несмотря на свою религіозную форму и окраску, онъ по существу былъ политическимъ и соціальнымъ и связывается, какъ движеніе среднихъ классовъ, съ Долгимъ парламентомъ 1640 года и съ династическимъ измѣненіемъ, которое мы довольно неопредѣленно именуемъ «революціей».

Непосредственное слѣдствіе разрыва съ Римомъ, подчиненіе англійской церкви королевской власти, безсиліе церковной конвокаціи и уничтоженіе монастырей имѣли цѣлью «не отступленіе отъ католи-

ческой вѣры ни на одну іоту», по выраженію Генриха, а отдѣленіе англійской церкви отъ старой западной федераціи вѣрующихъ и столь тѣсное сліяніе церкви и государства, что церковь сдѣлалась націей, но безъ возможности независимой дѣятельности, націей, управляемой той же самой націей въ другомъ ея проявленіи, т. е. свѣтской властью, представляемой парламентомъ и королемъ.

Тайна постоянства и побѣды англійской реформаціи состоитъ въ общественной побѣдѣ мірянъ надъ духовнымъ сословіемъ и въ ихъ рѣшимости удержать за собой власть. Такъ что реакція, наступившая въ 1539 и въ 1553 годахъ, была по самому существу ограниченной. Даже Марія отступила передъ вопросомъ о монастырскихъ земляхъ. Бѣдные классы наименѣе симпатизировали католицизму, а высшій и средній классы соглашались раскаяться въ ереси, но не соглашались упустить изъ рукъ свою добычу. Интересы всѣхъ были связаны съ реформой Генриха VIII. Измѣненія догмы при Эдуардѣ и разныя злоупотребленія заставляли людей желать возвратиться къ старой вѣрѣ, но они не хотѣли возвращать монастырскую собственность и власть священниковъ. Римъ былъ отвергнутъ окончательно, потому что онъ не забывалъ ни одного изъ своихъ притязаній и никогда не отдавалъ того, что когда то принадлежало ему. Власть государства, а не реформа догмы, не свобода совѣсти, не народный молитвенникъ, не католическія традиціи—являлась конечнымъ соціальнымъ принципомъ борьбы. Все это тоже имѣло значеніе, но все это подчинялось вопросу о власти, вопросу о томъ, кто долженъ управлять.

Новое положеніе церкви проявилось въ очевидной полудуховной зависимости епископовъ отъ короны, въ попыткахъ считать ихъ ничѣмъ инымъ, какъ простыми коронными чиновниками, назначаемыми на основаніи ихъ хорошаго поведенія на время царствованія государя и потому обязанными получать новое назначеніе послѣ его смерти, посвящаемыми, переводимыми и низлагаемыми по его произволу.

Тоже можно сказать и о положеніи низшаго духовенства, о тонѣ, даваемомъ проповѣдникамъ во время управленія Кромвеля, объ уничтоженіи разрѣшеній на проповѣди, объ уничтоженіи монастырей. Духовенство платило прямой принудительный налогъ въ формѣ штрафовъ 1531 года, въ формѣ передачи аннатъ отъ папы королю, въ формѣ общаго ограбленія церкви—равнаго, вѣроятно, четыремъ милліонамъ фунтовъ на наши деньги. Это не было добровольнымъ займомъ или беневоленціей, а простымъ актомъ подчиненія вновь установленной власти.

Королевская супрематія.

Изъ королевской супрематіи развилось въ концѣ концевъ королевское главенство надъ церковью. Статья «о главенствѣ» 1531 года, статьи 1532 года о церковномъ законодательствѣ, «ограниченіе аппе-

ляцій» въ 1533 году, актъ о «Верховномъ Главѣ» и акты о престолонаслѣдіи и объ измѣнѣ и порученіе короля пересмотрѣть каноническое законодательство въ 1536 году—составляютъ стадіи этого развитія. Для подчиненныхъ цѣлей, вродѣ разрѣшеній (диспенсацій) Генрихъ позволилъ Кранмеру, какъ примасу королевства, имѣть въ канцлерствѣ власть, вродѣ власти королевскаго легата; но во всѣхъ дѣлахъ онъ самъ являлся источникомъ власти и юстиціи; назначеніе Кромвеля генералъ викаріемъ, дарованіе ему власти и первенства надъ всѣми прелатами и вельможами, было полнымъ воспроизведеніемъ папскаго обычая пользоваться своей властью чрезъ посредство легатовъ. Точно также на основаніи королевскихъ патентовъ была напечатана англійская библія и созданы новыя эпархіи [1]) (1539). Король предпринялъ даже богословское обученіе народа; онъ одобрилъ или самъ продиктовалъ «Институціи» и «Обученіе христіанина» въ 1537 и 1543 годахъ, ибо «его королевское величество столь же заботится о душахъ своихъ подданныхъ, какъ и объ ихъ тѣлахъ».

Церковь и государство 1529—1547.

Послѣдніе двадцать лѣтъ царствованія Генриха распадаются на два періода: періодъ антиклерикальнаго, антиримскаго движенія, (1529—1539) и періодъ кажущейся католической реакціи (1539—1547).

Необходимо поговорить объ исторіи церкви и государства въ теченіи этихъ лѣтъ, отмѣчая при этомъ наиболѣе интересные факты въ борьбѣ духовенства и мірянъ; возможно, что самой лучшей характеристикой происходившихъ измѣненій будетъ исторія религіозныхъ обычаевъ.

Антиклерикальное движеніе.

3 ноября 1529 года начинается новая эра съ открытіемъ реформаціоннаго парламента. Въ томъ же году были проведены Probate Act, Mortuaries Act, Pluralities Act, и 17 декабря, вопреки сопротивленію Фишера первымъ двумъ актамъ, на основаніи которыхъ уничтожались нѣкоторые изъ доходовъ духовенства, они были подтверждены королемъ; 30 ноября 1530 года Вольсей умеръ въ Лейчестерскомъ аббатствѣ и въ декабрѣ этого года все духовенство объявлено состоящимъ подъ дѣйствіемъ акта praemunire, т. е. временно суспендировано.

16 января 1531 года король помиловалъ провинцію Кентербюри за уплату ею штрафа въ сто тысячь фунтовъ; 7—11 февраля въ конвокаціи предложена статья о королевской супрематіи съ поправкой Варгама: «на сколько позволяетъ законъ Христовъ» и принята единогласно; 4 мая провинція Іоркъ купила помилованіе за 18 тысячь

---

[1]) Вестминстеръ, Осеней (Оксфордъ), Честеръ, Глочестеръ, Бристоль, Петерборо. Булла объ учрежденіи шести новыхъ епископствъ получена изъ Рима въ 1532 году.

и за подчиненіе власти Генриха, но въ слѣдующемъ году въ парламентѣ снова начались нападенія.

Въ законодательствѣ 1532 года привиллегіи (Benefit) духовенства ограничиваются высшими степенями его (не ниже субъдіакона) и 18 марта была представлена жалоба противъ клерикальнаго законодательства. 30 апрѣля въ первый разъ опредѣленно коснулись папской власти въ актѣ объ «ограниченіи аннатовъ», который однако былъ подтвержденъ королемъ только 9 іюля 1533 года [1]), а до тѣхъ поръ имъ пользовались противъ римскаго двора, «чтобы заставить его слушать резоны».

23 августа смерть Варгама позволила королю сдѣлать примасомъ свою креатуру, Томаса Кранмера, и получить отъ главы духовенства формальный приговоръ о разводѣ съ Екатериной и санкцію новаго брака съ Анной (23 мая—1 іюня 1533).

Разрывъ съ Римомъ.

До сихъ поръ формальнаго разрыва съ Римомъ еще не было; произошло только уничтоженіе власти клерикаловъ въ государствѣ—даже билль объ аннатахъ еще не былъ утвержденъ, но въ іюнѣ 1533 года король получилъ извѣстіе о рѣшеніи папы, состоявшемся 11 іюля, противъ развода. Тогда онъ аппелировалъ отъ папы къ общему собору (29 іюня) и созвалъ парламентъ на сессію 1533—34, чтобы провести актъ объ «ограниченіи аппеляцій», актъ объ «ограниченіи аннатовъ» и актъ противъ диспенсацій и динарія Св. Петра. Все это, вмѣстѣ съ подчиненіемъ духовенства [2]), государственной ревизіей каноническаго законодательства и актомъ о престолонаслѣдіи завершило дѣло судебнаго переворота. Все послѣдующее было результатомъ четырехъ антиримскихъ и девяти антиклерикальныхъ актовъ послѣднихъ пяти лѣтъ. Значеніе всего этого движенія—«сдѣлать королевство Англію государствомъ, управляемымъ однимъ государемъ» — выражено въ актѣ о «верховномъ главенствѣ» короля

---

[1]) За два дня до папскаго рѣшенія противъ развода—illud benedictum divortium.

[2]) Трудно опредѣлить настоящее участіе конвокаціи въ дѣятельности реформаціоннаго парламента. Латимеръ (6 іюня 1536) въ проповѣди предъ конвокаціей говорилъ: „Что вы сдѣлали въ теченіи этихъ семи лѣтъ, чтобы Англіи было хоть на волосъ лучше? Только два дѣла: сожгли одного мертваго человѣка и хотѣли сжечь живого“. Но съ другой стороны нѣкоторые (Фуллеръ) утверждаютъ, что „въ реформаціи ничего не было сдѣлано безъ просьбы конвокаціи или на основаніи какого либо акта прежнихъ конвокацій“. Мѣры, принятыя конвокаціей, слѣдующія: 1) въ 1534 г. объявленіе, что римскій епископъ имѣетъ въ Англіи власть не больше всякаго иного иностраннаго епископа и петиціи объ англійской библіи 2) въ 1536 г. обличеніе 49 заблужденій и проведеніе 10 статей вѣры для „установленія спокойствія въ христіанствѣ“ 3) въ 1539 г. принятіе 6 статей 4) въ 1542 г. разрѣшеніе „Первой книги Гомилій“ 5) въ 1543 г. подтвержденіе „Образованія“ 6) въ 1544 году введеніе англійской литаніи.

(3 ноября 1534 года) и въ объявленіи новаго титула (15 января 1535 года). Приматство перешло отъ легата апостолическаго престола къ митрополиту; новая власть государства надъ церковнымъ законодательствомъ выразилась назначеніемъ коммисіи тридцати двухъ для пересмотра каноновъ въ 1536 году и отдѣльные акты споліаціи завершили дѣло разрушенія. До конца 1534 года аннаты окончательно были отняты у папы и переданы коронѣ; уничтоженіе малыхъ монастырей въ 1536, а большихъ въ 1539 году дало средства для дальнѣйшей борьбы.

Уничтоженіе монастырей.

Гаскета.

Уничтоженіе монастырей въ Англіи было совершенно не единымъ законодательнымъ актомъ и не одновременно. Многіе событія подготовили путь для перваго парламентскаго акта, которымъ были уничтожены малые монастыри. Основательно или нѣтъ, большинство монаховъ считалось врагами Генриха въ его борьбѣ съ Римомъ и монастыри считались «папскими гарнизонами» въ Англіи. Въ дѣлѣ развода съ Екатериной король имѣлъ нѣкоторое основаніе полагать, что нѣкоторые изъ монашескихъ орденовъ стоятъ за королеву и противятся его желаніямъ. *Обсерванты* (Friars Observant), самая строгая и наиболѣе уважаемая отрасль ордена францисканцевъ—первые испытали гнѣвъ короля. Двое изъ этихъ фріаровъ были запутаны въ дѣло «святой Кентской дѣвицы» и пострадали вмѣстѣ съ ней въ Тибурнѣ 20 апрѣля 1534 года. Двое другихъ, Пето и Эльстовъ, смѣло напали на бракъ короля съ Анной въ его присутствіи въ церкви ордена въ Гринвичѣ. Въ началѣ лѣта 1534 года парламентъ, ловко управляемый Кромвелемъ, оказался столь покорнымъ волѣ Генриха, что послѣдній могъ приступить къ преслѣдованію Гринвичскихъ фріаровъ. Отъ нихъ потребовали объявленія ихъ подчиненія королевской супрематіи, отрицанія власти папы и присяги на подданство королевѣ Аннѣ. Было сдѣлано много попытокъ заставить фріаровъ подчиниться королевской волѣ, но тщетно; уничтоженіе всего ордена немедленно послѣдовало за отказомъ монаховъ принять предложенныя имъ королевскими чиновниками статьи. До конца августа 1534 года изъ семи монастырей этого ордена были изгнаны его члены и около двухсотъ монаховъ посажено въ тюрьмы. Обсерванты.

До окончательнаго разогнанія францисканцевъ корона начала преслѣдованіе ордена картезіанцевъ. Эти скромные и осторожные монахи не принимали дѣятельнаго участія въ вопросѣ о разводѣ; тѣмъ Картезіанцы.

не менѣе безспорно, что ихъ вліяніе, которымъ они были обязаны несомнѣнной безупречности ихъ жизни, было направлено противъ отверженія Генрихомъ власти папы. Потому весной 1534 года начали безпокоить монаховъ лондонскаго картезіанскаго монастыря. Король въ это время окончательно рѣшился на разрывъ съ Римомъ и рѣшилъ подавить всякую оппозицію. Лондонскіе картезіанцы пользовались репутаціей строгости жизни и начальникомъ ихъ былъ безстрашный пріоръ Джонъ Гаугтонъ. Одинъ изъ его подчиненныхъ, Шаунси, говоритъ о немъ: «ему удивлялись и его любили всѣ, вся его община любила и почитала его». Въ началѣ апрѣля 1534 года королевскіе чиновники посѣтили монастырь и потребовали отъ монаховъ подписи присяги на престолонаслѣдіе. Гаугтонъ, сначала въ частномъ разговорѣ, а потомъ публично въ капитулѣ, отказалъ, говоря, что «онъ не можетъ понять, какъ возможно было уничтожить бракъ, освященный церковью и такъ долго никѣмъ не оспариваемый». Съ этимъ согласилась и вся община.

Пріоръ Гаугтонъ и прокураторъ монастыря Гумфри Миддльморъ были немедленно отправлены въ Тоуэръ; тамъ ихъ держали нѣсколько недѣль. Потомъ, убѣждаемые многими изъ ихъ посѣтителей, они согласились принять присягу, «поскольку она законна». Черезъ шесть мѣсяцевъ (15 января 1535 года) декретомъ Совѣта въ титулъ короля былъ включенъ новый титулъ Верховнаго Главы и въ апрѣлѣ пріоръ Гаугтонъ, Робертъ Лауренсъ, пріоръ картезіанскаго монастыря въ Бовалѣ и Августинъ Вебстеръ, пріоръ Аксгольма въ Линкольнширѣ, предупредили прибытіе королевскихъ коммиссаровъ и при личномъ разговорѣ съ Кромвелемъ объявили, что они не могутъ принять требуемую присягу. Они были опять отправлены въ Тоуэръ и 28 апрѣля ихъ обвинили въ томъ, что «они 26 апрѣля въ 27 годъ Генриха VIII въ лондонскомъ Тоуэрѣ открыто объявили и говорили, что король, нашъ государь, не есть верховный глава на землѣ церкви Англіи». Они были признаны виновными въ этой новой формѣ «словесной измѣны» и казнены въ Тибурнѣ 4 мая того же 1535 года. Рука пріора Гаугтона была прибита къ воротамъ лондонскаго картезіанскаго монастыря на поученіе братіи. Черезъ недѣлю или черезъ двѣ въ тюрьму посадили еще трехъ монаховъ и тамъ, по разсказу Стоу, они «сначала стояли, закованные отъ шеи до рукъ, а ноги были въ колодкахъ и цѣпяхъ въ теченіи тринадцати дней». А потомъ ихъ казнили.

Въ теченіи двухъ лѣтъ остальныхъ монаховъ съ большими строгостями держали въ ихъ монастырѣ и дѣлали всяческія пробы заставить ихъ подчиниться требованію Генриха. Большинство ихъ оставалось непоколебимымъ и въ маѣ 1536 года упорныхъ разослали по другимъ монастырямъ. Наконецъ въ маѣ 1537 года коммиссары появились въ картезіанскомъ монастырѣ съ требованіемъ присяги. Двад-

цать монаховъ приняли ее, но десять рѣшительно отказались и были увезены въ тюрьму, гдѣ черезъ нѣсколько недѣль, по разсказу Стоу, девять изъ нихъ умерли. Десятый сидѣлъ въ тюрьмѣ до 4 августа 1540 года, когда его повѣсили въ Тибурнѣ. Двадцать членовъ ордена, принявшихъ присягу за обѣщаніе пенсіи, передали монастырь королю. Тѣмъ не менѣе они жили тамъ до 15 ноября 1539 года, когда ихъ выгнали и когда монастырскія зданія были превращены въ складъ королевскихъ палатокъ и орудія.

Визитація.

А въ это время дѣлались приготовленія для общаго уничтоженія монастырей. Въ срединѣ 1534 года во всѣхъ частяхъ Англіи комисары короля принимали новую присягу въ супрематіи, которая, по мнѣнію короля и его министра, должна была быть испытаніемъ въ преданности королю и въ религіозности. Лордъ Гербертъ утверждаетъ, что планъ уничтоженія монастырей обсуждался въ Совѣтѣ, гдѣ онъ встрѣтилъ сильную оппозицію. Неодобреніе этой мѣры должно было убѣдить короля въ необходимости осторожности. Въ правѣ визатаціи, распространенномъ на всѣ монастыри, раньше подчиненные папѣ, правѣ, дарованномъ королю парламентомъ два года тому назадъ, Генрихъ, или, вѣроятно, Кромвель видѣли цѣнное орудіе для достиженія желанной цѣли. Въ силу этого было рѣшено приступить къ общей визитаціи всѣхъ монастырей. Главные ревизоры: Легъ, Лайтонъ, Апрайсъ, Лондонъ и Бедилль, получили полнѣйшія полномочія и ихъ собственныя письма составляютъ достаточное доказательство того, что они вполнѣ понимали, что цѣлью визитаціи было найти подходящій поводъ для уничтоженія монастырей или заставить ихъ подчиниться посредствомъ невыносимыхъ придирокъ. Ревизоры быстро переходили изъ одной мѣстности въ другую осенью 1535 года до собранія парламента въ февралѣ 1536 года; отчеты или такъ называемые compertes, доставляемые агентами Кромвелю, повидимому указываютъ, что далеко не всѣ монастыри подверглись ревизіи. Но для цѣлей короля было сдѣлано достаточно и разсказы комиссаровъ, вѣрные или лживые, могли послужить къ тому, чтобы побудить парламентъ уничтожить мелкіе монастыри и передать ихъ владѣнія королю.

Comperta или Compertes, вмѣстѣ съ письмами ревизоровъ во время ихъ объѣзда, составляли главное основаніе для обвиненій противъ монаховъ. Нужно однако помнить, что они были ничѣмъ инымъ, какъ только отчетами и что нѣтъ доказательствъ того, чтобы было произведено какое либо слѣдствіе. Гердиеръ, историкъ этого періода, замѣчаетъ: «принимая во вниманіе быстроту, съ которой было сдѣлано дѣло, изысканія наврядъ ли могли быть сдѣланы съ надлежащей основательностью». Можно признать, что все то, что говорилось о нравственномъ состояніи нѣкоторыхъ изъ монастырей, даже нѣкоторыхъ изъ самыхъ большихъ въ королевствѣ, составило до-

вольно мрачную картину. Тѣмъ не менѣе надо помнить, что всѣ обвиненія основывались на голословныхъ утвержденіяхъ ревизоровъ.

Упраздненіе мелкихъ монастырей.

Въ мартѣ 1536 года парламентъ принялъ актъ объ уничтоженіи малыхъ монастырей. Въ предисловіи этого акта находится все, что извѣстно о происхожденіи этой мѣры и о мотивахъ заставившихъ палату принять ее. Изъ этаго предисловія можетъ казаться, что билль былъ предложенъ короной и принятъ на основаніи увѣренія короля, что ведутъ дурную жизнь въ монастыряхъ, гдѣ число монаховъ меньше двѣнадцати. Объ этомъ, говорится въ предисловіи акта, Генрихъ «узналъ какъ изъ Comperies послѣдней визитаціи, такъ и изъ разныхъ достовѣрныхъ свѣдѣній». Дальнѣйшей причиной указано, что живущіе въ малыхъ монастыряхъ увеличатъ количество монаховъ «въ разныхъ большихъ и роскошныхъ монастыряхъ этого королевства (въ которыхъ, благодаря Богу, религія очень хорошо охраняется и соблюдается) и которые лишены такого полнаго числа монаховъ, которое должно бы въ нихъ быть». На основаніи такого объявленія «лорды и общины послѣ великаго обсужденія окончательно рѣшили», что король долженъ завладѣть всѣми монастырями, имѣвшими дохода менѣе 200 фун. въ годъ, такъ что Его величество можетъ располагать ими или нѣкоторыми изъ нихъ по своей волѣ, въ честь Бога и во благо королевства. Для управленія землями, движимымъ имуществомъ и другими владѣніями, переходящими на основаніи этого акта въ руки короля, парламентъ санкціонировалъ созданіе особаго суда, называемаго Court of Augmentation.

Court of Augmentation.

Учрежденіе этого суда признавалось историками указаніемъ на то, что во время упраздненія малыхъ монастырей Генрихъ заглядывалъ въ будущее и задумывалъ дальнѣйшія и болѣе широкія мѣры относительно церковной собственности. Судъ былъ учрежденъ 24 апрѣля 1536 года съ Ричардомъ Ришемъ, какъ первымъ канцлеромъ и Томасомъ Попе, какъ казначеемъ.

Первымъ шагомъ для завладѣнія монастырскихъ владѣній должно было быть опредѣленіе того, какіе монастыри подлежатъ дѣйствію акта, какъ получающіе 200 фун. въ годъ. Для этой цѣли нѣкоторымъ изъ наиболѣе видныхъ обывателей каждаго графства было поручено осмотрѣть монастыри въ ихъ округахъ и въ тотъ самый день, когда организовался новый судъ, были изданы инструкціи для руководства этимъ комиссарамъ. Относительно монаховъ инструкціи были очень просты. Комиссаръ долженъ былъ «отправить оставшихся монаховъ въ другіе монастыри съ письмами къ управляющимъ, а тѣхъ, которые пожелаютъ перейти въ міряне, къ архіепископу Кентербюрійскому и къ лорду канцлеру». Послѣднимъ должно быть дано нѣкое разсудительное вознагражденіе, смотря по разстоянію отъ назначаемаго для нихъ мѣста. Только одному игумену обѣщался опредѣленный пенсіонъ и онъ долженъ былъ обратиться

за этимъ къ канцлеру новаго суда. Остальная часть инструкціи касалась сохраненія собственности короля.

Трудно съ нѣкоторой достовѣрностью сказать, какое количество монастырей перешло въ руки короля на основаніи этого акта объ упраздненіи. Обыкновенно полагаются на авторитетъ Стоу въ утвержденіи, что число уничтоженныхъ тогда монастырей равнялось 376, а цѣнность ихъ земель больше тридцати двухъ тысячъ въ годъ. Кромѣ того слѣдуетъ посчитать деньги, полученные за добычу, состоящую изъ монеты, сервизовъ, драгоцѣнныхъ камней, отправленныхъ въ казначейство короля комиссарами и деньги отъ продажи свинца, колоколовъ, скота, мебели и даже построекъ. Лордъ Гербертъ предполагаетъ, что такая «добыча Робина Гуда» доставила королевской казнѣ больше ста тысячъ фунтовъ. Судя по небольшимъ суммамъ, реализированнымъ отъ продажи монастырскихъ имуществъ, и по суммамъ. полученнымъ чиновниками новаго суда, эта цифра кажется преувеличенной. Результаты упраздненія.

Число лицъ, которые пострадали отъ этого перваго систематическаго упраздненія монастырей, было довольно значительно. Кромѣ монаховъ и монахинь, изгнанныхъ изъ монастырей, слугъ, рабочихъ на монастырскихъ фермахъ и другихъ, которымъ они давали занятія и средства существованія, должно было пострадать множество народа, средства существованія котораго болѣе или менѣе зависѣли отъ обитателей уничтоженныхъ монастырей. Принимая во вниманіе всѣхъ этихъ лицъ, можно признать приблизительно вѣрнымъ утвержденіе Стоу, что «десять тысячъ человѣкъ, хозяевъ и слугъ, потеряли средства существованія въ это время отъ закрытія монастырей». Изъ отчетовъ королевскихъ комиссаровъ, сохранившихся до сихъ поръ, можно приблизительно высчитать, что болѣе двухъ тысячъ монаховъ и монахинь были лишены владѣній и что было приблизительно девять или десять тысячъ лицъ, зависимыхъ отъ упраздненныхъ монастырей. Число пострадавшихъ.

Понятно, что такое дѣло не могло совершиться безъ того, чтобы не произошли значительныя трудности для многихъ лицъ, лишившихся такимъ образомъ пристанища. Такъ напр. монахиня изъ Ардена, Елизавета Джонсонъ, получила пособіе, ибо «она была безпомощна и глуха и старше восьмидесяти лѣтъ». Вильяму Ковентри изъ Вомбриджскаго пріорства дали при его отправкѣ сумму въ 6 ф. 8 ш. 4 д., такъ какъ онъ былъ «боленъ и слабъ», а двѣ монахини изъ Эсгольта въ Іоркширѣ были не пригодны къ труду отъ болѣзней и переданы на попеченіе ихъ друзей.

Замѣшательства на сѣверѣ осенью 1536 года и весной слѣдующаго нѣсколько пріостановили закрытіе монастырей. Но когда инсургенты были окончательно подавлены и внутренняя опасность исчезла, Генрихъ воспользовался возстаніемъ для дальнѣйшихъ Реакція и ея слѣдствія.

упраздненій. До сихъ поръ англійскій законъ признавалъ, что за обвиненіемъ епископа и аббата въ измѣнѣ не слѣдуетъ конфискація собственности эпархіи или аббатства, которыми управляли обвиненные. Теперь король рѣшилъ наказывать измѣну, дѣйствительную или предполагаемую, главы духовной корпораціи конфискаціей владѣній этой корпораціи и такимъ образомъ многія большія и важныя религіозныя учрежденія перешли въ руки короля. Такъ послѣ казни аббатовъ Валлея и Савлея въ мартѣ 1537 года чиновники короля, дѣйствуя на основаніи его опредѣленныхъ приказаній, завладѣли домами и собственностью аббатствъ; точно также на основаніи закона объ измѣнѣ (Attainder) въ руки короля перешли аббатства Барлингъ, Жерво, Киркстедъ и Вобурнъ и пріорство Бридлингтонъ; угрозами и судебными уловками графъ Суссексъ добился передачи большого аббатства Фурнессъ въ Ланкаширѣ.

Фріары. Осенью 1538 года и въ первую половину слѣдующаго года были упразднены монастыри фріаровъ. По тѣмъ или другимъ причинамъ эти монастыри, хотя и имѣвшіе малые доходы, не были подведены подъ парламентское опредѣленіе объ упраздненіи мелкихъ монастырей. Фріары къ этому времени сильно обѣдняли и, можетъ быть, именно поэтому ихъ временно и не тронули, въ Англіи всѣхъ этихъ монастырей было около двухсотъ. У францисканцевъ было шестьдесятъ, у доминиканцевъ пятьдесятъ три, у августинцевъ сорокъ два и у кармелитовъ тридцать шесть. Остальные принадлежали тринитаріанамъ и другимъ менѣе значительнымъ орденамъ. Хотя число фріаровъ ко времени ихъ упраздненія и было значительно меньше, чѣмъ прежде, все же ихъ было, вѣроятно, не меньше тысячи восьмисотъ.

Добровольная передача. Отъ Михайлова дня 1537 года до того же числа въ слѣдующемъ году энергично велось дѣло упраздненія. Въ теченіе этого срока многія изъ большихъ учрежденій или были переданы королю добровольно или перешли къ нему какимъ либо инымъ путемъ. По закону Генрихъ имѣлъ право только на монастыри, имѣвшіе дохода меньше двухсотъ фунтовъ, но послѣ неудачи возстанія Пиллигримства милости Божіей началось общее уничтоженіе монастырей. Конечно, было необходимо, чтобы передача аббатствъ, не подходившихъ подъ дѣйствіе парламентскаго акта, по крайней мѣрѣ хоть съ виду была добровольной и прибѣгали къ всяческимъ давленіямъ на монаховъ и монахинь, чтобы заставить ихъ отказаться отъ ихъ владѣній. Тайныя инструкціи, данныя агентамъ короля, были очень точны; они должны получить «согласіе главы и монастыря на добровольную передачу подъ ихъ монастырской печатью». Если они согласятся, комиссарамъ было приказано обѣщать имъ пенсіи и другія награды. Но если окажется, что «нѣкоторые изъ сказанныхъ главъ и монастырей, предполагаемыхъ къ упраздненію, будутъ такъ самовольны

и упорны, что не захотятъ подчиниться его величеству или не подчинятся желанію короля», то комиссарамъ предписывалось завладѣть всѣмъ и не давать ни пенсіи, ни какой либо части имущества такимъ «самовольнымъ и упорнымъ личностямъ до тѣхъ поръ, пока королю не будетъ угодно выразить свою дальнѣйшую волю».

Въ то время, когда тайныя инструкціи агентамъ не позволяютъ сомнѣваться въ намѣреніяхъ короля, идея объ общемъ нападеніи на монашество не только скрывалась, но фактически и публично отрицалась Генрихомъ и его агентами. Монастыри были покинуты всѣми по одиночкѣ, имъ или предлагали сдаться или угрожали въ случаѣ отказа захватомъ, соединеннымъ съ бѣдностью и возможнымъ наказаніемъ. Большинство монастырей избрало первый путь и въ 1538 и 1539 годахъ добились передачи, которую по совѣсти навряд ли можно назвать добровольной. Такимъ путемъ въ руки короля перешло около 150 мужскихъ монастырей и около пятидесяти женскихъ.

Употребленіе добычи.

Въ началѣ 1539 года было необходимо получить одобреніе парламента на сдѣланное дѣло. Имѣются доказательства, что Генрихъ сначала думалъ обязаться посвятить присвоенную собственность на общественныя цѣли. Проэктъ акта, собственноручно набросанный королемъ, указываетъ, что богатство религіозныхъ корпорацій «можетъ съ выгодой быть обращено на лучшее употребленіе, дабы лучше учили Слову Божію, обучали дѣтей, пропитывали клериковъ въ университетахъ, давали пропитаніе старымъ слугамъ, поддерживались богадѣльни для бѣдняковъ, давались хорошія жалованья лекторамъ греческаго, латинскаго и еврейскаго языковъ, ежедневно подавались милостыни, улучшались дороги и помогали священникамъ Божіимъ», кромѣ того можно значительно увеличить средства существующихъ епархій. Какія бы мотивы ни были изложены парламенту, чтобы добиться его согласія на предложенія короля, въ самомъ актѣ, который во второй разъ рѣшилъ судьбу монастырской собственности, неимѣется никакихъ указаній на употребленіе этой собственности на общественныя нужды. Онъ былъ внесенъ въ палату 13 мая 1539 года и черезъ шесть дней сдѣлался закономъ. Эта мѣра не была упраздненіемъ или уничтоженіемъ монастырей въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Цѣль ея состояла въ томъ, чтобы обезпечить за королемъ собственность тѣхъ монастырей, которые попали въ его руки посредствомъ распущенія или передачи съ 4 февраля 1536 года. Въ отличіе отъ акта 1536 года въ немъ не излагается никакихъ мотивовъ, а просто говорится, что «разные аббаты, пріоры, аббатиссы, пріорессы, и другіе духовные начальники и начальницы разныхъ монастырей по своей свободной и доброй волѣ, по своему согласію, безъ принужденія, насилія или настоянія со стороны какого либо лица или лицъ» отказываются отъ

своихъ владѣній въ пользу короля. Потому Генрихъ и его наслѣдники получаютъ эти владѣнія навсегда и такое разрѣшеніе распространяется и на всѣ монастыри, которые будутъ упразднены или переданы впослѣдствіи.

Крайнія мѣры.

Къ осени 1539 года во владѣніи монаховъ оставалось сравнительно немногіе монастыри. Во всѣхъ графствахъ королевскіе агенты захватывали монастырскія зданія и изгоняли изъ монастырей монаховъ. Гдѣ агенты встрѣчали сопротивленіе, тамъ начинали процессъ объ измѣнѣ, съ конфискаціей, которая слѣдовала за измѣной, предполагаемой или дѣйствительной, «противно всякому формальному закону», по выраженію Галлама, и посредствомъ такого процесса противъ главы корпораціи добивались того, чего не могли добиться ни угрозами, ни обѣщаніями. На основаніи этого таинственнаго закона объ измѣнѣ (attainder) были казнены аббаты трехъ большихъ монастырей бенедиктинцевъ въ Гластонбюри, Кольчестерѣ и Ридингѣ и ихъ владѣнія были захвачены короной. Изъ собственноручныхъ замѣтокъ Кромвеля кажется очевиднымъ, что въ теченіи нѣкотораго времени между проведеніемъ акта относительно монастырей въ апрѣлѣ 1539 года и сентябремъ того же года этихъ аббатовъ зондировали и нашли, что отъ нихъ нельзя ожидать уступчивости. Тогда приступили къ дѣйствію. 19 сентября въ Гластонбюри появились королевскіе агенты и послѣ допроса аббата Ричарда Уитинга и обыска его комнатъ въ поискахъ за компрометирующими документами они отправили его въ Лондонскую башню. Немедленно послѣ этого они начали отправлять монаховъ съ возможной скоростью и 24 октября, когда аббатъ Уитингъ еще сидѣлъ ожидая суда въ Башнѣ, богатые сервизы аббатства были переданы въ королевское казначейство, куда передавалось имущество обвиненныхъ лицъ и учрежденій. Прежде, чѣмъ аббатъ оставилъ свою темницу, его дѣло было уже рѣшено и Кромвель могъ отмѣтить въ своей книжечкѣ: «item — аббатъ Гластонъ судимъ въ Гластонѣ и казненъ тамъ же». Церковный историкъ Коллье, вѣроятно, правъ, замѣчая объ этихъ трехъ аббатахъ: «чтобы поймать ихъ, имъ была предложена присяга супрематіи и при отказѣ ихъ осудили за государственную измѣну».

Результатъ суда въ Уэльсѣ былъ по собственному показанію Кромвеля предрѣшенъ заранѣе и казнь аббата въ Гластонбюри на Торгиллѣ съ двумя монахами 15 ноября 1539 года окончательно отдала богатыя владѣнія аббатства въ распоряженіе короля. Въ тотъ же день Гугъ Кокъ, аббатъ Ридинга, и два священника были казнены при воротахъ аббатства, а черезъ двѣ недѣли, 1 декабря 1539 года, былъ казненъ Томасъ Маршаль или Беке, послѣдній аббатъ Кольчестера. Черезъ шесть недѣль послѣ его смерти монастырскія строенія аббатства св. Іоанна были разрушены и рабочіе

снимали свинцовую крышу церкви, топили ее въ котлѣ вмѣстѣ съ деревянной рѣзьбой хора и разбивали колокола, чтобы увезти металлъ въ бочкахъ для продажи.

Въ началѣ 1540 года, дѣло уничтоженія монастырей въ Англіи было закончено. Въ промежутокъ времени отъ 1538 до 1540 года около 250 большихъ мужскихъ и женскихъ монастырей перешло въ руки короля.

По разсмотрѣніи существующихъ и доступныхъ источниковъ высчитано, что все количество монаховъ, фріаровъ, канониковъ и монахинь, лишенныхъ владѣнія и пристанища, за все время, вѣроятно, превышаетъ восемь тысячъ; количество же людей, болѣе или менѣе зависимыхъ отъ нихъ, было по крайней мѣрѣ въ десять разъ большимъ. Большинство, но далеко не всѣ, изъ изгнанныхъ монаховъ получили кой какія пенсіи. Въ малыхъ монастыряхъ, упраздненныхъ на основаніи парламентскаго акта, только начальникъ получилъ какую нибудь пенсію. Фріары по большей части не получили ничего; что касается до остальныхъ монаховъ и монахинь, то только передавшіе свои монастыри по желанію короля, получили обѣщанія на годичныя пенсіи. Сопротивлявшіеся или возражавшіе не получили ничего. Такимъ образомъ ни одинъ монахъ монастырей Киркстеда, Жерво и Валлей на сѣверѣ, или Гластонбюри, Ридинга, Кольчестера и Вобурна на югѣ не получилъ ничего. Мало того, даже передача, повидимому, не всегда давала увѣренность въ правѣ на вознагражденіе. Такъ напримѣръ аббатство Фурнессъ было упразднено и монахи, повидимому, не получили обѣщанія пенсіи. При отправкѣ изъ монастыря каждый получилъ сорокъ шиллинговъ, а двоимъ больнымъ и безсильнымъ дали лишніе двадцать шиллинговъ. Въ слѣдующемъ году бывшему аббату дали доходы съ ректорства, раньше принадлежавшаго монастырю, но кажется, ни одинъ изъ тридцати монаховъ, жившихъ тогда въ Фурнессѣ, не получилъ ничего за ихъ позднее согласіе на требованія Генриха.

Судьба монаховъ.

Не легко хотя бы и съ приблизительной точностью опредѣлить цѣнность собственности, перешедшей къ королю при уничтоженіи монастырей. Спидъ считаетъ всю годичную цѣнность земель и бенефицій въ 171,312 ф. 4 ш. 8 д., а теперь считаютъ круглой цифрой въ 200,000 фунт. Существующіе отчеты доказываютъ, однако, что Генрихъ не получилъ такой крупной суммы отъ ограбленія монастырей. Даренія земель, ихъ быстрая распродажа значительно уменьшили настоящую цѣнность добычи, такъ что доходъ отъ конфискованныхъ имѣній ни въ одинъ годъ не превышалъ 45.000 фун.

Финансовые результаты.

Стоимость золотой и серебряной посуды, полученной казначействомъ и оцѣненной имъ, какъ металлъ, была больше 85,000 фун. или около милліона на наши деньги. Изъ другихъ предметовъ

наиболѣе богатые были сохранены и отправлены въ Лондонъ для пользованія короля; но большая часть была продана на мелкихъ аукціонахъ, которые происходили повсемѣстно въ монастыряхъ или капеллахъ оставленныхъ монастырей. Вообще король отъ 1536 г. до смерти получилъ около 1.423,500 фун. или около четырнадцати или пятнадцати милліоновъ на наши деньги. Кромѣ этой суммы надо еще принять во вниманіе цѣну одеждъ и другихъ церковныхъ предметовъ, сохраненныхъ для пользованія короля и безчисленное количество драгоцѣнныхъ камней и брилліантовъ изъ всѣхъ церквей и со всѣхъ ракъ англійскихъ монастырей—что Кромвель, очевидно, цѣнилъ выше, чѣмъ богатую посуду.

Распредѣленіе добычи.

Раймонда Бизли.

Были сдѣланы нѣкоторыя попытки устроить на будущее время церковь при помощи нѣкоторой части добычи, полученной при разграбленіи упраздненныхъ монастырей. Въ 1534 году было назначено двадцать шесть суффрагановъ (викаріевъ) [1]); потомъ послѣ окончательнаго уничтоженія монастырей въ 1539 году было обѣщано учрежденіе восемнадцати новыхъ эпархій; наконецъ было дѣйствительно учреждено шесть: въ Честерѣ, въ Петерборо, въ Глочестерѣ, въ Оксфордѣ, въ Бристолѣ и въ Вестминстерѣ. Изъ учрежденій Вольсея только одна Коллегія Кардинала» устояла съ уменьшенными средствами, но за то съ честью новаго королевскаго учрежденія. Послѣ перваго полученія Генрихомъ добычи въ 1529 году и до конца его жизни его нужда и жадность, казалось, возростали. Въ 1545 году, менѣе чѣмъ черезъ шесть лѣтъ послѣ захвата послѣднихъ монастырей, обезпеченія университетовъ, всѣхъ священническихъ коллегій, всѣхъ капеллъ и гильдій, были отданы въ распоряженіе короны; для ихъ ревизіи были назначены комиссары и только смерть короля отсрочила ихъ дѣятельность до новаго царствованія. Такъ какъ большая часть награбленныхъ земель перешла

---

[1]) Тетфордъ, Ипсвичъ, Кольчестеръ, Дувръ, Гильдфордъ, Таунтонъ, Саутгамптонъ, Шафтсбюри, Мельтонъ, Марльборо, Бедфордъ, Лейчестеръ, Глочестеръ, Шрефсбюри, Бристоль, Пенритъ, Бриджуотеръ, Ноттингамъ, Грантамъ, Гулль, Гунтингдонъ, Кэмбриджъ, Ст. Жермень (въ Корнвалиссѣ) и островъ Уайтъ и еще два—вмѣсто римскихъ епископовъ in partibus. Назначено было только семь суффрагановъ и дѣло на томъ остановилось до слѣдующаго царствованія.

къ знати и дворянамъ, а большая часть движимаго имущества попала скоро въ сундуки Генриха и была растрачена на его нужды, то всѣ интересы сосредоточились для дальнѣйшаго нападенія на церковную собственность, которое и продолжалось до смерти Эдуарда VI.

Но было бы ошибочно трактовать весь этотъ періодъ (1528—53) какъ единое цѣлое; въ первые десять лѣтъ дѣло, какъ мы видѣли, было главнымъ образомъ разрушительнымъ; въ слѣдующее десятилѣтіе замѣчается ясное стремленіе къ возсозданію, закончившемуся молитвенникомъ 1549 года. Послѣ проведенія окончательнаго статута противъ папской власти въ 1537 году, который охватывалъ и дополнялъ всѣ прежніе акты, и послѣ изданія въ 1539 году «Великой» или одобренной англійской библіи, стремленіе къ чужестранному протестантизму пріостановилось. Германскій лютеранскій бракъ съ Анной Клевской былъ уничтоженъ. Кромвель, надѣявшійся посредствомъ этого брака «довести короля до того, что онъ будетъ неспособенъ сопротивляться», отданъ въ добычу консервативной или католической партіи, которую онъ такъ жестоко преслѣдовалъ; актъ о шести статьяхъ снова признаетъ пресуществленіе, безбрачіе духовенства, обязательность обѣта цѣломудрія и устную исповѣдь— прибавляя съ большой, правда, осторожностью, что пріобщеніе подъ обоими видами не необходимо и что частныя обѣдни законны и полезны.

Бракъ съ Говардъ (28 іюля 1540 года) казалось, связывалъ короля съ реакціей также, какъ бракъ съ Боллейнъ и Сеймуръ (1533 и 1536 годовъ) связывали его съ революціей; но уже въ 1536 г. прокламація Генриха, приказывающая отнести въ церкви англійскую библію, «большой томъ», доказываетъ его недовольство перемѣнами въ догмѣ и протестантской агитаціей. «Не слѣдуетъ толпой читать Писаніе для споровъ или изложенія заключающихся тамъ тайнъ». Неразрѣшенные переводы съ ихъ полемическими предисловіями и примѣчаніями не одобрялись, въ 1539 году произведенъ былъ государственный пересмотръ перевода Тиндаля 1525 года и наконецъ, въ 1542 году Эдмундъ Боннеръ, лондонскій епископъ, съ разрѣшенія короля воспретилъ «всякое скопленіе для чтенія или комментированія читаемаго». Чѣмъ болѣе Генрихъ знакомился съ лютеранствомъ и съ цвингліанствомъ, тѣмъ болѣе онъ ненавидѣлъ обѣ эти системы.

Точно также десять статей 1536 года объяснены въ «Институціи Христіанина» и въ «Обученіи» (1537—43 годовъ) гдѣ защищается католическое ученіе безъ всякихъ измѣненій относительно крещенія, покаянія, евхаристіи и оправданія; объясняется право поклоненія образамъ, почитаніе святыхъ, церковныя церемоніи и чистилище; опровергаются многія злоупотребленія и опредѣляется, что «существо религіи» заключается къ библіи, въ трехъ символахъ вѣры и въ

постановленіяхъ первыхъ четырехъ соборовъ: Никейскаго, Константинопольскаго, Ефесскаго и Халкедонскаго.

Въ 1545 году Шакстонъ, бывшій епископъ Сарума, былъ вынужденъ признать всѣ спорные пункты въ направленіи средневѣковья; въ 1540 году Латимера посадили въ лондонскую Башню; въ тоже время, и потомъ въ 1545 году, Кранмера обвинили въ ереси и со времени паденія Кромвеля партія, оффиціальнымъ главой которой онъ былъ, очевидно переходитъ въ оппозицію, а консерваторы, во главѣ которыхъ стоялъ Гардинеръ, получаютъ силу въ Совѣтѣ и пользуются королевской милостью. Каковы бы ни были личныя склонности короля, онъ до конца симпатизировалъ церковникамъ. Даже тутъ замѣчается склонность трактовать всякую церковную систему, какъ политическое обязательство; положенія именуются утѣшительными (comfortable), благими (godly), милосердными (charitable), обряды — похвальными или поучительными (laudable, instructive). При всѣхъ спорахъ, гласитъ прокламація 1544 года, слѣдуетъ прибѣгать къ католической церкви; потому всѣ книги, противныя ученію, какъ теперь существующія, такъ и имѣющія появиться, воспрещаются; по Писанію только королю дана вся власть опредѣлять причины и исправлять ереси, заблужденія и грѣхи.

Правдивъ или нѣтъ разсказъ объ обращеніи Генриха [1]) во время его послѣдней болѣзни, но по отношенію къ догмѣ его прежнее настроеніе замѣчается во всѣхъ оффиціальныхъ актахъ до конца 1547 года; англійскій молитвенникъ 1549 года былъ результатомъ возсозидающей политики, которая имѣла цѣлью очистить и популяризировать католицизмъ, какъ Генрихъ понималъ его. Эта политика уже дала народу англійскую литанію 1544 года, англійскій молитвенникъ 1545 года [2]) съ переводомъ утрени и вечерни и частей другихъ службъ [3]); въ 1546 году «Кранмеръ получилъ распоряженіе напи-

---

[1]) Послѣ брака съ Катериной Парръ онъ, можетъ быть, подпалъ подъ вліяніе протестантовъ. Катерина достала переводъ „Парафраза“ Эразма, который послѣ, по приказу Эдуарда въ 1547 г. былъ рекомендованъ духовенству.

[2]) Или Book of Devotions, изданіе авторизованное, послѣ изданія Маршаля (1535).

[3]) Объ англійской литургіи 1514 г. См. письмо короля къ Кранмеру, гдѣ она названа „Common Prayer of Procession“ и гдѣ сказано, что „съ этихъ поръ должны быть общія процессіи во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ, церквахъ и приходахъ, съ молитвами и поклоненіемъ на нашемъ родномъ англійскомъ языкѣ“. Эта литургія и двѣ главы изъ англійской библіи для ежедневнаго чтенія—одна изъ Новаго, а другая изъ Ветхаго Завѣта—и переводы Молитвы Господней и Ave Maria (1543)—таково англійское богослуженіе, разрѣшенное до 1547 г., хотя въ предисловіи къ молитвеннику обѣщалось больше; вѣроятно въ пуританскихъ приходахъ и пользовались большимъ и неразрѣшеннымъ.

сать форму для измѣненія мессы въ обѣдню», также какъ въ 1535 и 1542 годахъ имя папы и «всѣ апокрифы, ложныя легенды, легендарные святые были вычеркнуты изъ богослужебныхъ книгъ и календарей, недавно очищеныхъ и измѣненныхъ».

Англійская библія.

Въ томъ же духѣ и съ кажущейся поддержкой руководителей церкви Генрихъ настаивалъ на изданіи достовѣрной англійской библіи.

Первоначалькый переводъ Тиндаля 1525 года былъ изгнанъ изъ употребленія при дворѣ за «его глоссы» и полемическія извращенія смысла, хотя текстомъ этого перевода широко пользовались во всѣхъ позднѣйшихъ изданіяхъ. Дальше мы подробно будемъ говорить объ исполненіи намѣренія Генриха.

До 1547 года Генрихъ закончилъ англійскую библію и началъ первый сборникъ англійскихъ пѣснопѣній, а вскорѣ послѣ этого Мильсъ Ковердаль составилъ первую книгу англійскихъ гимновъ. Употребленіе разговорнаго языка, повидимому, было одной изъ немногихъ чертъ, дѣйствительно соединившихъ консерваторовъ и протестантовъ Совѣта Генриха. Повидимому, обѣ партіи были не прочь согласиться на пересмотръ ритуала и народныхъ религіозныхъ обычаевъ, но они были не согласны относительно размѣровъ и предѣловъ реформы.

Уничтоженіе поклоненія реликвіямъ.

Въ числѣ оспариваемыхъ и отвергаемыхъ суевѣрій были и поклоненіе мощамъ и реликвіямъ, на которое такъ сильно нападали Колетъ, Эразмъ и Моръ, старыя формы поклоненія изображеніямъ святыхъ, призываніе святыхъ патроновъ, индульгенціи и злоупотребленіе очищеніями; рака св. Ѳомы, кентербюрійскаго мученика, какъ памятникъ священника, успѣшно сопротивлявшагося королю, по имени тоже Генриху, по своему богатству и извѣстности сдѣлавшаяся великимъ предметомъ поклоненія англичанъ, была разграблена и уничтожена и имя святаго было вычеркнуто изъ богослужебныхъ книгъ. Король получилъ двадцать шесть повозокъ, нагруженныхъ казной и давно приготовленное и задерживаемое отлученіе папы Павла III, составленное еще въ 1535 году и откладываемое изъ уваженія къ французскому королю также, какъ и Генрихъ пріостанавливалъ свои антипапскіе статуты до тѣхъ поръ, пока не потерялъ всякую надежду на примиреніе.

Ко времени изданія катехизиса Кранмера въ 1548 году пилигримства также, какъ и злоупотребленія поклоненіемъ изображеніямъ святыхъ и очищеніями, вышли, окончательно изъ употребленія, но почти всѣ литургическіе обряды были удержаны до конца царствованія. Въ годъ немилости Латимера король просилъ своихъ подданныхъ «сохранять святой хлѣбъ и воду, поклоняться Кресту, зажигать свѣчи передъ Тѣломъ Христовымъ, носить свѣчи и прочее». Попытки нѣмецкихъ друзей Кранмера въ 1538 году устранить эти и подобныя имъ ученія, какъ «суевѣрныя» и насилія протестантскихъ «буяновъ» вызвали актъ о шести статьяхъ, заставили отложить введеніе англій-

скаго требника и заставили Генриха до самой его смерти поддерживать каждую подробность стараго ритуала. Въ 1538 году въ Гадлеѣ, въ Суффолькѣ, въ Стратфордѣ и въ Эссексѣ обѣдня и Te Deum пѣлись на англійскомъ языкѣ; 23 августа того же года «жезлъ у сѣверныхъ дверей св. Павла» былъ снятъ по приказанію короля, но «англійскій порядокъ причащенія» появился только въ 1548 году. Но и тогда онъ оказался преждевременнымъ. Приходскіе регистры, введенные Кромвелемъ въ сентябрѣ 1538 года, велись правильно; но это и передача почти трети десятины мірянамъ, а также новыя епископы, эпархіальные и викарные—вотъ и всѣ измѣненія въ прежней церковной системѣ при Генрихѣ VIII. Монастыри составляли наростъ этой системы и они были устранены, какъ таковой. Нормальные приходъ, деканство, архидеканство и эпархія и ихъ упроченіе—такова была признанная цѣль короля; нормальные догма и обряды, независимо отъ вопроса о власти и доходѣ—вотъ что онъ хотѣлъ сохранить во чтобы то ни стало. Онъ утверждалъ, что англійская церковь отвергла иностранную тиранію и нововведенія и признаетъ своимъ образцомъ первыхъ христіанъ, но безъ всякаго отступленія и несогласія съ другими національными церквями, ни на іоту не отступая отъ старой католической вѣры. Старый католическій или англокатолическій идеалъ удовлетворялъ первыхъ реформаторовъ, но этотъ идеалъ отвергался протестантами, — медленные, но постоянные успѣхи которыхъ были доказаны ихъ громаднымъ вліяніемъ въ началѣ новаго царствованія, когда они пользовались и милостью при дворѣ.

Военное искусство.

Омана.

Въ общей исторіи военнаго искусства періодъ, начинающійся съ французскаго нашествія въ Италію при Карлѣ VIII и кончающійся миромъ при Като Камбрези (1493—1559) имѣетъ большое значеніе, такъ какъ онъ представляетъ переходъ отъ средневѣковыхъ формъ воинскаго дѣла къ современнымъ. Но для Англіи эти годы ничѣмъ не замѣчательны, такъ какъ здѣсь соотвѣтствующее измѣненіе произошло только въ слѣдующемъ поколѣніи. На континентѣ періодъ этотъ закончился полнымъ военнымъ торжествомъ дисциплинированныхъ постоянныхъ армій, дискредитированіемъ тяжелаго вооруженія, торжествомъ огнестрѣльнаго оружія, причемъ мушкетъ всегда соединялся съ пикой, какъ вооруженіе пѣхоты. Въ Англіи, какъ мы увидимъ дальше, не было сдѣлано попытокъ для созданія постоянной

арміи—постоянныхъ армій не было, собственно говоря, до появленія «новаго образца», арміи 1645 года. Національными оружіями все еще оставались копье для конницы и лукъ и топоръ для пѣхоты. Во все время царствованія Генриха VIII мы еще слышимъ о раздѣленіи на «копья» и «луки» раздѣленія, обычныя въ войнахъ Генриха V во Франціи и въ войнахъ Розъ.

Первая половина шестнадцатаго вѣка не была ни особенно замѣчательной, ни особенно славной эпохой въ военной исторіи Англіи. Единственными большими битвами въ этотъ періодъ были двѣ битвы при Флодденѣ и при Пинки и «битва шпоръ». Генрихъ, правда, совершилъ три нашествія во Францію, но они были безплодными. Завладѣніе Турне и Булони были не особенно замѣчательными и интересными военными подвигами; общее впечатлѣніе, оставляемое этими компаніями, не особенно лестно ни для вождей, ни для войска. Правда, не было и пораженій; но съ другой стороны нападающіе, выступившіе съ надеждой соперничать съ подвигами Кресси и Ажинкура, вернулись домой, не пожавъ лавровъ. Они проникли только до первыхъ укрѣпленій Франціи и не могли проникнуть далеко въ страну и гнать передъ собой врага, какъ гнали его ихъ предки. Однако арміи Генриха VIII были не меньше и гораздо лучше снаряженными, чѣмъ арміи четырнадцатаго и пятнадцатаго вѣковъ. Эти неудачи мы не можемъ объяснить однимъ только увеличеніемъ могущества французской монархіи и тѣмъ, что тамъ уже была введена постоянная армія. Кажется, что тогдашней англійской арміи недоставало чего то и при ближайшемъ разсмотрѣніи легко понять, чего именно ей недоставало.

Сила старой системы и слабость новой.

Сила старыхъ армій Эдуарда III или Генриха V состояла въ тѣсномъ единеніи между вождями и солдатами. Хотя эти арміи составлялись не на основаніи феодальныхъ принциповъ, а на основаніи системы договоровъ (indentures) между королемъ и его рыцарями и дворянами—но рядовые всегда были личные послѣдователи и слуги начальниковъ. Люди, приводимые въ королевскую армію Салисбюри или Варвикомъ, были ихъ тенантами или домашними слугами, связанными съ хозяевами узами мѣстной преданности и личной привязанности. До тѣхъ поръ, пока существовало старое средневѣковое баронство, оно всегда могло разсчитывать на повиновеніе и преданность своихъ тенантовъ. Люди, носившіе на рукавѣ и шлемѣ значекъ своего начальника, ожидавшіе отъ него поддержки въ мирное время и слѣдовавшіе за нимъ, какъ за природнымъ вождемъ, въ военное время, составляли силу надежную. Они не были склонны къ мятежу или дезертирству, такъ какъ неповиновеніе ихъ лорду на войнѣ означало раззореніе дома. Измѣна во время войны Розъ была на сторонѣ бароновъ по отношенію къ королю, а не на сторонѣ солдатъ по отношенію къ ихъ лордамъ.

Эдуардъ IV и Генрихъ VII положили конецъ старому порядку. Половина земли Англіи была конфискована при безчисленныхъ процессахъ объ измѣнѣ, слѣдовавшихъ за битвами при Таутонѣ, Гексамѣ, Барнетѣ и Тьюксбюри. Многіе старые баронства исчезли, другія сохранились только номинально и перешли къ новымъ родамъ. Произошелъ страшный разрывъ въ старыхъ феодальныхъ отношеніяхъ между лордомъ и вассаломъ. Относительно старыхъ пэровъ, имѣвшихъ высокій рангъ и могущество, можно сказать, что единственными, сохранившимися до времени Генриха VIII, были только Нортумберландъ и Букингамъ, потому что графства Арундель, Вестмореландъ и Оксфордъ, три другіе старыя баронства, еще сохранившіяся, никогда не были ни очень богаты, ни очень могущественны; а Говарды изъ Норфолька были далеко не такъ знатны, какъ ихъ предшественники Мовбреи. Кромѣ того Генрихъ VII своимъ суровымъ преслѣдованіемъ практики livery и maintenance сдѣлалъ все возможное для уничтоженія старой воинской связи между баронами и ихъ тенантами.

Потому то новая придворная знать, происходившая отъ людей, сдѣланныхъ пэрами Эдуардомъ IV и Генрихомъ VII, не имѣла такого личнаго вліянія на своихъ тенантовъ, какъ старое баронство. При объявленіи войны и при началѣ компаніи за моремъ арміи собирались, какъ и раньше, на основаніи системы договора, но система эта уже не давала тѣхъ крѣпкихъ и преданныхъ отрядовъ, которые шли за старыми знатными лордами. Вопіющимъ недостаткомъ арміи Генриха VIII была ихъ страшная несубординація и неповиновеніе начальникамъ. За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда присутствовалъ самъ строгій король, готовый возстановить дисциплину силой меча, англійскіе отряды начала шестнадцатаго вѣка всегда были готовы превратиться въ недисциплированную толпу при первой неудачѣ или при первомъ неудобствѣ похода. Въ 1512 году несчастная экспедиція Дорсета въ Испанію была совершенно погублена мятежемъ; солдаты ворчали на дурную пищу, на бездѣйствіе испанскихъ союзниковъ, на недостатокъ пива—«потому что ихъ желудокъ лучше принимаетъ пиво, чѣмъ сидръ или вино; ибо крѣпкое вино вредитъ имъ, а отъ сидра они хвораютъ». Началась замѣчательная стачка: люди отказались выдти изъ С. Себастіана, если ихъ жалованье не будетъ увеличено съ 6 д. до 8 д. въ сутки. Вскорѣ началось замѣчательное зрѣлище дезертированія цѣлой арміи. Солдаты захватили магазины, испекли на недѣлю сухарей, угрожали смертью офицерамъ, пытавшимся остановить ихъ и отплыли въ Англію. Король хотѣлъ судить маркиза Дорсета за измѣну, потому что онъ оказался неспособенъ заставить людей исполнять ихъ обязанности, но долженъ былъ оставить это дѣло, такъ какъ нельзя же было судить цѣлую армію.

Отсутствіе дисциплины.

Одинадцать лѣтъ спустя произошло почти тоже самое, когда герцогъ Суффолькъ повелъ за проливъ экспедицію, которую Вольсей называлъ «величайшей изъ армій, отправленной съ этихъ береговъ въ теченіи послѣднихъ ста лѣтъ»—хотя онъ нѣсколько и ошибался въ этомъ утвержденіи, такъ какъ Генрихъ V въ 1422 году и Эдуардъ IV въ 1475 вывели въ поле больше 13000 человѣкъ. Въ ноябрѣ сдѣлалось холодно и люди начали сильно страдать отъ недостатка зимняго платья и надлежащихъ палатокъ. Наконецъ валисцы начали кричать: «домой, домой!» на что нѣкоторые изъ англичанъ отвѣчали презрительнымъ крикомъ: «повѣсить, повѣсить!» Началась свалка, которую съ трудомъ прекратили; но когда погода еще ухудшилась, то недовольство увеличилось настолько, что Суффолькъ былъ вынужденъ распустить войско и позволилъ ему потащиться назадъ къ Кале, хотя король строго воспретилъ отступать и приказалъ арміи удержать позиціи. Неудивительно, что послѣ этого герцогъ «долго не появлялся въ присутствіи короля ради недовольства и гнѣва послѣдняго».

Генрихъ VIII въ походахъ.

Когда въ походѣ былъ самъ король, дисциплина, повидимому, была лучше. Генриха и боялись и уважали; преданность къ нему, казалось, была достаточнымъ мотивомъ, чтобы удержать солдатъ отъ такихъ нарушеній дисциплины. Но должно признать, что его присутствіе въ войскѣ было столь же вреднымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ и полезнымъ въ другихъ; король настолько привыкъ къ роскоши и пышности, что обыкновенно отправлялся на войну съ такой свитой, которая оказывалась серьезнымъ препятствіемъ для дѣла и вредомъ для арміи. Списокъ свиты и багажа, забранныхъ имъ въ компанію 1513 года, удивителенъ и составляетъ поразительный контрастъ съ тѣмъ скромнымъ багажемъ, съ которымъ обыкновенно выступалъ въ походъ Генрихъ V. Съ нимъ отправлялся на четырнадцати повозкахъ его «деревянный домъ», у него была парчевая палатка, кромѣ нѣсколькихъ дюжинъ меньшихъ палатокъ и павильоновъ для свиты. Не военная часть его свиты была велика до нелѣпости—дюжины поваровъ, пирожниковъ, прачекъ, дворецкихъ, пажей, кухонныхъ мужиковъ. Одинъ его гардеробъ по расчету занялъ бы залу въ сорокъ пять футовъ длины и пятнадцать ширины. Опъ бралъ съ собой смотрителя своего «дома драгоцѣнностей» и нѣсколько сундуковъ драгоцѣнностей. Но можетъ быть наиболѣе замѣчательной частью его свиты былъ полный хоръ королевской капеллы въ числѣ не менѣе 115 капелланова и пѣвцовъ. Съ такой ордой безполезныхъ спутниковъ, требующей сотенъ повозокъ и тысячъ лошадей Генрихъ точно соперничалъ съ Ксерксомъ въ нелѣпой и не практичной пышности. Такой багажъ составлялъ бы препятствіе для любой арміи и мы понимаемъ, почему его дѣйствія были столь медленны и безполезны.

Послѣ Генриха остался цѣлый кодексъ лагерныхъ правилъ и воинскихъ статей отъ 1543 года. Онѣ во многихъ отношеніяхъ интересны и многое въ нихъ практично и разумно. Очень полезный приказъ, чтобы всѣ лагерные отбросы и трупы зарывались ночью въ траншеяхъ внѣ лагеря, указываетъ на развитіе понятій о санитаріи сравнительно съ прежней воинской практикой. Правила относительно дисциплины очень строги—что несомнѣнно было слѣдствіемъ многочисленныхъ возмущеній первыхъ лѣтъ царствованія. Старое недовольство королей феодальнымъ партикуляризмомъ ясно доказывается правиломъ, воспрещающимъ употребленіе всякихъ частныхъ значковъ или знаменъ. Всякій солдатъ долженъ носить на плащѣ крестъ св. Георгія и никакая другая эмблема недопустима.

Мундиры. Генрихъ пытался ввести регулярный мундиръ для всей арміи, хотя на цѣлѣ онъ былъ введенъ только черезъ сто лѣтъ послѣ его смерти. Этотъ мундиръ долженъ былъ состоять изъ голубого, отороченнаго краснымъ, сюртука, изъ штановъ, правая половина которыхъ красная, а лѣвая голубая, на послѣдней красный лампасъ въ три дюйма ширины.

Экипировка. Войско по прежнему дѣлилось на «копья», «луки» и «топоры». Большинство конницы было въ старомъ рыцарскомъ вооруженіи, въ то время очень тяжеломъ, потому что увеличивающаяся сила огнестрѣльнаго оружія заставила кавалерію носить все больше и больше толстыхъ защищеній, такъ что въ концѣ концовъ вооруженіе было «больше похоже на наковальню, чѣмъ на панцырь». Существовала также легкая конница, называемая «*полукопья*»; къ концу царствованія появляются конные стрѣлки, прототипъ позднѣйшихъ драгуновъ.

Стрѣлки. Пѣхота, какъ и во времена войнъ Розъ, состояла изъ «луковъ» и «топоровъ», почти равныхъ по численности. Стрѣлки были еще очень хороши и настолько хорошо выдерживали сравненіе съ иностранными войсками, вооруженными огнестрѣльнымъ оружіемъ, что не замѣчается ни малѣйшей склонности замѣнить лукъ ружьемъ. Національное англійское вооруженіе, повидимому, достигло совершенства въ началѣ царствованія первыхъ Тюдоровъ. Луки, найденные въ 1841 году, какъ останки крушенія несчастной «Маріи Розы», затонувшей у острова Уэйта въ 1545 году, были шести футовъ, четырехъ дюймовъ въ длину; для стрѣльбы изъ нихъ требовались чрезвычайныя искусство и сила. И стрѣлки и алебардщики были одинаково защищены желѣзными щитами на груди и на спинѣ, носили или старыя стальныя шапки (Salades) или болѣе новый morion, высокій остроконечный головной уборъ съ искривленными краями, вошедшій въ общее употребленіе и замѣнившій всяческіе шлемы пѣхотинцевъ во второй половинѣ періода Тюдоровъ.

Артиллерія. Численность артиллеріи въ арміи непрерывно увеличивалась въ

шестнадцатомъ вѣкѣ, хотя она все еще была мала, если судить по современнымъ арміямъ; двѣсти пушкарей съ десятью или двѣнадцатью «серпентинами» или «бомбардами» было очень много для десятитысячной арміи. Артилеріей начальствовалъ «мастеръ ординанса», обыкновенно при Тюдорахъ рыцарь. Но по мѣрѣ того, какъ артилерія получала все большее значеніе во второй половинѣ вѣка, на этотъ постъ назначаются знатные пэры. До Генриха VIII большая часть артилерійскаго обоза покупалась заграницей и только сравнительно небольшая часть дѣлалась дома. Первое учрежденіе пушечной литейной фабрики ведетъ начало съ 1520—1530 годовъ, съ этого времени мѣдныя пушки льются въ Англіи и совершенно вытѣсняютъ старыя желѣзныя пушки съ обручами. Утверждаютъ, что Петръ Кельнскій и Петръ Бауде, главные оружейники Генриха, изобрѣли въ 1543 году бомбы для мортиръ. Стоу описываетъ ихъ, какъ «пустыя ядра изъ литого желѣза, начиненныя порохомъ съ желѣзными винтами для фитиля, который зажигался, такъ чтобы порохъ могъ разорвать на мелкія куски это пустое ядро; самая малая частица его, попавъ въ человѣка, убиваетъ или ранитъ его». Это изобрѣтеніе было преждевременнымъ также, какъ случайныя осадныя пушки шестнадцатаго вѣка, которыя кое гдѣ хранятся по арсеналамъ. Вѣроятно, то обстоятельство, что взрывъ не всегда происходилъ и было причиной, что это изобрѣтеніе не имѣло того успѣха, который оно заслуживало.

Тактика Флодденъ.

Мы уже упомянули что большія битвы были рѣдкостью въ французскихъ и шотландскихъ войнахъ короля Генриха. Битва при Сольвеѣ и «битва шпоръ» были кавалерійскими стычками. Флодденъ единственная битва этого царствованія, заслуживающая упоминанія. Это одна изъ первыхъ битвъ въ Англіи, въ которой старое распредѣленіе на «три битвы»—авангардъ, главный корпусъ и аріегардъ—было оставлено обѣими сторонами. Іаковъ IV, какъ предполагаютъ по убѣжденію многочисленныхъ опытныхъ французскихъ воиновъ, бывшихъ въ его арміи, составилъ фронтъ изъ пяти колоннъ средней величины, поддерживаемыхъ второй линіей изъ четырехъ резервныхъ колоннъ. Для того, чтобы помѣшать скопленію и предупредить неумѣнье маневрировать, которыя всегда губили шотландскія арміи въ прежнихъ войнахъ съ англичанами, между каждой колонной были оставлены большіе промежутки. Такое распредѣленіе, повидимому, повело къ ошибкѣ, совершенно обратной тѣмъ, какія изстари губили шотландцевъ, потому что отдѣльные отряды не соприкасались другъ съ другомъ и вели отдѣльныя стычки на разныхъ сторонахъ Бранкстонскаго холма. Дивизіи Гентли и Гома на лѣвомъ крылѣ послѣ первой аттаки не удержали своихъ сообщеній съ центромъ; резервную колонну Ботвеля въ центрѣ второй линіи забыли во рвахъ и не вывели въ надлежащій моментъ на помощь центру.

Войско лорда Сюррея было раздѣлено на меньшее сравнительно съ шотландцами число отрядовъ и распредѣлено въ «двѣ битвы» (линіи), у каждой по два небольшихъ крыла. Они шли эшелонами, правое крыло правой битвы (линіи) впереди; вѣроятно такое распредѣленіе было обусловлено болотомъ впереди лѣвой линіи, а не какимъ либо обдуманнымъ стратегическимъ маневромъ. Тѣмъ не менѣе вслѣдствіе такого распредѣленія битва началась на правомъ крылѣ и постепенно распространилась по всей линіи по мѣрѣ того, какъ каждая англійская дивизія сходилась съ шотландской колонной.

Подробности битвы при Флодденѣ имѣютъ характеръ общій съ подробностями прежнихъ англо-шотландскихъ битвъ. Это была въ сущности битва пѣхоты, гдѣ шотландскіе копейщики стояли противъ англійской комбинаціи лука и топора. Сначала всѣ колонны короля Іакова держались, кромѣ праваго крыла, гдѣ легко вооруженные горные шотландцы Аржиля и Леннокса были скоро сломлены. Но копейщики въ центрѣ и на лѣвомъ крылѣ удерживали англичанъ до конца битвы своими сжатыми рядами, и только къ вечеру уступили стрѣлкамъ невыносимо обстрѣливавшимъ ихъ въ промежуткахъ между нападеніями алебардщиковъ и конницы Сюррея. Ночь спасла остатокъ разбитой арміи, иначе отступленіе кончилось бы полнымъ уничтоженіемъ, когда утомленные копейщики, наконецъ, искали спасенія въ опасномъ отступленіи къ Твиду. Путь въ Шотландію шелъ мимо праваго крыла англичанъ, и потому при дневномъ свѣтѣ ни одинъ бѣглецъ не могъ бы спастись.

Укрѣпленія.

Необходимо еще упомянуть въ заключеніе, что царствованіе Генриха VIII было не безплоднымъ въ смыслѣ постройки замковъ. Форты Генриха не были, конечно, средневѣковыми твердынями, а просто небольшими укрѣпленіями, пригодными только для защиты береговъ. Французы такъ часто были господами пролива и такъ часто дѣлали нападенія на южныя графства, что король воздвигъ много замковъ на берегахъ Кента, Суссекса и Гампшира, которые должны были служить мѣстными центрами защиты. Они должны были сопротивляться высадкамъ на берегъ, а не выдерживать продолжительныя осады; они были потому умѣренной величины и простой структуры, совсѣмъ не похожи на сложныя постройки Эдуардовъ на границахъ Валисса и Шотландіи. Они помѣщались на открытомъ берегу, гдѣ было легко высадиться и должны были именно препятствовать этимъ высадкамъ. Примѣрами могутъ служить замокъ Сандоунъ, прикрывающій длинный восточный берегъ острова Уайта и Камберъ на плоскости между Винчельсеа и Рай. Въ этихъ небольшихъ замкахъ были постоянные гарнизоны изъ нѣсколькихъ пушкарей, подкрѣпляемые при появленіи непріятеля мѣстной милиціей сосѣднихъ графствъ.

ФЛОТЪ.

Лэйрда Кловиса.

До начала шестнадцатаго вѣка королевскій англійскій флотъ состоялъ изъ немногихъ кораблей. Они составляли собственность государя и въ мирное время иногда отдавались въ наймы купцамъ, но чаще употреблялись для охраны проливовъ или для перевоза между Англіей и континентомъ знатныхъ особъ. Въ военное время они составляли только ядро флота, большая часть котораго состояла изъ кораблей, снаряжаемыхъ на основаніи граматъ Пятью Портами и изъ еще большаго числа кораблей нанимаемыхъ или арестуемыхъ у частныхъ лицъ. При Генрихѣ VII королевскій флотъ былъ увеличенъ, но организованъ, какъ постоянный, онъ былъ только при Генрихѣ VIII и тогда онъ былъ порученъ отдѣльному правительственному учрежденію. По этому на Генриха VIII, каковы бы ни были неудачи его морской политики въ другихъ отношеніяхъ, можно смотрѣть, какъ на создателя британскаго флота. Онъ создалъ планъ морской службы, на основаніи котораго морское дѣло продолжало непрерывно развиваться. Онъ поощрялъ насажденіе и охраненіе лѣсовъ для кораблестроенія. Онъ энергично преслѣдовалъ пиратство и всяческія злоупотребленія. «Составленные при немъ законы, говоритъ Кампбелль, для облегченія и поддержанія внутренняго судоходства ясно указываютъ, что начали понимать и цѣнить значеніе большихъ рѣкъ гораздо болѣе, чѣмъ во время гражданскихъ войнъ, когда общественное благо уступало мѣсто частнымъ интересамъ. Темза, Уза, Эксъ, рѣка Саутгамптона, Севернъ и т. д. были освобождены отъ запрудъ и другихъ препятствій; былъ проведенъ актъ объ углубленіи рѣки Кентербюри, чтобы сдѣлать ее судоходной. Незаконныя пошлины и другіе вредные сборы на Севернѣ были уничтожены, такъ что сообщеніе по этой большой рѣкѣ сдѣлалось по возможности свободнымъ. Фабрикація канатовъ и другихъ товаровъ изъ конопли, главнымъ мѣстомъ которой былъ Бридпортъ въ Дорсетширѣ, была упрочена за этимъ городомъ парламентскимъ статутомъ. Многіе законы были изданы для предохраненія гаваней въ Девонширѣ и Корнваллисѣ отъ порчи ихъ отбросами свинцовыхъ рудниковъ. Былъ проведенъ также актъ въ пользу порта Скарборо; на Дувръ, гавань котораго была сильно испорчена, король истратилъ шестьдесятъ или семьдесятъ тысячъ изъ своего собственнаго кошелька для постройки новаго мола и другихъ необходимыхъ сооруженій». Онъ даровалъ также многія привилегіи жителямъ Пуля ради ихъ гавани. Онъ устроилъ королевскіе доки въ Вульвичѣ и Депфордѣ и корпорацію дома Троицы, и хотя постройка большой и

знаменитой верфи, носящей его имя, была незначительнымъ шагомъ по пути къ созданію сильнаго флота, онъ все таки заслуживаетъ похвалы за его дѣятельность въ дѣлѣ береговой охраны. На это онъ обращалъ особое вниманіе, но въ тоже время онъ совсѣмъ не преувеличивалъ значенія этой охраны, онъ не думалъ, что охрана Англіи можетъ быть обезпечена однимъ только флотомъ. Онъ укрѣпилъ островъ Портландъ, построилъ замокъ Гёрстъ, форты въ Коуэсѣ, замокъ Камберъ для защиты Райя и Винчельсеа, замокъ Соутси и другія укрѣпленія для защиты Портсмута и замки въ Вальмерѣ, Сандгэтѣ, Дилѣ, Сандоунѣ, Кинборо, С. Мауэсъ, Пенденнисъ и въ другихъ мѣстахъ вдоль береговъ. Его методы были беззаконными и даже деспотическими, но результаты, къ которымъ онъ стремился и которыхъ онъ до нѣкоторой степени и достигъ, были несомнѣнно направлены на увеличеніе могущества и величія страны.

Военные корабли Генриха VIII.

«Регентъ», самый большой изъ военныхъ кораблей, унаслѣдованныхъ имъ отъ его отца, былъ, какъ уже сказано, уничтоженъ въ битвѣ съ французами въ 1512 году. Король немедленно началъ постройку знаменитаго Henri Grace a Dieu или Great Harry, закладка котораго происходила въ Эрифѣ въ сентябрѣ того же года и который былъ готовъ къ плаванію въ 1515 году. Кажется, образцомъ для этого корабля послужилъ прежній корабль того же наименованія, но этотъ былъ нѣсколько больше и лучше, какъ морское боевое сооруженіе, Существуетъ нѣсколько предполагаемыхъ изображеній этого корабля. Одно находилось въ теченіи многихъ лѣтъ въ Кентербюрійскомъ соборѣ и наконецъ было подарено деканомъ и капитуломъ адмиралу флота Джону Норрису, умершему въ 1749 году. Другое изображеніе составляетъ собственность королевы и представляетъ отплытіе Генриха VIII изъ Дувра 31 мая 1520 года для свиданія съ Франциской I. Это изображеніе, приписываемое Вольпе, но также приписываемое и Гольбейну, представляетъ короля на «Великомъ Гарри» отправляющимся изъ гавани Дувра съ распущенными парусами. Чарнокъ такъ описываетъ это изображеніе: «у него четыре мачты съ двумя круглыми марсами на каждой, кромѣ болѣе короткой бизань-мачты, паруса изъ парчи и дама, на каждой изъ четырехъ угловъ бака развѣвается королевское англійское знамя, на верху палки каждаго изъ знаменъ золотыя лиліи, на марсахъ мачтъ развѣваются значки, на каждомъ углу палубы знамя креста св. Георга. Стороны и бока корабля, также какъ и верхняя палуба, укрѣплены и украшены щитами (targets) съ лазурнымъ крестомъ св. Георга или золотой лиліей, частію съ союзной розой, серебрянной и зеленой, а частію съ золотой рѣшеткой—все это попеременно и съ повтореніями. Передняя часть бака раскрашена въ блѣдносеребрянный цвѣтъ съ зеленымъ и на немъ кругъ изъ двухъ подвязокъ, гербы Франціи и Англіи съ коронами, которыя поддерживаются львомъ

и дракономъ—ибо эти гербы тогда употреблялись королемъ Генрихомъ Восьмымъ. Тѣже гербы на кормѣ. Съ каждой стороны руля отверстіе съ пушкой, по бокамъ главной палубы отверстіе съ двумя пушками и такія же отверстія подъ бакомъ. Фигура на носу корабля, повидимому, должна изображать льва, но она чрезвычайно дурно вырѣзана. Подъ кормой ботъ съ двумя знаменами креста св. Георга на носу и на кормѣ». Опись вооруженія и снарядовъ корабля сохранилась въ библіотекѣ коллегіи Магдалины въ Кембриджѣ. Изъ этой описи видно, что на кораблѣ было мѣдныхъ орудій: 4 пушки, 3 полупушки, 4 кульверины, 2 полукульверины, 4 sakers, 2 cannon-perers и 2 фальконета; желѣзныхъ орудій: 14 переносныхъ пушекъ, 4 пращи (slings), 2 полу-пращи, 8 охотничьихъ орудій (fowlers), 60 baessys 2 марсовыхъ орудія, 40 вѣстовыхъ орудій (hail-shot pieces) и 100 ружей. «Пушка» того времени была 8 дюймовое орудіе 8 ф. 6 д. длины, «полупушка» 6,4 дюймовое 11 ф. длины, кульверина 5,2 дюймовое 11 ф. длины, saker—3,6 дюймовое, 6 ф. 11 дюймовъ длины; что такое cannon-perer достовѣрно неизвѣстно. Желѣзныя орудія всѣ были малаго калибра. Для пушекъ на «Великомъ Гарри» было 2 ласта «серпентина» (Serpentin, греческій огонь) и 6 ластовъ «зернового» пороха (corn-powder) въ боченкахъ, причемъ ластъ вѣсилъ, вѣроятно, около 4000 фун. Зарядъ для большихъ пушекъ былъ такой: для пушки 100, для полупушки 60, для кульверины 120, полукульверины 70, для сакера 120, для cannon-perer 60, для фальконета 100. Въ числѣ «разныхъ разностей» (амуниціи—munycions) упоминается 12 желѣзныхъ полозьевъ (рельсовъ), 12 желѣзныхъ винтовъ, брезентъ для картечи, paper tyal для картечи, десять гроссовъ тетивы, луки, стрѣлы, дротики и пики; въ числѣ военныхъ снарядовъ (habilements for warre) были веревки, гвозди, кожанные мѣшки, глиняные горшки, дерево, колеса, и корабельная кожа (shipe skynnys). Экипажъ состоялъ изъ 349 солдатъ, 301 матросовъ, 50 пушкарей—всего 700 человѣкъ. Изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что вымпелъ въ 51 ярдъ длины для главной мачты стоилъ 3 фун. и изъ двухъ флаговъ съ крестами св. Георга каждый стоилъ по 10 д. Запись снаряженія въ 1521 году показываетъ, что главная мачта корабля была 16 д. въ окружности. Въ письмѣ къ королю отъ 4 іюня 1522 года изъ Доунса Вилльямъ Фипвильямъ сообщалъ, что «Великій Гарри» плаваетъ также хорошо и даже лучше всѣхъ кораблей во флотѣ и перегоняетъ ихъ всѣхъ, кромѣ «Маріи Розы».

Сравнительно съ «Маріей Розой», кораблемъ, въ которомъ было только 600 тоннъ груза, «Гарри» несомнѣнно являлся прогрессомъ какъ по постройкѣ, такъ и по величинѣ и вооруженію. Несчастная «Марія Роза», нижняя палуба которой была только на шестнадцать дюймовъ выше воды, затонула съ капитаномъ и 400 человѣкъ эки-

пажа, когда она хотѣла напасть на французскій флотъ при Спитгидѣ въ 1545 году. Въ этотъ день на ней обѣдалъ самъ король. Нѣкоторыя изъ ея пушекъ, очень хорошей работы, долгое время спустя были найдены и сохраняются еще и теперь. Среди нихъ есть осьмисторонняя кульверина 4,5 дюймоваго калибра, 8 ф. 6 д. длины и мѣдная Cannon-royal, самая большая пушка того времени 8,54 дюймоваго калибра, вмѣщавшая круглое ядро въ 66 фунтовъ и требующая, какъ утверждаютъ, для заряда 30 фунтовъ пороху.

Плата матросамъ и офицерамъ во времена Генриха была не высока. Вице-адмиралъ получалъ 10 ш. въ день, а капитанъ только 1 ш. 6 д. Солдаты, матросы и пушкари получали по 5 ш. въ мѣсяцъ и 5 ш. кормовыхъ, или деньгами или натурой. Мастеръ пушкарь получалъ 20 ш., а главные пушкари по 15 ш. 3 д. въ мѣсяцъ. Люди, какъ и раньше, иногда получали кромѣ жалованья награды или пособія. Въ 1514 году два клерка адмирала получали по 8 д. каждый.

При битвахъ уже начала вырабатываться извѣстная тактика. Каждый изъ кораблей старался занять подвѣтренную сторону; пытались даже производить правильные маневры; но кажется, исходъ битвы рѣшался обыкновенно гораздо больше при помощи луковъ, стрѣлъ, топоровъ, пикъ, горшковъ съ известью и горючими матеріалами и рукопашной, чѣмъ при помощи пушечнаго огня; есть основаніе полагать, что во время битвы число обоюдныхъ объѣздовъ (маневрированій) было сравнительно не велико. Въ это царствованіе, кажется, впервые появляется обычай пушечныхъ салютовъ.

Объясняя увеличеніе размѣровъ кораблей, отецъ Даніель говоритъ: «одно замѣчаніе достаточно, чтобы показать, что самые большіе изъ военныхъ кораблей того времени не выдерживаютъ по величинѣ сравненія съ кораблями настоящаго времени. Доказательствомъ служитъ то, что когда то наши флоты исправлялись въ гаваняхъ, мелководныхъ для теперешнихъ кораблей средней величины, Гарфлёръ былъ одинъ изъ самыхъ значительныхъ изъ этихъ портовъ; теперь овцы пасутся тамъ, гдѣ раньше флоты стояли на якорѣ, такъ какъ море удалилось на цѣлое льё; но и теперь видно, какъ мелко тутъ было въ то время». Этому несовсѣмъ логическому замѣчанію придавали чрезмѣрное значеніе и историки флота, можетъ быть, черезъ чуръ ужъ уменьшаютъ величину кораблей до Тюдоровъ, забывая то обстоятельство, что отступленіе моря во многихъ мѣстахъ, и особенно въ нѣкоторыхъ изъ Пяти Портовъ, очевидно обусловливалось наносами песка и гравеля, такъ что невозможно съ точностью опредѣлить глубину въ прежнія времена. Но несомнѣнно, что при первыхъ Тюдорахъ были сдѣланы громадныя улучшенія, какъ относительно величины, такъ и относительно качества кораблей; со времени

Генриха VIII мы можемъ считать начало нашего флота «на что нибудь пригоднаго» и способнаго къ плаванію.

Генрихъ учредилъ адмиралтейство и назначилъ извѣстныхъ офицеровъ, называемыхъ «главными офицерами флота», завѣдывать гражданской частью службы подъ начальствомъ лорда верховнаго адмирала. Эти чиновники, кажется, засѣдали въ Товеръ-Гиллѣ, но точныя инструкціи для ихъ руководства были даны только въ царствованіе Эдуарда VI.

Очень важнымъ фактомъ начала царствованія Генриха, фактомъ, не только доказывающимъ морское значеніе Англіи, но и такимъ, который долженъ былъ повліять благопріятно на національную гордость, было назначеніе графа Томаса Сюррея главномандующимъ союзныхъ флотовъ Англіи и Римской имперіи. Императоръ Карлъ V въ своемъ порученіи Сюррею отъ 8 іюня 1522 года даровалъ англійскому лорду верховному адмиралу—«ту же власть и полномочіе надъ нашимъ императорскимъ флотомъ, капитанами, солдатами и матросами—какъ то повышеніе офицеровъ, дарованіе заслуженнымъ лицамъ рыцарскаго званія, наказаніе преступниковъ, отдаваніе надлежащихъ приказаній, судъ по всѣмъ дѣламъ и исполненіе и опредѣленіе всего, что находится въ его распоряженіи — какія сказанный адмиралъ имѣетъ во флотѣ своего короля».

Морская торговля значительно увеличилась и процвѣла. По утвержденію Гаклита особое значеніе получила торговля съ Левантомъ. «Въ 1511—1512 годахъ до 1534 года нѣсколько кораблей изъ Лондона, а также корабли Саутгамптона и Бристоля вели обычную торговлю съ Сипиліей, Кандіей, Хіосомъ и иногда съ Кипромъ, а также съ Триполи и Бейрутомъ въ Сиріи. Ввозимые ими туда товары были: тонкая шерстяная матерія (керазея) разныхъ цвѣтовъ, грубая такая же матерія, бѣлые западные чулки, бумага, извѣстныя сукна, именуемыя «статутами» и другія, именуемыя «бѣлыми кардиналами» и телячьи кожи, продаваемыя въ Сицилію и т. п. Ввозимые ими оттуда товары были: шелкъ, камлотъ, ревень, мушкатное вино, мускадель и другія вина, масла, бумага, дерево, турецкіе ковры, перецъ, циннамонъ и нѣкоторыя другія пряности и пр. Кромѣ торговли съ природными жителями тѣмъ мѣстъ, они ведутъ торговлю до сего дня съ евреями, турками и другими иностранцами. Наши купцы пользуются не одними только нашими англійскими кораблями, но и разными иностранными, какъ то кандійскими, рагузскими, сицилійскими, генуэзскими и венеціанскими галеатами и испанскими и португальскими кораблями; все это я перечиталъ старательно и списалъ съ книгъ королевскаго флота, сэра Вильяма Локка, лондонскихъ купцовъ, сэра Вильяма Бовайра, лондонскаго альдермена, Джона Грешама и иныхъ». Король пользовался своими посланниками и агентами для поддержки увеличивавшейся торговли. Онъ назначилъ одного

генуэзца англійскимъ консуломъ на островѣ Хіосѣ. Лей въ Испаніи, Пэсъ въ Швейцаріи и Венеціи, всегда, какъ въ силу инструкцій Генриха, такъ и по собственной охотѣ, бдительно наблюдали за торговыми и дипломатическими интересами страны. Широкій планъ Пэса объ увеличеніи торговли Англіи съ Левантомъ не дошелъ до свѣдѣнія короля только благодаря ревнивому вмѣшательству Вольсея, который, какъ говоритъ Кампбелль, сначала ославилъ этотъ планъ безумнымъ, а потомъ, злоупотребивъ имъ, дѣйствительно сдѣлалъ его безумнымъ.

Великіе адмиралы царствованія Генриха VIII.

Въ то время уже начали появляться великіе морскіе командиры также, какъ мореплаватели и изслѣдователи. Въ числѣ ихъ былъ и Эдуардъ Говардъ, лордъ адмиралъ въ 1513—1514 году, который впослѣдствіи встрѣтилъ французскаго адмирала Порсмогюэ (англичане того времени передѣлали его имя въ Пирса Моргана) около Бреста и имѣлъ съ нимъ кровавую, но не рѣшительную битву и который вскорѣ послѣ того доблестно погибъ, предводительствуя эскадрой въ нападеніи на французскія галеры въ «заливѣ Побѣды». Когда онъ узналъ, что долженъ умереть, онъ выбросилъ за бортъ свою золотую цѣпь и большой золотой адмиральскій свитокъ, чтобы эта добыча не попала въ руки французовъ. Нужно замѣтить, что въ то время золотой свитокъ былъ знакомъ адмиральскаго званія также, какъ теперь серебряный свитокъ—знакъ боцмана; въ теченіе настоящаго столѣтія не одинъ разъ дѣлались предложенія снова ввести этотъ значекъ.

Таковъ же былъ и Томасъ Говардъ, младшій братъ вышеупомянутаго Говарда, впослѣдствіи герцогъ Норфолькъ. Онъ наслѣдовалъ Эдуарду въ званіи лорда адмирала. Оба они были сыновья графа Сюррея, сказавшаго: «проливы не будутъ опозорены пиратами до тѣхъ поръ, пока у меня будетъ хотя одинъ корабль и хоть одинъ сынъ для командованія имъ». Томасъ сначала отличился, разбивъ и убивъ одного изъ самыхъ знаменитыхъ пиратовъ, страшнаго шотландца Андрью Бартона. Онъ дрался также съ отличіемъ при Флоддень; онъ, какъ мы видѣли, былъ назначенъ главнокомандующимъ союзныхъ флотовъ Генриха и императора и выигралъ нѣсколько морскихъ битвъ. Упомянемъ еще о Вилльямѣ Фицвилльямѣ, впослѣдствіи графѣ Саутгамптонѣ, который былъ не только великимъ командиромъ, но и прекраснымъ морякомъ въ такое время, когда эти два качества не всегда соединялись.

Нѣсколько интересныхъ подробностей относительно управленія флотомъ въ это время можно найти въ договорѣ, indenture, заключенномъ въ 1512 году между королемъ и Эдуардомъ Говардомъ, главнымъ адмираломъ. Послѣ перечисленія размѣра жалованья для лицъ разнаго ранга договоръ опредѣляетъ, чтобы «офицеры и люди имѣли извѣстныя доли dead shares, какъ нижеслѣдуетъ: изъ всѣхъ

этихъ платъ, вознагражденій и провіантскихъ денегъ сказанному адмиралу будетъ заплачено въ слѣдующей формѣ и слѣдующимъ манеромъ: онъ до входа его и свиты на корабль долженъ подвергнуться осмотру коммиссарами, которыхъ будетъ благоугодно назначить нашему государю и тотчасъ же послѣ такого смотра онъ получаетъ отъ нашего государя чрезъ тѣхъ, кого назначитъ его величество, для себя, для капитановъ, солдатъ, матросовъ и пушкарей жалованье, награды и провіантскія деньги по вышеустановленной пропорціи на слѣдующіе три мѣсяца». Очевидно, что жалованье платилось за три мѣсяца впередъ. «Доли», какъ слѣдуетъ предполагать, были опредѣленіемъ относительно распредѣленія призовыхъ денегъ. Количество тоннъ кораблей въ этомъ случаѣ было: «Регентъ» 1000, «Марія Роза» 500, «Петръ Помгранатъ» 400, «Николасъ Ридъ» 400, «Марія и Джонъ» 260, «Анна» изъ Гринвича 160, «Марія Георгъ» 300, «Драконъ» 100, «Варвара» 140, «Георгъ» изъ Фальмута» 140, «Николай» изъ Гамптона 200, «Мартенетъ» 140, «Генетъ» 70, «Христоферъ Дэви» 160 и «Сабіанъ» 120. «Сказанные солдаты, матросы и пушкари, продолжаетъ договоръ, должны получить отъ нашего государя дорожныя деньги, т. е. каждый изъ нихъ за каждый день пути отъ дома до мѣста, гдѣ будетъ посаженъ на корабль, (считая въ день двѣнадцать миль пути) шесть пенсовъ; о количествѣ дней онъ долженъ показать подъ присягой предъ тѣмъ или тѣми, кого назначитъ нашъ государь и кому онъ поручитъ заплатить имъ жалованье и дорожныя деньги».

Новое образованіе.

Басса Муллингера.

Къ концу пятнадцатаго вѣка образованіе въ Англіи подверглось постепенному измѣненію благодаря распространенію того великаго движенія, которое именуется Возрожденіемъ. Начавшись въ Италіи во времена Петрарки, піонера этого движенія, оно постепенно приняло двойной характеръ; первая его сторона характеризуется связью съ латинской литературой, вторая связью съ литературой греческой. Относительно первой стороны движенія необходимо помнить, что многія изъ сочиненій Цицерона, забытыя въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, теперь снова сдѣлались извѣстными и съ безпредѣльнымъ энтузіазмомъ изучались итальянскими учеными, нѣкоторые изъ нихъ поставили главной цѣлью своей жизни быть подражателями стиля Цицерона; относительно второй стороны движенія также нужно при-

помнить, что греческая литература, какъ имѣвшая нѣкую связь съ ересью, долго была подъ опалой церкви и потому ей пренебрегали. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ, до паденія Константинополя въ 1453 году и послѣ этого событія, началось переселеніе греческихъ ученыхъ въ Италію; они привозили съ собой множество рукописей авторовъ, почти неизвѣстныхъ на западѣ, и толковали ихъ удивленнымъ слушателямъ въ университетахъ Флоренціи, Падуи и Рима. Ихъ извѣстность привлекала студентовъ изъ всѣхъ частей Европы. Изъ Англіи нѣкоторые оксфордскіе студенты—въ томъ числѣ Селлингъ, Гросинъ, Линакръ и Вилльямъ Латимеръ—отправились въ Италію, чтобы пріобрѣсти знаніе греческаго и по возвращеніи домой передавали свои знанія соотечественникамъ. Постепенно ихъ примѣру послѣдовало значительное число ученыхъ изъ Оксфорда и Кембриджа и между Италіей и Англіей начались оживленныя литературныя сношенія. Это повело въ свою очередь къ отношеніямъ болѣе общаго характера, имѣвшимъ важное значеніе для Англіи.

Новое ученіе, какъ его называли, было принято и въ Англіи и въ Германіи не безъ оппозиціи. Цивилисты и канонисты одинаково недолюбливали цицероновскую латинь, сравнительно съ которой ихъ искаженный и варварскій языкъ казался еще болѣе испорченнымъ и варварскимъ. Теологи, привыкшіе цитировать латинскихъ отцовъ церкви, какъ неопровержимый авторитетъ относительно многихъ пунктовъ догмы, не выносили того, что цитируютъ Клеменса, Оригена и св. Василія, какъ равноправныхъ авторитетовъ. Школьные учителя почти повсемѣстно были враждебны движенію, угрожавшему уничтожить господствующіе методы преподаванія. Между борящимися партіями началась ожесточенная война; въ университетахъ, подъ именемъ «грековъ» и «троянцевъ», они вступили въ яростныя столкновенія. Одно время казалось вѣроятнымъ, что «троянцы» окажутся побѣдителями. Эразмъ, бывшій профессоромъ богословія въ Кембриджѣ отъ 1511 до 1514 года, послѣ напрасныхъ попытокъ устроить въ университетѣ греческую школу, съ отчаяніемъ отказался отъ своего намѣренія. Въ Оксфордѣ антипатія къ новому ученію была столь сильна, что было необходимо добиться королевскаго приказа, чтобы спасти «грековъ» отъ оскорбленій. Еслибы не дѣятельность и вліяніе государственныхъ людей, вродѣ епископа Фишера, Томаса Мора и кардинала Вольсея, прогрессъ новаго ученія въ Англіи могъ быть отсроченъ на неопредѣленное время.

Дѣятельность Эразма.

Наши предки должны быть безконечно обязаны Эразму за его дѣятельность со времени этого кризиса. Хотя ему и не удались его попытки ввести въ Кембриджѣ греческій языкъ, въ другихъ отношеніяхъ его вліяніе было значительнымъ и прочнымъ. Здѣсь онъ приготовилъ свое сочиненіе: Novum Instrumentum, парафразъ Новаго Завѣта на латинскомъ языкѣ съ греческаго оригинала, причемъ онъ

безпощадно излагалъ ошибки латинской Вульгаты. Переводъ Эразма проложилъ путь для англійскаго перевода Тиндаля. Такимъ образомъ въ это время вопросъ объ изученіи греческаго языка находился въ тѣсной связи съ другимъ великимъ движеніемъ первой половины шестнадцатаго вѣка, съ англійской реформаціей.

Германцы въ Кембриджѣ.

Около 1521 года въ Кембриджѣ сдѣлалось извѣстно, что нѣкоторые изъ членовъ университета, по большей части молодые люди, собираются въ городѣ въ старой гостинницѣ, извѣстной подъ названіемъ «Бѣлаго Коня» и ведутъ религіозныя разсужденія. Съ перваго взгляда казалось, что цѣль этихъ сборищъ было простое чтеніе «Парафраза» Эразма и разсмотрѣніе нѣкоторыхъ поднятыхъ имъ вопросовъ, по которымъ онъ отличался отъ Вульгаты. Нѣсколько позже, однако, начали говорить, что эти обсужденія распространяются и на болѣе важные вопросы, возбужденные первыми сочиненіями Лютера, въ которыхъ онъ нападалъ не только на злоупотребленія, но и на догматическія заблужденія римской церкви. Гостинницу «Бѣлаго Коня» стали теперь называть «Германіей», а ея набожныхъ посѣтителей «германцами». Въ дѣйствительности, однако, только немногіе изъ собиравшихся тамъ принимали положенія лютеранъ, они главнымъ образомъ желали умѣренной реформы, которая, отвергая папское верховенство съ одной стороны, удержала бы епископатъ съ другой. Наиболѣе передовыми были Ковердэль и Тиндаль, переводъ которыхъ св. Писанія на англійскій языкъ имѣлъ важное вліяніе на исторію нашей литературы, такъ какъ онъ сослужилъ свою службу въ дѣлѣ выработки англійской прозы. Въ числѣ умѣренныхъ былъ Гугъ Латимеръ, который своимъ энергическимъ даромъ проповѣдника побудилъ мірянъ систематически изучать библію, хотя самъ онъ не симпатизировалъ ученію Лютера. Другой изъ умѣренныхъ, Робертъ Барнесъ, ограничивался сильными нападками на злоупотребленія въ церкви и на гордость и пышность Вольсея.

Самъ Эразмъ, несмотря на то, что онъ сильно помогъ своими работами реформаціи, не сочувствовалъ этому движенію. Онъ хотѣлъ бы уничтоженія наиболѣе вопіющихъ злоупотребленій и суевѣрій; онъ хотѣлъ бы возстановленія власти общихъ соборовъ, какъ высшаго судилища западной церкви, въ особенности онъ желалъ бы широкаго распространенія образованія и учености среди духовенства и мірянъ. Когда онъ увидалъ, что Лютеръ ведетъ своихъ послѣдователей къ открытому разрыву съ церковью, онъ отступилъ и перешелъ на сторону консерваторовъ.

Образовательные импульсы.

Была еще одна сфера, въ которой вліяніе Эразма имѣло болѣе плодотворные результаты, чѣмъ въ сферѣ изученія греческаго языка или въ области теологіи. Такой сферой было улучшеніе образованія бѣдныхъ мірянъ. Ни одинъ изъ ученыхъ шестнадцатаго вѣка не заслуживаетъ по отношенію къ дѣлу образованія такой благодарности,

какъ Эразмъ. Его свобода отъ традиціонныхъ предразсудковъ въ соединеніи съ громадной эрудиціей и природнымъ благоразуміемъ позволяли ему понять тѣ условія, которыя были необходимы для пріобрѣтенія знанія какъ будущему монарху, такъ и сыну бѣднаго работника. Въ 1510 году знаменитый Джонъ Колетъ, одинъ изъ лучшихъ друзей Эразма въ Англіи, совѣтывался съ нимъ относительно выбора учителя для новой школы, которую онъ думалъ основать въ Англіи. Колетъ, сынъ лорда мэра Лондона, былъ богатымъ человѣкомъ, онъ учился въ Оксфордѣ и въ Италіи; онъ задался цѣлью воспитать для церкви избранныхъ юношей, которые являлись бы представителями лучшихъ сторонъ возрожденія и нѣкоторые въ особенности изучили бы латинскій языкъ, «настоящій римскій языкъ, употребляемый во времена Туллія и Салюстія». Его представленіе о миссіи учителя несомнѣнно было возвышеннымъ, но представленіе Эразма оказалось еще болѣе возвышеннымъ. Дѣйствительно, письмо, въ которомъ великій ученый даетъ просимый у него совѣтъ, можетъ считаться однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній во всей литературѣ исторіи образованія. Эразмъ полагалъ, что хорошій учитель даже для мальчиковъ долженъ быть не только хорошимъ латинистомъ, но долженъ также знать и греческій языкъ, онъ долженъ изучить отцовъ церкви и древнихъ философовъ—онъ долженъ знать исторію какъ священную, такъ и всеобщую, а также географію и сравнительную филологію. Такой возвышенный идеалъ навряд ли былъ осуществленъ назначеніемъ Вилльяма Лили, составителя первой латинской грамматики для англійскихъ публичныхъ школъ, главнымъ учителемъ школы св. Павла; но онъ указываетъ, какъ возвышены были представленія объ образованіи въ Англіи во времена Генриха VIII. Черезъ шесть лѣтъ послѣ этого въ 1516 году Эразмъ составилъ трактатъ объ «Образованіи христіанскаго государя», въ которомъ онъ приводитъ рядъ правилъ для руководства государю въ его управленіи государствомъ и въ его отношеніяхъ къ народу. Авторъ тутъ скорѣе указываетъ на идеалъ, къ которому должно стремиться при образованіи государя, чѣмъ на какой либо опредѣленный методъ образованія. Въ скоромъ времени этотъ трактатъ признали лучшимъ учебникомъ для тѣхъ, кого случайность рожденія могла когда нибудь возвести на престолъ; въ библіотекѣ коллегіи св. Іоанна въ Кембриджѣ еще и теперь хранится копія, представленная королю Эдуарду VI, когда ему было одиннадцать лѣтъ; на этой копіи имѣется собственноручная надпись короля.

Школы въ средніе вѣка.

Въ старости, въ 1529 году, Эразмъ свелъ всѣ результаты своего продолжительнаго опыта въ болѣе практическомъ трактатѣ: «Начальное свободное образованіе мальчиковъ». Для современнаго читателя многіе изъ даваемыхъ въ этой книгѣ совѣтовъ покажутся труизмами и общими мѣстами, но нужно помнить, каковы были дис-

циплина и обученіе въ средневѣковой школѣ, чтобы отдать полную справедливость оригинальности и здравому смыслу этого замѣчательнаго трактата. Правда, намъ мало извѣстно относительно школьной жизни въ средніе вѣка, но и это немногое вообще весьма неблагопріятно для средневѣковой школы. Одно изъ первыхъ свѣдѣній по этому предмету мы получаемъ отъ Фицстефена о лондонскихъ школахъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ; повидимому, тогда сильно поощрялись диспуты между учениками — обычай, осуждаемый почти всѣми авторитетными писателями по предмету образованія. Вообще говоря, кажется, что не обращали никакого вниманія на спеціальныя способности каждаго изъ учениковъ; традиціонные учебники диктовались всему классу самымъ формальнымъ и неразумнымъ способомъ; средніе требованія отъ школы состояли въ обученіи чтенію и письму; къ этому въ соборныхъ школахъ присоединяли пѣніе и начальное знаніе латинскаго языка. Въ тоже время дисциплина была суровой и иногда даже до крайности жестокой. Даже среди дворянства, какъ мы видимъ это изъ «Писемъ Пастона», сѣченье считалось необходимымъ стимуломъ при обученіи мальчиковъ. Агнесса Пастонъ въ письмѣ къ учителю ея сына, парня лѣтъ пятнадцати, писанномъ въ 1457 году, проситъ его, «чтобы онъ хорошенько посѣкъ мальчика, если тотъ не хорошо занимается, пока онъ не исправится». Нѣкоторыя попытки распространенія новыхъ понятій о поведеніи, манерахъ и обученіи дворянской молодежи были сдѣланы въ книгѣ Book of Urbanitie. Эразмъ въ своемъ трактатѣ рекомендуетъ, чтобы образованіе начинали дома, чтобы избирали учителей способныхъ и любящихъ свое дѣло. При обученіи латинскому языку прежде всего необходимо пріобрѣтеніе хорошаго словаря и возможно точное и общее ознакомленіе съ правилами грамматики, уроки не должны быть скучными и между ними слѣдуетъ дѣлать частые промежутки. Послѣ того, какъ будетъ заложено основаніе знанія языка, ученикъ долженъ пріобрѣсти знаніе фактовъ и объектовъ. Эразмъ полагалъ, что особеннаго вниманія заслуживаетъ развитіе памяти и для этого онъ считаетъ необходимымъ ясное пониманіе фактовъ, правильное распредѣленіе ихъ въ умѣ, старательное образованіе первопачальныхъ понятій и отличеній. Таковы нѣкоторые изъ истинно философскихъ взглядовъ на дѣло образованія, съ которыми познакомились въ то время англичане благодаря этому любопытному и замѣчательному трактату.

Вольсей и образовательное движеніе.

Вольсей хотѣлъ—насколько это позволяло его положеніе—стоять во главѣ прогрессивнаго движенія; основаніе «коллегіи кардинала» (впослѣдствіи Церкви Христовой) въ Оксфордѣ въ 1525 году, получившей доходы нѣкоторыхъ изъ уничтоженныхъ монастырей и учителей изъ приверженцевъ новаго ученія, нѣкоторые изъ которыхъ перешли туда изъ Кембриджа, было доказательствомъ его симпатій.

Коллегія Брезносъ (Brasenose) была основана въ 1511 году, а устройство въ 1517 году коллегіи Тѣла Христова съ кафедрами латинскаго и греческаго языковъ было важнымъ событіемъ въ исторіи образованія въ Оксфордѣ. Послѣднее изъ этихъ учрежденій было основано Ричардомъ Фоксомъ, епископомъ Винчестерскимъ, извѣстнымъ покровителемъ образованія въ этомъ періодѣ. Въ Кембриджѣ епископъ Фишеръ, покровитель Эразма, дѣйствовалъ въ томъ же направленіи; благодаря его стараніямъ благотворительность Маргариты, матери Генриха VII, была направлена на учрежденіе коллегіи Христа въ 1505 году и коллегіи св. Іоанна въ 1511. Всѣмъ этимъ новымъ учрежденіямъ были даны статуты, которые не только служили для поощренія изученія новаго ученія, но благодаря отсутствію многихъ ограниченій, присущихъ статутамъ старыхъ учрежденій, давали большее одушевленіе учащимъ и учащимся и внѣдряли въ нихъ сознаніе свободы. Въ коллегіи св. Іоанна собрался блестящій кругъ ученыхъ, среди которыхъ были Вилльямъ Сесиль (впослѣдствіи лордъ Бурглей), Джонъ Шекъ и Рожеръ Ашамъ, соперничавшіе одинъ съ другимъ въ изученіи греческаго и въ энергіи, съ которой они предавались обученію младшихъ студентовъ.

Новыя грамматическія школы.

Вольсей почти одновременно съ основаніемъ «коллегіи кардинала» учредилъ грамматическую школу въ Ипсвичѣ и самъ составилъ планъ классическаго обученія, распредѣленнаго на восемь классовъ; эта школа должна была послужить образцомъ для грамматическихъ школъ всего королевства. Примѣру Вольсея и Колета послѣдовали многіе и къ концу царствованія Генриха было основано около пятидесяти школъ. Среди нихъ были школы вновь учрежденныхъ эпархій въ Бристолѣ, Честерѣ, Глочестерѣ, Оксфордѣ и Петерборо, а также школы въ Кентербюри, Грантамѣ, Норвичѣ, Рочестерѣ, Стамфордѣ, Суттонъ-Кольдфильдѣ, Висбехѣ и Ворчестерѣ. Изъ существующихъ раньше заведеній, предназначавшихся только для сыновей горожанъ, нѣкоторыя были основаны еще въ двѣнадцатомъ вѣкѣ; школа въ Дерби была основана въ 1162 году, а въ С. Альбансѣ въ 1195. Начиная съ этаго времени и до начала царствованія Генриха VII Карлиль считаетъ тридцать пять школъ—въ томъ числѣ въ Винчестерѣ, Герефордѣ, Этонѣ, Купеческая (Mercers), въ Чичестерѣ, Ланкастерѣ и Гильдфордѣ. Не мало школъ, вѣроятно, и исчезло, такъ какъ Рожеръ Бэконъ утверждаетъ, что въ его время въ каждомъ сити, городѣ и мѣстечкѣ были школы, а въ Лондонѣ число школъ было такъ велико, что столицу называли «третьимъ университетомъ». Въ пятнадцатомъ вѣкѣ эти школы также, какъ и университеты, быстро пали и въ 1447 году четыре лондонскихъ священника просили позволенія основать школы въ ихъ приходахъ: Всѣхъ Святыхъ, св. Андрея въ Гольборнѣ, св. Петра въ Корнгиллѣ и св. Маріи Кольчерчъ. Многіе изъ вельможъ и дворянъ посылали своихъ сыновей въ школы большихъ монастырей, вродѣ

Гластонбюри, Эдмундсбюри и Гайдъ близъ Винчестера. Другіе отдавали ихъ какому нибудь прелату, извѣстному своими добродѣтелями и ученостью; Томасъ Моръ получилъ образованіе въ домѣ архіепископа Мортона.

Вліяніе уничтоженія монастырей.

Уничтоженіе монастырей имѣетъ тѣсную связь съ исторіей образованія въ Англіи. Повидимому, задолго до окончательной катастрофы было распространено мнѣніе о плохомъ состояніи этихъ учрежденій. Школа въ Ипсвичѣ также, какъ «коллегія кардинала», получила доходы уничтоженнаго пріорства; при такомъ присвоеніи монастырской собственности Вольсей, кажется, получилъ санкцію Рима. Еслибы не раздоръ Генриха съ папой очень вѣроятно, что значительная часть монастырскихъ доходовъ перешла бы къ королю и безъ такой полной революціи, которая произошла, и она была бы употреблена именно на школьное дѣло. Но при существовавшихъ условіяхъ получило преобладаніе другое направленіе; жадность придворныхъ, неудовлетворенная разграбленіемъ монастырей, угрожала поглотить и университеты и коллегіи. Въ 1545 году, когда уже не было вліянія Фишера, коллегія св. Іоанна находилась въ большой опасности. Къ счастію, короля Генриха убѣдили самому просмотрѣть отчеты коллегіи и тогда онъ отказался разрѣшить предположенную конфискацію, замѣтивъ, что «онъ полагаетъ, что въ его королевствѣ навряд ли найдется столько людей, столь почетно живущихъ доходами съ такой маленькой земли и такой маленькой рентой». Въ одномъ отношеніи уничтоженіе монастырскихъ общинъ было непосредственно губительнымъ для университетовъ, такъ какъ монастыри и фріары обыкновенно отправляли наиболѣе способныхъ изъ своихъ членовъ въ Оксфордъ или Кембриджъ; тамъ они жили по нѣскольку лѣтъ, обучая въ школахъ и посѣщая лекціи, «для того — гласитъ королевское увѣщаніе отъ 1535 года—чтобы обучившись священному писанію, они по возвращеніи могли обучать братію и прилежно учить Слову Божію».

Измѣненіе въ университетскомъ преподаваніи.

Одновременно съ исчезновеніемъ монаховъ и фріаровъ, въ университетахъ произошло полное измѣненіе старой системы обученія. Комиссары Кромвеля появились въ Оксфордѣ и Кембриджѣ и формально изгнали схоластиковъ и ихъ комментаторовъ изъ коллегій и школъ. Одинъ изъ нихъ, д—ръ Лейтонъ оставилъ намъ разсказъ о сценѣ, которую онъ «видѣлъ на большомъ дворѣ Новой коллегіи въ Оксфордѣ; этотъ дворъ былъ полонъ листками Дунса (Скота), вѣтеръ разносилъ ихъ по всѣмъ угламъ». Наиболѣе важныя изъ новыхъ правилъ требовали, чтобы каждая коллегія содержала «двѣ ежедневныя общественныя лекціи, одну греческую, другую латинскую», чтобы всѣмъ студентамъ было безпрепятственно разрѣшено читать Писаніе, а также посѣщать лекціи о немъ; лекціи о католическомъ правѣ и факультетскія степени этого права были уничтожены; Аристотеля слѣдуетъ изучать «безъ фривольныхъ вопросовъ и темныхъ толко-

ваній» средневѣковыхъ комментаторовъ; Рудольфъ Агрикола (одинъ изъ первыхъ германскихъ реформаторовъ) и Мелонхтонъ должны были занять выдающееся мѣсто въ спискѣ учебниковъ. Въ 1540 году учрежденіе королевскихъ кафедръ (Regius Professorships) въ обоихъ университетахъ по отдѣльнымъ предметамъ богословія, гражданскаго права, физики, еврейскаго и греческаго языковъ, съ отдѣльными ассигновками на эти кафедры, сильно помогли развитію этихъ отраслей знанія. Ашамъ, писавшій около 1542 года, съ восторгомъ разсказываетъ о развитіи классическаго образованія въ Кембриджѣ, который «сталъ совсѣмъ другимъ, такъ блестяще онъ одаренъ теперь королевской щедротой»... «Аристотель и Платонъ, продолжаетъ онъ, читаются даже мальчиками (студентами первыхъ курсовъ—undergraduates), Софоклъ и Эврипидъ теперь авторы болѣе знакомые, чѣмъ въ наше время былъ Плавтъ; Геродотъ, Фукидидъ и Ксенофонъ теперь болѣе изучаются и толкуются, чѣмъ тогда Ливій. Демосфенъ теперь столько же знакомъ, какъ раньше Цицеронъ; теперь больше копій Исократа, чѣмъ раньше было копій Теренція. Мы не забросили латинскихъ авторовъ, но съ величайшимъ стараніемъ изучаемъ избранныхъ писателей лучшаго періода». Улучшеніемъ положенія дѣлъ много обязаны, кажется, Джону Шеку, который былъ назначенъ професоромъ греческаго языка. Основаніе «коллегіи Троицы» въ 1546 году было наиболѣе важнымъ событіемъ въ исторіи образованія въ царствованіе Генриха. Коллегія получила богатое обезпеченіе отъ щедротъ короля, главнымъ образомъ принадлежавшія раньше монастырямъ десятины; по устройству коллегія представляла первый образецъ учрежденія, управляемаго и устраивающаго отдѣльные образовательные курсы совершенно независимо отъ университета.

Вліяніе Мора. Слѣдуетъ признать, что самъ Генрихъ былъ ученымъ и начитаннымъ теологомъ и для воспитанія своихъ дѣтей онъ избиралъ лучшихъ учителей. Людовикъ Вивесъ былъ воспитателемъ принцессы Маріи, Рожеръ Ашамъ воспитателемъ лэди Дженъ Грей и королевы Елизаветы, Джонъ Шекъ—принца Эдуарда. Но ни одинъ ученый въ это царствованіе не имѣлъ болѣе сильнаго вліянія, какъ Томасъ Моръ, у котораго обыкновенно собирались молодые люди, предназначенные для духовнаго званія или для поступленія на службу; онъ относился къ нимъ съ отеческой добротой; о собиравшемся у него кружкѣ говорили, что онъ «походилъ скорѣе на университетъ, чѣмъ на частную школу». «Утопія» Мора не была напечатана въ Англіи при его жизни, но въ 1551 году она была переведена на англійскій языкъ Ральфомъ Робинзономъ, членомъ коллегіи Тѣла Христова въ Оксфордѣ, такъ что ея вліяніе относится уже ко времени Эдуарда VI. Изъ этого произведенія мы можемъ понять, какой широтой мысли и чувства должны были отличаться разговоры автора съ людьми, въ нѣкоторомъ родѣ обучавшимися у него. Не упоминая о комунистическихъ

идеяхъ Мора, мы можемъ однако утверждать, что со временъ Мора мы ближе подошли въ смыслѣ общественныхъ реформъ и просвѣщенной филантропіи къ защищаемому имъ идеалу воображаемой общины, жизнь которой устроена на основаніи законовъ природы, а не на основаніи велѣній средневѣкового аскетизма, въ которой законъ даетъ всѣмъ здоровыя жилища, предписываетъ часы работы и отдыха, признаетъ общее владѣніе землей и другой собственностью, гарантируетъ полную свободу мнѣній, поощряетъ всякое умственное занятіе и безвредное времяпровожденіе.

Въ числѣ получившихъ обученіе у Мора былъ Томасъ Эліотъ, одинъ изъ многихъ выдающихся людей, привлеченныхъ Вольсеемъ на службу государству. Въ своей замѣчательной книгѣ Governour, появившейся въ 1531 году, Эліотъ изложилъ свои взгляды по поводу воспитанія, нѣкоторые изъ нихъ были необычными для его современниковъ. Эти взгляды до значительной степени заимствованы имъ изъ «Республики» Платона, а также изъ сочиненій Патриціи, итальянскаго епископа предыдущаго вѣка и такимъ образомъ они непосредственно образовались подъ вліяніемъ возрожденія. Для большинства англичанъ они были совершенно новыми; такъ какъ это были заявленія выдающагося дипломата, то они имѣли большое вліяніе, хотя послѣдующее ихъ вліяніе на педагогическую литературу еще больше. Эліотъ защищаетъ слѣдующія реформы: систематическую доброту къ ученикамъ и вниманіе къ ихъ индивидуальнымъ способностямъ, употребленіе наглядnаго обученія для дѣтей при помощи картинъ и игрушекъ, при изученіи латинскаго языка поменьше вниманія къ грамматическимъ тонкостямъ и побольше къ духу и значенію автора, при изученіи греческаго соблюденіе послѣдовательности авторовъ, употребленіе картъ при изученіи историковъ и поменьше времени отдавать логикѣ.

Людовикъ Вивесъ.

Эліота по оригинальности превосходилъ Людовикъ Вивесъ, уроженецъ Валенсіи (въ Испаніи). Онъ учился не только въ университетѣ своего родного города, но и въ Парижѣ, Лувенѣ и Оксфордѣ. Онъ жилъ въ Англіи отъ 1523 до 1528 года и въ эти годы былъ воспитателемъ принцессы Маріи. Хорошо знакомый съ классическими авторами, онъ, однако, не смотрѣлъ на нихъ съ неразборчивымъ удивленіемъ, доходящимъ почти до идолопоклонства, какое часто отличало ученыхъ эпохи возрожденія. Онъ имѣлъ смѣлость взвѣшивать удобства и не удобства изученія языческой литературы и объявлялъ свое мнѣніе съ умѣренностью и кротостью, рѣдко проявляемыми его современниками. Онъ былъ, быть можетъ, первымъ изъ писателей по предмету образованія, рекомендовавшимъ пользованіе очищенными изданіями классиковъ. Его рѣчь о «Научныхъ дисциплинахъ» (de disciplinis), появившаяся одновременно съ сочиненіями Эліота, содержитъ много независимыхъ и просвѣщенныхъ сужденій о разныхъ педагогическихъ вопросахъ. Онъ не только одинъ изъ первыхъ отри-

цалъ представленіе объ Аристотелѣ, какъ о непогрѣшимомъ авторитетѣ по всѣмъ научнымъ вопросамъ, но и предупредилъ Бэкона, настаивая на наблюденіи и опытѣ, какъ необходимыхъ для всякаго истинно научнаго прогресса. Обсуждая вопросъ объ избраніи мѣста для школы, онъ останавливается на соображеніяхъ, рѣдко останавливавшихъ вниманіе основателей школъ въ тѣ времена—напр. на здоровости мѣстности, дешевизнѣ жизненныхъ припасовъ, ремеслахъ сосѣднихъ обывателей и на другихъ подробностяхъ мѣстной жизни. Помимо обученія и въ связи съ нимъ онъ придаетъ особое значеніе его послѣдовательности и непрерывности, и взаимной зависимости между научными дисциплинами. Выдвигая на первый планъ, какъ и всѣ его современники, изученіе латинскаго языка, онъ утверждаетъ, что обучать ему также, какъ и грамматикѣ, слѣдуетъ при посредствѣ разговорнаго народнаго языка. Новымъ языкамъ слѣдуетъ учиться, по его мнѣнію, не при посредствѣ грамматики, а посредствомъ разговоровъ съ иностранцами.

Ашамъ. Удивительно, что взгляды столь раціональные и просвѣщенные излагались столь авторитетно въ первой половинѣ шестнадцатаго вѣка и что они имѣли настолько мало вліянія, что были совершенно забыты и снова выступили черезъ двѣсти лѣтъ, какъ результатъ независимаго изслѣдованія. Но съ другой стороны многое отъ того, чему училъ Эліотъ, было изложено Ашамомъ въ извѣстномъ трактатѣ: «Школьный учитель». Первое изданіе книги появилось только въ 1570 году, но извѣстно, что уже въ 1545 году Ашамъ на дѣлѣ осуществлялъ свои взгляды. Въ началѣ царствованія короля Эдуарда онъ былъ воспитателемъ принцесы Елизаветы, которую, какъ извѣстно, онъ восхвалялъ какъ замѣчательную лингвистку, прекрасно знавшую разговорные языки, латинскій, греческій, французскій и итальянскій. Между принцессой и ея воспитателемъ произошло почему то временное охлажденіе и отъ 1550 года до смерти Эдуарда Ашама не было въ Англіи, онъ занималъ должность секретаря Ричарда Морисина, англійскаго посланника при дворѣ Карла V.

Наиболѣе любопытная особенность этого сочиненія—это методъ обученія латинскому языку, рекомендуемый Ашамомъ. Онъ заимствованъ у Плинія младшаго, съ поправками, и столь же простъ, сколь и разуменъ. Въ качествѣ учебника Ашамъ рекомендуетъ выборъ изъ наиболѣе легкихъ Писемъ Цицерона, сборникъ, составленный его другомъ Джономъ Стурмомъ. Нужно выбрать какое нибудь письмо и прежде всего объяснить ученику его цѣль и содержаніе. Потомъ ученикъ долженъ перевести его на англійскій языкъ и сдѣлать это не одинъ разъ, до тѣхъ поръ пока не уяснитъ себѣ полное значеніе всякаго латинскаго выраженія. Потомъ ему дается тетрадь, въ которой онъ и пишетъ переводъ всего письма. Послѣ нѣкотораго промежутка времени, не меньше какъ черезъ часъ, ему отдаютъ англій-

скій переводъ для обратнаго переложенія его на латинскій языкъ. Этотъ латинскій переводъ передается учителю, который сравниваетъ его съ подлиннымъ письмомъ Цицерона и указываетъ отклоненія отъ оригинала для того, чтобы сдѣлать эти отклоненія основаніемъ для урока грамматики.

Не смотря на очевидныя достоинства этого метода, онъ требуетъ такихъ усиленныхъ хлопотъ учителя съ каждымъ изъ учениковъ и слишкомъ большей степени ума у рядового учителя, что онъ наврядъ ли пригоденъ для классныхъ занятій. Методъ, въ концѣ концевъ принятый въ общественныхъ грамматическихъ школахъ, былъ методъ вышеупомянутаго современника Ашама, Джона Стурма изъ Страсбурга—эта система послѣдовательнаго обученія, раздѣленнаго на девять классовъ, при которомъ мало оставалось на произволъ класнаго учителя и мало вниманія обращалось на индивидуальныя способности учениковъ. Но этотъ методъ имѣлъ то достоинство, что приводилъ изученіе классиковъ въ однообразную, строгую систему, болѣе соотвѣтствующую механическому настроенію вѣка и интересомъ обыкновеннаго школьнаго учителя, чѣмъ методъ Ашама. Тѣмъ не менѣе «Школьный учитель» Ашама, не смотря на то, что методъ его не былъ принятъ въ школахъ, занялъ мѣсто среди англійскихъ классическихъ сочиненій. Въ этомъ произведеніи много избранныхъ анекдотовъ, замѣчальныхъ разсужденій, ученыхъ глоссовъ и яркихъ примѣровъ изъ классиковъ; а кромѣ всего этого въ немъ такое глубокое и вмѣстѣ съ тѣмъ любовное пониманіе дѣтской натуры, что это одна изъ самыхъ прекрасныхъ и симпатичныхъ книгъ, написанныхъ на англійскомъ языкѣ и вполнѣ даетъ право автору на похвалу Габріеля Гарвея, что это произведеніе есть «цвѣтущая весна гуманности». Къ несчастію увѣщанія Ашама относительно болѣе краткой дисциплины столь же мало имѣли вліянія, какъ и его методъ обученія латинскому языку. Суровая дисциплина сохранилась въ грамматическихъ школахъ и вошла въ пословицу, такъ что родители, какъ напр. въ Фарнвортѣ въ началѣ семнадцатаго вѣка, жаловались чиновникамъ, что дѣти ихъ «подвергаются опасности потерять разумъ, жизнь и члены».

Литература.

Сентсбюри.

Періодъ англійской исторіи, включающій царствованія Генриха VIII, Эдуарда VI и Маріи, можно разсматривать съ весьма различныхъ точекъ зрѣнія. Если имѣть въ виду только положительныя литератур- Начало новаго періода.

ныя достоинства писателей этого періода, то мы должны признать литературу того времени только второстепенной и во всякомъ случаѣ не перворазрядной. То время не породило ни одного поэта или прозаика, произведенія котораго занимали бы выдающееся мѣсто среди классическихъ англійскихъ произведеній. Скельтонъ, Моръ, Латимеръ, Уайтъ, Ашамъ и Сюррей—единственныя имена того времени, знакомыя людямъ, не занимающимся спеціально англійской литературой; если къ этимъ именамъ мы присоединимъ Гейса въ началѣ періода и Удалля въ концѣ его, мы получимъ почти полный списокъ лицъ, произведенія которыхъ имѣютъ внутренній и самостоятельный, независимый отъ чисто историческаго интереса, интересъ литературный. Можно прибавить къ этому списку нѣсколько другихъ именъ въ качествѣ любопытныхъ явленій, въ качествѣ писателей цѣнныхъ по содержанію ихъ произведеній, въ качествѣ учителей и т. д. Но это будетъ уже совершенно иной точкой зрѣнія; мы примѣняемъ тутъ другое мѣрило оцѣнки—оцѣнку историческую, а не чисто литературную. Съ этой точки зрѣнія разсматриваемый нами періодъ не только не маловаженъ, но занимаетъ даже видное мѣсто въ исторіи англійской литературы; это одинъ изъ тѣхъ далеко не обычныхъ періодовъ, когда измѣняется общественный строй, и притомъ измѣняется не постепенно и почти незамѣтно. Это не простое измѣненіе сценъ дѣйствія; это переходъ отъ одного дѣйствія къ другому—почти переходъ отъ одной пьесы къ другой въ какой нибудь трилогіи или тетралогіи. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ никогда послѣ не происходило такихъ радикальныхъ измѣненій, какъ тѣ, которыя были начаты, если и не вполнѣ завершены, въ теченіе этихъ пятидесяти лѣтъ. Англійская литература перестаетъ быть средневѣковой и приготовляется сдѣлаться новой; она стремится къ своему обогащенію, къ сравненію съ классическими литературами, которыя теперь впервые разсматриваются какъ литературные образцы; она обращается и къ новымъ литературамъ, инымъ, кромѣ французской; она дѣлаетъ усилія создать драму; она обсуждаетъ абстрактные вопросы философіи и государственнаго права иными, не схоластическими методами. Въ особенности она начинаетъ полную реформу въ поэзіи-реформу, слѣдствія которой выяснились вполнѣ только четверть вѣка спустя, но которая была уже неизбѣжной не только со времени «Tottel's Miscellany»—1557, но съ еще болѣе ранняго времени, когда были написаны наиболѣе важныя части этого сборника.

Причины такого крупнаго измѣненія были по необходимости разнообразны и нѣкоторыя изъ нихъ: религіозные раздоры того времени, громадный толчекъ къ новымъ усиліямъ и къ новому мышленію, данный открытіемъ Америки, политическія измѣненія, произведенныя войной Розъ и т. д.—были не литературными; что же касается до спеціально литературныхъ дѣйствующихъ вліяній, то они приводятся къ

тѣмъ новымъ изученіямъ, о которыхъ мы только что упомянули. Это были изученіе классиковъ. и въ особенности греческихъ, введенное Гросиномъ (1519 г.). и Линакромъ (1524 г.). въ Оксфордѣ и нѣсколько позже другими въ Кембриджѣ—изученіе не только текста, содержаніе котораго болѣе или менѣе открыто принималось на вѣру, но и съ научной точки зрѣнія, какъ образцовъ стиля, какъ образцовъ литературы вообще, съ цѣлью поученія въ дѣлѣ литературы, и изученіе литературы южной Европы, особенно Италіи и нѣсколько позднѣе Испаніи, причемъ не пренебрегали и изученіемъ германской сѣверной литературы, главнѣйшимъ образомъ въ виду ея содержанія. Вліяніе французской литературы уже отжило свой вѣкъ; въ этотъ періодъ у Франціи нечему было учиться. Только къ концу занимающаго насъ періода во Франціи снова появляются писатели съ великимъ индивидуальнымъ талантомъ: Маротъ и Рабле; но ни одинъ изъ нихъ не могъ выучить Англичанъ тому, чему они особенно хотѣли выучиться—формальной сторонѣ литературы.

Гэйсъ и Скельтонъ.

Рѣдко случается, чтобы періодъ, переходный отъ стараго къ новому, начинался столь поразительными образцами стараго, какъ два поэта, имена которыхъ мы назвали выше, Гэйсъ и Скельтонъ. Они удивительно пополняютъ одинъ другого и хотя, повидимому, они очень различаются другъ отъ друга, на самомъ дѣлѣ весьма схожи. Они были современниками, хотя годъ ихъ рожденія неизвѣстенъ. Скельтонъ, какъ извѣстно, умеръ въ 1529 году, а о Гэйсѣ мы имѣемъ единственное положительное указаніе, что его уже не было въ живыхъ въ слѣдующемъ году, хотя, вѣроятно, умеръ онъ нѣсколько раньше. Гэйсъ былъ воспитанникомъ Оксфорда, а Скельтонъ воспитанникомъ Кембриджа. Гэйсъ путешествовалъ, былъ камеръ-юнкеромъ Генриха VIII, очевидно усердно изучалъ Чосера и его школу и въ своихъ стихахъ былъ ея послѣдователемъ. Больше о немъ почти ничего неизвѣстно. О Скельтонѣ, который былъ, вѣроятно, нѣсколько старше, мы знаемъ больше. Получивши въ Кембриджѣ степень магистра искусствъ (Master of Arts), повидимому въ 1484 году, онъ вскорѣ былъ признанъ другимъ университетомъ поэтомъ лауреатомъ—званіе, которое слѣдуетъ сравнивать скорѣе съ «вѣнками» нѣкоторыхъ иностранныхъ академій, чѣмъ съ званіемъ Драйдена или Теннисона. Онъ былъ старательнымъ переводчикомъ съ латинскаго и ему покровительствовали Генрихъ VII и его мать, лэди Маргарита. Онъ нѣсколько поздно получилъ посвященіе, черезъ четырнадцать лѣтъ его степень магистра доставила ему ректорство Диссъ въ Норфолькѣ, его родномъ графствѣ; тамъ онъ женился, за что и былъ отрѣшенъ, хотя и не разстриженъ. Тогда онъ отправился въ Лондонъ и тамъ началъ борьбу съ фаворитомъ Генриха, Вольсеемъ, нападая на него въ различныхъ сатирахъ, не особенно обработанныхъ, но необыкновенно рѣзкихъ и иногда сильныхъ, главнѣйшей изъ которыхъ была: Why come ye not

to Court? Онъ началъ эту борьбу несмотря на то, что онъ былъ когда то учителемъ Генриха VIII и повидимому пользовался и потомъ его благосклонностью. Онъ принялъ посвященіе въ Вестминстерѣ и умеръ тамъ за нѣсколько мѣсяцевъ до немилости Вольсея.

Какъ мы сказали, между этими двумя современными поэтами имѣются значительныя различія, но имѣются и не менѣе замѣчательныя сходства. Гэйсъ по существу, а не только по своему положенію, былъ придворнымъ поэтомъ. Его главная поэма: Pastime of Pleasure или «History of Grand Amour and la Belle Pucel» (первое полное изданіе которой, вмѣстѣ съ другими его произведеніями, давно ожидается отъ профессора Арбера) говоритъ само за себя самымъ своимъ заглавіемъ для всѣхъ знакомыхъ съ старой англійской поэзіей. По общему характеру также, какъ и по своимъ деталямъ, она мало отклоняется отъ обычной формы алегорическаго любовнаго романа, родоначальникомъ котораго во всей Европѣ былъ «Романъ Розы», который временно подчинилъ себѣ даже выдающійся геній Чосера и почти вполнѣ поработилъ его послѣдователей. У Гэйса есть нѣкоторыя черты новаго англійскаго; въ его манерѣ разработки сюжета есть кое что, позволяющее нѣкоторымъ критикамъ считать его стоящимъ на полдорогѣ къ манерѣ Faerie Queen. Но для современнаго писателя представляется, что онъ достигъ развѣ только первой, а отнюдь не второй стадіи этого пути. Гэйсъ поэтъ не безъ таланта, но онъ всецѣло принадлежалъ прошлому, даже для его времени. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что и гораздо болѣе оригинальный и гибкій талантъ Скельтона въ наиболѣе выработанныхъ и наиболѣе литературныхъ изъ его произведеній проявляетъ туже тенденцію, если только можно вообще найти у него какую либо тенденцію. Цѣлый отдѣлъ его поэмъ: «Лавровый вѣнокъ», съ прекрасными обращеніями къ благороднымъ дѣвицамъ, по просьбѣ и приказанію графини Сюррей вышивавшимъ подарокъ поэту; Bouge of Court; аллегорическая поэма «Горестная кончина графа Нортумберландскаго» и тому подобныя—все это представляетъ настолько же отпрыскъ старой поэзіи, какъ и произведенія Гэйса. Другая половина его поэмъ, до нѣкоторой степени поддерживающая извѣстность Скельтона среди людей, не склонныхъ любоваться важными Чосеріанскими септетами или жеманными стишками къ лэди Муріель и къ лэди Елизаветѣ Говардъ, къ двумъ Изабелламъ (Пеннель и Найтъ), къ Маргаритѣ Уэнтвортъ, Маргаритѣ Тильней, Дженъ Бленнергассетъ и Гертрудѣ Статгамъ – эта половина, хотя и довольно свѣжа и сильна, не имѣетъ однако и признаковъ формъ поэзія Елизаветинской эпохи. «Tunning of Elynour Rummynge» (опередившая самую грязную, но и самую сильную изъ сатиръ Смоллета); «Why come ye not to Court»?, безстрашное нападеніе на всемогущаго фаворита, нелиберальное, но искреннее и патріотическое воззваніе по поводу пораженія герцога

Альбани и его шотландцевъ и французовъ при «водахъ Твида»—эти поэмы и другія мелкія стихотворенія написаны любопытнымъ коротким стихомъ (doggerel), до сихъ поръ сохранившимъ названіе Скельтоніанскаго; въ этомъ стихѣ, однако, столь же мало, какъ и во всемъ другомъ, проявляется дѣйствительное вліяніе возрожденія — вліяніе, которое объединяло въ поэзіи ученость съ энергіей.

Изученіе иностранныхъ литературъ.

И однако именно въ то время, когда жили эти поэты, и не безъ участія одного изъ нихъ — Скельтонъ былъ усерднымъ переводчикомъ — въ Англіи широко разсѣивались сѣмяна Возрожденія. Всѣ тогда—въ этомъ утвержденіи есть нѣкоторое, впрочемъ простительное, преувеличеніе—читали французовъ, итальянцевъ, нѣмцевъ, испанцевъ, латинянъ, грековъ — въ особенности же итальянцевъ и классиковъ — и примѣняли ихъ изученіе къ англійской литературѣ. Мы уже говорили о важномъ вліяніи изученія греческой литературы, сначала въ Оксфордѣ, потомъ въ Кембриджѣ. Объ характерѣ и энергіи изученій того времени можно судить по примѣру Джона Пальсгрева (1554), которому мы обязаны не только Eclaircissement de la Langue Françoise (1530)—очень цѣннымъ для исторіи произведеніемъ, но который кромѣ того въ 1546 году перевелъ самую блестящую изъ латинскихъ комедій эпохи ренессанса, «Acolastus» голландца Вилельма Фольдера, иначе Фуллоніуса, иначе Гнафеуса. Нѣсколько раньше была издана французская грамматика Александромъ Барклеемъ (1552), шотландцемъ, вѣроятно воспитанникомъ Кембриджа, капелланомъ Св. Маріи въ Девонѣ, монахомъ въ Эли, переводчикомъ «Эклогъ» (первымъ въ Англіи послѣ Энея Сильвія и Мантуануса) и въ особенности извѣстнымъ, какъ переводчикъ «Корабля дураковъ» Себастіана Бранта. Барклей, повидимому человѣкъ не особенно постоянный, былъ потомъ францисканцемъ въ Кентербюри и послѣ уничтоженія монастырей занималъ различныя бенефиціи. Характеръ и размѣры его изученій болѣе характеризуетъ эпоху, чѣмъ его личная дѣятельность. Это была эпоха «созиданія» почти во всѣхъ направленіяхъ; положительный интересъ событій этой эпохи или, по крайней мѣрѣ, большей части ихъ, не такъ великъ, какъ сравнительное ихъ значеніе въ исторіи литературы. Помимо иностранныхъ ученыхъ, вродѣ Бернара Андре и Полидора Вергилія, которые давали примѣръ англійскимъ писателямъ, преимущественно на латинскомъ языкѣ; помимо борцовъ реформаціи, во главѣ которыхъ стояли Тиндаль и Руа и которые давали толпѣ на ея родномъ языкѣ литературу или нѣчто подобное литературѣ; помимо первыхъ переводчиковъ библіи, среди которыхъ надо считать и самого Тиндаля; помимо полуисториковъ, полухроникеровъ, вродѣ Фабіана, Галля и Графтона, въ царствованіе Генриха VIII появилось нѣсколько писателей, которые по содержанію ихъ произведеній или по новизнѣ ихъ формы были бы замѣтны во всякое время по ихъ чисто литературнымъ та-

лантамъ. Таковъ Леландъ, топографъ; таковъ сэръ Томасъ Эліотъ, авторъ замѣчательной книги, частію политической, но главнѣйшимъ образомъ трактующей о воспитаніи дворянина и озаглавленной: Governor (1531); таковъ Латимеръ, оригинальнѣйшій изъ ораторовъ, предшественникъ и родоначальникъ цѣлаго ряда національныхъ писателей: Буніана, Дефоэ и Коббета. Таковы и старые драматурги, частію писавшіе моральныя пьесы (moralities), главнымъ изъ нихъ былъ Джонъ Гейвудъ (1497—1575),—а частію бывшіе предвѣстниками настоящей драмы, вродѣ Николая Удалля (1556), который, видимо, подражалъ стилю Теренція или Плавта, или, еще болѣе вѣроятно, латинскимъ ихъ подражателямъ эпохи ренессанса, но въ 1540 году создалъ Ralph Roister Doister, которую всѣ справедливо признаютъ первой англійской комедіей.

Четыре главные писателя.

Въ краткой замѣткѣ о литературѣ этого періода трудно избѣжать одной изъ двухъ слѣдующихъ ошибокъ: или будешь упоминать о дѣйствительно второстепенныхъ авторахъ, не приводя подробностей, для которыхъ нѣтъ мѣста, или не упомянешь о другихъ авторахъ, не менѣе первыхъ заслуживающихъ вниманія. Поэтому лучше ограничиться упоминаніемъ о четырехъ авторахъ, изъ которыхъ ни одинъ правда не можетъ быть названъ перворазряднымъ, но которые всѣ имѣютъ внутреннія достоинства и являются представителями (не говоря о Саквиллѣ, который собственно относится уже къ эпохѣ Елисаветы) высшей ступени, достигнутой англійскими прозой и поэзіей за сто лѣтъ до воцаренія Елисаветы и по крайней мѣрѣ трое изъ которыхъ, дѣйствительно, являются или новаторами или предшественниками новаторовъ прозаическаго и стихотворнаго стиля, предшественниками того великаго вѣка англійской литературы, раннимъ предшественникомъ котораго былъ прежде только одинъ Чосеръ. Эти четыре автора: Моръ, Ашамъ, Уайтъ и Сюррей; первый былъ старше остальныхъ и замѣчателенъ скорѣе содержаніемъ, чѣмъ формой; второй только частію относится къ этому періоду, но является характернымъ для него писателемъ; третій и четвертый не печатались до конца періода, но по содержанію своихъ произведеній и по вліянію являются особенно характерными для него.

Жизнь этихъ четырехъ авторовъ извѣстна намъ лучше, чѣмъ жизнь большинства выше упоминаемыхъ писателей и всего болѣе извѣстно то, что Моръ въ 1535 году, а Сюррей въ 1547 умерли на эшафотѣ жертвами капризнаго деспотизма Генриха. Уайтъ, человѣкъ, занимавшій видное положеніе, выдающійся дипломатъ, избѣжалъ подобной судьбы и ему удалось спокойно умереть въ 1542 году, едва достигнувъ средняго возраста. Ашамъ тоже принадлежалъ къ кругу придворныхъ; но его защищало его болѣе скромное положеніе или его благоразуміе и ему удалось пережить терроръ царствованій Генриха и Маріи. Его извѣстный Toxophilus (1540) относится къ

этому періоду и хотя онъ написанъ болѣе вульгарнымъ языкомъ, чѣмъ «Школьный учитель», тѣмъ не менѣе онъ представляетъ прекрасный образчикъ стиля, которымъ въ то время писали ученые англичане, сознававшіе превосходство классическихъ образцовъ, но не желавшіе просто копировать греческій и латинскій стиль. Ашамъ отличается отъ большинства такихъ авторовъ только большимъ вкусомъ и умомъ.

«Утопія».

Что касается до старшаго и наиболѣе знаменитаго изъ этихъ четырехъ писателей, то можетъ казаться страннымъ, что его величайшее—и единственное общеизвѣстное—произведеніе было написано не на англійскомъ языкѣ. «Утопія», напечатанная заграницей въ 1516 году, была написана Моромъ на латинскомъ языкѣ и сдѣлалась «извѣстной на англійскомъ языкѣ англійскимъ людямъ» долго спустя послѣ смерти автора въ переводѣ Ральфа Робинзона въ 1551 году. Моръ дѣйствительно былъ плодовитымъ англійскимъ прозаикомъ (онъ писалъ, впрочемъ, и стихи); большинство его произведеній—памфлеты противъ лютеранъ, хотя послѣ него остались также «Исторія Эдуарда III» и другія произведенія. Тѣмъ не менѣе, какъ это ни кажется парадаксальнымъ, потомство, которое считаютъ обыкновенно не всегда правымъ, право, когда оно считаетъ именно «Утопію», написанную не на англійскомъ языкѣ, его главнымъ вкладомъ въ англійскую литературу. Это произведеніе, дѣйствительно, представляетъ почти самое раннее отраженіе духа перваго англійскаго возрожденія. Моръ былъ воспитанникомъ Оксфорда и человѣкомъ, глубоко проникнутымъ духомъ оксфордскаго гуманизма; и въ этомъ небольшемъ трактатѣ (въ формѣ эскиза Платоновской республики) онъ проявилъ идеи религіознаго либерализма, критически сравнительное отношеніе къ древнимъ и новымъ литературамъ и учрежденіямъ, энтузіазмъ, возбужденный въ тогдашнихъ людяхъ открытіемъ Новаго Свѣта — однимъ словомъ всѣ составныя части той смѣси, которая бродила тогда въ умахъ націи.

Уайтъ и Сюррей.

Совсѣмъ инымъ является положеніе въ англійской литературѣ двухъ поэтовъ: Уайта и Сюррея; это положеніе обусловливается почти исключительно формой ихъ произведеній. Ихъ работы впервые опубликованныя, какъ замѣчено выше, въ 1557 году въ Tottel's Miscellany, относятся къ значительно болѣе раннему времени. Уайтъ, насколько намъ извѣстно, ввелъ въ англійскую поэзію сонетъ, а Сюррей правильные декасилабическіе бѣлые стихи. Нѣкоторые утверждаютъ, что они ввели «новую просодію»—это утвержденіе можетъ быть неправильно истолкованс, хотя по существу оно и справедливо. Собственно говоря, ввести въ языкъ новую просодію дѣло невозможное, потому что просодія есть нераздѣльная принадлежность, если не существенное свойство, всякаго языка, органически развившагося. Послѣдователи Уайта и Сюррея пытались ввести новую просодію—

саффическій стихъ, гекзаметръ, алкаическій стихъ и т. п.—и потерпѣли, какъ и слѣдовало ожидать, неудачу. Все, что сдѣлали Уайтъ и Сюррей въ этомъ отношеніи, приводится къ тому, что они, такъ сказать, упрочили тѣ поэтическія формы, которыя употребляли всѣ великіе англійскіе поэты и которыми пренебрегали или злоупотребляли ихъ послѣдователи. Ихъ бѣлые стихи были бѣлыми стихами Чосера, приспособленными, особенно Уайтомъ, къ измѣнившемуся произношенію словъ. Александрійскій и четырнадцати сложный стихи, которые также употреблялись ими, тоже не были чѣмъ нибудь совершенно новымъ. Но они отвергали короткій стихъ (doggerel), аллитеративный и неаллитеративный, пережившій реформу Чосера и въ различныхъ его формахъ особенно употребляемый Скельтономъ и шотландскими поэтами; они отвергли и ту неопредѣленную версификацію, которая такъ замѣтна въ напечатанныхъ произведеніяхъ Гэйса (остается нерѣшеннымъ вопросъ, не произошло ли это отъ недостатковъ печатанія). Изучаемые ими итальянскіе образцы и еще болѣе итальянская форма сонета, которую они ввели и культивировали, оказали имъ неоцѣненную услугу, помогая имъ соблюдать точность просодіи. Но при этомъ ихъ стремленіе къ такой точности версификаціи иногда заставляло ихъ дѣлать неправильныя ударенія, форсировать рифму и вообще извращать родной языкъ.

Но всѣ эти недостатки ничтожны по сравненію съ достигнутыми ими результатами. Можно, конечно, сомнѣваться, обладалъ ли Уайтъ музыкальнымъ слухомъ; нѣкоторые изъ его попытокъ заставляютъ сомнѣваться въ этомъ. Но Сюррей былъ несомнѣнно настоящимъ мастеромъ метра, а старшій его современникъ былъ гарантированъ своими образцами отъ тѣхъ недостатковъ, къ которымъ онъ былъ склоненъ по своей натурѣ. Кромѣ того оба они или благодаря идіосинкразіи, или благодаря тому, что были проникнуты духомъ образцовъ, достигли горячности поэтической концепціи, которая позволила имъ вылить свое поэтическое содержаніе въ выработанную форму, весьма отличную отъ лепета ихъ предшественниковъ. Аллитераціи съ одной стороны и безконечное повтореніе аллегорій, заимствованныхъ у французовъ, съ другой, иногда приводили этихъ предшественниковъ къ простой безсмыслицѣ. Въ особенности Скельтонъ (и не только въ популярныхъ, и сатирическихъ и комическихъ стихахъ) иногда почти совершенно не признаетъ конструкціи; рядомъ съ прекрасными мѣстами у такихъ поэтовъ, какъ шотландецъ Дёнбаръ, мы часто встрѣчаемъ другія мѣста, въ которыхъ слова повидимому употребляются если не вполнѣ безъ всякаго значенія, то во всякомъ случаѣ накладываются одно на другое такъ, какъ напр., накладываетъ краски ребенокъ, которому въ первый разъ подарили ящикъ съ красками.

Уайтъ и Сюррей устранили все это; по крайней мѣрѣ они подали примѣръ измѣненій и хотя этому примѣру слѣдовали медленно и не-

рѣшительно, но въ концѣ концевъ онъ послѣ переходной и нерѣшительной, хотя и изящной литературной дѣятельности Саквилля привелъ къ поэтической дѣятельности Спенсера. Сотоварищи двухъ поэтовъ по сборнику Tottel's Miscellany, принадлежавшіе къ массѣ англійскихъ поэтовъ третьей четверти этого вѣка, были въ большинствѣ случаевъ ничтожными, хотя и почтенными писателями. Ни у одного изъ нихъ, кромѣ Саквилля, не замѣчается искры божественнаго огня. Но былъ созданъ очагъ для воспріятія этого огня, были собраны матеріалы для поддержанія его.

Общая характеристика періода.

Однимъ словомъ, возвращаясь къ тому, съ чего мы начали наше изложеніе, скажемъ, что именно въ этомъ и состояло дѣло всего этого періода и никѣмъ изъ прозаиковъ оно не было совершено съ такой послѣдовательностью и полнотой, какъ двумя вышеупомянутыми поэтами. Только черезъ сто или даже болѣе лѣтъ (смотря потому признать ли, какъ одни, Уайтомъ англійской прозы Джонсона или, какъ признаютъ другіе, Коулея) проза была вполнѣ реформирована. Весь этотъ періодъ былъ періодомъ, если не опыта—для этого онъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи ни одного оригинальнаго писателя—то періодомъ старательнаго собиранія матеріала, терпѣливаго изслѣдованія и сравненія того, что сдѣлано другими, недовольства (не дерзкаго или презрительнаго, а искренняго) простымъ подражаніемъ старому, попытокъ улучшить и исправить—попытокъ, не имѣющихъ узости, часто свойственной такимъ попыткамъ, охраняемыхъ отъ такой узости изобиліемъ и разнообразіемъ новыхъ интересовъ и новаго матеріала, который должны были обрабатывать ученые и литераторы того времени. Читать послѣ Скельтона Сюррея, даже читать Гэйса и послѣ него Уайта—значитъ переходить отъ одного литературнаго періода къ другому; можетъ даже показаться, что при этомъ переходѣ что то утратилось, что то ускользнуло; можетъ показаться, что между двумя періодами долженъ былъ быть еще переходный періодъ—такъ внезапна и рѣзка перемѣна. Невозможно по вышеуказаннымъ причинамъ и по другимъ, зависящимъ, вѣроятно, отъ случайностей личнаго свойства, указать на подобный же контрастъ въ прозаическихъ произведеніяхъ; но этого и невозможно было бы ожидать. Вообще говоря, этотъ интересный періодъ до сихъ поръ привлекалъ мало вниманія профессіональныхъ историковъ и еще менѣе изучался обыкновенными изслѣдователями литературы. Но можетъ быть, ни въ какое другое время литература не отражала настолько духъ времени и, навѣрное, ни въ одну эпоху она не была такъ связана съ созданіемъ будущихъ великихъ произведеній.

Шотландская литература.

Франка Гитса.

Позднѣйшія произведенія Говена Дугласа. Переводъ Энеиды.

Въ послѣдней главѣ второго тома мы оставили Говена Дугласа послѣ того, какъ онъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ, сдѣлалъ свою первую литературную попытку. «Замокъ Чести» былъ обработанной аллегоріей, замѣчательной только по ея высокой цѣли, по описанію природы, по случайнымъ блесткамъ юмора. Дворецъ Венеры напоминаетъ «Домъ славы»; аллегорія есть черта, общая дюжинѣ произведеній, обладающихъ большими достоинствами, но любопытныя детали, съ которыми описаны красота въ безобразіи и самыя страшныя, самыя дикія сцены природы и юмористическія мѣста, вродѣ мѣста о современной литературѣ, даютъ «Замку Чести» особую окраску и дѣлаютъ это произведеніе болѣе удобочитаемымъ, чѣмъ многія другія болѣе художественныя произведенія. И это несмотря на общее сходство плана произведенія съ планомъ «Дома славы». Дугласъ былъ поэтомъ, зараженнымъ любовью къ дѣятельности, за что онъ и заплатилъ впослѣдствіи довольно дорого. Его семейная гордость и честолюбіе были ему дороже музы и только спустя двѣнадцать лѣтъ послѣ первой попытки появился его переводъ Энеиды (1513). Это произведеніе составляетъ одинъ изъ очевидныхъ признаковъ окончанія средневѣковья въ литературѣ. Форма еще средневѣковая, но Дугласъ уже былъ піонеромъ въ критическомъ методѣ гуманизма. Переводъ Боэція, сдѣланный Чосеромъ, съ современной точки зрѣнія былъ сдѣланъ поверхностно и беззаботно. «Собраніе исторій о Троѣ» Какстона и его «Энеида» были просто переводы французскихъ романовъ [1]). Попытка Дугласа была первой серьезной попыткой вѣрной передачи великаго классическаго автора. Онъ вѣрно оцѣнивалъ красоты стиховъ Виргилія и былъ способенъ стать на точку зрѣнія автора. Онъ утверждаетъ, что Чосеръ былъ не правъ, осуждая Энея за оставленіе имъ Дидоны—традиціонный средневѣковой взглядъ—потому что Эней только исполнялъ повелѣніе боговъ.

Правда, онъ, нисколько не стѣсняясь, измѣняетъ мѣстный колоритъ оригинала, чтобы быть понятнѣе для своихъ читателей; но въ поддержку этого онъ цитируетъ Горація и Боккачіо. Потому онъ безъ колебанія дѣлаетъ изъ Сивиллы монахиню, совѣтующую Энею «читать молитвы» (tell his beads [2]) и говоритъ о «монахиняхъ Вакха».

---

[1]) Recueil des Histoires de Troyes (1464) Рауля Лефевра и „Eneydos“ (1490)—Гильома де Руа.

[2]) Изображеніе Сивиллы въ Сикстинской капеллѣ Микель-Анжело.

Правда и то, что комментарій, которыми онъ начинаетъ книгу и которые онъ доводитъ только до первой книги, доказываютъ, что онъ былъ не только гуманистомъ,а и епископомъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ объясняетъ, что Юпитеръ, царь Крита и Юнона, «его сестра и супруга», сдѣлались божествами въ силу ихъ отождествленія съ элементами и съ очевиднымъ одобреніемъ приводитъ комментарій Христофора Ландинуса, который «морально пишетъ о Виргиліѣ» и указываетъ, что приключенія Энея суть просто стремленія «справедливаго человѣка» къ «высшему благу и божественности», которыя заключаются «въ созерцаніи божественнаго». Тѣмъ не менѣе несмотря на всѣ эти медіавализмы онъ настолько хорошій критикъ, что утверждаетъ, что тринадцатая книга Мафея Вегіуса совсѣмъ не согласна съ текстомъ; и что его стиль совсѣмъ не похожъ на Виргилія. Онъ соглашается прибавить переводъ его только подъ принужденіемъ «двадцатью ударами» отъ духа яростнаго христіанскаго продолжателя. Въ предисловіи къ книгѣ (Dyrection of his Buik) онъ высказываетъ надежду, что его переводъ окажется полезнымъ для грамматическихъ школъ и выражаетъ свое глубокое сознаніе красотъ оригинала.

Оригинальные прологи къ каждой изъ тринадцати книгъ трактуютъ о множествѣ сюжетовъ; въ нихъ имѣются и разсужденія, и критика, и описаніе. Нѣкоторые изъ нихъ, напр. прологъ къ седьмой книгѣ, гдѣ описывается суровость зимы, или прологи къ двѣнадцатой и тринадцатой книгамъ, описанія ландшафта въ маѣ и іюнѣ, конечно лучшія изъ произведеній Дугласа. Девятый прологъ интересенъ, какъ самая ранняя попытка критической статьи. Дугласъ обсуждаетъ вопросъ о стихѣ и дикціи, наиболѣе пригодныхъ для эпическихъ произведеній и рекомендуетъ героическій стихъ и важный, сентенціозный языкъ. Потому переводъ и шесть прологовъ написаны героическими куплетами, а остальное стансами различной длины. Осьмой прологъ, поэма, напоминающая поэму Лангланда, основанъ на текстѣ: «Ressoun and rychtis rent by false rite» — (Разумъ и право погублены раздорами) и написанъ рифмованнымъ аллитеративнымъ метромъ, распредѣленнымъ въ тринадцати строчныя стансы, очень похожіе на Ballad of King Kittok Денбара [1]). Дугласъ не достигаетъ опредѣленности римскаго поэта и рѣдко передаетъ пафосъ оригинала, по крайней мѣрѣ вполнѣ; но его стиль всегда силенъ и въ мѣстахъ драматическихъ, гдѣ требуется быстрое движеніе, напр. въ описаніи смерти Пріама, погребальныхъ обрядовъ и даже въ описаніи плача и смерти Дидоны, его переводъ очень удаченъ. Кромѣ

[1]) Въ поэмѣ Дугласа девятая строка длинная также, какъ предшествующія; у Денбара строка короткая также, какъ послѣдующія. Порядокъ рифмъ такой: ab ab ab ab cdddc.

того его переводъ составляетъ основаніе перевода бѣлыми стихами первыхъ двухъ книгъ Сюррея и потому шотландское сочиненіе повліяло на литературу къ югу отъ Твида. Работа была закончена въ шестнадцать мѣсяцевъ со времени ея начала (см. короткій эпилогъ); такой быстротой работы Дугласъ, можетъ быть, былъ обязанъ своей опытности въ переводческомъ дѣлѣ, пріобрѣтенной имъ переводомъ De Remidio Amoris, шотландскую версію котораго Таннеръ приписываетъ ему. Это произведеніе не сохранилось. Ему также приписываютъ «драмматическія поэмы, основанныя на событіяхъ священной исторіи и «Comaedias aliquot», кромѣ другихъ произведеній; но кромѣ его четырехъ сохранившихся поэмъ, намъ извѣстно только то, что Линдсей въ Testament of the Papyngo говоритъ о немъ, какъ объ авторѣ пяти произведеній.

King Hart. Дата третьяго значительнаго его произведенія, «Короля Гарта», недостовѣрна. Вообще полагаютъ, что оно написано между «Замкомъ чести» и «Энеидой»; но многія соображенія указываютъ на позднѣйшее время и хотя несомнѣнно, что непосредственно послѣ битвы при Флодденѣ онъ былъ слишкомъ занятъ, чтобы заниматься литературой, тѣмъ не менѣе послѣ 1516 года, когда онъ былъ занятъ рутинными дѣлами своей епархіи, ничто не мѣшало ему употребить свои досуги на занятіе литературой. Сравнительно съ «Замкомъ чести» тонъ поэмы болѣе грустный и сдержанный. Онъ болѣе разсудоченъ, рефлективенъ, менѣе игривъ; аллегорія менѣе сложная, строфа проще и стихъ правильнѣе. Сюжетъ давалъ менѣе поводовъ къ надеждѣ, однако чувство болѣе здоровое и не искажено сантиментальностью; нѣкоторыя мѣста, вродѣ того мѣста, гдѣ король Гартъ оставляетъ Ютгейду, доказываютъ патетическую искренность, возможную только въ человѣкѣ, вспоминающемъ объ ушедшемъ навсегда другѣ.

Идея поэмы старая—аллегорія безконечной борьбы духа съ плотью; главная тема заимствована изъ аллегорической автобіографіи въ стихахъ и прозѣ его современника Октавіана де С. Желе (Octavien de St. Gelais), озаглавленной Le Sejour d'Honneur; нѣкоторыя мѣста изъ этаго произведенія уже встрѣчаются въ «Замкѣ чести». Нѣкоторыя изъ подробностей заимствованы, напр., битва между королемъ Гартомъ и Dame pleasance, похожая по темѣ на «Золотой Щитъ» (Goldyn Targe); другія мѣста напоминаютъ Петра Пахаря. Стихъ осьми строчныя—стансы, употребляемыя Чосеромъ. Однако сдержанность, рѣзкость выраженія идеи, обращеніе всего вниманія на дѣйствіе, а не на описаніе, утонченность обработки и въ особенности искренность дѣлаютъ эту поэму самымъ личнымъ и самымъ зрѣлымъ, если не самымъ лучшимъ, изъ его произведеній.

Небольшая поэма въ четырехъ стансахъ королевской рифмой, Conscience, есть остроумная шутка надъ испорченностью церковныхъ

сановниковъ «Разсказа о бочкѣ». Конецъ жизни епископа Дункельта былъ проведенъ въ безплодныхъ попыткахъ поддержать дѣло его слабаго племянника, графа Ангуса, вскорѣ послѣ Флоддена женившагося на королевѣ Маргаритѣ и столь же быстро утратившаго свое вліяніе надъ ней. Дугласъ умеръ въ 1522 году изгнанникомъ въ Лондонѣ; въ послѣдніе годы своей жизни онъ помогалъ своему другу Полидору Вергилію, декану Уэльса, писать шотландскую часть его громадной англійской хроники.

Сэръ Давидъ Линдсей (1490—1555) уступаетъ Дугласу какъ поэтъ, но онъ столь же интересенъ, какъ писатель. Онъ обладалъ большой политической проницательностью, значительнымъ умѣньемъ изложенія и изрядnымъ остроуміемъ, но также, какъ у Лидгэта, его поэтическое честолюбіе превосходило его способности. Линдсей вдохновлялся Дёнбаромъ также, какъ Лидгэтъ Чосеромъ; но когда онъ покидаетъ политику и современную жизнь, его произведенія никуда не годятся. Первое его произведеніе The Dreme (1528), королевской рифмой, есть пародія на Божественную Комедію, изображеніе трехъ царствъ вселенной, куда ведетъ поэта Дама Воспоминаніе — нѣчто вродѣ общей исторіи, заканчивающейся описаніемъ Шотландіи и рѣчью Джона Общаго Блага (John Commen Weal), въ которой бѣдность страны объясняется разбоями и отсутствіемъ суда и полиціи. Единственная надежда на «добраго и благоразумнаго короля», ибо «горе королевству, имѣющему королемъ юнаго человѣка». «Жалоба королю» (1529) поздравляетъ его съ полученіемъ полной власти, а Testament and Complaynt of our Soverane Lordis Papyngo (1530) еще смѣлѣе нападаетъ на злоупотребленія. Небольшая поэма, въ которой онъ отвѣчаетъ Flyting (льстецу) короля, одна изъ самыхъ откровенныхъ поэмъ, обращенныхъ къ государю; а лучшая изъ его сатиръ въ Денбаровской манерѣ — это «Жалоба Бакше, старой собаки короля, на Бавтика, любимую собаку короля и на ея компаньоновъ» (Complaynt of Bagsche, the Kingis auld Hound to Bawtie, the Kingis belovit Dog, and his Companions). Наиболѣе забавная изъ легкихъ сатиръ—это Supplication, directit to the Kingis Grace in Contemptioun of Syde Taillis». очень похожая на сатиру Лидгэта на головные уборы современныхъ дамъ, только гораздо грубѣе. Какъ по своимъ достоинствамъ, такъ и по недостаткамъ, она болѣе другихъ произведеній Линдсея напоминаетъ Денбара. Его «плачъ о смерти королевы Магдалены» (1537) написанъ по поводу грустной кончины французской супруги Іакова черезъ сорокъ дней послѣ ея высадки въ Шотландіи. Изъ большихъ поэмъ лучшая—это Historie and Testament of Squyer Meldrum» (1550) реалистическій романъ современнаго джентльмена, а худшая «Монархъ» (1554),[1]) послѣднее изъ рифмованныхъ средне-

Линдсей.

[1]) Сначала публикована въ сокращеніи подъ названіемъ: Dialog betuix Experience and Courteour.

вѣковыхъ руководствъ. «Трагедія кардинала» (1547) есть поэма о смерти его стараго школьнаго товарища кардинала Битона, разсказываемая имъ самимъ, въ манерѣ Mirror for Magistrates. Двѣ поэмы Kittie's Confession, сатира на исповѣдь и Description of Peder Coffer, хранящіяся только въ Баннатинскихъ манускриптахъ, не вполнѣ достовѣрно принадлежатъ ему. «Регистръ гербовъ шотландскихъ вельможъ и дворянства» (1542), написанъ имъ въ качествѣ королевскаго герольдмейстера (Lyon King of Arms).

Наиболѣе интересное и важное изъ его сочиненій — это «Сатира на три сословія» (Satire of the Three Estaits), самая ранняя изъ сохранившихся шотландскихъ моральныхъ пьесъ (Moralities). Она отличается отъ другихъ пьесъ этаго рода, потому что аллегорія почти совершенно исчезаетъ въ сатирическомъ элементѣ; кромѣ обычныхъ призрачныхъ олицетвореній добродѣтелей и пороковъ фигурируютъ реальные шотландскіе характеры, вродѣ Вора, Пограничнаго Бродяги, бѣдняка Паупера, Пардонера (исповѣдника) и другихъ; всѣ они вырисовываются столь же опредѣленно, какъ и характеры въ Halloween Бернса. Въ формахъ стиха тоже разнообразіе, какъ и въ другихъ моральныхъ пьесахъ; она была шагомъ впередъ въ эволюціи драмы, такъ какъ конкретные характеры вводятся не только въ прологъ, но и въ самую пьесу. Пьесу въ первый разъ играли въ Линлитгоу въ 1540 году предъ королемъ, королевой и ихъ дворомъ, а потомъ два раза въ Купаръ и Гринсайдѣ.

Музыка при первыхъ Тюдорахъ.

Pokotpo.

При Тюдорахъ музыка развилась быстрѣе и болѣе удовлетворительно, чѣмъ въ какой либо изъ предыдущихъ періодовъ англійской исторіи. Ни раньше, ни позднѣе англійскіе композиторы не поддерживали столь удачно національное искусство, несмотря на блестящіе успѣхи музыки въ Италіи, Германіи и въ Нидерландахъ. Очень понятны причины такого развитія музыки. Любовь къ ней была широко распространена въ народѣ, культивировали искусство пѣнія съ одинаковымъ усердіемъ и пониманіяхъ во всѣхъ слояхъ общества, сами государи были горячими покровителями этого искусства и часто занимали почетное мѣсто среди лучшихъ музыкантовъ своего времени. Музыка въ королевской капеллѣ, за которой лично наблюдалъ король Генрихъ VIII, признавалась иностранными послами лучшей въ Европѣ. Королева Елисавета была превосходной пѣвицей.

Ея жертва, королева Марія Стюартъ, не уступала ей въ этомъ искусствѣ. Удивительно-ли, что подобныя примѣры царствующихъ особъ вліяли на развитіе искусства во всѣхъ слояхъ общества?

«Пятая англійская школа», къ счастію, представлена болѣе полно, чѣмъ третья и четвертая. По окончаніи войны Розъ, по замиреніи страны посредствомъ соединенія домовъ Іоркскаго и Ланкастерскаго, развитіе искусства, прерванное усобицами, началось снова съ такимъ успѣхомъ, что работы, сдѣланныя въ Англіи въ первую половину шестнадцатаго вѣка, безспорно выдерживаютъ сравненіе съ лучшими современными произведеніями Италіи и Нидерландъ. Главой «пятой школы» былъ Джонъ Редфордъ, органистъ Св. Павла. Наиболѣе извѣстными изъ его сотоварищей были Ричардъ Эдмондсъ, Джонъ Шепгердъ, Джонъ Тавернеръ, Георгъ Этериджъ, Робертъ Джонсонъ, Робертъ Парсонсъ, Джонъ Торнъ, Джонъ Мербекъ, Маркъ Смитонъ, Томасъ Абель, и не менѣе всѣхъ этихъ музыкантовъ талантливый король Генрихъ VIII. Нѣкоторые изъ этихъ композиторовъ были извѣстны по причинамъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ ихъ искусствомъ. Джонъ Мербекъ, авторъ «Книги молитвъ, положенныхъ на ноты», былъ ревностнымъ реформаторомъ и пострадалъ за свои мнѣнія. Маркъ Смитонъ и Томасъ Абель были казнены за измѣну, первый въ 1536 году, а второй въ 1540. Всѣ они были люди несомнѣнно талантливые. Псаломъ Редфорда: «Радуйтесь во Господѣ» одна изъ лучшихъ существующихъ композицій эта рода. Прелестный мадригалъ Эдмондса: In going to my naked bedde, смѣло можно сравнить съ самыми лучшими свѣтскими композиціями того времени, произведенными римской или фламандской школами. Король Генрихъ былъ настоящимъ музыкантомъ. Его псаломъ: «О, Боже, создатель всего міра» обладаетъ серьезными достоинствами; другія его композиціи, хранящіяся въ библіотекѣ Британскаго музея и другихъ общественныхъ коллекціяхъ, могутъ быть поставлены рядомъ съ лучшими современными произведеніями. Къ счастію, работы большинства этихъ композиторовъ уцѣлѣли при грабежѣ соборныхъ и монастырскихъ библіотекъ; но многія изъ нихъ были уничтожены пуританами во время великой англійской революціи; красоты сохранившихся заставляютъ еще болѣе сожалѣть объ этой утратѣ.

Земледѣліе.

Хорбета.

Реформація и загораживаніе полей.

По отношенію къ земледѣлію царствованіе Генриха VIII отмѣчается также, какъ и царствованіе его предшественника, дальнѣйшимъ увеличеніемъ огораживанія полей для овцеводства. Въ это царствованіе

движеніе въ этомъ направленіи достигаетъ наивысшаго своего развитія. Всѣ теперь убѣдились по опыту, что овцы обращаютъ «песокъ въ золото»—не только лорды помѣстій и ихъ фермеры, но и вольные владѣльцы (free tenants) и даже копигольдеры, и если у нихъ было достаточно земли, всѣ хотѣли получить съ своихъ земель какъ можно больше, уничтоживъ пахать и занявшись овцеводствомъ, обращая вниманіе, какъ говорили тогда недовольные, «только на свой личный выигрышъ и на барыши, а не на общее благо королевства». Изъ книги статутовъ видно, что Генрихъ VIII и его министры въ теченіе всего царствованія пытались противиться общему стремленію и ихъ поддерживали въ этомъ всѣ проповѣдники и мыслители того времени. Но всѣ ихъ усилія были въ концѣ концевъ уничтожены актомъ самого короля, когда онъ въ 1536 году уничтожилъ монастыри и даровалъ ихъ имѣнія новому классу собственниковъ, взятому изъ купеческой среды. Эти новые собственники, желая «жить подобно лордамъ въ городахъ» или «праздновать въ своихъ замкахъ въ теченіе двухъ недѣль или мѣсяца», были болѣе жадны на барыши, чѣмъ ихъ предшественники; они менѣе руководились въ своихъ отношеніяхъ къ фермерамъ сантиментальными соображеніями. Именно этотъ классъ людей Томасъ Моръ и называетъ «жадными и ненасытными хищниками»; они начали скупать фермы еще раньше того, какъ уничтоженіе монастырей отдало въ ихъ руки почти пятнадцатую часть всей земли Англіи; деревенское населеніе, сравнивая ихъ плохенькіе дома и непривѣтливость и скупость съ гостепріимными домами «честныхъ людей», мѣсто которыхъ они заняли, ненавидѣло ихъ. И это понятно, такъ какъ этотъ классъ считалъ землю такимъ же товаромъ, какъ и всякій другой; считалъ ее не просто средствомъ существованія, а источникомъ барышей—т. е. держался взглядовъ, теперь столь распространенныхъ, что намъ теперь даже трудно понять ту бурю негодованія, съ которымъ тогда относилось къ нимъ общество.

Законодательныя мѣры.

Генрихъ VIII и его министры также, какъ и его отецъ, сначала, повидимому, имѣли въ виду тѣ политическія опасности, которыя могутъ произойти отъ обезлюденія деревни, а не тѣ общественныя бѣдствія, которыя очевидно происходили отъ постояннаго превращенія пахатныхъ полей въ пастбища. Ослабленіе защиты королевства противъ иностранныхъ государствъ, которыя «раньше такъ боялись его силы и могущества» — вотъ что казалось имъ требующимъ ихъ непосредственнаго вмѣшательства; потому въ 1514 году король издалъ прокламацію противъ скупщиковъ фермъ (engrossers)—, воспрещая имъ занимать болѣе одной фермы и повелѣвая, чтобы «всѣ хозяйственныя постройки, разрушившіяся со времени воцаренія его отца, снова были подвергнуты обработкѣ и обитаемы хозяевами и рабочими, какъ было раньше до скупки этихъ домовъ».

За этимъ въ слѣдующемъ году послѣдовалъ актъ, проводившій туже политику и бывшій повтореніемъ спеціальнаго акта, изданнаго въ 1488 году Генрихомъ VII для острова Уайта. Такъ какъ эта мѣра не привела ни къ чему, то дальнѣйшіе акты 1516 года разрѣшали владѣльцамъ леновъ захватить половину всѣхъ брошенныхъ земель до тѣхъ поръ, пока не будетъ на нихъ снова заведено хозяйство. Интересно отмѣтить тотъ фактъ, что эти акты почти современны съ изданіемъ «Утопіи» Томаса Мора, съ нападками его на овцеводство и несомнѣнно, что они были популярны. Но правительство скоро поняло, что для того, чтобы эти мѣры имѣли успѣхъ, необходимо принятіе новыхъ мѣръ и въ 1517 году было издано «порученіе изслѣдованія» разныхъ графствъ для полученія точныхъ свѣденій какъ о личностяхъ, несоблюдавшихъ законъ, такъ и о размѣрахъ проистекавшихъ отъ того злоупотребленій. Изслѣдованіе 1517 года.

По отношенію къ нѣкоторымъ частямъ пятнадцати графствъ отчеты объ этомъ изслѣдованіи сохранились и они доказываютъ, что загораживаніе полей для овцеводства почти повсемѣстно продолжалось, но что въ большинствѣ мѣстностей оно не было особенно широко распространеннымъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣются извѣстія объ уничтоженіи цѣлыхъ деревень и объ изгнаніи ихъ обитателей, но вообще загораживаніе болѣе ста акровъ было рѣдкостью; большинство случаевъ загораживанія состоитъ изъ загораживанія 30, 40, 60 и 80 акровъ. Результаты представляются въ такомъ видѣ, что захватывали съ изгородями владѣнія мелкихъ фермеровъ по обычному праву; но неизвѣстно, было ли это результатомъ ихъ изгнанія, или ихъ самостоятельнаго акта, или подкупа ихъ со стороны ихъ болѣе богатыхъ сосѣдей. Нѣкоторыя показанія, правда, указываютъ на загораживанія помѣстій или лордами или ихъ фермерами; но относительно этой части земель кажется, что собственники загородили ихъ, если вообще находили это нужнымъ и выгоднымъ, задолго до изслѣдованія, причемъ ихъ права на загораживаніе никѣмъ не оспаривались. Фицгербертъ, писавшій въ 1523 году, говоритъ, что въ это время большинство помѣстій было огорожено и не считаетъ это какимъ нибудь новшествомъ. Отчеты 1517 года не даютъ намъ свѣденій именно о томъ, что намъ въ особенности было бы желательно узнать: какимъ образомъ владѣльцы помѣстій присвоили общинныя деревенскія земли или какъ они подѣлили ихъ съ своими наиболѣе важными тенантами—а именно такая форма огораживанія практиковалась преимущественно, она въ особенности должна была вліять на болѣе бѣдныхъ тенантовъ, такъ какъ она превращала ихъ въ нищихъ и бродягъ, дѣлая ихъ членами класса, увеличеніе котораго начинало становиться бѣдствіемъ и для страны и для правительства. Результаты изслѣдованія.

Результатомъ изслѣдованія было то, что Вольсей въ качествѣ судьи канцлерства въ слѣдующемъ году издалъ указъ, что у всѣхъ нару- Дальнѣйшія законодательныя мѣры.

шившихъ постановленія актовъ изгороди должны быть снесены въ теченіи сорока дней. Вліяніе такой мѣры, если бы даже она была приведена въ исполненіе, могло быть только временнымъ, потому что черезъ нѣсколько лѣтъ тридцать хозяйствъ (плуговъ), существовавшихъ въ Оксфордширѣ при Генрихѣ VII, были заброшены и въ 1534 году правительство снова было вынуждено издавать акты по этому поводу. Статутъ этаго года указываетъ, какія бѣдствія по предположенію причинялись овцеводствомъ. Приводимъ часть этаго статута:

«Разныя особы, которымъ Богъ по своей благости даровалъ изобиліе, въ послѣднее время изобрѣтаютъ и изучаютъ средства скопить въ своихъ рукахъ какъ множество фермъ, такъ и много скота, и въ особенности овецъ, превращая землю въ пастбище, а не въ пахоту; посему они не только срываютъ и сносятъ церкви и города, и возвышаютъ земельныя ренты и сборы такъ, что бѣднякамъ нельзя взять землю, но и всякія земледѣльческіе продукты почти вдвое противъ обычныхъ цѣнъ, въ силу чего огромное количество народа этаго королевства не въ состояніи прокармливаться, кормить женъ и дѣтей и настолько поражены нищетой и бѣдностью, что ежедневно впадаютъ въ воровство и грабежи или печально умираютъ отъ холода и голода».

Преобразованіе системы землевладѣнія.

Для исправленія всѣхъ этихъ золъ было повелѣно, чтобы никто не имѣлъ права держать болѣе двухъ тысячь овецъ; а два года спустя послѣ уничтоженія монастырей былъ изданъ другой актъ, обязывавшій новыхъ жалованныхъ собственниковъ, получившихъ свои земли затѣмъ, «чтобы имѣть на нихъ честные и постоянные дома и каждогодно занимать пашней столько изъ помѣстья, сколько полагается по обычаю». Какъ и раньше, нарушеніе этихъ актовъ наказывалось конфискаціей земли до исправленія нарушенія; по новому акту, изданному въ тоже время, король получилъ право забирать для этой цѣли земли лично, вмѣсто феодальныхъ лордовъ. Такимъ образомъ нельзя обвинить правительство того времени въ томъ, что оно ничего не дѣлало для задержанія роста зла. Но всѣ его попытки были напрасными, потому что наблюденіе за соблюденіемъ закона было поручено мировымъ судьямъ, а они то, вѣроятно, и были сами худшими изъ нарушителей закона. Потому эти акты, подобно прежнимъ, оставались мертвой буквой; ихъ или игнорировали или обходили; такъ, напр., проводили по полю борозду и объявляли, что поле вспахано или отписывали, какъ указываетъ Джонъ Гальсъ, «овецъ на дѣтей и слугъ» и такимъ образомъ держали болѣе узаконенныхъ двухъ тысячь овецъ. Вообще правительство, кажется, сознавало свою неудачу и до слѣдующаго царствованія не принимало дальнѣйшихъ законодательныхъ мѣръ. Новымъ собственникамъ было предоставлено дѣлать съ монастырскими землями что имъ угодно, и на основаніи усиленія недовольства, на основаніи ссылокъ на «овечьи фермы»,

какъ на поводъ мятежей и бунтовъ въ концѣ царствованія Генриха, мы можемъ заключить, что новые собственники широко пользовались предоставленными имъ правами. И дѣйствительно, чтобы ни дѣлало правительство, оно не могло остановить ихъ. Латимеръ кричалъ: «вы, ландлорды; вы, собиратели рентъ — я могу назвать васъ неестественными лордами; вы, слишкомъ много получаете въ годъ за ваши земли!» Но онъ боролся противъ духа времени, который вводилъ не только въ земледѣліе, но и вездѣ, современную идею конкуренціи и теорію, что слабѣйшій долженъ былъ убираться къ чертямъ. Зародышъ такихъ идей былъ введенъ въ страну съ ростомъ торговли въ предыдущее столѣтіе и борьба противъ изгородей была просто однимъ изъ признаковъ одной изъ стадій постепеннаго превращенія Англіи въ торговую страну.

Торговля и денежное обращеніе.

Саймса.

Расточительность короля.

За воцареніемъ Генриха VIII послѣдовало важное измѣненіе въ политикѣ англійскаго правительства. Главнѣйшимъ измѣненіемъ была замѣна бережливости расточительностью. Одной изъ главныхъ цѣлей стараго короля было скопленіе богатства. Наоборотъ, молодой король, повидимому, поставилъ своей цѣлью тратить елико возможно больше. «Время проходитъ, писала королева Екатерина своему отцу, Фердинанду Аррагонскому: «въ постоянныхъ празднествахъ». Маскарады, рауты и другія забавы устраивались съ невиданнымъ раньше великолѣпіемъ. Стремленіе къ фантастическому блеску было вообще одной изъ характерныхъ чертъ эпохи возрожденія; молодой Генрихъ въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, былъ истиннымъ сыномъ своего времени. Въ 1515 году онъ истратилъ на шелки и бархаты 5000 ф. и на металлическую посуду и драгоцѣнные камни 1500 ф. Другія статьи придворнаго бюджета были поставлены на туже ногу и при этомъ слѣдуетъ помнить, что покупная сила денегъ была значительно больше теперешней. Пять тысячъ фунтовъ въ годъ на шелкъ и бархатъ хватили бы для комфортабельной жизни тысячи семей въ такой же періодъ времени.

Королевская расточительность сначала поддерживала торговлю. Она поднимала цѣны и поощряла нѣкоторыя отрасли промышленности; но даже сначала она, вѣроятно, вредила массѣ работниковъ, увеличивая издержки содержанія больше, чѣмъ она увеличивала среднюю заработную плату. А въ концѣ концевъ она, конечно, была разо-

рительна для всего народа. Нужно было вводить налоги для уплаты за королевскую роскошь, а война, которую онъ началъ вскорѣ послѣ воцаренія (1511), увеличила тяготы націи и задержала ростъ торговли. Кромѣ того, безумными расходами Генрихъ былъ вынужденъ прибѣгать къ крупнымъ конфискаціямъ и къ ухудшенію денегъ—что, какъ мы увидимъ, породило ужасныя соціальныя бѣдствія и безпорядки. Дѣйствительно, Англія во время царствованія Генриха VIII изъ положенія замѣчательнаго преуспѣянія и довольства перешла въ положеніе крайней нищеты и замѣшательствъ.

Иностранная торговля.

Первые годы царствованія Генриха были, однако, годами процвѣтанія. Иностранная торговля продолжала развиваться. Удачный объѣздъ мыса Доброй Надежды португальцами (1498) открылъ для Европы новый путь въ Индію, свободный отъ опасностей и пошлинъ, которымъ подвергалась сухопутная торговля. Генрихъ сильно интересовался флотомъ. Его прекрасный корабль «Большой Гарри» съ семью рядами пушекъ одинъ надъ другимъ былъ чудомъ для современниковъ; онъ требовалъ, чтобы адмиралы посылали ему подробные отчеты о постройкѣ и снаряженіи каждаго корабля. Но Генрихъ не придерживался политики отца, поддерживавшаго торговый флотъ. Онъ пріостанавливалъ дѣйствіе навигаціоннаго акта, когда ему это казалось удобнымъ, такъ какъ онъ часто предпочиталъ свои частные интересы поощренію англійскаго мореплаванія. Но послѣ 1539 года онъ вернулся въ этомъ отношеніи къ политикѣ своего предшественника; его интересъ къ иностранной торговлѣ доказывается его грамотой братству Святой Троицы въ Дептфордѣ, соединившей фактически лоцмановъ рѣки Темзы въ гильдію и давшей имъ значительный контроль надъ «знаніемъ и искусствомъ моряковъ». Сильная позиція Англіи послѣ мира 1515 года отчасти принесла пользу торговлѣ. Союза съ Генрихомъ жаждали двѣ враждующія державы, Франція и Испанія, и король получилъ возможность обезпечить англійскимъ купцамъ многія привиллегіи, особенно въ Нидерландахъ.

Это указываетъ на то измѣненіе, которое произошло въ иностранной политикѣ Англіи. Въ предыдущіе вѣка короли хотѣли распространить свои владѣнія на континентѣ, теперь подобныя стремленія были оставлены; Генрихъ въ началѣ царствованія былъ ослѣпленъ традиціонными идеями Столѣтней войны, но послѣ 1515 года его политика по отношенію къ континенту фактически ограничилась стремленіемъ поддержать равновѣсіе между Франціей и Испаніей; національное стремленіе къ завоеваніямъ вскорѣ начало принимать форму стремленія пріобрѣсти колоніи въ далекихъ странахъ. Лордъ Гербертъ Шербюри разсказываетъ, что нѣкоторые изъ совѣтниковъ Генриха VIII разсуждали такимъ образомъ: «намъ нужно расширять свои владѣнія за моремъ. Пути въ Индію открыты и оттуда ежедневно привозятъ огромныя сокровища. Направимъ свои попытки туда». Такія

разсужденія, можетъ быть, и мифическія, но они вѣрно представляютъ новыя тенденціи и развитіе коммерческаго духа.

Пауперизмъ. Безпорядки и недовольство.

Мы сказали, что первые годы царствованія Генриха VIII были довольно благопріятны. Но уже появились нѣкоторые дурные признаки. Усилія парламента регулировать заработную плату, наказывать за бродяжество и уничтожить неразрѣшенное нищенство указывали на увеличеніе общественнаго бѣдствія; духъ свободнаго изслѣдованія, пробужденный возрожденіемъ, не позволялъ легко успокоиться при видѣ этихъ бѣдствій. Отношеніе къ нищенству было особенно суровымъ. Неспособнымъ къ работѣ было позволено просить милостыню въ назначенныхъ мѣстностяхъ, но здоровыхъ людей, пойманныхъ на нищенствѣ, сѣкли и отправляли въ ихъ приходы и попечители были обязаны находить имъ работу. При повтореніи преступленія нищенства имъ отрѣзывали уши, а при третьемъ казнили. Съ самаго начала царствованія Генриха имѣются отдѣльные признаки ростущаго безпорядка и недовольства. Въ 1514 году обозъ королевскаго казначейства подвергся нападенію и былъ разграбленъ; восемьдесятъ изъ участниковъ грабежа казнены; въ 1517 году одинъ лондонскій проповѣдникъ Белль донесъ на чужестранцевъ, конкурирующихъ съ англичанами на родинѣ послѣднихъ; во время возбужденнаго его доносомъ суда образовался заговоръ перебить заподозрѣнныхъ и ненавистныхъ чужестранцевъ. Заговоръ былъ открытъ и при приближеніи назначенной для исполненія ночи муниципальныя власти приказали горожанамъ сидѣть дома отъ десяти часовъ вечера до девяти слѣдующаго утра. Тѣмъ не менѣе подмастерья, вооруженные палками, вышли большой толпой и разграбили многіе изъ лондонскихъ дистриктовъ, въ особенности дома, обитаемые иностранцами. Правительству удалось подавить бунтъ, но оно, очевидно, раздѣляло общественное негодованіе противъ иностранцевъ и въ 1523 году прошелъ актъ, воспрещающій иностранцамъ имѣть учениковъ и подмастерьевъ и подвергшій ихъ контролю англійскихъ ремесленныхъ цеховъ. Общая политика правительства Генриха, однимъ изъ проявленій которой былъ этотъ актъ, состояла въ усиленіи цеховъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ отдачѣ ихъ подъ непосредственный надзоръ центральной или мѣстной властей. Съ этой цѣлью были проведены парламентскіе акты 1521, 1523, 1533 и 1534 годовъ. Всѣ эти акты, относившіеся къ разнымъ ремесламъ, имѣли общую цѣль усиленія власти и вліянія цеховъ; но съ другой стороны актъ 1531 года направленъ противъ попытокъ цеховъ помѣшать поденьщикамъ и ученикамъ, кончившимъ срокъ обученія, начинать собственное дѣло. Система цеховъ, очевидно, подвергалась опасности разложенія и было необходимо поддержать ее парламентскими актами и въ тоже время помѣшать ей чрезмѣрно препятствовать конкуренціи и личной предпріимчивости. Жалобы на упадокъ городовъ продолжались и этотъ

упадокъ до значительной степени обусловливался стремленіемъ труда и капитала уйти изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ дѣйствовали правила цеховой системы.

Ростъ промышленности въ деревняхъ.

Такое стремленіе повело къ росту промышленныхъ деревень. Старые «корпоративные» города приходили въ упадокъ, а деревни: Манчестеръ, Бирмингамъ и Шефильдъ, развивались, несомнѣнно отчасти по той причинѣ, что онѣ были свободны отъ вредныхъ ограниченій. Парламенты тщетно пытались заставить людей работать въ старыхъ городахъ. Экономическія силы были сильнѣе правительства; средневѣковая организація труда разрушалась. Возвышеніе цѣны шерсти заставляло землевладѣльцевъ превращать пахатныя земли въ пастбища; это порождало массовое изгнаніе изъ деревни земледѣльцевъ, и они естественно брались за тѣ заработки, какіе могли найти и своей конкуренціей помогали дезорганизаціи промышленности. Въ частныхъ жалобахъ поденьщиковъ и подмастерьевъ мы видимъ начало борьбы между трудомъ и капиталомъ. Теперь классъ ремесленниковъ-капиталистовъ развился въ классъ капиталистовъ нанимателей, а требовавшія иностранной торговли поощряли развитіе крупной промышленности.

«Утопія» и соціальной вопросъ.

«Утопія» Мора (1516) даетъ намъ, можетъ быть, наиболѣе вѣрное представленіе объ общественномъ движеніи въ началѣ царствованія Генриха VIII. Книга эта есть ничто иное, какъ романъ, фантастическое описаніе королевства «Нигдѣ», общественнаго состоянія, существующаго только въ воображеніи автора. Но этотъ авторъ, сэръ Томасъ Моръ, былъ, можетъ быть, наилучшимъ представителемъ разносторонихъ стремленій своего времени. Онъ былъ выдающимся человѣкомъ въ сферѣ ума, юмора и нравственности, выдающимся ученымъ, писателемъ, законникомъ и практическимъ политикомъ. Онъ былъ студентомъ въ Оксфордѣ въ то время, когда энтузіазмъ къ изученію греческой литературы достигъ апогея, когда многіе вѣрили, что міръ можетъ быть обновленъ новымъ просвѣщеніемъ. Оставивъ университетъ, Моръ читалъ лекціи о богословіи и юриспруденціи. Онъ былъ избранъ спикеромъ палаты Общинъ и являлся руководителемъ ея въ оппозиціи королю. Потомъ онъ сдѣлался канцлеромъ и главнымъ министромъ Генриха. Наконецъ онъ отдалъ свою жизнь за свои религіозныя убѣжденія.

Критика и идеалы такого человѣка не могли не бросить интереснаго освѣщенія на общественныя условія его времени и его страны. Характерно для того вѣка то обстоятельство, что онъ изложилъ свои идеи въ формѣ разсказа путешественника. Морякъ, путешествующій въ чужихъ моряхъ, среди неизвѣстныхъ племенъ, привозитъ въ Англію свой отчетъ о республикѣ, въ нѣкоторомъ отношеніи идеальной, а въ другихъ являющейся плохо скрытой сатирой на англійскіе порядки того времени. Въ «Нигдѣ» люди обращаютъ осо-

бое вниманіе на санитарное состояніе, на воспитаніе и вѣротерпимость—т. е. на то, что очевидно представлялось Мору особенно необходимымъ для его родины. Улицы въ «Утопіи» имѣютъ двадцать футовъ ширины, за домами имѣются большіе сады. Въ этихъ домахъ много свѣта и однако, они хорошо защищены отъ холода; отъ всякаго требуется только шесть часовъ труда; но это представляетъ минимумъ, отъ котораго никто не освобождается. Образованіе дается насчетъ государства—и притомъ только въ утреннніе часы, такъ что люди могутъ думать и учиться до того времени, пока они не утомлены дневной работой. Утвержденіе автора, что мода и законы тамъ мѣняются рѣдко, представляетъ характерный протестъ противъ любви эпохи возрожденія къ новшествамъ. Организованная регулярность жизни противопоставляется ростущему индивидуализму и анархической конкуренціи шестнадцатаго вѣка. Утвержденіе, что Утопійцы удивляются, какъ это «люди могутъ такъ любить роскошь и сомнительный блескъ бриліантовъ и драгоцѣнныхъ камней, когда они могутъ любоваться звѣздами или солнцемъ, какимъ образомъ человѣкъ хвастается тѣмъ, что его платье сдѣлано изъ тонкой ткани, ибо какъ бы тонка нить не была, она все же ничто иное какъ овечья шерсть»—представляетъ сатиру на любовь людей того времени къ утонченности. Въ особенности же Моръ съ негодованіемъ относится къ увеличивающейся религіозной нетерпимости. Въ «Утопіи» каждый можетъ исповѣдывать какую ему угодно религію. Это кажется страннымъ для человѣка, который писалъ рѣзкія нападенія на протестантовъ и умеръ мученикомъ за католицизмъ. Но ненависть Мора къ «реформаціи» не была ненавистью къ опредѣленнымъ религіознымъ мнѣніямъ, а къ движенію, которое обострило теологическіе споры. Его нетерпимость была нетерпимостью ко всему, что могло уменьшить терпимость. Онъ стоялъ на полдорогѣ между средневѣковымъ мышленіемъ и протестантизмомъ и одинаково враждебно относился и къ тому и къ другому. Средневѣковье было полно угнетенія и злоупотребленій. Оно проводило законы съ цѣлью пониженія заработной платы, такъ что «существующее зло (ибо это зло, если тѣ, отъ которыхъ государство получаетъ наиболѣе выгоды, получаютъ наименьшее вознагражденіе) становится еще большимъ посредствомъ закона». Такія злоупотребленія Моръ хотѣлъ бы устранить посредствомъ полной реформы средневѣковой организаціи, посредствомъ статутовъ о рабочихъ совсѣмъ иного сорта, чѣмъ статуты, проведенные парламентами Плантагенетовъ и Тюдоровъ. Но онъ очевидно не вѣрилъ въ систему свободы конкуренціи, въ то, что мы теперь называемъ laissez faire. Государство должно заботиться, чтобы его подданные получили надлежащее образованіе, чтобы они были въ состояніи зарабатывать кусокъ хлѣба и жить прилично—иначе «масса будетъ вести жизнь столь несчастную, что даже жизнь животныхъ

покажется имъ завидной». Общественная организація должна быть одухотворена естественной религіей. Всѣ религіозныя вѣрованія должны быть свободны; но всѣ секты должны соединяться для общаго богослуженія, прекраснаго и символическаго. Несомнѣнно, созерцаніе увеличивавшейся торговой конкуренціи и общественныхъ неурядицъ внушило Мору идеалъ организованнаго общества, одухотвореннаго общимъ богослуженіемъ. Но онъ не могъ оцѣнить дѣйствующихъ въ современномъ ему обществѣ силъ и экономическихъ причинъ тѣхъ страданій, которыя онъ оплакивалъ.

Во всякую переходную промышленную эпоху много нищеты порождается измѣненіями въ характерѣ спроса на трудъ. Время частію исцѣляетъ бѣдствія, производимыя подобными измѣненіями, если правительство хоть сколько нибудь благоразумно. Но теперь бѣдствія до значительной степени увеличились въ силу дѣятельности Генриха VIII и въ особенности въ силу ухудшенія монеты и конфискацій собственности монастырей и гильдій.

Ухудшеніе монеты.

Расточительное правительство на время легко можетъ погашать свои долги, выпуская монеты съ большей номинальной стоимостью сравнительно съ дѣйствительной цѣной металла; но подобныя дѣйствія причиняютъ великій вредъ національной промышленности. Обыкновенно, гораздо дешевле платить долги посредствомъ займовъ или налоговъ, чѣмъ посредствомъ ухудшенія монеты, хотя искушеніе принять именно эту менѣе откровенную мѣру часто бываетъ очень велико. Повышеніе номинальныхъ цѣнъ, слѣдующее за всякимъ значительнымъ выпускомъ малоцѣнной монеты, временно даетъ стимулъ нѣкоторымъ отраслямъ промышленности и даетъ не только непосредственное облегченіе казнѣ, но и порождаетъ обманчивый признакъ благосостоянія. Генрихъ VIII былъ однимъ изъ худшихъ грѣшниковъ въ этомъ отношеніи. Въ теченіе времени между 1299 и 1464 годами нѣсколько разъ ухудшали монету, но повидимому монета приблизительно соотвѣтствовала естественному повышенію цѣнности серебра, происходившему отъ вывоза драгоцѣнныхъ металловъ на востокъ (который доставлялъ много товаровъ, а въ обмѣнъ получалъ немногіе) и отъ еще болѣе вреднаго вывоза ихъ въ Римъ въ силу папскихъ налоговъ и требованій. Такимъ образомъ количество серебра постоянно уменьшалось и номинальная цѣна пала бы очень сильно, если бы не выпуски малоцѣнной монеты. Потому если и невозможно оправдать выпусковъ такой монеты, то все же можно признать, что они оказывали регулирующее вліяніе на цѣны и потому не приносили особаго вреда обществу. Но выпуски Генриха VIII были иными. Выпуски малоцѣнной монеты при немъ были такъ быстры и такъ велики, что они произвели полную дезорганизацію промышленности и невообразимую нищету. Въ 1465 году изъ 12 унцій серебра ($11^1/_2$ унц. серебра и $^{11}/_{12}$ унц. лига-

туры)—чеканились 25 шиллинговъ. Въ 1527 году изъ того же количества серебра той же пробы чеканилось уже 37 шил. Далѣе шелъ рядъ новыхъ выпусковъ малоцѣнной монеты меньшаго вѣса и худшаго качества и наконецъ въ 1551 году были выпущены монеты въ которыхъ на 9 унцій лигатуры было только 3 унціи серебра и изъ 12 унцій такой смѣси чеканилось 72 шил. Иными словами, шиллингъ 1551 года содержалъ только седьмую часть того количества серебра, какое было въ шиллингѣ 1527 года.

Такое ухудшеніе монеты было, безъ сомнѣнія, главной причиной повышенія цѣнъ въ первой половинѣ шестнадцатаго вѣка. Конечно, въ томъ же направленіи дѣйствовали и открытія серебряныхъ рудниковъ въ Мексикѣ и Перу.

Приливъ серебра.

Во время открытія Америки въ 1492 году высчитывали, что все количество металла въ монетѣ въ Европѣ равнялось только тридцати четыремъ милліонамъ фунтовъ стерлинговъ. Въ періодъ отъ 1491 до 1545 года это количество увеличилось на 50%. Послѣ этого были открыты богатые рудники Серро и Потози и во второй половинѣ вѣка въ Европѣ появилось около ста милліоновъ фунтовъ серебра, такъ что количество монеты увеличилось въ четыре раза. Но это серебро сначала появилось въ Испаніи и при тогдашнемъ состояніи международной торговли только постепенно переходило въ другія страны. Кромѣ того большой спросъ драгоцѣнныхъ металловъ на предметы роскоши и искусства поглотилъ много изъ этого количества. Такія коллекціи, какъ коллекція, извѣстная подъ названіемъ Field of the Cloth of Gold (1520), были типичными для того времени и мы уже говорили о любви Генриха къ роскоши и блеску. Поэтому сомнительно, чтобы на англійскія цѣны сильно повліялъ притокъ серебра изъ Америки до времени царствованія Елисаветы; а повышеніе цѣнъ началось уже въ 1520 году и было быстрѣе повышенія заработной платы. Измѣненія, произошедшія въ этомъ отношеніи отъ средины царствованія Генриха VII до средины царствованія его сына видны изъ слѣдующей таблицы:

	1495	1533
Цѣны квартера пшеницы .	4 ш. $^3/_4$ д.	7 ш. 8 д.
» » солода . .	2 » $4^1/_2$ »	5 » $5^1/_4$ »
» » овса . . .	1 » $7^1/_2$ »	2 » $9^1/_2$ »
» » овсян. муки	5 » 4 »	8 » — »
Средняя заработная плата:		
Ремесленниковъ	3 ш.	3 ш. 6 д.
Земледѣльческихъ рабочихъ	2 »	2 » 3 »

Изъ этой таблицы видно, что цѣны на продукты земледѣлія почти удвоились, а заработная плата осталась почти безъ измѣненія. И это еще до выпусковъ малоцѣнной монеты въ 1545, 1546, 1549 и

1551 годахъ. Эти выпуски породили такое замѣшательство въ промышленности, что почти невозможно прослѣдить колебанія цѣнъ въ послѣдніе годы царствованія Генриха и въ слѣдующій за ними періодъ. Вообще можно сказать, что заработная плата повысилась на 50%, а цѣны на предметы необходимости выросли значительно больше, чѣмъ на 100%[1]). Но и это еще не было худшимъ. Торговля сдѣлалась почти мѣновой въ силу недовѣрія къ законному мѣрилу обмѣна. Заработную плату до значительной степени платили пищей, товары обмѣнивались безъ посредства денегъ и многія до тѣхъ поръ процвѣтавшія отрасли промышленности были совершенно раззорены.

Уничтоженіе монастырей.

Послѣдовавшая за этимъ нищета усилилась вслѣдствіе уничтоженія монастырей и ограбленія собственности гильдій. Монастыри, несмотря на всѣ существовавшіе тамъ злоупотребленія, несомнѣнно дѣлали многое для бѣдныхъ, бродягъ и безработныхъ, хотя и слѣдуетъ признать, что методы благотворительности были несправедливы

---

[1]) Слѣдующая таблица приводитъ къ общему выводу, что заработная плата и цѣны были почти неизмѣнны въ царствованіе Генриха VII и въ первые годы царствованія Генриха VIII, но что онѣ сильно поднялись въ слѣдующіе годы, при чемъ, однако, повышеніе цѣны было гораздо больше, чѣмъ увеличеніе заработной платы. Чтобы избѣжать временныхъ и случайныхъ колебаній, насколько это возможно, вычисляемъ среднія цѣны по десятилѣтнимъ періодамъ. Первый изъ этихъ періодовъ совпадаетъ съ царствованіемъ Генриха VII, второй съ царствованіемъ Генриха VIII, а третій съ концемъ его:

Заработная плата.

	1481—1490 г.	1511—1520 г.	1541—1550 г.
Поденщики	$3^3/_4$ д.	$3^3/_4$ д.	$4^3/_4$ д.
Каменьщики . . .	$5^3/_4$ „	6 „	$6^3/_4$ „
Паяльщики	6 „	6 „	$7^1/_2$ „
Плотники	6 „	$6^1/_4$ „	7 „

Цѣны:

Пшеница (квартеръ)	6 ш. $3^1/_2$ д.	6 ш. $8^3/_4$ д.	10 ш. 8 д.
Ячмень	4 „ $5^3/_4$ „	4 „ $1^1/_4$ „	6 „ $2^1/_4$ „
Овесъ	2 „ 2 „	2 „ 2 „	4 „ $1^1/_4$ „
Быки	16 „ $^1/_4$ „	1 ф. 3 „ 2 „	2 ф. 2 „ $3^1/_4$ „
Овцы.	2 „ 4 „	2 „ $5^3/_4$ „	4 „ $11^1/_2$ „
Свѣчи (12 ф.). . .	1 „ 3 „	1 „ $2^1/_2$ „	1 „ $7^1/_4$ „
Масло	1 „ — „	1 „ 6 „	2 „ — „
Скатерти (12 арш.).	7 „ $4^1/_4$ „	7 „ 2 „	12 „ $^1/_4$ „
Рубахи.	5 „ $5^1/_2$ „	6 „ $5^3/_4$ „	8 „ 10 „
Бумага.	2 „ 11 „	2 „ 3 „	3 „ 3 „
Желѣзо.	4 „ 1 „	4 „ $8^1/_4$ „	5 „ 3 „
Сѣно (возъ). . . .	3 „ 2 „	3 „ 5 „	5 „ 7 „
Солома.	1 „ $6^1/_2$ „	1 „ $7^3/_4$ „	2 „ $4^1/_2$ „
Шерсть.	8 „ $8^1/_2$ „	6 „ $7^1/_4$ „	1 ф.— „ 8 „

Эти товары выбраны нами, какъ болѣе типичные, изъ извѣстной работы Торольда Рожерса: History of Agriculture and Prices.

и неразумны и что иногда они сами создавали бѣдность, которую облегчали. Тѣмъ не менѣе кажется несомнѣннымъ, что монастыри помогали многимъ выбиться изъ затрудненій, порождаемыхъ переходнымъ временемъ въ земледѣліи и промышленности и ухудшеніемъ монеты. Небольшіе монастыри были уничтожены въ 1536, а большіе въ 1539 годахъ. Только незначительная часть конфискованнаго богатства была посвящена религіознымъ, образовательнымъ или благотворительнымъ цѣлямъ. Большинство пошло на обогащеніе короля и его жадныхъ придворныхъ. Генрихъ скоро расточилъ свою долю добычи и рѣшился конфисковать и собственность гильдій. Эти корпораціи тратили часть своихъ доходовъ на помощь своимъ бѣднымъ членамъ, на поддержку ихъ вдовъ и дѣтей. Такой методъ благотворительности во многихъ отношеніяхъ былъ предпочтительнѣе благотворительности монастырей, такъ какъ было менѣе вѣроятія получить помощь обманомъ, а также она менѣе задерживала личную иниціативу и подавляла менѣе независимость личности. Вѣроятно, ни въ одну эпоху своего существованія не было такого количества членовъ гильдій, нуждавшихся въ такой помощи, какъ въ 1545 году, когда парламентскій актъ санкціонировалъ полную конфискацію гильдейской собственности. Извиненіемъ для этого акта послужило то, что гильдіи тратили часть своихъ доходовъ на такія цѣли, которыя король «Защитникъ Вѣры» признавалъ суевѣрными; но настоящимъ мотивомъ, несомнѣнно, была жадность короля и его друзей. Все таки можно смѣло утверждать, что подобную мѣру было бы невозможно провести въ парламентѣ, если бы не было распространенно убѣжденіе, что гильдіи до значительной степени утратили свою полезность, если бы ихъ ограничительныя правила не признавались значительными и вліятельными общественными слоями вредными.

Правительство Генриха очень мало дѣлало для облегченія созданной имъ нищеты. Актъ 1536 года повелѣвалъ мѣстнымъ властямъ собирать по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ милостыню, а духовенству предписывалъ настаивать въ ихъ приходахъ на щедрыхъ даяніяхъ. Онъ осуждалъ также всякую личную милостыню нищимъ и бродягамъ. Но онъ не обязывалъ собственниковъ давать что либо для поддержанія нуждающихся. Мы уже говорили о другой отрасли законодательства о бѣдныхъ во время Генриха VIII—именно о строгомъ наказаніи бродягъ и здоровыхъ нищихъ, о безполезныхъ разрѣшеніяхъ просить милостыни, объ обязанности попечителей находить работу для бѣдныхъ ихъ прихода. Это послѣднее требованіе въ то время было мертвой буквой. Парламентъ долженъ былъ самъ заняться вопросомъ о нахожденіи работы для безработныхъ. Проведено было нѣсколько законовъ для поощренія разныхъ отраслей промышленности. Такъ, напр., статутъ 24 Генриха VIII повелѣваетъ,

чтобы «всякій занимающій землю для ея обработки на каждые шестьдесятъ акровъ пахоты сѣялъ четверть акра коноплей или льномъ». Цѣль этого акта, несомнѣнно, состояла въ томъ, чтобы создать занятіе льняной промышленностью, въ особенности для женъ и дѣтей бѣдныхъ. Онъ имѣлъ цѣлью «изгнать изъ королевства самый ужасный изъ грѣховъ—праздность». Подобно большинству такихъ попытокъ создать занятіе посредствомъ законодательныхъ мѣръ, и эта повидимому, имѣла мало успѣха и не уменьшила количества безработныхъ. Съ той же цѣлью правительство употребило часть денегъ, полученныхъ имъ при уничтоженіи монастырей на общественныя работы, вродѣ проложенія дорогъ и постройки гаваней и крѣпостей. Это несомнѣнно дало полезную работу нѣкоторымъ изъ безработныхъ. Но добыча грабежа была скоро израсходована и положеніе рынка труда стало хуже прежняго.

Увеличеніе населенія.

Генрихъ уничтожилъ всего 644 монастыря, 90 коллегій, 2374 часовни или вольныя капеллы и 110 госпиталей. По вычисленію, болѣе 88000 человѣкъ было выброшено на улицу уничтоженіемъ только однихъ монастырей. Это должно было сильно увеличить существовавшую бѣдность и борьбу за существованіе. Возможно, что освобожденіе большого количества личностей отъ обѣта безбрачія частію объясняетъ значительное увеличеніе населенія, несомнѣнно имѣвшее мѣсто въ царствованіе Генриха. Разложеніе системы гильдій дѣйствовало въ томъ же направленіи, такъ какъ многія изъ старыхъ правилъ относительно термина ученичества стремились къ тому, чтобы ограничить число браковъ. Кромѣ того опытъ указываетъ, что люди, доведенные до нищеты и отчаянія, часто оказываются чрезмѣрно неосмотрительными въ дѣлѣ рожденія дѣтей. Какъ бы то ни было, разсчитываютъ, что населеніе Англіи изъ двухъ съ половиной милліоновъ при воцареніи Генриха VII выросло до четырехъ милліоновъ при смерти Генриха VIII. Въ Англіи никогда не было такого быстраго роста населенія, кромѣ, быть можетъ, лѣтъ, непосредственно слѣдовавшихъ за Черной смертью.

Упадокъ духовной культуры.

Въ то время, какъ населеніе увеличивалось, почти всѣ отрасли умственной и моральной жизни приходили въ упадокъ. Проповѣдники горько жаловались на упадокъ нравственности. Образовательное движеніе, бывшее столь интенсивнымъ въ началѣ царствованія, замерло задолго до его окончанія. Въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ съ 1496 года были основаны коллегіи Брезносъ и Тѣла Христова въ Оксфордѣ, коллегіи Іисуса, Христа, св. Іоанна и Магдалены въ Кембриджѣ, и большая лондонская грамматическая школа св. Павла Коллета. Въ остальные двадцать восемь лѣтъ царствованія были основаны самимъ Генрихомъ только двѣ большихъ коллегіи: Церкви Христовой и Троицы. Богатыя пожертвованія на нихъ были незначительной частью тѣхъ средствъ, которыя король отнялъ у религі-

озныхъ, благотворительныхъ и воспитательныхъ учрежденій. Но умственный упадокъ доказывается не столько сравнительно малымъ количествомъ новыхъ учрежденій, сколько недостаткомъ жизненности въ старыхъ. Основаніе двухъ великолѣпныхъ коллегій не помѣшало постоянному упадку образованія и учености въ обоихъ университетахъ. Теологическіе споры замѣнили изученіе и вскорѣ оказалось, что для нихъ не требовалось ни особой ученности, ни особой нравственности.

Законодательство. Статуты о пользованіи.

Въ особенности два законодательныхъ акта указываютъ на происходившія тогда измѣненія въ общественномъ строѣ и въ промышленности.

Статутъ о пользованіи (Statute of Uses), 27 Генриха VIII глава 10, былъ попыткой ограничить практику завѣщеванія поземельной собственности, обремененной долгами, что во многихъ случаяхъ было равнозначительно переходу собственности. Феодальные лорды, и въ ихъ числѣ и корона, часто не имѣли возможности вслѣдствіе этой практики получать повинности, т. е. налоги на браки, съ наслѣдства и съ опекъ. Король терпѣлъ убытки не только какъ самый крупный изъ феодальныхъ лордовъ, но и въ случаѣ перехода къ нему выморочныхъ леновъ и т. д. Эта система въ нѣкоторомъ родѣ была обманомъ кредиторовъ, при ея посредствѣ обходили также различные статуты о «мертвой рукѣ». Иногда, однако, ею пользовались для совершенно законныхъ цѣлей, напр. для того, чтобы обезпечить дочерей и младшихъ сыновей, такъ какъ недвижимая собственность переходила только къ законному наслѣднику по праву первенства. Система заходила такъ далеко, что черезъ чуръ осложняла права на землю и создавала номинальныхъ собственниковъ, неспособныхъ исполнять свои обязательства. Статутъ создавалъ парламентское право съ извѣстными обязательствами тѣхъ, кто до сихъ поръ пользовался имѣніями; но на будущее время онъ уничтожалъ право создавать пользованіе. Вскорѣ это сдѣлалось очень неудобнымъ для ландлордовъ, которымъ теперь было невозможно обременять земли для обезпеченія дочерей и младшихъ сыновей; новый законъ обыкновенно обходили посредствомъ системы «trusts». Несомнѣнно, однако, что до значительной степени онъ упрощалъ права на землю и на владѣніе ей и усилилъ поземельныхъ собственниковъ и корону насчетъ церкви и другихъ корпорацій.

Статуты о банкротствѣ и о процентахъ.

Другой характеръ имѣлъ статутъ Генриха о банкротствѣ, который можно считать родоначальникомъ и основаніемъ нашихъ теперешнихъ законовъ по этому предмету. Развитіе англійской торговли естественно повело къ развитію кредитныхъ сдѣлокъ; это давало поводъ увеличенія количества безчестныхъ сдѣлокъ. Статутъ Генриха устанавливалъ судъ для банкротовъ и для раздѣла ихъ имущества между кредиторами. Въ другихъ законахъ Генриха относительно про-

мышленности упомянемъ объ актѣ 1536 года, уничтожавшемъ старые законы о ростовщичествѣ и разрѣшавшемъ займы съ процентами не выше 10%. Въ средніе вѣка церковь осуждала всякій заемъ на проценты и это осужденіе оправдывалось въ то время, когда обыкновенно занимали не для торговыхъ цѣлей, а только въ силу затруднительнаго финансоваго положенія. Но уже появленіе капиталистовъ ремесленниковъ и капиталистовъ предпринимателей значительно измѣняло положеніе дѣлъ. Теперь занимали не въ силу какихъ либо затрудненій, а просто потому, что заемъ, даже при высокомъ процентѣ, улучшалъ ихъ положеніе. Тогда заемная сдѣлка становилась выгодной для обѣихъ сторонъ и потому въ взиманіи процентовъ не было ничего безчестнаго или безнравственнаго. Актъ 1536 года просто признавалъ новое положеніе дѣлъ; но опредѣляя предѣлъ дозволеннаго процента, онъ являлся компромиссомъ съ старыми традиціонными идеями. Этотъ компромиссъ былъ нелогичнымъ и было почти несомнѣннымъ, что законъ будетъ обходиться; но актъ указываетъ на появленіе новыхъ взглядовъ на дѣло и напоминаетъ, что время его принятія было переходной эпохой къ болѣе выработанной промышленной системѣ.

Городская жизнь.

Флетчера.

Морская торговля.

Когда великій мореплаватель, четырехсотлѣтній юбилей котораго Испанія праздновала съ такой пышностью въ 1892 году, отправился искать пути въ Китай—главнымъ образомъ основываясь на пророчествахъ Исаіи и Сенеки [1])—и нашелъ новые острова, населенные голыми дикарями, онъ получилъ твердую увѣренность, что произвелъ переворотъ въ исторіи; но онъ совершенно ошибался относительно направленія этаго переворота. Настоящимъ результатомъ открытія Америки и важной морской дороги въ Индію вокругъ мыса Доброй Надежды было то, что торговля вмѣсто береговой сдѣлалась океанической. «Націи, живущіе у океана, говоритъ одинъ писатель, теперь являются наслѣдницами міровыхъ богатствъ». Лондонъ и Амстердамъ, Кадиксъ и Лиссабонъ становятся теперь царицами проли-

---

[1]) Venient annis
Saecula seris
Quibus Oceanus
Vincula rerum
Laxet, et ingens pateat tellus,
Nec sit terris ultima Thule.
Seneca—Medea.

вовъ, какими были въ средніе вѣка Любекъ, Венеція, Висби и Генуя. Такой переворотъ былъ до значительной степени случайностью, но онъ тѣмъ не менѣе былъ необходимымъ. Абсолютная необходимость въ пряностяхъ въ такое время, когда еще мало было распространенна культура овощей, дѣлала торговлю пряностями самой выгодной. Всѣ первые піонеры торговли стремились къ дешевому провозу пряностей въ Европу. Смѣлая удача какого нибудь Гавкинса или Кабота могла сдѣлать изъ маленькаго человѣка богатаго торговца, и многіе изъ такихъ богатыхъ торговцевъ создали благосостояніе ихъ родныхъ городовъ.

Продолжительная средневѣковая спячка закончилась въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ раньше открытія Колумба. Если англійскіе города нѣсколько позднѣе сдѣлались участниками въ богатствахъ Новаго Свѣта, то все же не слѣдуетъ забывать, что Бристоль былъ однимъ изъ первыхъ участниковъ этаго движенія. Любопытнымъ примѣромъ господствовавшаго тамъ настроенія можетъ служить то, что въ 1480 году, какъ разсказываетъ Вилльямъ Ворчестерскій, два корабля отплыли изъ Бристоля, чтобы «найти островъ Бразилію». Они плавали около двухъ мѣсяцевъ, но были прибиты бурями къ западному берегу Ирландіи. Изъ Бристоля въ 1494 году отплылъ Джонъ Каботъ и первый во время этой экспедиціи увидалъ материкъ сѣверной Америки. Педро Айяло, испанскій посланникъ въ 1498 году писалъ: Бристольцы *въ послѣдніе семь лѣтъ* каждогодно отправляютъ два, три или четыре легкихъ корабля на изысканіе острова Бразиліи и семи городовъ. слѣдуя баснямъ этаго генуэзца» (т. е. Кабота). Читая такія показанія, невозможно не раздѣлять мнѣнія ученаго Руге, высказаннаго въ его книгѣ «Вѣкъ открытій», что нѣкоторыя дѣйствительныя свѣдѣнія о существованіи Новаго Свѣта дошли до Европы еще до Колумба. Но какимъ путемъ и откуда? Во всякомъ случаѣ попытки этихъ бристольскихъ купцовъ были сдѣланы задолго до Колумба. Правительство Генриха VII интересовалось этимъ дѣломъ; но главное, что отличало англійскихъ піонеровъ отъ мореплавателей латинскихъ націй, это то, что они были предоставлены собственнымъ силамъ и что частная предпріимчивость имѣла большіе результаты, чѣмъ общественная. До конца царствованія Генриха VIII Робертъ Торнъ уже говорилъ о сѣверо-западномъ проходѣ и Гавкинсъ отплылъ въ Гвинею, торговля съ которой повела къ процвѣтанію Саутгамптона, пришедшаго было въ упадокъ съ тѣхъ поръ, какъ «фландрскія галлеры» Венеціи перестали посѣщать его; лондонцы и бристольцы часто посѣщали Ньюфаундленъ.

Англійскіе города.

Такое измѣненіе въ торговлѣ произвело замѣчательное и совершенное измѣненіе въ относительномъ положеніи англійскихъ городовъ. Норвичъ, правда, удерживалъ еще нѣкоторое время свое первенство въ шерстяной торговлѣ, несмотря на ужасный пожаръ, почти совер-

шенно уничтожившій этотъ городъ въ 1508 году; увеличеніе населенія восточныхъ графствъ и Лондона повело къ возрожденію Ярмута, какъ центра ловли сельдей—онъ и впослѣдствіи удержалъ эту позицію. Но пять портовъ, за исключеніемъ Дувра и Гастингса, быстро пришли въ упадокъ; въ ихъ стѣнахъ образовались пустыри; трава выросла на улицахъ Ромнея и Винчельсеа. Іоркъ, остававшійся столицей сѣвера, на исторію котораго война Розъ имѣла серьезное вліяніе—и этимъ онъ отличается отъ всѣхъ англійскихъ городовъ—въ царствованіе Генриха VII былъ вынужденъ однажды объяснить, что онъ не въ состояніи уплатить свои налоги коронѣ. Акты Генриха VIII неоднократно свидѣтельствуютъ о разореніи многихъ портовъ, а также и внутреннихъ (upIandish—«верховыхъ») городовъ. Съ другой стороны начинаютъ выдвигаться Манчестеръ, Шефильдъ, Бирмингамъ и Плимутъ. Дефо приписываетъ введеніе шерстяной промышленности въ западномъ Ридингѣ прозыву королемъ Генрихомъ VII въ Лидсъ, Галифаксъ и Вакфильдъ иностранныхъ рабочихъ. Кунингамъ тоже цитируетъ любопытную петицію суконщиковъ Ворчестера, Эвешама, Дройтвича, Киддерминстера и Бромсгрове, указывающую, что рабочіе оставили эти города и начали дѣлать сукна по деревнямъ.

Ограниченіе цеховой системы.

Это приводитъ насъ къ другой изъ важныхъ причинъ перемѣщенія промышленности. Кажется совершенно очевиднымъ, что ограничительная политика цеховъ, о которой мы говорили выше, выгоняла ремесленниковъ и даже мелкихъ капиталистовъ рабочихъ изъ прежнихъ центровъ промышленности въ тѣ мѣстности, гдѣ не было этихъ ограниченій, Когда человѣку приходилось уплатить шесть фунтовъ въ деньгахъ того времени—такъ бывало иногда—чтобы быть принятымо въ цехъ, когда онъ долженъ былъ доказывать свое происхожденіе отъ члена цеха, когда ему приходилось — это приходилось почти всегда — прослужить семь лѣтъ ученикомъ, хотя выучиться онъ могъ, можетъ быть, въ нѣсколько недѣль, когда число учениковъ ограничивалось до двухъ и отъ такого ограниченія богатые мастера могли освободиться уплатой штрафа, бывшаго не по средствамъ для болѣе бѣдныхъ—тогда было естественно, что промышленность въ лицѣ людей, «начинавшихъ, по словамъ Ульриха Гуттена, пробуждаться и жить», должна была поискать для себя новой арены. Генрихъ VII, когда ему была представлена вышеупомянутая петиція, строго отвѣтилъ, что никто не долженъ производить сукна въ Ворчестерширѣ внѣ вышеупомянутыхъ городовъ. Для того времени характерно, что рядомъ съ этими попытками подавить начинавшуюся конкуренцію, въ книгѣ англійскихъ статутовъ мы встрѣчаемъ одинъ или два акта, указывающіе на расположеніе поддержать свободную торговлю. Укажемъ, напр. на статутъ 12 Генриха VII.

«Такъ какъ товарищество оптовыхъ торговцевъ и другихъ торговцевъ и гостей (adventurers), живущихъ въ лондонскомъ Сити и пользующихся его привиллегіями, по сговору между собой, противно свободѣ каждаго англичанина, свободѣ рынка, противно закону, разуму, милосердію, праву и совѣсти, издали распоряженіе, чтобы никто не продавалъ безъ ихъ согласія подъ страхомъ платимаго имъ штрафа, который время отъ времени увеличивается, въ силу чего сити, города и мѣстечки (боруги) впали въ большую бѣдность — повелѣвается, что всѣ могутъ свободно продавать безъ всякихъ пошлинъ за ихъ право и свободу покупать и продавать».

Уничтоженіе цеховъ.

Такое распоряженіе доказываетъ, что у тогдашняго англійскаго правительства была голова Януса, часто обращенная къ прошлому, но иногда обращавшаяся и къ будущему, къ той эпохѣ, когда будетъ признана свобода торговля, когда будутъ уничтожены всѣ корпораціи и законы объ цеховомъ ученичествѣ. Спокойная иронія Адама Смита завершила то, что Генрихъ VIII и его сынъ начали конфискаціей собственности почти всѣхъ существующихъ въ королевствѣ цеховъ. Лондонъ, правда, спасъ свои цехи, потому что онъ былъ настолько силенъ, что могъ совершить революцію даже противъ наиболѣе абсолютнаго изъ Тюдоровъ и, навѣрное, совершилъ бы ее, еслибы были уничтожены его громадные компаніи; въ состояніи очень живописнаго упадка сохранились и еще нѣкоторые цехи, напр. въ Престонѣ. Какъ ни были беззащитны цехи, какими вредными они ни были для развитія промышленности, какія сильныя извиненія ни имѣли протестанты-реформаторы для уничтоженія «суевѣрныхъ» церемоній, обрядовъ, связанныхъ съ большинствомъ изъ нихъ, мы, люди послѣдняго десятилѣтія девятнадцатаго вѣка, должны много подумать прежде, чѣмъ одобрить конфискацію корпоративной собственности парламентскими актами.

Вмѣшательство короны въ городскія дѣла.

Къ концу періода мы встрѣчаемъ другой примѣръ вмѣшательства правительства въ дѣла городовъ. Министерство Томаса Кромвеля вообще считаютъ первымъ, понявшимъ, что парламентъ можетъ быть цѣннымъ орудіемъ королевской воли, въ слѣдствіе чего управленіе парламентомъ сдѣлалось для министерства дѣломъ чрезвычайной важности. Генрихъ VIII не заходилъ такъ далеко въ этомъ отношеніи, какъ его наслѣдники и не создавалъ новыхъ избирательныхъ мѣстечекъ королевскими патентами; но онъ часто писалъ къ избирателямъ съ требованіемъ, чтобы они избирали назначаемыхъ имъ лицъ. При одномъ изъ подобныхъ случаевъ избиратели Кольчестера послѣ обычныхъ заявленій преданности и покорности просятъ извиненія за неисполненіе требованія его величества; но вѣроятно только очень немногіе осмѣливались отказывать въ покорности государю, сбросившему римскія узы и болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ воплo-

шавшему въ своей особѣ чувства и стремленія современной ему Англіи.

Генрихъ VIII и Оксфордъ.

Одинъ изъ городовъ по Темзѣ много обязанъ королю Генриху, хотя онъ не всегда охотно признавалъ это обстоятельство, да и дѣйствительно оно можетъ быть понято какъ разъ въ обратномъ смыслѣ. Анжуйскіе короли давали разнообразныя грамоты средневѣковому Оксфорду и жившимъ въ городѣ братствамъ купцовъ, портныхъ и красильщиковъ. Но любопытно, что уже въ 1300 году, когда современный хроникеръ перечисляетъ грамоты, которыми славились разные англійскіе города, Оксфордъ славился своими школами. Въ дѣйствительности городъ Оксфордъ созданъ его университетомъ; но граждане всегда неохотно признавали этотъ фактъ и борьба между двумя корпораціями была продолжительной и ожесточенной. Въ исторіи давно сдѣлалось общимъ мѣстомъ, что «убійственныя распри между городомъ и университетомъ» предшествовали войнѣ бароновъ и гражданамъ каждогодно напоминала объ ихъ злодѣяніяхъ церемонія покаянія въ день св. Схоластики. Самъ по себѣ Оксфордъ не былъ торговымъ городомъ, а только центромъ земледѣльческаго округа (графство Оксфордъ занимало высокое мѣсто въ таблицахъ производства въ 15 вѣкѣ) и всѣ иностранные товары доставлялись изъ Лондона или чрезъ лѣсистый Чайльтернсъ или болѣе медленнымъ и вѣроятно не менѣе дорогимъ путемъ по Темзѣ на баркахъ. Очень сомнительно, чтобы Темза была особенно судоходной рѣкой до шестнадцатаго вѣка, вѣроятно между Лондономъ и Оксфордомъ суда приходилось перегружать не одинъ разъ. Навѣрное, расчистка русла около Оксфорда была произведена аббатами Осенея, которые предпринимали проложеніе новыхъ каналовъ, конечно съ единственной цѣлью имѣть поближе къ себѣ товарную пристань. Большія аббатства Осеней и Ревлей составляли почти отдѣльные города у западныхъ воротъ, тамъ, гдѣ въ настоящее время вмѣсто звуковъ колокола раздается желѣзнодорожный свистокъ; большое аббатство св. Фридесвиды и блестящія учрежденія двухъ орденовъ фріаровъ, занимавшіе южный конецъ города, почти опровергали утвержденіе, что эта улица одна изъ худшихъ и грязнѣйшихъ во всей Европѣ. Коллегіи и немногіе дома другихъ религіозныхъ орденовъ занимали остальную часть города. Въ теченіе этого періода происходитъ быстрое распространеніе учрежденій коллегій; коллегіи Тѣла Христова и Брэзносъ получили пожертвованія не меньшія, чѣмъ коллегіи, основанныя Чичеле и Уайнфлитомъ; Вольсей занимался учрежденіемъ большой коллегіи, которая, какъ онъ надѣялся, должна передать потомству имя единственнаго римскаго священника, сдѣлавшагося кардиналомъ, не переставая быть англичаниномъ. Не меньшей славой пользуются и знаменитые «оксфордскіе реформаторы»: Колетъ, Эразмъ и Моръ.

Не удивительно, что король Генрихъ и его министры желали навсегда прекратить раздоры между городомъ и университетомъ дарованіемъ знаменитой хартіи 1523 года. Мы можемъ приписывать Вольсею ту великую привиллегію, дарованную ученымъ, которая, по выраженію Боаза, «въ дѣйствительности отдавала большую часть города въ ихъ (т. е. канцлера университета и профессоровъ) распоряженіе». Всѣ тѣ, кому университетъ давалъ свои привиллегіи, могли вести дѣло не прося у города разрѣшенія на это; въ сущности противъ рѣшенія канцлера или его коммисара не допускались аппеляціи. Городской мэръ при избраніи былъ обязанъ приносить въ церкви св. Маріи присягу охранять привиллегіи и обычаи университета. Одинъ изъ мэровъ отказался и немедленно былъ отлученъ отъ церкви. Прокторы имѣли право—несправедливое, по мнѣнію горожанъ — лишать права гражданства (discommonsing) всякаго торговца, заподозрѣннаго въ безчестности; они даже взимали пошлину съ «всякаго воза свѣжихъ сельдей», ввозимыхъ въ городъ. Частыя жалобы къ частному совѣту короля и къ парламенту со стороны города не имѣли успѣха и теперь еще дѣйствующая хартія Елисаветы, въ сущности, была только подтвержденіемъ хартіи Вольсея.

Относительное благосостояніе большихъ городовъ.

Для опредѣленія относительнаго положенія англійскихъ городовъ не безъинтересно привести нѣкоторыя заимствованныя у Рожерса цифры распредѣленія налоговъ въ 1503 году, хотя, какъ уже замѣчено раньше, всѣ подобныя показанія слѣдуетъ принимать съ крайней осторожностью, такъ какъ разныя случайности вродѣ пожаровъ постоянно измѣняли платежную способность городовъ. Въ четвертый годъ шестнадцатаго столѣтія Лондонъ (I) былъ обложенъ въ $3^3/_4$ раза больше Бристоля (II), но, замѣчаетъ Рожерсъ, въ этомъ году въ Лондонѣ былъ большой пожаръ. Далѣе идетъ Іоркъ (III), обложеніе котораго равнялось $^1/_4$ лондонскаго. Мѣсто Линкольна (IV) трудно объяснить; не дальше какъ въ царствованіе Эдуарда IV Линкольнъ неоднократно не могъ внести своей части государственнаго обложенія. Еще труднѣе объяснить мѣсто, занимаемое Глочестеромъ (V) и Норвичемъ (VI). Шревсбюри (VII) Оксфордъ (VIII) Салисбюри (IX) Ковентри (X) Гулль (XI) Кентербюри (XII) Саутгамптонъ (XIII) и Ноттингамъ (XIV) платили суммы равныя $^1/_4$—$^1/_{17}$ взноса столицы. Далѣе большой пробѣлъ—и Ворчестеръ (XV) Саутваркъ (XVI) платили каждый по $^1/_{34}$ этой суммы, а Батъ (XVII) только $^1/_{47}$. Можно строить разныя гипотезы на основаніи такихъ данныхъ и даже дѣлать догматическія утвержденія, какъ это и дѣлалъ цитируемый нами ученый; слѣдуетъ признать, что какъ ни рискованъ подобный методъ истолкованія исторіи, его гипотезы почти всегда остроумны и правдоподобны. Но гораздо лучше довольствоваться приведеніемъ этихъ цифръ и избѣгать ихъ объясненія, когда это можетъ только запутать вопросъ. Удовольствуемся поэтому тѣмъ, что отмѣтимъ то но-

вое положеніе Бристоля, на которое мы уже указали. Вѣроятно, что въ этотъ переходный періодъ исключительныя обстоятельства, приводившія внезапно къ паденію или наоборотъ къ развитію какого либо города или какой либо промышленности, были, если позволительно употреблять такое парадоксальное выраженіе, правиломъ. Нѣтъ никакихъ доказательствъ тому, что къ числу такихъ обстоятельствъ слѣдуетъ причислять осады и разрушеніе городовъ борящимися партіями во время войны Розъ. Такіе города, какъ Тьюксбюри и Ковентри или даже Іоркъ могли быть внезапно захвачены той или другой изъ боровшихся армій; извѣстно, что страхъ предъ походомъ къ Лондону Маргариты съ ея дикими сѣверянами въ 1461 году погубилъ ея дѣло и многихъ добрыхъ ланкастерцевъ, вродѣ аббата Ветгамстеда св. Альбана, превратилъ въ іорксистовъ. Но мало вѣроятія, чтобы послѣ нѣсколькихъ лѣтъ сильнаго управленія первыхъ Тюдоровъ сохранялись еще слѣды войны. Короли и дворяне были кровожадны и и жестоки, но ихъ жестокость направлялась только другъ противъ друга. Стѣны городовъ обыкновенно защищались самими горожанами и въ ихъ рукахъ была охрана и полиція; хотя въ нѣкоторыхъ городахъ и существовалъ замокъ, обыкновенно, какъ въ Оксфордѣ у самыхъ городскихъ стѣнъ, соединенный съ городомъ подъемнымъ мостомъ надъ рвомъ, но вся политика короны была настолько очевидно направлена на привлеченіе къ ней могущественныхъ среднихъ классовъ, что мало вѣроятія, чтобы какіе нибудь генералы, полковники или рыцари, въ рукахъ которыхъ временно находились замки въ Людлоу, Дуврѣ, Виндзорѣ или Кольчестерѣ, позволяли себѣ нанести вредъ домамъ горожанъ, стоявшимъ на разстояніи пушечнаго выстрѣла. Въ Англіи только одинъ или два города, вродѣ Помфрета и Валлингфорда, имѣли серьезное стратегическое значеніе. Когда дворянинъ владѣлъ замкомъ, какъ частью помѣстья, онъ владѣлъ имъ непосредственно отъ короны; «позволеніе укрѣплять» деревенскій домъ давалось рѣдко, нуждалось въ постоянномъ подтвержденіи и во всякое время могло быть отнято. Генрихъ II въ двѣнадцатомъ вѣкѣ сдѣлалъ то, на что во Франціи семнадцатаго вѣка была направлена вся энергія Ришелье и Мазарини.

Гостинницы. Говоря о средневѣковомъ городѣ, нельзя не отмѣтить тѣхъ удобствъ, которыя городъ могъ тогда предоставить пріѣзжимъ. Англія всегда, кажется, славилась своими гостинницами. Читавшіе Стерна и въ особенности Артура Юнга припомнятъ, какъ эти авторы противопоставляютъ сравнительный комфортъ и чистоту англійской гостинницы съ грязью тѣхъ собачьихъ конуръ, которыя предоставлялись въ распоряженіе путешественниковъ во Франціи въ 18 вѣкѣ; читавшіе Георга Борроу припомнятъ тѣ выраженія ужаса, съ которымъ онъ говоритъ о испанскихъ «posada» въ нашемъ вѣкѣ. Можно признать англійскую гостинницу на большой дорогѣ въ пятнадцатомъ и ше-

стнадцатомъ вѣкахъ занимающей средину между испанской posada Борроу и турецкимъ «ханомъ», но относительно чистоты она вѣроятно была выше обѣихъ. Главнымъ неудобствомъ были блохи и иногда «много крысъ и мышей». Относительно насѣкомыхъ удивляться нечему: путешественники спали по десяти или двѣнадцати человѣкъ въ одной постели. Хуже этого былъ обычай, о которомъ упоминаетъ Эразмъ, какъ о спеціально англійскомъ и спеціально грязномъ, устилать полъ соломой, убиравшейся только разъ или два въ годъ. Путешествіе епископа изъ Лондона въ Фальмутъ въ пятнадцатомъ вѣкѣ занимало четырнадцать дней легкой ѣзды, т. е. около двадцати миль въ день; епископъ по пути, вѣроятно, помѣщался въ монастыряхъ или домахъ сквайровъ въ большинствѣ мѣстностей; тамъ же находили пристанище бѣдняки или всякій, который могъ выдать себя за одного изъ тѣхъ безчисленныхъ монашествующихъ нищихъ и обманщиковъ, такъ прекрасно изображенныхъ Жюссераномъ; но солидные люди изъ средняго класса землевладѣльцевъ или торговцевъ помѣщались въ гостинницахъ. Кажется также, что начальники коллегій и ихъ спутники, отправлявшіеся осматривать помѣстья коллегіи, обыкновенно помѣщались въ гостинницахъ. Когда Говеденъ, старшина коллегіи Всѣхъ Святыхъ, ѣхалъ въ Лондонъ, чтобы противиться королевѣ Елисаветѣ въ ея гордости, онъ ночевалъ въ Стокенчерчѣ или Уайкомбѣ. Такіе путешественники въ 15 вѣкѣ или покупали провизію или везли ее съ собою; гостинница должна была доставить имъ только постель и эль или вино. Въ шестнадцатовъ вѣкѣ это несомнѣнно измѣнилось, и въ счетахъ Говедена всегда встрѣчаются такія записи: за обѣдъ столько то, за овесъ столько то, за помѣщеніе столько то. Это измѣненіе, вѣроятно, обусловливалось увеличивавшейся роскошью, бывшей результатомъ благосостоянія въ началѣ царствованія Елисаветы.

Такое измѣненіе должно было замѣчаться во всѣхъ общественныхъ слояхъ. Но до окончанія излагаемаго періода революціонная дѣятельность правительства одинаково давила бѣдные классы какъ въ городахъ, такъ и въ деревнѣ. Совершенно понятно, что то перемѣщеніе промышленности, о которомъ мы говорили выше, порождало нищету ремесленниковъ. Статуты первыхъ Тюдоровъ свидѣтельствуетъ объ этомъ въ двухъ направленіяхъ: *во первыхъ* указаніями на начало организаціи помощи бѣднымъ; то обстоятельство, что мы встрѣчаемъ такіе статуты задолго до уничтоженія монастырей, достаточно для опроверженія обычнаго взгляда, будто законы о бѣдныхъ были необходимымъ слѣдствіемъ этого уничтоженія, тогда какъ фактъ въ томъ, что монастыри часто оказывались банкротами, неспособными выдержать новый принципъ конкуренціи, захватывавшій всѣ жизненныя сферы; *во вторыхъ* еще большимъ количествомъ статутовъ противъ «упорныхъ нищихъ и бродягъ», причемъ самымъ мягкимъ средствомъ

Соціальныя измѣненія.

противъ нихъ были розги и колодки. Подобные статуты уже частымъ своимъ повтореніемъ указываютъ на ихъ безполезность. Только возродившееся благосостояніе во второй половинѣ 16 вѣка поглотило эти опасные классы и нашло для нихъ работу или въ новой промышленности, въ западныхъ и сѣверныхъ шерстяныхъ мануфактурахъ, или въ «перерѣзываніи глотокъ испанцамъ на золотомъ испанскомъ континентѣ»; тогда только эти законы оказались дѣйствительными противъ «дикихъ» общественныхъ элементовъ—противъ осадковъ и пѣны жестокого и несчастнаго общества конца среднихъ вѣковъ.

Ярмарки

Но пока положеніе дѣлъ было очень дурно и отъ изображеній ужасной нищеты простыхъ рабочихъ, для которыхъ не было мѣста въ новыхъ промыслахъ, отъ созерцанія положенія мелкихъ членовъ цеховъ, подавленныхъ конкуренціей болѣе ловкихъ сосѣдей (которые точно въ насмѣшку все еще назывались братьями въ ихъ цехахъ) вопреки всѣмъ законамъ и обычаямъ средневѣковыхъ обществъ, пріятно перейти къ разсмотрѣнію вполнѣ средневѣковаго учрежденія, нѣкоторые изъ остатковъ котораго и теперь еще сохраняются въ немногихъ изъ провинціальныхъ городовъ Англіи—къ ярмаркамъ. Ученый Корнелій Вальфордъ съ неутомимымъ прилежаніемъ собралъ и издалъ всевозможныя свѣденія относительно крупныхъ англійскихъ ярмарокъ. Средневѣковая ярмарка въ нѣкоторомъ родѣ является расширеніемъ понятія о рынкѣ. Даже въ настоящее время въ англійскомъ законѣ сохранилось абстрактное и конкретное понятіе о рынкѣ. Товары, покупаемые въ лондонскомъ Сити въ извѣстные часы дня, покупаются на открытомъ рынкѣ (market overt), хотя бы они были украдены у ихъ законнаго собственника; покупатель, если онъ дѣйствуетъ добросовѣстно и не имѣя знанія о кражѣ, не можетъ быть обвиненъ въ преступномъ завладеніи ими, такъ какъ онъ купилъ ихъ на открытомъ рынкѣ. Въ большинствѣ городовъ и теперь существуетъ—и несомнѣнно существовало во всѣхъ—большое открытое пространство, принадлежащее городской корпораціи и именуемое рынкомъ. Съ тѣхъ, которые занимали лавки на такой площади, городскія власти брали опредѣленную пошлину; главнымъ изъ споровъ между университетомъ Оксфорда и городомъ, о которыхъ мы упоминали выше, былъ именно споръ изъ за притязанія университета на надзоръ за рынкомъ—притязаніе, которое въ концѣ концевъ и было признано. Въ этомъ періодѣ основанія такого контроля надъ рынкомъ, осуществлявшагося хлѣбными и пивными ассизами, институтомъ надзирателей за виномъ и пр., перестали существовать; конкуренція заступила мѣсто обычая, опорой котораго и была система рынковъ. Но въ практикѣ торговыхъ клеймъ принципъ рынка сохранился, а также въ одномъ примѣрѣ права средневѣковаго братства компаніи золотыхъ дѣлъ мастеровъ Лондона накладывать свое клеймо на всѣ золотыя и серебряныя издѣлія. Очень недавно актъ

о торговыхъ клеймахъ доказалъ намъ, что мы заблуждались, предполагая, будто мы можемъ быть самостоятельными и сами оберегать наши интересы. Кажется, что одинъ промыселъ за другимъ стремится теперь возвратиться къ блестящему рабству среднихъ вѣковъ. Вѣдь средніе вѣка опредѣляли цѣну труда, ограничивали количество рукъ въ отдѣльномъ промыслѣ, издавали статуты противъ перекупщиковъ, т. е. тѣхъ, которые скупали сырые матеріалы на пути къ рынку и тѣхъ, которые входили въ стачки о цѣнѣ товара на самомъ рынкѣ. Теперь снова требуютъ всѣхъ этихъ ограниченій; снова хотятъ съ открытыми глазами вернуться къ мраку слѣпыхъ въ экономическомъ отношеніи людей.

Такимъ образомъ ярмарка была просто расширеніемъ рынка. Она преслѣдовала двойную задачу: 1) выгоду личности или корпораціи, пользовавшихся пошлинами (а онѣ были часто значительными) и 2) доставленіе потребителю товаровъ, которыхъ было нельзя достать на городскомъ рынкѣ въ обыкновенное время или въ достаточномъ количествѣ. Потому когда вслѣдствіе конкуренціи почти во всякомъ городѣ или во всякой большой деревнѣ въ Англіи появились лавочники разнаго рода, причина существованія ярмарокъ исчезла. Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ ярмарки, хотя несомнѣнно на нихъ обыкновенно бывали и буйства и пьянство, въ средніе вѣка были строго дѣловыми учрежденіями и такія чисто увеселительныя ярмарки, какъ Майская или Гринвичская, кажется, ведутъ свое происхожденіе только отъ конца описываемаго нами періода. Происхожденіе нѣкоторыхъ ярмарокъ теряется въ незапамятной древности и, какъ указываетъ Вальфордъ, разрѣшеніе держать ярмарку, вродѣ разрѣшенія Эдуарда IV лондонской корпораціи держать ярмарку въ Соутваркѣ, чаще указываетъ на упадокъ этого учрежденія или на попытку регулировать или возродить его, чѣмъ на его происхожденіе. «Мы даруемъ, говоритъ этотъ актъ короля,—сказаннымъ мэру, общинѣ и гражданамъ и ихъ наслѣдникамъ навсегда, что они могутъ и должны имѣть каждогодно ярмарку въ сказанномъ городѣ (Соутваркѣ) въ теченіе трехъ дней, т. е. 7, 8 и 9 сентября; эту ярмарку держать имъ съ ярмарочнымъ судомъ и со всѣми привиллегіями, обычными для такихъ ярмарокъ и они могутъ въ сказанныхъ судахъ всякій день и всякій часъ разбирать по всякому случаю жалобы и иски вмѣстѣ со всѣми взысканіями, арестами, штрафами, выкупами и другими правами, сему суду принадлежащими». Упоминаемый здѣсь судъ есть судъ Court des pieds poudrés или Court of dusty feet (Court of Pie-Powder) т. е. суммарная юрисдикція надъ всѣми лицами, торгующими на ярмаркѣ и которые, какъ предполагалось, совершили далекое путешествіе и прибыли на ярмарку съ «запыленными ногами». Трудно опредѣленно сказать, совершенно ли воспретилъ эту ярмарку Генрихъ VIII или только отнялъ у лондонской корпораціи юрисдикцію

надъ ней; но несомнѣнно, что она возродилась при Эдуардѣ VI и во времена Карла I о ней упоминается, какъ объ одной изъ трехъ большихъ англійскихъ ярмарокъ.

Большая трехнедѣльная ярмарка въ Сторбриджѣ при Кембриджѣ была самой значительной въ Англіи. Подобно большинству другихъ учрежденій этого рода, она происходила въ сентябрѣ, причемъ, вѣроятно, руководились мыслью, что самое удобное время есть время, непосредственно слѣдующее за жатвой. Это, вѣроятно, была единственная изъ англійскихъ ярмарокъ, которую лично посѣщали иностранные купцы; она была помѣщена довольно удобно для такихъ посѣщеній, недалеко отъ портовъ востока Англіи. Рожерсъ утверждаетъ, что тамъ продавались всѣ товары, употребляемые въ то время. Но главная торговля, вѣроятно, велась шерстью и соленой рыбой; восточные товары также несомнѣнно привозились туда; она вообще, вѣроятно, походила на нижегородскую ярмарку, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ. Процвѣтаніе ярмарки въ Сторбриджѣ было несомнѣнно тѣсно связано съ старыми средневѣковыми торговыми путями и съ тѣмъ временемъ, когда Нидерланды были нашимъ главнымъ покупателемъ; потому въ разсматриваемый періодъ она постепенно утрачивала свое значеніе. Внезапное поднятіе цѣнъ вслѣдствіе притока серебра изъ Новаго Свѣта и безсовѣстное отношеніе Генриха къ денежному обращенію должны были нанести непоправимый ударъ всѣмъ учрежденіямъ этого рода.

Городскіе судьи.

Интересно разсмотрѣть вопросъ, до какой степени въ концѣ среднихъ вѣковъ сохранилась юрисдикція городскихъ судовъ. Старое понятіе о законѣ, какъ личномъ, а не территоріальномъ аттрибутѣ, идея, что ганзеатическій купецъ долженъ быть судимъ по своему закону въ предѣлахъ его братства, даже въ томъ случаѣ, если онъ нарушилъ королевскій миръ и права лондонскаго гражданина—понятіе, слѣды котораго сохранились до настоящаго времени въ безправіи чужестранцевъ и въ трудности натурализаціи, — повидимому уничтожалось окончательно относительно самихъ англичанъ. На основаніи лондонской хартіи и многихъ послѣдующихъ хартій городовъ и мѣстечекъ гражданинъ могъ быть судимъ только въ его округѣ или, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ юрисдикціи его согражданъ («Et cives non placitabunt ultra muros pro ullo placito» и т. д.) Если бы эти права сохранились, было бы невозможно установленіе одного общаго для всѣхъ подданныхъ англійскихъ королей законодательства. Главная задача Тюдоровъ состояла, какъ извѣстно, въ томъ, чтобы справедливо (кромѣ тѣхъ случаевъ, когда были затронуты ихъ собственные интересы) осуществлять законъ по отношенію ко всѣмъ англичанамъ; но вѣроятно все таки, что даже въ этомъ періодѣ полномочія различныхъ господскихъ судовъ были довольно разнообразны. Уортъ въ майской книгѣ 1884 года журнала «Антикварій» приводитъ

изъ старыхъ отчетовъ городского суда Плимута нѣкоторые чрезвычайно любопытные случаи исковъ во время царствованія Генриха VIII, которые по нашимъ теперешнимъ представленіямъ должны бы были разбираться въ королевскомъ ассизномъ судѣ или въ Вестминстерскомъ судѣ. Въ одномъ изъ такихъ случаевъ дама ищетъ съ нѣкоего Джона Мейгева (Мейгью?) 100 ф. за нарушеніе обѣщанія жениться на ней—такой искъ былъ навѣрное первымъ въ этомъ родѣ. Другой случай—искъ о клеветѣ и диффамаціи; третій искъ объ увозѣ мужней жены, которая взяла съ собой имущества на 6 ш. 8 д., убытки вычислялись въ 40 ш., такъ что жена оцѣнивалась въ 1 ф., 13 ш., 4 д. Уортъ дѣлаетъ догадку, что этотъ городской судъ пользовался даже уголовной юрисдикціей, но это слѣдуетъ считать недостовѣрнымъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ приведены дальнѣйшія доказательства.

Разрушеніе стараго порядка.

На вопросъ, какое впечатлѣніе могла производить на насъ городская жизнь въ концѣ среднихъ вѣковъ, наврядъ-ли можно отвѣтить въ смыслѣ удовлетворительномъ. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ возникали новые города и новыя промышленности, которые черезъ нѣсколько десятилѣтій по богатству и развитію далеко оставили за собой своихъ средневѣковыхъ предшественниковъ такъ же, какъ тѣ далеко превосходили глиняныя хижины и домашніе промыслы первыхъ саксонскихъ поселенцевъ; правда, царство закона и уничтоженіе привиллегій замѣнили сепаратизмъ и ультрамуниципальное направленіе прошлыхъ временъ—но все же оставалось много печальныхъ явленій въ городской жизни того времени. Товарищества, если не во всѣхъ отрасляхъ промышленности, то по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ отдѣльныхъ отраслей, оставались еще вполнѣ реальнымъ явленіемъ. То, что еще теперь заставляетъ насъ отрицать теоріи космополитизма и міровой федераціи, то, что возбуждаетъ наше негодованіе къ этимъ теоріямъ и поддерживаетъ нашъ патріотизмъ, съ удесятеренной силой вліяло на гражданина Лондона или Іорка до реформаціи.

Тѣмъ не менѣе прогрессъ совершался и совершался онъ въ направленіи къ свободѣ. Но самый процессъ былъ тяжелымъ. Для многихъ глубокихъ мыслителей, въ родѣ Томаса Мора, идея конкуренціи, стремленіе каждаго разбогатѣть на счетъ своихъ ближнихъ были злобнымъ духомъ, губящимъ страну и подлежащимъ изгнанію. Сущность идей, излагаемыхъ въ «Утопіи», состоитъ въ томъ, что противно и божескимъ и человѣческимъ законамъ стремиться только къ собственной выгодѣ, не думая о пользѣ общественной. Удивительно, конечно, что умъ, столь глубокій, какъ умъ Мора, не могъ понять, что наиболѣе утопичной изъ всѣхъ утопій было стремленіе возстановить уничтожавшійся обычай. Проповѣди Латимера преслѣдовали ту же цѣль—и только въ царствованіе Елисаветы, да и то только

отчасти, конкуренція была признана какъ фактъ, какъ необходимая пружина промышленности, составлявшей основу англійской городской жизни.

Чума и ея общественныя слѣдствія.

Крейтсна.

Смертность отъ эпидеміи.

Въ царствованіе Генриха VIII чума была серьезнымъ бѣдствіемъ, отъ начала до конца этого царствованія не было шести лѣтъ или шести осеннихъ сезоновъ, когда въ Лондонѣ не было этой эпидеміи. Въ нѣкоторые годы, какъ въ 1513, 1521, 1535, 1543 и въ 1547, въ столицѣ эпидеміи были особенно сильны; въ тоже время была сильная смертность въ Эксетерѣ, Оксфордѣ, Кентербюри, Бристолѣ, Шревсбюри, Кэмбриджѣ, Іоркѣ, Донкастерѣ, Ньюкестлѣ, а также въ деревняхъ близъ Лондона и въ другихъ сельскихъ приходахъ. Правда, отчеты о чумѣ въ провинціальныхъ городахъ полнѣе въ царствованіе Елисаветы и Стюартовъ; но вѣроятно, что царствованіе Генриха было наиболѣе несчастнымъ въ этомъ отношеніи и именно здѣсь будетъ всего удобнѣе отмѣтить, какое вліяніе эта эпидемія имѣла на общественное здравіе и на населеніе. Едва ли есть хоть одинъ фактъ, который былъ бы доказанъ съ такой неопровержимостью, какъ тотъ фактъ, что чума была смертоносной болѣзнью преимущественно для бѣдныхъ классовъ населенія, что она была настоящими ножницами Парки, отрѣзывающими наростъ бѣдности по мѣрѣ того, какъ этотъ наростъ увеличивался, такъ какъ, вообще говоря, послѣ каждой большой эпидеміи общество казалось богаче, чѣмъ прежде. Одной изъ причинъ особой смертоносности чумы для бѣдняковъ было, конечно, то, что они одни были неспособны уйти изъ зараженной атмосферы столицы и другихъ городовъ; другія причины состояли въ томъ, что они жили грязнѣе, питались болѣе скудно, пили слишкомъ много, болѣе другихъ подлежали зараженію вслѣдствіе разныхъ эксцессовъ и подвергали опасности свою жизнь соприкосновеніемъ съ больными и мертвыми съ такимъ равнодушіемъ, которое было совершенно непонятно для болѣе состоятельныхъ людей. Смертность въ Лондонѣ во время большихъ эпидемій неизвѣстна съ точностью до эпидеміи 1563 года; но изъ данныхъ относительно этой эпидеміи и нѣкоторыхъ послѣдующихъ, относительно которыхъ имѣются точныя данныя, можно сдѣлать выводъ, что въ среднемъ въ теченіе трехсотъ лѣтъ—начиная съ Черной Смерти до исчезновенія чумы въ 1666 г.—однажды для каждаго поколѣнія столица теряла сразу, въ одинъ сезонъ, отъ четвертой до шестой части населенія и такимъ

образомъ бѣднѣйшая часть населенія постоянно изъ году въ годъ уменьшалась отъ одинаковой причины. Также страдали и провинціальные города; тамъ смертность часто бывала еще большей; но аутентичныя данныя относительно ихъ почти всѣ позднѣйшія. Такъ Честеръ, когда все его населеніе скучивалось въ предѣлахъ старыхъ римскихъ стѣнъ и наврядъ ли превышало пять или шесть тысячъ, въ одну изъ эпидемій, продолжавшуюся два года, потерялъ 1300 или 1500 человѣкъ, а въ другой разъ 2099. Ньюкастль съ населеніемъ въ двадцать тысячъ потерялъ въ полгода 5027, да 515 человѣкъ въ Гартсайдѣ. Кольчестеръ, гдѣ населеніе было меньшимъ, потерялъ во время эпидеміи, продолжавшейся 17 мѣсяцевъ, 4817 чел. отъ чумы и 528 отъ другихъ причинъ. Бристоль нѣсколько разъ терялъ четвертую или пятую часть населенія. Лидсъ, Манчестеръ и Лихфильдъ потеряли отъ чумы въ одинъ сезонъ не меньше, какъ по тысячѣ человѣкъ: а такіе города, какъ Стамфордъ, Тивертонъ и Тотнесъ не меньше, какъ по 500 или 600. Лофборо тоже терялъ сотни жителей, Ватфордъ дюжины, Этонъ десятки; умирали отъ эпидемій даже въ такихъ деревушкахъ, какъ Стокъ Погисъ.

Эти данныя, какъ сказано, относятся къ позднѣйшему времени, когда статистика была точнѣе и лучше сохранена; но онѣ приблизительно указываютъ, какая смертность была во время чумной эпидеміи при ея сильномъ развитіи. Не одинъ Лондонъ, но и большинство провинціальныхъ городовъ по очереди страдали отъ чумной эпидеміи, лишавшей ихъ отъ четверти до шестой части ихъ населенія—и притомъ части бѣднѣйшей, если не безнадежнѣйшей и не худшей. Нѣтъ основаній предполагать, что санитарное состояніе городовъ было хуже, чѣмъ деревень; съ другой стороны можно доказать, что когда въ царствованіе Елисаветы чума прекратилась, число рождающихся превышало число умершихъ на 25%. Но такое увеличеніе населенія скоро уравновѣсилось новымъ появленіемъ чумы и въ провинціальныхъ городахъ, вродѣ Честера, не имѣвшаго притока населенія извнѣ, какъ Лондонъ, произведенное великой чумной эпидеміей обезлюденіе не было пополнено до появленія второй эпидеміи. Такимъ образомъ вліяніе чумы было особаго рода: она сразу уничтожала излишки бѣднѣйшаго населенія и уничтожала его снова по мѣрѣ его наростанія. Можно утверждать, что чума понижала уровень народонаселенія и поддерживала средній уровень благосостоянія; таково было ея постоянное слѣдствіе, начиная съ пятнадцатаго вѣка, по крайней мѣрѣ въ городахъ.

Карантины.

Чума, часто появлявшаяся съ начала царствованія Генриха VIII, хотя и поражала только бѣдняковъ, была однако постоянной угрозой и для богатыхъ: потому принимались мѣры для ея ограниченія или для того, чтобы удерживать ее въ извѣстныхъ районахъ—всѣ эти мѣры были направлены не столько на спасеніе народа, сколько на со-

храненіе одного общественнаго класса отъ зараженія его другимъ. Характерно для этого періода то обстоятельсто, что главнымъ мотивомъ предохранительныхъ мѣръ была личная безопасность государя. Карантинъ, уже практиковавшійся въ Венеціи, въ Марселѣ, въ Фиртъ овъ-Фортѣ и въ другихъ мѣстахъ, обыкновенно относительно кораблей и ихъ грузовъ и экипажа, въ теченіе многихъ поколѣній былъ въ Англіи дѣломъ министерства двора—ограниченіемъ пріема королемъ иностранныхъ пословъ и иныхъ лицъ, пока не пройдетъ сорока дней со времени ихъ прибытія изъ зачумленныхъ мѣстностей. Нѣчто въ томъ же родѣ практиковалось и Генрихомъ VII при эпидеміи 1508 года, во время лондонской чумы 1513 года и слѣдующихъ лѣтъ венеціанскому посланнику было воспрещено являться ко двору въ теченіе сорока дней послѣ того, какъ въ его свитѣ были одинъ или нѣсколько случаевъ чумы. Къ этому же времени относятся приказанія отмѣчать и запирать дома, въ которыхъ были чумные. Всѣ эти мѣры для Лондона были изобрѣтены самимъ Генрихомъ и состояли въ томъ, что зараженные дома отмѣчались пучками соломы, ихъ обитатели должны были сидѣть дома, ихъ отпускали въ случаѣ необходимости только съ тѣмъ условіемъ, чтобы они въ теченіи сорока дней носили въ рукахъ бѣлый жезлъ. Этотъ обычай сохранялся въ Лондонѣ, а также и въ промышленныхъ городахъ и въ деревняхъ до послѣдней чумной эпидеміи 1666 года и даже съ нѣкоторыми измѣненіями. Пучокъ соломы замѣнился крестомъ св. Антонія, сначала голубымъ, а потомъ краснымъ, вышитымъ на небольшомъ кускѣ холста или сукна и прикрѣпляемымъ къ уличной двери съ надписью надъ или подъ крестомъ: «Боже, сжалься надъ нами!» Воспрещеніе выхода сдѣлалось болѣе строгимъ; всѣ окна и двери запирались, никому не позволялось выходить изъ дома, къ дому приставлялась стража, пищу приносили такъ, чтобы избѣжать всякаго прикосновенія съ обитателями; ухаживающіе за больными и носильщики умершихъ должны были давать присягу, что будутъ воздерживаться отъ сношеній съ семьями и знакомыми и въ случаѣ выхода будутъ носить бѣлый или красный жезлъ. Въ Эдинбургѣ «чистильщики» или дизинфекторы и носильщики умершихъ носили сѣрое платье съ бѣлымъ андреевскимъ крестомъ спереди и сзади; на двухъ общественныхъ городскихъ носилкахъ были колокола для предупрежденія встрѣчныхъ. Въ Абердинѣ были поставлены три висѣлицы для повѣшенія всѣхъ, занесшихъ чуму или давшихъ пріютъ зараженной или подозрительной личности—«мужчинъ вѣшать, а женщинъ топить», на основаніи феодальнаго отличія «висѣлицы и колодца» для лицъ разнаго пола. Въ нѣкоторыхъ городахъ отца за скрытіе заболѣванія его дѣтей клеймили въ руку раскаленнымъ желѣзомъ. Для той же цѣли королева Елисавета поставила висѣлицу въ Виндзорѣ, а Карлъ I при воро-

тахъ Вудстока. Подверженныхъ карантину лицъ содержали на средства муниципалитета или на частныя пожертвованія; въ первый годъ царствованія Іакова I былъ проведенъ актъ о болѣе систематическомъ содержаніи.

Для осуществленія такихъ мѣръ было необходимо своевременно узнавать о появленіи чумы въ домѣ или въ приходѣ; для этой цѣли назначались сыщики — въ каждомъ изъ лондонскихъ приходовъ по двѣ ловкихъ женщаны—которые присягали въ церкви св. Маріи давать вѣрное свѣдѣніе, произошла ли смерть отъ чумы или отъ иной причины. Сыщики давали показанія приходскому писарю, а онъ приходской канцеляріи (parish Clerk's Hall), гдѣ и составлялся каждую недѣлю списокъ всѣхъ случаевъ смерти отъ чумы въ отдѣльныхъ приходахъ и списокъ приходовъ, гдѣ чумы не было. Сохранился одинъ изъ такихъ списковъ за недѣлю отъ 6 до 14 августа 1535 года, гдѣ отмѣчено 105 смертей отъ чумы и 47 отъ другихъ причинъ въ 61 приходѣ, при тридцати «чистыхъ» приходахъ. Сохранился и болѣе старый списокъ безъ обозначенія года за недѣлю отъ 17 до 23 ноября, гдѣ отмѣчено 34 смерти отъ чумы и 32 отъ другихъ причинъ (изъ нихъ четыре за стѣнами города, а два при городскихъ воротахъ, тоже частію за воротами), въ 63 приходахъ «Сити и города» (City and Liberties) смертей не было, какъ «сіе видно изъ этого списка». Эти списки смертности относятся къ царствованію Генриха VIII, но горожане въ чумное время повидимому знали, какіе приходы «чисты» и какіе «нечисты» уже во времена Эдуарда IV, такъ что списки могли составляться въ эпоху болѣе раннюю, чѣмъ та, списки которой сохранились.

Санитарныя мѣры.

Первые Тодоры полагались, кажется, всего болѣе на карантины; во всякомъ случаѣ другія ихъ предохранительныя мѣры далеко не были радикальными. Полагали, что кровь и отбросы мясныхъ рынковъ служатъ средствами распространенія заразы и потому противъ нихъ принимали мѣры, хотя и недѣйствительныя. Много дѣлалось противъ бродячихъ собакъ и кошекъ, какъ вѣроятныхъ распространителей заразы; изъ зараженныхъ домовъ солому выносили въ поле для сожженія, а платье зараженныхъ «на излѣченіе». Три раза въ недѣлю: въ понедѣльникъ, среду и пятницу, изъ каждаго насоса бралось по 12 ведеръ воды для очищенія улицъ по приказанію лорда протектора Сомерсета, въ 1547 году. Санитарныя правила въ царствованіе Елисаветы были болѣе энергичны; возможно, что нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствовали и при ея предшественникахъ.

Медики.

Медицинская профессія не отождествлялась тогда съ санитаріей или съ предохранительной медициной. Паціенты медиковъ принадлежали къ зажиточнымъ классамъ, рѣдко страдавшимъ отъ чумы послѣ первыхъ эпидемій 1349 года и конца 14 столѣтія, но и въ эти первыя эпидеміи медики собрали богатую жатву, какъ напр. медикъ

Чосера, который особенно любилъ золото и былъ крѣпкимъ малымъ на сборъ денегъ: «онъ сохранилъ то, что получилъ во время чумы». Въ послѣдствіи, когда богатые кліенты убѣгали изъ зачумленныхъ мѣстъ, съ ними убѣгали и медики, такъ какъ въ то время даровые совѣты бѣднымъ, даже въ крайнихъ случаяхъ, не были обычными. Они не помогали народу и своими перьями ни одинъ изъ видныхъ врачей царствованія Генриха VIII—Линакръ, Буттсъ и пр.—не написали и не издали ни одной строчки о чумѣ. Самая ранняя книга о ней принадлежитъ Жильберту Скене изъ Абердина въ 1568 году; тамъ есть любопытное замѣчаніе о коллегахъ автора: «медики больше заботятся о своемъ здравіи, чѣмъ объ общемъ благѣ». Только въ 1603 году мы встрѣчаемъ первый случай выдающагося лондонскаго врача, Томаса Лоджа, остававшагося на своемъ посту въ Варвикъ Ланъ для того, чтобы помогать бѣднымъ и высказавшаго тотъ гуманный взглядъ на свое дѣло, который сталъ потомъ обычнымъ и оплакивавшаго судьбу «своихъ бѣдныхъ соотечественниковъ, остающихся безъ руководителей и совѣта, безъ помощи въ крайности, ибо зараза свирѣпствуетъ тамъ, гдѣ царитъ бѣдность и эти бѣдняки, не имѣя возможности удовлетворить жадности людей, которые должны бы были помогать имъ, по большей части умираютъ оставленные и безъ всякой помощи». Эти «жадные люди» были эмпирики, а также аптекаря и фельдшера, рисковавшіе ради корысти. Врачи по большей части были заняты своими ланцетами, они совсѣмъ не интересовались санитарными мѣрами противъ чумы; одинъ изъ приказовъ гласитъ, «чтобы ни одинъ хирургъ или цирюльникъ, пускающій кровь, не выбрасывалъ ее въ рѣки и на улицы»—такъ что по отношенію къ общественному здравію они ставятся на одну ногу съ мясниками прихода св. Николая.

Медики и хирурги.

Генрихъ VIII самъ бывшій не малымъ диллетантомъ въ медицинѣ, много сдѣлалъ для упроченія профессіональнаго положенія врачей и хирурговъ. Онъ учредилъ въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ медицинскіе факультеты; раньше, въ 1518 году, онъ даровалъ грамоту Линакру и другимъ, составившимъ коллегію медицины въ Лондонѣ, ей на основаніи акта 1540 года была дарована привиллегія медицинской практики. Первоначальные члены коллегіи всѣ имѣли дипломы иностранныхъ университетовъ, но послѣ основанія новыхъ факультетовъ и Оксфордъ и Кэмбриджъ начали доставлять членовъ лондонской коллегіи, вмѣстѣ съ Падуей, Монпелье, а послѣ съ Лейденомъ. Въ 1511 г. изданъ актъ, что медики и хирурги, послѣ надлежащаго экзамена предъ епископомъ Лондона или деканомъ св. Павла съ четырьмя ассистентами—медиками въ Лондонѣ, или предъ епархіальнымъ епископомъ при профессіональныхъ ассистентахъ въ провинціи, пользуются нѣкоторыми исключительными правилами и привиллегіей практики. Въ актѣ говорится, что многія невѣжественныя

личности, кузнецы, ткачи, женщины, лечатъ больныхъ, даютъ имъ питія и другія снадобья и употребляютъ колдовство; но что теперь желательно, (также, какъ въ введеніи къ теперешнему медицинскому акту), чтобы нуждающіеся въ медицинской помощи были въ состояніи различить «знающихъ (cunning) отъ невѣждъ»; посему и повелѣвается, чтобы дѣло врача и хирурга принадлежало только дипломированнымъ лицамъ. Но врачи ужъ черезъ чуръ широко пользовались своей привиллегіей; въ предисловіи къ новому акту (1542—43) ихъ именуютъ и невѣжественными и чрезмѣрно требовательными, и настолько ревнивыми въ своемъ дѣлѣ, что они преслѣдуютъ, безпокоятъ и надоѣдаютъ даже тѣмъ, которые подаютъ медицинскій совѣтъ «только бѣднякамъ ради сосѣдства, изъ сожалѣнія и милосердія». Посему повелѣвается, что всякій подданный короля можетъ лечить наружныя болѣзни, раны, опухоли, нарывы, и давать лекерства отъ кашля и т. д., не подвергаясь преслѣдованію, безпокойствамъ и интригамъ. Хирурги имѣли, однако, особое положеніе, какъ имѣющее грамоту общество Лондонскаго Сити, и были допущены въ члены и соединены съ старой коллегіей Хирурговъ-Цирюльниковъ (получившихъ грамоту въ 14 вѣкѣ) по акту 1540 года, въ то же время повелѣвавшему, чтобы цирюльники не имѣли хирургической практики, а хирурги цирюльной — причина, очевидно, состояла въ томъ, что нуждавшіеся въ бритьѣ не должны были подвергаться риску попасть къ врачу, который только что лечилъ заразительнаго больнаго. Такимъ образомъ хирурги могли отдѣлиться отъ цирюльниковъ (причемъ они могли упрочивать свое положеніе ученіемъ, получая каждогодно для анатомическаго изслѣдованія трупы четверыхъ преступниковъ); но цирюльники помогли имъ создать ихъ корпорацію и въ теченіи двухъ вѣковъ сохранили почетныя традиціи. Эта гильдія (въ послѣдствіи компанія) лондонскихъ цирюльниковъ-хирурговъ и гильдій въ Іоркѣ, Эксетерѣ, Глочестерѣ, Дублинѣ и другихъ городахъ были сформированы на основаніи принциповъ строгой дисциплины гильдій и компаній 15 вѣка—на основаніи принципа контроля мастеровъ надъ учениками и экзаменаторовъ или Court of Wardens надъ мастерами. Они были почетными гражданами и иногда, какъ напр. Морестедъ въ Лондонѣ, пользовались большимъ вліяніемъ. Они также являлись сдержкой для странствующихъ шарлатановъ (обыкновенно иностранцевъ), которыхъ въ Англіи было очень много; на основаніи статутовъ іоркской гильдіи хирурговъ-цирюльниковъ странствующему лекарю разрѣшалось практиковать въ городѣ въ теченіи пяти дней—это было просто гостепріимствомъ, оказываемымъ чужестранцу—но послѣ этого срока онъ долженъ былъ получить разрѣшеніе и подчиняться тѣмъ же условіямъ практики, какъ и мѣстные врачи. Члены гильдій занимали болѣе почетное положеніе, чѣмъ бродячіе лекаря, но за то они были очень склонны

поддерживать рутину. Самой главной частью ихъ профессіональнаго обученія было изученіе двадцати пунктовъ поверхностныхъ венъ, откуда слѣдуетъ пускать кровь, знаніе надлежащей вены для каждой болѣзни и изученіе очень сложной системы кровопусканія по таблицамъ чиселъ, зодіакальныхъ діаграмъ и т. п., знаніе дня луны и часа, когда слѣдуетъ сдѣлать кровопусканіе.

Гонораръ врачей.

Есть основаніе полагать, что практикамъ, медикамъ и хирургамъ, въ царствованія Тюдоровъ платили очень хорошо. Въ 1535 году заболѣлъ венеціанскій посланникъ и болѣзнь стоила ему семьсотъ дукатовъ, врачи довели его до того, что у него не осталось ни копѣйки. Въ 1502 году королева Елисавета Іоркская заплатила 20 шиллинговъ за излѣченіе одного молодого человѣка отъ оспы; такую сумму стоилъ врачъ, кромѣ издержекъ за кормленіе больного, платье, обудь и бѣлье за двѣнадцать мѣсяцевъ, въ томъ числѣ и цѣна псалтыря и молитвенника. Таже королева заплатила одному лондонскому врачу за посѣщеніе ее въ Ричмондѣ 13 ш. и 4 пенса. Латимеръ въ проповѣди 1552 года говоритъ: «теперь въ наши времена лекарство приготовляется только для богачей, а не для бѣдняковъ, потому что бѣднякъ не въ состояніи заплатить медику». Можно къ этому присоединить еще одинъ примѣръ, хотя онъ относится къ позднѣйшему на нѣсколько лѣтъ времени. Когда въ 1563 году англичане заняли Гавръ и были осаждены тамъ католиками, начались заболѣванія среди пяти тысячъ англичанъ въ городѣ и на корабляхъ; дѣло кончилось чумой, отъ которой въ іюлѣ умирало болѣе ста человѣкъ въ день. Графъ Варвикъ писанъ въ Англію, жалуясь на недостатокъ врачей и Частный Совѣтъ отвѣчалъ ему, что причина недостатка состоитъ въ томъ, что врачи требуютъ большаго, чѣмъ слѣдуетъ, вознагражденія и что лучшее средство обезпечить ихъ услуги, это брать ихъ гонораръ изъ жалованья солдатъ. Тогда Варвикъ снова повторилъ требованіе; онъ зналъ нѣкоего Кольффа, аптекаря въ Корнвалиссѣ, искусснаго въ исцѣленіи чумы, который соглашался покинуть родину и семью и пріѣхать въ Гавръ за сто фунтовъ. Частный Совѣтъ наконецъ приказалъ послать хирурговъ и вмѣсто одного заболѣвшаго хирурга одного медика. Этотъ медикъ тотъ самый Жейнесъ, который три года тому назадъ смутилъ лондонскую коллегію врачей утвержденіемъ, что Галленъ ошибался въ нѣкоторыхъ вещахъ, но потомъ отрекся отъ своей ереси и снова былъ принятъ въ коллегію. Если у него и не было смѣлости въ отстаиваніи своихъ мнѣній, то онъ былъ достаточно смѣлъ, чтобы рисковать жизнью, отправившись въ зачумленный Гавръ и, дѣйствительно, онъ умеръ черезъ нѣсколько дней послѣ своего прибытія туда.

Общественная жизнь, нравы и одежда.

Вооруженіе.

Со времени битвы при Босвортѣ до средины шестнадцатаго вѣка вооруженіе значительно измѣнилось. Остроконечные сапоги (solleret) совершенно исчезли и замѣнены были широкими Sabbatons съ квадратными или круглыми носками. Въ царствованіе Генриха VII вооруженіе сдѣлалось крѣпче и проще, снова начали употреблять кольчуги съ пластинками, прикрѣпленными у бедръ (См. томъ 11) [1]). Но войны съ Франціей и личная дружба Генриха VIII съ Франциском I и Максиміліаномъ I и Карломъ V повліяли на измѣненіе англійскаго вооруженія, которое сдѣлалось болѣе красивымъ. Императоръ Максиміліанъ по случаю брака Генриха VIII съ Катериной Арагонской подарилъ ему вооруженіе, хранящееся въ арсеналѣ лондонской Башни. Оно украшено гербами Генриха и Екатерины съ ихъ иниціалами, соединенными узломъ, и покрыто рѣзьбой, изображающей сцены изъ жизни святыхъ. Мѣсто крючьевъ и пластинъ въ этомъ вооруженіи занимаетъ стальная юбка (lamboys), покрывающая тѣло отъ таліи до колѣна.

Въ вооруженіи времени Генриха VIII Heaume (шлемъ) замѣнился armet или шлемомъ съ забраломъ, на верхушкѣ котораго иногда прикрѣплялся нѣчто вродѣ короткой мантіи (camail). Эти шлемы иногда роскошно украшались перьями и они уже представляли собой настоящую каску.

Въ теченіи этого царствованія входилъ въ употребленіе другой военный головной уборъ, который носили только пѣхотинцы—это morion, похожій на итальянскую или германскую cabasset (шишакъ). Пѣхотные солдаты были вооружены аллебардами, пиками, топорами и бердышами, они носили стальныя пластины на спинѣ и на груди, къ которымъ были прикрѣплены на крючьяхъ (костыляхъ, въ видѣ буквы T) пластины, доходящія до колѣнъ; нѣкоторые были вооружены ружьями, другіе луками и самострѣлами—луки, это англійское національное орудіе, сохранялось долго послѣ того, какъ оно устарѣло для военныхъ цѣлей и употребленіе ихъ поощрялось закономъ [2]) и всяческими средствами. Напр. въ 1498 г. Голинледъ пи-

---

[1]) См. изображенія Вильяма, виконта Бомона въ Церкви Вивенгое въ Эссексѣ 1507 г. и Генриха Станлея въ Гиллингдонѣ въ среднемъ Эссексѣ 1528 г.

[2]) 6. Генрихъ VIII, гдѣ повелѣвается, „дабы во всякомъ городѣ и мѣстечкѣ были устроены стрѣльбища по законамъ стараго времени. И дабы обывателей заставляли содержать такія стрѣльбища и упражняться въ стрѣльбѣ изъ луковъ на этихъ стрѣльбищахъ и въ другихъ мѣстахъ въ праздники и въ другое удобное время".

салъ: «въ этомъ году всѣ сады, сохранявшіеся пустыри за Moorgate (въ Лондонѣ), были уничтожены и изъ нихъ сдѣлано поле для стрѣльбы изъ лука».

Стрѣльба изъ лука.

Генрихъ былъ мастеромъ стрѣльбы изъ лука, какъ и во всѣхъ мужественныхъ упражненіяхъ. Его время — послѣднее царствованіе, когда лукъ составлялъ еще часть національнаго вооруженія и потому мы приведемъ нѣсколько указаній, доказывающихъ популярность этого національнаго вооруженія:

«Въ маѣ мѣсяцѣ второго года его царствованія, такъ какъ его величество былъ молодъ и не желалъ оставаться бездѣльнымъ, то онъ всталъ очень рано, чтобы сорвать зеленыя вѣтки и одѣлся въ новое и богатое платье. Онъ одѣлъ всѣхъ своихъ рыцарей, сквайровъ и джентльменовъ въ бѣлый шелкъ, а гвардію и коронныхъ іеменовъ въ бѣлую шерсть, и такъ всѣ они съ луками и стрѣлами пошли стрѣлять въ лѣсъ и снова пришли ко двору, каждый съ зеленой вѣткой на шляпѣ. При возвращеніи многіе, услыхавъ, что онъ отправился на маевку, пожелали видѣть его стрѣльбу, потому что въ это время его величество стрѣлялъ такъ хорошо, какъ никто изъ его гвардіи. Тогда къ его величеству подошелъ одинъ человѣкъ съ лукомъ и стрѣлами и попросилъ, чтобы его величество сдѣлалъ ему смотръ и посмотрѣлъ, какъ онъ стрѣляетъ, его величество соизволилъ на это и тогда человѣкъ приставилъ лукъ къ груди и выстрѣлилъ и попалъ въ цѣль, чему не только его величество, но и всѣ другіе много дивились. И король далъ ему награду за это».

Галль разсказываетъ о другой королевской маевкѣ въ седьмой годъ царствованія:

«Король и королева, сопровождаемые многими лордами и лэди, поѣхали по дорогѣ къ «Стрѣльбищному холму» подышать чистымъ воздухомъ и проѣзжая дорогу увидали кампанію рослыхъ іеменовъ, одѣтыхъ въ зеленое, съ зелеными вѣтками и съ луками и стрѣлами, всего числомъ двѣсти. И одинъ изъ нихъ, назвавшійся Робинъ Гудомъ, подошелъ къ королю и попросилъ его посмотрѣть, какъ стрѣляютъ его люди и король согласился. Тогда онъ свиснулъ и всѣ двѣсти стрѣлковъ сразу выстрѣлили, и онъ снова свиснулъ и они снова выстрѣлили и ихъ стрѣлы просвистѣли мимо головъ, такъ что былъ великій и занятный шумъ, что очень понравилось королю, королевѣ и всей кампаніи. Всѣ эти стрѣлки были королевскіе гвардейцы [1]) и одѣлись такъ для увеселенія короля. Потомъ Робинъ Гудъ попросилъ короля и королеву придти въ зеленый лѣсъ и посмотрѣть, какъ живутъ бродяги. Король спросилъ королеву и дамъ: рѣшатся ли онѣ пойти въ лѣсъ съ такой толпой бродягъ. Королева

[1]) Гвардія іеменовъ заведена Генрихомъ VII въ 1486 году.

отвѣчала, что она согласна, если ему угодно; тогда затрубили въ рога, пока они не дошли до лѣсу при «Стрѣльбищномъ холмѣ», а тамъ была устроена хижина съ залой и большой комнатой и внутренней комнатой, очень красиво убранными и покрытыми цвѣтами и свѣжей травой, что король очень похвалилъ. Тогда Робинъ Гудъ сказалъ: государь, бродяги завтракаютъ ветчиной и потому вы должны довольствоваться пищей, которую мы употребляемъ. Король и королева сѣли и Робинъ Гудъ и его люди угостили ихъ ветчиной и виномъ, къ великому ихъ удовольствію. Потомъ король и его свита отправились, а Робинъ Гудъ и его люди сопровождали ихъ».

Оружіе.

Лукъ въ качествѣ военнаго оружія вышелъ бы изъ употребленія, если бы артилерія съ плохимъ порохомъ не была еще слишкомъ слаба, а мелкое орудіе не было такъ тяжело и не требовало постоянныхъ починокъ. Желѣзныя орудія были кованныя, а мѣдныя пушки литыя. Стоу разсказываетъ, что около 1543 года были уже изобрѣтены литыя желѣзныя пушки.

Пушки.

Фальконеттъ вѣсилъ 700 фунтовъ, калибръ его $2^1/_4$ дюймовъ, а ядро $2^1/_2$ ф. Калибръ «миньона» 3 д. «Сакеръ» (отъ слова, обозначавшаго Сокола) вѣсилъ около 1400 и 1600 фунт., калибръ $3^1/_4$ —4 д., а ядро отъ 5 до $5^1/_2$ ф. Потомъ была еще пушка, называемая «кульвериной», (отъ слова Culver—лѣсной голубь); въ это царствованіе былъ изобрѣтенъ мушкетъ, названіе онъ получилъ отъ слова обозначавшаго ястреба. Это оружіе, названіе котораго сохранилось до настоящаго времени, замѣнило аркебузу, вооруженіе пѣхотинцевъ; всадники были вооружены пистолетомъ или догомъ. На большомъ смотру милиціи лондонскаго Сити въ 1540 году, на которомъ были собраны всѣ отъ шестнадцати до шестидесяти лѣтъ, собрано было пятнадцать тысячъ человѣкъ. Въ это число не входили музыканты (whifflers) или министрели. По описанію Галля это было прекрасное зрѣлище:

«Всякій сколько нибудь состоятельный человѣкъ надѣлъ плащъ изъ бѣлаго шелка и украсилъ свои каски золотыми украшеніями, золотыми цѣпями и перьями, другіе позолотили свои панцыри, аллебарды и сѣкиры. У нѣкоторыхъ, особенно у золотыхъ дѣлъ мастеровъ, нагрудники и все вооруженіе было изъ кованнаго серебра. Констэбли были всѣ въ бѣлыхъ шелковыхъ курткахъ съ цѣпями и сѣкирами. Болѣе бѣдные люди были въ бѣлыхъ одеждахъ, вышитыхъ спереди и сзади гербами Сити».

Турниры.

Въ царствованіе Генриха турниры достигли высшей степени развитія и были великолѣпны, какъ никогда раньше. Турниръ въ Вестминстерѣ во время коронаціи можно считать образцомъ многочисленныхъ турнировъ этого царствованія; слѣдуетъ замѣтить, что турниры утратили прежнюю жестокость и совершались съ деликатностью, совершенному чуждой прежнимъ вѣкамъ.

«Для ихъ величествъ короля и королевы былъ построенъ прекрасный домъ, покрытый шпалерами и обвѣшанный богатыми коврами и въ этомъ дворцѣ былъ сдѣланъ любопытный фонтанъ и надъ нимъ башня, на вершинѣ которой большая императорская корона, вся блещущая позолоченными розами и гранатами. Вокругъ этой башни обвитъ виноградъ, листья и гроздья котораго позолочены, а стѣны башни выкрашены бѣлыми и зелеными узорами и во всякомъ узорѣ или роза или граната и связка стрѣлъ или буквы Г. и Е., позолоченныя съ позолоченными же арками и башенками, поддерживающими башню. На ней гербы борцовъ, назначенныхъ для турнира и изъ пастей звѣрей и изъ крановъ течетъ красное и бѣлое вино.

Поле открыто при звукѣ трубъ и молодые франты и дворяне, роскошно одѣтые, съ любопытно вырѣзанными и вышитыми девизами, какъ на плащахъ, такъ и на сбруѣ лошадей, нѣкоторые вышивки золотыя, другія серебрянныя и разной работы—очень красивой—въѣхали на поле, ловко управляя своими конями. За ними слѣдовалъ «девизъ», *(помостъ)*, приводимый въ движеніе людьми или иначе, построенный въ родѣ замка или башни и украшенный золотой парчей; вершина усѣяна розами и гранатами, висящими съ обѣихъ сторонъ сказаннаго «девиза» и тамъ сидѣла дама съ кристальнымъ щитомъ, именуемая Паллада. За ней слѣдовалъ лордъ Говардъ съ свитой въ полномъ вооруженіи; ихъ ножныя латы и латы на лошадяхъ были изъ зеленаго бархата, подбитыя позолоченными розами и гранатами и по краямъ ихъ золотая бахрама. Этотъ «девизъ» или башенку поднесли къ королю и лэди Паллада представила сказанныхъ особъ, коихъ она назвала ея учениками, его величеству, умоляя его принять ихъ къ нему въ ученики, такъ какъ они желаютъ служить ему ради ихъ чести. И этихъ учениковъ, спѣшившихся теперь, было около сотни, прекрасно одѣтыхъ въ разноцвѣтный бархатъ съ соотвѣтственными штанами и шапками. И далѣе дама Паллада просила короля, дабы онъ позволилъ этимъ ученикамъ драться со всѣми приходящими, кои ихъ вызовутъ».

Тогда, продолжаетъ разсказывать хроникеръ, появился другой отрядъ всадниковъ и множество пѣхотинцевъ, одѣтыхъ не менѣе блестяще, чѣмъ первый отрядъ. За ними слѣдовали восемь рыцарей, объявившихъ себя слугами Діаны и герольдомъ у нихъ былъ «джентельменъ верхомъ, въ голубомъ бархатномъ плащѣ, вышитомъ золотомъ и конь его убранъ въ тѣже цвѣта, съ золотымъ копьемъ въ рукѣ, и онъ представился королевѣ, говоря, что онъ представляетъ ей этихъ рыцарей, какъ дама Паллада представляла шестерыхъ своихъ учениковъ королю; но они не знаютъ, пришли ли они учиться дѣламъ оружія или учить. И далѣе онъ объявилъ, что его рыцари пришли сражаться ради любви къ дамамъ».

И тогда началась борьба между двумя отрядами рыцарей, продолжавшаяся до ночи и кончившаяся нерѣшительно.

На слѣдующій день два отряда рыцарей снова сошлись, еще болѣе роскошно разодѣтые; за слугами Діаны слѣдовало:

«Множество роговъ, въ которые дули люди, одѣтые въ зеленое, съ шапками и штанами того же цвѣта, какъ сторожа или лѣсники и былъ сдѣланъ помостъ (pageant), вродѣ парка съ бѣлой и зеленой изгородью, гдѣ находилась дичь, и въ сказанномъ паркѣ были любопытныя деревья, кусты и напортники и другія вещи, такъ похоже сработанныя, что любо было глядѣть. И когда этотъ паркъ былъ поднесенъ къ королевѣ, то въ немъ открыли ворота и дичь выбѣжала во дворецъ и были выпущены собаки и поймали дичь и убитую такимъ образомъ дичь сказанные рыцари представили королевѣ и дамамъ».

Эти рыцари чрезъ своего герольда предложили новую борьбу съ рыцарями Паллады, но король, боясь, чтобы борьба не приняла серьезнаго оборота, разрѣшилъ только непродолжительный турниръ.

«И такъ турниръ былъ оконченъ и всякому воздали похвалу по его заслугамъ».

Женскій костюмъ.

За исключеніемъ головного убора, женское платье временъ Генриха было очень прилично и не особенно много измѣнялось. Оно охватывало фигуру и въ началѣ царствованія обшивалось мѣхомъ у шеи, на груди и иногда у подола; пояса носились широкіе и ихъ пряжки и концы были металическіе, красиво сдѣланные; на поясахъ почти всегда привѣшивалась сумочка или ридикюль и иногда четки или длинная металическая цѣпь съ подвѣсками или мускусный шарикъ съ духами или металическій шаръ для нагрѣванія рукъ. Платья носили длинныя, иногда на столько длинныя, что было необходимо закалывать ихъ кругомъ. Около 1525 года вырѣзы у шеи стали ниже и вообще квадратные; для закрытія открываемой такимъ образомъ части шеи употребляли шемизетку изъ тонкаго полотна или изъ другого матеріала, обыкновенно со складками, называемую partlet. Узкіе рукава богато вышивались или украшались иначе и надъ ними носили вторые, болѣе короткіе, съ очень широкими манжетками, часто обшитыми мѣхомъ. Къ концу царствованія платье дѣлалось болѣе открытымъ у шеи, такъ что образовался воротъ и на плечахъ рукава образовали пуфы. Головной уборъ «бабочка» исчезъ при Генрихѣ VII и замѣнился головнымъ уборомъ, называемымъ нора (kennel), фронтоннымъ или ромбоидальнымъ (pedimental, diamondshaped) головнымъ уборомъ. Сначала впереди у него были длинныя завязки (лопасти), такъ что онъ въ сущности представлялъ видоизмѣненіе платка, но вскорѣ онъ надѣвался на проволочный каркасъ и сдѣлался очень небольшимъ и наконецъ для того, чтобы открыть волосы, его откинули назадъ и онъ привелся къ круглой шапочкѣ на

затылкѣ. Но къ концу царствованія Генриха ромбоидальная шапочка вышла изъ моды и замѣнена была модной парижской шляпкой (Paris head), чѣмъ то вродѣ полотнянаго капора, выдающагося впередъ съ обѣихъ сторонъ лица, съ завязкой сзади и часто съ сѣткой на лбу. Этотъ головной уборъ во всякомъ случаѣ имѣлъ одно большое удобство: видны были волосы, раздѣленные по срединѣ проборомъ. Платья тоже сдѣлались короче и открывали башмаки, совершенно гладкіе. Носили мало драгоцѣнностей: брошку для зашпиливанья мантіи или на воротничкѣ или ожерелье. Вотъ и все—ни колецъ на пальцахъ, ни серегъ и очень рѣдко браслеты.

Мужской костюмъ.

Если дамы того времени были скромны въ костюмѣ, то мужчины сильно грѣшили въ противоположномъ направленіи; никогда не тратили они столько денегъ на внѣшность, какъ въ это время. Эта безумная роскошь началась уже при Генрихѣ VII и его сынъ, котораго ужъ никакъ нельзя было упрекнуть въ томъ, что онъ унаслѣдовалъ отъ отца его скупость, вступилъ на престолъ очень молодымъ и велъ веселую жизнь. Но излишняя роскошь костюма въ то время не ограничивалась одной Англіей. Напротивъ, довольно вѣроятно, что еслибы не войны англичанъ съ Франціей, они не грѣшили бы такъ сильно въ этомъ отношеніи. Дворы Максимиліана и Франциска 1 были необычайно роскошны, о роскоши костюма перваго мы можемъ судить по картинѣ Бургмейра: «Тріумфъ Максимиліана». Нѣмцы были нашими добрыми друзьями, а послѣ свиданія королей такими же друзьями были и французы; такъ какъ много много англичанъ всякаго званія перебывало за границей, то они немного утрачивали свое обособленность и подражали въ костюмѣ народамъ континента.

Когда графъ Нортумберландъ отвозилъ въ Шотландію Маргариту, дочь Генриха VII, въ 1503 для ея брака съ шотландскимъ королемъ, Голипшедъ разсказываетъ о немъ: «сказанный графъ Нортумберландъ по богатству его костюма, украшеннаго перлами и камнями и по роскошному убранству его пажей и сбруи его лошадей—кромѣ четырехсотъ всадниковъ, одѣтыхъ въ его цвѣта — казался и шотландцамъ и англичанамъ болѣе похожимъ на государя, чѣмъ на подданнаго».

О бракѣ принца Артура, старшаго сына Генриха VII, съ Екатериной Арагонской Стоу разсказываетъ:

Удивительно было видѣть роскошные костюмы, которые носили въ тотъ день и тяжелыя золотыя цѣпи; изъ нихъ въ особенности замѣчательны были двѣ: сера Брандона, рыцаря, начальника королевской конницы, который въ тотъ день носилъ цѣпь, цѣнимую въ 1400 фунтовъ, а другая Риверса, эсквайра, сокольничаго, цѣнимая въ тысячу фунтовъ; много было по 200, 300 фунтовъ; онѣ были замѣчательны не по длинѣ, а по величинѣ колецъ. У герцога Букин-

тама плашъ былъ подбитъ соболями и стоилъ 1500 фун., а у сэра Николаса Ваузе, рыцаря, платье изъ пурпурнаго бархата, обложеннаго такими толстыми и массивными кусками золота, что кромѣ шелка и мѣха одно золото цѣнилось въ тысячу фунтовъ; цѣпи и украшенія были оцѣнены лучшими мастерами, работавшими ихъ».

Понятно, что самъ Генрихъ при коронаціи былъ одѣтъ съ замѣчательной роскошью. Галль разсказываетъ: «Его величество былъ въ верхнемъ платьѣ изъ пунсоваго бархата, обшитомъ горностаемъ; жакетъ его или панцырь изъ золота, нагрудникъ вышитъ бриліантами, рубинами, изумрудами, большими перлами и другими драгоцѣнными камнями; на шеѣ большая перевязь съ крупными рубинами. Сбруя его коня была изъ золотой парчи съ обшивкой изъ горностаевъ».

Галль, бывшій очевидцемъ его свиданія съ Франциской 1, такъ описываетъ его костюмъ при этомъ важномъ событіи: «Тогда появился король Англіи, блистая своей красотой, самый красивый изъ государей, когда либо царствовавшихъ въ англійскомъ королевствѣ: его величество былъ одѣтъ въ платье изъ серебряной парчи, окаймленной золотой толстой парчей; платье было широко и такой формы и такъ сработана, что даже удивительно было видѣть. Конь, на которомъ ѣхалъ его величество, имѣлъ удивительную сбрую, сдѣланную по новой модѣ; сбруя была изъ золота, чудесно сработана, и обложена античной работой, римскими фигурами».

Обычное платье мужчинъ того времени было не особенно разнообразно; оно состояло изъ рода сюртука съ складками въ подолѣ и съ низкимъ вырѣзомъ на шеѣ, такъ что была видна рубашка. Полы у молодыхъ людей были короткія, а у старшихъ и почтенныхъ длиннѣе и безъ складокъ; они носили верхнее платье или шинели съ широкими рукавами и подбитое мѣхомъ. Всѣ носили длинные штаны (хотя въ это царствованіе вошли въ моду короткіе штаны до колѣнъ) и башмаки съ широкими носками, иногда разрѣзные, иногда вышитые. Опять стали носить бороды и короткіе волосы. Шляпы дѣлались изъ бархата или сукна, торговцы носили плоскія шапки. Но отеческое правительство считало необходимымъ издать законъ противъ роскоши (6 Генриха VIII), «Актъ относительно употребительнаго костюма». Онъ опредѣлялъ костюмъ всѣхъ общественныхъ классовъ отъ пэра до крестьянина; та часть, которая касается среднихъ классовъ, повелѣвала, чтобы они не носили фуфаекъ «изъ шелка, парчи или шелковаго комлота».

«Ни одинъ человѣкъ ниже званія рыцаря не долженъ носить золотой или позолоченной цѣпи или золотого ожерелья или золотыхъ браслетъ, подъ страхомъ конфискаціи таковыхъ. Ни одинъ человѣкъ ниже званія дворянина не долженъ носить шелковыхъ кружевъ или какихъ нибудь кружевъ на платьѣ; золотыхъ и серебряныхъ или

позолоченныхъ застежекъ, или золотыхъ, серебряныхъ или позолоченныхъ пуговицъ и брошекъ или золотыхъ издѣлій, подъ страхомъ конфискаціи таковыхъ. Ни одинъ человѣкъ ниже званія рыцаря не долженъ носить бархатныхъ платьевъ и глаженныхъ и гофрированныхъ рубашекъ или полотнянаго бѣлья, вышитаго шелкомъ, золотомъ и серебромъ, подъ страхомъ конфискаціи таковыхъ, а за употребленіе таковыхъ каждый разъ штрафу 10 шиллинговъ».

Маскарады и переодѣванія.

Король и его дворъ подавали примѣръ всяческимъ излишествамъ въ переодѣваньяхъ и маскарадахъ. Повидимому, между этими двумя развлеченіями не было особенной разницы, но все же какая нибудь да была же. Голиншедъ разсказываетъ о королевскомъ переодѣваньи въ концѣ 1509 года: «Въ это время король съ пятнадцатью другими, одѣтыми въ обыкновенные жакеты изъ малиноваго и пурпурнаго сатина, съ длинными квадратными рукавами и въ штанахъ изъ той же матеріи, въ шапкахъ изъ бѣлаго бархата, обдѣланныхъ золотой парчей, съ забралами и бѣлыми перьями, прибылъ въ маскарадъ и послѣ нѣкотораго времени поигравъ съ королевой и чужестранцами [1]), они уѣхали. А потомъ внезапно вошли шесть министрелей, богато одѣтыхъ, играя на своихъ инструментахъ и за ними слѣдовали четырнадцать особъ, джентльменовъ, всѣ одѣтые въ желтый сатинъ съ факелами. За ними шли шестеро переодѣтыхъ въ бѣлый и зеленый сатинъ, вышитый, съ буквами и бантиками изъ золота; платье было чужестранной моды съ странными швами и разрѣзами, каждый шовъ съ золотыми кружевами; штаны такъ же вышитые и съ перевязями, шапки изъ серебряной парчи съ золотомъ. Первый изъ этихъ шести былъ король, а другіе графъ Эссексъ, Карлъ Брандонъ, Эдуардъ Говардъ, Томасъ Неветъ и Генрихъ Гильфордъ.

Потомъ часть джентльменовъ съ факелами исчезла, но вскорѣ возвратилась и за ними вошли шесть лэди, одѣтыхъ въ платье изъ малиноваго сатина, вышитаго и отдѣланнаго золотой парчей, съ гранатами и подпоясанныя по испанской модѣ. И выше упомянутые шестеро танцовали съ шестью дамами и протанцовавъ немного, дамы сняли съ мужчинъ забрала и ихъ узнали, и королева и чужестранцы очень хвалили короля и празднество кончилось».

Это было «переодѣваніе»; тотъ же хроникеръ разсказываетъ и о маскарадѣ: «Вечеромъ въ день Богоявленія (1512) король съ одиннадцатью другими переодѣвались по итальянской модѣ, называемой «маскарадомъ», чего раньше не знали въ Англіи; они одѣлись въ длинныя и широкія одежды, вышитыя золотомъ, съ масками и золотыми шапками. Послѣ банкета вошли эти маскированные съ шестью джентельменами, одѣтыми въ шелкъ съ факелами и пригласили дамъ танцовать; нѣкоторыя изъ дамъ согласились, другія отказались. И послѣ

[1]) Гости изъ двора императора Максимиліана и испанскіе посланники.

танцевъ и разговоровъ, по обычаямъ маскарада, они простились и ушли, а также и королева и всѣ лэди».

Pageants.

Если король и дворъ забавлялись маскарадами и переодѣваньями, то и у народа существовали подобныя же увеселенія при извѣстныхъ случаяхъ (а такихъ случаевъ было не мало), въ формѣ pageants, ведущихъ свое происхожденіе отъ 1432 года. Фабіанъ разсказываетъ объ увеселеніи этаго рода, данномъ въ этомъ году Генриху VI лондонскимъ Сити. Въ царствованіе Генриха VIII ихъ было такъ много, что невозможно говорить о всѣхъ нихъ. Мы можемъ привести только одинъ типичный примѣръ изъ отчета о турнирѣ въ Вестминстерѣ 13 февраля 1510 года:

Послѣ того, какъ королева съ ея дамами заняли мѣста, во дворецъ внесли большой помостъ, pageant, сдѣланный подобно лѣсу со скалами, холмами и долинами, съ различными деревьями, цвѣтами, папортниками и травой, съ шестью лѣсниками въ этомъ лѣсу въ сюртукахъ и шапкахъ изъ зеленаго бархата; рядомъ съ ними лежала куча копій; всѣ деревья, трава и цвѣты этого лѣса были сдѣланы изъ зеленаго бархата и шелка разныхъ цвѣтовъ, какъ то изъ сатина и сарсенета. Въ срединѣ лѣса стоялъ замокъ, сдѣланный изъ золота и предъ нимъ сидѣлъ разодѣтый джентльменъ, дѣлая вѣнокъ изъ розъ. Этотъ помостъ везли два большіе звѣря, левъ и антилопа: левъ весь блестѣлъ золотой парчей, а антилопа была покрыта серебряной парчей, съ рогами и клыками изъ золота. Этихъ звѣрей вели люди, одѣтые какъ дикари; ихъ тѣло, головы, лица руки и ноги были покрыты зеленымъ шелкомъ и на антилопѣ и на львѣ сидѣли богато одѣтые дамы; звѣри были привязаны къ помосту большими золотыми цѣпями, какъ лошади къ повозкѣ. Когда помостъ остановился предъ королевой, лѣсники затрубили въ рога; тогда помостъ или «девизъ» открылся и изъ него вышли четыре вооруженные рыцаря».

Въ подобныхъ представленіяхъ были уже элементы драмы и они служили для приготовленія народа къ воспріятію драматическихъ представленій. Министрели несомнѣнно были первыми драматическими артистами; въ Англіи навряд ли настоящіе актеры существовали до временъ Генриха VII, у котораго въ 1494 году было четверо Lusores Regis (увеселители короля), alias in lingua Anglicana les pleyars of the kynge's enterlnds, по имени Джонъ Энглишъ, Эдуардъ Май, Ричардъ Гибсонъ и Джонъ Гаммондъ, каждый получалъ по пяти марокъ или 3 ф. 6 ш. 8 д. въ годъ. Джонъ Энглишъ сопровождалъ въ Шотландію принцесу Маргариту, когда она уѣзжала туда, какъ невѣста Іакова IV, въ числѣ другихъ актеровъ. Вскорѣ послѣ рожденія принца Артура въ 1486 году упоминается о другой группѣ актеровъ, называемыхъ «актерами принца». Изъ хозяйственныхъ книгъ Генриха VII отъ 1492 до 1509 года видно, что было нѣсколько трупиъ въ

Лондонѣ, Миль-Эидѣ, Эссексѣ, Кингстонѣ, Вайкомбѣ, Ковентри и Вимборнъ Минстерѣ.

Интерлюдіи. Воцареніе Генриха VIII, при его любви къ увеселеніямъ, дало толчекъ развитію всякихъ зрѣлищъ, въ томъ числѣ и «интерлюдій». Въ документѣ, найденномъ въ спискѣ увеселеній въ пятый годъ царствованія Генриха и вѣроятно составленномъ самимъ Корнишемъ, мы находимъ отчетъ о двухъ интерлюдіяхъ, игранныхъ въ одинъ вечеръ двумя труппами актеровъ.

«Интерлюдія называлась «торжество Любви и Красоты» и была написана и представлена мастеромъ Корнишемъ и другими изъ капеллы нашего государя короля и дѣтьми этой капеллы. Въ этой интерлюдіи Венера и Красота торжествуютъ надъ всѣми ихъ врагами и приручаютъ лѣсного человѣка и льва, что было сыграно очень натурально и хорошо, такъ что королю очень понравилось и онъ собственноручно далъ мастеру Корнишу награду, чтобы онъ раздѣлилъ ее съ товарищами. Венера и Красота пѣли пѣсню, каждая строфа которой оканчивалась куплетомъ:

Преклонитесь и почитайте
Венеру и богиню Красоту;
Мы торжествуемъ здѣсь надъ всѣми
И короли слушаются, когда мы призываемъ ихъ.

Инглишъ и другіе королевскіе актеры послѣ играли интерлюдію, написанную мастеромъ Мидвеллемъ; но она была длинна и не понравилась; она изображала поиски Истины, похищенной Невѣжествомъ и Лицемѣріемъ. Лучшая роль была роль шута, но король до окончанія удалился въ свои покои».

Въ 1514 году у Генриха VIII была другая труппа актеровъ, такъ что были «актеры короля» и «старые актеры короля». Драматическія представленія не долго были достояніемъ одного короля и его двора, они естественно популяризировались. Галль разсказываетъ, что въ восемнадцатомъ году царствованія Генриха

«На Рождествѣ играли прекрасную пьесу въ Грей-Иннъ, составленную мастеромъ Игономъ Ро, сержантомъ закона, задолго до того, какъ кардиналъ получилъ власть; содержаніе пьесы было то, что государство управляется распущенно и небрежно и въ силу дурного управленія и безпорядка дама Публика устранена отъ управленія. что породило Rumor Populi (народный ропотъ), Внутренній Раздоръ и Презрѣніе къ своевольному управленію; они появились съ большой толпой, прогнали Небрежность и Распущенность и возстановили Публику въ ея владѣніяхъ. Эта пьеса была представлена съ богатыми и дорогими костюмами, съ странными масками и «маврами», такъ что ее хвалили всѣ, кромѣ кардинала, который подумалъ, что пьеса написана объ немъ и въ большой ярости послалъ за сказаннымъ

мастеромъ Ро и отобралъ отъ него его шапочку (доктора правъ) и отправилъ его въ Флитъ. Потомъ онъ послалъ за молодыми джентльменами, игравшими въ пьесѣ, сильно бранилъ и угрожалъ имъ и одного изъ нихъ, Томаса Мойля изъ Кента, отправилъ въ Флитъ; но наконецъ по просьбѣ друзей и онъ и мастеръ были освобождены. Эта пьеса сильно непонравилась кардиналу и однако она не была направлена противъ него, потому многіе разумные люди ворчали на него, что онъ принялъ это такъ къ сердцу и даже самъ кардиналъ сказалъ, что она не понравилась королю, а о себѣ ничего не говорилъ».

Музыка. Музыка сильно процвѣтала тогда и Эразмъ въ своей Moriae Encomium (Похвала Мору) говоритъ: Britanni, praeter alia, formam, musicam et lautas mensas proprie sibi vindicent, т. е. англичане могутъ считаться самымъ красивымъ, самымъ музыкальнымъ и имѣющимъ лучшій столъ народомъ.

Генрихъ VIII, предназначавшійся для церкви, былъ прекраснымъ музыкантомъ и не плохимъ композиторомъ. Нѣкоторыя изъ его композицій сохранились, одна принадлежавшая ему книга хранится въ Британскомъ музеѣ. Это коллекція пѣсенъ, балладъ и музыкальныхъ пьесъ, восемнадцать изъ пѣсенъ и балладъ и пятнадцать пьесъ принадлежатъ ему, да и изъ другихъ, вѣроятно, нѣкоторыя—его. Послѣ его смерти осталась большая коллекція музыкальныхъ инструментовъ; существуетъ каталогъ «музыкальныхъ инструментовъ въ Вестминстерѣ, порученныхъ надзору Филиппа ванъ Вильдера (Hnr. MSS. 1419). Ихъ очень много: пять паръ двойныхъ регалій (regals—небольшіе органы съ двумя трубами) восемь одиночныхъ (т. е. съ одной трубой), тринадцать virginals, двѣ пары клавикордъ, девятнадцать большихъ скрипокъ, пять циттероновъ или испанскихъ скрипокъ, два циттерона съ трубами слоновой кости, позолоченными съ серебромъ, называемыми «корнетами», восемь деревянныхъ корнетовъ; двадцать три лютни, нѣсколько флейтъ, изъ нихъ девять изъ слоновой кости, обложенныхъ золотомъ и шесть изъ стекла, семь тромбоновъ, большое количество флейтъ и гобоевъ, труба для тамбурина и двѣ волынки, одна изъ нихъ волынка съ трубами изъ слоновой кости, а мѣхъ покрытъ пурпурнымъ бархатомъ; кромѣ другихъ инструментовъ въ каталогѣ упоминается о разныхъ книгахъ и свиткахъ пѣсенъ и балладъ. Генрихъ не только составлялъ glees или three man's songs (трio), но, по утвержденію лорда Герберта Шербюри, составилъ двѣ полныя церковныя службы, которыя часто пѣлись въ Виндзорской капеллѣ.

Игры въ карты. Игорныя карты были въ общемъ употребленіи у всѣхъ классовъ общества. Онѣ были извѣстны въ 1463 году, ибо по парламентскому акту (3 Эдуарда IV) ввозъ игорныхъ картъ былъ воспрещенъ, изъ чего можно заключить, что онѣ приготовлялись въ Англіи. Онѣ были

распространены во всѣхъ классахъ общества. Іаковъ IV шотландскій засталъ свою будущую супругу Маргариту, сестру Генриха VIII, при первомъ визитѣ къ ней играющей въ карты.

«Король инкогнито пріѣхалъ въ этотъ замокъ (Ньюбатль) и съ небольшой свитой вошелъ въ комнату, гдѣ и засталъ королеву играющей въ карты».

Въ частныхъ расходахъ принцессы (впослѣдствіи королевы) Маріи мы встрѣчаемъ частыя записи денегъ, данныхъ ей для игры въ карты; о томъ, что картежная игра была распространена и въ низшихъ общественныхъ слояхъ, можно судить по слѣдующему извлеченію изъ акта (33 Генриха VIII): «вышеупомянутая власть повелѣваетъ, чтобы всѣ мастеровые и ремесленники всякаго рода, хозяева, ученики, рабочіе, домашніе слуги, поденщики или слуги мастеровыхъ, моряки, лодочники и всякіе служащіе не смѣли отъ праздника Рождества св. Іоанна Крестителя играть въ триктракъ, теннисъ, кости, въ карты, въ шары, мячь, въ дискъ, въ кегли и иныя незаконныя игры кромѣ Рождества, подъ страхомъ штрафа въ 20 ш. каждый разъ».

Это положеніе было нѣсколько видоизмѣнено раздѣломъ XXII этого акта, въ которомъ опредѣлялось «въ какихъ случаяхъ слуги могутъ играть въ кости, карты, триктракъ, шары или въ теннисъ».

Это было не первое вмѣшательство въ народныя увеселенія въ это царствованіе. Голиншедъ разсказываетъ: «въ маѣ была издана прокламація противъ всяческихъ незаконныхъ игръ, согласно статуту и для исполненія статута были даны порученія во всѣхъ графствахъ, такъ что повсемѣстно забирали и жгли кости, карты и шары. И народъ ропталъ противъ кардинала, говоря, что онъ воспрещаетъ удовольствія всѣмъ, кромѣ себя самого. Но эта прокламація соблюдалась недолго. Ибо когда молодежи воспретили игру въ шары и разныя другія игры, то многіе начали пьянствовать, другіе воровали дичь въ паркахъ и дѣлали разныя иныя безчинства».

Въ «Интерлюдіи Юности» мы находимъ какія карточныя игры были въ употребленіи. Кутежъ и Гордость учатъ молодого человѣка всякаго рода порокамъ, въ особенности игрѣ. Кутежъ говоритъ:

„Я могу выучить васъ играть въ кости,
въ игру королевы и въ исландскую,
въ три листика и въ азартъ—
и въ разныя другія игры.
Могу выучить васъ играть и въ карты:
въ тріумфъ и въ тридцать одну,
въ почту и въ pinion, а также въ aumsace
и въ другую, которую называютъ dewsace;
Могу вамъ разсказать многое и вы будете благодарить меня,
Могу выучить васъ многимъ другимъ забавамъ.

Разныя разности.

Можно упомянуть объ учрежденіи въ октябрѣ 1518 года коллегіи медиковъ и объ открытіи ея въ 1523 году. Въ 1522 году Линакръ, медикъ короля, ввелъ въ Англіи алую розу, въ 1525 году въ страну были ввезены ранеты и по одному свидѣтельству сначала разведены въ Линкольширѣ; относительно этого года имѣется старая пѣсня, въ которой говорится, что

„индюки, хмѣль, реформація и пиво
появились въ Англіи въ одномъ году".

Въ 1530 году были сдѣланы первые карманные часы, въ 1533 красная смородина была ввезена изъ острова Занте и посажена въ Англіи; мускусная роза и разные сорта сливы изъ Италіи были введены Кромвелемъ. Въ 1540 году въ Кентѣ были посажены вишни, гдѣ садъ въ тридцать два акра давалъ тысячу фунтовъ. Абрикосы были введены садовникомъ Генриха. Въ сентябрѣ 1538 года было приказано, чтобы въ каждой приходской церкви завели регистры, въ которыхъ записывались бы браки, крещенья и похороны въ приходѣ.

ИСТОЧНИКИ 1509—1547.

Общая исторія.

Современные хроникеры эпохи Тюдоровъ Галль и Голиншедъ, дополняются современными біографіями Кавендиша: Wolsey и Ропера - Life of Thomas More, дневниками Эдуарда VI и Макина, Chronicle-Wriothesley, Sermons — Латимера и History of Henry VIII — лорда Герберта Шербюри. Много важныхъ документовъ въ коллекціи Страйпа, въ Acts and Monuments—Фокса, въ History of the Reformation—Бёрнета, въ нѣкоторыхъ изъ томовъ Камденскаго общества и общества Паркера и въ Original Letters — Эллиса. Въ особенности же общую исторію слѣдуетъ изучать въ подробныхъ и безцѣнныхъ календаряхъ государственныхъ документовъ, къ коимъ слѣдуетъ присоединить парламентскіе отчеты (включая и отчеты частнаго совѣта и журналы засѣданій палатъ) и статуты королевства. Изъ новыхъ сочиненій, кромѣ общихъ исторій, въ родѣ Брайта, Грина, Лингарда, Галлама, Ранке и пр., спеціальныя монографіи: Henry VIII—Бревера; History of England 1529—1588—Фроуда, Anne Boleyn—Фридмана и исторіи англійской реформаціи Блёнта, Диксона и Бирда. См. также Lectures on Medieval and Modern History—Стёббса.

Отдѣльные предметы.

Религія. Современные источники см. выше. Къ упомянутымъ исторіямъ реформаціи можно прибавить исторію Обрея Мура и History of Church of England, т. II — Перри. Лучшая работа объ уничтоженіи монастырей Henry VIII and English Monasteries—Гаскета. Оригинальные источники, на

основаніи коихъ она составлена, отчеты Augmentation Office, Chapter House Books, Treasurer's Rolls, Ministers Accounts и Suppression Papers. Нѣкоторые изъ документовъ по этому предмету напечатаны въ Letters Relating to the Suppression of Monasteries. Нѣкоторые документы въ разныхъ томахъ Calendar of State Papers of Henry VIII—Гэрднера; Абботсфордскій клубъ напечаталъ томъ объ ограбленіи монастырей. См. также Church and State under Tudors — Жильберта Чайльда и Dictionary of Church of England—Куттса.

Военное дѣло. Спеціальной книги объ англійскихъ военныхъ дѣлахъ этого времени не имѣется, но можно найти интересныя замѣчанія въ Military Antiquities (1801)—Гроса и въ Arms and Armour — Гевита. Въ отчетѣ о Флодденѣ интересная монографія Батса изъ Ланглей Кастль.

Флотъ 1509—1603. Naval History—Бёркета, Naval Tracts—Монсона, письма и депеши лорда Говарда Эффингама; манускрипты Pepysian Collection; Memoirs of Royal Novy — Деррика, Marine Architecture — Чарнока; Elements de l'Architecture Navale—Дюгамель де-Монсо; Miscellanies—Пеписа; разныя статьи въ Archaeologie, въ Naval Chronicle—Гольда 1799 — 1818; Marine Dictionary — Фальконера, сочиненія Джона Дэвиса и другихъ мореплавателей царствованія Елисаветы; De Bello Belgico — Страды; Naval History — Леліарда, Columna Rostrata—Коллибера.

Открытія и изслѣдованія. Collection of Voyages — Гаклита, Discovery of America—Гарриса; English Seamen under Tudors—Фокса Боурна. См. также Pilgrims—Пёркаса и нѣкоторыя изданія Гаклитовскаго общества, № 7, работу самого Гаклита. Divers voyages и пр.

Образованіе. Scholemaster—Ашама; Concise Description of Grammar Shools, 2 т., 1818—Карлиля, History of Pedagogy—Компайре; Book named the Governour—сэра Элліота; History of University of Cambridge—Муллингера.

Литература. Самое полное изложеніе у Морлея, English Writers, томы VII и VIII. Большинство обзоровъ имѣются въ новыхъ изданіяхъ, хуже всѣхъ изданія Hawes.

Шотландская литература. Тенъ-Бринкъ—Gesch. d. Engl. Litt. т. II, Алоизъ Брандль—Mittelenglish Litt. въ Grundriss—Пауля (часть II—1892); Морлея—English Writers VI и VII, Мюррей—Dialect of Southern Counties of Scotland—Phil. Soc. Transactions 1870—1872; Шиппера—Englische Metrik.; Diction. of Nat. Biog. Статьи Бэйна о Дугласѣ и Макая о Линдсеѣ: Говенъ Дугласа—Poet. Works; Давидъ Линдсей—Works; Линдсей—Poetical Works.

Музыка. Общія исторіи Бёрнея (1776—1789), Джона Гавкинса (1776), Бусби (1819) и Рокстро (1886), Амброса—Gesch. des Musik; Кюссмакера—His. de l'Harmonie du Moyen Aya и статьи въ Dict. of Music—Грове и въ Encycl. Britan.

Земледѣліе. Ашлей — Economic History, т. I. Глава: „Аграрная революція"; статуты царствованія Генриха VIII и Эдуарда VI, Куннингама — Engl. Industry and Commera; Фроуда — His. of England, статья „Commission of 1517" въ Proccedings королевскаго историческаго общества 1892 г.

Торговля и промышленность. Статуты; календарь государственныхъ документовъ; Letters and Papers (изд. Brewer); Раймера—Foedera; Гаррисона Description of Britain; Мора—Utopia; Латимера—Sermons; England in time of Henry VIII; Brief Conceit of Engl. Policye—W. S.; Supplication of Poore Commons (1546); Фроуда—Hist. of England; Рожерса—His. of Agriculture and Prices; Куннингама — Eng. Industry and Commerce; Валкера—Money; Гумбольта — Essai Sur la Nouvelle Espagne (1811); Якобса — His. of Pricious Metals; Вилльямсона—Foreign Comm. of Engl. under Tudors.

Городская жизнь. Рожерсъ—Six. Centuries of Work and Wages; Ашлея—Econ. Hist. главы о шерстяной промышленности; Куннингамъ; Liber Albus;

Hist. Towns Series, особенно Боаса — Hist. of Oxford; Рюге — Zeitalter d Entdeck; Вальфордъ—Eng. Fair; жур. Antiquary; Гастеда—Kent; Мереветеръ и Стефенсъ — Hist. of the Borougs and Municipal Corporations of the United Kingdom (1875); Герднеръ—Paston Letters и выше упомянутыя сочиненія Гаскета, Герднера и Бревера.

Медицинская наука и общественное здравіе. Фрейндъ — Hist. of Physic from the time of Galen to sixtecuth Cent. (1726); Соута — Memor. of Craft of Surgery in Engl., изд. Поуера, введеніе Пажета; Крейтона—Hist. of Epidemies in Britain; Симона—Eng. Sanit. Inst.

Общественная жизнь. Cronicles — Фабіана, Галля, Голиншеда и Стоу; Леланда—Collectanea; Газлита—Handbook to popular Poet and Dram. Literature; Коллье — Illustrat. of Old Eng. Lit. и Hist. of Eng. Dram. Poetry to Time of Shakespeare.

ГЛАВА X.

Новыя общественныя силы. 1547—1558.

Царствованіе Эдуарда VI.

Смита.

Силы, поддержавшія общественный порядокъ.

Послѣднее царствованіе настолько потрясло конституцію, какъ политическую, такъ и церковную, подкопалось подъ столь многое, что невольно является вопросъ, какимъ образомъ былъ сохраненъ общественный порядокъ? Почему періодъ времени отъ смерти Генриха VIII до воцаренія Елисаветы не былъ временемъ простого разрушенія, временемъ рокового разрыва со всѣмъ прошлымъ? Насильственныя измѣненія въ одномъ направленіи вызывали насильственную реакцію въ другомъ. Но непрерывность политическихъ и до значительной степени религіозныхъ учрежденій не была окончательно уничтожена, англійская реформація не была насильственнымъ разрывомъ съ прошлымъ, какимъ была французская революція—и это обусловливалось причинами, и легко опредѣлимыми. Первой изъ такихъ причинъ было равновѣсіе партій, обдуманно установленное завѣщаніемъ Генриха VIII. Ріотслей и Гардиперъ, поддерживаемые старымъ дворянствомъ, являлись элементами, задерживающими фанатическое стремленіе къ новшествамъ Сеймуровъ, Дудлеевъ и Кранмера. Второй причиной, характерной для всѣхъ Тюдоровъ, было сохраненіе ими легальныхъ и политическихъ формъ, эта характерная черта особенно отличала дѣятельность Генриха VIII. Онъ въ сущности усилилъ, такъ сказать, внѣшнюю оболочку конституціи, хотя при этомъ глубоко извратилъ ея внутреннюю жизнь и дѣятельность. Но существенное значеніе имѣла третья причина: сила, пріобрѣтенная именно теперь старой конституціей, глубоко укоренившейся въ народномъ сознаніи и въ

различныхъ національныхъ институтахъ, и эту конституцію поддерживали и сильный консерватизмъ, свойственный англійскому народу и инстинктивное сознаніе имъ своего историческаго прошлаго.

Политика лорда протектора.

Первымъ дѣломъ главы новаго правительства, дяди молодого короля, было обезпечить себѣ титулъ герцога Сомерсета и лорда протектора. Слѣдующимъ дѣломъ была попытка посредствомъ нашествія въ Шотландію заставить шотландцевъ исполнить договоръ о бракѣ между Эдуардомъ и Маріей, королевой шотландской, тогда еще ребенкомъ, заключенный въ 1543 году. Онъ одержалъ побѣду при Пинки и непосредственнымъ результатомъ этой побѣды было усиленіе французскаго вліянія въ Шотландіи, уничтоженіе всѣхъ результатовъ твердой, но терпѣливой, многолѣтней политики Генриха, увозъ Маріи во Францію, бракъ ея съ дофиномъ и подготовленіе въ ея лицѣ соперницы для Елисаветы. Дальнѣйшія слѣдствія этой роковой побѣды были еще значительнѣе: возстаніе на сѣверѣ въ 1569 году, заговоры Ридольфи, Баббингтона и Трокмортона и Армада, далѣе расхожденіе по разнымъ путямъ шотландской и англійской реформацій, отказъ обѣихъ націй признать унію 1603 года и взаимная ненависть, проявленіемъ которой были Дёнбаръ и Ворчестеръ. Таковъ типичный примѣръ политики Сомерсета. Повидимому, самъ онъ считалъ такую политику продолженіемъ политики Генриха. Но при немъ мѣсто измѣненій строя и обряда заняли измѣненія догмы, мѣсто пониманія народнаго настроенія заняла погоня за популярностью; все шло, повидимому, къ перевороту. Настроеніе и условія эпохи были на сторонѣ реформы, отъ страны ожидали, что она въ теченіе трехъ лѣтъ между первымъ и вторымъ молитвенниками Эдуарда VI будетъ готова для религіознаго измѣненія, болѣе рѣшительнаго, чѣмъ то, которое было произведено въ теченіи двадцати лѣтъ со времени Вольсея. Сомерсетъ забылъ, какъ забывали это и Вольсей и Кромвелль, что онъ только министръ. Его, вѣроятно, искренній протестантизмъ, его несомнѣнная симпатія къ бѣднымъ заставляютъ новѣйшихъ писателей относиться къ его памяти довольно благосклонно. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ сурово заклеймить память той толпы грабителей, которые были его товарищами, которые закончили ограбленіе капеллъ и гильдій и еще болѣе ухудшили монету, которые подѣлили между собой добычу трехъ новыхъ епископствъ, которые интриговали, безумствовали и злоупотребляли всячески именемъ чистой религіи, протестомъ противъ заблужденій Рима. Трудно найти для нихъ болѣе суровое осужденіе, чѣмъ рѣчи лучшихъ людей ихъ же партіи: Латимера, Нокса, Левера. Нортумберландъ наслѣдникъ Сомерсета, не имѣлъ оправданія даже въ его искренности. Военная репутація, пріобрѣтенная имъ подавленіемъ мятежа Кетта въ Норфолькѣ, затемнѣна сдачей Булони французамъ. Его личный характеръ проявился въ нелѣпомъ преслѣдованіи принцессы Маріи, въ

мстительной торопливости, съ которой онъ поддерживалъ наиболѣе фанатическую и грабительскую партію протестантовъ и въ особенности въ безумной и честолюбивой попыткѣ посадить на престолъ несчастную лэди Дженъ Грей. Она была наслѣдницей рода Суффольковъ, но была положительно исключена завѣщаніемъ Генриха VIII, а Эдуардъ VI не имѣлъ права завѣщать престолъ. Ни на минуту не было шансовъ, чтобы нація отреклась и отъ Маріи и отъ Елисаветы и отказалась такимъ образомъ отъ обезпеченія противъ династическихъ раздоровъ. Только сумашедшая надежда добыть корону для жены его сына привела Нортумберланда къ такому самоубійственному акту; онъ подкупомъ и угрозами принудилъ Совѣтъ и лондонскихъ гражданъ къ молчаливому согласію, но его планъ былъ уничтоженъ въ теченіе одиннадцати дней и отреченіе Нортумберланда на эшафотѣ лишило его даже послѣдняго извиненія, извиненія религіознымъ фанатизмомъ.

Личность короля.

Среди этой толпы неспособныхъ, плутовъ, ханжей и лицемѣровъ стоитъ одинокая, молчаливая, безпомощная и патетическая фигура молодого короля. Трудно найти какія либо указанія относительно того, какимъ правителемъ онъ могъ бы быть впослѣдствіи. «Когда онъ достигнетъ совершеннолѣтія, онъ повѣситъ этихъ плутовъ»— сказалъ одинъ откровенный джентльменъ изъ Варвикшира, преданный суду Совѣта за эти слова. Въ его дневникѣ безъ всякихъ комментаріевъ стоятъ противъ именъ его главныхъ министровъ суммы денегъ, въ присвоеніи которыхъ ихъ обвиняли. Очевидно, что онъ склонялся къ дальнѣйшимъ религіознымъ реформамъ, очевидно также, что онъ интересовался новыми учрежденіями госпиталей и школъ. Но трудно сказать о немъ больше того, что это былъ прилежный, получившій хорошее образованіе мальчикъ, развитой не по возрасту, сдержанный, и что у него замѣчалось присутствіе наклонностей, свойственныхъ всѣмъ Тюдорамъ.

Царствованіе Маріи.

Обычное представленіе о непродолжительномъ царствованіи Маріи ошибочно въ двухъ отношеніяхъ. Преувеличиваютъ обыкновенно реакцію предыдущему царствованію и не понимаютъ сущности впечатлѣнія, производимаго преслѣдованіями «кровавой Маріи». Настроеніе въ 1553 году было въ пользу не реакціи въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а въ пользу возврата къ прежнему срединному, но твердому положенію. Королева въ ея прокламаціи неодобрительно отозвалась о всяческихъ религіозныхъ спорахъ. Въ первомъ же при-

казѣ она употребила титулъ «Глава церкви». Кранмера, Гоопера и Латимера не трогали сначала, до тѣхъ поръ, пока они почти сами не потребовали ареста. Правда, парламентъ уничтожилъ статуты послѣдняго царствованія, но это было потому, что они очевидно были проведены меньшинствомъ. Онъ уничтожилъ всѣ акты объ измѣнѣ со времени Эдуарда III и всѣ акты Praemunire съ 1529 года. Вообще хотѣли возвратиться къ положенію дѣлъ, каково оно было при Генрихѣ VIII, за исключеніемъ ненавистныхъ шести статей (1539). Нація отнюдь не стремилась къ католической реакціи; это видно изъ любопытнаго колебанія католическаго парламента, когда надо было возстановить права двухъ борцовъ католицизма, герцога Норфолька и епископа Тунсталя. Дѣло въ томъ, что для англичанъ главнымъ вопросомъ былъ не вопросъ объ обѣднѣ и не вопросъ о власти римскаго епископа, а вопросъ о монастырскихъ земляхъ—такъ духовенство говорило Полю и такъ Поль писалъ папѣ.

Возстаніе Уайтта было дурнымъ признакомъ для новаго правительства, потому что Кентъ былъ всегда въ авангардѣ недовольныхъ и еслибы не торопливость Кента, то къ возстанію пристали бы среднія графства, юго-западъ и Валлисъ. Это заставило Марію вступить на путь болѣе открытой реакціи и рѣшило судьбу Греевъ и Дудлеевъ, судьбу, которую раздѣлила бы съ ними и Елисавета, еслибъ ее не спасли политическія опасенія Филиппа. Существовало сильное народное раздраженіе противъ испанскаго брака, несмотря на то, что будущему ребенку отъ этого брака были обѣщаны Нидерланды. Еще распространеннѣе было въ Европѣ раздраженіе противъ женскаго управленія и «Трубный звукъ противъ чудовищнаго управленія женщинъ» Нокса былъ не единственной книгой по этому предмету. Внутри замѣчался подъемъ духа протестантизма, однимъ изъ признаковъ чего было признаніе отдѣльныхъ привиллегій, а другимъ отверженіе лордами билля объ ереси. Такъ что когда англійскому народу было дано торжественное отпущеніе и онъ былъ снова принятъ въ лоно католической церкви, Поль избѣгалъ всячески поднятія вопроса о конфискованныхъ церковныхъ земляхъ или вопроса объ отнятіи старой власти короны надъ церковью. Споръ объ «аннатахъ» ясно указалъ, что парламентъ отнюдь не намѣренъ отдать ихъ снова папѣ и также мало желаетъ передать ихъ коронѣ. Когда низшее духовенство подавало петиціи противъ законовъ о «мертвой рукѣ», то оказалось, что только оно одно не понимаетъ настроенія націи.

Затрудненія правительства.

Преслѣдованія начались съ 1555 года съ Гоопера, который былъ непопуляренъ за его отношеніе къ вопросу объ инвеститурѣ и за то, что онъ былъ посредникомъ чужестранныхъ реформистовъ. Колебанія въ дѣлѣ Кранмера (до марта 1556 года) вѣроятно объясняются тѣмъ, что ему покровительствовалъ Гардинеръ. Во всякомъ

Преслѣдованія.

случаѣ не Гардинеръ виновенъ въ 277 казняхъ, а главнымъ образомъ и прежде всѣхъ сама Марія, послѣ нея Поль, и потомъ, можетъ быть, и Филиппъ. Эти преслѣдованія отличались отъ прежнихъ преслѣдованій лоллардовъ не только по размѣрамъ и по количеству, но и тѣмъ, что процессы велись по королевскимъ порученіямъ, а не общими судами и не судами епископскими. Они отличались отъ позднѣйшихъ преслѣдованій католиковъ Елисаветой тѣмъ, что Елисавета была вызвана, почти вынуждена къ этимъ преслѣдованіямъ и всячески хотѣла избѣжать вторженія въ вопросы совѣсти и ограничиться внѣшнимъ согласіемъ на единовѣріе. Натура Маріи была болѣе глубокой и болѣе религіозной; по ея мнѣнію она должна была искать еретиковъ и искоренять ихъ; «ревность къ дому Твоему снѣдаетъ меня» —говорила она. Впечатлѣніе, производимое преслѣдованіями на націю, не было впечатлѣніемъ отвращенія къ жестокимъ зрѣлищамъ; въ этомъ отношеніи между Англіей Тюдоровъ и Англіей девятнадцатаго вѣка цѣлая пропасть. Но люди, для которыхъ до тѣхъ поръ протестантизмъ былъ равнозначителенъ разрушенію, грабежу и даже мошенничеству, люди, которые твердо вѣрили, что только одна истина можетъ выдержать испытаніе огнемъ, люди, которые не любили ни папы, ни Испаніи, были глубоко тронуты и взволнованы твердостью мучениковъ, свидѣтельствовавшихъ о новой вѣрѣ своей кровью. Затрудненія Маріи увеличивались въ силу ея добросовѣстныхъ, но дорого стоившихъ заботъ о возстановленіи старыхъ учрежденій, увеличивавшимся недостаткомъ въ духовныхъ лицахъ, и увеличеніемъ численности заграничныхъ протестантскихъ эммигрантовъ и ихъ усиленной дѣятельностью. Когда ихъ шайка подъ предводительствомъ Стафорда захватила замокъ Скарборо, Совѣтъ не смѣлъ больше противиться войнѣ съ Франціей, на которой настаивалъ чрезъ посредство Маріи Филиппъ. Это было послѣднимъ ударомъ; это вынудило Марію требовать большихъ субсидій и для того наполнять парламентъ ея приверженцами, что окончательно разсорило ее съ націей и повело къ утратѣ Кале. Она знала, что всѣ жаждутъ видѣть на тронѣ ея сестру. Обстоятельства времени требовали выжидательной и оппортюнистской политики Елисаветы, а не страстной и односторонней искренности Маріи. У ней была сила воли Тюдоровъ, но не было гибкости Тюдоровъ. Двадцать четыре года преслѣдованій ожесточили ее. Ея незаслуженныя страданія и даже самыя ея добродѣтели свели ее въ гробъ съ разбитымъ сердцемъ и сознаніемъ въ позорной неудачѣ. Такова иронія исторіи.

Религія.

Раймонда Бизли.

Въ царствованіе Эдуарда VI оффиціальная исторія церкви и государства гораздо болѣе, чѣмъ прежде, подчинена общественному революціонному движенію и сама по себѣ и мало интересна и не отличается постоянствомъ и непрерывностью. Исторія протестантскихъ злоупотребленій была прелюдіей къ реакціи при Маріи—это предѣльный пунктъ религіознаго возмущенія Англіи противъ средневѣковой системы, потому что побѣда пуританъ въ 17 вѣкѣ была по существу и главнымъ образомъ политической.

1. Церковь и государство.

Хроника актовъ и событій приводитъ насъ, подобно землетрясеніямъ на земной поверхности, къ дѣйствительному ядру явленія—къ народнымъ движеніямъ и къ новымъ вліяніямъ евангелистовъ на массы; злоупотребленія этимъ вліяніемъ придворными авантюристами были главнымъ факторомъ дискредитированія на нѣкоторое время дѣйствительныхъ стремленій народа. Сомерсетъ уравновѣшивалъ Гоопера.

Сначала послѣ смерти стараго короля и воцаренія девятилѣтняго ребенка, твердая власть короны надъ религіозной реформой замѣнилась свободой, а въ слѣдующіе два года очевиднымъ покровительствомъ иностраннымъ ученіямъ и учителямъ. Въ 1547 году были отмѣнены актъ о шести статьяхъ и акты противъ лоллардовъ (возстановленные въ 1534 году акты Ричарда II и Генриха V [1]), а также всѣ законы и каноническія постановленія противъ браковъ духовенства. Новый статутъ уничтожалъ congé d'elire (разрѣшеніе избирать), какъ комедію и опредѣлялъ, что епископы назначаются на вакантныя кафедры посланіями короля къ капитуламъ, коими они и посвящаются. Далѣе, такъ какъ корона есть источникъ и духовной и свѣтской юрисдикціи, то большинство вызововъ въ церковныхъ дѣлахъ производится отъ имени короля. Подтверждено, что отрицаніе верховной власти государя надъ англійской церковью есть измѣна. Другіе акты были приняты относительно причащенія подъ обоими видами, относительно конфискаціи часовень, разрѣшенной въ 1545 году Генриху VIII—«послѣднее блюдо пиршества, потому что послѣ часовень уже нечего больше ждать, какъ послѣ сыру [2])».

---

[1]) Не былъ возстановленъ актъ Генриха IV: De Hereticis Comburendis, которымъ давались полномочія епископамъ. Эти два статута „стремились къ тому, чтобы признать ересь простымъ преступленіемъ противъ общаго права“.

[2]) Было конфисковано 2374 капеллы, и часовни (Гейлинъ); получено 180000 ф. (Страйпъ), на которыя основаны 18 грамматическихъ школъ.

Въ слѣдующемъ году былъ признанъ «Англійскій порядокъ причащенія»; а въ 1549 году первый молитвенникъ, въ которомъ была воплощена вся реформаторская дѣятельность Генриха и въ которомъ были введены кромѣ того нѣкоторыя новшества, признанъ закономъ, и за нимъ послѣдовалъ въ 1550 году требникъ (Ordinal). Служебникъ Эдуарда 1552 года былъ дѣломъ протектората Нортумберланда. Часто различаютъ эти два протектората, какъ два различные періода этого царствованія; но такъ какъ измѣненія догмы, конфискація церковной собственности и одинаковая политика въ церкви и государствѣ шли при Сеймурахъ также, какъ и при Дудлеяхъ, то мы можемъ трактовать религіозную исторію царствованія какъ единое цѣлое [1]).

Измѣнились только придворныя партіи. Въ самый годъ этого измѣненія новый регентъ на основаніи акта 1536 года и какъ прямое продолженіе политики Сомерсета назначилъ коммисію для пересмотра церковнаго законодательства; — въ 1553 году снова захватилъ церковныя чаши для употребленія короля, а уничтоженіе congé d'elire 1547 года было завершено патентами епископамъ на всю жизнь или пока они хорошо ведутъ себя. Они должны были совершать «все то, что Слово Божіе поручаетъ совершать епископамъ» отъ имени короля и его властью. Санкція сорока двухъ статей Кранмера была послѣдней религіозной мѣрой царствованія, потому что дѣло о протестантскомъ наслѣдіи было просто политическимъ планомъ, чтобы спасти головы и состоянія презираемыхъ придворныхъ, посадивъ на престолъ ихъ креатуру вмѣсто двухъ законныхъ дочерей стараго льва: Маріи и Елисаветы. Въ умахъ короля и «приверженцевъ Писанія» (scripturists) возраженіемъ противъ старшей изъ нихъ былъ ея «папизмъ» и этимъ ловко воспользовался Нортумберландъ, согласившійся на эшафотѣ исповѣдывать римскую вѣру и проклясть «фальшивыхъ проповѣдниковъ, введшихъ его въ заблужденія», лишь бы получить жизнь—«хотя бы и собачью жизнь».

Но если легальная и придворная исторія религіи въ эти шесть лѣтъ не заслуживаетъ особеннаго вниманія, то подробности о первой побѣдѣ протестантовъ въ средѣ англійскаго народа очень интересны.

2. Общественное движеніе и религія. Религіозная дезорганизація.

Прежде всего пораженіе консервативной партіи въ Совѣтѣ было въ сущности результатомъ распространенія въ народѣ ученій Лютера и Цвингли. Начиналось измѣненіе вѣрованій; при Генрихѣ VIII, собственно говоря, измѣненія были чисто практическими. Въ началѣ новаго царствованія на епископовъ и совѣтниковъ, принадлежащихъ къ «Верхней церкви», на Гардинера-Винчестерскаго, Боннера Лондонскаго, Тунсталя Ду гамскаго (въ 1547 г.), Гитса Ворчестер-

---

[1]) Свѣтское управленіе церковью было, конечно, основнымъ фактомъ, объединявшимъ всѣ управленія и періоды отъ 1529 года.

скаго и Дея Чичестерскаго (въ 1550 г.) начинаютъ нападать; ихъ сажаютъ въ тюрьму и лишаютъ должностей. Преслѣдованія Эдуарда также, какъ и преслѣдованія Маріи, избираютъ свои жертвы среди благородныхъ людей. Гардинеръ, послѣ исключенія его изъ Совѣта по завѣщанію Генриха, занялъ оппозиціонное положеніе какъ относительно шотландской войны [1]), такъ и относительно иконоборческой ревизіи 1547 года и «новыхъ требованій». Послѣ двукратнаго ареста въ Флитѣ, отъ него въ день св. Петра 1549 года потребовали проповѣди, онъ отказался, не обратилъ вниманія на настоянія Сомерсета «не касаться ученія о мессѣ» и утверждалъ, что власть короля надъ церковью вслѣдствіе его малолѣтства Ipso facto устраняется на время. Потому 30 іюня его отправили въ Тоуэръ, тамъ его уговаривали подчиниться сначала шести статьямъ, потомъ двадцати, и когда онъ не согласился, его въ февралѣ 1551 года лишили кафедры. До воцаренія Маріи старикъ сидѣлъ въ Тоуэрѣ въ теченіи двухъ лѣтъ, безъ книгъ, чернилъ и бумаги. Эдмундъ Боннеръ также, какъ и Гардинеръ, посаженный въ Флитъ за чисто условное обѣщаніе повиноваться «новымъ требованіямъ», былъ въ 1548 году подвергнутъ допросу предъ Кранмеромъ, Латимеромъ и Гоопером въ Ламбетской капеллѣ и тамъ вовлекъ примаса въ диспутъ о причащеніи [2]). Онъ возражалъ Гоопер у и Латимеру, какъ еретикамъ, теперь судившимъ его и проповѣдывавшимъ, подобно ихъ вождю, «своевольную» присягу (test sermon) и былъ послѣ этого отправленъ въ Маршальзи. Кутбертъ Тунсталь былъ посаженъ въ Тоуэръ около того времени, когда началась ревизія для уничтоженія изображеній святыхъ и для насильственнаго введенія «требованій», Гомилій и «Парафраза» Эразма. Такимъ образомъ въ теченіи первыхъ десяти мѣсяцевъ новаго царствованія изъ церковниковъ въ Совѣтѣ остался одинъ Кранмеръ. Гитсъ и Дей въ 1550 году присоединились къ вышеупомянутымъ ли-

---

[1]) „Пусть шотландцы будутъ шотландцами, пока король не придетъ въ возрастъ“.

[2]) „Если это и законъ—отвѣтилъ Кранмеръ на замѣчаніе Боннера, — то это не божественный законъ“ — „Это королевскій законъ для сего государства“ — сказалъ Боннеръ. „Лучше бы было, если-бы Вы менѣе исполняли его, а болѣе знали Божескіе законы, и ваши обязанности“. „Ну, если Ваша милость этого желаетъ отъ меня, то и я желаю много отъ Васъ“. „Вы обращаетесь съ нами—прервалъ его Томасъ Смитъ—какъ съ обыкновенными законниками“. „Правда, я зналъ законъ раньше, чѣмъ вы умѣли прочесть его“. Въ слѣдующемъ засѣданія Боннеръ для доказательства ереси Гоопера прочелъ его сочиненія. Латимеръ поднялъ руку какъ бы для умиротворенія толпы, которую хотѣлъ возмутить Боннеръ. Крики прервали чтеніе, за тѣмъ раздался хохотъ, когда „дюжій (burly) Эдмундъ“ обратился къ нимъ съ насмѣшливымъ вызовомъ: „ахъ, тетери, тетери“! Кранмеръ, разсерженный его ругательствомъ, такъ какъ, (жаловался онъ) онъ „назвалъ насъ дураками и галками“, отправилъ своего викарія въ Маршальзи.

цамъ въ тюрьмѣ, а въ сентябрѣ 1551 года были лишены кафедръ. Первый за отказъ отъ исправленнаго требника, а второй за неповиновеніе распоряженію Совѣта снять алтари и поставить столы [1]). Въ томъ же году Войсей Эксетерскій подвергся той же судьбѣ, какъ поощрявшій (fautor) девонширскихъ бунтовщиковъ 1549 года, требовавшихъ «устраненія новаго служенія, такъ какъ оно похоже на рождественскую игру и введенія снова старой службы съ процессіями и латинскимъ языкомъ».

Съ другой стороны партія Кранмера среди епископовъ и духовенства, хотя и соглашавшаяся, вся за исключеніемъ Гоопера, абсолютно подчиняться власти кого угодно — короля протектора или Совѣта—страдала не только отъ оппозиціи консерваторовъ, но и отъ придворныхъ грабителей и отъ иностранныхъ анабаптистовъ. Нѣкоторые напр., подъ руководствомъ Боннера, пытались приспособить средневѣковой ритуалъ къ англійскому молитвеннику; принцесса Марія не хотѣла отказаться отъ латинской мессы. Сомерсетъ срылъ церковь St. Mary—le Strand для своего городского дворца и захватилъ церковь св. Маргариты въ Вестминстерѣ; захватили даже помѣстья Кранмера; Жоанна Бокеръ отказалась «признать Христа Богомъ» и была сожжена въ маѣ 1549 года «за аріанство», также какъ въ апрѣлѣ 1551 года сожгли Георга ванъ Париса. Господствующая партія—если только ее можно назвать партіей — представляла единство въ разнообразіи. Гооперъ отказался быть епископомъ глочестерскимъ «въ одѣяніи антихриста», но послѣ шестимѣсячныхъ разговоровъ съ Ридлеемъ и Кранмеромъ и шестинедѣльныхъ размышленій въ тюрьмѣ Флита онъ послушался совѣтовъ своихъ швейцарскихъ учителей и былъ посвященъ. Безпорядки, бѣдность и недовольство народной массы и духовенства въ это время обращали на себя вниманіе всѣхъ серьезныхъ людей. Молодой король писалъ о «реформированіи многихъ злоупотребленій» и его прокламаціи воспрещали не только «споры и стрѣльбу въ храмахъ», но и «проведеніе чрезъ нихъ лошадей и муловъ, что превращаетъ домъ Божій въ конюшню или гостинницу». Чернь не должна избивать и освистывать священниковъ, церковныя сосуды и одежды, вопреки примѣру протектора Сомерсета, не должны расхищаться или по просту раскрадываться. Въ февралѣ 1548 года всѣмъ было строго воспрещено опускать, измѣнять или вводить какой нибудь распорядокъ, обрядъ или церемонію, обычно употребляемые церковью и не воспрещенные

---

[1]) Георгъ Дей „прямо отвѣтилъ, что онъ не можетъ сдѣлать этого ради своей совѣсти. Алтари казались ему изстари установленными по согласію св. Отецъ и древнимъ ученьемъ, по обычаю многихъ лѣтъ и, по его мнѣнію, согласно съ Писаніемъ. Онъ лучше потеряетъ все, чѣмъ погубить свою душу".

въ царствованіе нашего покойнаго государя. Но при этомъ было отдано распоряженіе объ удаленіи всѣхъ изображеній.

Слѣдуетъ отмѣтить три главныя измѣненія въ общественномъ строѣ: обѣдненіе духовенства, упадокъ образованія и нравственности и реформы въ общественномъ богослуженіи и образованіи.

1. Латимеръ, предпочитавшій проповѣдь предъ дворомъ возвращенію въ свою Ворчестерскую эпархію, послѣ освобожденія изъ Тоуэра нападалъ на «стремленіе заботиться о тѣлесныхъ домахъ, пренебрегая жилищемъ душевнымъ. Мы, духовные, имѣли слишкомъ много, а теперь имѣемъ слишкомъ мало. Школы не поддерживаются. учащіеся не имѣютъ пріюта и помощи, проповѣдничество въ упадкѣ. Дворянство захватило доходы церкви, оставивъ ей только названіе— бенефиціи отдаются въ аренду, даются слугамъ для содержанія собакъ, соколовъ и лошадей. Духовенство, получая жалкое жалованье, вынуждено идти въ дома дворянъ и служить буфетчиками, надзирателями или сборщиками».

Кранмеръ протестовалъ болѣе мягко; мятежъ лондонцевъ заставилъ, наконецъ. Сомерсета оставить въ покоѣ Вестминстеръ. Совѣту докладывали. что «частные дома увѣшиваются алтарными покровами. столы и постели частныхъ лицъ покрываются церковными ризами, нѣкоторые за обѣдомъ пьютъ изъ церковныхъ чашъ». Говорили, что жены новыхъ священниковъ иногда надѣвали перешитыя въ платья ризы.

2. Еще худшія вещи разсказывалъ предъ судомъ Бернардъ Жильпинъ, апостолъ сѣвера, тогда бывшій ректоромъ Гаутона (Houghton—le—Spring).

«Разрѣшенія на соединеніе приходовъ въ однихъ рукахъ и на оставленіе ихъ безъ пастыря (pluralities и non—residence) перешли къ намъ изъ Рима и вездѣ существуетъ отдача бенефицій въ аренду. Патроны видятъ, что никто не исполняетъ своихъ обязанностей и полагаютъ, что все равно, отдать ли приходъ ослу или человѣку. Никогда епископы съ такой щедростью не посвящали столькихъ необразованныхъ и необученныхъ священниковъ, а патроны столь же щедры на назначеніе необученныхъ викаріевъ. Крещеніемъ пренебрегаютъ и святое причащеніе ни во что не ставятъ. Образованіе и обученіе падаетъ, люди не хотятъ отправлять дѣтей въ школы. Поглядите на кладези сего королевства, на Оксфордъ и Кембриджъ — они изсякли. Священники не считаютъ себя обязанными исполнять обязанности пастырей въ теченіе перваго года ихъ посвященія, такъ какъ они не получаютъ платы; король забралъ у нихъ доходы перваго года (first—fruits)».

Еще болѣе энергично Беконъ нападаетъ на «грубыхъ евангелистовъ, которые очень громко квакаютъ объ отпущеніи грѣховъ, но сами надуты гордостью, лопаются отъ зависти, погрязли въ удоволь-

ствіяхъ; религія ихъ—споры, а христіанскихъ дѣлъ у нихъ ни на капельку».

Упадокъ нравовъ среди духовенства происходилъ отъ того, что, какъ говорилъ Сесилю лордъ Варвикъ, «священники такъ одурѣли отъ женъ и дѣтей, что забываютъ своихъ бѣдныхъ сосѣдей и все дѣло ихъ призванія».

3. Каково бы, однако, ни было положеніе дѣлъ, какъ бы справедливы ни были жалобы относительно общаго упадка образованія, нравственности и приличій, (что объяснялось главнымъ образомъ дурнымъ примѣромъ придворныхъ), имѣется все же и свѣтлая сторона въ общей картинѣ, заключающаяся въ честныхъ попыткахъ дѣйствительно реформировать общественное богослуженіе и первоначальное образованіе, а также поддержать англійскую торговлю и промышленность. Такъ какъ мы здѣсь говоримъ только о религіи, то будетъ достаточнымъ указать на первый и второй молитвенники, на сорокъ двѣ статьи, на катихизисъ Кранмера и на двадцать новыхъ грамматическихъ школъ, основанныхъ въ это царствованіе, какъ на доказательство, что въ обществѣ были не одни только стремленія къ ограбленію церкви и фанатизмъ, а и стремленія высшаго порядка.

Молитвенники. Кранмеръ защищалъ молитвенникъ 1549 года противъ жалобъ девонширцевъ указаніемъ, что онъ есть ничто иное, какъ старая служба, только на англійскомъ языкѣ, очищенная, сжатая и упрощенная [1]), и что это доказывается сохраненіемъ стараго священническаго облаченія, свѣчь и главнѣйшихъ обрядовъ, даже съ сохраненіемъ ихъ названія, мессы. Утреня и вечерня замѣняются часами, для исповѣди и отпущенія грѣховъ имѣется тоже замѣна въ обязанности посѣщенія больныхъ и умирающихъ. Въ Требникѣ (Ordinal) имѣется также и Traditio Instrumentorum или поднесеніе священныхъ сосудовъ. Только ученіе объ Евхаристіи можетъ считаться неяснымъ въ этомъ изложеніи реформаторскаго дѣла Генриха. Англійскій молитвенникъ по его система-

---

[1]) Относительно измѣненія въ обрядахъ до 1547 г. см. дневникъ епископа Бландфорда, относящійся къ Ворчестеру:

Январь 1539 г. монахи сей церкви надѣли свѣтское платье.

1547, Стрѣтеніе Господне. Не освящаютъ и не зажигаютъ свѣчей. *Среди первой недѣли Великаго поста:* не посыпаютъ пепломъ (no ashes).

1548, 25 марта. Лазорево Воскресеніе. Не носятъ процессіей ни креста, ни вербы. Канунъ Пасхи: нѣтъ огней, только пасхальная свѣча. Пасха: При поднятіи плащаницы поютъ: „Христосъ воскресе" безъ процессіи. Великая пятница: Нѣтъ поклоненія Кресту. 20 октября: Чаша съ тѣломъ Христовымъ убрана съ алтаря.

1549. Страстная пятница: нѣтъ Плащаницы и Службы при Плащаницѣ. Канунъ Пасхи: нѣтъ пасхальныхъ свѣчей, огней, фиміама. 23 апрѣля: месса, утреня, вечерня и всѣ другія службы на англійскомъ языкѣ.

Всѣ книги мессъ, служебники, требники, молитвенники и житія потребованы къ епископу и сожжены.

тическимъ урокамъ Ветхаго и Новаго Завѣта, по компактности и популярности, несомнѣнно представлялъ наилучшую литургію Но во второмъ молитвенникѣ (1552 года) стремленія очистить и раціонализировать католическую службу и объяснить все ссылкой на св. Писаніе перевѣшивали всѣ другія соображенія. Запрещалось даже преклоненіе колѣнъ при причащеніи, такъ какъ это является «обожаніемъ реальнаго присутствія естественныхъ Тѣла и Крови Христовыхъ». Названіе, одежды и символическіе обряды мессы исчезли, актъ освященія тоже, священникъ долженъ былъ стоять не «предъ срединой алтаря», какъ прежде, а на сѣверной сторонѣ «Стола»; введены были длинныя увѣщанія въ стилѣ иностранныхъ реформаторовъ; но переворотъ касался больше рубрикъ, чѣмъ текста и неясное въ молитвенникѣ протестантское направленіе только частію уяснялось въ новомъ изложеніи сорока двухъ статей религіи—Кранмера.

Въ послѣдніе три года (1549 — 1552) примасъ отъ лютеранства перешелъ къ своей окончательной фазѣ религіозныхъ вѣрованій, къ кальвинизму. Онъ отличался отъ крайнихъ «сакраментаріевъ» Швейцаріи своимъ ученіемъ объ особомъ, хотя и вполнѣ спиритуальномъ, присутствіи въ Евхаристіи, но подъ вліяніемъ Бусера, Ридлея и Джона-а-Ласко онъ въ 1550 году совершенно оставилъ лютеранскую точку зрѣнія своего катехизиса, переведеннаго въ 1548 году изъ Юстуса Іонаса. Иностранные эммигранты, принятые въ Англіи съ распростертыми объятіями, получившіе кафедры богословія въ обоихъ университетахъ и разрѣшеніе составлять конгрегаціи въ Лондонѣ и въ юго-западныхъ графствахъ, вмѣстѣ съ вліяніемъ Ридлея, окончательно сформировали символъ вѣры архіепископа и это его исповѣданіе было принято постепенно въ качествѣ представителя англійской ортодоксіи. «Защита истинной и католической доктрины о причащеніи» основано на ученіи Ратрамма девятаго вѣка, и излагаетъ взгляды, выраженные опредѣленно во второмъ молитвенникѣ (1552) и господствовавшіе среди англиканскихъ богослововъ шестнадцатаго вѣка.

Дѣйствительно ли Бертрамъ, священникъ Корбе въ 880 году, и Джонъ Скотъ Еригена одно и тоже лицо—неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ поговорка, употреблявшаяся во времена Эдуарда: «Латимеръ ссылается на Кранмера, Кранмеръ на Ридлея, а Ридлей ссылается на свои собственныя выдумки», нуждается въ добавленіи, что эта «выдумка» опиралась на первые споры о причащеніи въ латинскомъ христіанствѣ. Шестнадцатый вѣкъ, по вопросу о Евхаристіи и о предопредѣленіи, заимствовалъ свой лозунгъ у девятаго вѣка.

Учрежденія Эдуарда VI.

Наконецъ, относительно вопроса объ образованіи молодой король, хотя его и окружали авантюристы, имѣлъ свои опредѣленные и великодушные взгляды. Онъ былъ ультрапротестантомъ, но добычей отъ разграбленія церкви, притекавшей въ казначейство, онъ хотѣлъ

воспользоваться для дѣлъ образованія и благотворительности. Изъ 180,000 фунтовъ, полученныхъ отъ распродажи капеллъ, часовенъ и ихъ поземельной собственности, онъ одарилъ двадцать грамматическихъ школъ; для трехъ разрядовъ бѣдняковъ онъ основалъ три спеціальныя заведенія. Для безсильныхъ (impotent) бѣдняковъ, или скорѣе для ихъ дѣтей, онъ началъ постройку Христова Госпиталя, для случайныхъ бѣдныхъ онъ отдалъ Савойскій дворецъ и далъ имѣнія госпиталямъ св. Фомы и св. Варфоломея; для расточительныхъ бѣдныхъ (extravagants) онъ намѣревался превратить королевскій дворецъ въ Бридвелѣ въ госпиталь «для бродягъ и неисправимыхъ нищихъ». Все это относится къ исторіи церкви не только потому, что церковныя имущества доставили средства для этихъ учрежденій и многія изъ новыхъ школъ были просто возобновлены на средства старыхъ учрежденій, но и потому, что эта дѣятельность Эдуарда была прямо вызвана проповѣдями и совѣтами епископа Ридлея.

Но вообще то относительно религіозной исторіи царствованія Эдуарда слѣдуетъ дать такой отзывъ, что тогда не было опредѣленнаго направленія и твердаго руководительства. «Спасайся кто можетъ»— этотъ лозунгъ повелъ къ тому, что претензіи духовенства въ 1547 году были представлены въ парламентъ, что продолжали пересматривать каноническое законодательство и молитвенники, что бѣднымъ приходскимъ священникамъ хотѣли дать обезпеченіе въ годъ первыхъ плодовъ (first-fruits, т. е. первый годъ ихъ назначенія)—единственнымъ результатомъ всего этого было Reformatio Legum Ecclesiasticarum 1551 года. Свѣтская супрематія Генриха замѣнилась свѣтской тираніей надъ церковью. Злоупотребленія исправили, но исправили на «чортовъ манеръ—разбивъ все въ дребезги». Истинные реформаторы были заслонены массой честолюбцевъ и противъ послѣднихъ возмущались всѣ честные люди. Ни одинъ человѣкъ не привѣтствовалъ Нортумберланда, когда онъ въ 1553 году ѣхалъ отъ двора чрезъ Лондонъ, чтобы захватить Марію и обезпечить престолъ за своимъ домомъ. «Проливая слезы», руководители протестантовъ провозгласили королевой католическую принцессу и этимъ провозгласили неудачность протестанскаго движенія въ Англіи.

Царствованіе Маріи.

Царствованіе Маріи, какъ время религіозной реакціи, естественно подраздѣляется на два періода: періодъ католической реставраціи и періодъ папской реставраціи. Испанскій бракъ (25 іюля 1554 года) былъ указаніемъ на переходъ отъ англійскаго и терпимаго вліянія Гардинера къ режиму преслѣдованія Филиппа и его супруги. Коро-

лева и ея супругъ поддерживали терроръ вопреки ростущей народной оппозиціи, вопреки осторожности Поля и утомленію Боннера.

Марія, какъ убѣжденная ультамонтанка, со дня воцаренія настаивала на формальномъ возсоединеніи съ Римомъ, но это возсоединеніе совершилось только тогда, когда Поль, въ качествѣ папскаго легата, 30 ноября 1554 года принялъ колѣнопреклоненный парламентъ, представителя всей націи, «въ лоно святой церкви».

Въ частной капеллѣ королевы и при короноваціи (1-го октября 1553 года) сразу была возстановлена латинская месса; въ прокламаціи 18 августа были воспрещены «дьявольскія названія: папистъ, еретикъ и тому подобныя», а также и «частное истолкованіе слова Божія по собственному разумѣнію», но оффиціально были возстановлены только религіозные статуты до послѣдняго года Генриха VIII (1546—47). Въ слѣдующемъ году, однако, Марія и Поль вернулись къ реформаціонному парламенту и объявили ортодоксальнымъ все, что существовало въ 1529 году. Эти двѣ даты являются лозунгами двойственнаго характера католической реакціи.

Во время перваго министерства «лукаваго» епископа Винчестерскаго титулъ верховнаго главы англійской церкви былъ еще удержанъ, организованнаго преслѣдованія еще не было, папу оффиціально игнорировали. Въ «королевскихъ требованіяхъ» въ мартѣ 1554 года королева удерживаетъ тѣ же притязанія на духовное главенство, какъ и ея отецъ, и вполнѣ слѣдуя его направленію подтверждаетъ духъ и букву шести статей 1539 года.

Такимъ образомъ римски-настроенная государыня, менѣе римски-настроенные министръ и парламентъ, неримски-настроеные аристократія и средніе классы—всѣ согласны относительно сохраненія титула королевы и «старой религіи», понимая этотъ послѣдній терминъ въ нѣсколько широкомъ и растяжимомъ смыслѣ [1]).

Естественно, что прежде всего приходилось обратить вниманіе на личное положеніе королевы; во второй сессіи перваго парламента Маріи приговоръ Кранмера противъ матери королевы былъ уничтоженъ, но безъ ссылки на рѣшеніе папы. Было возстановлено такимъ образомъ престолонаслѣдіе Тюдоровъ, безъ всякаго отношенія къ измѣненіямъ, бурямъ и отлученіямъ отъ наслѣдства капризнаго и самовольнаго царствованія Генриха. За этимъ вскорѣ послѣдовала отмѣна разныхъ религіозныхъ актовъ Эдуарда VI относительно пріобщенія подъ обоими видами, относительно уничтоженія Conge d'elire, устраненія изображеній святыхъ, уничтоженія нѣкоторыхъ праздни-

[1]) Въ концѣ царствованія конвокація пересматривала Institution of a Christian Man, приготовляла новый переводъ Новаго Завѣта, устраивала кафедральныя школы, подавала петиціи о введеніи англійскихъ гомилій, катехизиса и учебника (Январьская конвокація 1558 года подъ предсѣдательствомъ Поля).

ковъ, узаконенія браковъ духовенства, однообразія богослуженія и употребленія англійскаго требника. Тотъ же парламентъ провелъ два акта противъ «нарушителей порядка во время проповѣди» и противъ «незаконныхъ сборищъ» и наконецъ, обвинилъ въ измѣнѣ Кранмера, Дудлеевъ и пять другихъ лицъ, изъ которыхъ было казнено трое.

Такимъ образомъ, первый парламентъ Маріи легально возстановилъ учрежденіе (Settlement) Генриха; «требованія» королевы подтвердили это возстановленіе съ наложеніемъ наказаній и опредѣляли, что епископы могутъ «доставить недостающее до сихъ поръ» лицамъ, посвященнымъ по требнику Эдуарда 1550 года и допустить ихъ къ богослуженію [1]). Въ это время конвокація, очищенная изгнаніемъ женатыхъ и бѣгствомъ ультрапротестантовъ, сдѣлалась совершенно реакціонной. Генрихъ VIII террористически управлялъ парламентомъ духовенства; Эдуардъ, Марія и Елисавета добивались своего устраненіемъ противниковъ. Теперь конвокація предала анафемѣ катехизисъ Пойнета, который въ предыдущую сессію она же формально одобрила и снова признала догму о реальномъ присутствіи.

Когда 2 апрѣля 1554 года собрался второй парламентъ Маріи, въ тронной рѣчи было объявлено о будущемъ бракѣ съ Филиппомъ испанскимъ; отвѣтомъ на это былъ актъ объ «обезпеченіи королевской власти». Филиппъ долженъ былъ получить титулъ короля, но безъ участія въ управленіи и въ случаѣ смерти Маріи не могъ наслѣдовать престолъ. Но народъ не довольствовался этимъ ловкимъ шагомъ Гардинера; въ Кентѣ, среднихъ графствахъ и Девонширѣ вспыхнуло полунаціоналистическое, полупротестантское возстаніе подъ предводительствомъ сэра Томаса Уайтта, герцога Суффолька и сэра Петра Карью [2]). Снова реакція побѣдила и подобно «пиллигримству милости Божіей» національное движеніе не могло уничтожить болѣе глубокихъ стремленій націи къ порядку и желанія сильнаго правительства, которыя вопреки всему позволили Генриху быть и оставаться королемъ. Мятежъ имѣлъ результатомъ казнь лэди Дженъ Грей и ея супруга (12 февраля 1554 года), ея отца и Уайтта черезъ десять дней и начало религіозныхъ преслѣдованій.

Политическая и религіозная вражда Маріи усилилась вслѣдствіе трехъ событій, случившихся въ томъ же (1554) году; 25 іюля Марія въ Винчестерѣ была обвѣнчана съ Филиппомъ, сыномъ императора Карла, будущимъ вождемъ католическихъ государей; 24 ноября въ

---

[1]) Т. е. посвященные по старому обряду должны были снова посвятить посвященныхъ по обряду англиканскому.

[2]) Ср. у Фроуда, V, о преступленіи протестантовъ, совершенныхъ Гибсами, друзьями Карью. Крестъ и алтарный покровъ были украдены изъ церкви и крестъ поставленъ у воротъ или у изгороди, а изображеніе Христа „вымазано тѣстомъ и изображенія Богородицы и св. Іоанна привязаны къ концамъ креста веревками, точно воры“.

Лондонъ прибылъ Поль, въ качествѣ легата папы, и 30 ноября легатъ разрѣшилъ націю и принялъ ее въ лоно римской церкви.

Въ нѣсколько дней отъ 26 декабря до 4 января лорды и общины отмѣнили всѣ акты и опредѣленія противъ Апостолическаго престола, принятые съ двадцатаго года Генриха VIII, но къ этому они прибавили оговорку объ «установленіи всѣхъ церковныхъ имуществъ и наслѣдствъ, переданныхъ мірянамъ», что доказывало, что центральнымъ вопросомъ оставался вопросъ о власти и собственности. Папы не могли получить обратно церковные земли и доходы, и Поль, отъ котораго потребовали исполненія порученія, даннаго ему въ этомъ смыслѣ, и который не могъ ничего сдѣлать, былъ за нѣсколько дней до его смерти отставленъ и обвиненъ іезуитами, допустить которыхъ въ свою провинцію, въ Англію, онъ не хотѣлъ.

Религіозныя преслѣдованія.

Реакція продолжалась еще четыре года и въ это время она погубила и себя и дѣло католицизма сожженіями еретиковъ. Единственной въ англійской исторіи эпохой массового религіознаго преслѣдованія было время отъ испанскаго брака до смерти королевы—періодъ отъ прибытія Поля до послѣднихъ казней 10 ноября 1558 года былъ не англійскимъ періодомъ англійской исторіи. При «шестихвостной плети» Генриха пострадало только двадцать восемь человѣкъ, при управленіи Маріи и Поля по крайней мѣрѣ 277 [1]). Но виновниками судебныхъ убійствъ были не полуитальянецъ кардиналъ, не испанецъ мужъ, даже не капелланы и исповѣдники, пріѣхавшіе съ ними; сама королева была дѣятельной причиной всѣхъ ужасовъ. Она подписала смертные приговоры почти 300 мужчинъ и женщинъ за религіозныя заблужденія; ея стремленія были честны и отчаянно серьезны и тѣмъ не менѣе она, дѣйствительно, была «кровавой». Ея «бранчивыя письма» заставляли лѣнивыхъ прелатовъ дѣлать ихъ дѣло. «Въ общественномъ и открытомъ пространствѣ были посажены въ огонь для сожженія, ради великаго ужаса ихъ преступленія и для примѣра другимъ христіанамъ» пять епископовъ, двадцать одинъ священникъ, восемь дворянъ, восемьдесятъ четыре ремесленника, сто земледѣльцевъ и рабочихъ и пятьдесятъ пять женщинъ и четверо дѣтей.

Относительно этихъ преслѣдованій слѣдуетъ отмѣтить слѣдующее: во первыхъ, количество пострадавшихъ, какъ людей выдающихся, такъ и бѣдныхъ и невѣжественныхъ; во вторыхъ, иностранное или полуиностранное происхожденіе многихъ изъ пострадавшихъ и цвингліанство нѣкоторыхъ, какъ то Джоаны Бокеръ, Анны Аскью или раньше Георга Париса; въ третьихъ, мѣстное распредѣленіе сожженій—большинство которыхъ было въ восточныхъ и юго-восточныхъ графствахъ и въ четвертыхъ, сравнительное бездѣйствіе Гардинера

[1]) Бёрнетъ считаетъ 284, кромѣ 68, умершихъ въ тюрьмахъ.

Боннера и Поля и очевидную преобладающую роль государства—а не епископовъ и духовенства—какъ раньше въ раздорѣ съ Римомъ и въ опредѣленіи догмы, такъ и теперь въ смертныхъ казняхъ за разновѣріе.

Особеннаго вниманія, по скрытому своему значенію, имѣетъ третій изъ этихъ пунктовъ, находящійся, однако, въ непосредственной связи съ вторымъ. «Всѣ города, отличавшіеся преслѣдованіями, находятся на старой дорогѣ между Лондономъ и морскими портами, куда естественно притекали эммигранты изъ за границы. Старая идея объ особливой жестокости епископовъ въ столицѣ и близкихъ къ ней графствахъ» должна уступить мѣсто болѣе естественной и болѣе доказанной теоріи, утверждающей, что въ Лондонѣ, Кентѣ, Эссексѣ и восточной Англіи было больше крайнихъ сакраментаріевъ и въ особенности полусоціалистовъ-анабантистовъ.

Въ лондонской эпархіи погибло сто двадцать восемь человѣкъ, въ норвичской, гдѣ королева дала первыя обѣщанія терпимости, сорокъ шесть, въ другихъ эпархіяхъ число жертвъ не превышало семи на каждую—даже въ Оксфордѣ, гдѣ были сожжены трое главъ протестантизма и гдѣ были пренія; въ Линкольнѣ, Дургамѣ, Карлилѣ, Уэльсѣ, Герефордѣ и Ворчестерѣ мучениковъ не было.

Гардинеръ, противившійся какъ испанскому браку, такъ и акту объ ереси 1554 года, отступившій на задній планъ послѣ прибытія въ іюлѣ 1554 года Филиппа и прибытія въ ноябрѣ того же года Поля и умершій 12 ноября 1555 года—былъ вполнѣ англичаниномъ, также какъ Поль былъ черезъ чуръ кроткимъ христіаниномъ, чтобы дѣятельно участвовать въ судебныхъ убійствахъ, которыя при немъ только что начались. Во время его вліянія въ Англіи не сожгли ни одного еретика (до іюля 1554 года), до самой его смерти въ его винчестерской эпархіи не сожгли никого; онъ никогда не участвовалъ въ коммисіи ереси, кромѣ одного раза, когда онъ въ качествѣ канцлера участвовалъ въ судѣ надъ Рожерсомъ и Гоопером. Реформаторскія склонности Поля, также какъ и Контарини, не были тайной ни для кого, и даже Джонъ Фоксъ признавалъ, что онъ не былъ «жестокимъ и кровавымъ папистомъ». Даже Боннеръ, суровый, мстительный и презрительный судья, довольный тѣмъ, что теперь въ его рукахъ находились его старые враги, раньше лишившіе его сана, имѣлъ въ характерѣ нѣкоторыя черты англійскаго джентльмена, не совсѣмъ исчезнувшіе въ поповскомъ ханжествѣ. Онъ пытался спасти Вилльяма Гунтера изъ Брентвуда, въ другихъ случаяхъ Частный Совѣтъ дѣлалъ ему выговоры за его милосердіе. Онъ зашищался въ письмѣ, въ которомъ проглядывало равнодушіе и недовольство всѣмъ этимъ дѣломъ.

Религіозныя убѣжденія Маріи.

Вообще же епископы не руководили, а слѣдовали за ихъ суровой и жестокосердой королевой, полуиспанская кровь которой объясня-

етъ многое. Она ненавидѣла протестантовъ, также, какъ ненавидѣла ихъ ея мать; почти всякій изъ англичанъ, исполнителей ея воли, ослабѣвалъ чрезъ нѣкоторое время отъ этой бойни, а она настаивала до конца, исполняя свою угрозу 1553 года. Еслибы она родила сына, какъ она надѣялась, Англія увидала бы революцію раньше 1688 года. Во всякомъ случаѣ люди ждали ея смерти съ увѣренностью въ наступленіи лучшихъ временъ, также какъ они ждали бы Маріи II въ качествѣ наслѣдницы Іакова II, еслибы у него не родился сынъ, что и напугало англичанъ перспективой постоянства управленія іезуитовъ.

Ни Гардинеръ, ни Поль не были рождены преслѣдователями, и однако каждый изъ нихъ былъ представителемъ различной политики и различныхъ религіозныхъ убѣжденій.

Первый просто хотѣлъ уничтожить недавнее протестантское движеніе; второй же хотѣлъ окончательнаго возстановленія римской власти. Поль желалъ полнаго возстановленія средневѣковой системы и при этомъ онъ не остановился—хотя это и было противно его натурѣ—предъ возстановленіемъ въ январѣ 1555 года законовъ Ричарда II, Генриха IV и Генриха V объ ереси. Въ эту минуту и лойалисты и католики, повидимому, одинаково склонялись къ суровости.

Кранмеръ, какъ глава протестантской оппозиціи, былъ, конечно, обвиненъ въ измѣнѣ тотчасъ по воцареніи Маріи; «новыя требованія» падали на женатыхъ и неженатыхъ епископовъ Эдуарда, занимавшихъ кафедры на основаніи королевскихъ патентовъ до тѣхъ поръ, пока они хорошо вели себя. Тунсталь, Гардинеръ, Боннеръ, Гитсъ и Дей, лишенные кафедръ въ прошлое царствованіе, снова получили свои мѣста въ Дургамѣ, Винчестерѣ, Лондонѣ, Іоркѣ и Чичестерѣ. Двѣнадцать антиримскихъ прелатовъ были смѣщены. Въ началѣ царствованія всѣмъ иностраннымъ эммигрантамъ было предписано оставить Англію въ теченіе двадцати четырехъ дней подъ страхомъ заточенія и конфискаціи имуществъ; утверждаютъ, что убѣжало около 800 эммигрантовъ и 200 англичанъ, ихъ учениковъ. Спасшись за границу, какъ Поль при Генрихѣ VIII, эти люди своими яростными памфлетами вызвали мщеніе, котораго они сами избѣжали, на головы ихъ неубѣжавшихъ друзей. «Этотъ оскорбительный памфлетъ Нокса («Увѣщаніе христіанамъ» и «Чудовищное управленіе женщинъ»), говоритъ Уитгидъ въ своемъ письмѣ изъ Франкфурта—далъ сигналъ къ преслѣдованію». Можетъ быть, помимо возможности и удобныхъ поводовъ, было что нибудь, что измѣнило настроеніе Маріи, выразившееся въ ея первой прокламаціи и замѣнило его настроеніемъ ея послѣднихъ лѣтъ. При воцареніи она, «хотя и не скрываетъ религіи, которую, какъ это извѣстно Богу и всему міру, она всегда исповѣдывала съ самаго дѣтства, не намѣ-

рена была вынуждать къ этой религіи своихъ подданныхъ до тѣхъ поръ, пока по общему соглашенію не будетъ относительно сего принятъ новый порядокъ». Угрозы протестантовъ изъ Цюриха и Женевы убійствами и мятежемъ [1]), лозунгъ Нокса, что «ни одинъ идолопоклонникъ и ни одна женщина не должны управлять народомъ Божіимъ», ибо «ты долженъ избирать себѣ короля изъ своихъ братьевъ, а не изъ своихъ сестеръ», оскорбленія, происходившія при возстановленіи мессы въ большихъ городахъ и въ наиболѣе затронутыхъ протестантизмомъ деревенскихъ округахъ—все это принесло свои плоды, вызвавъ костры Смитфильда. Латимеръ отправлялъ на костры изображенія, а королева людей.

Мрачный отчетъ этихъ послѣднихъ лѣтъ (1555—58) отъ испанскаго брака и примиренія съ Римомъ до смерти Поля и королевы нѣсколько освѣщается свѣтомъ героизма мучениковъ. Всѣ яростные споры и безсовѣстное злоупотребленіе властью, которые безчестили эпоху протестантскаго управленія, были забыты при видѣ благородной смерти лучшихъ представителей протестантизма и не менѣе благородной кончины многихъ изъ неизвѣстныхъ мучениковъ. Достаточно привести нѣсколько примѣровъ—епископа, проповѣдника, ученаго, рабочаго и женщины—чтобы показать, насколько все англійское общество, даже бѣдняки, было настроено противъ возврата къ Риму. Гугъ Латимеръ, Роуландъ Тайлоръ, Роза Алленъ, Вилльямъ Гунтеръ и сэръ Джонъ Шекъ—такіе люди указываютъ намъ, какая глубокая пропасть существовала между свободной націей и римско испанскимъ идеаломъ, какъ понимали его Филиппъ и его капелланы: Да Кастро, Де Сото и Вилла Гарціа. Латимеръ былъ первой и наиболѣе великой изъ всѣхъ жертвъ. Единственный руководитель крайнихъ протестантовъ при дворѣ Генриха, сохранявшій свою мужественную свободу, «облегчавшій свою совѣсть и строившій свое ученіе соотвѣтственно своей аудиторіи», представитель лучшихъ сторонъ Эдуардовской реформаціи, теперь отказался бѣжать. «Хотя онъ и былъ уже разбитымъ болѣзнями человѣкомъ, хотя ему и было уже больше шестидесяти семи лѣтъ, но онъ все еще работалъ зимой и лѣтомъ около двухъ часовъ каждое утро», онъ хотѣлъ теперь «отправиться въ Лондонъ, не сомнѣваясь, что Богъ, сдѣлавшій его достойнымъ проповѣдывать предъ двумя государями, позволитъ ему свидѣтельствовать о Немъ и предъ третьимъ, ради утѣшенія или ради вѣчныхъ мукъ». И такъ отдѣлавшись отъ вѣрнаго Джона Карелессъ—(Джонъ Беззаботный)—ткача изъ Ковентри, который, какъ настоящій другъ, былъ готовъ умереть за него, если это спасетъ его отъ смерти, Латимеръ явился въ Совѣтъ, и

Жертвы. Латимеръ.

[1]) Утверждаютъ, что и въ Англіи нѣкто Россъ или Розе публично проповѣдывалъ убійство королевы.

проѣзжая Смитфильдъ, заявилъ, что онъ давно ужъ ожидаетъ его. Снова отправленный въ Тоуэръ, гдѣ онъ провелъ послѣдніе семь лѣтъ царствованія Генриха, онъ шутилъ съ сторожившимъ его лейтенантомъ. «Стерегите меня получше, а то я убѣгу... Онъ полагаетъ, что его сожгутъ, но, вѣроятно, онъ пропадетъ отъ холода».

Вызванный снова въ Совѣтъ, онъ упрекалъ епископа Глочестерскаго въ томъ, что онъ искажаетъ Писаніе и «обрѣзываетъ монету Господню». Онъ отказался отъ всякаго компромисса по вопросу о причащеніи или о реальномъ присутствіи—такъ какъ таковое присутствіе только спиритуальное—и «жертва Креста была совершенной и не нуждается въ повтореніи и Богъ Отецъ умиротворенъ этой единственной, все достаточной и горестнѣйшей жертвой кроткаго убитаго Агнца, Христа, Господа нашего». Онъ отказался отъ систематическаго обсужденія теологіи. «Вы ожидаете отъ меня учености, давно ушедшей въ школу забвенія—голыя стѣны моей библіотеки; а теперь вы хотите, чтобы я пришелъ и отвѣчалъ на статьи». Его отправили на костеръ въ Оксфордъ и онъ на кострѣ утѣшалъ болѣе слабаго духомъ Ридлея. «Будьте бодры, какъ мужъ; сегодня мы зажжемъ такую свѣчу, которую никогда не потушатъ».

«И такъ онъ скончался». «О трехъ вещахъ онъ особенно молился, разсказываетъ его капелланъ—во первыхъ о милости Божіей, чтобы ему выдержать до конца, во вторыхъ, чтобы Богъ снова возстановилъ въ Англіи евангеліе и эти слова: «снова, снова» онъ такъ произносилъ и такъ билъ имъ въ уши Господа Бога, какъ бы онъ видѣлъ Его предъ собой и говорилъ съ Нимъ лицомъ къ лицу. Въ третьихъ онъ молился о здравіи и жизни Елисаветы и со слезами желалъ, чтобы она была утѣшеніемъ для безутѣшной Англіи».

Латимеръ былъ сынъ іемена и его смерть была вызовомъ этому общественному классу, составлявшему позвоночный столбъ государственнаго и общественнаго организма Англіи. Въ его лицѣ, «придворнаго, но честнаго придворнаго», Марія, по мнѣнію общества, нанесла ударъ не ереси, а человѣчеству; его несравненное популярное краснорѣчіе никогда не сознавалось такъ сильно, какъ при его смерти. Ридлей наканунѣ своего паденія хватался за дургамскую кафедру, а бывшій епископъ Ворчестерскій, довѣренное лицо Эдуарда, не хотѣлъ оставить своей миссіи проповѣдника и до конца онъ «какъ бы обнималъ пламя и, ударяя себѣ руками въ лицо, онъ обмывалъ ихъ въ огнѣ и энергически кричалъ по своему, по англійски: Отче, иже на небеси, прими духъ мой!».

Роуландъ Тайлоръ.

Всѣ благородныя качества протестантскихъ мучениковъ проявились въ «справедливомъ отцѣ Гугѣ»; смерть Роуланда Тайлора проявила кроткія добродѣтели человѣка, подобнаго Чосеровскому «городскому пастору», который никогда не вмѣшивался въ политику и инте-

ресовался только «ученіемъ Христовымъ». Сожженный въ своемъ приходѣ, онъ стоялъ на кострѣ тихо, безъ криковъ и недвижимо, съ сложенными на груди руками, пока нѣкто, по имени Сойсъ, не ударилъ его алебардой по головѣ и онъ мертвымъ упалъ въ огонь. «Тайлоръ, защищая добро, на семъ мѣстѣ пролилъ свою кровь» — такова надпись, вырѣзанная вскорѣ на необдѣланномъ черномъ камнѣ, обозначавшемъ мѣсто его казни.

Джонъ Шекъ. Въ лицѣ сэра Джона Шека, воспитателя Эдуарда, образца юнаго Мильтона, которому, по словамъ того же Мильтона, «вернули свободу, но не довольство», мы видимъ лучшій типъ ученаго протестанта, предназначавшагося королевской политикой для смерти или для позора. Когда онъ отрекся, его принудили сидѣть въ коммиссіи вмѣстѣ съ Боннеромъ и судить эссекскихъ еретиковъ. Позоръ отравилъ ему жизнь и въ 1557 году, сорока трехъ лѣтъ отъ роду, онъ умеръ. Этотъ случай особенно ясно указываетъ на характеръ преслѣдованій Маріи, на ея систематическія нападенія на выдающихся и просвѣщенныхъ людей. Не количество, а качество жертвъ возмущало англичанъ. Кранмеръ, Латимеръ, Гооперъ, Ридлей, Шекъ, Фильпотсъ, Фераръ, Брадфордъ, Бландъ и Тайлоръ—униженіе и сожженіе такихъ людей напоминали о террорѣ Томаса Кромвеля, только въ формѣ болѣе ненавистной.

Исторіи Розы Аллепъ, Алисы Бендонъ или Вильяма Гунтера доказываютъ глубокое, если не широкое, вліяніе протестантизма среди обывателей. Ихъ упорство, докладывали чиновники королевы, непобѣдимо. Дѣйствительно, такое преслѣдованіе, которое падаетъ на вождей или на типическія группы людей, не можетъ быть успѣшнымъ. Единственнымъ шансомъ успѣха для политики Маріи было поголовное истребленіе. Съ каждымъ годомъ протестантское меньшинство націи росло и даже надежные паписты охладѣвали все больше и больше. Одно чувство крайняго отвращенія и ненависти къ правительству, къ его сожженіямъ и его ошибкамъ, къ потерѣ имъ Кале и Гвіени, къ его неспособности справиться ни съ внѣшними врагами, ни съ еретиками — охватило весь народъ. Толпа кричала: «аминь» при молитвахъ послѣднихъ Смитфильдскихъ мучениковъ. Королева, одинокая, покинутая мужемъ, сознававшая глубокое отвращеніе къ ней народа, который она думала спасти отъ вѣчной погибели, лишенная поддержки Совѣта и епископовъ, все таки настаивала на своемъ. Поль, которому папа не довѣрялъ и котораго смѣстили, оставшись одинъ съ своей кузиной, королевой, мрачно, съ отчаяніемъ въ душѣ погрузился въ эту бойню, чтобы доказать свое правовѣріе. Боннеръ, хотѣвшій спасти юнаго Гунтера, былъ вынужденъ отправить его умирать въ Брентвудъ. Гунтеру было только девятнадцать лѣтъ, онъ боялся, какъ бы не поколебаться на кострѣ. «Добрые люди, молитесь за меня, и отправьте меня поскорѣе»! «За

тебя молиться?—закричали нѣкоторые изъ окружающихъ: я лучше за собаку буду молиться»! Когда зажгли костеръ, онъ бросилъ брату псалтирь, который держалъ въ рукахъ. «Думай о святыхъ страданіяхъ Христа—крикнулъ ему братъ—и не бойся»!.. «Я не боюсь»—было отвѣтомъ умирающаго мальчика.

Роза Алленъ, подобно ему, полагала, что «чѣмъ больше жгутъ, тѣмъ меньше чувствительно». Во время ея ареста судья держалъ ея руку надъ пламенемъ свѣчи до тѣхъ поръ, пока не лопнули связки пальцевъ. Въ другой рукѣ она держала щипцы и «могла ударить ими его въ лицо», но не сдѣлала этого; когда ее на время освободили, она въ своей обожженной рукѣ отнесла чашу воды ея больной матери. На другой день ее сожгли. Роза Алленъ.

Наконецъ на костры начали посылать толпами мужчинъ и женщинъ; въ Стратфордѣ сожгли сразу тринадцать человѣкъ; Смитфильдъ походилъ на человѣческую бойню; больше выносить было невозможно и только смерть королевы предупредила общее возстаніе всей страны; ея преслѣдованія, ея «кровавая» память составляютъ основаніе того настроенія, которое сохранилось въ Англіи до настоящаго столѣтія и которое принесло такъ много вреда въ Англіи и еще болѣе въ Ирландіи честнымъ нашимъ согражданамъ — это настроеніе выразилось въ лозунгѣ: «лучше Турокъ, чѣмъ папа». Массовыя казни.

Англійская библія

Гордона Дуффа.

Имѣются доказательства того, что очень давно уже проявилась потребность имѣть англійскую библію, но до выхода библіи Джона Виклефа въ четырнадцатомъ вѣкѣ, пересмотрѣнной Джономъ Пурвеемъ около 1388 года, нельзя указать на существованіе какого-либо перевода библіи. Вышеупомянутый же переводъ Виклефа былъ очень распространенъ и теперь еще сохранилось множество экземпляровъ его съ болѣе или менѣе хорошими иллюстраціями. Печатаніе было введено въ Англіи въ 1477 году, но религіозныя смуты не позволяли приступить къ печатанію библіи; печатаніе библіи доставило бы типографщику серьезныя непріятности со стороны духовныхъ властей и типографщики не желали подвергаться такому риску. Потому первые переводы священнаго писанія на англійскій языкъ привозились изъ за границы.

Въ 1525 году появился Новый Завѣтъ Тиндаля, первая часть англійскаго перевода священнаго писанія. Тиндаль родился въ Гло- Новый Завѣтъ Тиндаля.

честерширѣ около 1484 года, воспитывался въ Оксфордѣ, а послѣ перешелъ въ Кембриджъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ Англіи въ качествѣ тутора и капелана, онъ переселился на континентъ, получивъ 10 фунтовъ ежегодной пенсіи отъ своего покровителя, Гумфи Монмоута, для того, чтобы закончить переводъ Новаго Завѣта. Кончивъ эту работу въ Гамбургѣ, онъ перебрался въ Кельнъ и отдалъ напечатаніе Кентелю. Работа была доведена до половины евангелія Луки, когда на типографію было произведено нападеніе и Тиндаль, забравъ отпечатанные листы, убѣжалъ вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ Жоемъ въ Вормсъ. Тамъ работа была поручена Петру Шёферу, внуку знаменитаго Майнцскаго типографщика, напечатавшему изданіе въ малой октавѣ и закончившему его въ 1525 году.

Первый переводъ встрѣченъ былъ англійскими епископами не особенно благосклонно, лондонскій епископъ Тунсталь произнесъ противъ него даже проповѣдь. Ошибокъ въ немъ было такъ много, что считали за лучшее скупать его и уничтожать всѣ экземпляры. Такая несправедливость заставила Тиндаля продолжать печатаніе и оппозиція духовенства только увеличила спросъ на его переводъ. Изъ Антверпена пересылали множество изданій, плохо отпечатанныхъ и плохо корректированныхъ; одно изъ этихъ изданій было сдѣлано старымъ товарищемъ Тиндаля, Георгомъ Жоемъ. Въ 1535 году Тиндаля сочли настолько безпокойнымъ человѣкомъ, что произвели давленіе на брюссельскій дворъ и было предписано арестовать его. Въ пятницу, 6 октября 1536 года, онъ былъ казненъ и тѣло его сожжено, причемъ Англія не сдѣлала никакихъ попытокъ для его спасенія.

Первая англійская библія.

Въ 1533 году, вѣроятно въ силу настояній Кромвеля и Томаса Мора, конвокація приняла рѣшеніе перевести на народный языкъ священное писаніе; въ концѣ 1534 года она просила «его величество повелѣть, чтобы священное писаніе было переведено на народный языкъ честными и учеными людьми, назначенными королемъ». Результатомъ такого рѣшенія было изданіе въ октябрѣ 1535 года перваго полнаго перевода библіи. Переводъ былъ сдѣланъ съ нѣмецкаго и латинскаго переводовъ Мильсомъ Ковердалемъ, расходы на переводъ и изданіе уплатилъ Кромвель. Кажется, что этотъ переводъ не былъ признанъ вполнѣ удовлетворительнымъ, потому что конвокація снова просила короля, чтобы библія была «переведена на англійскій языкъ чисто и вѣрно учеными людьми». Въ 1537 году «съ милостивѣйшаго разрѣшенія короля» былъ изданъ другой переводъ, извѣстный подъ названіемъ «библіи Матвѣя». Онъ былъ составленъ на основаніи частію перевода Тиндалл, а частію Ковердаля, пересмотрѣнныхъ Джономъ Рожерсомъ и замѣчателенъ онъ главнымъ образомъ своими примѣчаніями на бокахъ страницъ.

Ковердаль въ это время занимался другимъ переводомъ, причемъ

ему помогали многіе выдающіеся ученые; этотъ переводъ былъ законченъ въ 1538 году. Такъ какъ его хотѣли отпечатать получше, то получили отъ Франциска разрѣшеніе печатать его во Франціи; печатаніе отдали извѣстному парижскому типографщику Реньо. Въ скоромъ времени оказалось, что дѣлаются энергичныя попытки убѣдить Франциска отнять данное имъ разрѣшеніе, потому считали благоразумнымъ отправлять напечатанное по частямъ въ безопасное мѣсто. Это дѣлали при помощи Боннера, впослѣдствіи бывшаго лондонскимъ епископомъ, который въ то время былъ въ Парижѣ съ дипломатическимъ порученіемъ и потому могъ провозить свои вещи безъ осмотра. Въ декабрѣ 1538 года Францискъ, дѣйствительно, приказалъ остановить дальнѣйшее печатаніе библіи и уничтожить уже отпечатанное. Печатать во Франціи теперь было невозможно и Кромвель, получивъ изъ Франціи необходимые матеріалы, приказалъ закончить работу дома и книга, извѣстная подъ названіемъ «великой библіи», была выпущена въ свѣтъ въ апрѣлѣ.

«Великая библія».

Въ концѣ того же года Генрихъ издалъ приказъ, воспрещавшій въ теченіе пяти лѣтъ печатать библію на англійскомъ языкѣ иначе, какъ съ разрѣшенія лорда Кромвеля, хранителя частной печати. Въ слѣдующемъ году было выпущено пересмотрѣнное изданіе великой библіи съ предисловіемъ Кранмера; за этимъ послѣдовало множество изданій. Куратамъ и прихожанамъ всѣхъ приходовъ было приказано купить экземпляръ и отдать его въ церковь для общественнаго пользованія имъ, цѣна по приказанію короля была опредѣлена въ десять шиллинговъ безъ переплета и не выше двѣнадцати шиллинговъ въ переплетѣ. Еще и теперь переводъ псалмовъ на англиканскомъ молитвенникѣ заимствованъ изъ этого перевода библіи.

«Карманная библія».

Слѣдующимъ важнымъ переводомъ библіи былъ женевскій переводъ, изданіе котораго сдѣлано въ Женевѣ въ 1560 году. Этотъ переводъ извѣстенъ подъ названіемъ карманной библіи (Breeches Bible). Повидимому, полагаютъ, что экземпляры карманной библіи рѣдкость, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ни одно изданіе не было такъ распространеннымъ, въ теченіе пятидесяти лѣтъ послѣ перваго изданія было выпущено болѣе сотни изданій. Примѣчанія и самый переводъ естественно имѣли замѣтный кальвинскій характеръ, потому что работали нонконформисты, живущіе въ Женевѣ. Потому этотъ переводъ никогда не былъ одобреннымъ, такъ какъ, по утвержденію Іакова I, онъ былъ «худшей изъ всѣхъ англійскихъ библій», но среди народа онъ былъ очень популяренъ, благодаря его формату и раздѣленію на стихи.

Епископская библія.

Во время царствованія Елизаветы былъ сдѣланъ новый переводъ библіи, свободный отъ партійности женевской библіи и воплощавшій послѣднее слово библейской учености. Работу редактировалъ архіепископъ Паркеръ, раздававшій переводъ отдѣльныхъ частей разнымъ

епископамъ, самъ пересмотрѣвшій все и переведшій нѣкоторыя части. Этотъ переводъ называется «епископской библіей»; первое изданіе его вышло въ 1568 году. Вскорѣ его разрѣшили для чтенія въ церквахъ и конвокація издала приказъ, заставлявшій епископовъ покупать экземпляры какъ для нихъ лично, такъ и для ихъ соборовъ; точно также заставляли пріобрѣтать это изданіе и приходскія церкви. Въ различныхъ изданіяхъ встрѣчаются значительныя измѣненія, особенно въ Новомъ Завѣтѣ и вліяніе ихъ замѣчается и въ нашей теперешней библіи.

Одобренное изданіе.

Въ 1607 году сорокъ семь переводчиковъ начали работу новаго перевода библіи подъ редакціей Банкрофта и закончили свою работу въ 1610 году. Они по возможности слѣдовали «обыкновенной библіи, читаемой въ церквахъ, обыкновенно именуемой епископской библіей», хотя и нельзя опредѣлить, какимъ именно изданіемъ они руководились. Этотъ переводъ, который и теперь считается у насъ одобреннымъ, вышелъ въ 1611 году. Хотя онъ и основанъ на епископской библіи, но въ него введены нѣкоторыя мѣста изъ Реймскаго перевода и перевода, сдѣланнаго въ Дуэ. Для Новаго Завѣта пользовались греческими изданіями Безы 1582 года и Стефенса 1550 года, которые въ свою очередь много заимствовали изъ греческаго изданія Эразма.

Военное искусство.

Омана.

Одиннадцать бурныхъ лѣтъ царствованій Эдуарда VI и Маріи были полны войнами и ожиданіемъ войны. За морями битвъ было больше, чѣмъ во все время послѣ окончанія войнъ Розъ; подобное бурное время настало снова только въ эпоху великой революціи 1642 года. Это время особенно замѣчательно отчаянной борьбой между англичанами въ ихъ трехъ возстаніяхъ — возстаніи девонцевъ и корнвалисцевъ за католицизмъ въ 1549 году, возстаніи жителей восточныхъ графствъ противъ общественныхъ злоупотребленій въ томъ же году и наконецъ, возстаніи Уайта зимой 1553—54 года противъ испанскаго брака королевы Маріи. Кромѣ этого слѣдуетъ отмѣтить два важныхъ эпизода внѣшнихъ войнъ: нападеніе Сомерсета на Шотландію, закончившееся битвой при Пинки Клевъ въ 1547 году и несчастную борьбу Маріи съ Франціей въ 1557—58 году.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ въ полѣ были выводимы значительныя силы; Сомерсетъ взялъ съ собой въ Шотландію въ 1547 году 18.000 человѣкъ; въ 1549 году подъ ружьемъ въ Англіи было не меньшее

количество людей при подавленіи мятежа въ Норфолькѣ и Девонѣ. Къ счастію мы имѣемъ полныя свидѣтельства относительно большинства этихъ битвъ, такъ какъ относительно 16 вѣка свѣденія столь же полны, сколь они недостаточны относительно 15 вѣка.

Континентальныя вліянія.

Въ срединѣ этого вѣка благодаря опыту континентальныхъ войнъ въ англійскихъ войскахъ были произведены нѣкоторыя измѣненія. Первымъ и наиболѣе замѣтнымъ было увеличеніе кавалеріи, пропорціонально численности пѣхоты, и оставленіе старой англійской привычки спѣшивать всадниковъ на полѣ битвы и употреблять ихъ только для подкрѣпленія пѣхоты. Съ тѣхъ поръ, какъ тяжелая кавалерія Франциска I при помощи разумнаго пользованія артилеріей разбила при Мариньяно (1515) до тѣхъ поръ непобѣдимыхъ швейцарскихъ конейщиковъ, репутація вооруженной конницы на континентѣ сильно поднялась и надѣялись, что при благопріятныхъ условіяхъ она будетъ въ состояніи пробить ряды инфантеріи. Но инфантерію слѣдовало захватить врасплохъ или разрѣдить ея ряды пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ раньше кавалерійской аттаки. Потому кавалерію начали вооружать аркебузами или пистолями для того, чтобы она могла сдѣлать брешь въ рядахъ врага.

Въ арміи, состоявшей при Пинки подъ начальствомъ Сомерсета, на десять тысячь пѣхоты было шесть тысячь кавалеріи—что составляло самую большую пропорцію кавалеріи, когда либо употреблявшуюся въ Англіи. Потому понятно, что во время битвы кавалерія играла роль большую, чѣмъ въ какой либо изъ битвъ въ британской землѣ со времени побѣды Эдуарда I при Фалькиркѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что для собранія такой большой кавалеріи Сомерсетъ въ противность англійскому обычаю прибѣгалъ къ найму бандъ иностранныхъ солдатъ. Въ числѣ всадниковъ былъ отрядъ итальянцевъ подъ начальствомъ нѣкоего Малатесты. Въ числѣ вооруженныхъ аркебузами кавалеристовъ (hackbut men) были также испанцы и итальянцы подъ начальствомъ испанскаго авантюриста Педро Гамбоа. Повидимому, двѣсти изъ шестисотъ этихъ первыхъ драгуновъ были иностранцы. Для пополненія конницы были изъ за моря привезены Bulleners. Это былъ отрядъ изъ пятисотъ человѣкъ легкой кавалеріи, нанятый на службу въ качествѣ гарнизона Булони; это наибольшее приближеніе къ постояннымъ регулярнымъ войскамъ въ Англіи. Такъ какъ въ то время мы были въ мирѣ съ Франціей, то и было возможно употребить ихъ для войны съ Шотландіей.

Огнестрѣльное оружіе.

Инфантерія состояла еще по старому изъ «луковъ и топоровъ», но ее теперь пополнили нѣкоторымъ количествомъ людей, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, хотя такихъ пѣхотныхъ стрѣлковъ (hackbutters), какъ называетъ ихъ Голиншедъ, было не больше шести сотъ. Артилерія была многочисленнѣе и болѣе подвижная, чѣмъ она

была въ арміяхъ послѣдняго поколѣнія и въ экспедиціи былъ значительный отрядъ піонеровъ.

Шотландцы, какъ и прежде, вышли большими массами копейщиковъ въ солидныхъ карре. На тридцать тысячь пѣхоты у нихъ было не больше восьмисотъ или тысячи конницы; этотъ отрядъ, раздѣленный на два небольшіе, былъ имъ безполезенъ во время битвы, кромѣ того, что въ одно время онъ угрожалъ напасть на флангъ англійской артилеріи, но при приближеніи подкрѣпленія это намѣреніе было немедленно оставлено.

Урокъ битвы при Пинки.

Битва при Пинки не была одной изъ битвъ стараго типа, когда, какъ при Фалькиркѣ, Баннокбурнѣ или Флодденѣ, шотландцы, стоя въ позиціи, ожидали нападенія англичанъ. Обѣ стороны быстро двигались для занятія одной и той же выгодной позиціи; они расположились другъ противъ друга въ линіяхъ на одной сторонѣ холма, шотландцы ниже по скату, а англичане выше. Кавалерія Сомерсета опередила артилерію и пѣхоту, торопясь занять вершину холма, и потому она начала дѣло за долго до прибытія остальной арміи. Главный корпусъ англійской кавалеріи въ 3200 копій, раздѣленный на двѣ дивизіи, аттаковалъ сверху внизъ шотландскій авангардъ, шедшій впереди трехъ приближающихся вражескихъ линій («битвъ»). Масса копейщиковъ отбросила кавалерію съ большимъ урономъ, но не могла преслѣдовать ее вверхъ по холму, на вершинѣ котораго разстанавливалась теперь въ линію подошедшая англійская армія. Шотландцы сохранили прежнюю позицію на полдорогѣ по скату и это должно было погубить ихъ—все равно наступали бы они, или отступали. Сомерсетъ выдвинулъ до края вершины пушки, выслалъ впередъ стрѣлковъ и людей, вооруженныхъ аркебузами, чтобы они разрѣдили шотландскія колонны и снова аттаковалъ ихъ всей своей кавалеріей, когда они поколебались. На этотъ разъ кавалерія прорвалась въ бреши въ линіи копейщиковъ, погнала внизъ по скату разбитыя массы и во время ихъ бѣгства произвела страшную рѣзню. Такимъ образомъ эта битва при Пинки также, какъ и битва при Фалькиркѣ, была доказательствомъ безсилія копейщиковъ противъ конницы въ ея соединеніи съ стрѣлками и артилеріей. Если бы не пушки и не стрѣлки, колонны несомнѣнно могли бы держаться противъ кавалеріи. Свидѣтели говорятъ, что первая аттака лорда Грея была отбита съ страшнымъ урономъ. «Шотландцы стояли въ оборонительной позиціи, плечемъ къ плечу, передніе ряды опустились внизъ, почти на колѣна, задніе держали пики въ обѣихъ рукахъ, одинъ конецъ пики у правой ноги, а другой противъ груди врага, такъ близко, какъ только было возможно, такъ что столь же легко было бы обнаженной рукой пробить густую колючую изгородь, какъ пробиться чрезъ ряды ихъ пикъ». Эта компактная масса легко отразила кавалерію Грея, эта послѣдняя не могла приблизиться къ линіи

врага и пала пораженной въ восьми футахъ отъ него. Но когда вмѣсто кавалерійскихъ аттакъ копейщикамъ пришлось выдерживать залпы артилеріи, стоявшей на разстояніи двухсотъ ярдовъ, и огонь стрѣлковъ, то самая плотность ихъ строя была ихъ погибелью. Они не могли долго выдержать огня, ряды ихъ были разорваны и тогда на нихъ произведена была аттака и они бѣжали внизъ по холму, скатъ котораго былъ «похожъ на дровяной дворъ», такъ какъ онъ былъ весь усѣянъ древками брошенныхъ ими копій.

Иностранные наемники.

Въ 1549 году у Сомерсета въ его борьбѣ съ мятежниками было небывалое раньше количество иностранныхъ наемниковъ—не нѣсколько сотенъ, какъ при Пинки, а большіе отряды какъ конницы, такъ и пѣхоты. Любопытной ироніей судьбы было то, что противъ набожныхъ католиковъ, начавшихъ мятежъ въ Девонширѣ, Сомерсетъ выставилъ полкъ итальянской пѣхоты подъ начальствомъ нѣкоего Спинолы, вооруженный по всей видимости аркебузами; въ то же время мятежъ норфолькскихъ реформистовъ былъ подавленъ арміей Нортумберланда, въ которой было 1400 протестантскихъ нѣмецкихъ ланцкнехтовъ. Вѣроятно, такое значительное пользованіе иностранными наемниками вызывалось какъ опасеніемъ возможности неповиновенія англійской милиціи, если бы ее послали противъ мятежниковъ, такъ и довѣріемъ къ дисциплинированной храбрости итальянцевъ и нѣмцевъ, или довѣріемъ въ превосходство ихъ новыхъ огнестрѣльныхъ оружій предъ старымъ англійскимъ лукомъ. Однако, стрѣлки не оказались ниже людей, вооруженныхъ аркебузами; причиной погибели мятежниковъ была не непригодность ихъ оружія, а почти полное отсутствіе у нихъ кавалеріи. И въ Девонѣ и въ Норфолькѣ инсургенты не могли выставить конницы или выставили небольшую ея часть, такъ какъ дворянство и богатые іеменны, которые одни привыкли къ кавалерійской службѣ, почти всѣ безъ исключенія остались вѣрными правительству. У Кетта въ его лагерѣ на Маусгольдъ-Гитѣ было нѣсколько дюжинъ всадниковъ, но они уклонялись отъ битвы и были, какъ говорили тогда, «пригодны только для грабежа, а не для ударовъ».

Мятежи.

Недостатокъ конницы заставилъ мятежниковъ въ обѣихъ частяхъ Англіи предпочесть защиту укрѣпленныхъ позицій, мостовъ или барикадированныхъ деревень—встрѣчѣ королевскихъ войскъ въ открытомъ полѣ. Почти всѣ битвы происходили въ городахъ и деревняхъ или вблизи нихъ или противъ укрѣпленныхъ лагерей, такъ что эти стычки, частыя и очень ожесточенныя, нельзя назвать настоящими битвами. Слѣдуетъ замѣтить, что въ это время пушки въ Англіи были общераспространеннымъ орудіемъ и что мятежникамъ было не трудно добыть ихъ, частію (кажется) отобравъ ихъ у кораблей—потому что въ безпокойное время на купеческихъ корабляхъ обыкновенно бывало по нѣсколько небольшихъ пушекъ—а частію захва-

тивъ ихъ изъ домовъ и замковъ сосѣднихъ дворянъ. И въ Девонѣ и въ Норфолькѣ много говорилось объ артилеріи инсургентовъ и кажется, что главный пушкарь Кетта, Вилльямъ Мильсъ, очень хорошо управлялъ пушками и оказалъ серьезныя услуги.

Разумность поведенія Сомерсета и его наслѣдника Нортумберланда—разумѣется, съ ихъ точки зрѣнія—въ томъ отношеніи, что они противъ англійскихъ инсургентовъ пользовались иностранными наемниками, доказывается событіями 1553—54 года. Туземная милиція не питала ни уваженія, ни преданности къ обоимъ протекторамъ, она уважала и была предана только своему государю, а къ честолюбивымъ министрамъ она чувствовала только одно недовѣріе. Это оказалось, когда Нортумберландъ собиралъ войска для поддержки правъ своей невѣстки, лэди Дженъ Грей, и для уничтоженія приверженцевъ королевы Маріи, законной наслѣдницы престола. Первый изъ отрядовъ подъ начальствомъ сына протектора и потомъ второй, который самъ протекторъ повелъ для захвата восточныхъ графствъ, растаяли, когда имъ было приказано напасть на солдатъ королевы. Даже изъ личной преданности къ протектору никто не посмѣлъ поднять руку противъ законной королевы.

Когда нѣсколько мѣсяцевъ спустя Уайттъ поднялъ Кентъ для протеста противъ испанскаго брака, онъ прекрасно сознавалъ это. Онъ и его сообщники могли задумывать въ концѣ концевъ низложить Марію, но они хранили свой планъ въ тайнѣ, объявляли о своей преданности королевѣ и говорили, что возстаютъ только противъ дурныхъ и измѣнническихъ совѣтниковъ. Прокламація инсургентовъ обвиняла министровъ, но ни одного слова не говорила противъ самой Маріи. Это обстоятельство обусловило и первыя удачи Уайтта и и его конечную неудачу. Народъ присоединялся къ нему потому, что ему не нравился испанскій бракъ и господство при дворѣ католиковъ. Но онъ тотчасъ же оставилъ его, когда королева признала дѣло ея министровъ своимъ собственнымъ дѣломъ, лично отъ себя потребовала преданности и службы подданныхъ и сама стала во главѣ своихъ войскъ. Убѣжденіе, что они въ концѣ концевъ измѣнники, что они ведутъ войну съ ихъ законной государыней, заставило людей Уайтта оставить его знамена и разойтись въ послѣдніе дни возстанія. Во время послѣдняго нападенія на Лондонъ съ вождемъ оставалось менѣе тысячи человѣкъ—да и то отчаянныхъ протестантовъ, не могшихъ выносить папства или людей, настолько замѣтныхъ, что они знали, что ихъ позднее раскаяніе не спасетъ ихъ.

Лондонская милиція.

Стоитъ замѣтить, что во время возстанія Уайтта была завершена организація лондонской милиціи въ «банды» и имъ данъ особый мундиръ.

Милиціонеры были одѣты въ бѣлые плащи; во время битвъ близъ

Чарингъ Кросса и Вестминстера произошло большое замѣшательство въ силу того обстоятельства, что люди, перешедшіе къ Уайтту, такъ же, какъ и приверженцы королевы, носили одинаковый мундиръ. Мятежниковъ можно было узнать только потому, что они были въ грязи съ ногъ до головы, такъ какъ ночью они шли по грязнымъ дорогамъ, потому роялисты кричали: «долой грязные хвосты».

Послѣ подавленія мятежа Уайтта въ Англіи не было серьезныхъ мятежей противъ Маріи и единственное сраженіе въ послѣдніе годы царствованія, въ которомъ участвовали англичане, это при С. Кентенѣ. Армія, отправленная на помощь королю Филиппу состояла изъ пяти тысячъ человѣкъ. Сохранились ея списки и мы видимъ, что тогда впервые въ англійской арміи употребляется названіе «полкъ». Вся экспедиція названа «полкомъ» изъ тысячи кавалеріи и четырехъ тысячъ пѣхоты. Половина кавалеріи была тяжеловооруженной, а другая—легкая кавалерія или «полукопья». Каждый изъ этихъ отрядовъ дѣлился на пять «бандъ» въ сто человѣкъ подъ начальствомъ капитана, лейтенанта и «старшаго». Пѣхота состояла изъ сорока ротъ по сту человѣкъ въ каждой, подъ начальствомъ капитана; кажется, что единицы организаціи, большей роты, не существовало. Нужно предположить, что при образованіи боевой линіи пѣхота раздѣлялась по старому на авангардъ, главный корпусъ и арріегардъ, съ кавалеріей по сторонамъ. Но такъ какъ она составляла часть большой союзной арміи, то ей и не приходилось образовать отдѣльной боевой линіи.

Флотъ.

Лэйрда Клоуэса.

При Эдуардѣ VI флотъ, завѣщанный ему правительствомъ его отца, пришелъ въ упадокъ. Генрихъ оставилъ флотъ изъ семидесяти кораблей, изъ которыхъ большихъ было только тридцать, и двухъ галеръ. Послѣ смерти Эдуарда въ 1553 году осталось только пятьдесятъ восемь кораблей. Развитію морскихъ силъ Англіи препятствовали главнымъ образомъ раздоры между протекторомъ и его братомъ, лордомъ адмираломъ, мелочное соперничество и эгоистическое честолюбіе—явленія столь обычныя во время несовершеннолѣтія государей. Персоналъ флота, правда, не ухудшился и въ дѣлѣ флотъ держался съ честью. Содѣйствіе его сухопутнымъ силамъ въ Шотландіи въ 1547 году замѣчательно, какъ первый примѣръ такого содѣйствія въ исторіи Англіи; несомнѣнно, что побѣда при Муссель-

бургѣ до значительной степени обусловливалась дѣйствіемъ обстрѣливанія шотландской арміи артилеріей флота. Подвигъ храбраго капитана Вильяма Уинтера при нападеніи его на значительныя французскія силы, блокировавшіе острова въ проливѣ въ 1549 году, былъ предпріятіемъ, достойнымъ доблестнаго англійскаго флота. Но флотомъ дурно управляли и въ Лондонѣ на него не обращали вниманія и потому его дѣятельность была парализована; пираты, на время устрашенные энергіей Генриха, снова дѣлали проливы небезопасными.

Адмиралтейство.

Во время этого непродолжительнаго царствованія были изданы первыя распоряженія относительно поведенія главныхъ офицеровъ флота и эти распоряженія составляютъ основаніе для всѣхъ позднѣйшихъ инструкцій, впослѣдствіи регулировавшихъ гражданское управленіе флотомъ. Офицеры, которымъ было поручено веденіе дѣлъ адмиралтейства, были слѣдующіе: вицеадмиралъ флота, начальникъ ордонанса (Master of Ordnance), контролеръ морскихъ дѣлъ, казначей, секретарь флота, контролеръ, генералъ провіантмейстеръ и секретарь магазиновъ флота; имъ было предписано разъ въ недѣлю собираться въ канцеляріи на Тоуэръ Гилль совѣщаться о дѣлахъ флота и разъ въ мѣсяцъ дѣлать докладъ лорду адмиралу.

Торговый флотъ.

Къ счастію правительство больше обращало вниманія на торговлю. Въ 1548 году былъ принятъ актъ о свободѣ торговли съ Ньюфаундленомъ и объ уничтоженіи разныхъ препятствій, мѣшавшихъ въ то время развитію этой торговли. Въ томъ же году англійскіе купцы въ Антверпенѣ жаловались на нѣкоторыя затрудненія, испытываемыя ими и добились вмѣшательства посланника Эдуарда. Когда городскія власти замѣтили, что это очень странно, что англійскій король обращаетъ больше вниманія на компанію купцовъ, чѣмъ на дружбу великаго императора, Смитъ, агентъ короля, гордо отвѣтилъ имъ: «король, мой государь, будетъ поддерживать торговлю своихъ подданныхъ, рискуя дружбой любого земного монарха».

Привилегіи англійскихъ купцовъ въ Антверпенѣ вели свое начало съ 1466 года и были очень значительны. Въ то время, на основаніи меморіала, представленнаго при Елисаветѣ Роберту Сесилю, въ городѣ было не больше четырехсотъ купцовъ и у нихъ не было своего флота; городъ былъ не богатъ. Послѣ же поселенія тамъ англичанъ рента поднялась, увеличились акцизы и пошлины; антверпенцы, у которыхъ было только шесть кораблей, сдѣлались чрезвычайно богатыми и начали строить корабли и перевозить товары. Карлъ настолько сознавалъ все значеніе англійскихъ торговцевъ для Антверпена, что противясь протестамъ государей противъ предполагаемаго имъ введенія инквизиціи въ этомъ городѣ, онъ въ 1550 году немедленно же оставилъ это намѣреніе, когда увидѣлъ, что въ случаѣ его исполненія англійскіе купцы покинутъ Нидерланды.

Правительство сдѣлало также очень многое для поощренія торговли съ Франціей и для уничтоженія перевозки товаровъ на иностранныхъ судахъ. Въ это время левантская торговля сильно развилась и прочно установилась торговля съ Гвинеей, главнымъ образомъ благодаря стараніямъ Томаса Уайндгама, совершившаго три плаванія къ американскому берегу. Третье изъ этихъ плаваній было совершено изъ Портсмута подъ покровительствомъ Антоніо Анесъ Пинтадо, португальца, въ 1553 году; во время этого плаванія Уайндгамъ умеръ. Отчетъ объ этой экспедиціи въ «Voyages» Черчиля. Гаклитъ описываетъ очень интересное путешествіе, совершенное около того же времени Джономъ Локомъ въ Левантъ и другое путешествіе въ томъ же направленіи, совершенное въ 1551 году Рожеромъ Боденгамомъ.

Изслѣдованія.

Въ теченіе этого царствованія въ сферѣ морскихъ предпріятій совершались болѣе важныя событія. Себастіанъ Каботъ, о путешествіяхъ котораго будетъ сказано дальше, послѣ продолжительной службы въ Испаніи, возвратился въ Англію и въ началѣ царствованія Эдуарда былъ представленъ протектору Сомерсету и этимъ послѣднимъ королю. Результатомъ было то, что для Кабота создали должность и дали ему 166 фун. 13 шил., 4 д. жалованья, что равнялось тому жалованью, которое онъ получалъ въ Испаніи. Созданная для него должность именовалась такъ: «управляющій мистеріей и компаніей купцовъ путешественниковъ (Merchant Adventurers) для открытія неизвѣстныхъ областей, владѣній, острововъ и мѣстъ.» «Въ то время, говоритъ Клементсъ Маркгамъ, не было въ Европѣ никого, кто могъ бы сравниться съ Каботомъ какъ послѣдователемъ-практикомъ и какъ научно образованнымъ мореплавателемъ. Обладая почти пятидесятилѣтнимъ опытомъ, онъ стоялъ во главѣ экспедицій какъ на далекій сѣверъ, такъ и на далекій югъ. Въ теченіи многихъ лѣтъ онъ стоялъ во главѣ гидрографическаго департамента въ Испаніи въ такое время, когда эта страна достигла апогея своего величія. Онъ былъ человѣкомъ съ большими знаніями, очень способнымъ и благоразумнымъ совѣтникомъ, очень добрымъ и великодушнымъ, его справедливость и честность высоко подняли репутацію англійскаго флота».

Каботъ сдѣлалъ первый шагъ въ направленіи къ свободной торговлѣ, уничтоживъ монополію нѣмецкихъ купцовъ Стильярда, монополію, до извѣстной степени парализовавшую торговлю въ теченіи двухъ поколѣній. Эти купцы, переселившіеся изъ ганзеатическихъ городовъ, мало по малу получили чрезмѣрныя привилегіи, въ особенности по отношенію къ вывозу шерсти. Каботъ показалъ, что на основаніи дарованныхъ имъ грамотъ они имѣютъ право вывоза товаровъ съ уплатой одного съ четвертью процента таможенной пошлины, но что не довольствуясь такими выгодами, они незаконно

прикрываютъ своими привилегіями другихъ иностранныхъ купцовъ, къ большему вреду для купцовъ туземныхъ. Послѣ этого великій морякъ и администраторъ началъ заботиться о торговыхъ отношеніяхъ съ Россіей и дѣлать попытки для открытія сѣверовосточнаго прохода. Исполненіе этихъ проэктовъ было поручено Гугу Виллогби и Ричарду Чанселору, на корабляхъ Bona Esperanza, Edward Bonaventure и Bona Confidentia, съ экипажемъ въ 116 человѣкъ. Инструкціи, составленныя Каботомъ для этихъ экспедицій, очень обдуманы, разумны и точны. На каждомъ изъ кораблей долженъ быть флагъ, должны записываться курсъ плаванія, высота, замѣтки о мысахъ, приливахъ и вѣтрахъ и объ варіаціяхъ компаса. На сколько извѣстно, раньше такихъ записей не дѣлалось. Bona Esperanza, слѣдуетъ замѣтить, была обшита свинцовыми листами для предохраненія ея отъ червей; это былъ первый изъ англійскихъ кораблей, имѣвшій такую обшивку, хотя обшивка въ Испаніи была извѣстна уже сорокъ лѣтъ тому назадъ. Капиталъ компаніи, строившей и снаряжавшей эти три корабля, состоялъ изъ 6000 фунтовъ, изъ 240 паевъ по 25 фун. пай.

Bona Esperanza имѣла 120 тонъ, во время этого путешествія на ней были адмиралъ или «коммодоръ» Гугъ Виллогби, въ качествѣ пассажировъ шесть купцовъ, мастеръ, помощникъ мастера, главный пушкарь, боцманъ, помощникъ боцмана, четыре квартеймейстера съ четырьмя ихъ помощниками, два врача, два плотника, судовой коммисаръ, его помощникъ (онъ же бочаръ—cooper), поваръ и его помощникъ и десять матросовъ—всего тридцать восемь человѣкъ. Корабль Чанселора Edward Bonaventure имѣлъ 160 тонъ и на немъ былъ капитанъ эскадры. имя капитана корабля Bona Confidentia, въ 90 тонъ, было Корнелій Дюрфуртъ.

Флотъ при Маріи.

Мирное воцареніе Маріи до значительной степени было обусловлено поведеніемъ шести военныхъ кораблей, отправленныхъ герцогомъ Нортумберландскимъ, въ интересахъ лэди Джепъ Грей, стеречь берегъ Суффолька, чтобы помѣшать принцессѣ Маріи покинуть страну. Корабли бурей были загнаны въ Ярмутъ и тамъ на нихъ появился Генрихъ Жернегамъ, смѣлый и ловкій партизанъ, и онъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ убѣдилъ капитановъ покинуть дѣло лэди Дженъ и провозгласить королевой принцессу, отъѣзду которой имъ было предписано препятствовать. Флотъ болѣе почетно отличился въ слѣдующемъ году, формально потребовавъ признанія права Англіи на господство надъ проливами. Филиппъ испанскій въ сопровожденіи флота изъ ста шестидесяти парусовъ плылъ въ Англію на празднованіе своего брака съ Маріей въ Винчестерѣ. Вильямъ, лордъ Говардъ Эффингамъ, отецъ того адмирала, который командовалъ англійскимъ флотомъ противъ Армады, былъ въ морѣ съ не большой эскадрой, когда онъ увидалъ испанскій флотъ, плывшій вверхъ по

проливу. На адмиральскомъ кораблѣ Филиппа былъ испанскій флагъ и Говардъ не могъ вынести этого. Онъ отказался салютовать до тѣхъ поръ, пока испанецъ не опуститъ свой флагъ и когда тотъ проявилъ склонность спорить объ этомъ, Говардъ направилъ на него свои пушки и тѣмъ добился повиновенія. «Это — говоритъ Камбель въ порывѣ восторженнаго патріотизма—есть обстоятельство, достойное вѣчнаго воспоминанія, и думается мнѣ, достойное и подражанія». Шомбергъ тоже отзывается такъ: «это дѣло высоко почетное и достойное подражанія».

Тѣмъ не менѣе флотъ приходилъ въ упадокъ. При воцареніи Маріи онъ состоялъ изъ пятидесяти восьми кораблей, а послѣ ея смерти только изъ сорока шести. Административная часть дѣла была дезорганизована. Кале, бывшій тогда важной стоянкой для флота, былъ благодаря небрежности англійскаго правительства взятъ французами; эскадра, отправленная подъ начальствомъ вицеадмирала Джона Клера для преслѣдованія шотландскихъ пиратовъ и для защиты возвращавшагося домой исландскаго флота, подверглась серьезному бѣдствію въ силу своей непригодности для исполненія даннаго ей порученія и потеряла своего главнаго командира, трехъ капитановъ и много матросовъ. Но въ 1558 году флотъ былъ способенъ сказать серьезныя услуги, помогая графу Эгмонту въ дѣлѣ при Гравелинѣ, безпокоя лѣвое крыло французской арміи также, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ безпокоилъ шотландцевъ при Муссельбургѣ. Кале въ теченіи двухсотъ лѣтъ имѣлъ громадное стратегическое значеніе для Англіи во всѣхъ ея войнахъ съ Франціей, такъ какъ обладаніе имъ позволяло англичанамъ доставлять при посредствѣ флота провіантъ и оружіе сухопутнымъ войскамъ и обезпечивало имъ безопасное сообщеніе съ родиной. Что значила его потеря для Англіи — это оказалось въ 1588 году, когда испанская Армада стала тамъ на якорь. Еслибы Кале былъ во власти англичанъ, испанцы не имѣли бы возможности имѣть отдыхъ въ гавани этой крѣпости.

Торговый флотъ.

Правительство Маріи не вполнѣ пренебрегало торговлей. Декретъ противъ нѣмецкихъ купцовъ Стильярда былъ подтвержденъ и привилегіи ихъ совершенно уничтожены. Англійская компанія Merchant Adventurers, о которой мы упоминали выше, получила грамоту; благодаря ея операціямъ въ 1556 году въ Англіи появилось первое русское посольство.—Возникла значительная торговля съ Испаніей и съ испанскими владѣніями. Изслѣдованія продолжались; Ричардъ Чанселоръ совершилъ два удачныя путешествія къ Архангельску и собралъ новыя свѣденія относительно сѣверныхъ морей, но къ несчастію при возвращеніи онъ потерпѣлъ крушеніе у берега Шотландіи и утонулъ. Московская торговля, лучше сказать, попытки отыскать сѣверовосточный проходъ въ Китай, перешла къ Стефену Бу-

рофу, который, давая отчетъ о своемъ отправленіи, разсказываетъ слѣдующее: «27 апрѣля (1556) Себастьянъ Каботъ прибылъ на бортъ нашей галеры въ Гревзендѣ, сопровождаемый нѣсколькими джентльменами и дамами, которые, осмотрѣвъ наше судно и попробовавъ угощеніе, которое мы могли предоставить имъ, вернулись на берегъ, давъ нашимъ матросамъ щедрое вознагражденіе, а добрый старый джентльменъ мастеръ Каботъ далъ бѣднымъ щедрую милостыню, дабы они молились за счастье и успѣхъ нашего корабля Serchethrift. И потомъ въ тавернѣ «Христоферъ» онъ и его друзья праздновали и угощали меня и компанію и отъ радости, что онъ видитъ приготовленіе къ нашему предполагаемому открытію, онъ началъ самъ танцовать съ молодой и веселой компаніей; по окончаніи банкета онъ и его друзья отбыли, рекомендуя насъ милости Всемогущаго Бога». Каботъ умеръ восьмидесяти четырехъ лѣтъ въ 1557 году; еще до его смерти, разсказываетъ Маркгамъ, «къ нему въ его должности и въ жалованьи присоединили нѣкоего Вортингтона, по приказанію королевы Маріи, подъ предлогомъ его старости; но можно подозрѣвать, что это была выдумка Филиппа и что Вортингтонъ былъ подкупленъ передать всѣ драгоцѣнныя карты и документы великаго мореплавателя испанцамъ. Во всякомъ случаѣ, они послѣ его смерти безслѣдно исчезли. Нѣкоторые изъ этихъ неоцѣненныхъ документовъ могутъ быть найдены въ Севильѣ или въ Симанкѣ и тогда слава Кабота будетъ еще выше, чѣмъ теперь» [1]). Его, дѣйствительно, можно считать не только отцомъ свободы торговли, но и создателемъ нашего торговаго флота и однако ему не воздвигнутъ памятникъ, мѣсто его погребенія забыто, ни одинъ городъ, мысъ, заливъ или проливъ на разстояніи трехъ тысячъ миль берега, впервые изслѣдованнаго имъ, не носитъ его имени.

Другими путешествіями этого періода были путешествія Вилльяма Тоурсона, лондонскаго купца, отплывшаго въ 1555 году съ кораблями Hart и Hind въ Гвинею, и съ кораблями Tiger, Hart и галлерой туда же въ 1556 году и путешествія Антонія Дженкинсона, отвозившаго на Primrose рускаго посланника и потомъ открывшаго транзитную торговлю съ Персіей чрезъ Россію и Каспійское море. Всѣ эти экспедиціи, даже и въ томъ случаѣ, если онѣ не вели къ фактическому распространенію торговли, сильно поддерживали въ націи стремленіе къ приключеніямъ, которое повело къ несравненнымъ подвигамъ въ слѣдующемъ царствованіи.

Въ 1553 году знаменитый корабль Henri Grace a Dieu, получившій

---

[1]) Слѣдуетъ, однако, сказать, что многіе изъ современныхъ ученыхъ сильно сомнѣваются въ правѣ Себастьяна Кабота считаться изслѣдователемъ. Ср. Гарриса — Discovery of N. A. и Кута: Dict. of Nation. Biography, статья Cabot.

въ то время названіе «Эдуардъ», сгорѣлъ въ Вульвичѣ и въ теченіе многихъ лѣтъ въ англійскомъ флотѣ небыло корабля, равнаго ему по величинѣ и великолѣпію.

Открытія и изслѣдованія 1512—1558

Раймонда Бизли.

Послѣ смерти старшаго Кабота сынъ его Себастіанъ исчезаетъ для исторіи до 1512 года. Онъ снова появляется капитаномъ испанской службы, въ которую онъ поступилъ, какъ утверждаютъ, отъ негодованія на небрежность и скаредничество своихъ англійскихъ патроновъ, но въ 1517 году мы снова встрѣчаемъ его на службѣ Генриха VIII; онъ вмѣстѣ съ Томасомъ Пертомъ, разыскиваетъ сѣверозападный проходъ. Онъ достигъ $67^1/_2$ градуса широты; говорятъ, что онъ былъ даже въ Гудзоновомъ заливѣ и «далъ англійскія названія нѣкоторымъ мѣстамъ тамъ». Но все это сомнительно; по одному преданію даже арена открытій переносится съ крайняго сѣвера на крайній югъ и достовѣрно только то, что Пертъ поссорился съ своимъ товарищемъ Каботомъ и что экипажъ возмутился [1]). Вѣроятно, что въ силу такой неудачи Себастіанъ снова перемѣнилъ англійскую службу на испанскую и вернулся въ Англію только послѣ воцаренія Эдуарда, когда торговое честолюбіе англичанъ наконецъ заставило ихъ сдѣлать нѣкоторыя усилія и когда великое предпріятіе отыскиванія сѣверовосточнаго прохода, испробованное шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ португальцами при королѣ Іоаннѣ II, было снова предпринято лондонской кампаніей Merchant Adventurers. Съ этихъ поръ началась эра непрерывныхъ англійскихъ открытій. Предпріятія первой половины 16 вѣка не могутъ быть отнесены къ средневѣковому періоду, но они не могутъ также быть отнесены и къ періоду новому. Это было эпохой измѣненія и приготовленія, когда иностранные моряки дали англичанамъ нѣкоторое представленіе о новыхъ странахъ. Въ это время открытія русской торговли и попытокъ отысканія сѣверовосточнаго прохода англичане были готовы работать въ своихъ интересахъ, для своихъ выгодъ и тогда то начинается вѣкъ авантюристовъ и открывателей, создавшихъ наши колоніи и нашу всемірную торговлю.

Каботъ. Сѣверо-западный проходъ. Сѣверо-восточный проходъ.

Въ 1549 году Себастіанъ Каботъ получилъ жалованье въ 250

---

[1]) Также какъ въ первое англійское путешествіе въ Гвинею и Бенинъ въ 1559 г. англійскій капитанъ Уиндгамъ ссорился съ португальцемъ Пинтеадо.

марокъ и мѣсто, такъ сказать, королевскаго географа, т. е., онъ сдѣлался главнымъ совѣтникомъ правительства во всѣхъ дѣлахъ относительно новаго движенія торговли и изслѣдованій и хотя это движеніе не повело ни къ какимъ крупнымъ попыткамъ до времени путешествія къ Архангельску въ 1553 году, тѣмъ не менѣе царствованіе Эдуарда было временемъ подготовки, когда не только говорили о морскихъ предпріятіяхъ, но и приступили къ нимъ, хотя король умеръ раньше достиженія какихъ либо крупныхъ результатовъ.

Ордонансы Кабота.

Гаклитъ въ своемъ собраніи англійскихъ путешествій даетъ намъ «ордонансы, инструкціи и извѣщенія для направленія предполагаемыхъ путешествій Чанселора и Виллоуби въ Китай, составленныя, сдѣланныя и переданныя Себастіаномъ Каботомъ, управляющимъ мистеріей и кампаніей Merchant Adventurers для открытія неизвѣстныхъ областей», отъ 9 мая 1553 года. Эти ордонансы, которыхъ тридцать три, составляютъ нѣчто въ родѣ изложенія обязанностей человѣка, какъ моряка, протестанта и торговца. «Не должно быть несогласій между экипажемъ»—гласитъ первая изъ нихъ. Вторая, третья и четвертая говорятъ о «преданности и повиновеніи королю и капитанамъ». Въ 5 и 6 власть капитана ограничивается совѣтомъ. Въ седьмой предписывается содержаніе лага и веденіе журнала; «все должно дѣлаться по общему согласію», гласитъ восьмая; девятая говоритъ о недѣльныхъ отчетахъ; десятая о соблюденіи дисциплины; одиннадцатая предписываетъ ссаживать на берегъ неудобныхъ личностей; двѣнадцатая воспрещаетъ кощунство и дурные разговоры. Тринадцатая предписываетъ каждодневно молиться два раза и читать библію и Парафразъ; 22 воспрещаетъ на корабляхъ религіозные споры и проповѣдь и обращенія въ свою вѣру въ иностранныхъ портахъ; 15, 16 и 17 статьи этого кодекса требуютъ умѣренности, чистоты, и ношенія мундировъ и необходимой одежды; 18 и 19 предписываютъ «нести тяготы другъ друга», всѣ должны ухаживать за больными, имущество умершихъ должно быть сохранено для ихъ вдовъ и сиротъ. Въ 20 и 21 воспрещается всякая частная торговля, ибо «всякій долженъ помнить, что онъ принадлежитъ къ мистеріи и кампаніи».

23 ордонансъ предписываетъ добывать отъ туземцевъ всѣ возможныя свѣденія о новыхъ странахъ и торговлѣ; «если вы напоите своимъ виномъ такихъ людей, гласитъ 24 ордонансъ, вы должны узнать всѣ ихъ тайны». Послѣднія девять статей трактуютъ о дисциплинѣ—матросы не должны заходить далеко во внутрь страны, они никогда не должны раздражать иностранцевъ насмѣшками надъ ихъ странными нравами, слѣдуетъ записывать описанія всѣхъ новыхъ земель, туземцевъ слѣдуетъ приманивать на корабли шумомъ и краснымъ видомъ. При выходѣ для развлеченія на берегъ слѣдуетъ быть вооруженнымъ и въ большой кампаніи; но люди не должны

бояться варваровъ. На кораблѣ всегда должна быть вахта и слѣдуетъ извѣщать лондонскихъ купцовъ обо всемъ, что дѣлается. Таковъ былъ послѣдній актъ Себастіана Кабота въ качествѣ королевскаго географа; мы говорили уже, что въ журналѣ Стефана Бурофа упоминается о немъ нѣсколько позднѣе, когда онъ былъ въ Гревзендѣ и очень заботился объ успѣхѣ путешествія въ Россію.

На смертномъ одрѣ (1557) онъ сказалъ своему другу Эдену, что «онъ умѣетъ находить долготу въ силу божественнаго откровенія, но что не можетъ выучить этому никого», при чемъ Эденъ подумалъ, что «добрый старикъ отъ ветхости немного одурѣлъ и даже въ свой предсмертный часъ не могъ совершенно отдѣлаться отъ мірского тщесловія».

Исторія этого путешествія и его результатовъ относится уже къ царствованію Маріи и къ героическому вѣку англійской предпріимчивости, къ вѣку Елисаветы. Со времени инструкцій Кабота и отплытія кораблей Edward Bonaventure и Bona Èsperanza изъ Темзы въ 1553 году мы вступаемъ въ новый періодъ. Прежде чѣмъ говорить о немъ, посмотримъ, не было ли иныхъ предшественниковъ великихъ мореплавателей вѣка Елисаветы, кромѣ находившихся въ англійской службѣ иностранцевъ. Правда, что они совершили главную работу, но при нихъ начался кризисъ въ національной предпріимчивости, когда остаться дома значило разъ на всегда остаться позади всѣхъ.

Другіе изслѣдователи.

Помимо путешествій Каботовъ мы имѣемъ свидѣтельство о ростѣ интереса англичанъ къ открытіямъ и морскимъ предпріятіямъ при Генрихѣ VIII и Эдуардѣ VI. Собраніе путешествій Гаклита, составленное въ концѣ 16 вѣка, заключаетъ въ себѣ много страницъ оригинальныхъ отчетовъ о раннихъ приключеніяхъ нашихъ «морскихъ волковъ» въ тѣхъ моряхъ, гдѣ вскорѣ они заняли первое мѣсто; эти отчеты составляютъ такую важную и интересную главу нашей исторіи, они настолько цѣнны для пониманія того, какимъ путемъ Англія превратилась въ великую имперію, что мы не можемъ не привести ихъ.

Робертъ Торнъ.

Въ 1527 году путь былъ подготовленъ «Декларацією объ Индіяхъ и земляхъ, открытыхъ и подчиненныхъ императору и королю Португаліи и о другихъ земляхъ Индій и богатыхъ странъ, *еще неоткрытыхъ*, взять которыя въ свои руки достаточный мастеръ Робертъ Торнъ, купецъ изъ Лондона, долго жившій въ городѣ Севильи, увѣщевалъ короля Генриха VIII». Кромѣ этой книги тотъ же мастеръ Робертъ оставилъ другую о томъ же предметѣ и написанную въ тоже время: «Свѣденія объ открытыхъ земляхъ и о пути къ Моллукскимъ островамъ чрезъ сѣверъ».

Декларація Торна представляетъ не простой отчетъ объ открытіяхъ португальцевъ и испанцевъ и о томъ, что могутъ найти англичане, если послѣдуютъ ихъ примѣру. Она преслѣдуетъ спеціальную за-

дачу; она не только указываетъ, что дѣлать, но и какъ дѣлать, чтобы сдѣлать по крайней мѣрѣ одну изъ великихъ торговыхъ дорогъ монополіей Англіи. Какъ люди принца Генриха Мореплавателя открыли новый морской путь вокругъ Африки мимо мыса Доброй Надежды въ Индію, такъ теперь нашъ народъ, говоритъ мастеръ Робертъ, можетъ открыть новый морской путь вокругъ сѣвера Европы и Азіи въ Китай и Индію. Это единственный остающійся свободнымъ путь, повторяетъ онъ не одинъ разъ, ибо все остальное, всѣ другія дороги (исключая сѣверозападнаго прохода) уже заняты другими. Потому англійскіе изслѣдователи должны пытаться идти чрезъ Татарію къ Малаккѣ и назадъ мимо мыса Доброй Надежды или мимо Сѣвера Америки чрезъ Тихій океанъ и вернуться Магеллановымъ проливомъ, «Хвостомъ Дракона» или проливомъ Всѣхъ Святыхъ; или они должны рѣшиться на третью попытку, подобную современной попыткѣ Нансена достичь и пройти сѣверный полюсъ. «Послѣ того, какъ они пройдутъ полюсъ, они пойдутъ прямо къ антарктическому полюсу и потомъ отклонятся къ морямъ и землямъ, находящимся между тропиками и подъ равноденственной линіей, гдѣ безъ сомнѣнія они найдутъ богатѣйшія въ мірѣ земли и острова съ золотомъ, пряностями и благовоніями, съ драгоцѣнными камнями и другими вещами, кои мы особенно цѣнимъ и кои получаемъ изъ иностранныхъ земель—и оттуда они могутъ вернуться той же дорогой».

Почтенный купецъ въ своей книгѣ упоминаетъ о путешествіи Кабота 1526 года, когда онъ былъ на службѣ въ Испаніи и сравниваетъ продукты тропиковъ съ англійскими и даже «карты, по которымъ они плаваютъ, очень непохожія на наши». Потомъ при помощи составленной имъ самимъ карты онъ старается доказать, что «нашъ путь (сѣверовосточнымъ или сѣверозападнымъ проходомъ) къ сказаннымъ островамъ пряностей будетъ ближе почти на 2000 лье, чѣмъ путь императора и португальскаго короля» и что «найденная нами земля (Ньюфаундленъ и Лабрадоръ) *одно и тоже съ Индіями*». Мастеръ Робертъ, признавъ существованіе Тихаго океана и заставляя своихъ путешественниковъ по сѣверозападному проходу возвращаться домой чрезъ Магелановъ проливъ, настолько желалъ доказать право англичанъ на Индіи и даже то, что они уже и владѣютъ ими, что не останавливается на такомъ пустякѣ, какъ опущеніе цѣлаго океана.

«Берегъ отъ Индіи (продолжаетъ онъ) заворачиваетъ къ югу, къ нѣкоему узкому морю, именуемому проливомъ Всѣхъ Святыхъ (Магелановъ) и этимъ проливомъ испанцы и плаваютъ къ своимъ островамъ пряностей». Отъ нашей вновь найденной земли (Ньюфаундлена) до пролива Всѣхъ Святыхъ на крайнемъ югѣ американскаго материка онъ считаетъ 5000 лье, а «нашъ путь чрезъ полюсъ къ этимъ остро-

вамъ» 2000 лье, вмѣсто 4000 пути испанцевъ чрезъ Магеллановъ проливъ или португальцевъ мимо мыса Доброй Надежды. Въ отвѣтъ на возраженіе о невыносимомъ холодѣ этого полярнаго пути онъ довольно основательно выставляетъ другое возраженіе о невыносимомъ тропическомъ жарѣ, на основаніи раннихъ плаваній португальцевъ и итальянцевъ. «Нѣтъ ни одной необитаемой страны, нѣтъ ни одного непроходимаго моря, Nihil fit vacuum in Rerum Natura».

Сѣверо-восточный и сѣверо-западный проходы.

Въ силу именно такого разсужденія начинаются попытки англичанъ найти сѣверовосточный проходъ съ путешествія Чанселора и Виллогби въ 1553 году ;эти попытки, сами по себѣ неудачныя, тѣмъ не менѣе составляютъ начало непрерывныхъ открытій англичанъ и имѣли успѣхъ, такъ какъ изслѣдованіе Бѣлаго моря и открытіе торговли съ Россіей поддерживали интересъ къ преслѣдованію задачи, которую шведъ Норденшильдъ, въ первый разъ проплывъ мимо сѣверныхъ береговъ Стараго Свѣта, призналъ осуществимой, но совершенно безполезной. Съ такой же безполезной энергіей пытался рѣшить проблему сѣверозападнаго прохода, послѣ путешествія Кабота 1497 года, Джонъ Рутъ въ 1527 году; онъ плылъ по берегу къ сѣверу до 53°, нѣсколько дальше восточнаго мыса Лабрадора, и вернулся мимо Ньюфаундлена, мыса Бретона и берега Мэна.

Таковы были путешествія къ сѣверу и сѣверовостоку во время царствованій Генриха VIII и Эдуарда VI. Планъ былъ составленъ, но для исполненія его было сдѣлано мало до тѣхъ поръ, пока Англія не созрѣла вполнѣ для своего дѣла торговли и колонизаціи.

Торговля въ Средиземномъ морѣ.

Путешествія къ югу и къ юговостоку Гаклитъ дѣлитъ на два разряда: первыя чрезъ Гибралтарскій проливъ, вторыя мимо его. Первыя, имѣющія отношеніе къ торговлѣ англійскихъ портовъ въ Средиземномъ морѣ, не представляютъ особаго интереса, кромѣ интереса ихъ для исторіи торговли. Путешествія Holy Cross и Matthew Gunson въ Критъ и Хіосъ въ 1534 году, путешествіе Томаса Чалонера въ Алжиръ съ Карломъ V въ 1541 году, путешествіе Рожера Боденгама въ Левантъ въ 1550 году, и путешествіе Джона Лока въ Іерусалимъ въ 1553 году достаточно доказываютъ развитіе англійской торговли и даютъ раннія англійскія описанія береговъ Средиземнаго моря и отчеты о нападеніи турокъ на Мальту и рыцарей св. Іоанна—но они не были изслѣдованіями въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Южныя плаванія.

Второй разрядъ плаваній къ югу, не чрезъ Гибралтарскій проливъ, болѣе интересенъ. Хотя португальскіе моряки и изслѣдовали въ теченіе трехъ поколѣній южный Атлантическій океанъ, только теперь, въ первые годы 16 вѣка, англичане въ первый разъ нашли дорогу къ новымъ землямъ и морямъ, открытымъ для Европы и для христіанскаго міра со временъ Генриха Мореплавателя. Имѣется замѣтка другого Торна-Николаса, который также, какъ и Робертъ, былъ купцомъ и патріотомъ—объ англійской торговлѣ съ Канарскими остро-

вами. Эта замѣтка составлена не позднѣе 1526 года и, «вѣроятно, много раньше», какъ говоритъ Гаклитъ, ибо Торнъ и другіе «производили обычную и привычную торговлю съ этими островами». Изъ старой торговой книги Николасъ дѣлаетъ извлеченія объ этой западно африканской торговлѣ. Обмѣнная торговля (barter) западно-индійскими товарами велась въ Тенерифѣ, продукты Канарскихъ острововъ: сахаръ, красильное дерево, козьи шкуры, ввозились въ Англію; разсказывали объ одномъ англійскомъ купцѣ, нѣкоемъ Томѣ Тисонѣ, жившемъ въ этихъ мѣстахъ раньше того времени, когда писалъ Николасъ Торнъ.

Канарскіе острова и сѣверо-западная Африка.

Описаніе Канарскихъ острововъ, «составленное Томасомъ Никольсомъ, жившимъ тамъ семь лѣтъ», напечатано Гаклитомъ подъ 1547 годомъ; это описаніе, вмѣстѣ съ путешествіемъ корабля Lion — изъ Лондона—въ Морокко въ 1551 году уясняютъ замѣтку Торна. Эти замѣтки, сами по себѣ не представляющія ничего особеннаго, указываютъ, однако, на великое будущее; тѣже идеи, тоже громадное честолюбіе и безустанная энергія проглядываютъ какъ въ замѣткахъ этихъ купцовъ, такъ и въ болѣе научныхъ произведеніяхъ, вродѣ сочиненія Роберта Торна или въ подвигахъ Чанселора или Дрека. Напримѣръ, въ письмѣ Джемса Альдай къ его лондонскимъ друзьямъ о мороккской торговлѣ, этотъ Алдай пишетъ не только какъ «основатель сказанной торговли», но также какъ человѣкъ, «ознакомленный съ намѣреніемъ преслѣдовать старую задачу объ открытіи Китая». За первымъ путешествіемъ въ Берберію въ 1551 году слѣдовали второе въ 1552 и третье въ 1553 году, въ годъ отправленія Чанселора въ Московію и Китай, когда Уиндгамъ привелъ первый англійскій корабль въ Гвинею и въ Бенинъ—или, говоря иначе, объѣхалъ Зеленый мысъ и плавалъ по южнымъ морямъ, приблизившись къ линіи, къ которой сто лѣтъ тому назадъ первые европейцы, моряки принца Генриха, приближались съ трепетомъ и съ увѣренностью, что они превратятся въ «черныхъ мавровъ».

Столкновеніе съ Португаліей.

Какъ и слѣдовало ожидать, подобное вторженіе въ португальскія моря было опаснымъ дѣломъ. Люди, изслѣдовавшіе Атлантическій океанъ и желавшіе исключить изъ этихъ морей всѣхъ соперниковъ, пришли въ ярость и понадобилось не мало дипломатическаго искусства, чтобы предотвратить открытую войну. Это очевидно изъ отчета Гаклита о гнѣвѣ португальцевъ и изъ сообщаемаго имъ письма Генриха VIII къ Іоанну III въ 1531 году, «по дѣлу о португальскомъ кораблѣ, нагруженномъ въ Хіосѣ товарами Джона Грешама и другихъ, и ошибочно разгруженнаго въ Португаліи». Уже въ 1481 году португальскій дворъ вмѣшался для охраненія своей монополіи въ Африкѣ и въ Южномъ океанѣ отъ англійскихъ вторженій и Эдуардъ IV обѣщалъ Іоанну II помѣшать Джону Тинтарну и Вилльяму Фабіану совершить ихъ путешествіе въ Гвинею.

Старый союзъ Англіи и Португаліи, ведшій свое начало съ двѣнадцатаго вѣка и обезпечившій Іоанну I и принцу Генриху завладѣніе Сеутой въ Берберіи въ 1415 году, привлекавшій англичанъ къ двору этого принца Генриха, родоначальника и героя новыхъ открытій, подвергался теперь большой опасности благодаря неукротимой энергіи волонтеровъ. По мѣрѣ того, какъ шансы выигрыша росли, по мѣрѣ расширенія сферы дѣятельности, по мѣрѣ того, какъ все европейское общество все сильнѣе и сильнѣе охватывалось стремленіемъ къ обогащенію и къ приключеніямъ, по мѣрѣ того, наконецъ, какъ въ немъ усиливалось сознаніе своего могущества—становилось все болѣе и болѣе труднымъ поддержаніе стараго королевскаго права воспрещать путешествія, захватывать частные корабли, наказывать путешественниковъ, не получившихъ королевскаго разрѣшенія на плаваніе, пытками и смертью, «колесованіемъ и мученіемъ всѣхъ, кого только могли захватить», все труднѣе и труднѣе было заставить уважать королевское воспрещеніе: «пусть каждый остается въ своемъ элементѣ; я не долюбливаю путешествующихъ моряковъ». Не одно правительство, а и народъ обезпечилъ успѣхъ планамъ Генриха Мореплавателя; не одно правительство, а и народъ въ Англіи направилъ національное честолюбіе на созданіе не континентальной, а колоніальной имперіи.

Путешествія въ Америку.

Наконецъ, тотъ же интересъ народа проявляется и въ третьей книгѣ Гаклита: «О путешествіяхъ въ западныя части міра», гдѣ Каботы были не единственными людьми, служившими англійской коронѣ. Въ маѣ 1527 года состоялось уже отмѣченное нами путешествіе двухъ кораблей Джона Рута для отысканія сѣверозападнаго прохода, имѣвшее значеніе для распространенія уже имѣвшихся свѣденій о сѣверной Америкѣ; въ 1536 году совершено путешествіе «Гора и разныхъ иныхъ» къ Ньюфаундлену и мысу Бретонъ. До 1526 года совершено путешествіе Тома Тисона, Тенерифскаго торговца, въ западную Индію; въ 1530 и 1532 годахъ мастеръ Вилльямъ Гавкинсъ, отецъ сэра Джона Гавкинса, совершилъ два первыя англійскія путешествія въ Бразилію, а съ 1540 и 1542 годахъ «нѣкто Рейнигеръ и нѣкто Пудсей» повторили попытку Гавкинса. Въ 1548 году Америка уже обращаетъ на себя вниманіе англійскаго парламента, актъ (2 Эдуарда VI) относительно рыбной ловли въ Ньюфаундленѣ былъ не только первымъ нашимъ статутомъ, относящимся къ Новому Свѣту, но и самъ по себѣ представляетъ доказательство того, что правительства, дворы и совѣты—хотятъ они этаго, или нѣтъ—вовлекаются въ колонизаціонное движеніе, обычно слѣдующее за открытіями, частной предпріимчивостью. «Сила народа позволяетъ намъ царствовать».

Изслѣдованія при Маріи.

Пятилѣтнее царствованіе Маріи было началомъ великаго движенія англійскихъ изслѣдованій, приключеній и торговли—движенія, составлявшаго первые шаги по пути къ колонизаціи. Наиболѣе поразитель-

Сѣверо-восточный проходъ.

ный фактъ въ этихъ начинаніяхъ, это, конечно, отыскиваніе сѣверовосточнаго прохода. «Новое плаваніе и открытіе царства Московіи, предпринятое въ 1553 году сэромъ Гугомъ Виллогби, рыцаремъ, и совершенное Ричардомъ Чанселоромъ, старшимъ кормчимъ (pilot major) путешествія».

Мы видѣли уже, какія инструкціи—подробныя, заботливыя и дѣловыя—были даны флоту до его отправленія въ плаваніе Себастіаномъ Каботомъ. Вся исторія приготовленія къ плаванію относится къ царствованію его сестры. Молодой король былъ уже боленъ при отправленіи кораблей и «вскорѣ послѣ ихъ отплытія произошелъ печальный и достойный сожалѣнія случай—его смерть».

Отыскиваніе новыхъ рынковъ.

Гаклитъ очень опредѣленно указываетъ, что предпріятіе 1553 года не было случайнымъ. «Въ это время наши купцы замѣтили, что товары Англіи мало требуются въ сосѣднихъ странахъ, ближайшими къ намъ народами, что товары, которыхъ иностранцы серьезно желали раньше, теперь пренебрегаются и что цѣна на нихъ понизилась, хотя мы и привозимъ ихъ къ ихъ портамъ, а всѣ иностранные товары въ большой цѣнѣ; потому многіе видные граждане Лондона начали думать, какъ исправить это зло. Средство исцѣленія было на лицо — какъ богатство испанцевъ и португальцевъ замѣчательно увеличилось благодаря открытію и изысканію новыхъ странъ и новой торговли, такъ это будетъ средствомъ добиться того-же, по предположенію нѣкоторыхъ, если они рѣшатся на новыя и неизвѣстныя плаванія».

Приготовленія къ плаванію.

Приготовленія къ осуществленію плана были настолько же тщательны, насколько самый планъ былъ зрѣло обдуманъ. «Я не знаю, чему больше удивляться: заботливости ли купцовъ или старанію корабельщиковъ; купцы добывали крѣпкія и хорошо высушенныя доски для постройки кораблей, а корабельщики старательно конопатили, смолили и дѣлали ихъ прочными и крѣпкими всяческими превосходными изобрѣтеніями. Ибо они слыхали, что въ океанѣ водится такой червь, который часто продырявливаетъ и проѣдаетъ самый крѣпкій дубъ, потому, чтобы обезопасить моряковъ отъ такой опасности, они покрыли часть корабельнаго киля тонкимъ свинцовымъ листомъ; когда такимъ образомъ корабли были построены и ихъ снабдили орудіемъ и артилеріей, оставалась еще одна, не менѣе трудная забота, т.е. снабженіе ихъ провіантомъ».

Такъ какъ путешествіе было далекимъ и рискованнымъ, такъ какъ «наши люди должны пройти огромную и холодную часть свѣта», то корабли были провіантированы на восемнадцать мѣсяцевъ и позаботились до отплытія «узнать все, что было можно, относительно восточной части міра. По этой причинѣ два татарина, которые были тогда при королевскихъ конюшняхъ, были вызваны и черезъ толмача ихъ распрашивали объ ихъ странѣ и объ ихъ обычаяхъ. Но

они ничего не могли сказать по этому поводу, такъ какъ они болѣе знакомы, какъ откровенно и весело признался одинъ изъ нихъ, съ поворачиваніемъ горшковъ въ печи, чѣмъ съ положеніемъ государствъ и съ настроеніемъ народовъ».

Отправленіе экспедиціи Виллогби.

Было рѣшено отплыть 20 мая «изъ Ратклифа (близь лондонскихъ доковъ) при отливѣ, если такъ будетъ угодно Богу... Они простились—одинъ съ женой, другой съ родственниками, третій съ друзьями, которые еще дороже родственниковъ, и были готовы къ назначенному дню, и поднявъ якорь, они отплыли, съ легкостью плывя сначала до Гринвича; на буксирѣ у большихъ кораблей были боты и баржи, матросы всѣ были одѣты въ голубыя куртки и старательно гребли, и подойдя къ Гринвичу, гдѣ въ то время находился дворъ, они увидали, что вышли придворные при извѣстіи объ ихъ прибытіи, сбѣжался и народъ, и стоялъ толпами на берегу. Частный совѣтъ выглядывалъ изъ оконъ дворца, а другіе стояли на башняхъ; тогда корабли выгрузили свои пушки и выстрѣлили изъ нихъ по военному, такъ что вершины холмовъ огласились звуками выстрѣловъ и эхо отразилось на водахъ и въ долинахъ, и матросы закричали такъ громко, что небо отразило ихъ крики. Кто стоялъ на кормѣ корабля и жестами прощался съ своими друзьями, кто ходилъ по палубѣ, кто влѣзъ на мачту, кто былъ на вантахъ. Это было истинно прекрасное зрѣлище».

Такимъ образомъ три корабля [1]) съ приливомъ прошли мимо Вульвича и Гарвича и «наконецъ, при хорошемъ вѣтрѣ они распустили паруса и направились въ море, посылая послѣднее прости своей родинѣ. Многіе оглядывались назадъ и не могли удержаться отъ слезъ».

Послѣ нѣсколькихъ дней плаванія они вдали увидали землю и подошли къ острову Розы, а потомъ къ группѣ, называемой «Исландскій Крестъ», не далеко отъ фіордовъ Норвегіи. «Но въ тотъ же день послѣ обѣда, около четырехъ часовъ, началась такая большая буря и море было такъ страшно, что корабли не могли удержать своего курса. Тогда мастеръ Гугъ Виллогби изо всѣхъ силъ кричалъ Ричарду Чанселору и просилъ его не отходить далеко; но Чанселоръ не хотѣлъ или не могъ слѣдовать за нимъ, такъ какъ Виллогби плылъ очень быстро, а его (Чанселора) корабль былъ медленнѣе на ходу, чѣмъ адмиральскій. Вышеупомянутый адмиральскій корабль на всѣхъ парусахъ уносился съ такой быстротой, что вскорѣ онъ совсѣмъ пропалъ изъ виду, также, какъ и третій корабль»—и ихъ

---

[1]) Адмиральскій корабль Виллогби назывался Bona Esperanza; Edward Bonaventure, корабль Чанселора, самый большой изъ трехъ, 160 тонъ, съ 50 человѣкъ экипажа (у Виллогби 35). Третій Bona Confidentia—22 человѣка; всѣ снабжены провіантомъ на 11 мѣсяцевъ, на корабляхъ было 18 купцовъ.

уже больше не видали до тѣхъ поръ, пока русскіе не нашли экипажа замерзшимъ на смерть [1]).

Путешествіе Чанселора.

«Такимъ образомъ Ричардъ Чанселоръ остался одинъ, съ тяжелымъ сердцемъ и огорченный разсѣяніемъ флота и направился къ Вардегузу въ Норвегіи, чтобы дождаться тамъ прибытія остальныхъ. Потомъ, тщетно ожидая ихъ прибытія, онъ рѣшился наконецъ плыть дальше одинъ и когда онъ приготовлялся къ отплытію, онъ встрѣтился и разговорился съ нѣкоими шотландцами, которые изъ доброжелательства начали серьезно разубѣждать его оставить предпріятіе, пугая его опасностями, которымъ онъ будетъ подвергаться».

«Но онъ, считая непостоянство и легкомысліе недостойными качествами, не обратилъ вниманія на такія рѣчи шотландцевъ, рѣшившись или довести до конца начатое или умереть».

Экипажъ Чанселора раздѣлялъ взгляды и настроеніе капитана, онъ «былъ готовъ вынести всѣ испытанія и всяческія приключенія», а капитанъ, «преисполненный такой же любви къ нимъ, боялся только одного: чтобы благодаря какой нибудь его ошибкѣ не подверглась опасности вся его кампанія».

Открытіе Россіи.

Итакъ, «когда надежда на прибытіе остальныхъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе покидала ихъ, они снова пошли въ море и мастеръ Чанселоръ направилъ свой курсъ къ неизвѣстной части свѣта и заплылъ такъ далеко, что, наконецъ, прибылъ къ мѣсту, гдѣ совсѣмъ не было ночи, а постоянный свѣтъ и солнечный блескъ, гдѣ солнце отражалось въ громадномъ морѣ. Благодаря такому постоян-

---

[1]) Судьба Гуга Виллогби, одного изъ первыхъ мучениковъ нашихъ плаваній, интересна, какъ исторія хотя и неудачнаго, но смѣлаго и несчастнаго плаванія. Разставшись съ Чанселоромъ, онъ плавалъ въ сѣверныхъ моряхъ отъ 30 іюля до 18 сентября 1553 г., пытаясь тщетно войти въ гавань Вардегуза. 18 сентября онъ вошелъ въ устье рѣки Арцины близъ Колы въ Лапландіи и журналъ Виллогби, изданный Гаклитомъ, говоритъ, что „онъ оставался тамъ недѣлю. Видя, что время года позднее, и что погода дурная, — морозъ, снѣгъ и градъ, онъ рѣшилъ перезимовать тамъ“...

Далѣе: „мы выслали трехъ человѣкъ къ Ю. В., не найдутъ ли они людей; они ходили три дня, но не встрѣтили никого. Тогда мы выслали опять троихъ на четыре дня пути къ западу — и они также вернулись, никого не видавъ. Тогда мы выслали еще троихъ на три дня пути къ Ю. В.; они также вернулись, не найдя не людей, ни признаковъ жилья“. Нѣкоторые изъ людей были живы въ этой „Гавани Смерти“ до января 1554 г., ибо въ этомъ мѣсяцѣ Габріель Виллогби составилъ и подписалъ свое завѣщаніе. Въ 1557 г. ихъ искалъ Стефенъ Бурофъ и слышалъ о погибели Bona Confidentia, а о кораблѣ Виллогби, Bona Speranza, не было ничего извѣстно, пока Антоній Дженкинсонъ, въ началѣ 1558 г., будто бы получилъ достовѣрныя свѣденія о погибели сэра Гуга со всѣми его людьми. Но по свидѣтельству Purchas'a, задолго до этого, весной 1554 года русскіе нашли Bona Speranza, но „изъ экипажа ни одного не было уже въ живыхъ“.

нему въ теченіи многихъ дней свѣту они съ Божьяго соизволенія вошли въ большой заливъ, шириной въ сто миль или около того. Они вошли въ него и пройдя нѣкоторое пространство, бросили якорь, осматриваясь вокругъ и увидали, наконецъ, рыбачью лодку. Чанселоръ окрикнулъ ее, но рыбаки, испугавшись невиданной ими величины корабля, начали уходить и убѣжали. Когда капитанъ догналъ ихъ, они пали передъ нимъ ницъ, полумертвые отъ страха и цѣловали его ноги, но онъ по своей великой и привычной вѣжливости, дружелюбно взглянулъ на нихъ и успокоивалъ ихъ знаками и жестами, отказываясь отъ ихъ поклоненій и самымъ любезнымъ образомъ поднимая ихъ. И они постепенно распространили слухи о людяхъ необыкновенно добрыхъ и вѣжливыхъ, такъ что начали приходить люди и щедро приносили новоприбывшимъ провизію и не отказывались вести съ ними торговлю»—и только ждали разрѣшенія ихъ царя.

«Въ это время наши люди узнали, что эта страна называется Россія или Московія и царь у нихъ Іоаннъ IV» или Иванъ Грозный. Англичане находились въ Бѣломъ морѣ, у Пермской земли, близъ того мѣста, гдѣ послѣ былъ построенъ Архангельскъ; въ Москвѣ вскорѣ были получены извѣстія объ англичанахъ, «посланныхъ къ этимъ берегамъ отъ свѣтлѣйшаго короля, Эдуарда VI».

Иванъ немедленно же пригласилъ ихъ явиться ко двору, давъ имъ лошадей для далекого сухопутнаго путешествія; но такъ какъ «въ силу трудностей путешествія они разсудили не дѣлать его, то онъ разрѣшилъ имъ торговать» на мѣстѣ ихъ стоянки.

Но такой милостивый отвѣтъ нѣсколько замедлилъ и «правители» того мѣста не хотѣли разрѣшить этого безъ формальнаго позволенія и Чанселоръ, «долго и тщетно ожидая разрѣшенія и думая, что они, такъ долго откладывая дѣло, намѣреваются обмануть его», рѣшилъ завершить свое смѣлое плаваніе смѣлой поѣздкой по материку. Угрожая московитамъ своимъ отъѣздомъ, онъ заставилъ ихъ доставить ему все необходимое и отвезти его къ ихъ государю.

И такъ «мастеръ Чанселоръ уѣхалъ на саняхъ, обычныхъ въ этой странѣ—такъ какъ тамъ благодаря чрезвычайной трудности дороги, люди почти не знаютъ другихъ способовъ передвиженія».

«Проѣхавъ большую часть пути, они встрѣтили посланныхъ царемъ на саняхъ, которые по ошибкѣ заблудились и подошли къ морскому берегу вблизи страны татаръ, думая тамъ найти нашъ корабль». Посланный передалъ Чанселору письмо царя, «написанное самымъ вѣжливымъ и любезнымъ манеромъ и сообщающее ему, что дано положительное приказаніе давать ему и его кампаніи безвозмездно почтовыхъ лошадей. И всѣ русскіе во время путешествія такъ охотно дѣлали это, что даже спорили и даже дрались изъ за того, кому изъ нихъ запрягать лошадей въ сани», и совершивъ та-

кимъ образомъ почти 1500 миль такого новаго пути, «мастеръ Чанселоръ наконецъ прибылъ въ Москву, столицу».

Такъ кончается разсказъ объ открытіи Россіи—о путешествіи, бывшемъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ наиболѣе важнымъ изъ всѣхъ англійскихъ путешествій. Если открытія Дрэка, Фробишера, Дэвиса, Гудзона и Кука и болѣе знамениты, чѣмъ открытіе Ричарда Чанселора, то все же это послѣднее было первымъ шагомъ всего этого движенія; въ этомъ первомъ шагѣ мы видимъ начало Великобританіи, какъ и имперіи—начало не въ силу счастливой случайности, а въ силу обдуманнаго плана развитія англійской торговли, въ силу смѣлости, имѣвшей значеніе большее, чѣмъ первые очевидные успѣхи, такъ какъ результаты этой смѣлости были гораздо важнѣе, чѣмъ простое начало торговли съ полуварварской въ то время Россіей. По пріѣздѣ въ Москву Чанселоръ началъ наблюдать и записывать. Въ своемъ продолжительномъ странствованіи чрезъ «Бѣлую Россію» онъ отмѣчаетъ «ея многія и большія рѣки, главную изъ которыхъ они на своемъ языкѣ называютъ Волгой, а кромѣ нея Донъ и Днѣпръ, большія озера и пруды Московіи и болотистую почву во многихъ мѣстахъ».

«Рифейскихъ горъ, однако, гдѣ вѣчно лежитъ снѣгъ, и другихъ чудесъ, изобрѣтенныхъ древними греками, наши люди не видали, и не привезли домой никакихъ разсказовъ о нихъ». Наоборотъ «вся страна ровная, полевая и въ ней мало холмовъ; къ сѣверу очень большіе лѣса, въ которыхъ много хвойныхъ деревьевъ». Чанселоръ провелъ въ Московіи три лѣтнихъ мѣсяца, отъ іюня до сентября, такъ что онъ только по разсказамъ могъ говорить о «сѣверныхъ частяхъ страны, столь холодныхъ, что даже вода, истекающая изъ сырого дерева, подкладываемаго въ огонь, замерзаетъ, такъ что въ очагѣ можно видѣть и огонь и ледъ въ одно время. Но даже и въ лѣтніе мѣсяцы оставшіеся на кораблѣ люди, переходя изъ каютъ на ванты, часто задыхались отъ холода и падали почти замертво».

«Большое разсужденіе» въ оригиналѣ журнала Чанселора о Москвѣ, государѣ и его дворѣ, объ обычаяхъ народа, слишкомъ обширно, чтобы приводить его въ этомъ извлеченіи.

Тѣмъ не менѣе приведемъ нѣкоторыя мѣста, указывающія, какое широкое поле открывалось предъ англичанами для ихъ знаній и интереса къ незнакомому имъ раньше міру. «Наши люди говорятъ, что Москва по величинѣ равняется Лондону». Тамъ, признаетъ нѣсколько недовольнымъ тономъ отчетъ, «много большихъ строеній, но по красотѣ и изяществу ничего подобнаго нашимъ». Точно также говорится, что «многіе города и деревни построены безъ порядка и некрасиво».

Кремль. Интересно первое описаніе англичанами Кремля. «Рядомъ съ городомъ Москвой есть очень красивый замокъ, крѣпкій и снабженный

артилеріей; городъ соединенъ съ нимъ съ сѣвера кирпичной стѣной. Стѣны замка восемнадцати футовъ толщины, съ одной стороны сухой ровъ, съ другой рѣка Волга (?) и въ немъ десять капеллъ, не совсѣмъ некрасивыхъ, гдѣ служатъ монахи, надъ которыми начальствуютъ патріархъ, или управитель (governor) и другіе досточтимые отцы. Дворъ царя не очень чистъ, ибо это низкое строеніе, далеко уступающее домамъ англійскихъ королей. Окна очень узкія; нѣкоторыя изъ нихъ стеклянныя, а другія пропускаютъ свѣтъ чрезъ рѣшетки; дворцы нашихъ государей увѣшаны золотой парчей, а здѣсь такой нѣтъ... Русскіе пристраиваютъ и прикрѣпляютъ ко всѣмъ стѣнамъ скамьи»—что очень не понравилось англичанамъ.

Царь принялъ Чанселора довольно блестяще, но послѣдній «нисколько не былъ этимъ ослѣпленъ»... Дальнѣйшій отчетъ Гаклита по большей части занятъ описаніемъ церемоній, обычаевъ, религіи двора и царства. Прошло почти сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Иванъ III въ 1462 году освободилъ часть Россіи отъ татарскаго ига и основалъ новую восточную имперію, черезъ десять лѣтъ послѣ того, какъ Константинополь (1453) попалъ въ руки турокъ. Новое московское царство претендовало на наслѣдіе этой Римской или Греческой имперіи и къ 1500 году, послѣ отчаянной сорокалѣтней борьбы, основатель новаго царства могъ выставлять подобное притязаніе съ нѣкоторымъ основаніемъ. Въ 1553 году, когда его внуку было 23 года отъ роду, на двадцатомъ году его царствованія, Россія была уже настолько цивилизована, что могла сознавать значеніе христіанскаго общества запада — того запада, піонеры котораго теперь появились въ Москвѣ. Иванъ, занятый при помощи попа Сильвестра, реформами въ церкви и государствѣ, распространеніемъ христіанской нравственности и обычаевъ среди своего народа, привѣтствовалъ начало торговли съ западомъ и распространеніе вліянія этой торговли среди купцовъ и народа. Это время было столь же знаменательно для Россіи, какъ и для Англіи. Будущее обѣихъ странъ много зависѣло отъ того, насколько онѣ воспользуются своими сношеніями и ихъ результатами—не только прямыми результатами торговли, которая могла возникнуть между Лондономъ и Москвой, но еще болѣе непрямыми, широкими и глубокими результатами развитія національной предпріимчивости обѣихъ странъ—этимъ первымъ шагомъ распространенія націи. Иванъ также, какъ англійскіе купцы, полагалъ, что «изысканіе новыхъ странъ и новой торговли есть средство достиженія государственнаго величія».

Пріемъ царемъ.

Чанселоръ вернулся въ Англію съ письмомъ отъ царя Ивана къ Эдуарду VI; царь писалъ, что онъ милостиво приметъ Виллоуби, когда тотъ прибудетъ и что Россія желаетъ, чтобы «вы посылали намъ корабли. И если вы отправите одного изъ совѣтниковъ вашего величества вести съ нами переговоры о томъ, какіе товары

Отвѣтное письмо царя.

могутъ привозить ваши купцы и гдѣ они хотятъ устроить свой рынокъ, они будутъ имѣть вольный торгъ и всяческую свободу во всѣхъ моихъ владѣніяхъ и будутъ пріѣзжать и уѣзжать когда захотятъ».

Оппозиція ганзеатическихъ купцовъ.

Царь не обращалъ никакого вниманія на сильную оппозицію ганзеатическихъ купцовъ, жившихъ главнымъ образомъ въ Новгородѣ, «главнѣйшемъ рынкѣ во всей Московіи», гдѣ у нихъ была гильдія, но гдѣ «они утратили свои привилегіи потому, что они допускали такія же злоупотребленія, какъ и у насъ». Они энергично клеветали на своихъ англійскихъ соперниковъ, обвиняя ихъ какъ пиратовъ и грабителей и уговаривая царя задержать ихъ и посадить въ тюрьму. Но «царь довѣряя болѣе письмамъ короля, привезеннымъ нашими людьми, чѣмъ лживымъ внушеніямъ флеминговъ, относился къ нашимъ людямъ благосклонно».

Письмо Ивана по возвращеніи Чанселора въ 1554 году было доставлено Маріи и ей сдѣланъ былъ докладъ относительно положенія Московіи, о ея торговлѣ кожами и саломъ, зерномъ [1]) и воскомъ, коноплей и медомъ, соболями и мамонтовой костью, о торговыхъ путяхъ чрезъ Москву, Новгородъ, Вологду и другіе рынки, о раздѣленіяхъ царства до сѣвера и востока, гдѣ «московиты-идолопоклонники, живущіе близь Татаріи» и особенно подробно объ ихъ религіи. «Они полагаютъ, что мы только на половину христіане, а только они имѣютъ истинную и совершенную церковь: таково ребячье самомнѣніе этихъ невѣжественныхъ варваровъ».

Пригласительное письмо царя и успѣхъ плаванія Чанселора поддержали интересъ англичанъ къ новой торговлѣ съ этимъ новымъ міромъ. Въ 1554 году Джонъ Гассе написалъ трактатъ о монетахъ, вѣсахъ и мѣрахъ, употребляемыхъ въ Россіи. Въ слѣдующемъ году все было готово для второго плаванія въ Бѣлое море, потому что теперь флеминги снова получили свои торговыя привилегіи въ Новгородѣ и доступъ въ Московію съ запада, черезъ Балтійское море, былъ закрытъ для англійскихъ моряковъ.

Второе плаваніе и погибель Чанселора.

1 мая 1555 года корабль Edward Bonaventure снова отплылъ подъ командой «великаго кормчаго» Ричарда Чанселора, и 4 октября торговцы опять были въ Москвѣ. Пока они вели переговоры объ открытіи рынка, въ Темзѣ приготовлялась третья экспедиція и въ 1556 году первый посланникъ изъ Россіи былъ съ почетомъ принятъ въ Англіи послѣ выдержаннаго имъ бурнаго плаванія. Edward Bonaventure, оставивъ Бѣлое море 20 іюля 1556 года, и «въ четыре мѣсяца переплылъ моря», 10 ноября прибылъ къ шотландскому бе-

---

[1]) Такая масса зерна привозится въ Москву, что иной разъ до обѣда можно выдать 700—800 нагруженныхъ имъ саней. Люди приходятъ въ Москву покупать хлѣбъ изъ за 1000 миль.

регу въ заливъ, называемый Петтислиго (Питслиго), гдѣ «при сильной бурѣ и ужасномъ штормѣ» корабль оторвавшись отъ каната, былъ брошенъ на береговыя скалы и разбитъ въ куски, такъ что «великій кормчій, (Чанселоръ) заботясь о посланникѣ и его свитѣ и сѣвши въ ботъ, чтобы достичь берега и спасти всю кампанію, былъ въ темную ночь опрокинутъ яростными волнами» и утонулъ. Чанселоръ погибъ вмѣстѣ со всѣми, съ семью русскими и всѣми матросами—спасли только одного посланника.

Съ большими трудностями онъ спасся отъ шотландскихъ пиратовъ и его привезли въ Лондонъ, гдѣ королева приняла его въ послѣдній день февраля 1557 года. «Его сопровождали купцы, торгующіе въ Россіи—всего 140 человѣкъ—и повезли его въ Лондонъ, причемъ по дорогѣ ему показывали охоту на лисицъ и другія увеселенія, и съ рыцарями, эсквайрами, джентльменами и іеменами—всего 300 всадниковъ—его привезли въ сѣверную часть города, гдѣ четыре богатые купца подарили ему очень красиваго и большого мерина, въ богатой сбруѣ, съ убранствомъ изъ восточнаго кармазиноваго бархата съ золотой бахрамой—всего убраннаго самымъ пышнымъ манеромъ».

Такъ московское посольство было привезено въ Смитфильдъ, принято при дворѣ въ Вестминстерѣ и 12 мая 1557 года отправлено въ Россію на «четырехъ добрыхъ и хорошо снабженныхъ корабляхъ».

Другія плаванія въ Россію.

Въ 1556 году подготовлялись другія путешествія въ томъ же направленіи, такъ напр., «плаваніе и открытіе на рѣкѣ Оби, сдѣланное Стефаномъ Буррофъ, мастеромъ галлеры, называемой Serchethrift»; онъ прошелъ Сѣверный мысъ, Лапландію, Новую Землю и «страну самоѣдовъ, очень честнаго и умнаго народа» и вернулся назадъ не доѣзжая 15 лье до рѣки Печоры, и другое путешествіе того же Стефана Буррофа изъ Холмогоръ до Вардегуза въ Норвегіи (1557) на поиски за кораблемъ, погибшемъ при первомъ плаваніи Чанселора и Виллоби.

Кромѣ того имѣются инструкціи «мастерамъ и морякамъ флота, идущаго въ этомъ году (1557) къ заливу св. Николая» въ Россіи; письмо кампаніи Merchant Adventurers къ ихъ агенту (1557), «посланное съ кораблемъ Іоаннъ Евангелистъ» и три письма отъ лондонской кампаніи къ агентамъ въ Россіи или отъ одного агента къ другому.

Сѣверныя путешествія Антонія Дженкинсона также, какъ и результаты возвращенія въ Москву русскаго посланника, относятся уже къ времени царствованія королевы Елисаветы, хотя начало ихъ сдѣлано до смерти Маріи.

Дженкинсонъ отплылъ въ Московію изъ Гревзенда на одномъ флотѣ съ посланникомъ Ивана—12 мая—12 іюля 1557 года—и съ

23 апрѣля 1558 года онъ былъ готовъ отправиться изъ Москвы въ Бухару въ Бактріи. За два дня до Рождества онъ прибылъ туда— а королева Марія скончалась за мѣсяцъ до этого времени.

Плаванія въ Левантъ.

Въ самомъ началѣ царствованія, въ 1553 году, тотъ же Антоній Дженкинсонъ изслѣдовалъ турецкую имперію, посѣтилъ библейскія страны, забытыя нашими соотечественниками со временъ крестовыхъ походовъ и проникъ въ этихъ мѣстахъ дальше, чѣмъ кто-либо изъ англичанъ до того времени. 4 ноября онъ былъ свидѣтелемъ «вступленія Солимана, великаго турка, съ его арміей въ Алеппо въ Сиріи, идущаго въ Персію противъ великаго шаха (Grand Sophie)»; онъ получилъ тогда отъ паши-шаха паспортъ для пребыванія во всѣхъ портахъ, городахъ и мѣстахъ его владѣній.

Плаванія въ Африку.

Мы видѣли, что англійскіе купцы въ царствованіе Эдуарда VI начали посѣщать африканскій берегъ (около 1550 года); ихъ путешествія туда были очень частыми въ пятилѣтнее царствованіе Маріи Католической (1553—1558).

12 августа 1553 года отплылъ первый флотъ въ Гвинею и Бенинъ, 11 октября 1554 года вслѣдъ за первой экспедиціей отправилась вторая, въ 1555—56 знаменитый мастеръ Вилльямъ Тоурсонъ совершилъ два свои первыя путешествія къ замку Ламина, большому португальскому порту на гвинейскомъ берегу—но эти путешествія гораздо интереснѣе для исторіи торговли, чѣмъ для исторіи открытій.

Америка.

Плаванія къ западу, къ Америкѣ (даже плаванія для отысканія сѣверо-западнаго прохода) почти совершенно прекратились при королевѣ Маріи. На сѣверѣ и на востокѣ дѣлались всемożныя усилія для открытія новаго поля предпріимчивости, а въ подраженіе Джону Каботу не было сдѣлано англичанами ничего, кромѣ того развѣ, что нѣкоторые бристольскіе и лондонскіе купцы пробовали въ первые пятьдесятъ лѣтъ шестнадцатаго вѣка свое счастье въ этомъ направленіи, но безъ особаго успѣха.

Такимъ образомъ при Маріи наши изслѣдователи имѣли нѣкоторый замѣтный успѣхъ только въ одномъ направленіи, въ сѣверо-восточномъ и притомъ благодаря энергіи только одного человѣка, Ричарда Чанселора. Всѣ другія путешествія были или успѣшными подражаніями ему или были неудачны, какъ новыя попытки обойти сѣверъ Азіи прямо къ Китаю, или неважны и неинтересны, какъ безплодныя попытки пробиться въ закрытое море (mare clausum) испанской торговли на западѣ и югѣ. Исторія нашихъ изслѣдованій въ теченіе этихъ пяти лѣтъ сводится къ исторіи путешествія великаго кормчаго.

Реакція въ дѣлѣ образованія.

Басса Мулингера.

Не легко прослѣдить ходъ событій, приведшій къ тому результату, что свѣтлыя перспективы, открытыя въ сферѣ образованія Эразмомъ, совершенно исчезли послѣ воцаренія Эдуарда. Но очевидно, что дѣло грабежа, задерживаемое сильной рукой Генриха, получило открытую санкцію отъ личнаго примѣра Сомерсета. Его дворецъ въ Страндѣ возникъ на мѣстѣ прежней церковной собственности, капелла св. Стефана стала домомъ парламента, а коллегія св. Мартина Великаго была обращена въ таверну. Церковныя бенефиціи при помощи злоупотребленій, напоминавшихъ безцеремонность средне-вѣковыхъ деспотовъ, часто давались безграмотнымъ міряпамъ; сами епископы, чтобы удержать хоть часть своей недвижимости, были рады отдать большую часть ея грабителямъ. Въ тѣхъ случаяхъ, довольно частыхъ, когда владѣнія монастырей состояли частію изъ церковныхъ домовъ, новые свѣтскіе патроны часто отнимали эти дома у священника или назначали совершенно непригодныхъ священниковъ съ ничтожнымъ жалованьемъ. «Если подумать, сколько отнято у аббатствъ, коллегій и часовень, то удивляешься, какъ мало дано для святого служенія спасенія»—восклицалъ Латимеръ.

Нужно, однако, отдать справедливость юному королю: онъ, насколько простиралось его личное вліяніе, дѣлалъ что возможно для ограниченія этого обращенія церковной собственности на мірскія цѣли, хотя это и плохо удавалось ему. Томасъ Леверъ, мастеръ коллегіи св. Іоанна, въ проповѣди въ соборѣ св. Павла въ 1580 году открыто упрекалъ придворныхъ въ систематическомъ извращеніи королевскихъ намѣреній. «Король, говорилъ онъ, огорченъ тѣмъ, что бѣдныхъ грабятъ, что запустили обученіе и что обогащаетесь только вы одни; раньше, чѣмъ вы начали распоряжаться щедротами короля къ учащимся и бѣднымъ, въ домахъ, принадлежащихъ Кембриджскому университету, было двѣсти студентовъ богословія, и многіе получали хорошее образованіе—а теперь все исчезло, и дома и люди, и зеленые студенты, и старые почтенные доктора—никого не осталось». То обстоятельство, что университеты въ это время были освобождены отъ уплаты десятинъ «и первыхъ плодовъ», было недостаточнымъ вознагражденіемъ за такой грабежъ.

Грамматическія школы Эдуарда VI.

Королю удалось сдѣлать больше въ другомъ направленіи, отчасти, можетъ быть, благодаря содѣйствію быстро развивающихся среднихъ классовъ. Болѣе тридцати грамматическихъ школъ, основанныхъ въ это время, навсегда связали царствованіе Эдуарда VI съ дѣломъ

народнаго образованія. Нѣкоторыя изъ этихъ школъ обязаны своимъ происхожденіемъ иниціативѣ самого короля, а многія просьбамъ горожанъ или обывателей мѣстностей по близости какого нибудь уничтоженнаго монастыря, которые не безъ основанія полагали, что фонды, отданные въ распоряженіе короля, должны пойти скорѣе на обезпеченіе школы, чѣмъ на увеличеніе богатства какого нибудь магната. Въ предисловіи къ грамотѣ объ основаніи вольной грамматической школы въ Лоутѣ, данной въ 1552 году, симпатія короля къ дѣлу образованія высказана въ горячихъ выраженіяхъ. Эдуардъ говорилъ, что «онъ всегда желалъ, съ чрезмѣрно сильнымъ и горячимъ чувствомъ, чтобы добрая литература и дисциплина распространились во всѣхъ частяхъ королевства, такъ какъ въ этомъ и состоитъ лучшее управленіе дѣлами и лучшее правительство»—«Либеральное обученіе юношества—говорится дальше—есть основа и развитіе нашего государства». Кромѣ существовавшихъ учрежденій были вновь основаны вольныя грамматическія школы въ С. Альбансѣ, Батѣ, Бедфордѣ, Бирмингамѣ, Брадфортѣ, Буккингамѣ, Чельмсфордѣ, Чипингѣ, Нортонѣ, школа Госпиталя Христа въ Лондонѣ, школа въ Кредитонѣ, С. Эдмундѣ, Гиггльсвикѣ, Людлоу, Понтефрактѣ, Шерборнѣ, Шревсбюри, Грантамѣ, Кингстоунѣ на Темзѣ, Бромсгровѣ, Лихтфильдѣ, Саутгамптонѣ, Стоурбриджѣ, Тунбриджѣ и другія. Онѣ вообще именовались вольными и предназначались главнымъ образомъ для обученія латинскому языку. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что сначала большинство ихъ получило очень скудное обезпеченіе и могло давать образованіе небольшому числу лицъ. Школа въ Батѣ, напр., ограничивалась десятью бѣдными мальчиками и десятью бѣдными людьми, такъ что имѣла характеръ смѣшанный—и школы и богадѣльни. Повидимому, онѣ только отчасти могли замѣнить уничтоженныя монастырскія школы, потому что въ 1562 году Вилльямсъ, спикеръ палаты общинъ, въ адресѣ королевѣ ссылался на недостатокъ школъ: «по крайней мѣрѣ сотни недостаетъ въ Англіи, которыя раньше были»—этотъ намекъ относился, какъ полагаетъ Страйпъ, къ монастырскимъ школамъ.

Архитектура и искусство 1509—1558.

Гутса.

Церковная архитектура.

«При Тюдорахъ, говоритъ Фергюсонъ въ одномъ часто цитируемомъ мѣстѣ, готическій стиль исчезаетъ въ блескѣ своей славы». Но невозможно точно опредѣлить ни времени блеска, ни времени окончательнаго исчезновенія, хотя и то и другое въ нѣкоторомъ

отношеніи совпадаютъ со временемъ окончанія королевскихъ капеллъ въ Виндзорѣ, Вестминстерѣ и Кембриджѣ. Необходимость сохранить нѣчто подобное непрерывности историческаго процесса заставило насъ уже раньше говорить объ этихъ зданіяхъ и о сводахъ, составляющихъ ихъ характерную особенность, тогда какъ фактически позднѣйшіе члены этого ряда, начинающагося со сводовъ монастыря въ Глочестерѣ, кончаются уже въ 1412 году и нѣсколько позднѣе въ заднемъ хорѣ въ Петерборо. Тѣмъ не менѣе большая часть работъ въ капеллахъ была закончена только въ царствованіе Генриха VIII. Такъ напр. Виндзорская, начатая раньше другихъ (въ 1475 году) была закончена только въ 1521 году, а главный сводъ прибавленъ еще позднѣе. Капелла коллегіи короля въ Кембриджѣ начата нѣсколько позднѣе Виндзорской, закончена была быстрѣе, но окончательно отдѣлана только въ 1532 году. Капелла Генриха VII въ Вестминстерѣ тоже относится ко времени обоихъ царствованій; работали надъ ней четырнадцать лѣтъ и закончили ее въ 1515 году. Башня Магдалины въ Оксфордѣ построена вся въ царствованіе Генриха VII, но прекрасный шпицъ въ Лоутѣ въ Линкольнѣ и центральная башня Кентербюри были окончены только въ 1515 и въ 1517 годахъ. Савойская капелла тоже была начата при Генрихѣ VII, но сильно измѣнена при Елисаветѣ. Даже въ послѣдніе годы царствованія Генриха VIII были произведены нѣкоторыя готическія работы и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ среда благопріятствовала переживаніямъ доброй готической традиціи, непрерывность въ стилѣ сохранялась до еще болѣе поздняго періода.

Исчезновеніе готики.

Вольсея называли «послѣднимъ профессоромъ готики» и если принять во вниманіе его зданія Гамптонъ Куртъ и прекрасную залу въ Церкви Христовой въ Оксфордѣ (великолѣпная лѣстница относится къ позднѣйшему времени), то мы увидимъ, что онъ имѣетъ право на такой титулъ. Форма его построекъ готическая, хотя въ нихъ мы часто встрѣчаемъ детали итальянскаго стиля. Окончательный ударъ готикѣ былъ нанесенъ, конечно, реформаціей, устранившей, по крайней мѣрѣ на время, всякую необходимость въ церковныхъ постройкахъ. Если бы не реформація, архитектура ренесанса могла бы развиться болѣе удачно; но въ сущности духъ протестантизма плохо согласуется съ поэзіей и для новой религіи была необходима и новая архитектура.

Трудно даже съ приблизительной точностью описать различные ингредіенты, содѣйствовавшіе здоровому и естественному развитію стиля, но во всякомъ случаѣ архитектура ренесанса, несмотря на всю ея популярность, никогда не имѣла особенно глубокихъ корней въ Англіи. Тщетно мы стали бы искать какое нибудь важное церковное зданіе въ Англіи въ шестнадцатомъ вѣкѣ, которое можно бы дѣйствительно признать принадлежащимъ къ стилю ренесанса; стиль,

развившійся изъ него, та странная смѣсь готическаго и итальянскаго, который называютъ обыкновенно елизаветинскимъ стилемъ, только случайно встрѣчается въ пристройкахъ къ церквамъ. Можно безъ особой натяжки утверждать, что въ періодъ времени отъ реформаціи до 1631 года не было построено ни одной церкви съ легкой претензіей на оригинальность стиля.

Свѣтская архитектура.

Совсѣмъ иное дѣло свѣтскія постройки, хотя по необходимости свѣтская архитектура преслѣдуетъ утилитарныя цѣли. Прежде всего стремились къ удобствамъ, къ обширнымъ заламъ, хорошо освѣщеннымъ галлереямъ, къ комфортабельнымъ комнатамъ; въ этомъ отношеніи было сдѣлано много, хотя иногда и пренебрегали высшими стремленіями изящества. Мы видѣли, что въ царствованіе Генриха VII и даже раньше замокъ, какъ таковой, уже исчезаетъ. Вездѣ въ боковыхъ стѣнахъ были продѣланы большія окна и изъ особенностей замка сохранились только орнаментальныя детали. Но скупость короля препятствовала всякому крупному начинанію въ сферѣ свѣтской архитектуры и почти единственная характерная работа, предпринятая имъ, была перестройка дворца при Шинѣ (Sheen), совершенно уничтоженнаго пожаромъ въ 1500 году. Онъ былъ построенъ въ такъ называемомъ бургундскомъ стилѣ, заимствованномъ, какъ предполагаютъ, отъ большого дворца въ Дижонѣ, построеннаго или по крайней мѣрѣ начатаго Филиппомъ Добрымъ, отцомъ Карла Смѣлаго. Родство по браку Эдуарда IV съ послѣднимъ и слава и блескъ его дворца, гдѣ всегда съ удовольствіемъ принимали знатныхъ иностранцевъ, если не возбуждали соперничества между магнатами Англіи и Бургундіи, то по крайней мѣрѣ знакомили англичанъ съ блескомъ дворцовыхъ построекъ. Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ полагать, чтобы англійскіе архитекторы сознательно подражали бургундскимъ.

Второй Тюдоръ по характеру не былъ похожъ на своего отца. Одинъ позднѣйшій писатель называетъ его «фениксомъ его времени въ дѣлѣ любопытныхъ и изящныхъ построекъ». Онъ построилъ дворцы Бридуэлля, С. Джемскій и Больё и сдѣлалъ обширныя и декоративныя пристройки въ Виндзорѣ, Уитгаллѣ и Гунсдонѣ. Роскоши короля подражали и его придворные. Вольсей, кромѣ своего дворца въ Гамптонѣ и коллегій въ Оксфордѣ и Ипсвичѣ, перестроилъ многіе изъ епископскихъ дворцовъ. Главы герцогскихъ домовъ Норфольковъ и Буккингамовъ не отставали отъ Вольсея въ подражаніи блеску своего государя и были не счастливѣе Вольсея въ наслажденіи своими новыми постройками. Въ началѣ этого тома мы на основаніи современныхъ отчетовъ говорили о формѣ и расположеніи укрѣпленныхъ «маноръ гаузовъ» (замковъ) тринадцатаго вѣка. Въ любопытномъ трактатѣ, напечатанномъ въ 1547 году и озаглавленномъ:

A dyetorie or regiment of health—нѣкоего медика Бурде, мы имѣемъ современное описаніе типическаго дома-замка шестнадцатаго вѣка:

«Стройте залъ такимъ манеромъ, говоритъ Бурде, чтобы гостинная (parlour) была соединена съ верхнимъ концомъ залы, а молочная и кладовая съ нижнимъ ея концомъ. Погребъ подъ кладовой ставьте нѣсколько въ бокъ, кухню ставьте нѣсколько въ сторону отъ молочной и кладовой съ входомъ изъ молочной; пекарня и чуланъ (pastrie house и larder) при кухнѣ. Потомъ распредѣлите жилища по сторонамъ четырехугольнаго двора и домъ привратника пусть будетъ противъ дверей залы—не прямо противъ, а такъ, чтобы дверь въ залъ приходилась наискось противъ привратницкой, по срединѣ фронта всего мѣста. Частныя комнаты должны быть соединены съ большой пріемной залой, съ другими комнатами, необходимыми для жизни, такъ чтобы нѣсколько комнатъ выходили въ Капеллу».

Описаніе это не вполнѣ ясно, но оно достаточно доказываетъ, насколько велико было отличіе тогдашняго дома отъ плановъ прежнихъ строителей. Въ наиболѣе существенныхъ отношеніяхъ, напримѣръ въ внутреннемъ распредѣленіи компатъ, уже во времена послѣднихъ Плантагенетовъ произошла болѣе или менѣе полная перемѣна. Теперь же была, такъ сказать, снята и маска. Отъ замка остались только одни башенки по угламъ, но и онѣ оставались только ради украшенія, или для того, чтобы поддерживать большія лѣстницы. Эти осьмиугольныя башни съ огромными, богато разукрашенными трубами на кровляхъ, даютъ очень характерный видъ домашнимъ зданіямъ времени первыхъ Тюдоровъ.

Цвѣтныя стекла.

Въ работахъ шестнадцатаго вѣка, можно сказать, почти совершенно исчезла идея о томъ, чтобы сдѣлать цвѣтное стекло частью украшенія въ надлежащемъ отношеніи къ цѣлому плану архитектора, какъ это было въ готическихъ соборахъ. Цвѣтныя стекла въ окнахъ этого періода представляютъ просто картину, нарисованную на стеклѣ; исключая рѣдкихъ деревьевъ Жессе (trees of Jesse) и тому подобныхъ изображеній, рама и стекло въ ней представляютъ нѣчто несвязанное одно съ другимъ. Въ числѣ произведеній этого періода, т. е. первой половины шестнадцатаго вѣка—живопись на стеклѣ несомнѣнно была наиболѣе выработанной. Только небольшая часть изъ сохранившихся произведеній этого рода есть дѣло рукъ англійскихъ художниковъ, а большинство, въ родѣ знаменитыхъ оконъ хоровъ въ Лихтфильдѣ, привезено изъ Фландріи. Вообще говоря, окраска стеколъ въ царствованіе первыхъ четырехъ Тюдоровъ мягче и пріятнѣе для глаза, хотя по глубинѣ не сравнится съ окраской раннихъ мозаикъ.

Живопись. Джонъ Крустъ.

Вѣроятно, что нѣкоторые изъ англичанъ заимствовали кое что у фламандцевъ, даже въ царствованіе Генриха VII. Намъ извѣстно, по крайней мѣрѣ, имя одного изъ художниковъ, Джона Круста, который

Придворные живописцы.

въ началѣ царствованія Генриха VIII получалъ неоднократно уплату изъ казначейства и которому приписывается знаменитое изображеніе. Это изображеніе есть изображеніе встрѣчи Генриха и Франциска на «Парчевомъ Полѣ» (Field of the Cloth of Gold),—произшедшей въ маѣ 1520 года. Картина нарисована вскорѣ послѣ изображаемаго событія и можно предположить, что работа не была бы поручена художнику съ не вполнѣ установившейся репутаціей. Работѣ англійскихъ или иностранныхъ учениковъ фламандцевъ принадлежитъ и портретъ декана Колета, основателя школы св. Павла и многіе изъ портретовъ новыхъ магнатовъ династіи Тюдоровъ. При Генрихѣ VII было сдѣлано немного, но была подготовлена почва для воспріятія новаго посѣва. Установилась традиція покровительства королей искусству и такъ какъ въ отчетахъ мы встрѣчаемъ извѣстіе, что во второй годъ царствованія Генриха VIII нѣкто Джонъ Броунъ былъ назначенъ старшимъ живописцемъ (sergeant painter), то вѣроятно, что такая должность не была нововведеніемъ. Послѣ смерти Броуна на это мѣсто былъ назначенъ Андрью Райтъ. Кромѣ этихъ оффиціальныхъ художниковъ, нѣкто Винцентъ Вольпе получалъ отъ Генриха VIII 20 фунтовъ въ годъ жалованья, какъ королевскій живописецъ. Лука Горембутъ или Горнбодъ изъ Гента, кажется, былъ первымъ иностраннымъ художникомъ, появившимся при дворѣ Генриха VIII. Его братъ Жерардъ и сестра Сусанна также поселились въ Англіи. Мы сравнительно мало знаемъ объ этихъ личностяхъ и о другихъ художникахъ, о которыхъ упоминается въ источникахъ, кромѣ того, что отъ иностранцевъ требовалась натурализація, чтобы они могли пользоваться покровительствомъ англійскихъ законовъ. Большинство ихъ и воспользовалось этой привилегіей, нѣкоторымъ были пожалованы гербы, нѣкоторые оставили завѣщанія о довольно значительной собственности.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ точно опредѣлить, кому изъ художниковъ принадлежитъ та или иная работа. Это въ особенности слѣдуетъ сказать о Лукѣ Горембу́тѣ, который, повидимому, былъ извѣстнымъ художникомъ, ибо получалъ чрезвычайно высокое вознагражденіе, во всякомъ случаѣ больше другихъ современныхъ ему художниковъ.

Тоже можно сказать и о произведеніяхъ Сусанны, которая, говорятъ, была замѣчательной миніатюристкой. Что касается до Жерарда, работавшаго въ Англіи, кажется, больше тридцати лѣтъ, то несомнѣнно, что онъ нарисовалъ многіе изъ тѣхъ худшихъ портретовъ, которые обыкновенно приписываются великому Гольбейну. Позднѣйшіе портреты короля, исполненные послѣ смерти Гольбейна въ 1543 году, вѣроятно сдѣланы именно Жерардомъ. Въ нихъ рисунокъ хуже, чѣмъ у Гольбейна, но характерность большая. Изображеніе Генриха VIII въ Варвикскомъ замкѣ отличается большими до-

стоинствами и то, что Ваагенъ называетъ «грубымъ эгоизмомъ, упорствомъ, необдуманностью и подозрительностью дикаго звѣря», превосходно изображено на лицѣ стараго короля. Кромѣ выше упомянутыхъ художниковъ Генрихъ VIII давалъ субсидію Тото делла Нуиціата, живописцу и архитектору и Бартоломео Пенни, флорентинцу. Алиса Кармилльонъ и Екатерина Майнонъ, извѣстныя, главнымъ образомъ, какъ миніатюристки, также находились подъ покровительствомъ Генриха; при Эдуардѣ штабъ придворныхъ художниковъ увеличился прибавленіемъ Левины Терлингъ изъ Брюгге. Немногія картины, нарисованныя въ это царствованіе, принадлежатъ Гербуту Флику и Іоанну Корвусу. Списокъ художниковъ, покровительствуемыхъ Генрихомъ и англичанами, слишкомъ великъ, но все же слѣдуетъ упомянуть о Жироламо да Тревижи, живописцѣ, сынѣ и ученикѣ Пьера Маріи Пеннакки, вѣроятно, нарисовавшемъ портретъ основателя Грешамской коллегіи и о Никола да Модена, скульпторѣ, который былъ, можетъ быть, творцомъ статуэтки Генриха VIII, очень изящной, и медальона въ Гамптонъ Куртѣ, приписываемаго безъ достаточныхъ основаній Торреджіано.

Пластика. Гольбейнъ.

Этотъ послѣдній великій художникъ заключилъ какъ мы уже говорили раньше, контрактъ съ Генрихомъ VII о постройкѣ ему гробницы въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Но работы мастера Петра Торризани, какъ онъ именуется въ англійскихъ источникахъ, какъ напр. работа королевской гробницы, гробницы лэди Маргариты, или работа изъ терракоты д-ра Юнга въ парламентской капеллѣ (Rolls Chapel) вполнѣ экзотическія. Вѣроятно тоже можно сказать о произведеніяхъ Бенедетто Ровеццани и Бернарди изъ Амстердама, которые работали для Генриха VIII, хотя большинство изъ ихъ англійскихъ произведеній или погибло или неизвѣстны теперь. Ни флорентинецъ, ни голландецъ не имѣли, повидимому, никакого животворнаго вліянія въ Англіи. Всѣ эти имена, какъ живописцевъ, такъ и скульпторовъ, заслоняются славой имени Ганса Гольбейна младшаго, художника, которому, вѣроятно, нѣтъ равныхъ ни въ одномъ вѣкѣ, и ни въ одной странѣ. Онъ родился въ Аусбургѣ въ 1495 году, въ 1516 году поселился въ Базелѣ, въ 1526 году прибылъ въ Англію. Онъ привезъ рекомендательное письмо отъ Эразма къ канцлеру сэру Томасу Мору, который пригласилъ его въ свой домъ въ Чельзи и представилъ его королю и двору. Исполняя обѣщаніе, данное имъ Эразму въ письмѣ отъ 18 декабря предыдущаго года, онъ говоритъ о нѣкоторыхъ произведеніяхъ Гольбейна, посланныхъ ему Эразмомъ слѣдующее: pictor tuus, Erasme charissime, mirus est artifex, sed vereor ne non sensurus sit Angliam tam foecundam et fertilem, quam sperarat. Quamquam ne reperiat omnino sterilem, quoad per me fieri potest, efficiam. (Живописецъ твой, дорогой Эразмъ, замѣчательный искусникъ, но боюсь, что Англія не окажется столь плодородной и счастливой, какъ

онъ надѣялся. Если же она не окажется вполнѣ безплодной, сдѣлаю все, что только могу).

Сомнѣнія Мора, однако, не оправдались. Гольбейнъ скоро сдѣлался любимцемъ при дворѣ, и при жизни его патрона и послѣ его смерти у него не было недостатка въ работѣ. За исключеніемъ трехъ его посѣщеній Базеля въ 1528, 1532 и 1538 годахъ, имѣвшихъ, можетъ быть, нѣкоторое отношеніе къ удержанію его пенсіи въ пятьдесятъ флориновъ въ годъ, которую ему платилъ этотъ городъ, Гольбейнъ всю свою жизнь провелъ въ Лондонѣ. У него былъ домъ и земля въ приходѣ св. Андрея Under-Shafte и тамъ онъ и умеръ отъ чумы въ 1543 году. Хотя онъ въ теченіе трехъ лѣтъ послѣ своего пріѣзда въ Англію не поступалъ на службу короля, но рекомендація Мора еще до этого времени обезпечила ему значительные заказы знатныхъ и выдающихся лицъ, вродѣ архіепископа Варгама, сэра Генриха Гильфорда, сэра Брайана Тьюка и Томаса Линакра. Въ это время онъ нарисовалъ портреты канцлера и Маргариты Роперъ и отправилъ ихъ въ подарокъ Эразму. Его рабочая энергія была удивительна, а его превосходство надъ всѣми его современниками скоро сдѣлалось извѣстнымъ и у него не было недостатка въ поводахъ для проявленія энергіи. Утверждали, что ни одинъ выдающійся мужчина и ни одна выдающаяся женщина въ Англіи въ этотъ періодъ не избѣжали его кисти. Это вѣрно, но Гольбейнъ кромѣ того находилъ время нарисовать удивительный рядъ портретовъ неизвѣстныхъ людей, въ этомъ ряду встрѣчаются и такія работы, какъ портретъ Reskymeer of Cornwall и несравненное произведеніе, портретъ Моретта, ювелира Генриха VIII, находящійся теперь въ Дрезденѣ. Въ качествѣ придворнаго живописца ему поручили нарисовать портретъ Анны Клеве и кажется, это былъ единственный случай, когда онъ отступилъ отъ своего правила безпристрастнаго и прозаическаго сходства. Во всякомъ случаѣ король нашелъ оригиналъ настолько хуже портрета, что сдѣлалъ этотъ брачный проэктъ поводомъ для разрыва съ способнымъ, но непопулярнымъ министромъ, посовѣтовавшимъ этотъ бракъ. Портретъ Гольбейна съ другой дамы, герцогини Миланской, бракъ съ которой не состоялся, доказываетъ туже тенденцію художника сглаживать нѣсколько грубую дѣйствительность. Рядъ Виндзорскихъ рисунковъ, большинство которыхъ краснымъ и цвѣтнымъ карандашемъ и которые принадлежатъ англійской коронѣ, даютъ лучшее представленіе о Гольбейнѣ, какъ о портретистѣ, чѣмъ болѣе обработанныя произведенія масляными красками. Онъ не былъ, однако, только портретистомъ. Такому мнѣнію противорѣчитъ существованіе знаменитой Дармштадской картины «Святое Семейство» и изящная группа кампаніи «операторовъ цирюльниковъ», которую смѣло можно поставить рядомъ съ голландскими картинами Регента и Дёлена. Гольбейнъ былъ лучшимъ представителемъ простой, подражательной и

точной школы портретистовъ, которая стремится главнымъ образомъ только къ сходству, а не къ характерности. Какъ ни была велика слава Гольбейна, но вѣроятно, что Генрихъ пытался привлечь къ своему двору еще болѣе славныхъ людей; онъ старался пользоваться услугами Рафаэля и Тиціана. Имѣются доказательства, что Рафаэль исполнилъ для англійскаго короля по крайней мѣрѣ одну работу—изображеніе св. Георгія, находящееся теперь въ Эрмитажѣ въ Петербургѣ.

Стретеръ и Моро.

Чѣмъ Гольбейнъ былъ при Генрихѣ, тѣмъ, вѣроятно, былъ при Эдуардѣ Гюйлимъ Стретеръ. Онъ нарисовалъ множество портретовъ молодого короля и различныхъ знаменитостей его краткаго царствованія и послѣднихъ лѣтъ царствованія его отца. По манерѣ онъ похожъ на Гольбейна, только безъ его силы и безъ той грубоватой энергіи, которая встрѣчается въ нѣкоторыхъ изъ портретовъ, приписываемыхъ Жерарду и Лукѣ Горембуту. Лучше былъ Іостъ ванъ Клеевъ, но неизвѣстно, когда онъ прибылъ въ Англію. Какъ рисовальщикъ онъ почти равенъ Гольбейну, у него очень широкая кисть. Царствованіе королевы Маріи интересно для исторіи искусства появленіемъ въ Англіи художника, котораго называютъ то Антони Моръ, то Антоніо Моро, то сэръ Антоніо Моръ. Родился онъ въ Утрехтѣ, долго учился въ Италіи и былъ, можетъ быть, наиболѣе талантливымъ изъ итальянизированныхъ фламандцевъ того вѣка. Предполагаютъ, хотя безъ достаточныхъ доказательствъ, что онъ пытался подражать Гольбейну. Онъ былъ первымъ моднымъ живописцемъ, требовавшимъ большихъ денегъ за свою работу. Онъ прибылъ въ Англію, вѣроятно, съ порученіемъ нарисовать портретъ Маріи для Филиппа, и это дѣло во всякомъ случаѣ исполнилъ столь удовлетворительно, что его патронъ далъ ему сто фунтовъ, золотую цѣпь и пенсію въ четыреста фунтовъ, какъ живописцу ихъ величествъ. Его работа достойнаго придворнаго тона, вообще мрачноватаго колорита и въ ней недостаетъ оживленія. Прекрасный образчикъ такой работы—это портретъ сэра Томаса Грешама въ національной галлереѣ. Это, должно быть, была одна изъ послѣднихъ работъ, исполненныхъ имъ въ Англіи, потому что послѣ смерти королевы Маріи онъ оставилъ Англію и удалился во Фландрію, гдѣ нашелъ щедраго патрона въ герцогѣ Альбѣ. Когда и гдѣ онъ получилъ титулъ сэра и рыцаря—неизвѣстно.

Оставшіеся въ живыхъ художники времени Генриха VIII, конечно, продолжали свою дѣятельность и при его сынѣ и при его старшей дочери, а потомъ ихъ замѣнили болѣе молодые люди. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ разныхъ Вилльямовъ, Гансовъ и Джоновъ; большинство ихъ вѣроятно, были иностранцы, хотя Николай Сержантъ, живописецъ королевы Маріи, могъ быть и англичаниномъ.

Второй Тюдоръ къ употреблявшейся раньше золотой монетѣ при-

Монеты Генриха VIII.

бавилъ двойной соверенъ, полусоверенъ, нобль Георга, съ изображеніемъ св. Георга верхомъ, нападающаго на дракона, крону и полкроны. Эти монеты получили свое названіе отъ изображенія на нихъ коронъ и отъ отсутствія головы короля, которая изображалась на нихъ раньше. Генрихъ выпустилъ подобныя же серебряныя монеты, но съ своимъ изображеніемъ.

Монеты Эдуарда и Маріи.

Третій Тюдоръ прибавилъ къ существующимъ монетамъ тройной суверенъ, шестипенсовую и трехпенсовую монеты. Выпускали также и старыя монеты, хотя нобль, повидимому, вышелъ изъ употребленія. При сестрѣ и наслѣдницѣ Эдуарда нововведеній въ монетномъ дѣлѣ не было, если не считать таковымъ выпускъ монеты въ два пенни. Наиболѣе замѣчательная монета королевы Маріи—это монета, выпущенная послѣ ея брака съ Филиппомъ, съ профилями короля и королевы одинъ противъ другого, что возбудило нѣкоторыя насмѣшки; на эти монеты намекаетъ Бутлеръ въ описаніи любовниковъ въ своемъ Гудибрасѣ:

Still amorous and fond and billing
Like Philip and Mary on a shilling.

(влюбленные, любящіе и цѣлующіеся, точно Филиппъ и Марія на шиллингѣ).

Исторія чеканки монетъ при Тюдорахъ менѣе важна, чѣмъ неприглядная исторія постояннаго пониженія ихъ цѣнности, что уже относится къ другому отдѣлу этой главы. Можно, однако, замѣтить, что нѣкоторыя попытки реформы были сдѣланы въ началѣ и въ концѣ царствованія Эдуарда.

Земледѣліе.

Корбетта.

Непрерывный ростъ овцеводства.

Царствованіе Генриха VIII представляетъ высшій пунктъ, достигнутый тѣмъ движеніемъ замѣны пахоты пастбищемъ, о которомъ мы говорили въ предыдущемъ томѣ; вѣроятно, никогда въ теченіи полутора вѣковъ этого движенія стремленіе заниматься овцеводствомъ не было такъ сильно, какъ послѣ уничтоженія монастырей и въ годы, предшествующіе смерти короля. Нельзя сказать, чтобы и въ царствованіе его наслѣдниковъ замѣчались признаки ослабленія движенія. Наоборотъ, при жизни Эдуарда и Маріи, а также и въ царствованіе Елисаветы продолжаются горькія жалобы на огораживаніе полей и дѣйствительно, только въ началѣ семнадцатаго столѣтія перепроизводство овецъ и шерсти начало имѣть свои естественные результаты;

цѣны на нихъ упали ниже цѣны пшеницы, которая раньше была настолько ниже ихъ въ качествѣ товара.

Недовольство сельчанъ. Возстаніе Кета.

Въ началѣ царствованія Эдуарда правительству было не мало заботъ съ умиротвореніемъ недовольныхъ земледѣльцевъ; безработные, которые теперь лишились и той помощи, какую раньше имъ оказывали монастыри, съ каждымъ днемъ становились все болѣе несчастными и все болѣе превращались въ простыхъ нищихъ. Они не хотѣли молча выносить своихъ страданій и многіе изъ нихъ принимали участіе въ бунтахъ, въ раззореніи парковъ и ломаньи изгородей, другіе брели въ Лондонъ искать гдѣ нибудь тамъ справедливости. Конечно, они ничего не добивались и въ результатѣ начинались настоящіе мятежи. На западѣ поводомъ послужило религіозное недовольство; но на востокѣ, въ Норфолькѣ, возстаніе, начатое подъ предводительствомъ Кета, было направлено не столько противъ правительства, сколько противъ ландлордовъ и главныя требованія, выставляемыя народомъ, касались вопроса о пользованіи дворянами ихъ имуществами. Такъ напримѣръ, предлагали, чтобы на будущее время дворяне совсѣмъ не имѣли никакого права на общинную землю и чтобы сумма сбора, на который они имѣли право при возобновленіи условій съ ихъ тенантами, была ограничена, потому что только при посредствѣ чрезмѣрныхъ налоговъ они во многихъ случаяхъ могли отнять землю у своихъ тенантовъ. Точно также мятежники требовали освобожденія всѣхъ обязанныхъ людей; однимъ изъ отличительныхъ признаковъ возстанія были: арестъ всѣхъ дворянъ, которыхъ мятежники только могли захватить, судъ надъ ними и приговоръ подъ такъ называемымъ «дубомъ реформаціи» за зло, сдѣланное ими своимъ поселянамъ. Это возстаніе было самымъ крупнымъ протестомъ противъ огораживанія, къ какому когда либо прибѣгалъ народъ, но оно оказалось столь же безплоднымъ, какъ и государственное законодательство. Правительство сочувствовало цѣлямъ возстанія, но было вынуждено подавить его, такъ какъ на сторонѣ ландлордовъ былъ законъ, разъ дѣло доходило до открытой борьбы. Сомерсетъ сдѣлалъ, что могъ, даровалъ прощеніе нѣкоторымъ изъ руководителей и въ послѣднее время правительство провело другой актъ, требующій сноса изгородей; но большіе штрафы, налагаемые за неисполненіе этого акта—пять шиллинговъ съ акра загороженной незаконно земли — наврядъ ли имѣли большее дѣйствіе, чѣмъ всѣ предшествующіе акты.

Положеніе земледѣлія.

За исключеніемъ исторіи загораживаній, въ исторіи земледѣлія за это время было мало заслуживающаго вниманія. Воздѣлываніе конопли и льна и развитіе хмѣлеводства, только что начинавшееся,— вотъ и все, что слѣдуетъ отмѣтить; но въ большинствѣ округовъ, не затронутыхъ разведеніемъ овецъ, повидимому не произошло совсѣмъ никакихъ измѣненій; они оставались такими же, какъ и раньше.

ше, съ прежней системой большихъ открытыхъ полей, въ теченіе еще двухъ вѣковъ, когда новая волна огораживаній окончательно уничтожила старую систему земледѣлія.

Общественныя бѣдствія.

Саймса.

Въ царствованія Эдуарда VI и Маріи положеніе англійскаго народа было до крайности бѣдственнымъ. Причины этихъ бѣдствій отчасти уже указаны въ предыдущихъ отдѣлахъ. Реформація и послѣдовавшая за ней реакція породили безпорядки, мятежи и бунты, доходившіе почти до открытой гражданской войны. Уничтоженіе монастырей повело къ переходу въ другія руки цѣлой трети національнаго богатства. Такой переходъ едва ли могъ произойти безъ того, чтобы не породить бѣдствій, по крайней мѣрѣ временно. Онъ вызывалъ широкое измѣненіе въ характерѣ спроса на трудъ и такимъ образомъ переводилъ въ ряды простыхъ, неискусныхъ рабочихъ всѣхъ тѣхъ, на чье искусство не было спроса, а въ большей части случаевъ онъ просто переводилъ ихъ въ ряды безработныхъ. Многіе изъ такихъ безработныхъ становились просто бродягами и переходъ большинства въ преступный классъ былъ и естественъ и неизбѣженъ. Аграрный переворотъ и загораживанія общинныхъ земель, одновременныя съ религіозными измѣненіями, до значительной степени усиливали эти бѣдствія. На той землѣ, на которой раньше кормилось множество земледѣльцовъ, теперь нужны были только немногіе пастухи; утрата правъ на общинную землю уничтожила то, что раньше являлось задержкой бродяжеству, устранивъ одинъ изъ мотивовъ, удерживавшій раньше людей въ ихъ родныхъ деревняхъ.

Расточительность правительства.

Неспособность и расточительность правительства усиливали національныя бѣдствія. Расходы двора Генриха въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ его царствованія были вчетверо больше, чѣмъ въ такое же время въ началѣ царствованія. Это несомнѣнно зависѣло до значительной степени отъ повышенія цѣнъ, но мы увидимъ, что это повышеніе не въ малой мѣрѣ обусловливалось политикой правительства. Королевскіе долги тоже ложились тяжелымъ бременемъ на населеніе, такъ какъ фламандскіе евреи взимали рѣдко менѣе двѣнадцати процентовъ. Смерть Генриха еще болѣе увеличила число людей, за расточительность которыхъ приходилось платить народу. Главные члены совѣта Эдуарда, во многомъ несогласные другъ съ другомъ, сходились въ одномъ: они всѣ считали свои должности средствомъ

обогащенія. Ихъ поведеніе было даже менѣе извинительно, чѣмъ поведеніе Генриха, потому что они могли повсюду видѣть ужасныя слѣдствія хищничества и расточительности правительства покойнаго короля.

Ухудшеніе монеты.

Главная причина паденія торговли и промышленности во время царствованій Эдуарда и Маріи состояла, вѣроятно, въ непрерывномъ ухудшеніи монеты. Генрихъ VIII несомнѣнно выпускалъ болѣе малоцѣнной монеты, чѣмъ его наслѣдники, но это происходило главнымъ образомъ въ послѣднія годы его царствованія и вполнѣ результаты такой финансовой политики сказались только при его наслѣдникахъ. Совѣтъ Эдуарда былъ столь же жаденъ и безсовѣстенъ, какъ и Генриха. Члены его разсуждали объ монетной реформѣ, но дѣйствія ихъ опровергали ихъ слова. Они выпускали еще болѣе малоцѣнную монету, чѣмъ монета предшествующаго царствованія.

Уменьшеніе вѣса.

Монеты Эдуарда ухудшались двумя способами: по количеству и по качеству. Генрихъ выпускалъ серебрянныя пенни, вѣсившія только десять грановъ (Труа). Совѣтники Эдуарда сдѣлали пенни еще на два грана легче. Такое ухудшеніе монеты несомнѣнно находилось въ полномъ согласіи съ прецедентами. Пенни 1346 года вѣсило двадцать гранъ, пенни 1351 и 1464 годовъ вѣсили восемнадцать и двѣнадцать гранъ. Но это пониженіе цѣнности произошло во время общаго пониженія цѣнъ. Оно имѣло слѣдствіемъ установленіе постоянныхъ цѣнъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣло даже благодѣтельныя слѣдствія, такъ какъ смягчало бѣдствія, производимыя паденіемъ цѣнъ. Но ухудшеніе монеты при Тюдорахъ произошло во время поднятія цѣнъ и усиливало всѣ бѣдствія такого періода.

Ухудшеніе качества.

Малый вѣсъ монеты Тюдоровъ былъ меньшимъ зломъ сравнительно съ ухудшеніемъ металла. При воцареніи Генриха VIII лигатуры было только три сороковыхъ вѣса серебра. Генрихъ постепенно увеличивалъ пропорцію лигатуры такъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ она доходила до двухъ третей общаго вѣса монеты. При Эдуардѣ (1551) выпускались монеты на три четверти состоявшія изъ лигатуры.

Дезорганизація цѣнъ.

Такія послѣдовательныя пониженія цѣнности монеты, понятно, вели къ путаницѣ въ среднихъ цѣнахъ и въ заработной платѣ. И не потому только, что покупательная способность монетъ уменьшилась. Никому не было извѣстно, до какихъ предѣловъ дойдетъ хищничество и безстыдство Совѣта, какую цѣнность будутъ имѣть вновь выпущенныя монеты. Лучшія деньги, конечно, были изъяты изъ обращенія; ихъ расплавляли, вывозили или просто припрятывали; находившіяся же въ обращеніи деньги были безконечно разнообразны по вѣсу и по качеству.

Поддѣлка монеты.

Зло еще болѣе ухудшалось искушеніями, которымъ подвергала малоцѣнная монета людей, занимавшихся поддѣлкой монеты. Выпуски монеты, которая по вѣсу и по качеству была лучше правительствен-

ной, были очень выгодны. Понятно, что многіе были не прочь отъ полученія такихъ выгодъ. Контролеръ монетнаго двора въ Бристолѣ показалъ примѣръ, скупивъ церковные сосуды, расплавивъ ихъ и понадѣлавъ изъ нихъ дурныхъ шиллинговъ. Другіе послѣдовали его примѣру; были устроены такіе вольные монетные дворы во Франціи, Фландріи и другихъ европейскихъ странахъ и они снабжали малоцѣнной монетой англійскій рынокъ. Это, конечно, еще болѣе повышало цѣны и такимъ путемъ усиливало общее бѣдствіе.

Финансы.

Правительство выпусками малоцѣнной монеты выигрывало только временно. Но въ концѣ концевъ его финансовыя затрудненія увеличивались отъ того, что ему приходилось платить за все, что ему было нужно, дороже. Оно вознаграждало услуги своихъ приверженцевъ, позволяя имъ получать барыши отъ чеканокъ монеты. Только такимъ путемъ въ обращеніе было пущено малоцѣнной монеты на 150,000 фунтовъ (1549). Это казалось дешевымъ средствомъ раздѣлаться съ обязательствами, но послѣдующее повышеніе и дезорганизація цѣнъ нанесли тяжелый ударъ росту англійской промышленности и увеличили значительно число безработныхъ. Правительство Эдуарда было доведено почти до отчаянія необходимостью уплачивать чистымъ серебромъ четырнадцать или пятнадцать процентовъ иностраннымъ кредиторамъ, съ добавочными двѣнадцатью процентами за размѣнъ, и должно было понять связь между своей финансовой политикой и своими денежными затрудненіями. При помощи непрерывнаго разграбленія собственности церквей и гильдій ему удавалось справляться, но въ концѣ царствованія трудно было уже получать что нибудь такимъ путемъ даже и въ томъ случаѣ, если бы наслѣдница Эдуарда и хотѣла воспользоваться барышами отъ ограбленія церкви.

Промышленность при Маріи.

Царствованіе Маріи не представляетъ ничего особенно интереснаго для исторіи промышленности. Оно было пятилѣтнимъ непрерывнымъ національнымъ бѣдствіемъ, хотя и трудно сказать, чтобы нищета увеличилась при ней. Преступленія Маріи относятся къ сферѣ иностранной и церковной политики. Въ сферѣ промышленной ее можно упрекать только въ безсиліи и въ бездѣятельности во время важнаго политическаго кризиса. Она не совершала такихъ актовъ грабежа и близорукой жадности, какъ ея непосредственные предшественники, и въ частности она ничего не измѣнила въ денежномъ обращеніи. Но съ другой стороны Марія не дѣлала никакихъ серьезныхъ попытокъ для облегченія бѣдствій, отъ которыхъ страдала страна. Какъ и большинство государей, она начала царствованіе съ благими намѣреніями. Расходы ея двора были уменьшены, взяточничество чиновниковъ преслѣдовалось, въ администрацію намѣревались ввести порядокъ, экономію и справедливость. Но такое дѣло требовало ничѣмъ не отвлекаемой энергіи способнаго государственнаго человѣка

и совершенно было не по силамъ женщинѣ, заботившейся главнымъ образомъ о торжествѣ своихъ богословскихъ и церковническихъ взглядовъ. Къ страсти къ правовѣрію скоро присоединилась и страсть къ Филиппу испанскому, которая и завела ее въ несвойственную ей расточительность и въ концѣ концевъ завлекла ее въ войну съ Франціей. Въ предыдущее царствованіе и флотъ и войско приведены были въ состояніе непригодности къ дѣлу и Марія мало сдѣлала для поднятія ихъ. Война была и неудачной и дорогой. Финансовые совѣтники королевы изобрѣли новый способъ для добыванія денегъ, который имѣлъ очень важное вліяніе на нашу позднѣйшую исторію. По ихъ настоянію Марія безъ согласія парламента обложила пошлиной сукна, вывозимыя изъ Англіи (1557), а потомъ ввела налогъ на французскія вина. Наша торговля была въ такомъ подавленномъ состояніи, что эти пошлины не особенно много увеличили бремя народа; но тотъ фактъ, что всѣ обѣщанія королевы соблюдать экономію закончялись введеніемъ новыхъ и наврядъ ли конституціонныхъ пошлинъ, указываетъ на ея неспособность къ возложенному на нее дѣлу. Обстоятельства требовали мира, экономіи, сдержанности и реформъ. А вмѣсто нихъ она дала Англіи религіозное преслѣдованіе, иностранную войну и бездѣятельность въ сферѣ промышленности. Денежное обращеніе оставалось неизмѣненнымъ, казначейство было пусто, торговля, земледѣліе и промышленность находились въ упадкѣ, проблема пауперизма, бродяжничества и безработныхъ становилась все настоятельнѣе. Потому теперь будетъ удобно поговорить о системѣ Тюдоровъ относительно всѣхъ этихъ затрудненій.

Пауперизмъ и законы о бѣдныхъ.

Гевинса.

Послѣдующія измѣненія въ промышленности и торговлѣ уничтожили почти всѣ слѣды того экономическаго уклада, часть котораго составлялъ старый законъ о бѣдныхъ. Но этотъ законъ во многихъ отношеніяхъ составляетъ основаніе современной системы благотворительности. Силы, создавшія его, давно перестали дѣйствовать и точка зрѣнія создавшихъ его людей чужда людямъ девятнадцатаго вѣка. Въ этой и слѣдующей главѣ мы прослѣдимъ то движеніе, которое закончилось знаменитымъ закономъ о бѣдныхъ Елисаветы и начертимъ общіе контуры установленной тогда системы. Мы увидимъ, въ чемъ состояли такъ называемыя права бѣдныхъ, обезпеченныя этимъ закономъ и какъ онъ дѣйствовалъ во время этого важнаго періода экономической исторіи Англіи.

Въ началѣ шестнадцатаго вѣка помощь бѣднымъ не признавалась гражданскимъ долгомъ и обязанностью правительства. Еслибы статуты королевства и постановленія муниципалитетовъ достигали цѣли, то всякій способный къ работѣ и желавшій работать имѣлъ бы опредѣленное мѣсто въ обществѣ, хотя и не такое мѣсто, какое онъ выбралъ бы для себя по доброй волѣ и не получая такой платы, какой онъ самъ оцѣнивалъ свою работу. Потому проблема бѣдности въ то время была отлична отъ современной. Государственнымъ людямъ того времени не приходилось имѣть дѣла съ классомъ бѣдняковъ, ряды которыхъ постоянно пополняются людьми, павшими въ борьбѣ за существованіе и слишкомъ слабыми для того, чтобы подняться. Въ теоріи для подобныхъ недостатковъ не было мѣста въ тогдашнемъ общественномъ строѣ и если судить по раннимъ статутамъ о бродягахъ и бѣдныхъ, то въ то время не вѣрили въ существованіе здоровыхъ мужчинъ и женщинъ, желавшихъ работать и вынужденныхъ нищенствовать. Вообще признавалось однако, что имѣются два большихъ разряда людей, заслуживающихъ помощи. Война, кораблекрушенія, болѣзни и подобныя причины порождали значительное количество больныхъ и неспособныхъ къ труду, которые ни въ какомъ случаѣ не могли работать. Кромѣ того были упорные нищіе, бродяги, бездѣльные поддонки общества. Общественное мнѣніе въ шестнадцатомъ вѣкѣ требовало для первыхъ христіанскаго милосердія, а для вторыхъ суроваго наказанія.

Старые статуты.

Абрисъ системы помощи бѣднымъ набросанъ въ царствованіе Ричарда II въ рядѣ статутовъ [1]) относительно бродягъ, безсильныхъ бѣдняковъ и другихъ лицъ. Тутъ уже имѣются элементы мѣстной отвѣтственности и устройства бѣдныхъ, попытки дать имъ содержаніе и наказаніе здоровыхъ нищихъ—элементы, сдѣлавшіеся основой позднѣйшихъ статутовъ. Въ концѣ пятнадцатаго вѣка оказалось, что суровыя наказанія бродягъ не приводятъ къ удовлетворительнымъ результатамъ. Первый актъ о бродягахъ (Vagrant Act) Генриха VII [2]) жалуется на крайнюю суровость прежнихъ статутовъ, на продолжительное держанье бродягъ въ тюрьмахъ, «почему многіе изъ нихъ теряютъ жизнь». Такимъ образомъ слѣдуя началамъ экономіи и гуманности, статутъ уменьшалъ наказаніе за нищенство тремя днями и тремя ночами содержанія въ колодкахъ за первый проступокъ и шестью днями и ночами за второй. Восемь лѣтъ спустя [3]) были установлены еще болѣе мягкія наказанія: одни сутки содержанія въ колодкахъ за первый проступокъ и трое сутокъ за второй и питаніе хлѣбомъ и водой во время ареста. Клерки университетовъ, солдаты, матросы

---

[1]) 11 Ричарда II, 15 Ричарда II.
[2]) 11 Генриха VII.
[3]) 19 Генриха VII.

и путешественники подвергались тому же наказанію, если не предъявляли надлежащихъ удостовѣреній. Слабые бѣдные должны были отправляться на мѣсто родины или на мѣсто ихъ пребыванія въ послѣдніе три года подъ страхомъ наказанія за бродяжество.

Законы о бѣдныхъ Генриха VIII.

Таково было законодательство о бѣдныхъ при воцареніи Генриха VIII. Въ первые двадцать два года его царствованія правительство ограничивалось преслѣдованіемъ странствующихъ актеровъ и цыганъ и косвеннымъ образомъ стремилось къ уменьшенію бѣдности, регулируя промышленность посредствомъ законовъ о роскоши и тому подобныхъ мѣропріятій [1]). Но въ 1531 году вышелъ парламентскій актъ, который съ дополнительнымъ актомъ 1536 года [2]) набрасывалъ такую полную систему помощи бѣднымъ, что многіе историки повидимому, считаютъ излишнимъ послѣ него подробно излагать позднѣйшее законодательство шестнадцатаго вѣка. Слѣдуетъ принять во вниманіе обстоятельства, при которыхъ былъ проведенъ актъ 1531 г., цѣль его принятія и тотъ классъ людей, которыхъ онъ имѣлъ въ виду. Правительство испугалось увеличенія численности не слабыхъ нищихъ, а класса бродягъ и бездѣльниковъ, «большое и чрезмѣрное количество коихъ порождается праздностью, матерью и корнемъ всѣхъ пороковъ». Они совершали «постоянныя воровства, убійства и иныя гнусныя преступленія, которыя неугодны Богу, вредятъ подданнымъ короля и нарушаютъ общее благо королевства». «Добрые законы, строгіе статуты и указы короля и его предковъ», изданные ради «необходимаго и нужнаго исправленія» этого класса не достигли своихъ цѣлей. Статьи акта, приказывающія мѣстнымъ властямъ призрѣвать старыхъ и больныхъ бѣдныхъ, очевидно, составлены съ цѣлью облегчить открытіе бродягъ, чтобы подвергать ихъ наказаніямъ, опредѣляемымъ статутомъ. Если такое толкованіе этого статута правильно, мы легко поймемъ сущность задачи, подлежавшей разрѣшенію правительства. Мы имѣемъ, конечно, право отвергнуть то объясненіе бѣдствія, которое было удовлетворительно для людей того времени—т. е. объясненіе бродяжества праздностью; мы можемъ, пылая справедливымъ негодованіемъ противъ ландлордовъ, нападать на тогдашнее правительство за его жестокое отношеніе къ угнетеннымъ бѣднякамъ, изгоняемымъ изъ ихъ жилищъ незаконными огораживаніями. На современное мнѣніе объ загораживаніи полей повліяло вѣроятно мнѣніе, высказанное въ «Утопіи» Мора, изданной въ 1516 г. Но это произведеніе, замѣчательное, какъ критика общества того періода, не имѣетъ никакого значенія какъ статистическій документъ и по вопросамъ экономическимъ его нападенія на изгороди, какъ бы

---

[1]) 1 Генриха VIII, 3 Генриха VIII, 4, 6, 7 Генриха VIII.

[2]) 22, 27 Генриха VIII. Продолженіе перваго акта 25, 31, 33, 37 Генриха VIII. Продолженіе второго акта 31 Генриха VIII.

краснорѣчивы и симпатичны они ни были, не могутъ считаться доказательными. Очень вѣроятно, конечно, что нѣкоторые изъ пострадавшихъ отъ загораживанія полей, были, какъ выражается актъ 1533—34 года [1]), «на столько обезкуражены нищетой и бѣдностью, что ежедневно прибѣгали къ воровству, грабежу и другимъ неудобствамъ или жалостно умирали отъ холода и голода». Но даже признавъ, что огораживанія породили широко распространенную нищету, трудно понять изъ записей изслѣдованія 1517 года [2]), какимъ образомъ загораживанія къ этому году распространились на столько, чтобы они оправдывали широкія обобщенія автора «Утопіи». Можно доказывать, что загораживанія, стимулируя промышленность, даже помогали уменьшенію бѣдности и бродяжества, которыя, по мнѣнію многихъ, они будто бы порождали. Вѣроятно, что въ это время также, какъ и въ семнадцатомъ вѣкѣ [3]), жалобы на загораживанье служили просто удобнымъ оправданіемъ нищенства. Одинъ современный документъ [4]), въ которомъ мы встрѣчаемъ много указаній, перечисляетъ причины нищеты въ 1528 году. Одной изъ такихъ причинъ были тяжелые налоги для иностранныхъ войнъ. Авторъ говоритъ, что скотъ сильно страдалъ отъ паршей и мора, но онъ прибавляетъ: «на пастбищахъ было мало мора или совсѣмъ не было». Три или четыре года были лѣтнія засухи, отчего скотъ и овцы, благодаря недостатку травы, сѣна и воды, пропадали. Во многихъ частяхъ Англіи скотъ поить приходилось гонять за шесть миль и благодаря этому «на общихъ пастбищахъ было мало жирнаго скота». Недостатокъ пищи мѣшалъ хозяевамъ выкармливать ягнятъ и телятъ, да и тѣ, которыхъ выращивали, были худы и ничего не стоили, «кромѣ выращенныхъ на пастбищахъ». Другая причина нищеты состояла въ появленіи скупщиковъ скота. Въ Валисѣ, Чеширѣ, Ланкаширѣ и на сѣверѣ нельзя было купить ни худого, ни жирнаго скота иначе, какъ изъ третьихъ и четвертыхъ рукъ. Несмотря на все это, авторъ дѣлаетъ такое заключеніе: «благодаря Богу, всего достаточно теперь, не меньше, чѣмъ раньше, и хорошо, если бы Богъ послалъ хорошую погоду, чтобы пастьба могла продолжаться и тогда голодъ не можетъ долго продолжаться, потому что въ общихъ поляхъ скотъ почти совсѣмъ не подвергается мору». Пастьба же «увеличиваетъ

---

[1]) 25 Henry VIII.

[2]) Издано М. Лидамомъ для королевскаго историческаго общества.

[3]) Ср. споръ объ изгородяхъ въ Лейчестерширѣ въ 1653 и пр. между Джономъ Моромъ Наптофтомъ и Жозефомъ Ли. Моръ издалъ въ 1653 г. Crying Sin of England. что вызвало отвѣтъ Ли. Common Fields and Enclosures. Споръ продолжался въ Reply—Мора 1655 и Vindication of Considerations—Ли, 1656 г. Ср. также History of Leicestershire—Николля.

[4]) Considerations as to the dearness of Victuals, 1528 г. Календарь государственныхъ документовъ (Генрихъ VIII), т. IV.

богатство хозяевъ и даетъ отдыхъ и удобреніе землѣ, что и составляетъ главную причину изобилія хлѣба, въ которомъ никогда не будетъ недостатка до тѣхъ поръ, пока имѣется много овецъ». Показанія относительно вліянія загораживанія, однимъ словомъ, слишкомъ противорѣчивы, чтобы на ихъ основаніи можно было составить точное заключеніе относительно того, увеличивали ли они бѣдность, или не увеличивали и увеличивали ли они число бродягъ. Во всякомъ случаѣ можно смѣло утверждать, что обычный взглядъ на этотъ вопросъ, основанный на показаніяхъ Мора и другихъ писателей, сильно преувеличенъ.

Не трудно объяснить увеличеніе бродяжества другими причинами. Сами статуты свидѣтельствуютъ, насколько небрежно они исполнялись.

Причины бродяжества.

Несомнѣнно, что большинство бродягъ даже не знало, что противъ нихъ изданы законы, совсѣмъ не страдало отъ ихъ примѣненія и безпрепятственно занималось своей профессіей. Слѣдуетъ также помнить, какъ трудно отличить настоящую бѣдность отъ притворной и гуманные чиновники даже въ томъ случаѣ, если они серьезно хотѣли примѣнять законы, вѣроятно въ случаяхъ, казавшихся имъ сомнительными, относились къ бродяжеству снисходительно. Потребовалось бы нѣсколько страницъ для перечисленія всѣхъ штукъ, къ которымъ прибѣгали бездѣльные бродяги, чтобы жить на счетъ общества [1]). Мы можемъ осуждать церковь за наложеніе ей на людей обязанности неразличающей ничего благотворительности, но монахи шестнадцатаго вѣка не болѣе современныхъ организованныхъ благотворительныхъ обществъ желали тратить свои уменьшающіеся доходы на бездѣльниковъ, пьяницъ и порочныхъ людей и, вообще говоря, исполняли свои обязанности настолько хорошо и цѣлесообразно, насколько это было возможно. Многіе изъ калѣкъ и слѣпыхъ, прибѣгавшихъ къ помощи монастырей и богадѣленъ, несомнѣнно пользовались вожделеннымъ здравіемъ и по возможности отдѣлывались отъ своихъ мнимыхъ болѣзней, искусственныхъ ранъ и другихъ фокусовъ профессіональныхъ нищихъ, чтобы спокойно пользоваться щедротами монаховъ. Было легко бездѣльничать, когда общество такъ плохо понимало здравые принципы благотворительности. Бродяжество, не имѣвшее оправданія въ дѣйствительной нуждѣ, составляло одно изъ возмутительныхъ золъ того времени и правительство было вполнѣ право, преслѣдуя его. Другой вопросъ, можно ли одобрить принимаемыя имъ для этого мѣры. Въ настоящее время найдется немного людей, которые одобрили бы суровость законовъ Генриха VIII.

Законы о бѣдныхъ Генриха VIII.

Актъ 1531 года опредѣляетъ устройство и регистрацію лицъ, вынужденныхъ жить милостыней. Имъ разрѣшено просить милостыню въ

---

[1]) Полный и интересный разсказъ о нищенствѣ того времени у Рибтона Тёрнера: History of Vagrants and Vagrancy.

извѣстныхъ предѣлахъ. Но всякое неразрѣшенное нищенство строго наказывалось. Всякаго здороваго нищаго, мужскаго или женскаго пола, предписывалось отправлять въ ближайшій рыночный городъ и тамъ голого привязать къ повозкѣ и «бить бичами по всему рыночному городу до тѣхъ поръ, пока отъ такого сѣченья все тѣло его не покроется кровью». Послѣ такого суроваго наказанія нищаго отправляли на мѣсто родины или въ мѣсто его пребыванія въ послѣдніе три года и тамъ заставляли его работать, «какъ надлежитъ всякому честному человѣку». Приходы и чиновники, не исполнявшіе этого закона, подвергались штрафу; за принятіе и освобожденіе нищихъ налагались наказанія [1]). Ученики университета, моряки, священники-исповѣдники и другіе подлежали дѣйствію этого статута, если они просили милостыню безъ разрѣшенія. Въ первый разъ они подвергались такому же сѣченью, какъ и нищіе, во второй ихъ сѣкли два дня, ставили къ позорному столбу и отрѣзывали одно ухо; въ третій разъ опять сѣкли, ставили къ позорному столбу и отрѣзывали второе ухо. Слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ статутѣ нѣтъ опредѣленій о помощи бѣднымъ, объ употребленіи въ работу и исправленіи бродягъ на мѣстѣ ихъ родины. Можетъ быть, предполагали, что для этого совершенно достаточно личныхъ стараній; статутъ безъ всякихъ прибавленій и исправленій оставался въ силѣ въ теченіи пяти лѣтъ. Потомъ былъ принятъ дополнительный актъ и эти два акта составляли систему отношенія къ бѣднымъ и бродягамъ во все время царствованія Генриха. Актъ 1536 года опредѣлялъ, что мѣстныя власти должны «милосердно» относиться къ бѣднымъ, «искать, помогать и содержать ихъ» посредствомъ добровольной милостыни, которую должны собирать по воскресеньямъ и другимъ праздникамъ церковные старосты и другіе мѣстные чиновники. Они должны отдавать отчетъ въ собранныхъ такимъ образомъ деньгахъ. Воспрещалась открытая подача милостыни иначе, какъ въ общіе ящики, подъ страхомъ штрафа въ десятеро большаго поданной суммы. Упорныхъ нищихъ и здоровыхъ бродягъ должно заставлять постоянно работать на ихъ содержаніе. Но статутъ не опредѣляетъ, какъ устроить такое трудное дѣло. Приходскимъ властямъ предоставлялось устроивать его, какъ они сами хотятъ. Статутъ также разрѣшалъ отдачу дѣтей отъ пяти до четырнадцати лѣтъ въ ученики къ сельскимъ хозяевамъ или мастеровымъ и въ случаѣ отказа или бѣгства этихъ дѣтей, ихъ сѣкли розгами.

Уничтоженіе монастырей.

Вопросъ о вліяніи уничтоженія монастырей на положеніе бѣдныхъ всегда былъ очень спорнымъ; разсуждая о такой широкой и общераспространенной организаціи, какъ монастырская, гдѣ попадались люди съ весьма разнообразными административными способностями, не

[1]) См. Records of the Borough of Nottingham, III.

трудно найти поводы для осужденія методовъ этой организаціи благотворительности. Норфолькъ въ 1537 году объявилъ Кромвелю, что въ Іоркширѣ существуютъ двѣ причины бродяжества: раздача милостыни въ монастыряхъ и бездѣльничество судей при исправленіи ихъ обязанностей; въ согласіи съ такими взглядами судьямъ были отданы приказы исполнять законы о бродяжествѣ, а аббатамъ, пріорамъ и другимъ управляющимъ монастырями было предписано не давать мяса, питья и другой помощи упорнымъ нищимъ [1]). Мы уже говорили, что многіе, находившіе занятіе нищенствомъ выгоднымъ, несомнѣнно получали въ монастыряхъ и госпиталяхъ милостыню. Но трудно было уличить такихъ. Поскольку монастыри было удобно и легко обманывать, они конечно поддерживали зло, къ уничтоженію котораго стремилось правительство. Если мы вспомнимъ, что совершенно такое же обвиненіе выставляли реформаторы противъ прежнихъ законовъ о бѣдныхъ, т. е. *противъ системы*, замѣнившей монастыри и другія подобныя учрежденія, то мы будемъ осторожны въ огульныхъ осужденіяхъ этихъ послѣднихъ. Вѣроятно, что ихъ вліяніе также, какъ и вліяніе большинства другихъ учрежденій, было не безусловно благодѣтельно, но оно не было и безусловно вредно. Въ виду ихъ финансоваго положенія въ шестнадцатомъ вѣкѣ трудно предположить, чтобы они были черезъ чуръ расточительны и неразборчивы при раздачѣ пособій. Они знали къ тому же, что люди, жаждавшіе ихъ паденія, обвиняютъ ихъ въ томъ, что они своей неразборчивой благотворительностью плодятъ нищихъ и также, какъ и всѣ англичане въ то время, они должны были сознавать всю важность бѣдствія, отъ котораго страдала ихъ родина. Мало того, самое ихъ положеніе позволяло имъ гораздо больше, чѣмъ мировымъ судьямъ, оцѣнивать настоящее положеніе народа. Отношеніе монастырей къ вопросу о благотворительности, несомнѣнно, требовало изслѣдованія и реформы, но на нихъ нельзя все таки смотрѣть, какъ на разсадники нищенства. Если ихъ уничтоженіе и лишило многихъ упорныхъ нищихъ возможности бездѣльничать, за то оно повело къ голоду многихъ старыхъ и больныхъ бѣдняковъ, получавшихъ отъ нихъ помощь. Нужно также припомнить, что уничтоженіе монастырей лишило средствъ существованія многихъ лицъ, занятія которыхъ зависѣли отъ нихъ [2]). Многіе изъ нихъ должны были искать другихъ занятій, многіе нашли службу у новыхъ собственниковъ. Но остальные увеличили ряды здоровыхъ нищихъ; новые же ландлорды, какъ указываетъ Эденъ, вообще не жили въ своихъ помѣстьяхъ. Монастырская система благотворительности не отличалась отъ системы, которой держались въ госпиталяхъ, многіе изъ которыхъ пережили

[1]) Calendar of Domestic State Papers (Henry VIII). 1537.
[2]) См. Гаскета—Suppression of the Monasteries.

реформацію и, конечно, считались важнымъ элементомъ въ организаціи благотворительности. Всѣ статуты шестнадцатаго вѣка содержатъ важныя опредѣленія относительно фондовъ этихъ учрежденій и ихъ администраціи. Имѣется также много частныхъ актовъ относительно ихъ, изъ которыхъ очевидно, что правительство отнюдь не считало ихъ виновными въ увеличеніи числа нищихъ. Часто издавались новыя правила, управленіе нѣкоторыми госпиталями было передано отъ уничтоженныхъ монастырей или пріорствъ муниципальнымъ властямъ. Но можно думать, что эта мѣра не только не увеличила ихъ возможности дѣлать добро, но повела напротивъ къ отчужденію собственности, предназначавшейся на помощь бѣднымъ и что многіе изъ нихъ раздѣлили судьбу госпиталя св. Іоанна въ Батѣ, гдѣ большинство фондовъ расхитили на уплаты музыкантамъ, на медвѣжьи бои, на подарки знатнымъ посѣтителямъ [1]).

Первый законъ о бѣдныхъ Эдуарда VI.

Царствованіе Эдуарда VI начинается замѣчательнымъ статутомъ о наказаніи бродягъ и о помощи бѣднымъ. Въ предисловіи говорится, что прежніе законы не имѣли вліянія по причинѣ «безумной жалости и состраданія» тѣхъ, кои должны были надзирать за ихъ исполненіемъ. Потому происходитъ непрерывное увеличеніе количества бездѣльниковъ и бродягъ, которыхъ «если бы наказывать смертію, бичеваньемъ, тюремнымъ заключеніемъ и другими тѣлесными наказаніями, то это было бы заслужено ими, ради примѣра другимъ и для блага общества». Однако было бы «хорошо и желательно сдѣлать ихъ полезными и заставить ихъ оказывать услуги». Посему законы Генриха VIII отмѣняются. Намъ незачѣмъ подробно излагать замѣнившій ихъ длинный и дикій законъ, принятый правительствомъ Эдуарда; клейменье каленымъ желѣзомъ, рабство и смертная казнь— таковы послѣдовательныя наказанія за бродяжество при его повтореніи. Мужчинъ и женщинъ наказывали одинаково. Хозяинъ такого раба могъ отдавать въ наймы, продавать, завѣщать его трудъ и услуги «совершенно такимъ же манеромъ, какъ онъ можетъ распоряжаться другимъ своимъ движимымъ имуществомъ и скотомъ». Онъ могъ также надѣть на шею, руку или ногу такого раба желѣзное кольцо «для распознаванія его и для обезпеченія владѣнія имъ».

Замѣчательно, что сто пятьдесятъ лѣтъ спустя знаменитый шотландецъ, Андрей Флетчеръ Сальтоунъ предлагалъ рабство, какъ средство противъ пауперизма [2]). Онъ не защищаетъ, говорилъ онъ, этихъ дурныхъ и жестокихъ законовъ о рабахъ, а только объясняетъ, при какихъ условіяхъ они могутъ быть хороши и полезны,

---

[1]) См. Книга и Ваттса — Municipal Records of Bath; Гумберта—Memorials of the Hospital of St. Cross.; исторія госпиталя Вигстона въ History of Leicestershire, 1.

[2]) См. вторую изъ его „Рѣчей о дѣлахъ Шотландіи". 1698.

также какъ и необходимы при правильноустроенномъ управленіи. Хозяинъ не долженъ имѣть власти надъ жизнью раба, онъ не имѣетъ права на изувѣченіе и пытку. Рабъ, его жена и дѣти должны получать одежду, пищу и жилище, получать образованіе на счетъ хозяина и имѣть праздникъ по воскресеньямъ. Во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ ихъ обязанностей въ качествѣ слугъ, они находятся подъ покровительствомъ закона и не подчинены волѣ хозяина. Они не могутъ имѣть собственности и могутъ быть проданы—т. е. объясняетъ Флетчеръ, ихъ услуги могутъ быть отчуждаемы безъ ихъ согласія. Онъ предлагаетъ далѣе принудить каждаго человѣка съ извѣстнымъ положеніемъ взять къ себѣ извѣстное количество бродягъ на такихъ условіяхъ и заставить ихъ работать. Онъ утверждаетъ, что при такой системѣ имъ будетъ лучше, чѣмъ тѣмъ, которые «обладая правомъ имѣть все, часто лишены всего». Предложеніе Флетчера поможетъ современному читателю понять, какимъ образомъ въ прежнее время могли защищать рабство, какъ средство противъ пауперизма, руководясь чисто гумапитарными соображеніями и, конечно, еще больше, когда имѣли въ виду не милосердіе, а наказаніе и подавленіе.

Замѣчается рѣзкій контрастъ между отношеніемъ къ бродягамъ, высказаннымъ въ 1547 году и принципами благотворительности, изложенными въ томъ же статутѣ. Приходъ долженъ доставлять жилье старымъ и неспособнымъ къ работѣ. Для подачи помощи людямъ, находившимся въ настоящей нищетѣ, курату прихода предписывалось «дѣлать (сообразно таланту, данному ему Богомъ) хорошее и краткое увѣщаніе прихожанамъ, предлагая и прося ихъ припомнить о бѣднякахъ и объ обязанности христіанскаго милосердія помогать людямъ, которые ихъ братья во Христѣ и которые родились въ томъ же приходѣ и нуждаются въ ихъ помощи».

Второй и третій законы о бѣдныхъ Эдуарда VI.

Когда черезъ два года [1]) этотъ актъ былъ отмѣненъ и возстановленъ первый актъ Генриха VIII [2]), эти постановленія относительно старыхъ и неспособныхъ къ работѣ были введены въ новый статутъ. Еще черезъ два года было сдѣлано къ этому закону важное прибавленіе [3]). Мы уже видѣли, что въ 1535—36 году было сдѣлано спеціальное распоряженіе о собираніи милостыни и объ отчетности въ собранныхъ суммахъ. Теперь было предписано, чтобы въ воскресенье послѣ пятидесятницы выбирались спеціальные сборщики, и они послѣ божественной службы въ воскресенье ихъ избранія или въ слѣдующее должны кротко просить у каждаго мужчины и каждой

---

[1]) 3 и 4 Эдуарда VI.

[2]) 22 Генриха VIII; второй актъ, 27 Генриха VIII никогда не возобновлялся.

[3]) 5 и 6 Эдуарда VI, подтвержденъ актомъ I Маріи.

женщины, чтобы они давали, что могутъ, каждому отдѣльно на помощь бѣднымъ. Эти суммы должны записываться въ регистры домохозяевъ и распредѣляться между бѣдными соотвѣтственно ихъ нуждамъ. За отказъ исполнять обязанности сборщика полагался штрафъ въ 20 шил.; онъ обязанъ былъ давать отчеты четыре раза въ годъ. Викарій долженъ былъ дѣлать увѣщаніе лицамъ, отказавшимся давать милостыню или убѣждавшимъ другихъ не давать ее; въ случаѣ неудачи такого увѣщанія таковое же дѣлалъ эпархіальный епископъ, который могъ отдавать по произволу приказы объ исправленіи такихъ лицъ. Можно привести нѣсколько примѣровъ исполненія двухъ послѣднихъ законовъ о бѣдныхъ Эдуарда VI. Въ Ипсвичѣ, напр., балльи въ 1551 году назначилъ по два человѣка въ каждомъ приходѣ для изслѣдованія положенія бѣдныхъ и доклада о нихъ. Въ 1556 году было избрано шесть человѣкъ для надзора за содержаніемъ бѣдныхъ и неспособныхъ къ работѣ, для доставленія имъ работы, для преслѣдованія бродягъ и т, д. Для учрежденія дома для бѣдныхъ было собрано по подпискѣ 4 фунта [1]). Но суммы, даваемыя добровольно для бѣдныхъ, были слишкомъ незначительны для достиженія цѣли, преслѣдуемой актомъ. Подписки составлялись на условіяхъ, предлагаемыхъ дающими и потому они были и нерегулярными и давали разныя суммы [2]). Потому и считалось необходимымъ постоянно напоминать приходскимъ властямъ объ исполненіи закона [3]).

Законъ о бѣдныхъ при Маріи.

Какъ ни было кратковременно царствованіе Маріи, и при ней было обращено вниманіе на вопросы благотворительности. Измѣненія, сдѣланныя тогда въ законѣ, настолько важны [4]), что о нихъ слѣдуетъ упомянуть. Временемъ избранія сборщиковъ было назначено Рождество, штрафъ за отказъ отъ этой службы повышенъ до 40 шил. Изъ этого мы можемъ вывести заключеніе, что обязанности сборщика принимались неохотно. Собираніе пособій безъ принудительной власти должно было представлять значительныя затрудненія и никоимъ образомъ не могло быть пріятнымъ дѣломъ. Такимъ образомъ вѣроятно, что на эту обязанность избирались лица, всего менѣе къ ней пригодныя—именно тѣ, которые надѣялись получить что нибудь для себя изъ суммъ, подписанныхъ для бѣдныхъ. Потому было введено другое опредѣленіе относительно сборщиковъ. Къ статуту Эдуарда было прибавлено нѣсколько словъ, на основаніи которыхъ епископъ получалъ надъ сборщиками ту власть принужденія, которая соединилась въ шестнадцатомъ вѣкѣ съ правомъ епископа давать

[1]) См. Annals of Ipswiche—Бэкона.

[2]) См. напр. Register Books of the Benevolence of the Parishioners (of Lambeth) for the relief of the Poor, 1552 (Маннингъ и Брей—Surrey, IV).

[3]) Acts of the Privy Council (1551—52)

[4]) 2 и 3 Филиппа и Маріи.

выговоры. Было повелѣно также «убѣждать» богатые приходы помогать приходамъ, обремененнымъ бѣдными. Такимъ образомъ мы видимъ, что правительство, начавъ попытками уничтоженія бродяжества въ интересахъ порядка и хорошаго управленія, постепенно было вынуждено перейти къ проблемѣ благотворительности. До воцаренія Елисаветы была уже выработана система, принятая въ ея царствованіе. Длиннымъ рядомъ статутовъ, проводимыхъ въ видѣ опыта, дѣйствовавшихъ не долго, уничтожаемыхъ, если они оказывались недѣйствительными, подтверждаемыхъ, если оказывались удовлетворительными, были твердо установлены руководящіе принципы «стараго закона о бѣдныхъ» и правительство постепенно и неохотно переходило къ установленію обязательныхъ налоговъ для бѣдныхъ.

Народное здравіе.

Крейтона.

«Потовая горячка» (Sweating sickness).

Въ царствованіе Эдуарда VI была продолжительная чумная эпидемія въ 1550 и 1553 годахъ, какъ въ городахъ такъ и по деревнямъ; но наиболѣе серьезной была пятая и послѣдняя эпидемія «потовой горячки» (Sweating sickners) въ 1551 году. Эта эпидемія, вѣроятно, мало отличалась отъ первыхъ четырехъ (двѣ, въ царствованіе Генриха VII и двѣ, въ 1517 и 1528 годахъ, при Генрихѣ VIII), но о ней слѣдуетъ говорить подробнѣе, потому что слѣды ея опустошеній остались въ спискахъ смертности и въ приходскихъ регистрахъ, которые съ 1538 года велись многими, хотя далеко не всѣми, священниками. Эпидемія началась почему то въ Шревсбюри въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля. Говорили, что она появилась въ нѣкоторыхъ городахъ на границѣ Валиса и потомъ въ Ковентри и Оксфордѣ по дорогѣ къ Лондону, но очевидно, что она не была сильной ни въ одной части страны до ея обычнаго сезона, до лѣта. Она появилась въ Лофборо, въ Лейчестерширѣ 24 іюня, въ Лондонѣ 7 іюля, въ Кембриджѣ 16 іюля, въ Уфкульмѣ въ Девонширѣ 1 августа и въ Ульверстонѣ на сѣверѣ Ланкашира 17 августа. Она продолжалась въ этихъ мѣстахъ не болѣе двухъ или трехъ недѣль; король въ письмѣ отъ 22 августа говоритъ, что въ большей части страны уже нѣтъ эпидеміи. Но въ теченіи этихъ двухъ, трехъ недѣль эпидемія была суровой. Такъ въ Лондонѣ и по близости отъ него умерло больше девятисотъ человѣкъ отъ 7 до 30 іюля, наибольшая смертность была 10 числа—въ этотъ день умерло сто двадцать человѣкъ; въ Ульверстонѣ въ восемь дней умерло тридцать девять,

изъ нихъ 20 августа—одиннадцать человѣкъ. Въ Свитингтонѣ близъ Лидса отъ 17 до 26 августа отъ «чумы», т. е. отъ горячки умерло тридцать девять человѣкъ. Въ Уфкульмѣ въ первые одиннадцать дней августа умерло отъ нея двадцать семь человѣкъ, а смертность за весь годъ была только тридцать восемь; въ Лофборо въ шесть дней умерло 19 человѣкъ, въ Оксфордѣ въ одну ночь заболѣли шестьдесятъ, а въ слѣдующій день въ сосѣднихъ деревняхъ сто, но разсказывающій объ этомъ врачъ сообщаетъ, что умерли немногіе. Два принца крови, тогда бывшіе студентами въ Кембриджѣ, герцогъ Суффолькъ и его братъ Карлъ Брандонъ, умерли въ теченіе одного получаса въ сельскомъ домѣ въ Гунтингдонширѣ, куда они уѣхали, чтобы избѣжать зараженія эпидеміей, свирѣпствовавшей въ университетѣ.

По причинѣ внезапности заболѣванія и быстроты ея хода «потовую горячку» называли: «стой, молодецъ»! или «стой, плутъ, не узналъ своего хозяина»; ее называли также «почтовой горячкой» (такъ какъ она переѣзжала точно по почтѣ изъ города въ городъ) «новая знакомая», «горяченькая» и т. д.

Лихорадки и инфлюэнцы.

Пятая эпидемія этой горячки, продолжавшаяся нѣсколько недѣль лѣтомъ 1551 года, была послѣдней въ Англіи; потомъ она исчезла. Ожидали ея возврата и широко распространенная эпидемія съ горячечными симптомами, дѣйствительно, возвратилась въ 1557 и 1558 годахъ и въ послѣдующемъ поколѣніи. Но обѣ эти эпидеміи не были настоящей потовой горячкой; при той заболѣваніе было быстро и сильно и дѣло кончалось смертью или выздоровленіемъ въ двадцать четыре часа; «человѣкъ отправлялся къ праотцамъ, какъ писалъ изъ Лондона въ 1528 году французскій посланникъ, безъ скучныхъ заботъ, какъ при этихъ несносныхъ лихорадкахъ». Послѣдующія же эпидеміи горячечнаго характера (онѣ бывали и раньше, въ 1510 и 1539—40 годахъ) были продолжительными томительными лихорадками, которыя при ихъ появленіи называли «новой болѣзнью», «новой лихорадкой», «странной лихорадкой», «горячей лихорадкой» «новымъ утѣшеніемъ» и другими подобными игривыми прозвищами, указывавшими и на ихъ томительность и вмѣстѣ съ тѣмъ на меньшую ихъ опасность для жизни. Эти эпидеміи интересны потому, что не легко отличить эпидемію, которую теперь называютъ инфлюэнціей. отъ этихъ «горячихъ лихорадокъ» или «странныхъ лихорадокъ». Одной изъ сильнѣйшихъ эпидемій этого рода въ Англіи (и въ другихъ странахъ) была эпидемія лѣтомъ и осенью 1557 и 1558 годовъ, черезъ шесть или семь лѣтъ послѣ послѣдней эпидеміи потовой горячки; горячечные признаки новой болѣзни были столь ясны, что одинъ врачъ, заболѣвшій въ 1558 году близъ Саутгамптона, назвалъ болѣзнь «потовой» и сравниваетъ ее съ потовой эпидеміей царствованія короля Эдуарда, которая унесла «двухъ благородныхъ

принцовъ Суффольковъ». Въ Родвелѣ близь Лидса, гдѣ рѣдко умирало больше двадцати человѣкъ въ годъ, въ 1557 году смертность увеличилась до семидесяти шести, а въ 1558 году до 124 человѣкъ. Эти двѣ эпидеміи 1557 и 1558 годовъ произвели сильное впечатлѣніе въ странѣ; лѣтописцы говорятъ о нихъ, что онѣ унесли многихъ изъ богатѣйшихъ людей въ Англіи и особенно свирѣпствовали среди духовенства, такъ что много приходовъ остались вакантными и нельзя было найти куратовъ; онѣ свирѣпствовали и среди рабочаго люда, такъ что много хлѣба осталось въ поляхъ по недостатку рукъ для жатвы и вывоза и вообще онѣ были столь суровы, что третья часть населенія испытали эту общую болѣзнь. Сама королева Марія, умершая зимой 1558 года, повидимому была жертвой послѣдствій этой эпидемической лихорадки. Такія же эпидеміи «горячей лихорадки» время отъ времени появлялись и послѣ въ Англіи—въ 1580 году, можетъ быть въ 1596 году (что дало Шекспиру поводъ упомянуть о «потѣ», который вмѣстѣ съ войной, бѣдностью и висѣлицей мѣшаетъ своднѣ въ пьесѣ Measure for Measure), нѣсколько разъ, иногда два или три сезона сряду, въ теченіе семнадцатаго вѣка и въ болѣе близкое къ намъ время около 1780 года — весьма возможно, что эта таинственная форма эпидеміи была тождественна съ теперешней эпидеміей инфлюэнцы. Вообще эти эпидеміи составляютъ особый видъ общаго класса инфлюэнцы, который чаще имѣетъ типъ «общей простуды» (universal colds), чѣмъ общей лихорадки. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ періодъ «общей простуды» падаетъ между двумя періодами одинаково опредѣленныхъ эпидемій лихорадки.

Маларія.

Обычныя лихорадки въ концѣ царствованія королевы Маріи даютъ намъ возможность сдѣлать общее замѣчаніе относительно общественнаго здравія въ Англіи — замѣчаніе, примѣнимое и ко всему описываемому нами теперь періоду. Въ старыхъ документахъ, какъ книгахъ, такъ и частныхъ письмахъ и государственныхъ документахъ, такъ много говорится о «лихорадкахъ», леченіе лихорадокъ настолько было профессіей цѣлаго класса простыхъ эмпириковъ даже во времена Георга II, что съ перваго взгляда на дѣло можно подумать, что Англія была до чрезвычайности малярійной или болотистой страной, что маларія въ одно время представляла такую же серьезную опасность для общественнаго здравія, какъ теперь во многихъ странахъ тропиковъ. Оказывается однако, что малярійные округа Англіи были извѣстны за такіе въ старыя времена на столько же, насколько они были извѣстны и въ болѣе позднія времена, на нашей памяти. Несомнѣнно вѣрно, что Фенсъ и другія болотистыя мѣстности были высушены, но дренажъ Фенса начался вскорѣ послѣ пормандскаго завоеванія и ко времени Іакова 1 маларійныя лихорадки среди жителей этой мѣстности были не болѣе частыми, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ до настоящаго времени. Среди Ромнейскихъ «болотъ» было много большихъ фермъ

и помѣстьевъ, которыя во времена Генриха VIII были превращены въ пастбища. Тѣсные предѣлы настоящихъ маларійныхъ частей Англіи указываются нелѣпымъ заявленіемъ или хвастовствомъ знаменитаго цѣлителя лихорадокъ, шарлатана Тальбора во времена Карла II. Чтобы подготовиться къ своей спеціальности, онъ жилъ нѣкоторое время въ маларійномъ приходѣ на Эссекскомъ берегу Темзы и изучивъ свое дѣло посредствомъ дѣйствительнаго соприкосновенія съ болѣзнью, онъ явился въ Лондонъ лечить всѣхъ больныхъ лихорадкой, какого бы то ни было рода, или всѣхъ полагавшихъ, что они больны лихорадкой. Изъ разсказовъ очевидно, что эта лихорадка была часто просто похмѣльемъ отъ неумѣреннаго употребленія эля. Но даже въ томъ случаѣ, когда болѣзнь была настоящей лихорадкой съ пароксизмами и т. д. или съ возвратами, она рѣдко имѣла характеръ эпидемической лихорадки маларійныхъ мѣстъ, а скорѣе походила на тѣ странныя общія эпидеміи, которыя тогда были частыми и иногда продолжались въ теченіе нѣсколькихъ сезоновъ, такъ что лихорадка была изъ году въ годъ общераспространенной болѣзнью — конечно, болѣе распространенной въ одинъ годъ, чѣмъ въ другой и иногда на нѣсколько лѣтъ исчезающей, какъ это явствуетъ изъ показаній медиковъ.

Что же касается въ частности Лондона и его окрестностей, то мы можемъ смѣло утверждать, что тамъ маларія очень мало вліяла на общественное здравіе или совсѣмъ не вліяла. Извѣстный современный писатель о лихорадкахъ Британіи говоритъ однако, будто страна вокругъ Лондона была во времена Кромвеля столь же болотистой, какъ теперь Фенсъ въ Линкольнширѣ. Но онъ просто плохо понялъ тогдашнее употребленіе термина «лихорадка». Лихорадка, которую лордъ протекторъ захватилъ въ Гамптонъ-Куртѣ и отъ которой онъ умеръ въ Уитгаллѣ, была эпидемія «странной лихорадки» въ лѣто и осень 1658 года, также какъ лихорадка королевы Маріи была той же таинственной эпидемической болѣзнью сто лѣтъ раньше; болота или маларійныя условія были причиной этихъ лихорадокъ не болѣе того, какъ они причина теперешней эпидеміи инфлюэнцы. Мѣстность вокругъ Лондона была тогда такой же, какъ теперь; большое болото или fen близь городскихъ стѣнъ было осушено во времена Генриха VIII и такимъ образомъ образовался Моорфильдъ, народный паркъ, перерѣзанный дорогами и тропинками. Если и было какое либо замѣтное отличіе стараго Лондона отъ теперешняго, то только въ количествѣ воды, такъ какъ Темза тогда занимала большее русло и иногда заливала низменности Ламбета и Пимлико. Но страна вокругъ Лондона: сѣверные холмы отъ Гомертона до Гампстеда и южныя лѣсистыя равнины отъ Стокуэлля и Камбервеля до Гринвичскаго парка — была такой же, какой она всегда была со времени послѣднихъ геологическихъ измѣненій и заслуживала тѣхъ похвалъ ея здоровому

воздуху и прекраснымъ лугамъ, которыя расточалъ Фицстефенъ во времена Ричарда I; и она не была малярійной въ настоящемъ смыслѣ этого слова настолько же, насколько она не была такой и въ позднѣйшій историческій періодъ.

Общественная жизнь.

Помимо религіозныхъ послѣдствій уничтоженія монастырей намъ надо опредѣлить, какъ это уничтоженіе повліяло на народныя массы. Ихъ мнѣніе по этому поводу можетъ быть уяснено однимъ примѣромъ, заимствованнымъ у Галля:

«Вы слышали раньше, что кардиналъ уничтожилъ нѣкоторые монастыри, изъ коихъ одинъ въ Суссексѣ назывался Беггамъ и онъ былъ очень удобенъ для страны; но такъ дѣло вышло, что буйная кампанія, переодѣтая и неизвѣстная, съ вымазанными лицами, пришла въ этотъ монастырь и привела съ собой канониковъ и снова посадила ихъ на ихъ мѣста и обѣщала имъ, что если они въ случаѣ чего зазвонятъ въ колокола, то они придутъ съ большой силой и защитятъ ихъ. Это дѣло дошло до ушей королевскаго совѣта и каноники были взяты и они выдали «капитановъ», кои и были посажены въ тюрьму и сурово наказаны».

Самъ Генрихъ въ письмѣ къ кардиналу признавалъ непопулярность этой мѣры:

«Что касается до помощи религіозныхъ домовъ постройкѣ вашей коллегіи, я хотѣлъ бы, чтобы это было вполнѣ законно; по моему мнѣнію это не такъ; но надо, чтобы оно казалось такимъ всѣмъ и чтобы былъ устраненъ всякій поводъ для ропота, ибо несомнѣнно, что во всемъ королевствѣ много ропщутъ на это и говорятъ и дурное и хорошее. Они не говорятъ, что все дурно полученное отдано коллегіи, а что коллегія есть покровъ, прикрывающій всякое зло. Я увѣряю васъ, что меня до глубины души огорчаетъ слышать такіе толки о человѣкѣ, котораго я такъ люблю. Потому мнѣ думается, что я не могу не сообщить вамъ этого по дружески».

Въ 1528 году число монастырей, закрытыхъ кардиналомъ, доходило, по показанію Вуда, до сорока двухъ или больше.

Для того, чтобы указать, какъ уничтоженіе монастырей повліяло на положеніе бѣдныхъ и больныхъ, достаточно упомянуть, что однимъ актомъ (27 Генриха VIII) королю были отданы всѣ монастыри, которыхъ земли приносили менѣе двухсотъ фунтовъ въ годъ; не довольствуясь этимъ при его сынѣ Эдуардѣ, «этомъ благородномъ отпрыскѣ», ему были отданы всѣ оставленные при Генрихѣ часовни,

всѣ братства и гильдіи. Конфискованной такимъ образомъ собственностью распорядились очень просто—а какимъ образомъ, это покажетъ одинъ на угадъ выбранный примѣръ изъ многихъ подобныхъ.

Королевскія удостовѣренія о часовняхъ (R. O. Chantry Certificates) отъ 8 февраля (2 Эдуарда VI, 1548 года) даютъ подробности о гильдейскихъ земляхъ (Guild, Obit and Lamp) въ Суффолкѣ. Суммы, вырученныя выше уплатъ, должны были пойти на бѣдныхъ. 21 декабря, нѣкто Францъ Больдеро и Робертъ Паркъ предложили купить всѣ эти земли Гильдій въ Суффолькѣ. Они предложили купить только тѣ земли, которые останутся, какъ лишнія, кромѣ тѣхъ, которая предназначены для содержанія бѣдными. Но представитель короля зачеркнулъ сумму, предназначавшуюся для бѣдныхъ и разрѣшилъ Больдеро и Паркъ купить все, не обращая вниманія на бѣдныхъ. Все и было куплено.

Существуетъ небольшая брошюра, авторъ которой скрывается подъ псевдонимомъ «Родериго Морсъ» [1]); въ заголовкѣ ея сказано, что оно «напечатано въ Іерихонѣ въ Обѣтованной землѣ Томомъ Правдивымъ» въ 1542 году и озаглавлена она такъ: «жалоба христіанъ на лондонское Сити»; изъ этой брошюры мы узнаемъ о положеніи бѣдныхъ въ богатомъ городѣ вскорѣ послѣ уничтоженія монастырей.

«О граждане, если бы вы обратили доходы вашихъ часовенъ и гильдій на устройство бѣдныхъ съ благоразумнымъ, политичнымъ и добрымъ предвидѣніемъ—ибо Лондонъ, будучи однимъ изъ цвѣтовъ міра относительно мірского богатства, имѣетъ множество, даже безчисленное количество, бѣдняковъ, вынужденныхъ ходить отъ двери къ двери и открыто просить милостыню на улицахъ, а многіе не способны и на это, а лежатъ по домамъ въ страшныхъ мученіяхъ и умираютъ отъ недостатка помощи богатыхъ—къ великому твоему стыду, о, Лондонъ! Если, говорю я, вы исправите это зло, какъ обязаны сдѣлать это, то сдѣлайте это безъ криковъ тѣхъ, которые вопіютъ противъ васъ къ Богу и которыхъ Онъ хорошо слышитъ. И тогда изъ сотенъ несчастныхъ бѣдняковъ не будетъ ни одного и если вы сдѣлаете это, противъ васъ не будутъ свидѣтельствовать на Страшномъ Судѣ, какъ будутъ свидѣтельствовать противъ вашихъ предковъ за то, что они не устроили бѣдныхъ. Кромѣ сего какая радость будетъ для васъ, что ваши братья будутъ устроены! Вы злоупотребляете вашимъ богатствомъ—особенно вы, служащіе въ городѣ. Ибо вы неизмѣримо тратите деньги. Для кого? Для тѣхъ, кто не нуждается, какъ то для благородныхъ и для придворныхъ джентльменовъ, для альдерменовъ и другихъ богатыхъ коммонеровъ, забывая о бѣдныхъ».

---

[1]) Голиншедъ говоритъ, что авторъ этой книги—лондонской купецъ Генрихъ Бринклоу.

До уничтоженія монастырей въ Лондонѣ было довольно много госпиталей. Такъ былъ госпиталь Ельзингъ на сѣверномъ концѣ Гай-Спуръ Лэнъ, улицы, которая вела отъ Альдерманбюри—это старый женскій монастырь, преобразованный въ 1329 году Вилльямомъ Ельзингомъ, купцомъ, въ госпиталь для содержанія ста слѣпыхъ. Близь улицы Камомиль рядомъ съ лондонской стѣной находился Папей, содержимый братствомъ св. Милосердія и Св. Іоанна Евангелиста, основанный въ 1430 году для бѣдныхъ и больныхъ священниковъ. Монориты (Poor Clares) призрѣвали больныхъ въ своемъ монастырѣ св. Троицы; пріорство св. Варфоломея всегда было убѣжищемъ для больныхъ и калѣкъ. Св. Марія Вифлеемская—это госпиталь для безумныхъ, основанный въ 1246 году Симономъ Фицъ-Мари; при различныхъ братствахъ Бѣлыхъ, Черныхъ, Сѣрыхъ и Августинскихъ фріаровъ всегда были больницы—кромѣ св. Маріи Оверисъ, на Саутваркской сторонѣ лондонскаго моста. Всѣ эти учрежденія внезапно исчезли и больные, слабые и слѣпые должны были убраться куда нибудь. Куда они ушли и какъ они влачили свое жалкое существованіе, пока дружеская смерть не закончила его, намъ неизвѣстно. Мы знаемъ, что кое что было сдѣлано для нихъ отъ 1538 до 1542 года, но сдѣлано было немного и цитированная выше брошюра указываетъ, каково было ихъ положеніе. Госпитали.

Такъ дѣло шло до 1551 года, когда положеніе дѣлъ дошло до скандала и были сдѣланы попытки улучшенія. Въ этомъ году, читаемъ мы въ Хроникѣ Графтона, молодой король, тронутый проповѣдью Ридлея, лондонскаго епископа, о милосердіи, рѣшилъ непосредственно приступить къ дѣлу благотворительности. По его приказанію епископъ совѣщался съ лондонскимъ лордомъ мэромъ и послѣдній назначилъ комитетъ изъ альдерменовъ и коммонеровъ, число которыхъ доходило до тридцати четырехъ. Сущность принятыхъ мѣръ уже изложена нами, и мы приведемъ только отчетъ хроникера о первоначальной цѣли Христова госпиталя.

«Для невинныхъ и сиротъ, дѣтей нищихъ, которые суть сѣмя и разсадникъ нищенства, они назначили домъ бывшихъ Сѣрыхъ фріаровъ (Грейфріаровъ) въ Лондонѣ, который теперь называется Христовымъ госпиталемъ, гдѣ бѣдныхъ дѣтей учатъ божественному знанію и нѣкоторымъ благороднымъ экзерциціямъ для уничтоженія нищенства».

Такимъ образомъ Христовъ госпиталь кромѣ общихъ образовательныхъ цѣлей имѣлъ характеръ убѣжища, пріюта, которыхъ теперь такъ много устроено для низшихъ общественныхъ классовъ....23 ноября 1552 года.

«Дѣти были взяты въ госпиталь Грей фріаровъ, именуемый Христовымъ госпиталемъ, въ количествѣ почти четырехсотъ. А также больные и бѣдные въ госпиталь св. Фомы въ Саутваркѣ и въ этихъ

двухъ мѣстахъ дѣти и бѣдные будутъ имѣть мясо, питье, жилище и одежду на счетъ Сити».

31 апрѣля 1553 года, «въ понедѣльникъ на Пасхѣ дѣти Христова госпиталя пошли оттуда чрезъ Сити на проповѣдь въ церкви св. Маріи Госпитальной, всѣ одѣтые въ розовыя куртки и красныя шапки; дѣвочки въ такомъ же мундирѣ, съ платками на головахъ; всѣ они съ ихъ матронами и гувернерами были помѣщены на платформѣ въ 8 сажень и сидѣли тамъ нѣкоторое время, что было прекрасное зрѣлище».

Эта церковь св. Маріи Госпитальной или Domus Dei была при епископскихъ воротахъ за стѣнами (Bishopsgate Without the Walls)— тутъ былъ госпиталь и пріорство, основанные въ 1197 году гражданиномъ Лондона Вальтеромъ Бруномъ и его женой Розей для пріюта бѣдныхъ. При уничтоженіи его Генрихомъ VIII въ немъ было 180 кроватей. Въ числѣ другихъ благотворительныхъ заведеній въ Лондонѣ, уничтоженныхъ въ то время, былъ и госпиталь св. Маріи въ приходѣ Баркингъ, для бѣдныхъ священниковъ и другихъ бѣдныхъ мужчинъ и женщинъ изъ лондонскаго Сити, сошедшихъ съ ума и потерявшихъ память, до ихъ выздоровленія. Онъ, однако, перешелъ въ госпиталь св. Екатерины, принадлежавшій королевамъ Англіи и существующій и доселѣ, хотя въ 1825 году его перевели въ Регентъ-Паркъ. Близь церкви св. Мартина Утвичъ былъ госпиталь св. Антонія для 13 бѣдныхъ и вольная школа для бѣдныхъ дѣтей, закрытыя Эдуардомъ VII. Св. Жильса въ Поляхъ былъ госпиталь для прокаженныхъ изъ лондонскаго Сити и графства Миддльэссексъ, основанный Матильдой, супругой Генриха 1, и уничтоженный Генрихомъ VIII. Госпиталь св. Іоанна Іерусалимскаго въ Клеркенвелѣ также закрытъ въ это царствованіе, какъ и госпиталь св. Іакова въ Поляхъ, для прокаженныхъ дѣвушекъ лондонскаго Сити.

Школы. Уничтоженіе монастырей особенно серьезно повредило дѣлу образованія. Монахи всегда заботились объ этомъ, внезапное исчезновеніе школъ чувствовалось такъ сильно, что во второй годъ царствованія Эдуарда VI были изданы патенты отъ 20 іюня 1549 года, назначавшіе коммиссаровъ для принятія различныхъ мѣръ «для поддержанія и устроенія школьниковъ, священниковъ и куратовъ» и другихъ дѣлъ относительно бѣдныхъ—что необходимо включало и вопросы образованія. По всей странѣ должны были быть основаны грамматическія школы Эдуарда VI; нѣкоторыя дѣйствительно основаны на основаніи его патентовъ, но онѣ по большей части получили очень мало изъ конфискованныхъ имѣній и подобно Христову госпиталю и другимъ лондонскимъ госпиталямъ были дешевымъ объявленіемъ о щедрости ихъ патрона и его совѣтниковъ.

Министры Эдуарда ограбили всѣ образовательныя учрежденія ради своихъ выгодъ и отняли содержаніе и стипендіи у студентовъ уни-

верситета. Антоній Вудъ, писавшій въ шестой годъ царствованія Эдуарда, говоритъ:

«Никто не рѣшается отдавать дѣтей въ школу—развѣ затѣмъ, чтобы выучить ихъ писать, чтобы сдѣлать изъ нихъ адвокатовъ или подмастерьевъ. Два кладезя ученія (говоритъ нѣкто [1]), Оксфордъ и Кембриджъ, изсохли; изъ тысячи студентовъ не осталось и сотни, и если въ теченіи еще семи лѣтъ будетъ продолжаться такое уменьшеніе, то не останется почти ни одного».

Менѣе чѣмъ черезъ семь лѣтъ, въ 1557 году, въ пятый годъ царствованія Маріи, онъ такимъ образомъ описываетъ Оксфордъ:

«Магистраты теперь болѣе заботятся объ обогащеніи и упорядоченіи университета а также объ установленіи католической религіи, чѣмъ объ улучшеніи преподаванія. Что сказать о богословіи, когда его школа рѣдко открыта для лекцій? И по этой причинѣ жалованье «профессора Маргареты» обращено для исправленія общественныхъ школъ. Что сказать о теологическихъ упражненіяхъ, когда тамъ теперь такъ мало богослововъ, особенно докторовъ (всего не больше трехъ), что на основаніи статутовъ нельзя принять никого, кто захочетъ пройти этотъ факультетъ? Что сказать о проповѣдничествѣ, когда проповѣди такъ рѣдки, что во всемъ городѣ говорится едва ли не одна проповѣдь въ мѣсяцъ? Что сказать о другихъ лекціяхъ, когда лекторы наврядъ ли способны читать лекціи, или по крайней мѣрѣ пропускаютъ ихъ по небрежности? Греческій языкъ тоже рѣдкость, такъ что наврядъ ли кто нибудь обучаетъ ему публично или частнымъ образомъ. Та поддѣлка религіи, которую народъ принялъ въ царствованіе покойнаго короля, настолько открыла глаза обывателямъ, что теперь развѣ только немногіе питаютъ то уваженіе къ обученію, которое раньше питали къ нему всѣ. Хотя старая религія и возстановлена и все идетъ по прежнему и, вѣроятно, и будетъ идти такъ, но теперь идутъ такіе худые слухи объ обученіи, особенно о томъ, которое обыкновенно получалось нашими академиками, что многіе нехотятъ и знать его. По богословію въ 6 лѣтъ получили степени не больше трехъ человѣкъ, по гражданскому законодательству 11, по физикѣ 6. По искусствамъ тоже не больше 18 въ одинъ годъ, 19 въ другой, 25 въ третій и 28 въ четвертый. Однимъ словомъ, количество учащихся столько же мало, сколько вообще плохо обученіе».

Это отчасти и объясняетъ рѣдкость ученыхъ въ царствованіе Генриха VIII и двухъ его наслѣдниковъ.

Мы видѣли, насколько общественное недовольство увеличивалось въ силу загораживанія полей. Уничтоженіе монастырей тоже не только выбросило на улицу бѣдныхъ, которымъ раньше помогали мо- Народное недовольство.

[1]) Гильпинъ въ проповѣди при дворѣ.

нахи, но и выбросило множество бѣдныхъ монаховъ, которые теперь должны были дѣлить съ рабочими ихъ трудъ и ихъ хлѣбъ. Жалобы народа были признаны актомъ (3 и 4 Эдуарда VI), регулировавшимъ загораживанія:

«Сія прокламація стремилась къ облегченію и къ выгодѣ бѣдняковъ, такъ какъ опредѣляла, что загородившіе общія поля обязаны подъ страхомъ наказанія въ извѣстный день снять изгороди».

Но актъ оставался недѣйствительнымъ, ибо, «немногіе повиновались приказанію и неразумный народъ взялся самъ за исправленіе зла и, собравшись незаконно, выбралъ капитановъ и предводителей, разломалъ изгороди, забросалъ конавы, убивалъ дичь въ паркахъ, грабилъ и опустошалъ, такъ что это было открытое возстаніе. Такое дѣло началось въ Сомерсетширѣ, Букингамширѣ, Нортгамптонширѣ, Кентѣ, Эссексѣ и Линкольнширѣ».

Эти возстанія по большей части прекращались мирно; но возстанія въ Девонширѣ и Норфолькѣ были болѣе серьезными. Первое началось жалобами на захваты земель, а кончилось требованіемъ возстановленія старой религіи. Мятежники осадили Эксетеръ, пищи въ городѣ было такъ мало, что гражданамъ пришлось ѣсть лошадиное мясо; отъ полной голодной смерти городъ былъ спасенъ во время лордомъ Русселемъ, быстро подавившимъ возстаніе. Бунты начались въ Оксфордширѣ и Іоркширѣ и для подавленія ихъ понадобилось пролитіе крови.

Преступленія и наказанія.

Другихъ приступленій, повидимому, было не особенно много и когда случалось выдающееся изъ ряда вонъ преступленіе, вродѣ убійства Ардена Февершама въ 1551 году, то это возбуждало значительную сенсацію. Вышеупомянутое преступленіе было даже драматизировано тремя авторами—одну версію приписываютъ Шекспиру. Бунты мастеровыхъ въ «злой майскій день» въ 1517 году навряд ли можно назвать преступленіемъ; прощеніе, дарованное королемъ, встрѣтило общее одобреніе. Общественное мнѣніе достаточно громко высказывалось даже противъ всемогущаго кардинала, когда онъ совершилъ несправедливость.

«Когда въ Лондонѣ находился французскій посланникъ, случилось однажды вечеромъ, что онъ со свитой шелъ отъ Блакъ Фріаровъ, съ ужина въ «залѣ портныхъ» и два мальчика выбрасывали за рѣшетку мусоръ, нанесенный дождемъ и нечаянно попали въ лакея виконта Туреня; ничѣмъ они ему не повредили, а только замарали его сюртукъ; но французскіе лорды приняли дѣло въ серьезъ, точно это было сдѣлано съ намѣреніемъ, и пожаловались кардиналу; а тотъ слишкомъ поспѣшно повѣрилъ имъ и послалъ за сэромъ Томасомъ Сеймеромъ, рыцаремъ, лордомъ мэромъ Сити и поспѣшно приказалъ ему забрать хозяина, жену, дѣтей и слугъ дома и посадить ихъ въ тюрьму впредь до распоряженія короля, а двухъ мальчиковъ

учениковъ отправить въ Тоуэръ, и это приказаніе было исполнено безъ милосердія; хозяина, его жену и слугъ держали въ Коунтерѣ до 6 мая, т. е. шесть недѣль, и ихъ сосѣди изъ милости присматривали все это время за ихъ домомъ; одинъ изъ учениковъ въ Тоуэрѣ умеръ, а другой почти лишился ногъ; и о такой жестокости кардинала и гордости французовъ народъ много говорилъ и хотѣлъ бы отомстить имъ, если бы его не уговорили благоразумные люди въ Сити».

5 апрѣля 1532 года нѣкто Ричардъ Розъ, поваръ, былъ сожженъ въ Смитфильдѣ за отравленіе шестнадцати человѣкъ, изъ которыхъ многіе умерли, а 1 сентября 1537 года лондонцы видѣли новое зрѣлище:

«Нѣкто Кратуэлль, лондонскій палачъ, и двое другихъ были повѣшаны на площади при Клеркенуэлѣ за ограбленные лавки на Варфоломеевской ярмаркѣ».

Голиншедъ разсказываетъ исторію, введенную Вальтеръ Скотомъ въ его Fortunes of Nigel. «Десятаго іюня (1541) сэръ Эдмундъ Неветъ, рыцарь изъ Норфолька, былъ обвиненъ предъ королевскими судьями, засѣдавшими въ большой залѣ въ Гринвичѣ, въ томъ, что онъ ударилъ мастера Клера изъ Норфолька, слугу графа Сюррея, въ домѣ короля. Сначала о сказанномъ Эдмундѣ былъ сдѣланъ опросъ джентльменовъ и іеменовъ для того, чтобы узнать объ этомъ ударѣ и по слѣдствію онъ оказался виновнымъ и былъ присужденъ къ отсѣченію правой руки. Тогда для исполненія приговора были призваны старшій операторъ (Sergeant surgeon) съ надлежащими инструментами, сержантъ лѣсного двора съ деревяннымъ молотомъ и плахой, на которую положитъ руку мастеръ, королевскій поваръ съ ножемъ, сержантъ смотритель кладовой (Sergeant of larder), чтобы наставить ножъ на суставъ, старшій кузнецъ (Sergeant ferrer) съ желѣзомъ для прижиганія жилъ, смотритель птичьяго двора съ пѣтухомъ, у котораго должны были отсѣчь голову на той же плахѣ и тѣмъ же ножемъ; служитель свѣчного амбара (yeaman of chandrie) съ навощенными платьями, служитель судомойной (yeaman of skullerie) съ жаровней для нагрѣванія желѣза, съ ведромъ воды для охлажденія концовъ желѣза, сержантъ погреба съ виномъ, элемъ и пивомъ, Іеменъ королевской посуды, вмѣсто отсутствующаго сержанта, съ тазомъ, посудой и полотенцами».

«Когда такимъ образомъ всѣ были готовы для исполненія приговора, сэру Вилльяму Пикерингу, рыцарю маршалу, приказали привести сказаннаго Эдмунда Невета, и когда его привели къ рѣшеткѣ, главный судья объявилъ ему его преступленіе и сказанный Неветъ призналъ себя виновнымъ и униженно вручилъ себя милости короля; за свое преступленіе онъ долженъ былъ не только потерять правую руку, но подвергнуться тюремному заключенію, а земли его

и имущество переходили въ распоряженіе короля. И сэръ Эдмундъ просилъ, чтобы король, по своей милости, пощадилъ его правую руку и взялъ у него лѣвую, ибо (говорилъ онъ) если пощадятъ мою правую руку, я могу ею оказать его величеству добрыя услуги».

Тронутый этими словами король даровалъ ему прощеніе.

«Въ этомъ году (1540) въ Смитфильдѣ сожгли мальчика, по имени Ричарда Мекинса; этому мальчику было не больше 15 лѣтъ и, слыша, какъ говорятъ другіе, онъ началъ говорить противъ таинствъ. Этотъ мальчикъ былъ обвиненъ предъ Эдмундомъ Бонеромъ, лондонскимъ епископомъ, и тотъ такъ усердно принялъ обвиненіе, что нашелъ средство признать его виновнымъ и сжечь его. И когда его привели къ костру, онъ уже выучился говорить много добраго о лондонскомъ епископѣ и объ его великомъ къ нему милосердіи; онъ отвергалъ всѣ ереси и проклиналъ то время, когда зналъ доктора Барнеса, отъ котораго выучился ереси, за которую и умираетъ; бѣдный мальчикъ для спасенія жизни былъ готовъ сказать, что этому его выучили двѣнадцать апостоловъ; ему было все равно, кого не назвать, такъ были велики его страхъ и дѣтская невинность».

Эта казнь вызвала общее неодобреніе. Графтонъ, писавшій о возстаніи 1549 года, приводитъ слѣдующій примѣръ общаго равнодушія къ жизни другихъ:

«Въ это время и близъ этого мѣста (Бодмина) былъ одинъ мельникъ, сильно участвовавшій въ возстаніи, и его искалъ сэръ Антоній Кингстонъ, но мельникъ былъ предупрежденъ. Былъ у него хорошій, здоровый парень слуга и онъ призвалъ его и сказалъ: я долженъ уйти и если придутъ и спросятъ меня, ты скажи, что ты собственникъ мельницы и что ты держишь ее четыре года, и отнюдь не называй меня. Слуга обѣщалъ хозяину сдѣлать такъ. И вотъ приходитъ сэръ Антоній Кингтонъ къ дому мельника и зоветъ мельника, а слуга отвѣчаетъ, что онъ мельникъ; мастеръ Кингстонъ спросилъ его, сколько времени онъ держитъ мельницу и слуга отвѣтилъ, что три года.—Когда такъ, сказалъ Кингстонъ, такъ иди за мной—и велѣлъ своимъ слугамъ схватить его и привелъ къ ближайшему дереву и сказалъ: вы мятежникъ и плутъ и потому вы будете висѣть. Тотъ заплакалъ и сказалъ, что онъ не мельникъ, а слуга.—А! отвѣчалъ тотъ, такъ вы плутъ, ложное показаніе даете, потому повѣсьте его. И его повѣсили. Послѣ же повѣшанія кто то сказалъ сэру Антонію Кингстону, что это навѣрное слуга мельника.—Ну, что же? отвѣчалъ онъ. Какую же услугу онъ могъ оказать своему хозяину лучше той, какъ быть за него повѣшеннымъ»?

Суевѣрія были сильно распространены, хотя и не въ такой степени, какъ въ прошломъ вѣкѣ. Тѣмъ не менѣе въ 1541 году нашли необходимымъ провести актъ (33 Генриха VIII), на основаніи котораго «считается фелоніей практиковать или заставлять практиковать

заговоры, колдовство, чарованіе для полученія денегъ или вредить кому въ его тѣлѣ, членахъ и имуществѣ, или вызывать кого либо къ незаконной любви, или изъ пренебреженія къ Христу или изъ денежной выгоды срывать крестъ или гадать, гдѣ украденное имущество».

Изъ манускриптовъ Ландсдоуна мы получаемъ представленіе о суевѣріяхъ того времени:

«Слѣдствіе, произведенное сэромъ Томасомъ Смитомъ о Вичерли, колдунѣ и его сообщникѣ, 1549 года».

Онъ показалъ, что въ Англіи больше пятисотъ колдуновъ, но онъ именъ ихъ не знаетъ; особенно много ихъ въ Норфолькѣ, Гертфордширѣ, Ворчестерширѣ и Глочестерширѣ. Нѣкоторыя изъ его признаній очень забавны:

«Онъ сказалъ, что около Пасхи у жены одного изъ грумовъ королевской бойни, имя которой ему неизвѣстно, украли кошелекъ съ десятью шиллингами и сказанный клеркъ привелъ жену грума къ свидѣтелю погадать, кто укралъ ея кошелекъ. И тогда она сказала свидѣтелю и записала имена подозрѣваемыхъ ею лицъ. Эти имена онъ поочередно положилъ въ трубку ключа и положилъ ключъ на стихъ псалма въ псалтырѣ: Si videbas furem, consentiebas cumeo, et cum adulteris portionem tuam ponebas. И когда онъ говорилъ этотъ стихъ, то при одномъ женскомъ имени книга и ключь повернулись и свидѣтель сказалъ клерку и женѣ грума, что эта женщина, имя которой теперь въ ключѣ, имѣетъ, по его мнѣнію, украденныя деньги, потому что ключь и книга перевернулись при ея имени, а не при другихъ. И онъ показалъ, что такимъ отгадываніемъ онъ занимался много разъ, а сколько—сказать не можетъ, потому что люди каждый день такъ надоѣдаютъ ему этимъ, что онъ не можетъ отказывать имъ и даже отъ нихъ запирается».

Онъ практиковалъ и высшія отрасли своей профессіи.

«Онъ сказалъ также, что уже около десяти лѣтъ тому назадъ онъ пользовался кругомъ, называемымъ Соломоновымъ, Circulus Salamonis, въ мѣстности, именуемой Пембзамъ въ Суссексѣ, для того, чтобы вызывать Баро, восточнаго или сѣвернаго духа. Тамъ были также нѣкто Робертъ Байли, смотрѣвшій въ кристалъ, и сэръ Джонъ Андерсонъ, magister operator и сэръ Джонъ Гикли и Томасъ Гослингъ, которые въ своей практикѣ пользуются мечомъ, кольцомъ и святой водой. Но имъ не удается, ибо Баро не появлялся, такъ какъ и другіе духи, но за то во время вращенія круга поднимается ужасный вѣтеръ и буря. И потому теперь онъ не употребляетъ освященнаго круга, а кристалъ для вызова духа, именуемаго *Скаріотъ*, котораго онъ нѣсколько разъ вызывалъ въ кристалѣ, чтобы гадать объ украденныхъ вещахъ и этотъ духъ сто разъ сообщалъ ему объ этомъ и люди получали свои вещи. Онъ сказалъ также, что въ эту

недѣлю нѣкто Гумфри Локъ изъ Виндзорскаго лѣса и нѣкто Поттеръ изъ прихода св. Климента около Темпль-Бара приходили къ нему за освященными мечемъ и скипетромъ, которые теперь осквернены, и кольцомъ съ написаннымъ трижды на немъ великимъ именемъ Бога, *Тетраграмматонъ*, и все это передалъ имъ свидѣтель и они вмѣстѣ съ однимъ священникомъ намѣревались при этомъ или слѣдующемъ новолуніи искать клада, скрытаго между Ньюбюри и Ридингомъ».

Было еще другое гаданье посредствомъ сита и ножницъ и по показанію Вичерли многіе практиковали его; «жена нѣкоего Крокстона изъ Гольдингъ-Лэнъ въ приходѣ св. Жильса пользуется ситомъ и ножницами и бесѣдуетъ съ феями».

Это гаданіе производилось слѣдующимъ образомъ: острія ножницъ укрѣплялись въ ободкѣ сита и балансировалось двумя лицами на пальцахъ, при названіи имени вора сито внезапно вращалось.

Процессы, повидимому, были не особенно часты, по свидѣтельству Стоу, который разсказываетъ слѣдующее:

«Въ этомъ году (1557) въ Михайловъ день въ вестминстерской залѣ предъ судомъ королевской скамьи не было предъ судьями и двухъ адвокатовъ; былъ только одинъ, нѣкто Фостаръ, осматривавшійся кругомъ, и судьи, которымъ тоже дѣлать было нечего, смотрѣли кругомъ. Въ судѣ общихъ исковъ тоже одинъ только сержантъ Булоизъ. Довольно было тамъ пустого мѣста, такъ что адвокаты жаловались на убытки въ этотъ терминъ».

Увесселенія. Не смотря на религіозныя войны, свирѣпствовавшія въ царствованіе Эдуарда VI и Маріи, народъ забавлялся, хотя далеко не въ такой степени, какъ въ предшествующее царствованіе; въ 1551 году забавляли молодого короля:

«Было рѣшено, чтобы праздникъ Рождества Христова, обыкновенно называемый Рождествомъ, былъ торжественно празднуемъ въ Гринвичѣ, открытымъ столомъ и щедрымъ угощеніемъ двору (что именовали «держаніемъ залы»); въ старое время всегда назначали одного для увеселенія двора и называли его обыкновенно «лордомъ безпорядка» (lord of misrule); эта должность была извѣстна людямъ, получившимъ воспитаніе въ домѣ дворянъ, а также и всѣмъ крупнымъ хозяевамъ, щедро праздновавшимъ этотъ праздникъ. Посему по приказу совѣта въ этомъ году на эту должность былъ назначенъ одинъ умный и ученый джентльменъ, по имени Георгъ Феррерсъ; онъ, какъ пользовавшійся большимъ довѣріемъ и уваженіемъ сравнительно съ его предшественниками, получилъ всѣ свои полномочія подъ названіемъ «мастера время препровожденія короля». Въ понедѣльникъ 4 января сказанный лордъ веселыхъ забавъ прибылъ по рѣкѣ въ Лондонъ и высадился у верфи Тоуэра, гдѣ былъ принятъ Вансе, «лордомъ безпорядка» Джона Майнарда, одного изъ лондон-

скихъ шерифовъ, и проведенъ чрезъ городъ съ большой кампаніей молодыхъ лордовъ и джентльменовъ въ домъ сэра Георга Барна, лорда мэра, гдѣ онъ съ главными изъ своихъ товарищей обѣдалъ, а послѣ былъ большой банкетъ; при его отъѣздѣ лордъ мэръ далъ ему чашу съ серебрянной позолоченной крышкой, цѣною въ десять фунтовъ, въ награду, а также выставилъ кувшинъ вина и боченокъ пива у воротъ для его свиты. Остальные его джентльмены и слуги обѣдали въ домахъ альдерменовъ и у шерифовъ, а потомъ снова отправились къ верфи Тоуэра и ко двору по рѣкѣ, къ великой чести мэра и альдерменовъ, и были почетно приняты королемъ и совѣтомъ» (Голиншедъ).

Парадныя зрѣлища (Pageant) были рѣдки; по день коронаціи Маріи, когда она ѣхала отъ Тоуэра къ Уитгаллю, былъ парадным, Генуэзскіе купцы устроили парадъ въ Фенчёрчъ Стритъ; на углу Грэсчёрчъ Стритъ былъ одинъ парадъ «Истерлинговъ» (нѣмецкихъ купцовъ), а другой флорентинцевъ. При проѣздѣ къ Корнгиллю былъ устроенъ фонтанъ, изъ котораго текло вино; въ «маломъ проходѣ въ Чипъ недалеко отъ Павла» стояли альдермены и другіе, и камергеръ поднесъ королевѣ парчевый кошелекъ съ тысячью марокъ золота. Въ церковномъ дворѣ Павла въ парадѣ возсѣдалъ мистеръ Гейвудъ подъ виноградомъ и говорилъ рѣчь, латинскую и англійскую.

«И былъ тутъ нѣкто Петеръ, голландецъ, и стоялъ онъ на флюгерѣ колокольни Павла, держа въ рукѣ флагъ въ пять ярдовъ длины и, махая имъ, онъ стоялъ на одной ногѣ, а другой трясъ и потомъ становился на колѣна, къ великому удивленію всего народа» (Голиншедъ).

Былъ парадъ у деканства, гдѣ хористы св. Павла играли на скрипкахъ и пѣли. Въ Лудгэтѣ играли министрели, и при проѣздѣ въ Флитстритъ былъ еще парадъ.

Пища.

Пища въ первую половину шестнадцатаго вѣка не была особенно утонченной. Въ хозяйственной книгѣ пятаго графа Нортумберланда, начатой въ 1512 году, мы находимъ, что обычный завтракъ въ теченіе всего года для него и графини состоялъ изъ «ломтиковъ хлѣба, двухъ маленькихъ хлѣбцевъ (manchetts), кварты пива, кварты вина, половины барашка или куска варенаго мяса» а постомъ и въ постные дни недѣли имъ подавали «ломтики хлѣба, два хлѣбца, кварту пива, кварту вина, два куска соленой рыбы, шесть копченыхъ селедокъ, четыре бѣлыхъ селедки или блюдо спрутовъ».

Старшіе слуги получали коровай хлѣба, бутылку пива и кусокъ варенаго мяса, въ рыбные дни хлѣбъ и пиво и кусокъ соленой рыбы, а обыкновенные слуги получали только четверть коровая и кварту пива.

Приводимъ бюллетень цѣнъ, причемъ пенни равняется почти шиллингу на наши деньги.

«Въ этомъ году (1533) предписано, чтобы мясники продавали мясо и баранину по вѣсу; говядину за полпенни фунтъ, а баранину за три фартинга; это было приказано для большаго удобства публики, а оказалось совсѣмъ не то; ибо въ это время жирный быкъ продавался за 26 шиллинговъ и 8 пенсовъ штука, жирный кладенный баранъ за 3 шиллинга 4 пенса, жирные телята по той же цѣнѣ, а жирный ягненокъ за 12 пенсовъ. Лондонскіе мясники продавали для бѣдныхъ куски мяса по пенни, въ каждомъ кускѣ по два съ половиной фунта, а иногда и три фунта; 13, иногда 14 такихъ кусковъ за 12 пенсовъ, баранину по 8 пенсовъ четверть, а сотню фунтовъ мяса за 4 шиллинга 8 пенсовъ; съ тѣхъ же поръ цѣна увеличилась. Въ это же время, а не раньше, не лондонскимъ мясникамъ позволили продавать мясо въ Лиденгальскомъ рынкѣ въ Лондонѣ» (Стоу).

Цѣны зависѣли исключительно отъ мѣстныхъ англійскихъ урожаевъ и потому колебанія ихъ были громадныя, напримѣръ въ 1557 году «до жатвы въ этомъ году пшеница продавалась за 4 марки четверть, солодъ по 44 шиллинга четверть, бобы и рожь по 40, горохъ по 46 шиллинговъ 8 пенсовъ; а послѣ жатвы пшеницу продавали по 5 шиллинговъ четверть, солодъ по 6 шиллинговъ 8 пенсовъ, рожь по 3 ш. 4 пен. Такъ что бѣлый хлѣбецъ въ пенни, который въ Лондонѣ прошлый годъ вѣсилъ только 11 унцій (Троа), теперь вѣситъ 56 унцій. Въ деревняхъ пшеницу продавали за 4 шиллинга четверть, солодъ за 4 ш. 8 пен., а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бушель ржи давали за фунтъ свѣчь, стоившій 4 пенса» (Стоу).

Актомъ 6 и 7 Эдуарда VI всѣ пивныя и кабаки должны были разрѣшаться двумя мировыми судьями и платили 12 пенсовъ за такое разрѣшеніе.

Костюмъ. Ромбовидный головной уборъ дамъ исчезъ и волосы раздѣляли проборомъ по срединѣ; носили прилегавшія къ головѣ суконныя или бархатныя шапочки съ кружевами или бусами. Она получила форму парика, и часто дѣлалась заостренной на переди лба. Длинное платье съ отложнымъ воротомъ облекало всю фигуру; впереди оно было во всю длину открыто, но застегивалось размѣщенными на извѣстномъ разстояніи пряжками. Воротникъ иногда былъ мѣховой, на плечахъ у рукавовъ пуфы, у кисти же рукава обтянутые; иногда носили длинные фальшивые рукава. Нижнее платье носилось узкое, къ поясу обыкновенно привѣшивались какія нибудь полезныя украшенія. У кисти и вокругъ шеи начинали носить манжеты и брыжжи, носили также и кольца на пальцахъ.

Мужской костюмъ былъ проще, чѣмъ при Генрихѣ VIII, но онъ

былъ различенъ у людей разнаго ранга; высшіе классы носили бархатъ, сатинъ и шелкъ, а средніе и низшіе сукно. Обычнымъ костюмомъ были камзолъ, жилетъ и штаны, съ плоской суконной или бархатной шапкой; длинное пальто съ мѣховой опушкой употреблялось при выходѣ изъ дому пожилыми мужчинами, франты носили короткія и узкія штаны до колѣнъ. Во время войны, при исполненіи воинскихъ обязанностей и въ парадныхъ случаяхъ носили вооруженіе также, какъ при Генрихѣ VIII, но оно не годилось для защиты отъ пуль. Вѣкъ рыцарства кончился, онъ исчезъ въ эпоху «Парчеваго поля» и панцырь скоро сталъ анахронизмомъ.

Шотландія

Кольвиля.

Шотландія, какъ нація.

Исторія кельтской Шотландіи менѣе извѣстна и болѣе запутана, чѣмъ исторія саксонской гептархіи. Живой интересъ къ національнымъ лѣтописямъ пробуждается при воцареніи Давида I. (1124). Младшій сынъ Малькольма Кэнмора и королевы Маргариты, полусаксонецъ, полукельтъ, онъ соединялъ основныя свойства этихъ двухъ расъ съ способностью къ власти и къ организаціи норманъ, способнымъ ученикомъ которыхъ онъ былъ, и превратилъ непрочную конфедерацію пастушескихъ племенъ въ феодальное государство. До тѣхъ поръ, пока съ несчастной смертью Александра III не прекратилась прямая линія Канмора (1286), страна переживала эпоху энергическаго упроченія и возстановленія церкви, городовъ и баронства. Война за независимость (1286—1328) была роковой для прогресса. Нортгамптонскій трактатъ (1328), обезпечившій признаніе шотландской національности, былъ купленъ дорогой цѣной. Продолжительная война ускорила дезинтеграцію, бывшую проклятіемъ феодализма, увеличила могущество бароновъ, и подготовила путь для наступленія періода слабыхъ королей и беззаконныхъ партій (1329—1424). Еще болѣе роковыми были открытыя и тайныя усилія послѣднихъ Плантагенетовъ разрушить дѣло Брюса.

Возвращеніе Іакова I изъ англійскаго плѣна обѣщало странѣ втораго Давида, послѣ промежутка въ триста лѣтъ, но прогрессъ въ этотъ періодъ (1424—1513) задерживался всѣми бѣдствіями разлагавшагося феодализма, близившагося къ своей окончательной погибели.

Шотландія, старый Албанъ, была кельтскимъ ядромъ государства, Вессексомъ шотландскаго королевства. Южная ея граница Фортъ въ

Элементы шотландской расы.

теченіе долгаго времени назывался «Шотландскими водами» (Scottis Water). Изъ этой страны, какъ изъ центра, король Давидъ покорилъ Лотіанъ, долину Твида, Стратклайдъ и насадилъ тамъ феодальную цивилизацію, бароновъ въ ихъ крѣпкихъ замкахъ и аббатовъ съ богатыми ихъ землями. Галловей, съ его «дикарями» и герцогство Кумберландъ Давида давно составляли источникъ слабости и опасности на окраинахъ королевства. Восточный морской берегъ, шотландская страна «датскаго закона», являлся опорой прогресса по его промышленному населенію, состоявшему изъ англовъ, изстари поселившіеся на границѣ Албана или новыхъ переселенцевъ изъ Англіи и «нижнихъ графствъ». Къ западу приходилось имѣть дѣло съ полунезависимыми норвежцами и съ старыми кельтами, Мормаорами. Но битвы при Ларгсѣ (1263) и при Гарлоу (1411) устранили всякую опасность съ этой стороны. Палатинетъ Моравія, созданный норманскими колонистами на развалинахъ старыхъ кельтскихъ владѣній Морея, Росса и Кетнесса, обезпечивалъ королевство съ сѣвера.

Реформы Давида I.

Давидъ былъ Альфредомъ этаго народа. Руководящимъ его стремленіемъ было стремленіе сдѣлать изъ воинственнаго пастушескаго населенія—мирное земледѣльческое. Кельтскіе правящіе классы, классъ мормаоровъ или главъ конфедераціи, онъ замѣнилъ норманскимъ графомъ, съ полномочіями «охранителя границъ» (Warden of the Marches—маркграфъ); племенныхъ главъ (toshach) онъ замѣнилъ саксонскими шерифами, vicecomes, или намѣстниками короля; брегоновъ или судей клановъ—присяжными; вольныхъ дворянъ (duine —nasal)—фригольдерами на правахъ военнаго владѣнія (т. е. обязанными феодальной военной службой). Онъ заставилъ бароновъ, теперь владѣльцевъ своихъ земель на основаніи королевскихъ грамотъ, превратить своихъ родичей, подвластныхъ людей, neifs или сервовъ въ обязанныхъ крестьянъ, rustici fermarii, обработывающихъ общее владѣніе деревни, hamlet. Этотъ крестьянскій классъ, къ сожалѣнію, долго оставался простыми арендаторами, вполнѣ зависимыми отъ произвола владѣльца (tenants-at-will). Самый низшій классъ состоялъ изъ несвободныхъ, сервовъ, работниковъ въ помѣстьяхъ аббатовъ или бароновъ, составлявшихъ несомнѣнно, остатокъ кельтскаго населенія—этотъ классъ исчезъ въ срединѣ 14 вѣка.

Законы Администрація. Бурги.

«Коммендація», основанная на обычаяхъ общины—трибы, служила основой полицейской системы. Всякій долженъ былъ имѣть лорда или принадлежать къ корпораціи, которые и являлись его поручителями (borh) въ случаѣ нарушенія закона. Старыя судьи замѣнились присяжными изъ честныхъ людей изъ сосѣдей (visnet). Мѣстнымъ судьямъ бурговъ и бароній было дано право наказанія тюремнымъ заключеніемъ и даже смертью. Для борьбы съ великимъ общественнымъ зломъ насилія и воровства существовала bloodwite или вознаграж-

деніе за вредъ, и условіе открытой продажи товаровъ и имуществъ на вольномъ торгу и warranter (ручательство), что они пріобрѣтены честнымъ способомъ. Наконецъ, самъ король, какъ источникъ справедливости, чрезъ посредство своихъ судей дважды въ годъ держалъ объѣзды страны, весной и осенью (anys wi the gyrs and anys withes corn). Бурги, если не своимъ началомъ, то своимъ устроеніемъ, обязанные Давиду I и Вильгельму Льву, много помогали дѣлу порядка и законности. Они были совершенно чужды обычаямъ Кельтовъ. Ихъ старыя законы еще сохранялись и ихъ федерація (anse) существовала за сто лѣтъ до всякой другой федераціи этого рода. Членъ бурга, горожанинъ, burgess, долженъ былъ имѣть по крайней мѣрѣ rood ($^1/_4$ десятины) земли, какъ его цензъ (burgage) и платить королю пять пенсовъ ежегодной ренты. Эти ренты, замѣнявшія современный поземельный налогъ, сначала собирались королевскими балльи (ballivus regis), но уже до 14 вѣка бурги получили грамоты за уплату опредѣленной ежегодной суммы (reddendo), такъ что каждый burgess сдѣлался коронымъ вассаломъ на правахъ вольнаго владѣльца— фригольдера. Грамота Эдинбурга, древнѣйшая, дана въ 1329 году. Бурги имѣли представителей въ первомъ парламентѣ трехъ сословій въ Камбускеннетъ, въ 1326 году. Самое раннее избраніе представителя бурга, извѣстное намъ, это избраніе въ Абердинѣ въ 1398 году.

Обычаи бурговъ.

Пертъ былъ единственнымъ укрѣпленнымъ бургомъ. Дома были деревянные и пожары были частые; но горожане были милостивы къ людямъ, въ домѣ которыхъ начался пожаръ, «потому что у него и безъ того довольно горя и печали» (for sorrow et heviness has he ineuch foroutyn mar). У города, обыкновенно на холмѣ, стоялъ замокъ для защиты, принадлежавшій королю, епископу или барону и отъ него шла скатомъ главная улица съ мѣстомъ для сбора пошлинъ (таможня, tollbooth), рыночнымъ крестомъ (mercat cross) и позорнымъ столбомъ (cuk-stool), гдѣ преступника выставляли на показъ города. Въ концѣ города была богадѣльня для прокаженныхъ. Каждую недѣлю граждане держали вѣче и когда «каммергеръ» занималъ свое мѣсто (ayre), ихъ вызывали по именамъ каждаго. Бурги были замкнутыми торговыми корпораціями. Товары должны были выставляться гуртомъ при рыночномъ крестѣ въ узаконенные часы. Мелочники, вродѣ булочниковъ и мясниковъ, должны были выставлять свои товары въ окнахъ. Не позволялись ни перекупки, ни стачки для повышенія цѣны. Продавщицы пива (пивоварки—Broustar-wives) должны были выставлять пивной горшокъ въ окнѣ и надъ дверью, какъ доказательство того, что ими товаръ подвергся осмотру особыхъ чиновниковъ (appraisers). Эти чиновники строго надзирали за качествомъ и цѣной товаровъ, противъ поддѣлки продуктовъ и плохой работы существовали особыя постановленія. Эти общины

были аристократическими, хотя онѣ и заботились о равенствѣ и о честности въ торговыхъ отношеніяхъ. Торговцы не хотѣли смѣшиваться съ ремесленниками и купеческія гильдіи пользовались привилегіями. Характерной ихъ чертой была зависть къ поземельному дворянству. Всякій крѣпостной изъ верхней Шотландіи могъ получить свободу, купивъ городской цензъ и владѣя имъ въ теченіе одного года и дня. Дворяне должны были продавать шерсть и кожи только членамъ гильдій и покупать товаръ только отъ свободныхъ горожанъ. Горожане не знали тяжелыхъ феодальныхъ повинностей, въ родѣ брачнаго налога, похороннаго налога и феодальныхъ опекъ. Обученіе гражданскимъ правиламъ было послѣдовательное, начиная съ скромныхъ ночныхъ сторожей до сборщиковъ большихъ и мелкихъ таможенныхъ пошлинъ, до торговыхъ смотрителей (apprai-sers), балльи и наконецъ прево (голова или старшина). Парады (pageants) поддерживали чувство братства. Въ день своего патрона гильдіи отправлялись въ церковь и приносили туда восковыя свѣчи. Великимъ праздникомъ были поѣздки на рынки въ день св. Михаила и на Вознесеніе (Senzie). Самая шумная радость была, когда сыновья горожанъ на Пасхѣ (Pasch) или въ маѣ (Beltan) изображали аббата и пріора Неразумія.

Торговля. Иностранная торговля во времена Кельтовъ сосредоточивалась на Тей, близь дворца Сконы. Съ расширеніемъ королевства къ югу важное значеніе получаетъ Бервикъ, во времена Александра III его доходы равнялись трети всѣхъ таможенныхъ пошлинъ въ Англіи. Процвѣтаніе города возбудило зависть Эдуарда I и его осада (1296), такъ живо описанная Барбуромъ, составляла одинъ изъ самыхъ ужасныхъ эпизодовъ этой войны. Торговцы тамъ были фламандцы, жившіе въ укрѣпленной факторіи Red Hall, они храбро защищали ее подъ предводительствомъ рѣшительнаго морехода и богатаго купца Джона Краба. Когда Бервикъ достался англичанамъ, его мѣсто занялъ Пертъ. Одинъ изъ наиболѣе видныхъ его гражданъ, Джонъ Мерсеръ, былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ купцовъ того времени и послѣдовательно занималъ должности custumar'a (сборщика или откупщика таможенныхъ пошлинъ), прево, королевскаго камергера и финансоваго агента для выкупа короля послѣ битвы при Невилль-Кроссъ. Эдуарда I дѣлалъ всевозможное для притѣсненій шотландскихъ торговцевъ, но послѣ перемирія въ Кале (1348) они снова получили свое право. Внутренняя торговля велась на ярмаркахъ, въ день какого нибудь святаго, при городской церкви. Тогда единственный разъ въ годъ уничтожались всѣ исключительныя стѣсненія торговли въ бургахъ. Тогда и «запыленнымъ ногамъ» т. е. разнощикамъ разрѣшалось ставить свои будки и лари, мѣстные суды пріостанавливали свою дѣятельность и давались привилегіи, дававшія возможность устраивать настоящія сатурналіи.

Грамоты (хартуларіи) аббатствъ помогаютъ намъ понять положеніе сельскаго хозяйства, оно уясняется также законами первыхъ Іакововъ, имѣвшими цѣлью улучшеніе положенія страны, улучшеніе обработки земли, сохраненіе лѣсовъ, уничтоженіе волковъ и хищныхъ птицъ и увеличеніе пищевыхъ средствъ. Описанія страны, не особенно благопріятныя, и положенія народа даютъ иностранцы, Фруассаръ (1366) и Эпей Сильвій (1448). Общее положеніе страны.

Сухой разсказъ о неумолимой борьбѣ и о насиліяхъ, которыя пришлось выдержать націи, чтобы отстоять свою независимость, можно найти у Барбура, Слѣпого Гарри и у хроникеровъ. Лѣтописи того бурнаго и воинственнаго времени даютъ намъ множество подробностей о различныхъ способахъ борьбы, о вооруженіи разныхъ общественныхъ классовъ, о новой и плохо управляемой артиллеріи, о стрѣльбѣ въ цѣль и о смотрахъ (hostings).

Полную картину общественной жизни высшихъ классовъ можно нарисовать по отчетамъ казначейства и по отчетамъ лорда главнаго казначея. Дворъ постоянно переѣзжалъ изъ одного мѣста въ другое, проѣдая ренты королевскихъ имѣній. Продолжительныя пребыванія Александра III въ Форфэръ-кастль и послѣдніе годы, проведенные Брюсомъ въ Кардроссѣ, даютъ намъ мелкія подробности о домашней обстановкѣ этихъ королей, до англійскихъ шутовъ и ручнаго льва, котораго держалъ на цѣпи одинъ герой. Отчеты о Тарбертъ-кастлѣ, построенномъ имъ, указываютъ на издержки и устройство королевскаго жилья въ средніе вѣка. Личные расходы Іакова IV даютъ намъ представленіе о королевскихъ удовольствіяхъ, о платахъ музыкантамъ, пѣвцамъ балладъ, и шутамъ, о милостынѣ, подаваемой имъ нищимъ во время его многочисленныхъ поѣздокъ, о скромныхъ подаркахъ ему плодовъ, дичи и птицъ для обученія соколовъ, о странныхъ морскихъ животныхъ, которыхъ держали какъ рѣдкость, о каждодневныхъ костюмахъ всякаго покроя, цвѣта и стоимости. Онъ предпринималъ значительныя общественныя работы, вродѣ постройки Дунбаръ-Кастля и дворца въ Стирлингѣ, они даютъ намъ представленіе о рессурсахъ и уровнѣ жизни той эпохи. Наиболѣе интересны мелкія подробности о постройкѣ большой барки въ Дёмбартанѣ, о рабочихъ, матеріалахъ, о томъ, какъ добывали ихъ и о стоимости ихъ. Пріятно указать, что во время Колумба въ Шотландіи были храбрые моряки, вродѣ Бартона и Вудса и прочные суда, вродѣ Christopher, Flower, Fellow Caravel. Дворцовое хозяйство.

При общемъ обозрѣніи четырехъ столѣтій, предшествующихъ битвѣ при Флодденѣ, слѣдуетъ признать, что нація въ цѣломъ прогрессировала. Крестьянство, еще зависимое и слабое, однако сильно отличалось, по свидѣтельству Фруассара, отъ задавленнаго французскаго крестьянства. Правительство вообще было честно, милосердно и придерживалось законности, налоги никогда произвольно не увеличива- Культура.

лись. Король сочувствовалъ бѣднымъ и угнетеннымъ. Горожане не смотря на узость ихъ экономическихъ взглядовъ были довольно предпріимчивы. Церковь содержала школы, существовавшія въ нѣкоторыхъ бургахъ еще въ двѣнадцатомъ вѣкѣ. Въ 1496 году былъ проведенъ актъ, чтобы заставить бароновъ и рыцарей давать лучшее образованіе ихъ старшимъ сыновьямъ, но этотъ актъ не имѣлъ практическихъ послѣдствій. Большій успѣхъ имѣли усилія просвѣщенныхъ церковниковъ, Вордлау, Кеннеди, Тёрнбулля и Эльфинстона, основавшихъ университеты св. Андрея, Глазковскій и Абердинскій,— эту славу пятнадцатаго вѣка. Одновременно съ Чосеріанской національной литературой появились сильные туземные писатели, вродѣ Барбура (1375), Слѣпаго Гарри (1460) и Іакова I (1424), умные хроникеры, вродѣ Фордуна (1387), Винтоуна (1420), Боуэра (1449) и Питскоти (1480), и рядомъ съ ними шла народная пѣсня, о которой говорятъ Барбуръ и Винтоунъ. Хуже всѣхъ общественныхъ классовъ были бароны. Среди рыцарства было немного такихъ людей, какъ любимый герой Барбура, благородный Брюсъ и добрый графъ Дугласъ, подобно сквайру Чосера разрѣзавшій жаркое для своего опекуна, епископа св. Андрея. Боуэръ съ удовольствіемъ разсказываетъ о талантахъ Іакова I, рыцаря, достойнаго стать рядомъ съ своимъ другомъ, принцемъ Галемъ Шекспира. По свидѣтельству испанскаго посланника, Айялы, Іаковъ IV обладалъ еще большими талантами. Такіе короли, если бы они жили подольше, могли бы смягчить суровость феодализма, но этому послѣднему была суждена побѣда надъ ними. «Никогда, говоритъ Россъ, дворянство не оказывалось болѣе недостойнымъ своихъ привилегій и болѣе непригоднымъ для руководительства народомъ». Самое лучшее, что можно сказать о немъ, сказано въ общемъ замѣчаніи Фроуда: «въ исторіи Шотландіи мы нигдѣ не встрѣчаемъ слабости, и вездѣ находимъ силу, энергію и волю».

Исторія Шотландіи 1513—1561 г. Золотой вѣкъ Іакова IV.

Царствованіе Іакова IV было однимъ изъ оазисовъ мира и процвѣтанія въ бурной исторіи шотландской націи. Миръ съ старымъ врагомъ былъ обезпеченъ бракомъ короля съ Маргаритой Тюдоръ и была надежда, что «старыя времена кровопролитія и набѣговъ» прошли навсегда. Создалась національная литература: Генрисонъ, Говенъ Дугласъ, Дёнбаръ и Линдсей доказали, что геній поэзіи, дремавшій въ Англіи отъ Чосера до Спенсера, пробудился на сѣверѣ. Они обращались къ толпѣ, такъ что они не только обращаютъ на себя вниманіе, какъ популярные писатели, какими сдѣлаться они могли благодаря введенію печатнаго искусства въ 1508 году, но и уясняютъ намъ общественныя условія наканунѣ реформаціи. Даже ученый Говенъ Дугласъ для своего перевода Виргилія избралъ языкъ знакомый ему съ дѣтства, а Линдсей прямо обращается съ своими пѣснями къ углекопамъ, извозчикамъ, поварамъ и крестьянамъ, чтобы

ни думали о нихъ ученые (cunning) люди. Ничто не свидѣтельствуетъ такъ сильно о глубинѣ и постоянствѣ національнаго сознанія, какъ это господство народнаго языка.

Рамсей, Бёрнсъ, Скотъ и Карлиль въ дни ихъ юности говорятъ тѣмъ же старымъ шотландскимъ языкомъ (braid Scotis), на которомъ написаны «законы бурговъ». Нормано-французскій языкъ никогда не былъ придворнымъ языкомъ на сѣверѣ, хотя и употреблялся въ дипломатіи. Король-поэтъ Іаковъ I, хотя и вдохновлялся Чосеромъ, но писалъ для поселянъ, а послѣдній изъ независимыхъ государей Іаковъ VI не только рекомендовалъ Беллендену перевести латинскую исторію Боэція на народный языкъ, но и самъ писалъ свои энергическія изрѣченія на старомъ шотландскомъ и началъ переводъ псалмовъ на этотъ языкъ.

Общій ходъ событій 1513—1561.

Англійское нашествіе, романически закончившееся битвой при Флоддонѣ, и дѣятельное, почти двадцатипятилѣтнее царствованіе были вѣхами несчастной политики, вполнѣ опредѣлившій тотъ измѣнчивый ходъ событій, который закончился битвой при Лангсайдѣ (1568). Эта политика повела къ появленію въ Шотландіи борящихся французскихъ и англійскихъ вліяній, дѣйствовавшихъ въ странѣ, ослабленной царствованіями малолѣтнихъ государей и внутренними раздорами. Поведеніе Генриха VIII во время несовершеннолѣтія Іакова V и Сомерсета во время несовершеннолѣтія Маріи усилили антипатію шотландцевъ къ союзу, а регенство королевы-матери, Маргариты англійской, было и слабо и несправедливо. Духовенство подъ предводительствомъ Маріи Гизъ и Битоновъ во время второго несовершеннолѣтія поддерживало Францію, старую церковь и старый антатонизмъ, державшій пограничныя мѣстности въ вѣчномъ безпокойствѣ. Бароны были или націоналистами стараго типа, подкупленными защитниками англійской политики, или эгоистическими оппортюнистами. Народъ могъ только молча страдать. Смерть Іакова IV номинально оставила тронъ королевѣ и ея сыну, а въ дѣйствительности Дугласамъ, какъ могущественнѣйшимъ изъ бароновъ. Принцъ сбросилъ ихъ невыносимое иго, уѣхалъ въ одну лѣтнюю ночь тайкомъ изъ Фалкланда въ Стирлингъ и объявилъ себя, хотя ему еще не было и шестнадцати лѣтъ, феодальнымъ королемъ. «Рыжая лисица» или «король общинъ», какъ фамильярно называли Іакова V, проявлялъ честность и послѣдовательность стремленій, но мало политическаго благоразумія; а его переодѣванья, любовныя приключенія и цѣлая толпа шутовъ и комедіантовъ указывали натуру вѣчнаго цыгана. Не даромъ Линдсей восклицалъ: «горе странѣ, у которой такой юный король»!.. Королю мальчику нужна была умная голова. Долженъ ли онъ былъ избрать союзъ съ Англіей и реформированную церковь или римское священничество, поддерживаемое Франціей? Только второй выборъ казался согласнымъ съ національ-

ной и церковной независимостью. Но Битонъ и французская политика одержали побѣду. Король не сдержалъ своего условія съ своимъ лядей и во главѣ веселой кавалькады выѣхалъ изъ аббатства св. Андрея на встрѣчу своей невѣстѣ, Маріи Гизъ (1538). Аббатство св. Андрея, Гизъ, Битонъ—это роковыя фигуры на томъ роковомъ пути, который велъ короля къ его преждевременной могилѣ.

Смерть короля въ Фалькландскомъ дворцѣ (1542) отдала страну въ руки двухъ враждующихъ партій: Дугласовъ или англійской партіи, и Гамильтоновъ или французской партіи. Грубое исканіе руки принцессы Маріи для принца Эдуарда сильно повредило англійской партіи и дѣлу реформы. Гертфордъ велъ это дѣло съ замѣчательной дикостью. Три послѣдовательныя экспедиціи 1544, 1545 и 1547 годовъ свидѣтельствуютъ объ этомъ. Правительство Тюдоровъ, повидимому, смотрѣло на своихъ сѣверныхъ сосѣдей совсѣмъ какъ не на людей. Такая варварская политика не могла имѣть успѣха. Интриги, центромъ которыхъ была политика Аррана, Ангуса и Битона, усилили могущество бароновъ и проложили дорогу для лиги, называемой «лордами конгрегаціи». Они быстро уничтожили старую церковь и породили великую революцію.

Корона.

Царствованія трехъ несовершеннолѣтнихъ государей, Іакова V (1513—1528), Маріи (1542—1561) и Іакова VI (1568—1584), слѣдовавшія одно за другимъ, подвергли бы сильному испытанію даже болѣе могущественную монархію, чѣмъ Шотландія, которая по устройству своего Частнаго совѣта, своего парламента и по своимъ доходамъ, была монархіей настоящаго феодальнаго типа. Большое значеніе въ ея общественной жизни имѣло отправленіе юстиціи. Канцлеръ, всегда церковникъ, былъ легальнымъ совѣтникомъ и главнымъ министромъ короля. «Ганза» или Лига бурговъ играла важную роль въ связи съ Iustice Ayres или объѣздными судами, составляя въ нѣкоторомъ родѣ парламентъ бурговъ для регулированія торговли и помощи въ дѣлахъ, восходящихъ къ аппеляціонному суду камергера или канцлера казначейства. Это и теперь еще существуетъ въ формѣ «конвента королевскихъ бурговъ». Установлены были также наслѣдственныя шерифства и они сохранялись до 1748 года. Аббаты, за которыми послѣдовали и бароны, имѣли суды для своихъ баронскихъ бурговъ съ правомъ смертной казни («колодца и висѣлицы»); балльи барона долженъ былъ наблюдать за исполненіемъ приговора надъ преступниками на основаніи грубаго средневѣковаго кодекса. Но никого нельзя было повѣсить за преступленіе, оцѣненное ниже цѣны двухъ овецъ. Въ Англіи вѣшали за стоимость одной овцы. Все это оставило слѣды въ теченіи многихъ вѣковъ въ народныхъ поговоркахъ, вродѣ «воровская дыра» или «висѣльная справедливость». Такія названія, какъ «лугъ висѣлицы», «холмъ висѣлицы», «ворота висѣлицы», говорятъ намъ еще и теперь о несчастныхъ,

идущихъ къ своей судьбѣ съ связанными назади веревкой руками и сталкиваемыхъ палачомъ (deemster или lokman) съ роковой скамейки и погружающихся въ вѣчность. Грубая чернь обучилась на этихъ поляхъ, холмахъ и пр. фразамъ, столь характернымъ для нравовъ того времени.

Правосудіе.

Іаковъ V по совѣту Давида Битона, получившаго воспитаніе во Франціи, устроилъ въ 1532 году «судъ сессій» (Court of Session), коллегію судей по образцу парижскаго парламента. Въ теченіе долгаго времени преобладающимъ элементомъ въ этой коллегіи были клерикалы. Судъ засѣдалъ три раза въ годъ въ мѣстахъ по назначенію короля. Жюри выбирались безъ вызова президентомъ. Суды консисторій разбирали дѣла о десятинахъ, церковныхъ пошлинахъ и штрафахъ; по самой сущности дѣлъ они были до чрезвычайности непопулярны. Генрисонъ, школьный учитель и нотаріусъ въ Дунфермлинѣ, даетъ живое описаніе процедуры. Во снѣ ему является Езопъ въ нарядѣ нотаріуса, съ бумагой въ рукѣ, съ перомъ за ухомъ, съ чернильницей и красивымъ позолоченнымъ пеналомъ, висящими у пояса и съ шелковымъ мѣшкомъ за поясомъ. Шерифъ покупаетъ у короля право взиманія пеней и конфискаціи и окруженный «проклятыми ассизами» (присяжными) обвиняетъ бѣдняка Джона Мужика (Up-o-land). Судебный приставъ (crownar или tipstaff), съ porteous (обвиненіемъ) въ рукахъ, идетъ передъ судомъ (Ayre), но за взятку (bude) спасаетъ Джона и пишетъ: Will или Wat. Бѣдная жертва, подавляя тяжелый вздохъ, восклицаетъ: «Господи Боже, почему ты спишь такъ долго»? «Новости Сессіи» (Tidings from the Session) Дёнбара—рѣзкая сатира, вложенная въ уста крестьянина изъ пограничной страны (muirlandis man), только что слѣзшаго съ кобылы, на которой онъ пріѣхалъ въ Эдинбургъ искать правды. Линдсей еще болѣе открыто нападаетъ на суды. Введеніе «Бѣдный человѣкъ» въ «Сатирѣ о трехъ сословіяхъ» сильно реалистическое произведеніе. «Бѣдный человѣкъ» жилъ на маленькомъ хозяйствѣ въ Лондонѣ и далъ сосѣду кобылу, чтобы привезти уголь изъ Транента, а кобыла утонула въ старой угольной шахтѣ. Собственникъ обратился въ консисторію, и получалъ только отсрочки изо дня въ день въ разныхъ стадіяхъ дѣлопроизводства, citandum, libellandum и такъ далѣе. И «онъ не могъ никогда понять у нихъ ни одного слова. Много мѣдяковъ (placks) ушло на взятки, такъ что наконецъ даже скалы возопили о серебрянномъ приговорѣ. Но, заканчиваетъ онъ — я такъ и не получилъ моей доброй сѣрой кобылы».

Церковь.

Несчастная необходимость заставила и церковь заниматься политикой. Битоны считали церковь лучшей поддержкой короны противъ бароновъ. Но они не приняли во вниманіе двухъ могущественныхъ силъ: широко распространенное общественное недовольство и сильную волну реформаціоннаго движенія, идущую изъ Англіи. Лютеран-

скія книги и англійскія библіи переносились чрезъ границу при поощреніи Генриха VIII и его сообщника, коадьютора Аррана. Въ «сатирѣ» Линдсея «Истину» запираютъ въ колодки за то, что у ней нашли англійскій Завѣтъ. Только въ 1525 году, когда въ Германіи началось лютеранское движеніе, купцы начали привозить еретическія книги изъ-за моря. Вскорѣ послѣ этого, въ 1528 году, сожгли Патрика Гамильтона. Чтеніе св. Писанія было разрѣшено въ 1543 году, но духовенство, многіе изъ членовъ котораго были очень невѣжественны, сильно противилось этому. Буканань разсказываетъ, что нѣкоторые изъ деревенскихъ священниковъ думали, что Новый Завѣтъ есть сочиненіе, недавно написанное Лютеромъ. Одинъ епископъ при судѣ надъ реформированнымъ викаріемъ, благодарилъ Бога, что онъ не знаетъ ни Ветхаго, ни Новаго Завѣта. Авторъ «Жалобы Шотландіи», самъ клерикъ, вводитъ въ свое «Видѣніе» Духовность (Spirituality), «сидящую въ креслѣ съ книгой въ рукахъ, застежки которой были покрыты ржавчиной». Проповѣдь была привилегіей фріаровъ, да и они исполняли эту обязанность только на Пасхѣ. Деревенскіе округа отощали ради содержанія монаховъ и прелатовъ, думавшихъ только о своихъ интересахъ какъ поземельные владѣльцы. Линдсей говоритъ, что на Страшномъ Судѣ, когда Христосъ скажетъ: «Пріидете, благословенные», монахи будутъ не въ состояніи забыть свой обычный лозунгъ: «мы изъяты» (отъ налоговъ. Nos sumus exempti). Жалованье викарія за работу въ приходѣ всегда урѣзывалось и даже совсѣмъ удерживалось съ согласія епископа. На него смотрѣли просто, какъ на управляющаго для собиранія десятины, пасхальныхъ подарковъ и сборовъ при похоронахъ и крещеньи. Космо-Иннесъ говоритъ: «изъ множества споровъ между монастырями и деревенскими викаріями нѣтъ ни одного, который бы имѣлъ отношеніе къ спасенію душъ». Линдсей презрительно говоритъ объ обычномъ богослуженіи:

„Кое какъ по латини онъ бормоталъ,
Но я ничего не слышалъ, кромѣ; гумъ-бумъ“!
(and meikil latyne he did mummil,
i heard naething but hummill-bummill).

Аббатъ въ «сатирѣ» Линдсея отправляетъ своихъ сыновей въ Парижъ и собираетъ приданное для дочерей. Не удивительно, что кающіеся шутили надъ покаянной рубахой и надъ колѣнопреклоненіемъ въ церкви со свѣчой въ рукахъ или надъ проклятіями викарія за мелкое воровство. «Онъ дастъ намъ проклятій на цѣлый годъ за мѣдякъ, говорилъ народъ, и проклянетъ всѣхъ, кто смотритъ чрезъ нашу изгородь. Это лучше сбережетъ нашихъ коровъ, чѣмъ сонный мальчишка, которому надо заплатить три шиллинга въ годъ, да пару башмаковъ».

Земледѣліе, самое старое и самое консервативное изъ занятій,

всегда захватываетъ въ свою власть обыденную жизнь народа. Оно многимъ было обязано монахамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Лотіанѣ или тамъ, гдѣ серебряный Твидъ протекаетъ мимо Мельроза и Кельсо, они въ своихъ монастыряхъ разводили цвѣты и плодовыя деревья, а также занимались пчеловодствомъ. Въ глубокихъ падяхъ по берегамъ рѣки (holms) зрѣло зерно для мельницы, стоящей у переполненной до краевъ запруды (dam); овцы и коровы паслись среди деревьевъ и по опушкѣ (wattles) стоящихъ на холмахъ березовыхъ рощь, дальше угольныя дудки (peateries и turbaries) прятались среди мрачныхъ болотъ. Ихъ вассалы или *туземцы* (natives) жили въ хижинахъ изъ глины или изъ прутьевъ, составлявшихъ grange или homestead (деревню) подъ надзоромъ свѣтскаго брата, исполнявшаго обязанности балльи (управляющаго). Вблизи находился toon или деревня половниковъ (cottars) стоявшихъ близко къ *туземцамъ* по общественному положенію, а дальше надъ равниной господствовалъ clachan родственныхъ между собой тенантовъ. Они владѣли землей на основаніяхъ корпоративной системы, называемой run-rig, общей всей Шотландіи до средины восемнадцатаго вѣка и еще сохранившейся на островахъ. Каждый хозяинъ (husband) держалъ двухъ быковъ и шестеро хозяевъ соединялись для образованія плуга. Черезъ каждыя три года пахатная земля передѣлялась на узкія змееобразныя полоски (rigs) между совладѣльцами (joint-tenans), которые были обязаны подъ надзоромъ баронскаго бальи «поддерживать доброе сосѣдство», что означало добросовѣстность при работѣ и сохраненіи outfield или общаго пастбища. Бароны, менѣе могущественные, подражали монахамъ и имѣли свои mains, соотвѣтствующія granges и бывшія общимъ наименованіемъ фермъ. За ними находились земледѣльческіе городки (townships) ихъ родственныхъ фермеровъ. Такимъ образомъ подъ главенствомъ бароновъ выросъ этотъ многочисленный классъ фригольдеровъ на основѣ рыцарской службы, который въ послѣдующіе вѣка называли мелкими лэрдами (bonnet или cock lairds). Въ верхней Шотландіи эти лэйрды были tacksmen или главы, обыкновенно младшіе сыновья баронскихъ домовъ. Они платили три марки въ годъ за каждый участокъ пашни, какъ денежную ренту (maill); это слово совершенно замѣнилось словомъ ferme, или натуральной рентой, извѣстной также подъ названіемъ Kain, *цензъ* Франціи стараго режима. Эти лэйрды тоже имѣли своихъ *туземцевъ* (natives) — хозяевъ, обязанныхъ феодальными повинностями. Гораздо рѣже бароны для созданія городовъ, какъ соперниковъ королевскимъ бургамъ, подъ крылышкомъ замковъ даровали feus или вѣчныя поземельныя ренты.

Деревенская жизнь.

Повинности или customs требовались отъ всѣхъ тенантовъ въ формѣ земледѣльческаго труда. Для carages, или провоза зерна, kain, къ портамъ и для запаса торфа они должны были доставлять лошадей. На небольшія разстоянія употреблялись slypes или сани (повозки

Феодальныя повинности.

безъ колесъ, и теперь еще употребляемыя кое гдѣ въ верхней Шотландіи). Эти повинности ведутъ свое происхожденіе съ того времени, когда крестьяне еще не обладали никакимъ капиталомъ и были простыми фермерами на волѣ собственника (tenants-at-will). Такимъ путемъ ландлорды и духовенство владѣли бѣдными общинами не только при жизни ихъ членовъ, но даже и послѣ смерти. Викарій требовалъ upmaist claithis, т. е. холста на расходы на погребеніе или за упокойную службу. Викарій получалъ также церковную корову, а лэйрдъ лучшую лошадь, называемую here-Zed или heriot, а позже Caupe или подарокъ. Первоначально этотъ «геріотъ» былъ военный даръ (here-geat) въ замѣну оружія, даваемаго вассалу для военныхъ потребностей, а потомъ онъ превратился въ постоянный налогъ съ каждаго плуга. Статутъ 1617 года воспретилъ требованіе этого дара, но формально онъ отмѣненъ только въ 1703 году. Линдсей жалуется на тяжесть этихъ повинностей.

Крестьянская жизнь.

Генрисонъ, уроженецъ типическаго округа нижней Шотландіи, выросшій подъ тѣнью богатаго аббатства и дворца Дунфермлина, нарисовалъ крестьянскую жизнь языкомъ, достойнымъ автора самой ранней и самой прелестной пасторали: «Робенъ и Мэкинъ». Съ тонкимъ пониманіемъ очарованія деревни онъ описываетъ пейзажи и звуки весны. Онъ показываетъ намъ, какъ крестьянинъ сѣетъ, а воробьи прыгаютъ по бороздамъ, или какъ раннимъ утромъ онъ съ своимъ работникомъ запрягаютъ воловъ wi'Benedicite (Благослови, Боже)! Онъ крѣпко держитъ ручку неуклюжей деревянной сохи, а его товарищъ, погоняльщикъ, кричитъ: How, haik, up-on-hicht. Hald dracht, my dovis.

Мы слышимъ, какъ онъ зоветъ по имени первую пару здоровыхъ воловъ, какъ онъ велитъ своимъ «голубямъ« идти потише, чтобы сошникъ забиралъ поменьше. Вотъ онъ поощряетъ лѣнивыхъ кнутомъ (gad-wand), причемъ часто плугъ выходитъ изъ борозды (delirat, какъ говорили римляне), такъ что «хозяинъ сердится, кричитъ, бросаетъ камнями и даже лопаткой» (patill — палкой для очищенія сошника), той «убійственной лопаткой», которую Бернсъ не хотѣлъ бросить въ свою любимую мышку.

Жатвы.

Главнымъ хлѣбомъ былъ овесъ, который сѣяли каждогодно на одномъ и томъ же полѣ, пока оно не начинало давать только самъ два. На ближайшемъ къ деревнѣ полѣ въ изгороди сѣяли here (big, особый родъ ячменя). Удобряли землю мало, такъ какъ скотъ бродилъ вездѣ подъ присмотромъ пастуха до созрѣванія хлѣба; изъ хлѣбовъ его выгоняли многочисленныя собаки и Генрисонъ сообщаетъ намъ даже ихъ клички. До настоящаго столѣтія сѣяли мало пшеницы; горохъ и бобы тоже были рѣдкостью. Посѣвы и жатва производились поздно. Генрисонъ въ іюнѣ видѣлъ посѣвы такой вышины, что могъ въ нихъ спрятаться заяцъ и слышалъ крикъ (craі-

kand) перепеловъ. Сѣялось лишь столько зерна, чтобы прокормить деревню и внести ренту. Разливы рѣкъ, такъ графически описанные Говеномъ Дугласомъ, дѣлали плодородныя долины ни на что негодными, кромѣ грубаго сѣна. Плевелъ было много, особенно gool (дикая кризантема), что было источникомъ большихъ непріятностей для управляющаго барона. Невыгодная привычка Кельтовъ собирать только колосья, оставляя солому, была еще обычной. Айала, испанскій посланникъ, посѣтившій Шотландію въ 1510 году, видѣлъ солому послѣ жатвы такую высокую, что она доставала ему до пояса. Зеленыя жатвы были неизвѣстны, и Генрисонъ очень удивляетъ насъ, говоря о widderit neip (сушеной рѣпѣ): этотъ корнеплодъ началъ играть роль въ хозяйствѣ только двѣсти лѣтъ послѣ описываемаго времени. Можетъ быть, случайно онъ встрѣчался въ монастырскихъ огородахъ. Единственнымъ изъ овощей была langkale (капуста).

Положеніе страны.

Айала описываетъ время процвѣтанія. Его земляки во Фландріи сообщаютъ о процвѣтаніи торговли. Самъ онъ былъ пораженъ большимъ вывозомъ сельдей, шерсти и кожъ. Зерно было хорошо, но хозяйство велось плохо. Менѣе достовѣрны свидѣтельства о большихъ стадахъ овецъ, о населенныхъ городахъ и деревняхъ, о каменныхъ домахъ съ дверьми, стеклянными окнами, каминами, меблировкой, такіе же, какъ на континентѣ. Туземные современные источники рисуютъ болѣе мрачную картину, особенно «Жалоба Шотландіи» (1548). Набѣги Гертфорда привели автора въ полное отчаяніе. Его симпатіи къ рабочимъ достойны соціалиста лучшаго типа. Крестьянинъ полагаетъ, что только смерть можетъ спасти его отъ преслѣдованій. Люди лэйрда приходятъ толпой и выгоняютъ его изъ улучшенной имъ фермы, чтобы отдать ее какому нибудь любимцу. Ренты и повинности такъ повышены, что ему жить нечѣмъ. Десятины выше, чѣмъ слѣдуетъ по урожаямъ, и викарій хватаетъ ихъ при жатвѣ, хотя бы потомъ жена и дѣти умерли съ голоду. «Хуже волковъ—лорды, говоритъ Генрисонъ, которые получили *земли въ займы отъ Бога* и отдаютъ ихъ maillaris (посредникамъ, откупщикамъ); они притѣсняютъ тенанта прежде, чѣмъ прошла половина срока, чтобы заставить его уйти или заплатить grassum» (плата при возобновленіи арендnаго контракта). «Сатира» Линдсея также энергична. Предложенія его относительно общественныхъ реформъ обладаютъ всѣми достоинствами и убѣдительностью доклада комиссіи. Генрихъ Чартерисъ, его издатель (1568), жалуется, что эти предложенія не имѣли послѣдствій. Эти аграрныя злоупотребленія, бывшія настоящимъ мотивомъ реформаціи, настолько усилились, что въ срединѣ столѣтія авторъ «Жалобы» восклицаетъ: «что касается до правосудія, господствующаго въ настоящее время въ нашей странѣ, то Богъ дастъ намъ лучшее, когда такова будетъ Его воля».

Эдинбургъ всегда былъ городомъ, единственнымъ по своему по-

Домашняя жизнь. Костюмы.

ложенію и по своей исторіи. Денбаръ живо описываетъ видъ шумныхъ и нездоровыхъ улицъ, идущихъ въ центрѣ города, церковь св. Жильса, заслоненную лавчонками мелочныхъ торговцевъ, проулки и канавы, наполненныя остатками рыбы и мяса, и овощные рынки. Дома горожанъ не уцѣлѣли до настоящаго времени, такъ какъ Гертфордъ зажегъ городъ и пожаръ продолжался три дня. Дворяне еще не жили въ городѣ. Ихъ удовлетворяла еще квадрятная башня мрачной крѣпости, въ которой одна комната стояла надъ другой, отъ подземной темницы до сторожевой вышки. Карлъ II послѣ непродолжительнаго пребыванія въ одной изъ такихъ башенъ говорилъ, что онъ жилъ въ журавлиномъ гнѣздѣ. Актъ 1504 года рекомендовалъ дворянамъ окружать ихъ дома парками и деревьями, но еще въ теченіи цѣлаго вѣка въ Шотландіи не было настоящаго помѣщичьяго замка. Немного мебели стояло на усыпанныхъ соломой полахъ. Стѣны были выкрашены, какъ Денбаръ описываетъ въ своемъ «Снѣ», или обвѣшаны, какъ комната сквайра Мельдруна, который нашелъ свою комнату «хорошо убранной камчатной матеріей, разосланной по полу».

(Fand his chalmer weill arrayit
With dornik work on board displayit).

Когда сдѣлались обычными тканные шпалеры, ограничивались разрисовкой потолковъ, какъ въ залѣ Фалькландскаго дворца. Для пріемныхъ дней стѣны увѣшивались коврами; при посѣщеніи Абердина королевой Маргаритой въ 1511 году власти приказали обывателямъ «украсить и увѣсить лѣстницы главной улицы шпалерами, какъ надлежитъ». Въ числѣ предметовъ обыденнаго употребленія были buist, или ящикъ для столоваго бѣлья, буфетъ или открытый шкафъ для чашъ и кубковъ, boyne или bowie для жидкостей, bossie, доска для рѣзки мяса и mawn, или хлѣбная корзина. Въ кухнѣ былъ свой dresser (буфетъ), длинная скамья, bink, и у стѣны haik (рѣшетка) для тарелокъ, деревянныхъ или оловянныхъ. Въ углу стоялъ awmrie, шкафъ для запасовъ. Полѣнья въ очагѣ поддерживались рѣшеткой, тутъ же прикрѣплялся и broach, вертѣлъ. Кромѣ общей залы было только двѣ комнаты: кухня и частный покой. Простыни изъ harden, или грубаго холста, и одѣяла изъ plaiden, или тартана, употреблялись всѣми, кромѣ немногихъ, имѣвшихъ возможность покупать ввозимые фламандцами товары. Воды, свѣта и тепла въ домахъ было немного. Новыя раскопки доказали, однако, что въ 1538 году въ дворцѣ Линлитгоу были проведены трубы для воды. Немногіе имѣли возможность жечь свѣчи, большинство употребляло хвои, собираемыя въ лѣсахъ или первобытную масличную лампу въ формѣ сковороды (oil crusie). Топливомъ служило дерево и торфъ; дрокъ и верескъ складывались даже на главной улицѣ Эдинбурга. Монахи Ньюбаттля

въ тринадцатомъ вѣкѣ начали «дѣлать сѣрнистый камень, который горитъ», но онъ мало употреблялся, Генрисонъ въ своемъ сочиненіи о «Городскомъ и деревенскомъ домѣ» сопоставляетъ пищу, обычаи и домашнюю жизнь свободнаго гражданина въ borrowis toon (вольномъ городѣ) и мужика, грубаго человѣка (Carlin). Послѣдній питался только капустой съ водой, бобами, да горохомъ; въ кладовой нерваго былъ amond—bread, хлѣбъ изъ тонкой муки, печеный на молокѣ и яйцахъ. Костюмъ высшихъ классовъ мало отличался отъ костюма англичанъ; Айала считаетъ его даже болѣе красивымъ, особенно женскій головной уборъ (curche), который онъ признаетъ самымъ красивымъ на свѣтѣ. Дѣнбаръ не одобряетъ «фижмъ по бокамъ точно у жирнаго кита и длинные хвосты, которые до чиста выметаютъ улицы». Носили и украшенія, вродѣ описываемыхъ Дѣнбаромъ золотыхъ цѣпей на шеѣ съ apill renieis, вѣроятно, бусами изъ янтаря (lammer). Самымъ дорогимъ украшеніемъ были мѣха. Мѣховъ было много, очень разнообразныхъ и весьма цѣнныхъ; крестьяне были смѣлыми охотниками. Самымъ цѣннымъ мѣхомъ была куница (mertrik). За лисицей и волкомъ, этими мучителями земледѣльца, охотились очень усердно. Обычный костюмъ приготовлялся дома изъ шерсти и льна, производимыхъ фермой, и приготовленныхъ посредствомъ прялки, веретена и примитивнаго ткацкаго станка. Кожи часто употреблялись для одеждъ и скорняки были нужными для всѣхъ ремесленниками. Башмачники были также непопулярны, какъ портные и мельники. Дѣнбаръ говоритъ, что башмачникъ скверенъ даже для самого черта, который кричитъ ему: «поди, вычистись до чиста». Онъ пользовался для смягченія кожи своими собственными зубами, «своими отвратительными деснами». Торжествомъ его искусства были сапоги рыцаря, высокіе и жесткіе, точно ведра. Большинство ходило съ голыми ногами или сами дѣлали себѣ башмаки изъ невыдѣланной кожи. Эта обувь походила на rivlins шотландцевъ или на velschoen боеровъ на мысѣ Доброй Надежды. Широкія штаны висѣли точно юбка до колѣнъ, подъ кожаннымъ жакетомъ носили фуфайку (wily—coat, которой не видно, но «которая ловко грѣетъ человѣка».

Во время сѣверной зимы бѣдному крестьянину должно было приходиться плохо. Травы и корнеплодовъ не сѣяли и потому молока было немного, а мясо было рѣдкостью, потому что соль была рѣдка и дорога. Богатые имѣли еще сыръ и муку, а масса должна была довольствоваться drummock (мука съ водой) и капустникомъ. Дугласъ въ мрачныхъ краскахъ описываетъ слѣдствія зимнихъ дождей, холодовъ и вѣтровъ, Генрисонъ еще ярче рисуетъ бѣдственную крестьянскую жизнь. Чрезъ каждые два года былъ неурожай, а за нимъ шли эпидеміи. Бурги были безжалостны къ нищимъ-бродягамъ (gangrel bodies), которыхъ гоняли изъ деревни въ деревню и которые шли, прося милостыню съ посохомъ и сумой, пока не доходи- Бѣдняки.

ли до ярмарки или паперти церкви — этихъ законныхъ мѣстъ для прошенія милостыни. Междоусобія всегда увеличивали шайки выбитыхъ изъ колеи и попрошаекъ (sorners). Всего тяжелѣе былъ жребій прокаженныхъ. Они должны были находиться въ госпиталѣ, тамъ они сидѣли у воротъ съ чашей (caup) для сбора милостыни, а недалеко стояла висѣлица для прокаженнаго, осмѣлившагося преступить назначенныя ему границы. Крессида Генрисона осуждена на жизнь прокаженной и онъ изображаетъ симптомы этой болѣзни: налитые кровью глаза, непріятный, хриплый голосъ, вздутое лицо, усѣянное опухолями и черными пятнами.

Народныя увеселенія.

Но въ жизни не все бѣдность и мракъ. Такая народная поэзія, какъ Peebles to the Play, Robene and Makyne, the Wife of Auchtermuchty, the Wooing of Jenny and Jock доказываетъ, что недостатка въ юморѣ не было. Процессіи ремесленныхъ учениковъ (Beltane, Iule, Robin Hood сдѣлали пѣніе, танцы и мимику популярными. Для крестьянина былъ продолжительный лѣтній праздникъ жизни въ шалашахъ (sheilings), какъ она описана въ «Жалобѣ Шотландіи», со всей ея поэзіей народныхъ сказокъ, пѣнія и танцевъ. Дворяне забавлялись соколиной охотой. У короля въ одномъ или двухъ его замкахъ были загороженные парки съ дичью, за которой охотились съ собаками или облавой. Охота въ началѣ «Дамы озера» чистая выдумка, хотя она и отнесена ко временамъ Іакова V. Главы въ верхней Шотландіи обучали своихъ крестьянъ загонять оленей; эта охота на гаэльскомъ языкѣ называлась tinchell. Cruives, плетенныя изгороди при устьи рѣки, вмѣстѣ съ багреньемъ рыбы въ прудахъ, были единственными способами рыбной ловли. Аббатъ Линдсея забавлялся игрой въ caiche (игра въ мячь) картами, игрой въ кости и въ шашки (tables). Іаковъ IV въ Гленлюсѣ игралъ въ kiles. Эта игра похожа на игру въ кегли, очень популярную и теперь въ Германіи. Въ баснѣ Генрисона волкъ зоветъ лисицу играть въ bellie—blind (жмурки). Эта дѣтская игра была обычной, также какъ игра въ кубарь (peerie, peg—top и въ мельницу (palall, hop—scotch). Дѣнбаръ говоритъ объ игрѣ въ юлу (teetotum), чтобы показать превосходство надъ собой Михеля (Up—o—land's Michell), теперь продающаго разрѣшенія (диспенсаціи) «Онъ играетъ въ юлу, а я никакъ».

Торговля.

Торговая книга (Ledger) Андрью Галибёртона (1492—1503), консерватора шотландскихъ таможенъ въ Миддельбургѣ во Фландріи, не только показываетъ ежедневныя дѣловыя занятія купеческаго коммиссіонера, но и бросаетъ свѣтъ на общественную жизнь того времени. Его кліенты, богатые прелаты и солидные горожане въ Лейтѣ, Дунди и Абердинѣ, поручали ему продажу шерсти, кожъ, мѣховъ и семги. Приходятъ и уходятъ одни и тѣже корабли, и корабельщики такіе видные люди, какъ Вартонъ и Вудъ. Суда были большіе, такъ какъ аббаты, отправляясь во Фландрію, иногда брали съ

собой своихъ лошадей. Денегъ въ монетѣ не ввозилось и не вывозилось за исключеніемъ тѣхъ, которыя церковники посылали въ Римъ за бенефиціи и за разрѣшеніе браковъ въ воспрещенныхъ степеняхъ родства; одинъ разъ, впрочемъ, Галибертонъ переводитъ деньги чрезъ Англію для покупки перловъ въ Шотландіи. При проѣздѣ нѣкоторыхъ изъ его кліентовъ онъ даетъ имъ деньги для личныхъ расходовъ. Архидіаконъ св. Андрея со свитой останавливаются у Галибёртона и въ книгѣ имѣется ихъ счетъ. Сынъ другого кліента совершилъ путешествіе во Фландрію и привезъ съ собой тюкъ сукна для оплаты расходовъ, въ числѣ которыхъ упоминается плата за стрижку волосъ и большая сумма за изящные костюмы. Сукно въ небольшомъ количествѣ, какъ то бѣлое сукно Peebles и тюкъ сукна, присланный для краски и немного соли—вотъ единственныя доказательства вывоза изъ Шотландіи. Шерсть иногда приходила сгнившей, время отъ времени возвращается боченокъ прокисшей семги. Присылаемые товары распредѣляются по ярмаркамъ въ Брюгге, Гентѣ и Антверпенѣ, или раздаются бродячимъ торговцамъ, плата за коммиссію включается въ сумму издержекъ. Товары укладывались въ тюки и боченки, pyps urondals. Записи очень любопытны. Мы видимъ по нимъ, какую жизнь вели въ большихъ монастыряхъ, теперь разрушенныхъ—тутъ записаны богатыя ризы, алтарные покровы, чаши, образа и даже алтарныя гробницы. Аббаты получаютъ боченки (въ 84 или 120 галлоновъ) кларета, сахаръ и пряности для приготовленія глинтвейна. Нѣкоторые платятъ за издержки ихъ сыновей во Фландріи. Архидіаконъ св. Андрея покупаетъ для половъ своей комнаты черепицу и циновки. Иногда встрѣчаются и тюки книгъ. Отправляются мыло, свѣчи, красильныя матеріалы, сукно, уксусъ, но никогда не встрѣчается орудій. Изъ желѣзныхъ вещей встрѣчаются только рѣшетки для каминовъ. Епископъ Эльфинстонъ изъ Абердина отправляетъ во Фландрію часы для покупки тамъ новаго футляра. Галибёртонъ благочестиво озаглавливаетъ каждый счетъ именемъ Іисуса (Ihesus). Иногда встрѣчается запись; «лакрица на продажу». Онъ въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми своими кліентами, кромѣ своего зятя, поведеніе котораго онъ характеризуетъ рѣзкими словами: «что касается до остальныхъ шотландскихъ денегъ, то онъ платитъ мнѣ упреками и худыми словами и невыносимыми ругательствами. Боже сохрани всѣхъ добрыхъ людей отъ подобныхъ парней (fra sic callandis).

Ирландія.

Жойса.

Обычаи и общественная жизнь ирландскаго народа, какъ они описаны Жиральдомъ изъ Камбре и другими писателями, какъ туземными, такъ и англійскими, создавались въ отдаленныя времена и безъ особенно значительныхъ измѣненій сохранялись по крайней мѣрѣ въ теченіи четырехъ вѣковъ послѣ англонормандскаго нашествія.

Намъ извѣстнб, что въ древности Ирландія была замѣчательна ея школами и коллегіями и что ея ученые и миссіонеры много помогли въ дѣлѣ распространенія образованія и религіи какъ въ Англіи, такъ и въ континентѣ. Старая любовь къ образованію сохранилась среди общественныхъ бурь и войнъ; школы сохранили свое существованіе до недавняго времени, хотя онѣ и лишились своего прежняго блеска. Въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіяхъ цвѣтущія школы, и общія и профессіональныя, школы юридическія, медицины, исторіи, литературы, классиковъ и поэзіи — содержались въ различныхъ частяхъ страны родами О-Клери, О-Коффей, Мак-Эганъ и другими. Всѣ эти школы были частными и не получали никакой государственной помощи.

Обычаи, общественная жизнь и литература.

Однимъ изъ результатовъ общаго распространенія образованія было производство книгъ. Хорошихъ писцовъ очень цѣнили; сдѣлать копіи книги основательно считалось заслугой. Туземные писцы записывали въ свои книги все, что они считали достойнымъ воспоминанія; въ монастыряхъ, коллегіяхъ и частныхъ домахъ библіотеки увеличивались. Хотя большинство этихъ коллекцій было растащено и уничтожено въ бурное время, но все таки въ Дублинѣ и въ другихъ мѣстахъ сохраняется много старыхъ книгъ всѣхъ вѣковъ, отъ пятаго и шестого столѣтій. Большинство ихъ на ирландскомъ языкѣ, но много и латинскихъ. Обычай переписывать книги сохранялся до поздняго періода, нѣкоторые изъ самыхъ большихъ и наиболѣе замѣчательныхъ изъ существующихъ еще рукописныхъ томовъ были написаны отъ четырнадцатаго до семнадцатаго вѣка. Въ этихъ книгахъ находятся статьи по всевозможнымъ предметамъ — лѣтописи, исторіи, біографіи, романы, законодательство, медицина, наука и пр. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ книга, обыкновенно небольшая, посвящена одному предмету. Но большинство большихъ томовъ смѣшаннаго содержанія, вродѣ «Книги Лейнстера», огромнаго фоліанта, въ которомъ около 1000 статей по разнымъ вопросамъ; въ немъ матеріала въ шесть разъ больше, чѣмъ въ Робъ-Роѣ. Многіе изъ романовъ основаны на исторіи и въ цѣломъ правдивы, но украшены фикціей, подобно современнымъ историческимъ романамъ. Лѣтописи на-

иболѣе важныя изъ ирландскихъ сочиненій для уясненія ирландской исторіи, потому что лѣтописцы очень заботились о вѣрности того, что они разсказывали. Существуетъ множество сборниковъ ирландскихъ лѣтописей, по большей части на ирландскомъ языкѣ, съ примѣсью латинскаго.

Законы брегоновъ.

Туземный законодательный кодексъ, очень обширный и подробный, создался въ Ирландіи постепенно и оставался въ силѣ до начала семнадцатаго вѣка. Правосудіе находилось въ рукахъ получавшихъ спеціальное обученіе судей, брегоновъ, потому законъ обыкновенно и называютъ «закономъ брегоновъ». Есть много сборниковъ законовъ, всѣ на ирландскомъ языкѣ; нѣкоторые изъ нихъ дошли до насъ, а нѣкоторые переведены и изданы. На основаніи закона брегоновъ всякій вредъ, нанесенный личности или собственности, включая и убійство, наказывался денежной пеней, какъ въ древности у англосаксовъ, у франковъ, у германцевъ и грековъ; размѣръ пени опредѣлялся брегономъ, разбиравшимъ дѣло. Уплата за убійство или личное оскорбленіе всякаго рода именовалась Eric. Законъ брегоновъ не зналъ смертной казни. Всякій изъ ирландскихъ королей держалъ при своемъ дворѣ брегона для управленія своими юридическими дѣлами. Когда колонисты начали принимать ирландскіе обычаи, они приняли также и законъ брегоновъ; многіе изъ англоирландскихъ вельможъ, подобно ирландскимъ королямъ, держали своихъ брегоновъ.

Общественный строй.

Въ начальную стадію всякаго арійскаго общества господствовала система клана; эта система сохраняется и до позднѣйшаго времени. Народъ соединялся въ группы различной величины: въ семьи, въ кланы или септы, и въ трибы или племена. Триба состояла изъ нѣсколькихъ клановъ, а кланъ изъ нѣсколькихъ семей. Предполагалось, что кланы и трибы происходили отъ общихъ предковъ, но это до значительной степени фикція, такъ какъ всѣ группы обыкновенно принимали и чужихъ. Трибы и кланы управлялись главами: главы клановъ, составлявшихъ одну трибу, подчинялись и платили дань главѣ трибы. Глава большой трибы былъ король, ri (ree), такихъ urrees или подъкоролей было много. Главы или короли трибъ подчинялись королямъ провинцій; такихъ провинцій было въ Ирландіи пять: Лейнстеръ, Ульстеръ, Коннаутъ, Мюнстеръ и Митъ. Провинціальные короли въ свою очередь подчинялись, по крайней мѣрѣ номинально, Ard-ri или верховному королю, т. е. королю всей Ирландіи; но такого верховнаго короля послѣ 1172 года не было. Въ каждомъ кланѣ, трибѣ или королевствѣ была одна правящая семья, изъ которой долженъ былъ избираться глава или король; съ такимъ ограниченіемъ этотъ санъ былъ избирательнымъ. Король или глава получалъ для своего содержанія опредѣленную часть земли, кромѣ этого источника дохода каждый изъ членовъ племени платилъ дань разнымъ королямъ. У Спенсера есть любопытное описаніе церемоніи

инавгураціи, которую онъ видѣлъ во времена Елисаветы и которое вполнѣ согласуется съ описаніями туземцевъ.

Система землевладѣнія.

Владѣніе землей, занятой племенемъ, было одинаково. Каждый кланъ (септъ) трибы имѣлъ отдѣльный участокъ. Часть земли составляла частную собственность. Глава септа или трибы получалъ пожизненное владѣніе столовымъ помѣстьемъ (на прокормъ, mensal). Вся остальная земля, составлявшая гораздо большую часть всего участка, была племенной землей, tribe-land, т. е. члены трибы владѣли ей сообща. Всякій членъ имѣлъ право на участокъ, но племенная земля клана время отъ времени подлежала передѣламъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: когда тенантъ (владѣлецъ) части племенной земли умиралъ, то его участокъ не переходилъ къ его дѣтямъ, а вся племенная земля, принадлежащая септу, за исключеніемъ частной собственности и «столовой земли», передѣлялась между всѣми взрослыми членами септа мужескаго пола, въ томъ числѣ и сыновьями умершаго. Такая система называлась Гавелькиндъ (Gavelkind); она была когда-то общей всей Европѣ и въ видоизмѣненной формѣ и теперь еще существуетъ въ Кентѣ. Непахатная земля—горы, болота и лѣса—называемая общинной землей, не принадлежала отдѣльнымъ лицамъ; всѣ имѣли право пользоваться ей. Земля переходила въ другія руки троякимъ путемъ: во первыхъ какъ частная собственность обычнымъ путемъ отъ родителей къ дѣтямъ; во вторыхъ на основаніи Tanistry—т. е. столовая земля, которой владѣлъ король или глава, переходила не къ его дѣтямъ, а къ наслѣднику его званія, и въ третьихъ на основаніи системы Гавелькиндъ, какъ объяснено выше. Ирландскіе обычаи землевладѣнія уничтожены Іаковомъ I.

Права Главы.

Вольные тенанты низшихъ степеней кромѣ обычныхъ субсидій, были обязаны давать главѣ Coinmed или Coyney, т. е. глава имѣлъ право въ извѣстное время пріѣзжать со свитой въ домъ тенанта, который долженъ былъ кормить и поить всю компанію. Число лицъ, время и качество прокорма опредѣлялось въ каждомъ случаѣ закономъ. Англоирландскіе лорды подражали этому обычаю и злоупотребляли имъ; этотъ обычай получилъ потомъ названіе Coyne and livery и состоялъ въ томъ, что военный вождь посылалъ вооруженныхъ солдатъ къ колонистамъ, рѣдко къ ирландцамъ, требовать жалованья деньгами и натурой. Солдаты не сдерживались ни закономъ, ни обычаемъ, ни дисциплиной и часто совершали ужасныя преступленія. Туземный ирландскій обычай былъ плохъ, но этотъ былъ въ десять разъ хуже; англоирландскіе лорды въ теченіе многихъ вѣковъ пользовались имъ вопреки многимъ актамъ парламента, воспрещавшимъ его.

Домашняя жизнь.

Главные изъ англоирландскихъ лордовъ повсемѣстно жили въ теченіе этого періода, да и во все время съ завоеванія, въ сильно-

укрѣпленныхъ каменныхъ замкахъ. Замокъ окружался лугомъ (bawn), большимъ пространствомъ, окруженнымъ каменной стѣной. Тутъ жили слуги и непосредственно служащіе при хозяйствѣ въ тростниковыхъ хижинахъ, стоящихъ у самой стѣны; лугъ употреблялся для другихъ цѣлей: для игръ, упражненій, для загона скота ночью и т. д. Ирландскіе главы тоже усвоили этотъ обычай и постепенно оставили свои старые земляные форты и деревянныя жилища. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже во времена Елисаветы они жили еще въ своихъ старыхъ crannoges—жилищахъ изъ палисада на искусственныхъ островахъ на озерахъ или среди болотъ. Во все время царствованія Елисаветы большая часть крестьянства, разоренная войной, голодомъ и эпидеміями, изгнанная изъ домовъ и потерявшая все свое незначительное имущество, селилась гдѣ только можно и превратилась въ тотъ классъ людей, который впослѣдствіи называли tenants-at-will, платила грабительскую ренту и жила въ крайней нищетѣ. Спенсеръ, Дэви и другіе старые англійскіе писатели описываютъ положеніе такихъ тенантовъ, какъ худшее по сравненію даже съ крѣпостными. Но все же нѣкоторые крестьяне были болѣе независимыми и жили прилично.

На основаніи обычая, именуемаго Fosterage, люди посылали своихъ дѣтей жить и получать воспитаніе въ семьѣ другого члена племени. Этотъ обычай Fosterage, составлявшій самую близкую дружескую связь между отдѣльными семьями, былъ очень распространеннымъ и сохранялся до позднѣйшаго времени. Распространеннымъ былъ также обычай кумовства (Gossipred), т. е. крещенія ребенка другомъ семьи. Англо-ирландцы усвоили оба эти обычая и дружились и кумились съ туземцами, вопреки многимъ парламентскимъ актамъ.

При домѣ всякаго ирландскаго главы были арфистъ, бардъ или поэтъ и Shanachie или историкъ; ихъ очень чтили и хорошо платили за ихъ службу. Англо-ирландское дворянство почти повсемѣстно приняло этотъ обычай; въ 1534 году, когда молодой лордъ Томасъ Фицжеральдъ отбросилъ свой мечъ и отрекся отъ подданичества Генриху VIII, въ его свитѣ находился ирландскій бардъ, подзадоривавшій его къ его безумному поступку. Барды, Shanachies и арфисты всегда присутствовали при праздникахъ и торжествахъ всякаго рода, чтобы поучать и забавлять семью и гостей. Арфистъ игралъ прекрасныя ирландскія пѣсни, бардъ читалъ свои стихотворенія, историкъ разсказывалъ о предкахъ главы или какую нибудь комическую исторію старыхъ временъ; если они хорошо справлялись съ своимъ дѣломъ, общество слушало ихъ съ вниманіемъ и восторгомъ и вознаграждало ихъ цѣнными подарками. Во времена Елисаветы противъ бардовъ и историковъ были изданы строгіе законы. Барды.

У ирландцевъ почти не было кавалеріи. У нихъ были пѣхотинцы двухъ родовъ: Galloglasses — крѣпкіе, высокіе, страшнаго вида люди, Военное искусство.

тяжело вооруженные, съ длиннымъ мечемъ, въ панцырѣ и желѣзномъ шлемѣ и съ широкими боевыми сѣкирами. Ирландцы заимствовали тяжелое вооруженіе главнымъ образомъ у англичанъ, но они никогда не могли привыкнуть къ нему и предпочитали драться въ своихъ тюникахъ шафраннаго цвѣта, что заставляло ихъ проигрывать множество битвъ. Англійскіе писатели хвалятъ «Галоглассовъ» за ловкость и искусство, съ которымъ въ битвѣ они пользовались своими сѣкирами. «Кернъ» были легко вооруженные пѣхотинцы, которые дрались съ skean, или острымъ кинжаломъ и дротикомъ. «Кернъ» и «Галлоглассы» фигурировали и въ ирландскихъ войнахъ при Елисаветѣ. Самой лучшей защитой для ирландцевъ была топографія ихъ страны, полной болотъ, покрытой непроницаемыми лѣсами, которыхъ было много вездѣ до шестнадцатаго и семнадцатаго вѣка; наиболѣе дѣйствительной ихъ стратегіей, къ которой они часто и успѣшно прибѣгали, было преслѣдованіе крыльевъ вражеской арміи по болотамъ, нападеніе на нихъ и избіеніе при всякомъ благопріятномъ случаѣ и удаленіе съ быстротой оленей въ свои твердыни, когда врагъ нападалъ на нихъ.

Костюмъ. Мужчины носили широкіе фризовые плащи или накидки, покрывавшіе ихъ до щиколки, узкіе штаны и конусообразную шляпу безъ полей. Женщины носили широкія развѣвавшіяся туники шафраннаго цвѣта; замужнія носили на головѣ платки, а дѣвушки ходили съ обнаженными головами.

Исторія. Въ 1169 и 1170 годахъ банда камбронормансκихъ авантюристовъ подъ предводительствомъ графа Ричарда Клера, обыкновенно называемаго «Крѣпкій Лукъ» (Strongbow), отплыла изъ Валиса, высадилась въ Векcфордѣ, взяла Дублинъ, Ватерфордъ, Векcфордъ и другіе города и устроила въ странѣ колоніи. Король Генрихъ II прибылъ въ Ирландію въ 1171 году и взявъ во владѣніе завоеванные города и территоріи, исполнилъ формальность пріема покорности отъ ирландскихъ королей и соединенія всей страны въ 1172 году. Но и покорность и соединеніе были чисто фиктивными. Колонисты продолжали прибывать и ирландскіе короли въ силу своихъ раздоровъ не могли оказать сколько нибудь серьезнаго сопротивленія. Король Іоаннъ, посѣтившій въ 1210 году Ирландію съ большой арміей, раздѣлилъ часть страны, находившейся подъ англійской юрисдикціей. на двѣнадцать графствъ ради исполненія англійскихъ законовъ.

Ирландскій народъ, которому смертельно надоѣла анархія, въ то время съ радостью принялъ бы любое сильное правительство, способное и желающее защитить его; при надлежащей политикѣ и постепенно онъ легко подчинился бы власти англійскихъ королей. Но ошибочная политика, принятая Генрихомъ II и продолжаемая послѣдующими королями и ихъ правительствами, испортила все дѣло. Силы всегда было достаточно для того, чтобы держать страну въ

вѣчномъ безпокойствѣ; но ее никогда не было достаточно для завоеванія. Англо-ирландскимъ баронамъ дали слишкомъ много власти и они вели непрерывно войны другъ противъ друга и противъ туземцевъ; въ странѣ не было центральной власти, достаточно сильной для сдерживанія ихъ. Но наиболѣе роковой и печальной была другая ошибка. Правительство, вмѣсто того, чтобы относиться къ туземцамъ, какъ къ подданнымъ, съ самаго начала называла ихъ «ирландскими врагами» и относилось къ нимъ, какъ къ врагамъ. Оно хотѣло не управлять ими и заботиться объ нихъ, а держать ихъ подальше или искоренить. Такая вредная и совершенно ненужная политика и тогда и на все послѣдующее время испортила отношенія Англіи съ Ирландіей и принесла безконечныя страданія и туземцамъ и колонистамъ. Туземцы, которыхъ умѣреннымъ и благоразумнымъ отношеніемъ къ нимъ можно было сдѣлать хорошими подданными, должны были бороться за свое существованіе; положеніе страны до прибытія англо-норманновъ было скверно, но послѣ прибытія ихъ оно стало безконечно хуже. Результатъ такой злосчастной политики былъ тотъ, что завершеніе завоеванія Ирландіи стоило неисчислимо много денегъ и крови и продолжалось болѣе четырехъ вѣковъ. Все это указывалось уже триста лѣтъ тому назадъ честнымъ и очень способнымъ англичаниномъ, сэромъ Джономъ Дэви.

Англійскіе короли управляли колоніей чрезъ мѣстныхъ правителей, жившихъ въ Дублинѣ и въ разное время имѣвшихъ разные титулы: тубернатора, вице-короля, лорда судьи или юстиціарія, лейтенанта, лорда лейтенанта, намѣстника или лорда намѣстника—этотъ послѣдній титулъ имѣло лицо, управлявшее за отсутствующаго вице-короля. Англійское управленіе.

Вскорѣ послѣ царствованія короля Іоанна туземцы, пользуясь раздорами между баронами, начали завладѣвать отнятыми у нихъ землями; колонія становилась все болѣе слабой и ея территорія меньшей; колонисты не только не могли увеличивать своихъ завоеваній, но должны были бороться за существованіе. Послѣ цѣлаго столѣтія безпорядковъ дѣло закончилось нашествіемъ Эдварда Брюса, появившагося въ 1315 году съ шотландской арміей по приглашенію главъ Ульстера для того, чтобы прогнать англичанъ и сдѣлаться самому королемъ Ирландіи. Онъ прошелъ всю страну во всѣхъ направленіяхъ въ теченіе трехъ съ половиной лѣтъ; въ это время Ирландія или большая часть ея была сущимъ адомъ; разбивъ англичанъ въ восемнадцати битвахъ, Бросъ самъ былъ разбитъ и убитъ при Фауртартѣ близь Дундалька въ 1318 году. Его экспедиція не удалась, но она потрясла власть Англіи до самыхъ ея основаній, почти уничтожила ее на цѣлые вѣка, ослабила и деморализовала правительство. Нашествіе Брюса.

Колонисты разсѣялись по всей странѣ и ихъ потомки проявляли рѣшительную склонность смѣшиваться съ туземцами посредствомъ Ибернизированіе иностранцевъ.

браковъ и объединяться съ ними. Вскорѣ послѣ нашествія Брюса это движеніе стало почти всеобщимъ въ силу двухъ причинъ. Во первыхъ произошло общее поднятіе ирландцевъ и колонисты видя, что они вездѣ, за исключеніемъ мѣстности около Дублина, получаютъ перевѣсъ, соединялись съ ними ради безопасности и для защиты. Во вторыхъ, правительство своимъ неблагоразумнымъ поведеніемъ сдѣлало колонистовъ своими врагами. Давно уже различали новыхъ англичанъ отъ старыхъ, англичанъ по рожденію и англичанъ по крови; англичане получали всѣ видныя положенія и стояли выше старыхъ колонистовъ, которыхъ презирали и оскорбляли. Колонисты такимъ образомъ были брошены, такъ сказать, въ ряды туземцевъ нелѣпой политикой правительства. Они приняли ирландскій языкъ, ирландскіе костюмъ и обычаи и наконецъ, они, по словамъ одного писателя, сдѣлались Hiberniores Hibernis ipsis—болѣе ирландцы, чѣмъ сами ирландцы. Лойялисты называли ихъ выродившимися англичанами и ненавидѣли ихъ еще болѣе, чѣмъ туземцы; понятно, что на ненависть они отвѣчали такой же ненавистью. Взаимное отчужденіе между старыми и новыми англичанами зашло такъ далеко, что впослѣдствіи многіе изъ англо-ирландскихъ лордовъ были наиболѣе опасными изъ мятежниковъ.

До тѣхъ поръ, пока среди туземцевъ господствовалъ законъ бреговъ, колонисты жили подъ господствомъ англійскихъ законовъ. Но англійскій законъ не распространялся на ирландцевъ, такъ что англичанинъ могъ безнаказанно оскорбить и даже убить «простого ирландца». Въ царствованіе Эдуарда I и потомъ при Эдуардѣ III ирландцы просили, чтобы ихъ избавили отъ такого невыносимаго зла и ввели для нихъ англійскіе законы; въ этой просьбѣ было отказано, главнымъ образомъ благодаря зловреднымъ вліяніямъ англо-ирландскихъ бароновъ, въ интересѣ которыхъ было поддержаніе беззаконія въ странѣ. Оба короля, которые сами по себѣ навѣрное исполнили бы просьбу ирландцевъ, имѣли слабость подчиниться такимъ вліяніямъ.

Несчастія народа,—какъ колонистовъ, такъ и туземцевъ,—увеличивались съ теченіемъ времени. Въ теченіи всего четырнадцаго вѣка были войны, голодовки и сильныя эпидеміи; колонія, казалось, была обречена на уничтоженіе. Наконецъ король Эдуардъ III послалъ своего сына Ліонеля, впослѣдствіи герцога Кларенса, устроить дѣла Ирландіи. Этотъ принцъ питалъ безумную ненависть какъ къ туземцамъ, такъ и къ англоирландцамъ. Онъ, повидимому, полагалъ, что всѣ бѣдствія Ирландіи происходятъ отъ все увеличивающагося смѣшенія расъ; великимъ средствомъ для него былъ статутъ Килькени, принятый въ 1367 году; главной цѣлью этого статута было помѣшать всякому сношенію между расами и всякому усвоенію англичанами ирландскихъ обычаевъ. Это была попытка совершенно и

Статутъ Килькени.

навсегда разъединить ирландцевъ и англичанъ. Но оказалось, что исполнить этотъ зловредный актъ невозможно; человѣческая природа оказалась сильнѣе закона и скоро актъ сдѣлался мертвой буквой.

Ричардъ II дважды посѣтилъ Ирландію, въ 1394 и въ 1399 годахъ, каждый разъ съ арміей около 34,000 человѣкъ и даромъ растратилъ огромныя суммы денегъ, такъ какъ не совершилъ ничего прочнаго. Всѣ его планы были разбиты искусствомъ Мак-Муррога Каванаха, короля Лейнстера; во второй разъ онъ почти потерялъ всю свою армію въ лѣсахъ Виклоу. Послѣ этого времени, и въ особенности въ эпоху войнъ Розъ, англійская власть въ Ирландіи была слабѣе, чѣмъ когда либо; но вскорѣ послѣ воцаренія Тюдоровъ она окрѣпла.

Ирландскіе колонисты издавна имѣли свой парламентъ, имѣвшій право независимо издавать законы. Но Генрихъ VII, оскорбленный и раздраженный благопріятнымъ пріемомъ Симнеля и Варбека англо-ирландцами, заставилъ ирландскій парламентъ, при намѣстникѣ сэрѣ Эдвардѣ Поинингѣ, принять въ 1494 году «законъ Поининга», уничтожавшій независимость ирландскаго парламента, такъ какъ на основаніи этого закона для созыва парламента или для внесенія билля было необходимо предварительное согласіе короля и его англійскаго совѣта. Къ концу царствованія Генриха VII территорія колоніи дошла до наименьшихъ размѣровъ и состояла только изъ частей четырехъ графствъ вокругъ Дублина. Несчастныхъ колонистовъ угнетали «Coyne and livery» и другими требованіями, они разорялись отъ войнъ и эпидемій, они должны были уплачивать «черную ренту» сосѣднимъ ирландскимъ главамъ, чтобы купить ихъ покровительство противъ свирѣпыхъ набѣговъ туземцевъ, отъ которыхъ не могло или не хотѣло спасти ихъ правительство. Эту небольшую территорію называли «Изгородью» (Pale), но вскорѣ послѣ этого времени она постепенно расширялась.

Ирландія во время реформаціи.

Генрихъ VIII своей сильной волей успѣлъ возстановить почти уничтоженную власть англичанъ въ Ирландіи. Ирландскіе главы были вынуждены признать его духовной главой церкви, но ему не удалось добиться такого признанія отъ всего ирландскаго народа. Вообще онъ относился къ ирландцамъ дружелюбно и разсудительно, въ концѣ его царствованія страна была спокойна и покорна, англійская власть въ Ирландіи была сильнѣе, чѣмъ когда либо раньше.

Но это спокойствіе было непродолжительнымъ. Послѣ смерти Генриха появились два новыхъ повода борьбы: правительство пыталось навязать реформацію ирландскому народу; оно начало также насаждать (to plant) въ разныхъ округахъ колоніи изъ Англіи и Шотландіи, для чего изгоняли туземцевъ собственниковъ. Колоніи до извѣстной степени удались, но попытка обратить ирландцевъ въ протестантизмъ не смотря на то, что она энергично продолжалась въ теченіе трехъ

столѣтій, не удалась. Двѣ эти причины были мотивомъ почти всѣхъ страшныхъ возмущеній и войнъ, свирѣпствовавшихъ въ этой несчастной странѣ.

ИСТОЧНИКИ 1547—1558.

Источники для общей политической исторіи и большей части спеціальныхъ предметовъ находятся въ спискѣ въ IX главѣ и въ ссылкахъ въ текстѣ. Можно указать спеціально на слѣдующіе источники:

Религія. Страйпа—Life of Cranmer и Annals of Reformation Изданія Parker Society, „Works“ Кранмера, Ридлея и Іевеля; Original Letters, 1537—1558. Случайныя указанія въ History of England — Фроуда, History of Reformation — Блёнта, History of English Church — Перри. Объ исторіи англійской библіи лучшіе источники Annals of English Bible (1845)—Андерсона. History of Eng. Bible—Льюса, Printed Eng. Bible—Ловетта.

Изслѣдованія. Voyages—Гаклита, Discovery of N. A.—Гарриса.

Архитектура и искусство 1509—1603. Hist. of Archit.—Фергюссона; History of Painting—Вольтмана и Воермана; Handbook—Ваагена; Anecdotes of Pointers — Вальпола; Epochs of Painting — Ворнума. О періодѣ 1504—1558 кромѣ того. De Ioh. Holbein—Вольтмана; Contemporaries and Successors of Holbein — Никольса.

Монеты. Annals of Coinage of Great. Britain—Рёдинга, Gold Coins of Eng.—Кеніона, Silver Coins—Гавкинса, Manual—Акермана.

Пауперизмъ и законъ о бѣдныхъ. History of Poor Laws—Бёрна съ одобреніемъ цитируется Адамомъ Смитомъ, но болѣе цѣнная во многихъ отношеніяхъ работа по этому предмету — это State of the Poor — Едена. См. History of Eng. Poor Law — Никольса. Изъ новыхъ сочиненій много интересныхъ свѣдѣній въ Hist. of Vagrants — Рибтона Турнера. Въ Economic History—Ашляя, полезная глава о благотворительности, параллель Англіи и континента. Въ Growth of English Industry — Куннингама замѣчанія о пауперизмѣ въ разные періоды. Свѣдѣнія о спеціальныхъ вопросахъ можно получить изъ государственныхъ документовъ, мѣстныхъ отчетовъ и современныхъ памфлетовъ. На нѣкоторые изъ нихъ мы ссылались въ текстѣ.

Шотландія. Общая исторія. Старый и наиболѣе цѣнный современный матеріалъ въ изданіяхъ Burgh Records Society (Ancient Laws and Customs of Scottish Burghs 1124—1424), отчеты Convention of Royal Burghs и Chapters Эдинбурга, Глазко, Абердина и др. Важны и Exchequer Rolls 1264—1454 и Accounts of lord High Treasurer, 1473—1498. Предисловіе къ изданію Accounts Диксона даетъ полную и интересную картину жизни и нравовъ. Старыя хроники Уинтоуна, Фордуна, Боэція, Майора собраны въ Scottish Historians. Bruce Барбура изданъ E. E. T. S. Wallace — Слѣпого Гарри изд. Scott. Text. Soc. Доступны также и Acts of Scott. Par. Chronicle of Lanercost важна для эпохи войны за независимость.

Архитектура. Antiquities — Гроза, Baronial and Ecclesiastical Antiquities — Биллингса и особенно Domestic and Castellated Arch.—Макгиббона и Росса.

Общественная жизнь. Хартуляріи и регистры большинства монастырей, Кельсо, Мельроза, Пайслея, Купара. Bruce — Барбура и народная поэзія, въ родѣ Christ's Kork on the Green и Peblis to the Play.

Новыя сочиненія. Social life in Scot.—Рожерса, Les Ecossais en France—Мишеля и Scot. Language as Illustrating Civilisation in Scot; Hist. of Civilis. in Scot. — **Макинтоша.** Наблюденія туземныхъ и иностранныхъ современниковъ въ „Scotland before 1700“ и Early Travellers in Scot.—Юма Броуна. Burgh Schols — Гранта Наиболѣе цѣнныя современныя работы: Scotland under early Kings—Робертсона, Sketches of Early Scotch Hist. (1100—1750)—Космо Иннеса и Scotland in Middle Ages 768—1600, Hist. of Scotland - Тайтлера: Anciet State and Manners of Scott... Scotch Legal Antiquities — Космо Иннеса.

Ирландія. Lect. on M. S. Materials of Irish Hist. и Manners and Customs of Ancient Irish — О'Курри, Ancient Laws of Ireland (Rolls Series), Early Hist. of Institutions — Мена, Hist. of Bishops. и Hist. and Antiquities of Ireland — Уара, сочиненія Giraldus Cambrensis; Historical Tracts on Ireland — Дэви; View of State of Ireland—Спенсера; Регана—„Song of Dermot and the Earl“; Annals of Four Masters (изд. и пер. О'Донавана) и другія ирландскія лѣтописи; Viceroys of Ireland — Жильберта, Lect. on Hist. of Ireland to 1534—Ричи: исторія Ирландіи Макгеогана (1831), Кокса (1689), Леланда (1773), Макъ Ги и Жойса (1893).

ГЛАВА XI.

Новое общество 1558—1584.

Англія и Европа.

Гассаля.

Елисавета по восшествіи на престолъ въ ноябрѣ 1558 года рѣшила снова установить власть короля надъ церковью, какъ было при Генрихѣ VIII. Можно полагать, что было не совсѣмъ благоразумно совершать религіозный переворотъ въ такое время, когда Франція и Испанія закончили свой продолжительный споръ по договору въ Като Камбрези. Но возвращеніе эммигрантовъ вынудило Елисавету отказаться отъ «средняго пути» Генриха VIII и связать свой жребій съ протестантами. Были возобновлены акты объ супрематіи и единовѣріи (Uniformity) и Елисавета могла теперь полагаться на свое собственное искусство и на раздоры иностранныхъ государствъ, чтобы вывести страну изъ того затруднительнаго положенія, въ которомъ она находилась при ея воцареніи. Непосредственной опасности прямого нападенія со стороны Испаніи или Франціи, правда, не было, но близкій союзъ между Франціей и Шотландіей представлялъ серьезную угрозу для независимости Англіи. Въ іюнѣ 1559 года римская католическая церковь въ Шотландіи была ниспровергнута, французскій союзъ отвергнутъ и протестантскіе руководители обратились за помощью къ Англіи. Послѣ нѣкотораго колебанія, характернаго для политики Елисаветы, она отправила англійскую армію для осады Лейта и въ іюлѣ 1560 года Эдинбургскій трактатъ фактически уничтожилъ французское вліяніе въ Шотландіи и сильно увеличилъ вліяніе англійской королевы въ Европѣ. Въ 1562 году во Франціи начались религіозныя войны и Елисавета, боясь, что погибель гугено-

товъ можетъ повести къ тѣсному союзу между Франціей и Испаніей, заняла Гавръ, но при окончаніи первой гражданской войны не могла сохранить его. Но за то религіозныя войны и политическія разногласія между французскимъ и испанскимъ дворами обезпечили Англію отъ опасности со стороны Франціи. Елисавета и Катерина Медичи нашли, что у нихъ много общихъ интересовъ.

Шотландія и Ирландія.

Въ послѣдніе четыре года (1564—1568) событія въ Шотландіи сильно озабочивали англійское правительство. Марія Стюартъ послѣ смерти своего супруга Франциска II возвратилась въ свое королевство въ августѣ 1561 года и, поддерживаемая всѣми партіями, желала не только того, чтобы ее признали наслѣдницей англійской короны, но и низверженія Елисаветы. За ея бракомъ съ Дарнлеемъ въ іюлѣ 1565 года послѣдовала политическая и религіозная сумятица, примѣромъ которой могутъ служить убійства Рицціо (1566) и ея мужа (1567). Ея бракъ съ Ботвелемъ погубилъ ея дѣло въ Шотландіи; протестантскіе лорды разбили ее при Карбери Гиль и она въ іюлѣ 1567 года была вынуждена отречься отъ престола въ пользу ея сына. Ея бѣгство изъ Лохъ Левена въ слѣдующемъ году и пораженіе при Лангсайдѣ заставили ее искать убѣжища въ Англіи. Въ это время въ Ирландіи, которая, какъ мы видѣли въ послѣдней главѣ, была въ положеніи частичнаго возмущенія при воцареніи Елисаветы, снова въ 1562 году вспыхнуло возстаніе Шана о'Нейлля. а послѣ его окончанія вспыхнуло въ 1569 году еще болѣе опасное возстаніе Жеральдиновъ.

Религіозная борьба.

Въ теченіе слѣдующихъ двадцати лѣтъ для Англіи настало время небывалыхъ затрудненій. Кальвинисты и католики боролись за власть. Присутствіе Маріи Стюартъ въ Англіи представляло постоянную опасность и положеніе дѣлъ на континентѣ было тоже сомнительнымъ.

Архіепископъ Паркеръ (1559—1575) пытался посредствомъ верховной коммисіи и «Книги увѣщаній» (Book of Advertisements) навязать народу единовѣріе. Появилась партія индепендентовъ и парламентъ, сильно пуританскій, въ 1571 году заставилъ подписываться въ признаніи тридцати девяти статей. Архіепископъ Гриндаль (1576—1583), умѣренный пуританинъ, отказался отъ преслѣдованія пуританъ и былъ лишенъ сана. Сильный ростъ протестанской партіи въ Англіи до значительной степени обусловливался аггрессивной политикой папства и упорной реакціей противъ реформаціи. Заточеніе Маріи имѣло слѣдствіемъ заговоры для ея освобожденія, для низверженія Сесиля, низложенія Елисаветы и возстановленія католицизма. Заговоръ, во главѣ котораго стоялъ герцогъ Норфолькъ, былъ открытъ въ октябрѣ 1569 года, возстаніе сѣверныхъ графовъ было легко подавлено до конца года. Въ 1570 году за отлученіемъ Елисаветы Піемъ V, послѣдовало открытіе заговора Ридольфи (1571), казнь Норфолька (1572), прибытіе большаго количества семинарскихъ

священниковъ изъ Дуэ для возбужденія возстанія католиковъ въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи и тайныя интриги Испаніи.

Условія, благопріятныя для Елисаветы. Ея мирная политика.

Въ теченіе этого опаснаго періода (1568—1584) Елизавета нашла поддержку въ парламентѣ, въ возстаніи Нидерландъ и въ союзѣ съ Франціей. Парламентъ 1572 года, какъ и всѣ парламенты этого царствованія, проявлялъ сильныя пуританскія настроенія и горячо поддерживалъ королеву противъ ея враговъ. Въ томъ же году голландцы возстали противъ Испаніи и Филиппъ, опасаясь тѣснаго союза Англіи съ Франціей, что подвергло бы опасности его власть въ нидерландахъ, не хотѣлъ считать постоянныя нападки Англіи поводомъ къ войнѣ. Съ этихъ поръ Елисавета тайно помогала возстанію, во главѣ котораго стоялъ Вильгельмъ Оранскій, хотя она все время надѣялась устроить соглашеніе между враждующими сторонами. Въ 1577 году Дрэкъ началъ свое кругосвѣтное плаваніе и въ теченіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ нападалъ на испанскія колоніи и нанесъ серьезный вредъ испанской торговлѣ. Въ апрѣлѣ 1572 года Елисавета послѣ нѣкоторыхъ колебаній, наконецъ, рѣшилась заключить оборонительный союзъ съ Франціей и этотъ союзъ былъ до 1584 года основаніемъ ея иностранной политики. Бойня въ ночь св. Варфоломея не уничтожила дружбы между двумя правительствами, дружбы, оказывавшейся очень цѣнной для Англіи. Въ 1578 году дипломатическія сношенія съ Испаніей, прерванныя съ 1571 года, были возобновлены прибытіемъ въ Англію Мендозы, хотя въ слѣдующемъ же году Филиппъ отправилъ войско въ Ирландію и возбуждалъ католическую реакцію въ Шотландіи. До 1584 года выжидательная политика, которой Елисавета слѣдовала вопреки мнѣнію Сесиля, всегда желавшаго послѣдовательнаго крестоваго похода противъ католицизма и въ Англіи и за границей, оказывалась удачной. Вмѣсто того, чтобы составить лигу изъ всѣхъ протестантовъ и начать войну съ католиками и дома и за границей, вмѣсто того, чтобы выдти замужъ за французскаго принца и дѣятельно вмѣшаться въ дѣла Шотландіи, гдѣ англофильская партія подъ предводительствомъ Мортона боролась противъ Эсме Стюарта, герцога Леннокса, представителя Гизовъ и католической Европы, Елизавета рѣшительно отказалась отъ дѣятельной и смѣлой иностранной политики, и въ 1581 году планъ ея брака съ герцогомъ Анжуйскимъ былъ устраненъ. Событія доказали правильность ея взглядовъ, положеніе Англіи въ началѣ 1584 года оправдывало ея рѣшеніе сохранить миръ. Набѣгъ Рутвена въ августѣ 1582 года низвергъ партію Леннокса, отомстилъ за смерть Мортона и показалъ отсутствіе опасности для Англіи со стороны государства, разрываемаго дворянскими партіями. Англія со времени воцаренія Елисаветы наслаждалась миромъ и хорошимъ управленіемъ, и въ 1584 году была могущественна, процвѣтала и была готова къ великой борьбѣ, предотвратить которую больше было невозможно.

Религія.

Раймонда Бизли.

При Елисаветѣ было возстановлено то религіозное положеніе, которое существовало въ началѣ царствованія Эдуарда VI, насколько, конечно, одна эпоха можетъ походить на другую. Пунктъ, на которомъ королева останавливалась въ ея антироманизмѣ, и опредѣленіе доктрины и дисциплины церкви Англіи на всѣ остальные годы шестнадцатаго вѣка были въ техническомъ отношеніи тѣже, какъ во время второго молитвенника Эдуарда VI (1552 года).

Религіозная реформа 1558—59 г.

Крайнее развитіе женевскаго протестантизма и цвингліанства, которые повели было къ третьему пересмотру литургіи въ концѣ царствованія Эдуарда, было задержано Елисаветой и ея главными совѣтниками въ церковныхъ вопросахъ, Сесилемъ и Паркеромъ. Новый пересмотръ 1559 года, подобно всѣмъ послѣдующимъ прибавленіямъ и исправленіямъ молитвенника, былъ даже нѣсколько въ пользу англиканскаго католицизма послѣднихъ лѣтъ Генриха и первой англійской литургіи; отличительнымъ признакомъ новаго царствованія въ сферѣ религіозной было развитіе организованнаго пуританства съ одной стороны, и «верхней церкви» съ другой — «верхней церкви» типа, породившаго Гукера, Андрьюса и Лоуда и школу старокатоликовъ новѣйшихъ временъ.

Такимъ образомъ связь съ Римомъ была окончательно и быстро порвана; англійское общество, какъ цѣлое, съ 1558 года перестаетъ признавать повиновеніе папѣ и постепенно принимаетъ несомнѣнный протестантскій характеръ; но въ этомъ, когда-то нераздѣльномъ, обществѣ враговъ папства съ каждымъ годомъ становится все большимъ раздѣленіе на умѣренныхъ англійской или роялистской партіи и на крайнихъ зелотовъ школы Кальвина и Нокса.

Церковь и государство.

Постоянное тройственное дѣленіе англичанъ въ религіозномъ отношеніи на церковниковъ, конконформистовъ и католиковъ появляется въ царствованіе Елисаветы для всѣхъ практическихъ цѣлей, хотя сама она отнюдь не желала признавать этого факта. Для нея, какъ и для епископовъ, въ Англіи существовала только одна церковь—церковь, признаваемая и покровительствуемая государствомъ, какъ сказалъ бы дворъ,—церковь стараго священства, сказалъ бы церковникъ, выдвигавшійся на первый планъ въ послѣдніе годы царствованія.

Власть государства надъ церковью.

Но и въ этомъ послѣднемъ періодѣ также, какъ и при началѣ религіознаго переворота при Тюдорахъ, центральной идеей религіозныхъ измѣненій была идея національная, политическая или соціальная скорѣе, чѣмъ чисто церковная. Реформа церкви, какъ и всѣхъ другихъ частей англійской соціальной системы, была дѣломъ государства и короны, какъ представительницы народа. И ни одинъ изъ

періодовъ царствованія династіи Тюдоровъ, кромѣ времени царствованія самого Генриха VIII, не доказываетъ настолько второстепенности чисто религіозныхъ интересовъ при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, какъ вѣкъ Елисаветы. Къ церкви относились какъ къ орудію гражданской власти, какъ къ почтенной, но довольно безпомощной добычѣ безденежнаго государя и хищнаго двора; королева, не имѣя титула, пользуется, однако, всѣми реальными правами верховнаго главы церкви; каждый изъ примасовъ, архіепископовъ Кентербюрійскихъ новой королевы—Гриндаль, Уитгифтъ – постоянно жалуется на мелкія прйтѣсненія могущественныхъ мірянъ. Еще болѣе подчиненность и второстепенное положеніе англиканской церкви въ это время доказывается тономъ требованій ея реформы, вродѣ требованія Іевелля, причемъ главнымъ обвиненіемъ противъ католиковъ выставлялась ихъ непокорность государямъ, главной же похвалой реформатовъ было ихъ повиновеніе великому закону Христову: «воздайте Кесарю кесарево», ибо «царство Мое не отъ міра сего».

Доктрина и обряды.

На молитвенникѣ, на статьяхъ религіи, на гомиліяхъ, которыя предписывалось читать въ церквахъ [1]), лежала та же печать государственнаго контроля. Церковныя украшенія существовали въ силу власти парламента, общіе совѣты церкви не могли собираться безъ приказанія и воли государей, грѣхъ возмущенія въ разрѣшенныхъ проповѣдяхъ того времени признавался самымъ ужаснымъ изъ всѣхъ преступленій. Іевель говорилъ [2]): «наше ученіе состоитъ въ томъ, что всякій человѣкъ, какого бы призванія онъ ни былъ, монахъ, проповѣдникъ, пророкъ или апостолъ, долженъ подчиняться королю и властямъ» [3]).

Такое подчиненіе, требуемое Сесилемъ въ 1570 году столь же строго, какъ Генрихомъ и Кромвелемъ въ 1536 году, имѣло послѣдствіемъ не только полное парализированіе церкви въ ея дѣятельности, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда правительство допускало такую дѣятельность, не только ученіе о томъ, что король заботится о душахъ, также какъ и о тѣлахъ, но и нестерпимую мелкую тиранію. Отношеніе Елисаветы къ епископу Эли, также какъ отношеніе Геприха къ дублинскому архіепископу, было отношеніемъ двора ко всякому церковнику, пытавшемуся отстаивать чье бы то не было право противъ воли правительства, его друзей и фаворитовъ. Гордый пре-

---

[1]) Тотъ, кто говоритъ о возмущеньи—говорится въ Гомиліи о неповиновеніи—говоритъ не объ особомъ или единственномъ грѣхѣ, каковы воровство и тому подобное, а о всѣхъ грѣхахъ противъ Бога и человѣка".

[2]) „Apology" часть IV.

[3]) Контрастъ съ отношеніемъ крайнихъ церковниковъ среднихъ вѣковъ, какъ оно опредѣляется въ буллѣ Бонифація VIII: Unam Sanctam (1302). „Совершенно необходимо, чтобы всякій человѣкъ подчинялся Римскому Первосвященнику".

латъ, проявившій непростительное и непонятное нежеланіе съ полной готовностью отдать Христофору Гаттону сады епископскаго дома въ Эли, получилъ предложеніе припомнить, кто сдѣлалъ его епископомъ; «если онъ не одумается по этому предмету, то—въ ярости писала ему королева — клянусь Богомъ, что я расклобучу (I will unfrock) васъ». Даже ея отецъ не относился такъ рѣшительно къ «ничтожному священнику». Дѣйствія Елисаветы иногда непріятно напоминаютъ вымогательства Вильгельма Рыжаго; епископства часто оставались вакантными и корона получала ихъ доходы, церковная собственность постоянно раздавалась благороднымъ или могущественнымъ или просто надоѣдливымъ нищимъ; были даваемы «порученія объ отыскиваніи скрытаго» (Commissions of Concealment), чтобы завершить дѣло уничтоженія монастырей изслѣдованіемъ, не обманулъ ли кто нибудь корону, скрывъ конфискованную церковную собственность.

Commissions of Concealment.

Придворныя гарпіи, эти «бездонныя бочки», напущенныя на духовенство, такъ позорно злоупотребляли этими порученіями, что самъ Бурлейгъ вмѣшался въ это дѣло и потребовалъ отъ Паркера «нѣкоторыхъ особыхъ свѣдѣній». Такихъ свѣдѣній было представлено много [1]), но «столько людей, начиная съ Лейчестера, было заинтересовано въ этихъ вымогательствахъ, что они продолжались до конца царствованія». Дѣло зашло такъ далеко, что многія владѣнія церквей, и въ особенности новыхъ учрежденій, были захвачены «почти задаромъ» въ качествѣ скрытыхъ отъ короны. «Невозможно было выдумать болѣе вѣрнаго средства наказать духовенство, какъ такой путь»—писалъ Паркеръ на Рождествѣ 1572 года.

Власть государства.

Не удивительно, что тѣ изъ церковниковъ семнадцатаго вѣка, которые, имѣя высокое представленіе о привилегіяхъ церкви, не подвергались искушенію ссориться съ королевской властью надъ церковью, столь благорасположенной къ ней и столь внимательной, какъ власть первыхъ Стюартовъ, смотрѣли на царствованіе Елисаветы, какъ на время египетскаго плѣненія церкви. Но въ то время, при ожесточенной борьбѣ между протестантами или антипапскимъ міромъ и католической реакціей, не могла существовать партія защитниковъ англиканской церкви. Между ними и искорененіемъ или отступничествомъ стояла королева — такъ полагали всѣ священники

---

1) Паркеръ 25 декабря 1572 г. писалъ Бурлейгу: „Нужно бы и честь знать, послѣ столь щедро дарованныхъ (коронѣ) „первыхъ плодовъ“, десятинъ, субсидій; послѣ требованій и вымогательствъ недоимокъ съ десятинъ и субсидій со временъ короля Генриха, послѣ уплаты таковыхъ нѣкоторыми дважды и трижды. И послѣ всего этого, такое намъ время-препровожденіе доставляется“... „Не прибавлю къ этому ничего больше—пишетъ онъ тому же Бурлейгу въ апрѣлѣ—но Iesus misereatur nostri. Est modis in rebus“... „Эти краткія выраженія указываютъ на несчастное положеніе духовенства“—Страйпъ („Parker“).

англійской реформированной церкви въ 1560 году. Правительство за много лѣтъ передъ тѣмъ, какъ оно сдѣлалось для нихъ грабителемъ, спасло ихъ жизнь и дало имъ средства существованія. Супрематія свѣтской власти надъ церковью въ первые годы царствованія Елисаветы была слишкомъ тѣсно связана съ интересами клерикаловъ, всѣ протестовавшіе противъ папства были объединены обстоятельствами и человѣкъ, который обладалъ наилучшими средствами для борьбы съ папствомъ, имѣлъ безспорное право управлять всѣми.

Слѣдуетъ отмѣтить и другое обстоятельство: компромисъ, на которомъ основывалась религіозная система новаго царствованія, едва ли поддерживался кѣмъ нибудь ради его самого; на него приверженцы Кальвина нападали столь же яростно, какъ и паписты; онъ былъ нѣчто вродѣ Лаодицейской смѣси для всѣхъ зелотовъ, изъ среды которыхъ вышли мученики царствованія Маріи; онъ былъ принятъ ими просто какъ практическое средство избѣжать духовной тиранiи какъ Рима, такъ и Женевы; онъ пробилъ себѣ путь постепенно, вопреки людямъ, въ силу присущей ему разумности, въ такое время, когда страстность и неблагоразуміе были руководителями большинства въ сферѣ религіозныхъ чувствъ. Англиканская церковь пережила нападенія и папистовъ и пуританъ потому, что она была лучше приспособлена къ нуждамъ массы англійскаго народа, чѣмъ та и другая изъ этихъ крайностей, которыя угрожали разрушить ее и потому что, вообще-то говоря, она выражала волю народа.

Въ періодъ времени отъ 1558 до 1584 года волю правительства по дѣламъ церкви исполняли два архіепископа; Матью Паркеръ (1559—1575) былъ самымъ вѣрнымъ и самымъ раннимъ представителемъ особой Елисаветинской религіозной системы, Гриндаль (1576—1583), наслѣдовавшій ему и потомъ Уитгифтъ (1583—1604) были одинъ черезъ чуръ пуританиномъ, а другой черезъ чуръ англиканцемъ, чтобы точно выражать то полное согласіе, которое хотѣли установить между Ламбетомъ и Вестминстеромъ. Такое согласіе было полнымъ при Паркерѣ; его менѣе безпокоили нонконформисты, придворныя интриги, мелочное вмѣшательство, чѣмъ того или другого изъ его наслѣдниковъ—хотя и ему не мало было заботъ отъ всего этого—и онъ болѣе всѣхъ духовныхъ лицъ много времени пользовался довѣріемъ королевы и Сесиля.

Церковная политика Сесиля.

Здѣсь мы можемъ дать только очень краткій очеркъ религіозной исторіи при этихъ двухъ примасахъ (1558—1583); но мы совершенно не поняли бы дѣйствительнаго характера этой эпохи, еслибы мы полагали, что Паркеръ или Гриндаль преслѣдовали самостоятельныя политическія цѣли, или еслибы забыли отмѣтить роль Сесиля какъ въ церкви, такъ и въ государствѣ. Собственно говоря, во многихъ отношеніяхъ царствованіе Елисаветы было царствованіемъ

Сесиля; признаніе значительнаго личнаго участія королевы въ установленіи церковной системы довольно обычно, но не совсѣмъ обычно признаніе контроля и вмѣшательства Сесиля въ эти вопросы. Не было ни одного затрудненія, встрѣчаемаго Паркеромъ, по поводу котораго онъ не совѣтывался бы съ секретаремъ (съ 1572 года лордомъ казначеемъ Бурлейгомъ) и хотя, повидимому, Сесиль желалъ болѣе послѣдовательнаго «приведенія церкви къ ея прежней чистотѣ», практическіе результаты Елисаветинской системы какъ относительно догмы, такъ и относительно обрядовъ, были гораздо болѣе въ направленіи протестантизма, чѣмъ молитвенникъ и его рубрики, такъ что Сесиль имѣлъ основанія быть доволенъ этой системой. Такимъ образомъ управленіе церковью чрезъ посредство Паркера принадлежало Сесилю, при случайномъ вмѣшательствѣ самой королевы противъ воли обоихъ. Но рѣдко случалось, чтобы спокойная мудрость министра въ концѣ концовъ не побѣждала бурныя, вѣчно измѣнчивыя настроенія государыни, единственнымъ спасеніемъ которой было постоянное недовѣріе ея къ себѣ самой.

Къ несчастію, конечное торжество здраваго смысла часто откладывалось на такое продолжительное время, что происходили случайныя недоразумѣнія и заботы. «Ея величество сказала мнѣ однажды—жаловался Паркеръ въ концѣ его жизни [1])—что я имѣю высшее церковное управленіе; но какъ управлять, когда мѣшаетъ такая щепетильность (Subtilty)? Онъ поручаетъ лорду казначею употребить всѣ средства, чтобы были благоразумными и помочь правительству ея величества имѣть царственное постоянство, насколько это согласимо съ мірской политикой. Плясать же въ сѣти міра сего есть простое тщеславіе и суета».

Церковное законодательство. Церковное управленіе.

1) Актъ супрематіи, внесенный въ парламентъ 27 апрѣля 1559 года и сдѣлавшійся закономъ 29 апрѣля, отдавалъ коронѣ старую юрисдикцію надъ церковью, надъ всѣми духовными судами и лицами и уполномочивалъ королеву патентами давалъ порученія [2]) всѣмъ, кого она признаетъ пригодными, «ревизовать, исправлять, устраивать, упорядочивать и улучшать всѣ ошибки, заблужденія, ереси, расколы и злоупотребленія, какія могутъ быть законно реформированы, устроены или улучшены путемъ духовной юрисдикціи». Въ этомъ актѣ имѣются статьи, уничтожавшія всѣ религіозные акты царствованія Маріи и пересматривающія акты Генриха VIII и Эдуарда VI. Титулъ Верховнаго Главы замѣненъ титуломъ Верховнаго Правителя (Supreme Governor); огромныя полномочія, даваемыя этимъ статутомъ коронѣ, только нѣсколько ограничивались опредѣленіемъ подходившихъ подъ его дѣйствіе ересей и заблужденій. Нельзя наказывать,

---

[1]) 1575. „Parker“—Стр.

[2]) Таково истинное происхожденіе Верховнаго Суда при Елисаветѣ.

какъ ложное, ученіе, если нельзя доказать его ложность на основаніи Писанія, на основаніи постановленій первыхъ четырехъ Соборовъ, на основаніи постановленій національнаго и провинціальнаго собора, «рѣшившаго согласно Слову Божію», или на основаніи постановленія слѣдующаго парламента, съ согласія конвокаціи.

Тотъ же актъ возстановлялъ старый способъ назначенія епископовъ посредствомъ разрѣшенія избирать (Congé d'elire) вмѣсто ихъ назначенія королевскими патентами; противъ всѣхъ защитниковъ власти папы были установлены наказанія, всякій служащій короны долженъ былъ принимать присягу признанія королевскаго главенства какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго. Такимъ образомъ корона снова пріобрѣтала абсолютную дискреціонную власть надъ церковью, какъ въ 1534 году.

Реформа литургіи.

2) Устроивъ такимъ образомъ управленіе церковью, приступили къ вопросамъ религіознымъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, къ вопросу о литургіи и обрядахъ, къ пересмотру Молитвенника, въ 1559 году. Сначала, пока назначенный для пересмотра «комитетъ восьми» издастъ окончательный текстъ, была издана королевская прокламація 27 декабря 1557 года, повелѣвавшая «всѣмъ лицамъ воздерживаться отъ ученія или проповѣди», или отъ какой либо общественной молитвы, кромѣ уже дозволенной.

Пересмотръ, не смотря на предпочтеніе, оказываемое самой Елисаветой формуламъ католическимъ, взялъ за образецъ вторую или наиболѣе протестантскую книгу Эдуарда VI (молитвенникъ 1552 года) и просто принялъ его съ немногими важными, хотя повидимому и незначительными, измѣненіями, имѣвшими цѣлью привлечь всѣхъ болѣе умѣренныхъ изъ старыхъ партій. Такъ форма причащенія опредѣлялась соединеніемъ двухъ статей, изъ которыхъ каждая въ отдѣльности такъ рѣзко опредѣляла различіе между двумя первыми изданіями молитвенника. «Тѣло Господа нашего Іисуса Христа да сохранитъ тѣло и душу твои въ жизни вѣчной. Пріими и вкуси сіе въ воспоминаніе того, что Христосъ умеръ за тебя и питайся Имъ въ сердцѣ твоемъ вѣрою и благодарностью». Потомъ декларація о колѣнопреклоненіи въ концѣ обѣдни, обыкновенно называемая «Черной Рубрикой», и напечатанная впервые, какъ уступка крайнимъ протестантамъ, въ 1552 году, была выпущена. Такимъ образомъ единственное ясное отрицаніе дѣйствительнаго присутствія исчезло изъ англиканской литургіи, которая послѣ этого уже не отрицала «дѣйствительнаго существеннаго присутствія тѣла и крови Христа» въ причащеніи. Часть литаніи, гдѣ молились объ «освобожденіи отъ римскаго епископа и всѣхъ его презрѣнныхъ чудовищностей», была выкинута; прибавлена «таблица воскресныхъ уроковъ» и въ послѣднюю минуту, повидимому совѣтомъ подъ предсѣдательствомъ королевы (Queen in Council), послѣ формальнаго принятія книги парла-

ментомъ, была прибавлена «рубрика объ украшеніяхъ» (Ornaments Rubric), предписывавшая употребленіе церковныхъ одеждъ и украшеній втораго года Эдуарда VI (1548—49).

Актъ объ единовѣріи.

3) Было предписано употребленіе пересмотрѣннаго молитвенника и новое религіозное устроеніе опредѣлено и подтверждено актомъ объ единовѣріи, сдѣлавшимся закономъ 28 апрѣля 1559 года большинствомъ трехъ голосовъ въ палатѣ лордовъ и дававшемъ коронѣ общее полномочіе издавать указы о «церемоніяхъ и обрядахъ», какія окажутся необхдимыми. За непосѣщеніе реформированнаго богослуженія безъ основательныхъ причинъ послѣ того дня, когда оно бу-детъ введено въ общее употребленіе, именно послѣ праздника Іоанна Крестителя 24 іюня 1559 года, былъ опредѣленъ штрафъ въ одинъ шиллингъ.

Корона и церковные доходы.

4) Старое право Тюдоровъ грабить церковь, скрытое подъ приличными терминами закона, было возвращено коронѣ тремя актами перваго парламента Елисаветы. Одинъ изъ нихъ отдавалъ «Верховному Правителю» англійской религіи «первые плоды» и десятину, второй—доходы религіозныхъ учрежденій Маріи, а третій—помѣстья вакантныхъ каѳедръ. Королева получила также спеціальное полномочіе отбирать владѣнія всякаго епископства или всякой бенефиціи въ королевствѣ, давая за это десятину; всѣ архіепископы того времени жаловались, что государыня всегда выигрывала при подобной сдѣлкѣ.

Инструкціи.

5) Въ дополненіе къ молитвеннику и къ вышепоименованнымъ актамъ были изданы для руководства церкви, особенно на время между низложеніемъ церковной іерархіи Маріи и назначеніемъ наслѣдниковъ низложенныхъ духовныхъ лицъ, пятьдесятъ три инструкціи (Injuctions) [1]), перепечатанныя съ значительными измѣненіями съ инструкцій Эдуарда VI.

Правительство и епископы.

6) Въ противоположность контингенту приходскаго духовенства, изъ котораго отказались отъ мѣстъ только 189 человѣкъ изъ девяти тысячъ, епископы при воцареніи Елисаветы оказались совершенно непокорными и были лишаемы сана и заточаемы въ тюрьмахъ. Только одинъ изъ нихъ, Оглеторпъ, епископъ Карлиля, согласился присутствовать при ея коронаціи, только одинъ Китхенъ, епископъ Ландаффа, согласился подписать новые акты объ супрематіи и единовѣріи; ряды епископовъ сильно порѣдѣли отъ смерти, но изъ пережившихъ четырнадцать изъ пятнадцати отказались подчиниться (15 мая 1559 года) и изъ двадцати шести епископскихъ каѳедръ двадцать пять оказались вакантными.

Завершеніе и дополненіе устроенія церкви.

Еслибы партія королевы могла дѣйствовать по своей волѣ, она никогда не пополнила бы эти ряды епископата и рядъ англійскихъ

---

[1]) Онѣ касались 1) образовъ, 2) браковъ духовенства, 3) его одѣянія, 4) церковныхъ украшеній, 5) церковнаго пѣнія, 6) королевской супрематіи, 7) алтарей (освященныхъ столовъ) и 8) просфоръ.

епископовъ покончился бы Полемъ и его викаріями, но правительство рѣшило сохранить старый церковный порядокъ и Матью Паркеръ, деканъ Линкольна при королѣ Эдуардѣ, послѣ продолжительной отстрочки былъ вынужденъ принять каѳедру митрополіи и 17 декабря 1559 года былъ посвященъ въ капеллѣ въ Ламбетѣ въ архіепископа кентербюрійскаго. Важнѣйшія изъ другихъ каѳедръ были замѣщены до конца января 1560 года и дѣло Елисаветинскаго устроенія религіи было такимъ образомъ завершено, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ.

7) Въ слѣдующіе пятнадцать лѣтъ подъ руководствомъ Паркера были сдѣланы попытки опредѣлить болѣе ясно положеніе церкви въ дѣлѣ доктрины, обрядовъ, дисциплины и управленія.

Доктрина. Относительно доктрины мы имѣемъ сначала одиннадцать статей 1560 года, и тридцать девять статей 1563 года, взятыхъ изъ сорока двухъ статей Эдуарда VI и окончательно изданныхъ въ 1571 году, потомъ дополненныя гомиліи 1563 года, причемъ основаніемъ имъ послужили тоже гомиліи Эдуарда и неудачную попытку декана Новелля переиздать катехизисъ Поинета, какъ изложеніе ученія англиканской церкви.

Кромѣ того епископская библія 1568 года была попыткой дать полный англиканскій переводъ св. Писанія, устранивъ популярную женевскую библію съ ея кальвинскими примѣчаніями и наконецъ, «Апологія церкви Англіи» Іевелля, которая хотя и была дѣломъ одного человѣка, но была принята всѣми, какъ полное и удовлетворительное изложеніе ея ученія въ 1562 году.

Обряды. Относительно обрядовъ, въ эти годы начинаются безконечный споръ о церковныхъ одѣяніяхъ. Буква молитвенника въ его «Рубрикѣ объ украшеніяхъ» также, какъ и личныя склонности королевы, требовали сохраненія всѣхъ главныхъ средневѣковыхъ облаченій, какъ повелѣвалось въ первой англійской литургіи 1549 года. На практикѣ оказалось до крайности труднымъ заставить употреблять стихарь. Компромиссъ, предложенный Паркеромъ въ 1566 году, когда онъ приказалъ употреблять стихарь во всѣхъ приходскихъ церквахъ, а при причащеніи въ соборахъ и коллегіальныхъ церквахъ и скуфью (cope), оказался неудачнымъ и съ 1563 года идетъ непрерывная борьба съ болѣе или менѣе организованными конконформистами въ средѣ самой церкви.

Дисциплина. Борьба изъ за соблюденія церковной дисциплины велась ко времени смерти Елисаветы также, какъ и въ первые годы ея царствованія; эта борьба сводилась къ тому, чтобы навязать минимумъ обрядности пуританамъ и прецисіанамъ и максимумъ нравственности скандалистамъ священникамъ, съ необычной силой волновавшимъ тогда церковь. Несмотря на всѣ старанія королевы, Паркера и Сесиля было не легко уничтожить разнообразіе обычаевъ отдѣльныхъ

церквей, уклоненіе отъ самыхъ ясныхъ требованій молитвенника и безпорядки въ дѣлахъ церкви, особенно въ отдаленныхъ округахъ [1]).

Пуритане имѣли друзей среди важныхъ лицъ при дворѣ, имѣвшихъ возможность при всякомъ случаѣ противиться Паркеру; онъ неоднократно объявлялъ Сесилю, что онъ усталъ отъ этой борьбы, такъ какъ «нѣкоторые тянутъ назадъ, когда онъ тянетъ впередъ? Какая польза въ этомъ Сизифовомъ трудѣ? «Я не могу дѣйствовать противъ пуританъ, въ отчаяніи восклицалъ онъ въ послѣдніе годы своей жизни, хотя законы и противъ нихъ».

Управленіе церковью.

Что касается до управленія, то постоянная трудность двойного контроля — номинальнаго епископовъ, а дѣйствительнаго Совѣта — сильно мѣшала дѣятельности Паркера и Гриндаля, и только при приматствѣ Уитгифта, когда была окончательно устроена «церковная коммиссія» и совѣтники и епископы состояли на ея службѣ и засѣдали въ одномъ комитетѣ, дѣйствительно контролировавшемъ управленіе церковью, было достигнуто нѣкоторое улучшеніе въ практическомъ веденіи церковныхъ дѣлъ. Къ несчастію для церкви, такое практическое улучшеніе соединялось съ такимъ усиленіемъ догматизма и съ «достойной удивленія» строгостью, что разногласія скоро начали принимать болѣе серьезную форму. Съ другой стороны, попытка дать англиканской церкви кодексъ реформированнаго канонического законодательства навсегда была оставлена въ силу невозможности получить парламентскую санкцію на Reformatio Legum Ecclesiasticarum, приготовленную и выставленную при Генрихѣ VIII и Эдуардѣ VI. Дворъ, Совѣтъ и Общины не хотѣли — потому что это было не въ ихъ интересахъ — позволить «улучшенной» ими церкви развить ея организацію или получить базисъ для независимой дѣятельности. Всѣ они хо-

---

[1]) Относительно положенія церкви въ 1572 г. См. „Parker“ Страйпа.

„Церковь находилась въ пренебреженіи благодаря, главнымъ образомъ, спорамъ о церковномъ управленіи и другимъ постороннимъ дѣламъ, занимавшимъ мысли и сердца духовенства и мірянъ. Церковники захватывали по нѣскольку бенефицій и не жили ни въ одной изъ нихъ, многіе продавали земли бенефицій, срубали лѣса, давали надѣлы своимъ дѣтямъ. Церкви были въ упадкѣ, были грязны и сыры и неприличны для Богослуженія“.

„Среди мірянъ было мало набожности“.

„День Господень профанировался и не соблюдался“.

„Богослуженіе не посѣщалось“.

„Нѣкоторые совсѣмъ обходились безъ богослуженій.

„Многіе были простые язычники и безбожники“.

„Дворъ былъ пристанищемъ для эпикурейцевъ и безбожниковъ; это было мѣсто беззаконія, ибо онъ не принадлежалъ ни къ какому приходу“.

„Все заставляло лорда Бурлейга изыскивать подходящихъ и дѣйствительныхъ средствъ“.

Кромѣ того дѣйствія „порученій объ отысканіи скрытыхъ имуществъ“ продолжались все царствованіе королевы. Подобные же отчеты о церкви въ Южномъ Валлисѣ см. „Grindal“. Страйпа.

тѣли, чтобы церковь осталась безформенной настолько, насколько это возможно, всегда согласующейся съ требованіями государства, когда то окажется нужнымъ для какой либо отрасли гражданскаго управленія.

Смѣщеніе Гриндаля.

Гриндаль, отказавшійся руководиться королевской волей, которую онъ, однако, признавалъ, подвергся суровому наказанію. Когда онъ началъ роптать на приказъ королевы (1577) воспретить проповѣдническія или классныя сборища пуританъ, на которыхъ сходились и священники и міряне [1]) для обсужденія вопросовъ теологіи и для практическихъ дебатовъ, онъ былъ смѣщенъ, кафедра секвестрована и главная часть его работы поручена другимъ, болѣе покорнымъ чиновникамъ. Это наказаніе было отмѣнено въ 1582 году, незадолго до его смерти, когда его духъ «достаточно очистился отъ его гордаго безумія» и когда онъ забылъ сказанныя имъ въ 1577 году противъ государственныхъ распоряженій слова, «что въ дѣлахъ вѣры епископы судятъ императоровъ, а не императоры епископовъ».

Ему, какъ и другимъ церковникамъ того времени, пришлось узнать то, что пришлось узнать и Іевеллю: «что христіанскій государь имѣетъ обязательство заботиться о духовныхъ и о свѣтскихъ дѣлахъ, порученныхъ ему Богомъ ради того, чтобы онъ сознавалъ, что не только свѣтскія дѣла, но и дѣла религіозныя и церковныя принадлежатъ его сану».

Такого взгляда упорно держалась масса англійскаго народа, вся нація, за исключеніемъ трехъ небольшихъ группъ: протестантовъ-сепаратистовъ 1564 года, позднѣе романскихъ сепаратистовъ 1570 г. и немногихъ, очень немногихъ членовъ установленной церкви, которые сочувствовали непреклоннымъ теоріямъ, хотя и несамопожертвованію, той или другой или обѣихъ этихъ крайнихъ партій.

Архитектура и искусство.

Готса.

Царствованія сына и старшей дочери Генриха VIII не имѣютъ значенія въ исторіи архитектуры. Протекторъ, герцогъ Сомерсетъ, былъ патрономъ итальянца Іоанна изъ Падуи, художника, занимавшаго болѣе или менѣе подчиненную роль во Франціи и примѣняющаго въ своей работѣ, хотя, вѣроятно, при меньшей интеллигентности и меньшей изобрѣтательности, тѣ идеи, примѣромъ которыхъ за гра-

---

[1]) Гриндаль не одобрялъ того, чтобы міряне на равной ногѣ съ духовенствомъ обсуждали духовные вопросы; но онъ не хотѣлъ уступить по вопросу о проповѣдяхъ вообще, помимо злоупотребленій ими, „предпочитая ослушаться ея величества, чѣмъ ослушаться Господа Бога“—„Grindal“—Страйпа.

ницей могутъ служить работы Виньолы, Лескота и де Лорма. Итальянская архитектура была уже дѣйствительно готова къ тому, чтобы занять мѣсто падающей готической и окончательно задушить ее, но во время періода агоніи готики произошла очень любопытная эволюція, особенно въ царствованіе Елисаветы, оставившая свои слѣды во всей Англіи.

Елисаветинскій стиль, его генезисъ.

Обыкновенно говорятъ, что Елисаветинскій стиль былъ попыткой примирить англійскую готику съ классическимъ итальянскимъ стилемъ. Но если подобная попытка и была сдѣлана, то безсознательно. Классическія детали, несомнѣнно, заимствовались у итальянскихъ памятниковъ, что и было дѣйствительнымъ началомъ стиля ренесансъ въ Англіи. Этотъ стиль ведетъ свое происхожденіе съ первыхъ лѣтъ столѣтія, тогда какъ архитектура ренесанса на три четверти вѣка позднѣе. Елисаветинскій стиль прежде всего неправиленъ по плану, готическій по построенію, мало соблюдавшій пропорціи, но очень красиво-живописный. Позднѣйшій или болѣе полно развившійся Елисаветинскій стиль отличается правильностью, пониманіемъ пропорціональности въ массѣ и фасадѣ, который по характеру гораздо болѣе итальянскій, даже палладіанскій, хотя Палладіо еще не имѣлъ вліянія. Такое измѣненіе построенія до значительной степени объясняется вліяніемъ Іоанна изъ Падуи или, во всякомъ случаѣ, вліяніемъ архитектора Лонглита. Во всякомъ случаѣ чье бы вліяеніе тутъ ни было, невозможно, сравнивая два рода стиля, не замѣтить происшедшей крупной перемѣны.

Туземный Елисаветинскій стиль. Замки.

Ноль, (Knole), Пенгурстъ и Гаддонъ Галль представляютъ, можетъ быть, самые типичные образцы домовъ того перваго стиля, который можно назвать туземнымъ Елисаветинскимъ, т. е. такимъ Елисаветинскимъ, который наиболѣе англійскій и наименѣе итальянскій. Всѣ эти три зданія перестройки, съ добавленіями, укрѣпленныхъ замковъ болѣе древней даты и они представляютъ всевозможныя загадки для изслѣдователя, который хотѣлъ бы отличить старое отъ новаго. Въ устройствѣ всѣхъ этихъ зданій много различій, хотя нѣкоторыя черты могутъ быть признаны нормой, но эти черты существовали и много позже царствованія Елисаветы. Таковы: большая зала для ежедневной трапезы, длинная галлерея, обыкновенно выходящая въ садъ и Solar или гостиная. Обыкновенно была также капелла или ораторія, даже въ небольшихъ домахъ, вродѣ Игтамъ Моатъ, хотя иногда ее нѣтъ въ большихъ домахъ, напримѣръ въ Кобгамѣ.

Итальянизированный Елисаветинскій стиль.

Эти зданія во всякомъ случаѣ гораздо живописнѣе современныхъ имъ болѣе итальянизированныхъ зданій, отличающихся отъ нихъ главнымъ образомъ симметріей и пропорціональностью и часто абсолютной правильностью плана. Имя же этимъ послѣднимъ зданіямъ легіонъ; наиболѣе извѣстныя изъ нихъ Лонглитъ, Гардвигъ, Одлей Ендъ, разрушенный Кенильвортъ и знаменитый Кингстонъ Гоузъ въ

Брадфордѣ на Авонѣ. Всего очевиднѣе, можетъ быть, итальянское вліяніе замѣтно въ Лонглитѣ, не только въ деталяхъ, вродѣ колоннъ между окнами и у центральныхъ дверей, но и по великолѣпнымъ пропорціямъ и величественному однообразію массива. Кингстонъ Гоузъ или «домъ герцога» въ Брадфордѣ меньше, но красивѣе; это можетъ быть самый красивый изъ всѣхъ образцовъ итальянизированнаго Елисаветинскаго стиля. Слѣдующее описаніе, сдѣланное страстнымъ поклонникомъ этого стиля, уяснитъ намъ его типическія особенности:

«Спереди два этажа, увѣнчанные аттиками (Полуэтажами) подъ тремя остроконечными крышами. Центральное окно квадратное, выдающееся, боковыя окна гораздо шире и каждое выдается небольшой полукруглой дугой. Надъ окнами красивая плоская баллюстрада, отнюдь не итальянская, но и не готическая. Эта баллюстрада типически Елисаветинская, на террасѣ и на лѣстницѣ въ садъ она такого же характера, но иного образца. Между выдающимися окнами имѣются другія, плоскія, такъ что весь фасадъ зданія занятъ окнами; окна перваго этажа прерываются только входной дверью. Перекладины въ этихъ окнахъ каменныя, въ каждомъ окнѣ по двѣ поперечины. Трубы простыя квадратныя, поставлены по діагонали. Съ каждой стороны дома двѣ крыши съ четырьмя высокими простыми окнами въ двухъ этажахъ съ перекладинами въ формѣ двойного креста. Задній фасадъ похожъ на передній, только проще. Входная дверь съ террасы есть единственное мѣсто, гдѣ мы видимъ итальянскія особенности: двѣ граціозныя, но очень простыя колонки по сторонамъ двери. Въ отличіе отъ многихъ домовъ этого періода, въ Герцогскомъ домѣ нѣтъ двора; центръ занятъ широкой лѣстницей, что было довольно необычно, но красиво. Свѣту въ комнатахъ много, пропорціонально съ ихъ величиной. Потолки великолѣпно украшены лѣпной работой. Орнаментовъ нѣтъ нигдѣ, кромѣ вышеупомянутыхъ баллюстрадъ и чего то въ родѣ гребня надъ дверью; но эффектъ высоко орнаментальный. Весь передній фасадъ около 50 футовъ вышины и около 60 футовъ ширины. Несомнѣнно, что планъ зданія принадлежитъ тому же архитектору, который строилъ и Лонглитъ. Въ обоихъ зданіяхъ гораздо больше вниманія обращено на пропорціи, чѣмъ на орнаменты для полученія орнаментальнаго эффекта, въ обоихъ тоже изобиліе оконъ, такая же прекрасная работа и сравнительно съ другими современными зданіями та же свѣжесть и оригинальность» [1]).

Стиль ренессансъ.

Рядомъ съ итальянизированнымъ Елисаветинскимъ стилемъ, можетъ быть не вполнѣ независимо отъ него, появился новый стиль, ничѣмъ не связанный съ готическимъ и бывшій всецѣло продуктомъ классическаго ренессанса. Крупныхъ построекъ этого стиля, кажется,

---

[1]) Лофти—Inigo Iones and Christopher Wren.

было очень немного, хотя, можетъ быть, исключеніемъ слѣдуетъ считать королевскую биржу Грешама; на сколько извѣстно, не сохранилось ни одного изъ такихъ зданій. Архитекторомъ биржи былъ кажется Гавъ или Гавеніусъ изъ Клеве и навѣрное онъ строилъ Врата Добродѣтели и Мудрости и Врата Чести въ коллегіи Кая въ Кембриджѣ. Первыя были закончены въ 1567, а вторыя въ 1574 году; слѣдуетъ замѣтить, что между этими годами былъ выстроенъ и Лонглитъ. Въ обоихъ воротахъ арка слегка островерхая. Обѣ украшены іоническими пилястрами и обѣ прекрасны. Врата Чести сами по себѣ могли бы спасти имя Гава отъ забвенія. Хотя детали и не вполнѣ чисты, но ассамбль изящены и уравновѣшенъ; эти ворота, увѣнчанныя небольшой храмоподобной постройкой коринфскаго ордена, представляютъ одинъ изъ перловъ чистаго стиля ренессансъ въ Англіи. Естественно предположить, что стремленіе къ классическому стилю всего болѣе укоренилось въ университетахъ, хотя это доказывается по большей части позднѣйшими примѣрами. Въ другихъ мѣстахъ, напротивъ, можно бы было думать, что появляются слабые проблески готическаго возрожденія. Такъ напримѣръ Воллатонъ, начатый черезъ годъ послѣ окончанія Лонглита, отличается болѣе опредѣленнымъ и болѣе сильнымъ готическимъ настроеніемъ. Лонгфордъ, начатый въ 1591 году, когда Воллатонъ былъ оконченъ, менѣе итальянизированное зданіе, хотя тамъ гораздо больше архитектурныхъ украшеній. Тутъ замѣчается также смѣшеніе мотивовъ. Дорическія колонны, украшающія входную дверь, непосредственно поддерживаютъ заостренныя арки, а надъ ними круглая арка. Вообще говоря, въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы замѣчается та тенденція къ анархіи въ архитектурѣ, которая нѣсколько позднѣе вылилась въ формахъ такъ называемаго Якобинскаго стиля.

Миніатюра. Николасъ Гилльярдъ. Оливеры.

Царствованіе Елисаветы, бывшее золотымъ вѣкомъ литературы, не отмѣчено какимъ либо сильнымъ проявленіемъ таланта въ живописи и въ скульптурѣ. Но первая англійская школа живописи ведетъ начало именно съ этого царствованія. Эта школа—школа миніатюры; она оказалась долговѣчной, хотя никогда не достигла европейской знаменитости. Тѣмъ не менѣе традиціи ея непрерывны отъ времени Елисаветы до времени Георга IV. Косвея можно безъ натяжки назвать прямымъ потомкомъ Николаса Гилльярда. Можно сомнѣваться, чтобы до царствованія Елисаветы хоть одинъ художникъ посвящалъ себя исключительно этому роду живописи. Правда, Гольбейнъ, Цуккеро, Ванъ Клифъ, Ванъ Гееръ, Терлинги и другіе, о которыхъ мы упоминали, говоря о царствованіи Генриха VIII, иногда рисовали «маленькіе портреты», но вѣроятно первымъ настоящимъ миніатюристомъ былъ Николасъ Гилльярдъ. Онъ былъ изъ Девоншира, принадлежалъ къ хорошей фамиліи, родился въ 1547 году и началъ жизнь золотыхъ дѣлъ мастеромъ. Онъ былъ до нѣкоторой

степени самоучкой и утверждалъ, что онъ подражаетъ Гольбейну, хотя онъ, повидимому, болѣе обязанъ старымъ рисовальщикамъ миніатюръ, на которыхъ онъ похожъ тусклыми цвѣтами, употребленіемъ золота для усиленія орнаментальнаго эффекта, нѣкоторой плоскостью рисунка и отсутствіемъ тѣней. Имѣются нарисованныя имъ миніатюры Генриха VII, Генриха VIII, Джэнъ Сеймуръ и ея сына, хотя очевидно, что нѣкоторыя изъ нихъ не могли быть сняты съ натуры.

Гилльярдъ часто рисовалъ королеву Елисавету; его называли «старый Гилльярдъ», въ отличіе отъ его сына Лаврентія, тоже миніатюриста. Онъ жилъ до 1619 года. Іаковъ I далъ ему любопытное вознагражденіе, даровавъ ему монополію рисовать королевскіе портреты. Младшимъ его соперникомъ и даже болѣе, чѣмъ соперникомъ, былъ Исаакъ Оливеръ или Оливье. Онъ повидимому былъ французъ по происхожденію, такъ какъ замѣтки въ его записной книжкѣ, дошедшей до насъ, отчасти сдѣланы на французскому языкѣ. Онъ родился въ 1556 году; его произведенія по вѣрному замѣчанію д-ра Проперта, «не уступаютъ ничьимъ во всей исторіи миніатюры». Онъ занимался своей трудной профессіей до самой смерти, въ 1617 году. Ему наслѣдовалъ сынъ его Петръ, не уступавшій ему въ искусствѣ; ему отецъ завѣщалъ всѣ свои работы, «на пять шиллинговъ съ фунта дешевле сравнительно съ другими, которые захотѣли бы купить ихъ». Онъ пользовался милостями Карла I, который заказалъ ему сдѣлать уменьшенныя копіи съ лучшихъ произведеній королевской коллекціи. Отъ этой же школы идетъ цѣлый рядъ миніатюристовъ, включая Бальтазара Гербье, сдѣланнаго Карломъ рыцаремъ въ 1628 году, Роберта Пика, получившаго въ 1612 году уплату отъ Совѣта, Госкинса и двухъ его племянниковъ, Куперовъ, изъ которыхъ лучшій и болѣе извѣстный Самуэль. Большинство ихъ работало въ началѣ царствованія Карла, но собственно говоря, они относятся уже ко времени республики и реставраціи.

Портретная живопись.

Англія была менѣе счастлива въ другихъ высшихъ родахъ живописи. Ненасытное тщеславіе королевы несомнѣнно доставило бы намъ болѣе богатую жатву, если бы это тщеславіе не сдерживалось одинаково сильной скупостью. Тѣмъ не менѣе коллекція королевскихъ портретовъ значительна, хотя по большей части они второстепенной голландской или итальянской работы. «Бѣлый римскій носъ, на головѣ корона и множество брилліантовъ, огромныя брыжжи, еще болѣе огромныя фижмы и цѣлый четверикъ перловъ—таковы особенности, по которымъ всякій узнаетъ изображеніе королевы Англіи». Это саркастическое замѣчаніе Вальполя довольно вѣрно.

Цуккеро.

Федериго Цуккеро изъ Умбріи былъ величайшимъ изъ итальянцевъ, рисовавшихъ «ея милость»; предполагаютъ, что этой чести были удостоены Лука Санъ Гееръ, Кетель, Маркъ Гергардтъ изъ Брюгге и Корнелій Вроомъ. Все это иностранцы и, повидимому, не

было ни одного туземнаго художника, достойнаго рисовать потреты замѣчательныхъ людей, которыхъ было такъ исключительно много именно въ это царствованіе.

Монеты.

Большой ввозъ испанской золотой монеты былъ однимъ изъ важныхъ послѣдствій брака Маріи и Филиппа, потому при воцареніи Елисаветы обычный спросъ на золотую монету нѣсколько уменьшился. Но вскорѣ послѣ воцаренія было дано порученіе сэру Эдмунду Пекгаму и другимъ чеканить соверены, ангелы и ангелеты, чрезвычайно тонкаго золота, представлявшіе цѣнность тридцати, десяти и пяти шиллинговъ. Въ это же время изъ коронnаго золота (обыкновеннаго достоинства въ двадцать два карата) были выпущены соверены въ двадцать шиллинговъ, полусоверены, кроны и полукроны, соотвѣтственной цѣнности. На основаніи королевской прокламаціи старое серебро должно было приниматься за три четверти его цѣны: пенни, полукроны и прочія, кромѣ «тестоновъ», которые были изъяты изъ обращенія, какъ очень плохая монета. Потомъ былъ сдѣланъ выпускъ стараго серебра, причемъ кромѣ обычныхъ наименованій монеты, были выпущены монеты въ три полупенни и странная монета серебряная три фартинга. Большинство плохихъ монетъ попало въ казначейство, однако не безъ затрудненій. Въ началѣ царствованія Елисаветы было нѣчто въ родѣ паники, но она была прекращена, какъ увидимъ дальше, героическими мѣрами. Въ 1561 году была издана королевская прокламація, понижающая цѣну, не уменьшая чистоты металла. Приводимъ таблицу этого уменьшенія цѣны:

Золото.	Тонкое.	Соверены прежняя цѣна 30 ш.	уменьшен.	20 ш.
		Реалъ	15	15
		Ангелъ.	10	6/8
		Полуангелъ	5	3/4
	Коронное.	Соверенъ.	20	1 3/4
		Полусоверены	10	6/8
		Крона	5	3/4
		Полукрона.	2 1/6	1/8
		Шиллингъ		1/8
	Серебро.	1/2 шиллинга.		1/4
		1/4 шиллинга.		1/2
		Три полупенни.		1
		Три фартинга		0 1/2
		Три грота равны 8 д., три полугрота—4 д., три пенни 2 д.		

Денежные знаки.

Въ теченіе продолжительнаго царствованія Елисаветы было нѣсколько дополнительныхъ позднѣйшихъ чеканокъ; напримѣръ выпуски Луисона ангеловъ, ангелетовъ, полу и четверть шиллинговъ, въ три полупенни, въ три фартинга и пенни. Постоянно увеличивалось количество частныхъ денежныхъ знаковъ; для этой цѣли употребляли свинецъ, кожу и разные низкіе металлы. Изобиліе такихъ знаковъ было такое, что была сдѣлана попытка легализировать ихъ

и въ 1576 году городу Бристолю было даровано разрѣшеніе выпуска такихъ знаковъ. Была предложена даже мѣдная монета и не только это предложеніе получило одобреніе королевы, но уже были приготовлены и штемпеля для такой монеты; но, кажется, выпуска не было; предполагаютъ, что сохранившіяся мѣдныя монеты были только образчиками. Елисавета считала реформу монетнаго дѣла однимъ изъ славныхъ дѣлъ своего царствованія, но при этомъ очень характеренъ ея способъ отдѣлаться отъ плохого серебра. Оно въ большомъ количествѣ вывозилось въ Ирландію и несмотря на его низкое достоинство, четыре тысячи фунтовъ этого плохого серебра, въ которомъ было только три унціи металла, были переплавлены на восемь тысячь фунтовъ ирландской монеты.

Монеты для торговли съ Индіей.

Особенность монетнаго дѣла въ это царствованіе состоитъ въ чеканкѣ монеты для индѣйской торговли. Туземцы привыкли къ испанской монетѣ, а королева не хотѣла, чтобы ея подданные употребляли ее. Потому для торговцевъ съ восточной Индіей выпускались кроны, полукроны и шестипенсовики, но было найдено необходимымъ согласовать ихъ вѣсъ съ испанскимъ піастромъ. На одной сторонѣ такихъ монетъ гербы, а на другой рѣшетка. Портреты на монетахъ королевы Елисаветы превосходны, даже на нѣкоторыхъ изъ денежныхъ знаковъ.

Магія, Астрологія и Алхимія.

Стиля.

Въ пятнадцатомъ вѣкѣ страхъ предъ сверхъестественнымъ завладѣлъ душами народовъ западной Европы. До сихъ поръ колдовство было чисто народнымъ, остаткомъ языческой религіи, превратившейся въ ересь послѣ побѣды христіанства, но когда въ 1398 году Сорбона издала двадцать семь статей, трактующихъ о заговорахъ, объ изображеніяхъ дьявола, о колдовствѣ, то это было распространеннымъ объявленіемъ объ этихъ преступленіяхъ. Мы видѣли раньше, какъ постепенно сформировалась и росла вѣра народа въ сношенія съ демонами, но она пустила глубокіе корни въ народномъ духѣ только въ пятнадцатомъ вѣкѣ, когда обвиненіемъ въ колдовствѣ начали пользоваться какъ политическимъ орудіемъ, въ особенности противъ женщинъ. Такъ напр. въ 1419 году Жоана, вдовствующая королева, была отправлена въ тюрьму за колдовство, направленное противъ Генриха V, а ея сообщникъ фріаръ Джонъ Рандольфъ, взятый въ Джерсеѣ, отправленъ въ Тоуэръ. Обвиненія въ колдовствѣ были возбуждены противъ герцогини Глочестерской и герцогини Бедфордъ, противъ Жанны д'Аркъ и Дженъ Шоръ, а послѣ въ пособничествѣ этой послѣдней обвиняли архіепископа іоркскаго и епископа Эли. Въ Шот-

ландіи графа Мара, брата Іакова III (1460—1488) по приказанію лордовъ совѣта казнили за магическую практику, направленную противъ его брата; въ послѣдствіи за тоже преступленіе въ Эдинбургѣ сожгли двѣнадцать колдуній и четырехъ колдуновъ.

Законы о колдовствѣ.

Въ концѣ столѣтія точно дьявольскій кошмаръ овладѣлъ душами людей и этотъ кошмаръ давилъ Англію болѣе ста лѣтъ. Въ 1484 году Иннокентій VIII издалъ свою знаменитую буллу противъ нѣмецкихъ колдуній, онъ перечислялъ порождаемыя ими бѣдствія и учредилъ инквизицію для ихъ уничтоженія. Трудно опредѣлить точно всѣ послѣдствія этой буллы; извѣстно, что одинъ инквизиторъ сжегъ 900 человѣкъ въ пятнадцать лѣтъ, а въ одномъ городѣ въ три мѣсяца сожгли 500 человѣкъ. Волна этого террора достигла Англіи только въ срединѣ вѣка. Онъ проявился почти одновременно въ Англіи и Шотландіи возобновленіемъ старыхъ обвиненій въ колдовствѣ. Это было одно изъ преступленій, подлежавшихъ суду королевскаго совѣта, отчетовъ котораго сохранилось мало; изъ нихъ мы видимъ, что Кромвель издалъ прокламацію, воспрещавшую колдовство, что лордъ Гунгерфордъ въ Англіи (1540), и лэди Гламмисъ, сестра графа Ангуса изъ рода Дугласовъ (1537) были казнены за покушенія на жизнь своихъ государей. Когда Генрихъ устарѣлъ, онъ сталъ кровожаднѣе и страхъ его предъ колдовствомъ увеличился; въ 1541 году былъ проведенъ первый актъ противъ колдовства (33 Генриха VIII), tricesimo tertio of Henry, цитируемый въ «Алхимикѣ» Бена Джонсона. Онъ воспрещалъ гаданья и призыванье духовъ для нахожденія золота и серебра, или для уничтоженія личности и имущества, далѣе воспрещалъ дѣлать изображенія людей, ангеловъ, дьяволовъ, животныхъ и птицъ, зарывать короны, скипетры, мечи, кольца и стекла, предсказывать, гдѣ найти утерянныя или украденныя вещи. Наказывались всѣ эти преступленія смертью. Въ томъ же году устрашенный парламентъ принялъ актъ, признававшій фелоніей угадываніе по примѣтамъ, по дикимъ звѣрямъ, птицамъ и т. д., изображаемымъ на гербахъ и 1 іюля одинъ валлисскій министрель пострадалъ на основаніи этого акта.

Въ первомъ парламентѣ Эдуарда VI акты этой сессіи за немногими исключеніями были отмѣнены, но это не спасало колдуній, потому что обычная юрисдикція ординаріевъ осталась неприкосновенной. Въ 1549 году Кранмеръ предписывалъ духовенству разыскивать чаровниковъ и представлять ихъ архидіакону. Въ царствованіе Маріи такъ сильно преслѣдовали еретиковъ, что о колдунахъ думать было некогда и не имѣется ни одного отчета о сожженіи за колдовство; въ одной изъ первыхъ проповѣдей, произнесенныхъ предъ Елисаветой въ 1558 году Іевеллемъ, онъ дѣлаетъ замѣчаніе о широкораспространенномъ грѣхѣ колдовства. Въ 1562 году законъ Генриха былъ возстановленъ въ болѣе мягкой формѣ (5. Елисаветы); преступленіе

въ первый разъ наказывалось годичнымъ тюремнымъ заключеніемъ и выставкой къ позорному столбу четыре раза, и только во второй оно признавалось фелоніей. Кажется, что въ теченіи нѣкотораго времени было мало преслѣдованій на основаніи этого акта, но въ 1575 году начались преслѣдованія за колдовство, хотя они и не были такъ жестоки, какъ при Іаковѣ I. Въ 1576 году были выставлены къ позорному столбу двое дѣтей и Мильдредъ Норрингтонъ, дѣвушка изъ Вестуэля. Въ 1577 году нашли восковое изображеніе Елисаветы и спрашивали доктора Ди о средствахъ охраненія ея величества, но его мѣры оказались недѣйствительны, ибо въ слѣдующемъ году она сильно страдала отъ зубной боли и тогда снова обратились къ Ди. Нельзя было не обратить вниманія на такой очевидный случай колдовства, и ординаріи дѣятельно принялись разыскивать колдуновъ—что свидѣтельствуетъ судьба нѣкоего Симона Пемброка, котораго въ виду того, что онъ былъ очень счастливъ въ игрѣ въ кости, вызвали къ ординарію въ Саутваркѣ. Когда онъ передавалъ деньги проктору, у него вдругъ опустилась голова и онъ умеръ, тогда его обыскали и нашли цинковую фигуру человѣка, держащую три кости и «пять дьявольскихъ книгъ заговоровъ и самыхъ ужасныхъ заклинаній». Послѣ 1579 года преслѣдованія на время прекратились, что, можетъ быть, обусловливалось отчасти изданіемъ книги Режинальда Скота Discoverie of Witchcraft, книги ученой и разумной, если принять во вниманія тогдашнія народныя вѣрованія. Послѣ этого чуть ли не единственной казнью за колдовство въ царствованіе Елисаветы было знаменитое дѣло Варбой, 1593 года, когда было казнено трое Самуиловъ за то, что они въ 1590 году околдовали пятерыхъ дѣтей семейства Трогмортонъ, семерыхъ слугъ, лэди Кромвель и другихъ. Исторія этого дѣла сохранилась съ бо́льшими подробностями, чѣмъ другія, потому что сэръ Самуэль Кромвель, какъ владѣлецъ помѣстья, учредивъ стипендію затѣмъ, чтобы въ Богородиченъ день въ Гунтингдонѣ была произносима ежегодно проповѣдь о колдовствѣ докторомъ или баккалавромъ богословіи коллегіи королевы въ Кембриджѣ; эта степендія была учреждена изъ собственности фелоновъ, конфискуемой лордомъ Кромвелемъ.

Алхимія. Въ предыдущемъ томѣ мы говорили объ англійской алхиміи до конца пятнадцатаго вѣка; въ началѣ второй части этого вѣка изученіе этой науки, какъ мы видѣли, усилилось. Въ началѣ шестнадцатаго вѣка намъ извѣстны имена немногихъ алхимиковъ. Сэръ Робертъ Гринъ изъ Вельби (1476 — 1538) былъ очень плодовитымъ писателемъ по этому предмету; Робертъ Фриловъ въ 1536 году списалъ произведенія Лулли и эту копію онъ цѣнитъ въ 20 фун. Въ 1550 году онъ перевелъ Radix Mundi Бэкона. Выпускъ малоцѣнной монеты въ царствованія Генриха и Эдуарда имѣлъ обычный результатъ—появленіе множества алхимиковъ. Люди всѣхъ классовъ

общества отъ кентскаго іемена до королевскаго казначея занимаются поисками богатствъ. Королева принимаетъ посвященіе многихъ книгъ объ алхиміи; философскій камень, какъ выражается Джонсонъ въ «Alchemist», есть «вещь, непригодная для частнаго лица»; судьба его собственника была почти всегда такой, о какой говорится въ стихахъ:

«Вы кончите остатокъ дней вашихъ въ мрачной темницѣ, разсуждая о немъ». Сочиненіе Томаса Чарнока даетъ интересный отчетъ о методахъ алхимика. Горшечникъ сдѣлалъ ему большіе сосуды и онъ разсказываетъ ему, для чего они употребляются. Потомъ плотникъ дѣлаетъ для нихъ станокъ и наконецъ, онъ отправляется въ Чиддингфольдъ въ Сюрреѣ къ стекольщику, чтобы тотъ выдулъ ему его реторты. Наконецъ идетъ разсказъ о его безпокойствахъ и испытаніяхъ, кончающихся тѣмъ, что одинъ сосѣдній дворянинъ требуетъ отъ него, чтобы онъ отправился служить для спасенія Кале и онъ разбиваетъ свои реторты палкой и отправляется «съ крестомъ на спинѣ» служить солдатомъ. Замѣтка въ одномъ изъ манускриптовъ сообщается, что цѣна широкогорлой бутыли, вмѣстимостью въ галлонъ, была 2 шил. 6 д., а цѣна бутылки 1 шил. 6 д. Нужно замѣтить, что многіе алхимики обладали менѣе важными секретами, интересными для хозяекъ и вообще для женщинъ, напримѣръ одинъ изъ нихъ, Ральфъ Раббардъ, въ 1574 году сообщилъ королевѣ Елисаветѣ секретъ дѣлать «воду для очищенія и смягченія кожи и тѣла, драгоцѣнную воду для очищенія и предохраненія зубовъ» и т. д. Одинъ лондонскій мелочной торговецъ переводитъ Лулли; одинъ бристольскій купецъ составляетъ рукописную коллекцію книгъ объ алхиміи, машинистъ (master of Engynes) имѣетъ переводы другихъ книгъ, сдѣланныхъ для него, профессоръ богословія (Кафедры лэди Маргариты) отказывается отъ кафедры, чтобы свободнѣе изучать алхимію— подобные факты доказываютъ общераспространенный интересъ къ алхиміи. Въ сущности говоря, близилась уже минута, когда должна была родиться наука.

Парацельсъ.

Въ теченіи пятнадцати лѣтъ необыкновенный человѣкъ, Парацельсъ (1526 — 1541) привлекалъ къ себѣ вниманіе Европы. Грубость его языка и его животность—вотъ что поражаетъ въ немъ современнаго изслѣдователя; но въ его время среди людей, къ которымъ писались знаменитыя Epistolae Obscurorum Virorum, ни его языкъ, ни его обжорство и пьянство не казались на столько замѣтны, чтобы привлечь вниманіе. Чрезвычайными были его смѣлое возмущеніе противъ авторитета и примѣненіе, въ нѣкоторомъ родѣ, здраваго смысла къ медицинѣ. Здѣсь онъ насъ интересуетъ главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ пропагандировалъ новую теорію химическихъ элементовъ тѣлъ. На основаніи средневѣковой теоріи металлы состояли изъ ртути и сѣры и большая или меньшая степень нечистоты ихъ и произво-

дила разницу между ними. Теорія же Парацельса, по видимому, состояла въ томъ, что всѣ тѣла составлены изъ ртути, сѣры и соли, къ которымъ вскорѣ присоединили флегму. Сѣра тѣла есть его воспламеняемая часть, ртуть та часть, которая можетъ быть сублимирована или собрана изъ дыму, а соль—это зола или землистое вещество, остающееся послѣ горѣнія. Таковы химическіе элементы; противъ этой теоріи Бойль писалъ свое сочиненіе: «Скептическій химикъ». Другой отличительной чертой Парацельса было его разнузданное воображеніе. Въ его сочиненіяхъ мы встрѣчаемъ цѣлую мифологію саламандръ и эльфовъ. Гомункулусъ Гете, цвѣтокъ сэра Томаса Броуна, возрождающійся изъ пепла, демогоргонъ и пр. другихъ писателей — все это или встрѣчается у Парацельса или даже ведетъ свое начало отъ него. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ былъ великій человѣкъ, но во всѣхъ отношеніяхъ онъ былъ шарлатаномъ.

Ди и Келли.

Съ этого времени алхимія становится исключительнымъ достояніемъ шарлатановъ или мечтателей. Типическимъ примѣромъ можетъ служить знаменитое товарищество Ди и Келли. Келли былъ почти необразованнымъ человѣкомъ; въ первый разъ онъ сдѣлался извѣстенъ въ 1578 году, какъ писатель объ алхиміи, въ 1580 году онъ лишился ушей за чеканку низкопробной монеты, въ 1582 году онъ соединился съ Ди для практики магіи и алхиміи, и въ слѣдующемъ году они отправились заграницу. Въ декабрѣ 1586 года Келли дѣлаетъ золото и даетъ своей дочери при ея бракѣ множество золотыхъ колецъ; когда послѣ разныхъ приключеній, Ди покинулъ его и вернулся въ Англію, императоръ посадилъ Келли въ тюрьму. Въ концѣ концевъ при попыткѣ бѣжать въ 1595 году онъ былъ убитъ. Ди былъ сынъ слуги Генриха VIII и сдѣлался сначала извѣстнымъ какъ математикъ, писавшій объ алгебрѣ, астрономіи, астрологіи и геометріи. Когда ему было уже около сорока лѣтъ, онъ обратилъ вниманіе на неоплатониковъ и написалъ любопытную маленькую книжку Monas Hieroglyphica, въ Антерпенѣ въ 1565 году, о свойствахъ алхимическаго знака ртути; эта книжечка посвящена императору Максимиліану.

Посѣтивъ этаго императора, онъ вернулся въ Англію и имѣлъ въ началѣ 1568 года свиданіе съ королевой и тогда онъ передалъ ей великій секретъ, содержащійся въ его сочиненіи. Потомъ онъ, кажется, занялся изученіемъ алхиміи и магіи. Въ 1574 году онъ писалъ Бурлейгу, прося позволенія искать скрытыхъ кладовъ (это было не позволено) и предлагая ему половину всего, что онъ найдетъ. Въ томъ же году его посѣтила королева, чтобы видѣть духовъ въ его знаменитомъ зеркалѣ (Specula—одно изъ нихъ теперь въ Британскомъ музеѣ). Въ 1579 году онъ открылъ Рожеру Коку секретъ элексира—секретъ, который онъ самъ впослѣдствіи, въ 1586 году, узналъ отъ Келли. Признавая за Ди значительную ученость, несом-

нѣнныя способности и прилежаніе, мы не можемъ не думать, что его путешествія на континентъ скрывали другіе, не алхимическіе, секреты; въ дѣйствительности онъ былъ просто однимъ изъ политическихъ агентовъ Елисаветы; особенно если мы припомнимъ, что въ восемнадцатомъ столѣтіи доказали, что Steganografia of Trithemius, книга магическихъ заклинаній, была просто учебникомъ шрифтовъ для сообщенія секретныхъ свѣдѣній.

Астрологія.

Связь между астрологіей и алхиміей, всегда близкая, никогда не была тѣснѣе, какъ въ описываемый періодъ. Поэма Нортона опредѣляла надлежащіе астрологическіе періоды для каждой стадіи «великой работы»; мы назвали это сочиненіе, какъ одно изъ многихъ, только потому, что оно написано на англійскомъ языкѣ; въ астрологію вообще вѣрили всѣ. Постепенно люди начали сомнѣваться сначала въ правилахъ того или другого мастера искусства, а потомъ и въ самыхъ основахъ его и наконецъ торжество системы Коперника уничтожило главную основу астрологіи и здравый смыслъ человѣческаго рода окончательно устранилъ ее, хотя исполнявшіяся предсказанія астрологовъ все еще продолжали казаться научными доказательствами. Даже въ настоящее время въ нашемъ языкѣ имѣются признаки этой вѣры, и нѣкоторыя изъ лучшихъ мѣстъ Шекспира и Мильтона обязаны своей красотой шарлатанскимъ рѣчамъ астрологовъ.

Астрологія и медицина.

Основаніе англійской школы медицины Линакромъ и учрежденіе коллегіи медиковъ въ 1518 году послужили сначала усиленію вѣры народа въ астрологію. Великіе греческіе медики вѣрили въ нее и первымъ условіемъ успѣха при изученіи медицины считали изученіе астрологіи. Доктрины комплекцій, гуморовъ и качествъ были неразрывно связаны съ модными тогда астрономическими теоріями— такъ что первый медикъ того времени, Жеромъ Карданъ, былъ также величайшимъ изъ астрологовъ. Призванный въ Шотландію въ 1552 году для исцѣленія кардинала Гамильтона, онъ согласился проѣхать всю Англію и сказать свое мнѣніе о состояніи здоровья короля. Его отчетъ ясно указываетъ, что придворные желали прежде всего получить отъ знаменитѣйшаго астролога того времени свѣдѣнія о томъ, долго ли проживетъ Эдуардъ. Потому онъ составилъ его гороскопъ, онъ помѣщенъ первымъ изъ двѣнадцати гороскоповъ, изданныхъ Карданомъ. Звѣзды показали довольно продолжительную жизнь и болѣзни въ возрастѣ 23, 34 и 55 лѣтъ. Едва онъ возвратился на континентъ, какъ получилъ извѣстіе о смерти короля, но Карданъ вмѣсто того, чтобы уничтожить свои предсказанія, прибавилъ къ нимъ главу подъ заглавіемъ: «Что я послѣ думалъ объ этомъ». Во время своего пребыванія въ Англіи, Карданъ жилъ съ сэромъ Джономъ Шекомъ, можетъ быть самымъ ученымъ человѣкомъ въ Англіи, и вмѣстѣ съ нимъ могъ видѣть опыты Эдена алхи-

мика въ Тоуэрѣ; тамъ же, навѣрное Ди познакомился съ нимъ и видѣлъ знаменитое магическое кольцо Кардана.

Естествознаніе.

Уиттакера.

Естествознаніе въ Англіи также, какъ и во всей Европѣ, навряд ли существовало, какъ наука установившаяся, до семнадцатаго вѣка. До этаго времени оно шло ощупью, было все въ попыткахъ. Въ концѣ среднихъ вѣковъ, рядомъ съ гуманистическимъ движеніемъ и слѣдуя за нимъ, было стремленіе къ возврату къ изученію математическихъ, физическихъ и біологическихъ наукъ; эти науки были до нѣкоторой степени развиты древними, но въ средніе вѣка прогрессъ ихъ пріостановился. Въ теченіе ста лѣтъ, или больше, это стремленіе къ спеціальнымъ знаніямъ дало только нѣсколько новыхъ наблюденій, которыя ожидали обобщеній; нѣкоторыя изъ появившихся важныхъ теорій оставались безъ провѣрки. Правда, философы пытаются создавать новыя системы, имѣвшія цѣлью объясненіе всей природы, и иногда благодаря смѣлымъ обобщеніямъ они шли дальше древнихъ и средневѣковыхъ мыслителей въ своихъ космическихъ концепціяхъ. Но для этаго была необходима особая геніальная проницательность. Новыя конпепціи о мірѣ, вродѣ системы міра Коперника, не могли еще получить господства надъ умами, такъ какъ онѣ не были доказаны безспорными фактами; а до тѣхъ поръ, пока этаго нѣтъ, научная теорія не можетъ считаться вполнѣ доказанной. Тѣмъ не менѣе положеніе дѣлъ относительно научныхъ изслѣдованій было инымъ, чѣмъ въ концѣ классическаго періода: настоящаго знанія было не много больше, чѣмъ въ то время, но за то существовалъ продолжительный подготовительный процессъ, который вскорѣ долженъ былъ породить извѣстныя послѣдствія. Въ четвертомъ вѣкѣ умы отвернулись отъ науки, а въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ вѣкахъ они вернулись къ ней.

Развитіе техническаго языка. Символическія и матерьяльныя пособія. Опытъ.

Діалектическіе споры среднихъ вѣковъ не были вполнѣ безполезными. Они по крайней мѣрѣ имѣли то полезное слѣдствіе, что сдѣлали языкъ болѣе точнымъ; а для того, чтобы былъ возможенъ современный научный анализъ, необходимо, чтобы языкъ обладалъ высшей степенью точности. Даже раньше того времени, когда для научныхъ и философскихъ цѣлей начали употреблять современные языки, латинскій языкъ, прошедши чрезъ руки схоластиковъ, могъ быть приспособленъ къ аналитическому строю современнаго мышле-

нія. Другіе новыя орудія, какъ символическія, такъ и вещественныя, были готовы для научнаго употребленія. Болѣе удобная система счисленія, введенная арабами—изъ какого бы источника она первоначально не вышла—и заимствованные отъ нихъ начатки алгебры составили основу для развитія математической науки. Морской компасъ, употреблявшійся, какъ извѣстно, уже въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, сдѣлался зародышемъ новой науки о магнетизмѣ. Къ концу шестнадцатаго столѣтія непрерывныя попытки дѣлать открытія въ царствѣ природы распространили убѣжденіе, что опытъ составляетъ ключь къ познанію истины. Это было убѣжденіе Рожера Бэкона задолго до того времени, когда обстоятельства сдѣлались благопріятны для такого убѣжденія. Это проповѣдывалъ и Френсизъ Бэконъ послѣ того, какъ это убѣжденіе среди философскихъ оппонентовъ схоластики и небольшой группы научныхъ изслѣдователей сдѣлалось лозунгомъ новаго времени.

Сколько нибудь выдающихся новыхъ открытій въ тотъ періодъ, о которомъ говорится въ этой главѣ, не было. Робертъ Рекордъ въ 1557 году издалъ трактатъ объ алгебрѣ подъ названіемъ Whetstone of Wit; въ этомъ сочиненіи впервые употребляется теперешній знакъ равенства. Въ 1576 году Робертъ Норманъ самостоятельно открылъ наклоненіе магнитной стрѣлки; оно раньше (1544) было открыто не англичаниномъ. Норманъ, издавшій въ 1581 году сочиненіе, озаглавленное Newe Attractive былъ признанъ Жильбертомъ (см. слѣдующую главу) предшественникомъ.

Литература.

Сентсбюри.

Педагогія.

Ничто не характеризуетъ такъ возрожденіе во всѣхъ странахъ, какъ отличавшій эту эпоху напряженный и распространенный интересъ къ вопросамъ воспитанія. Интересъ этотъ не былъ тѣмъ узкимъ интересомъ, который мы привыкли въ наше время соединять съ понятіемъ о воспитаніи. Вновь открытыя сокровища греческой и латинской литературъ заставляли людей обращать на нихъ особое вниманіе и рекомендовать ихъ вниманію другихъ; стремленіе подражать совершенству классиковъ заставляло ихъ, хотя и нѣсколько стыдливо и съ различными извиненіями, культивировать свой родной языкъ; увеличеніе сообщеній между различными странами съ цѣлями торговыми, религіозными и политическими открывало имъ новые языки и литературы; всеобщая любознательность

того времени направлялась на различныя отрасли физическихъ наукъ. Но слѣдуетъ отдать справедливость эпохѣ возрожденія въ томъ, что воспитаніе, которымъ она наиболѣе была занята, было настоящимъ стремленіемъ возродить, расширить и примѣнить къ современнымъ условіямъ греческій идеалъ полной культуры человѣка, въ физическихъ и умственныхъ упражненіяхъ, въ философіи, въ религіи и въ государственномъ искусствѣ. Знаменитое мѣсто, гдѣ Рабле, единственный разъ въ своемъ сочиненіи, сбрасываетъ маску и мантію экстравагантности и юмора и рисуетъ воспитаніе принца, какъ онъ понимаетъ его, было только геніальнымъ образцомъ множества подобныхъ попытокъ.

Англія отнюдь не отставала отъ другихъ въ сферѣ этихъ великодушныхъ и не всегда фантастическихъ спекуляцій. Еще до воцаренія Елисаветы два теченія этаго общаго потока—чисто схоластическое и болѣе широкое *пандевтическое*—имѣло представителей: одно—работы Шека и Вильсона въ Кембриджѣ, а другое такія книги какъ Governour—Эліота или переводъ Гоби «Courtier» Кастильоне.

Эти два теченія до значительной степени сливались, и всего лучше они представлены въ личности Рожера Ашама, знаменитая книга котораго «Школьный учитель», можетъ быть, представляющая лучшій образчикъ этаго рода работъ, была написана или по крайней мѣрѣ закончена, когда его ученица уже около десяти лѣтъ сидѣла на тронѣ, хотя напечатана она только послѣ смерти Ашама въ 1570 году.

„Школьный учитель“ Ашама.

Это одна изъ тѣхъ маленькихъ книгъ, которымъ посчастливилось. Въ свое время она не пользовалась особой популярностью, но впослѣдствіи ее пропагандировали люди съ литературнымъ вліяніемъ: Уптонъ въ 1711 году, Джонсонъ шестьдесятъ лѣтъ позже, Майоръ и Арберъ двадцать или тридцать лѣтъ тому назадъ—такимъ образомъ въ теченіе послѣднихъ двухъ вѣковъ она постоянно занимала вниманіе читателей. И она заслуживаетъ этаго. Ашамъ, правда, имѣетъ тотъ крупный недостатокъ, что онъ ненавидитъ поэзію и романъ и это, можетъ быть, и было одной изъ причинъ, по которой слѣдующія за нимъ поколѣнія не обратили на него надлежащаго вниманія; но въ другихъ отношеніяхъ можно сказать, что лучшей книги по педагогіи, въ лучшемъ смыслѣ этаго слова, нѣтъ на англійскомъ и, можетъ быть, и ни на какомъ другомъ языкѣ. Его указанія относительно изученія языковъ очень здравы и остроумны, но еще лучше общій тонъ книги, ея указанія о воспитаніи «молодого джентльмена» (yong jentleman).

Эта книга уясняетъ намъ многое хорошее, даже лучшее, что было въ натурѣ и въ воспитаніи тѣхъ людей, которые были въ школахъ во времена Ашама.

Никто не явился прямымъ послѣдователемъ автора «foxophilus»

(сочиненія, въ которомъ онъ за долго до «Школьнаго учителя» отстаивалъ права физическаго воспитанія); никто не обладалъ подобно ему выгоднымъ соединеніемъ качествъ придворнаго и практика въ дѣлѣ образованія и воспитанія. Нѣкоторыя притязанія на такое соединеніе могъ имѣть, правда, Флоріо, но переводчикъ Монтеня, хотя и былъ пріятнымъ писателемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ несомнѣнно чѣмъ то вродѣ хлыща. Мулкастеръ, старшій учитель св. Павла и Merchant taylors, сочиненія котораго недавно спасены отъ забвенія стараніями покойнаго Квика, былъ главнымъ послѣдователемъ Ашама въ области чисто педагогической въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы.

Но та другая сторона вопроса о воспитаніи, которая, какъ мы сказали, особенно обращала на себя вниманіе людей эпохи возрожденія какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ странахъ, была достаточно ярко представлена и разработана.

„Euphues“ Лили.

Она была представлена, не спеціально, но главнымъ образомъ, въ первой книгѣ царствованія Елисаветы, получившей дѣйствительно нѣкоторую извѣстность, можно даже сказать, славу—въ книгѣ, которой безконечно много подражали, которую дико восхваляли и которую черезъ нѣкоторое время жестоко ругали—въ знаменитой «Euphues» Джона Лили, появившейся въ 1579 году, раньше того времени, когда Спенсеръ или Сидней издали что либо имѣвшее значеніе. Нѣтъ, можетъ быть, ни одной книги, изученіе которой болѣе необходимо для полнаго пониманія вѣка Елисаветы въ литературномъ отношеніи, но нѣтъ также ни одной книги, которую было бы такъ трудно читать. Чисто литературныя ея качества, хотя ихъ часто ложно истолковывали, суммировать не трудно. Они состоятъ съ одной стороны изъ безконечныхъ антитезъ, а съ другой изъ злоупотребленія безконечными уподобленіями, заимствованными частію изъ классической исторіи и анекдотовъ, а частію изъ той странной естественной исторіи реальныхъ или фантастическихъ птицъ, животныхъ, рыбъ, травъ, цвѣтовъ и минераловъ, которая постепенно завладѣла умами людей конца среднихъ вѣковъ и начала эпохи возрожденія и которая положила свой отпечатокъ и на науку въ послѣдующее время. Но для нашей цѣли важнѣе манеры писателя содержаніе его книги. Euphues есть произведеніе человѣка, хорошо знакомаго съ Оксфордомъ, (который онъ описываетъ и къ которому обращается иногда подъ его собственнымъ названіемъ, но чаще называя его Афинами), человѣка, стремившагося къ тому, чтобы сдѣлаться и вскорѣ сдѣлавшагося своимъ человѣкомъ при дворѣ — если только онъ уже не былъ такимъ и раньше—человѣка, глубоко впитавшаго въ себя идеалъ воспитанія, одновременно вліяющаго на тѣло, на умъ, на манеры, чувства и на дѣловую жизнь. Изъ всѣхъ другихъ существующихъ произведеній во всѣхъ литературахъ ближе всего къ Euphues «Вильгельмъ

Майстеръ» и отличія и сходства этихъ двухъ книгъ неоцѣненны, такъ какъ обѣ онѣ уясняютъ намъ характеръ попытокъ создать космополитическое воспитаніе. Можно утверждать, что Гете былъ послѣднимъ, поставившимъ себѣ такую задачу, но Лили не былъ первымъ.

Книга состоитъ изъ двухъ частей: Euphues, Anatomiy of Wit и Euphues and his England. Въ первой части дѣйствіе происходитъ въ Неаполѣ; сюжетъ разсказа, если только тутъ вообще можно говорить о сюжетѣ, это капризы нѣкоей Люциллы, дѣвушки очень красивой, знатной и богатой, которая, влюбивъ въ себя и разстроивъ двухъ друзей Евфуя и Филавта (Euphues and Philautus), обманываетъ ихъ обоихъ и выбираетъ пустого человѣка, нѣкоего Куріо, разбиваетъ этимъ сердце своего отца Ферардо и приноситъ ужасныя мученія двумъ отвергнутымъ ухаживателямъ. Это, конечно, можно назвать интригой, но она не обработана и большая часть этого отдѣла романа занята огромнымъ письмомъ отъ Евфуя къ Филавту, послѣ того какъ Люцилла одурачила ихъ обоихъ, богословскимъ діалогомъ между «Евфуемъ и Атеистомъ», котораго Евфуй и обращаетъ, и эпизодомъ, называемымъ «Евфуй и его Эфебъ», въ которомъ излагается полная теорія воспитанія и который признается нѣкоторыми сущностью и самой важной частью всего произведенія. Тутъ излагается планъ и защита (нѣсколько неопредѣленная и реторическая, но въ цѣломъ вполнѣ здравая) воспитанія, направленнаго не столько на обученіе, сколько на хорошую жизнь; тутъ же мы встрѣчаемъ довольно рѣзкое неодобреніе современнаго положенія «Афинъ», т. е. Оксфорда. Первая часть кончается письмами Евфуя, въ которыхъ между прочимъ разсказывается о смерти Люциллы въ бѣдности и позорѣ.

Во второй части дѣйствіе переносится уже въ Англію, куда отправляются Евфуй и Филавтъ. Они высаживаются въ Дуврѣ и осматриваютъ Кентербюри; но Лили не могъ долго оставаться на почвѣ дѣйствительности, и онъ быстро переноситъ друзей въ фантастическую страну, въ домъ нѣкоего Фидуса, когда-то придворнаго, а теперь пчеловода, который угощаетъ ихъ старыми разсказами, въ особенности довольно граціознымъ разсказомъ о его давнишней несчастной любви къ нѣкоей Иффидѣ. Наконецъ, друзья пріѣзжаютъ въ Лондонъ и ко двору; тамъ впечатлительный Филавтъ влюбляется и совѣтуется съ итальянскимъ магомъ Пселломъ, но мало добивается и отъ него и отъ прямого обращенія къ своей возлюбленной, Камиллѣ. Но онъ нѣсколько утѣшается, оказавъ услугу лэди Флавіи, которая предлагаетъ ему ея племянницу Франсизъ, чтобы та была его «фіалкой», пока онъ въ Англіи. Все это время—а оно довольно продолжительно—мы ничего не знаемъ объ Евфуѣ, кромѣ того, что онъ усиленно занимается, поссорившись предварительно съ Филавтомъ, когда тотъ началъ ухаживать за Камиллой. Отвергнутый Филавтъ соглашается на извиненіе и ему съ нѣкоторымъ трудомъ удается умиротворить

своего друга, и книга оканчивается обѣдомъ, который лэди Флавія даетъ большинству дѣйствующихъ лицъ и на которомъ ведутся длинные разговоры. Въ послѣдствіи Филавтъ, все болѣе и болѣе влюбляющійся въ свою «фіалку» Франсизу, остается въ Англіи и наконецъ окончательно поселяется въ ней, а Евфуй послѣ нѣсколькихъ писемъ, самое длинное изъ которыхъ есть панегирикъ англійскимъ дамамъ, Бурлейгу и въ особенности самой Елисаветѣ, объявляетъ объ своемъ отъѣздѣ въ горы «Силексседра» и въ этой не особенно веселой мѣстности, гдѣ онъ предается размышленію, мы и покидаемъ его.

Это краткое изложеніе книги Лили мы считали необходимымъ, потому что очень немногіе теперь читаютъ эту книгу, если и не создавшую эпохи въ литературѣ, то характерную для эпохи. Несомнѣнно, что авторъ многое заимствовалъ у классиковъ; указывали, что эпизодъ объ «Евфуѣ и его Эфебѣ» есть ничто иное, какъ «Плутархъ о воспитаніи», съ нѣкоторыми сокращеніями, добавленіями и измѣненіями. Но вообще говоря, эта книга навряд ли могла быть написана въ какое либо другое время, кромѣ такого, когда вся жизнь, а не только юность — и политика, и ухаживаніе и любовь, и книжное ученье, и придворная и лагерная жизнь, и университетъ — разсматривались, какъ части одного цѣлаго, какъ арена воспитанія. Такой взглядъ несомнѣнно имѣетъ свои недостатки, но все же онъ предпочтительнѣе взглядовъ, на которыхъ зиждется все наше современное законодательство и практическая постановка дѣла воспитанія.

Драма.

Сентсбюри.

Историки литературы постоянно указываютъ—и это вѣроятно, слѣдуетъ напоминать и еще чаще,—что такъ называемый Елисаветинскій вѣкъ литературы относится почти цѣликомъ къ послѣдней половинѣ царствованія королевы, а въ наиболѣе характерныхъ и наиболѣе важныхъ его проявленіяхъ, даже къ послѣдней четверти. Она царствовала уже болѣе двадцати лѣтъ, когда первыя произведенія Лили, Спенсера, Сиднея и другихъ явились какъ первые признаки будущей славы ея времени въ литературѣ недраматической; протекло еще нѣсколько лѣтъ раньше, чѣмъ произошло «поднятіе занавѣса» для великой драматической дѣятельности ея эпохи, для театра «университетскихъ умниковъ» (University wits). Но несомнѣнно, что въ теченіи тридцати лѣтъ, прошедшихъ отъ вѣроятнаго появленія Ralph Roister

Doister до достовѣрнаго появленія Arraignement of Paris, Пиля, было создано много разнообразныхъ драматическихъ произведеній и что любовь народа къ драматическимъ представленіямъ въ это время усилилась, что, понятно, привлекало къ профессіи драматурга все большее и большее количество писателей. Кое что изъ этихъ произведеній сохранилось, но совершенно несомнѣнно, что еще больше погибло—частію потому, что оно и не стоило сохраненія, а частію по причинѣ цензурныхъ затрудненій или нежеланія людей, достигшихъ извѣстнаго положенія въ церкви и государствѣ, сохранить произведенія, на которыя власти косились, а частію и потому, что въ интересахъ актеровъ было какъ возможно дольше не отдавать въ печать имѣвшую успѣхъ піесу, а когда она переставала имѣть успѣхъ, никто не заботился о ея напечатаніи.

Такъ, напримѣръ, намъ извѣстно, что Стефенъ Госсонъ, бывшій послѣ (но не позже самаго начала великаго драматическаго періода) энергичнымъ врагомъ драматическихъ представленій, самъ писалъ драмы и, кажется, даже игралъ въ нихъ раньше, чѣмъ измѣнилъ свои взгляды. Но намъ неизвѣстны ни названія написанныхъ имъ піесъ, ни даже названія пьесъ, въ которыхъ онъ игралъ.

Извѣстныя произведенія.

Намъ нечего особенно огорчаться утратой столькихъ произведеній, которыя вѣроятно, или даже навѣрное существовали, потому что сохранилось достаточно, если не чрезмѣрно много, образцовъ этого рода и эти образцы далеко не таковы, чтобы заставить насъ сильно желать имѣть ихъ больше. Три извѣстныя пьесы Ralph Roister Doister, время написанія которой неизвѣстно, но вѣроятно не ранѣе царствованія Маріи, написаная Николасомъ Удаллемъ, старшимъ учителемъ школы св. Павла и школы въ Этонѣ; Gammer Gurton's Needle, приписываемая Стилю, бывшему впослѣдствіи епископомъ, написанная можетъ быть на десять или на двѣнадцать лѣтъ позже первой, и трагедія «Горбодукъ», Нортона и поэта Саквиля, игранная въ первый разъ навѣрное въ 1561 году подъ заглавіемъ Ferrex and Porrex — таковы традиціонныя и безспорно самыя капитальныя пьесы этого періода. Ниже ихъ и рядомъ съ ними можно поставить по крайней мѣрѣ дюжину пьесъ, которыя включены въ послѣднее изданіе «Dodsley», потомъ нѣсколько пьесъ не собранныхъ въ сборники и, можетъ быть, немногія пьесы, находящіяся еще въ рукописи. Достоинства даже лучшихъ изъ нихъ незначительны. Ralph Roister Doister—забавная и безвредная пьеса; Gammer Garton—болѣе спорная и менѣе забавная. Горбодукъ—вѣчный примѣръ почтенной, но неудачной попытки сдѣлать нѣчто, что «прямо не годится», «нейдетъ». Настоящій интересъ всѣхъ этихъ пьесъ состоитъ въ направленіи, въ тѣхъ путяхъ приключеній и изслѣдованія, (путяхъ, часто теряющихся въ безплодной пустотѣ), по которымъ авторы ведутъ зрителя, въ той средѣ, которую они пытаются изобразить, и тѣхъ средствахъ, которыя онѣ ста-

раются примѣнить. «Возвышенно фыркающей» критикѣ, требующей только лучшихъ и выдающихся вещей, не интересующейся исторіей и морфологіей литературы, съ ними дѣлать нечего; но тѣ, для которыхъ даже прекрасное произведеніе искусства лучше, если они въ состояніи rerum cognoscere causas, которыхъ не столько привлекаетъ величайшій литературный подвигъ, сколько та чудесная картина вѣчно измѣняющагося и вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣннаго человѣческаго духа, которая и есть литература — тѣ найдутъ ихъ достаточно интересными.

Ихъ структура.

Два пункта интересны въ этихъ, такъ сказать, экспериментальныхъ пьесахъ; во первыхъ, ихъ драматическій стиль и во вторыхъ, принятый ими метрическій медіумъ. Относительно перваго пункта особенно необходимо помнить тѣ образцы и примѣры, которые имѣли передъ собой авторы этихъ пьесъ. Въ средніе вѣка и въ началѣ эпохи возрожденія не было трагедіи въ настоящемъ смыслѣ этого слова, хотя «миракли» и мистеріи по характеру были близки къ священной трагедіи, а «мірскія мистеріи» (profane misteries), какъ ихъ называли, которыя писались иногда во Франціи въ пятнадцатомъ вѣкѣ, были до нѣкоторой степени предшественницами драматическихъ хроникъ. Даже занятія греческой литературой не обратили особаго вниманія на греческихъ трагиковъ, а изъ латинскихъ трагедій была извѣстна только одна группа ихъ, приписываемая Л. Энею Сенекѣ. Потому вниманіе людей, желавшихъ, какъ это обыкновенно дѣлалось въ эпоху возрожденія, обогатить родную литературу попытками во всевозможныхъ классическихъ родахъ, при отсутствіи другихъ образцовъ, по необходимости сосредоточилось на этой именно группѣ; подражанія трагедіямъ Сенеки появились очень рано на итальянскомъ и французскомъ языкахъ. Первымъ изъ англійскихъ подражаній и былъ вышеупомянутый «Горбодукъ». Тутъ мы видимъ правильное раздѣленіе, распредѣленіе интриги и дѣйствія, насколько это было въ силахъ автора, согласно правиламъ Горація, хоръ, величественный бѣлый стихъ и такъ далѣе. Ничего изъ этаго не осталось въ будущей англійской трагедіи, кромѣ бѣлаго стиха, хотя отъ времени до времени дѣлались попытки создать трагедію правильной формы; хотя и утверждаютъ — съ нѣкоторыми преувеличеніями, но, можетъ быть, и не совсѣмъ невѣрно — что любовь Сенеки къ страшнымъ случаямъ и къ ужаснымъ личностямъ, къ языку напыщенному и мрачному до ужаса, повліяла на Елисаветинскихъ драматурговъ гораздо больше, чѣмъ форма его трагедій.

Комедія всегда и у всѣхъ народовъ была родомъ драматическаго искусства болѣе свободнымъ, чѣмъ трагедія, вопервыхъ потому, что это болѣе естественная и общая форма развлеченія, вовторыхъ потому, что смѣхъ порождается только реальнымъ возбужденіемъ соотвѣтствующихъ нервъ, тогда какъ сожалѣніе, удивленіе и ужасъ на

сценѣ имѣютъ въ себѣ много условнаго и зависящаго отъ воспитанія. Кромѣ того, образцы этого рода гораздо многочисленнѣе. Хотя Теренцій несомнѣнно имѣлъ вліяніе (и это вліяніе замѣтно въ Рольфѣ), но оно не было единственнымъ. Фарсы, шутки, интерлюдіи и почти неизмѣнные комическіе эпизоды мистерій издавна привлекали вниманіе народа и теперь по необходимости должны были повліять на драматурговъ. Задолго до нашего времени въ первыхъ произведеніяхъ Шекспира мы находимъ два поразительные примѣра двухъ различныхъ вліяній: классическаго въ «Комедіи ошибокъ» и чисто романтическаго по содержанію и манерѣ въ «Потерянномъ трудѣ любви».

Метры. Въ этой послѣдней, можетъ быть, въ единственной изъ всѣхъ извѣстныхъ среднему англійскому читателю пьесъ, встрѣчаются различные метры, испробованные въ драматическихъ произведеніяхъ, и вскорѣ замѣненные десятистопнымъ стихомъ при случайномъ употребленіи прозы. Самый ранній комическій метръ въ теченіе этого періода—это особого рода колеблющійся стихъ (Swinging doggerel), въ которомъ сохранилось достаточное количество старой аллитераціи, состоящій изъ строкъ различной длины и построенный на основѣ ритма, болѣе или менѣе похожаго на анапестъ; такой метръ мы находимъ въ двухъ вышеупомянутыхъ комедіяхъ, въ большинствѣ послѣдующихъ и онъ сохранялся, какъ сказано, до Шекспировскаго вѣка. «Fourteener», или, какъ его обыкновенно, хотя и неправильно, называютъ, «большой александрійскій» семистопный стихъ, разбиваемый по произволу на восемь и шесть, также употреблялся въ комедіи; это былъ любимый стихъ для всѣхъ поэтическихъ родовъ въ первые двадцать или двадцать пять лѣтъ царствованія Елисаветы. Точно также вполнѣ свободно относились и къ рифмѣ—то пробовали рифму, то покидали ее. Собственно говоря, созданіе, характеръ и цѣнность драматическихъ произведеній этого времени могутъ быть выражены однимъ словомъ: «опытъ», попытка. Очень часто такая работа была болѣе или менѣе ученой, она просто представляла часть академическихъ упражненій и почти всегда часть академическихъ и схоластическихъ развлеченій, потому что учителя эпохи возрожденія также, какъ и іезуиты, считали драматическія представленія не маловажнымъ средствомъ образованія и воспитанія. Иногда они составляли часть зрѣлищъ и праздниковъ, даваемыхъ тогдашними знатными людьми—эти же знатные люди содержали труппы актеровъ и этимъ поддерживали развитіе театральнаго дѣла. Иногда же это было просто хлѣбнымъ промысломъ, удовлетворявшимъ спросу всего народа. Но всегда эти произведенія были экспериментальными и въ теченіе всего этого періода не пошли много дальше опытовъ.

Ранняя Елисаветинская поэзія.

Сентсбюри.

Самый невнимательный изслѣдователь, если только онъ приметъ во вниманіе имена и даты Елисаветинской литературы, не можетъ не замѣтить чрезвычайнаго различія произведеній первой и послѣдней половины ея продолжительнаго и славнаго царствованія. Было бы неосновательно противопоставлять ихъ настолько, что бы утверждать, что въ первомъ періодѣ все было только обѣщаніемъ, а во второмъ исполненіемъ этаго обѣщанія. Было бы неосновательно въ первомъ періодѣ искать какихъ либо крупныхъ обѣщаній въ будущемъ—конечно, за немногими исключеніями, да и то къ концу этаго періода; изъ всѣхъ поэтовъ, писавшихъ до 1579 года, ни одного, за единственнымъ исключеніемъ Саквиля, невозможно поставить рядомъ съ поэтами, которые, помимо историческаго ихъ значенія, могутъ считаться перворазрядными или даже лучшими изъ второстепенныхъ. Правда, если принять во вниманіе послѣдующія литературныя явленія, мы увидимъ, что въ этотъ долгій двадцати или тридцатилѣтній періодъ была обработана и приготовлена почва, разсыпано удобреніе, даже до извѣстной степени брошены сѣмяна, которыя должны были произвести богатую жатву второго періода. Но тѣ историки литературы, изученія которыхъ занимаютъ широкое поле, не будутъ отрицать, что всѣ эти заботы и труды, всѣ эти благопріятныя условія (таковыми мы считаемъ ихъ при ретроспективномъ обзорѣ), все это копанье, удобреніе и сѣяніе, могли бы произвести или очень мало или совсѣмъ ничего. Къ счастію, результаты оказались крупными и замѣчательными, и остерегаясь, насколько это возможно, отъ вышеупомянутыхъ ошибокъ, къ которымъ могутъ приводить ретроспективные взгляды, легко все таки понять условія и процессы, сопровождавшіе, хотя и не бывшіе дѣйствительной причиной, послѣдующаго развитія и во всякомъ случаѣ не вредившіе, если не прямо вызвавшіе, это развитіе.

Причины пріостановки развитія.

Можетъ показаться страннымъ, что поэтическое настроеніе, сразу проявившееся и нашедшее формы и средства для этаго проявленія въ Tottel-s Miscellany, въ сборникѣ, составленномъ изъ стихотвореній, написанныхъ гораздо раньше ихъ изданія, въ теченіе цѣлаго поколѣнія не нашло себѣ полнаго и свободнаго выраженія ни въ одномъ писателѣ, за вышеупомянутымъ единственнымъ и, такъ сказать, ненормальнымъ исключеніемъ. Уайттъ умеръ за сорокъ, а Сюррей болѣе чѣмъ за тридцать лѣтъ до появленія Спенсера, Сиднея и Ватсона. Та изъ критическихъ школъ, которую горячіе люди, вѣрующіе въ

возможность открытія причинъ всего на свѣтѣ, считаютъ и цинической и безплодной, скажетъ, что для объясненія такого факта незачѣмъ искать иной причины, кромѣ того простого факта, что въ теченіи этихъ лѣтъ не появилось ни одного первостепеннаго поэта. Можно, однако, смягчить суровость и украсить безплодіе такого литературнаго агностицизма, указавъ нѣкоторыя второстепенныя причины, которыя могли способствовать произведенію такого результата. Политическія и религіозныя волненія конца царствованія Генриха VIII и царствованій его сына и старшей дочери были не такого рода, чтобы поощрять литературное творчество. Броженіе, предшествующее революціоннымъ эпохамъ, конечно, очень благопріятно для литературы, но этаго нельзя сказать о самомъ времени революціонной дѣятельности. Человѣкъ, котораго заботы дѣлятся между искреннимъ желаніемъ спасти свою душу и еще болѣе искреннимъ желаніемъ спасти свою шею, можетъ иногда создать замѣчательное прозаическое или стихотворное произведеніе, но у него наврядъ ли найдется время и охота для разработки литературныхъ вопросовъ или для созданія чисто литературнаго произведенія, которое всегда держится нѣсколько въ сторонкѣ отъ всяческихъ общественныхъ бурь. Во вторыхъ, тотъ духъ изслѣдованія и тотъ интересъ къ знанію, которыи новое образованіе вливало въ душу, или развитію которыхъ оно помогло, были, конечно, полезны для будущаго и сильно помогли грядущимъ поколѣніямъ, но они не создавали такого настроенія, которое обусловливаетъ созданіе образцовыхъ художественныхъ произведеній. Конечно, было не маловажнымъ фактомъ въ исторіи литературы, что Георгъ Гаскойнь (Guscoigne) является въ это время, какъ первый творецъ англійской комедіи въ прозѣ, сатиры, написанной правильными стихами, коротенькихъ прозаическихъ разсказовъ, переводной трагедіи и литературной полемики—причемъ имѣются полныя документальныя доказательства, чтобы дать ему такой титулъ Но вышеупомянутый историкъ литературы, какъ единаго цѣлаго, очень бы удивился, еслибы оказалось, что способный, предпріимчивый и трудолюбивый новаторъ такого рода сразу достигъ высшаго мастерства въ этихъ нововведеніяхъ. Наиболѣе блестящіе піонеры и руководители кавалерійскихъ набѣговъ рѣдко бываютъ полководцами, выигрывающими рѣшительныя битвы, или удерживающими въ своей власти разоренныя ихъ набѣгами страны. Госкойнь, можетъ быть, наиболѣе видная и наиболѣе характерная фигура этаго перваго періода Елисаветинской литературы (время его мужеской зрѣлости падаетъ именно на этотъ періодъ), въ этомъ отношеніи не составлялъ исключенія. Старательный и ученый американскій историкъ Елисаветинской литературы, профессоръ Феликсъ Шеллингъ изъ Филадельфіи, недавно сдѣлалъ смѣлую попытку потребовать для Гаскойня мѣста въ исторіи литературы болѣе высо-

Гаскойнь.

каго, чѣмъ то, которое обыкновенно ему отводится; но эта попытка неудачна. Гаскойнь, несомнѣнно, фигура типичная и, съ точки зрѣнія настоящаго нашего изслѣдованія, даже болѣе цѣнная для извѣстныхъ цѣлей, чѣмъ еслибы онъ былъ даже великимъ художникомъ. Немногіе—даже, можетъ быть, никто, за исключеніемъ его болѣе замѣчательнаго и младшаго друга, Ралейга—осуществляли настолько, какъ онъ, тотъ идеалъ разнообразной, полной приключеній жизни, то въ изученіи, то въ водоворотѣ лагеря или двора—который мы обыкновенно и въ силу нѣкоторого смѣлаго обобщенія приписываемъ всѣмъ людямъ того времени. Онъ былъ дворяниномъ изъ хорошей семьи. Онъ. навѣрное, получилъ образованіе въ Кембриджѣ и, можетъ быть, также, какъ и другіе его современники, и въ Оксфордѣ. Онъ былъ членомъ одной, а можетъ быть и двухъ адвокатскихъ корпорацій (Inns of Court). Онъ засѣдалъ, по крайней мѣрѣ, въ двухъ парламентахъ членомъ за Бедфордширъ; его обвиняли въ томъ, что онъ былъ бахваломъ и расточителемъ, и, навѣрное, онъ былъ придворнымъ. Его обвиняли въ преступныхъ связяхъ съ знатными дамами. Онъ былъ солдатомъ и не мало послужилъ въ Нидерландахъ. Онъ танцовалъ, какъ «дикій человѣкъ» (Salvage man) въ Кенильвортѣ предъ королевой. Можетъ быть, онъ вернулся въ Нидерланды и присутствовалъ при разграбленіи Антверпена. Онъ умеръ, произведя въ теченіи двадцати лѣтъ шумной и дѣловой жизни множество прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій, включая и вышеупомянутые опыты и многое другое. Его произведенія не совсѣмъ незначительны; «ихъ можно выносить», какъ сказалъ критикъ непосредственно послѣдующаго времени. Въ такихъ словахъ, сказанныхъ въ то время, ироніи, конечно, меньше, чѣмъ если бы они были сказаны современнымъ критикомъ, но все же и тогда они были несомнѣнно ироническими. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ было бы несправедливо не воздать произведеніямъ Гаскойня похвалы, которую они заслуживаютъ. Напримѣръ, бѣлые его стихи — а Гаскойнь былъ четвертымъ или пятымъ поэтомъ въ Англіи, употреблявшимъ ихъ — не безъ достоинствъ; проза его сильна и одушевленна, если не изящна; въ его лирикѣ встрѣчается не рѣдко тотъ непринужденный и дѣтскій пафосъ, который составляетъ лучшую характерную черту поэтовъ перваго Елисаветинскаго періода и который въ позднѣйшей школѣ нѣсколько смягчается болѣе возвышенными тонами, (исключеніе изъ этаго послѣдняго утвержденія составляютъ только нѣкоторые менѣе выдающіеся поэты, вродѣ Николаса Бретона, пасынка Гаскойня). Съ другой стороны его метры то водянисты, то деревянные; стихъ еще неуклюжъ, благодаря употребленію старой аллистераціи; въ его поэзіи нѣтъ ни блеска, ни огня; въ прозѣ нѣтъ послѣдовательности и яркости. Онъ просто способный человѣкъ, жившій дѣятельной жизнью въ эпоху матеріальной и умственной дѣятельности; но человѣкъ, кото-

рому нечего было сказать и который не обладалъ изящной и выработанной манерой.

Его современники. Слѣдуетъ еще замѣтить, что недостаткомъ Гаскойня было и то, что три изъ его такъ называемыхъ оригинальныхъ опытовъ были переводами. И тѣмъ не менѣе онъ, за недостаткомъ лучшихъ, является высшимъ среди меньшихъ современныхъ ему поэтовъ. Всѣ они были мазаны тѣмъ же масломъ. Таковъ Томасъ Чёрчіардъ, нѣчто вродѣ спутника Гаскойня, похожій на него по образу жизни и по характеру дѣятельности; но онъ обладалъ большей умѣренностью и, можетъ быть, поэтому онъ, несмотря на то, что его стихотворенія помѣщены въ вышеупомянутомъ сборникѣ Tottel's, дожилъ до царствованія Іакова I, тогда какъ Гаскойнь не дожилъ до старости. Таковы Георгъ Турбервиль и Барнаби Гугъ, которыхъ всегда упоминаютъ вмѣстѣ, потому что они были друзьями, современниками и цисали схожія произведенія. Турбервиль въ особенности замѣтенъ своимъ жалостнымъ, воркующимъ тономъ. Таковы были Эдвардсъ, Ройдонъ, Гуннисъ и многіе другіе, не говоря уже о простыхъ переводчикахъ, многіе изъ которыхъ учавствовали въ стихотворныхъ сборникахъ, сдѣлавшихся послѣ Tottel's и по его примѣру особенно модными къ концу описываемаго періода, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ (какъ напр. «Paradise of Dainty Devices« и «Gorgeous Gallery of Gallant Inventions») значительно предшествовавшихъ концу періода. Всѣ эти произведенія или незрѣлы, или педантичны, или и то и другое вмѣстѣ.

Саквиль. Среди всѣхъ этихъ посредственностей возвышается одинокая и странная фигура человѣка, не малаго роста по сравненію даже съ крупными поэтами и настоящаго гиганта по сравненію съ современниками, Томаса Саквиля, впослѣдствіи лорда Букгёрста и графа Дорсета, автора «Горбодука» «Введенія» («Индукціи» — Induction) къ «Зерцалу Властей» (Mirror for magistrates») и «Жалобы Букингама» (Complaint of Buckingham) въ томъ же произведеніи. О «Горбодукѣ» уже было сказано выше и онъ представляетъ интересъ развѣ только, какъ пунктъ отправленія. Совершенно иное дѣло два вышеупомянутые вклада въ «Зерцало властей», въ большой поэтическій сборникъ или стихотворную энциклопедію, появившуюся въ 1563 году и часто переиздаваемую съ добавленіями. Саквиль родился въ 1536 г., въ Букгёрстѣ, въ Суссексѣ, въ мѣстечкѣ, отъ котораго онъ получилъ свой первый титулъ, принадлежалъ къ обѣимъ университетамъ и къ Темплю (Inner Temple), путешествовалъ по континенту Европы и въ послѣдующее время занималъ въ государствѣ положеніе, приличествующее человѣку старой фамиліи, съ хорошими средствами, съ незапятнанной репутаціей и довольно выдающимися способностями. Литературная его дѣятельность была дѣломъ молодости; вклады въ «Зерцало» написаны имъ, когда ему было только двадцать три года,

за двадцать лѣтъ до того времени, когда Спенсеръ своимъ «Календаремъ пастуха» (Shepherd's calendar) началъ великій вѣкъ поэзіи. Стихотворенія Саквиля не велики, въ нихъ не больше тысячи строкъ старыхъ семистрочныхъ стансовъ ababbcc; сюжетъ, а также и пріемы, проявляютъ гораздо менѣе стремленія къ новизнѣ, чѣмъ это было обычно у современниковъ Саквиля. Читатель, мелькомъ взглянувъ на строеніе стансъ, можетъ не усмотрѣть большой разницы отъ полуаллегорическаго стиля пятнадцатаго вѣка, употреблявшагося поэтами отъ Чосера до Hawes'a. Но если которая нибудь изъ стансъ настолько обратитъ его вниманіе, что онъ станетъ внимательнѣе присматриваться къ нимъ и если онъ обладаетъ нѣкоторымъ пониманіемъ и любовью къ поэзіи, онъ скоро замѣтитъ тутъ такую поэтическую силу, какой не проявлялъ никто со времени Чосера и замѣтное измѣненіе тона. Чосеръ тоже можетъ заниматься горестными сюжетами, и заниматься ими настолько удовлетворительно, насколько это всегда дѣлаетъ всякій геніальный поэтъ; но замѣтно все таки, что онъ по существу поэтъ жизнерадостный. Саквиль, напротивъ, проникнутъ той глубокой меланхоліей эпохи возрожденія, которая затемняла и портила всѣ ея грандіозные планы, всю ея интеллектуальную подвижность, ея довѣріе къ образованію, наукѣ и къ дѣйствію. Этотъ странный мракъ, не страшный, но напряженный, который въ особенности замѣтенъ въ «Индукціи» съ ея знаменитой прозопопеей скорби—не мечта юноши, выдумывающаго свою меланхолію за письменнымъ столомъ, не литературный капризъ, не временная мода, не простое ремесленное приспособленіе стиля къ сюжету. Нѣтъ, мракъ чувствуется читателемъ потому, что онъ чувствуется авторомъ. Онъ отражается въ метрѣ и въ стилѣ такъ, какъ онъ отражался только у людей, которыхъ обыкновенно ставятъ выше Саквиля. Нѣкоторыя изъ характерныхъ чертъ, несомнѣнно, стары и заимствованы, особенно аллитерація, которая временами употребляется въ чрезмѣрномъ количествѣ. Но все это ничто по сравненію съ богатствомъ меланхолической музыки, не слыханной раньше никогда въ Англіи и не повторявшейся до тѣхъ поръ, пока Спенсеръ, такъ сказать, не сдѣлался ея эхомъ—эта музыка звучитъ въ пьесѣ, серебритъ «мрачный воздухъ» ея Ада (Inferno) страннымъ свѣтомъ и наполняетъ ее необычной гармоніей.

Переводы классиковъ съ французскаго и итальянскаго.

Конечно, ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ у той группы переводчиковъ, о которой мы упомянули выше. Тѣмъ не менѣе всѣ они дѣлали нужное дѣло. Ненасытная любознательность людей эпохи возрожденія, соединенная съ той идеей, которую можно признать наиболѣе характерной и наиболѣе опредѣленной изъ всѣхъ ея руководящихъ идей, съ понятіемъ, что обязанность каждаго добраго гражданина состоитъ въ томъ, чтобы акклиматизировать, насколько возможно, пріобрѣтенія не только древнихъ, но и современныхъ наро-

довъ, дѣйствовали въ Англіи, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, — чего и слѣдовало ожидать въ такой, больше другихъ, изолированной странѣ. Главные переводчики Елисаветинскаго вѣка, Нортъ, Флоріо, Филемонъ Голландъ, не принадлежатъ, однако, къ этому періоду, но множество менѣе извѣстныхъ, хотя и почтенныхъ переводчиковъ наполняютъ и этотъ періодъ. Наиболѣе вліятельнымъ изъ всѣхъ нихъ для поэзіи и поэтовъ были Артуръ Голдингъ, переводившій на англійскій языкъ «Метаморфозы» Овидія и Томасъ Фаеръ, переводившій Виргилія, причемъ они употребляли стихъ изъ четырнадцати слоговъ, бывшій любимымъ метромъ того времени. Трагедіи Сенеки, объ огромномъ прямомъ и косвенномъ вліяніи которыхъ мы уже говорили выше, были въ этотъ же періодъ переведены Яспером Гейвудомъ и другими; было переведено различными переводчиками множество другихъ классиковъ, какъ стихами, такъ и прозой. Переводили, однако, не исключительно классиковъ. Вышеупомянутый Гугъ былъ прилежнымъ переводчикомъ, и количество и разнообразіе его работъ въ этомъ родѣ можетъ служить образчикомъ дѣятельности многихъ изъ его современниковъ. Утверждаютъ, что онъ перевелъ на англійскій языкъ «Категоріи» Аристотеля (съ оригинала или съ латинскаго перевода); положительно извѣстно, что онъ перевелъ антипапскія сатиры двухъ новыхъ писателей: Палингеніуса (вѣроятно Манцоли) и Наогеоргуса (несомнѣнно Кирхмайера). Онъ перевелъ также съ латинскаго «Пять книгъ о хозяйствѣ»—Конрада Герасбаха и «Испанскія пословицы» Мендозы, маркиза Сантиллана; большинство этихъ книгъ выдержало по нѣсколько изданій при его жизни; это показываетъ, какой большой спросъ существовалъ тогда на такія произведенія. Менѣе вниманія обращали на нѣмцевъ, которые въ то время только начали создавать свою литературу, хотя англійскіе переводчики Елисаветинскаго вѣка переводили достаточно неолатинистовъ Германіи; но что удивительно, такъ это то, что мало обращали вниманія и на французскую литературу. Слѣдуетъ припомнить для уясненія этого обстоятельства, что литературное движеніе эпохи возрожденія во Франціи было не особенно старше той части Елисаветинской литературы, о которой мы говоримъ, что Іоакимъ де Беллей, котораго нѣкоторые считаютъ величайшимъ изъ «плеяды», обратилъ на себя вниманіе Спенсера и что замѣчанія въ «Календарѣ пастуха» относительно Марота, ссылки Наша на Рабле и многое другое указываютъ, что англичане того времени были знакомы и съ литературной дѣятельностью Франціи.

Число переводовъ съ итальянскаго, хотя и довольно значительно, но все таки не даетъ представленія о томъ громадномъ вліяніи, которое языкъ и литература Италіи имѣли на умы и настроенія того времени. Тщетно Ашамъ и другіе послѣ него громили итальянизированныхъ англичанъ; очарованіе было слишкомъ велико. Но вели-

чайшій изъ итальянскихъ писателей имѣлъ наименьшее вліяніе, теперь время было не временемъ Данте. Царили Петрарка, Аріосто и Тассо съ безчисленными ихъ спутниками; итальянскіе стихи, итальянскія мысли и итальянскія фразы были на устахъ у всѣхъ.

Литературное возрожденіе. 1579—1582.

Такія прилежныя изслѣдованія и попытки продолжались уже не меньше двадцати лѣтъ, Елисавета сидѣла на тронѣ уже больше этого времени, когда появились первые и несомнѣнные продукты новой литературы. Замѣчено, что въ такихъ случаяхъ всегда сходятся на одномъ нѣсколько умовъ, и по крайней мѣрѣ четверо изъ такихъ умовъ, очень различные по своему значенію, но всѣ по существу бывшіе настоящими представителями эпохи, появились въ 1579—1582 годахъ. Эти четверо были: Джонъ Лили, Эдмундъ Спенсеръ, Филиппъ Сидней и Томасъ Ватсонъ.

Лили насъ здѣсь непосредственно не занимаетъ, такъ какъ главное его произведеніе въ этомъ періодѣ было прозаическое и мы говорили уже о немъ. Но было немаловажнымъ то обстоятельство, что онъ написалъ вводное письмо къ Hecatompathia, главному сочиненію Ватсона. Упрекъ во «взаимномъ удивленіи», который во всѣ времена дѣлается людьми, которые сами не возбуждаютъ удивленія, ни взаимнаго, да никакого, ни къ кому такъ не примѣнимъ, какъ къ Елисаветинцамъ, которые по большей части были или сердечными друзьями, или смертельными врагами. Лили и Ватсонъ оба были оксфордцы, также какъ и Сидней. Но послѣдній, можетъ быть, потому, что его лучшій другъ и школьный товарищъ по Шревсбюри, Фулькъ Гревиль, былъ въ Кембриджѣ, кажется, отвлекъ своихъ главныхъ литературныхъ сотоварищей отъ оксфордскаго университета, такъ что «Ареопагъ», какъ называли клику Сиднея, состоялъ главнымъ образомъ изъ кембриджцевъ; во главѣ ихъ состоялъ знаменитый Габріель Гарвей, фатъ и педантъ, но не дуракъ и къ нимъ же примкнули нѣкоторые изъ замѣчательныхъ иностранцевъ, вродѣ Жіордано Бруно. Ватсонъ также зналъ Сиднея и его сестру, которой посвящено посмертное изданіе его «Аминты» по его прямому требованію.

Сидней и Спенсеръ.

О личности Ватсона мы знаемъ также мало, какъ и о Лили, но къ счастію мы больше знаемъ о Сиднеѣ и Спенсерѣ; изъ писемъ Спенсера и Габріеля Гарвея, изъ любопытнаго спора по поводу «School of Abuse» Госсона, сочиненія, вызвавшаго «Апологію поэзіи» Сиднея, изъ многихъ замѣтокъ, разсыпанныхъ по различнымъ произведеніямъ того времени, мы можемъ, не прибѣгая къ рискованнымъ догадкамъ, утверждать, что литературный улей былъ довольно многочисленнымъ въ то время, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ шестнадцатаго вѣка. На послѣднюю половину этого десятилѣтія падаетъ сочиненіе отдѣльныхъ частей поэмы Сиднея: «Астрофель и Стелла»; полагаютъ, что «Аркадія» была написана около 1580 года и, навѣрное, въ слѣдующемъ году написана «Апологія поэзіи». Не-

catompathia Ватсона была разрѣшена въ мартѣ 1562 года, а Спенсеръ, родившійся въ 1552 году и первое произведеніе котораго появилось въ 1569, черезъ десять лѣтъ написалъ «Календарь пастуха» и сразу сталъ во главѣ англійскихъ поэтовъ.

«Календарь» Спенсера былъ ничто по сравненію съ тѣмъ, что онъ создалъ вскорѣ. Сонеты Hecatompathia, въ которыхъ много граціи, настоящей, хотя и не захватывающей, страсти и авторъ которыхъ совершенно отдѣлался отъ неуклюжихъ и нехудожественныхъ метровъ старшихъ его современниковъ, еще нѣсколько жидки и блѣдноваты; нѣкоторые ставятъ Сиднея даже ниже Ватсона. Это, конечно, ересь и дурная ересь. Въ лучшихъ мѣстахъ «Астрофели и Стеллы» мы находимъ соединеніе поэтическаго чувства съ поэтическимъ выраженіемъ, котораго навѣрное не встрѣтимъ ни у одного изъ прежнихъ поэтовъ царствованія Елисаветы и котораго мы не находимъ и у самого Спенсера въ его «Календарѣ». И у всѣхъ этихъ трехъ поэтовъ мы находимъ одно отличіе отъ всѣхъ ихъ предшественниковъ, замѣтное сразу, но которое не особенно легко формулировать въ краткихъ словахъ. Если они не превосходятъ Саквиля—и я думаю, что не превосходятъ, хотя одинъ изъ нихъ и пошелъ дальше его — въ опредѣленности и напряженности поэтическаго настроенія, то они всѣ переросли архаизмъ его поэтическихъ орудій и узость его тона. Между ними и всѣми вышеупомянутыми личностями, изъ которыхъ многіе еще продолжали писать въ теченіе многихъ лѣтъ, цѣлая пропасть. Поэты, изъ которыхъ Гаскойнь былъ самымъ разностороннимъ и самымъ умѣлымъ, писали совершенно незрѣлымъ языкомъ, они лепечутъ, заикаются и въ самомъ лучшемъ случаѣ «журчатъ». Сидней и Спенсеръ—и въ этомъ отношеніи немного ниже ихъ и Ватсонъ—поютъ.

Любопытно то—и это можетъ быть, самое любопытное обстоятельство въ этой первой фазѣ великаго движенія—что всѣ они по большой части дѣлали свое дѣло не только полубезсознательно, но болѣе чѣмъ на половину противъ собственной воли и намѣренія. Странная любовь къ классическимъ метрамъ—съ которой книги о Сиднеѣ и «Westward Ho» Кингслея познакомили многихъ, можетъ быть никогда не читавшихъ Four Letters, ни удивительной «Defence» Даніеля—конечно, была не единственнымъ безуміемъ, отъ котораго страдали члены «Ареопага» и ихъ поклонники и которое свирѣпствовало вездѣ—и въ университетахъ и въ адвокатскомъ сословіи (Inns of Court) и въ другихъ мѣстахъ. Англійская школа также, какъ двадцать лѣтъ раньше французская «плеяда», мечтала о томъ, чтобы во всемъ сдѣлать родную литературу, насколько это возможно, похожей на древнюю или, по крайней мѣрѣ, на итальянскіе образцы. Мы считаемъ, напримѣръ, и вполнѣ справедливо, Сиднея передовымъ бойцомъ въ рядахъ англійской романтической арміи Елиса-

ветинцевъ. Но прочтите его: «Защиту» или «Апологію поэзіи» (эта вещь имѣетъ оба эти названія) и если вы не были раньше знакомы съ положеніемъ дѣла, вы не поймете, въ чемъ, собственно, произошло измѣненіе. Сидней, правда, защищаетъ англійскую сцену и вообще англійскую изящную литературу противъ полуплатоническихъ, полупуританскихъ нападокъ Госсона и другихъ. Но онъ отстаиваетъ и возлагаетъ надежды на такой родъ литературы, драматической и иной, который очень отличенъ отъ дѣйствительно развившагося впослѣдствіи. Это литература псевдоклассической правильности, вродѣ той, какая дѣйствительно развилась въ слѣдующемъ вѣкѣ во Франціи и которая сохранялась и въ шестнадцатомъ вѣкѣ.

Такое заблужденіе было, однако, столь естественнымъ послѣдствіемъ стремленій и изученій, о которыхъ мы говорили все время въ этой главѣ, что было бы лишнимъ прибавлять что либо еще для его объясненія. Кромѣ того, недостатокъ мѣста позволяетъ намъ только мелькомъ указать на нѣкоторыя другія особенности школы 1580 года, вродѣ сохранившагося еще соединенія старыхъ и новыхъ мѣръ въ «Календарѣ пастуха», вродѣ смѣшенія рѣзкой политической и личной сатиры съ фантастической пасторальностью, вродѣ неупорядоченной и въ концѣ концевъ не законченной мѣшанины «Аркадіи» и вродѣ сильно литературнаго и личнаго характера Hecatompathia. Вообще же сонеты Сиднея были самымъ рѣшительнымъ изъ вліяній, опредѣлившихъ дѣятельность не только двухъ вышепоименованныхъ поэтовъ, но и множества другихъ, о которыхъ мы не упоминаемъ. Любопытно, что эта очень искусственная и теперь очень устарѣвшая форма время отъ времени и, повидимому, съ неуменьшенной силой завладѣваетъ поэтической фантазіей не только отдѣльныхъ поэтовъ, но и цѣлыхъ группъ, почти цѣлыхъ націй. Въ теченіи болѣе двадцати лѣтъ сонетъ царилъ настолько же, какъ и драма, хотя формы поэзіи и были весьма разнообразны. Сонетъ —это небольшая поэма Елисаветинскаго вѣка, и этимъ своимъ господствомъ онъ обязанъ Филиппу Сиднею, насколько, конечно, его господство можно приписывать вліянію одного человѣка.

Земледѣліе.

Протеро.

Переворотъ въ землевладѣніи.

Мы говорили, что къ концу войны Розъ и въ началѣ періода Тюдоровъ начался переворотъ въ земледѣліи и землевладѣніи; онъ продолжался до средины царствованія Елисаветы и послѣ болѣе, чѣмъ

двухсотлѣтней пріостановки, снова начался въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Этотъ переворотъ былъ только частію общаго движенія, постепенно измѣнившаго характеръ Англіи. Такое движеніе можетъ быть опредѣлено, какъ внесеніе въ жизнь націи комерческаго духа. Въ сферѣ земледѣлія такой комерческій духъ принялъ форму огораживанія полей, т. е. уничтоженія средневѣковыхъ земельныхъ общинъ, присвоенія общинной земли отдѣльными собственниками, замѣны общей культуры деревни—фермы индивидуальными предпріятіями. Въ шестнадцатомъ и въ восемнадцатомъ вѣкахъ переворотъ происходилъ именно въ такомъ направленіи. Но въ деталяхъ первое движеніе сильно отличалось отъ позднѣйшаго. При Тюдорахъ перевороту въ земледѣліи сопутствовала замѣна пахоты пастбищемъ, замѣна зерновыхъ хлѣбовъ овцами, быковъ и барановъ шерстью. При государяхъ изъ Гановерскаго дома британскій фермеръ уже не сидѣлъ на мѣшкѣ съ шерстью, а занимался производствомъ хлѣба и мяса для увеличившагося населенія мануфактурныхъ городовъ. Отличіе въ направленіи переворота во время этихъ двухъ періодовъ обусловливалось главнымъ образомъ улучшеніями методовъ земледѣлія, находившихся въ распоряженіи фермеровъ во времена Гановерскаго дома. Хозяинъ временъ Тюдоровъ могъ посвящать свои силы исключительно той или другой изъ двухъ извѣстныхъ отраслей хозяйства, но замѣна пахоты пастбищемъ не сопутствовалась улучшеніемъ методовъ хозяйства, введеніемъ новыхъ сѣвооборотовъ, экономіей въ издержкахъ производства и увеличеніемъ его продукта.

Торговый духъ.

Періодъ, начавшійся окончаніемъ войны Розъ и кончившійся пораженіемъ испанской Армады, былъ періодомъ перехода отъ средневѣковыхъ формъ землевладѣнія къ новымъ. Феодализмъ умеръ или умиралъ и его господствующее положеніе было захвачено торговлей. Лорды замковъ требовали отъ земли не денегъ, а вооруженныхъ людей. Средневѣковые бароны цѣнили свои земли главнымъ образомъ по тому количеству свиты и воиновъ, которыхъ онѣ посылали подъ ихъ знамена. Ландлорды временъ Тюдоровъ, наоборотъ, цѣнили свои земли по количеству ренты, которую онѣ могли дать имъ. Средневѣковые фермеры извлекали изъ земли лишь столько пищевыхъ средствъ, сколько имъ нужно было для своего и своихъ семей содержанія. Новые же фермеры не довольствовались уже этимъ, они хотѣли получить отъ земли не только одно пропитаніе, но и доходы. По мѣрѣ того, какъ увеличивалась англійская торговля, по мѣрѣ того, какъ росли города и англійская шерсть шла въ города континента или превращалась англійскими ткачами въ сукно, для земледѣльческихъ продуктовъ создавались новые рынки. Для личной предпріимчивости открывались новыя сферы примѣненія и ландлорды и фермеры пріучались смотрѣть на свои земли съ комерческой точки зрѣнія.

Результаты внесенія въ земледѣліе комерческаго духа были, какъ уже было замѣчено, двоякаго рода: во первыхъ, уничтоженіе старыхъ земельныхъ товариществъ, въ которыя объединялись для удовлетворенія нуждъ деревни владѣльцы замковъ, деревенскіе священники, іемены, фермеры, копигольдеры и простые рабочіе и во вторыхъ, замѣна пахоты пастбищемъ и зерновыхъ хлѣбовъ овцами.

Если отъ земли нужно было добыть денегъ, то очевидно, что добыть ихъ могла только индивидуальная предпріимчивость. При старой системѣ бездѣльничество одного могло уничтожить энергію пятидесяти. Потому обмѣнъ, раздѣлы, огораживаніе и консолидированіе такимъ путемъ земельныхъ владѣній становится цѣлью деревенской аристократіи. Фуллеръ говоритъ въ своемъ «Священномъ государствѣ» (Holy State): «бѣднякъ, который царитъ только на одномъ загороженномъ акрѣ земли, получитъ отъ него больше дохода, чѣмъ отъ участка въ нѣсколько акровъ, которымъ владѣетъ сообща съ другими». Иногда общинная земля дѣлилась равномѣрно, иногда ландлорты скупали ее всю; иногда они огораживали ее насильственно или по соглашенію съ главными изъ общинниковъ. Добровольныя соглашенія между общинниками и собственниками земли не были рѣдкостью и договоры часто заключались на условіяхъ справедливыхъ, основанныхъ на оцѣнкѣ и выкупѣ правъ общинниковъ. Но то время было грубымъ и правомъ была сила; сэръ Томасъ Моръ рисуетъ намъ другую сторону картины. Онъ говоритъ о хозяевахъ, лишенныхъ ихъ собственности или обманомъ и кляузами или насиліемъ и угнетеніемъ или столь утомленныхъ оскорбленіями и неправдами, что они были вынуждены продать все. Огораживанія полей.

Поразительнымъ примѣромъ перваго утвержденія Мора можетъ служить исторія Берклеевъ. У второго графа Берклея, Мориса, былъ лѣсъ, называемый Уайтклифъ Вудъ и ему вздумалось превратить его въ паркъ. Онъ началъ переговоры съ своими текантами и фригольдерами о продажѣ или обмѣнѣ ихъ земель и съ общиниками относительно ихъ правъ на общинную землю.

«Послѣ нѣкоторыхъ усилій и видя, что не получается тѣхъ результатовъ, къ коимъ онъ стремился, онъ кажется припомнилъ поговорку: многіе изъ дѣйствій непохвальны лишь до тѣхъ поръ, пока они не совершены (multa non laudantur, nisi prius peracta)—посему онъ внезапно и рѣшительно огородилъ столько земли разныхъ людей въ своемъ лѣсу, сколько ему было угодно, сдѣлалъ изъ него паркъ, поставилъ сторожей и напустилъ туда дичи и назвалъ его Уайтклайвскимъ паркомъ, какъ онъ и теперь называется».

«Люди, видя, что дѣлается такъ, и что ихъ лордъ, какъ и раньше, предлагаетъ имъ обмѣнъ и вознагражденіе, вскорѣ согласились на все, такъ какъ иного средства не было. И онъ вскорѣ послѣ

того имѣлъ отъ нихъ данныя на землю и на общинныя земли, какъ того желалъ сначала. Unguentem pungit, pungentem rusticus ungit.

Лорду, вѣдь, не приходится долго ухаживать за этимъ мужичьемъ. Немногіе, остававшіеся упорными, подали на его сына разные иски, но къ малому ихъ утѣшенію и къ еще меньшей для нихъ выгодѣ».

Если мелкій копигольдеръ или даже іеменъ упорствовалъ, то дѣянія сэра Жильса Оверрича въ «Новое средство уплатить старые долги» (New Way to pay old Debts) укажутъ намъ, какъ виноградникъ Набофа—даже если Набофомъ былъ владѣлецъ имѣнія—могъ быть присвоенъ богатымъ капиталистомъ:

„Я скуплю нѣсколько коттеджей близь его имѣнія,
И сдѣлавъ это, велю своимъ людямъ разрушить его изгороди,
Ѣздить по его зрѣющей нивѣ, или ночью
Поджечь его амбары, или переломать ноги его скоту.
Такія дѣянія поведутъ къ искамъ, а иски къ расходамъ;
Я то могу выдержать ихъ, а его они скоро сдѣлаютъ нищимъ.
Когда я такимъ образомъ помучу его два или три года,
Хотя бы онъ и велъ процессъ in forma pauperis, то онъ
Несмотря на всю свою бережливость и заботы утомится;
Тогда съ помощью своего адвоката
Я предъявлю какое нибудь притязаніе; нужда заставитъ его
Обратиться къ посредникамъ. Тогда если онъ продастъ землю
За полцѣны, онъ получитъ денежки,
А я завладѣю землей“.

Соображенія взаимной выгоды, справедливые договоры и соглашенія, честная покупка, насиліе, кляузничество—все это совокупно помогало ускоренію процесса перехода отъ общинной къ индивидуальной собственности и консолидированія отдѣльныхъ владѣній, замѣнившихъ открытыя поля. Если общинникъ обращался къ суду, то дѣло слишкомъ часто кончалось такъ, какъ его повернутъ за взятки или протекцію. Въ средніе вѣка тайный подкупъ обыкновенно назывался Handy-dandy; извращеніе правосудія выразилось въ латинской поговоркѣ: jus sine jure datur, si nummus in aure loquatur.

Иногда, впрочемъ, люди съ успѣхомъ противились огораживанію полей. Благодаря энергіи и честности Вилльяма Шекспира, бывшаго тоже общинникомъ, попытка владѣльца помѣстья загородить общинную землю въ Велькомбѣ, близь Стратфорда на Авонѣ, не удалась. На варвикскихъ ассизахъ главный судья Кокъ отдалъ приказъ, «чтобы въ приходѣ Стратфордъ не было изгородей; ибо сіе противъ законовъ королевства».

Ростъ торговли шерстью.

Первымъ результатомъ комерческаго духа, внесеннаго въ земледѣліе, было увеличеніе числа огораживаній и послѣдующее за симъ прямое или косвенное оторваніе значительной части сельскаго населенія отъ земли. Если бы такое измѣненіе сопровождалось расши-

реніемъ площади запашекъ, рынокъ для земледѣльческаго труда былъ бы настолько расширенъ, что аграрная революція не повлекла бы за собой такихъ бѣдствій для земледѣльца. Но происшедшее въ системѣ земледѣлія и землевладѣнія измѣненіе только увеличило безработицу.

Вторымъ результатомъ комерческаго духа была замѣна пахаря и его упряжки пастухомъ и его собакой, замѣна хлѣба шерстью, а пахотами пастбищемъ, и стало быть уменьшеніе спроса на трудъ какъ разъ въ такое время, когда предложеніе труда увеличилось. Шерстяная промышленность увеличивалась и въ Англіи и за границей такъ быстро, что рынокъ для англійской шерсти былъ открытъ и дома и на континентѣ. Тонкость англійской шерсти дѣлала ее необходимой для чужестранныхъ ткачей, шерсть перевозилась легко, безъ риска порчи и не подлежала обложенію пошлиной. Доходы съ овцеводства были вѣрными, а расходы на вознагражденіе труда незначительными. Съ другой стороны земледѣліе стало рискованнымъ предпріятіемъ, требовавшимъ значительныхъ расходовъ. Потому не щадили усилій для увеличенія овечьихъ пастбищъ. Мелкихъ тенантовъ изгоняли, коттеджи рабочихъ сносили, владѣльческія земли превращали въ пастбища; для той же цѣли огораживали пустоши и общинныя земли. Этотъ процессъ, начавшійся въ концѣ пятнадцатаго вѣка, продолжался до средины царствованія Елисаветы.

Законодательство постоянно противилось такой замѣнѣ пахоты пастбищемъ. Для поощренія земледѣлія и для предупрежденія обезлюденія сельскихъ округовъ, хлѣбные законы воспрещали ввозъ пшеницы до тѣхъ поръ, пока цѣны ея не поднимутся до извѣстнаго уровня. Проводились парламентскіе акты для ограниченія количества овецъ, которое могъ имѣть отдѣльный владѣлецъ, для предупрежденія сноса хозяйственныхъ построекъ, для предупрежденія обращенія пахотной земли въ пастбища. По закону пахотной землѣ давалось преимущество предъ всѣми другими землями, упряжные въ плугъ животныя пользовались привиллегіями, коихъ не давали другимъ хозяйственнымъ животнымъ, договоры объ уменьшеніи пахоты признавались недѣйствительными. Но сначала это законодательство было столь же безсильнымъ, какъ папскія буллы противъ кометъ, и измѣненія продолжали идти своимъ чередомъ. Процессъ пріостановился только въ срединѣ царствованія Елисаветы, когда увеличеніе цѣны хлѣба и мяса и доходы, которые можно было получить отъ земледѣлія, снова возстановили равновѣсіе. Законодательство противъ овцеводства.

Эти результаты комерческаго переворота печально отразились на положеніи земледѣльческаго рабочаго. Его страданія увеличивались въ теченіи обозрѣваемаго теперь періода быстрымъ повышеніемъ цѣнъ на всѣ продукты земледѣлія. Собственникамъ такое повышеніе было выгодно и фермеры, если владѣли фермами за разсудительныя Положеніе земледѣльческихъ рабочихъ.

ренты, богатѣли. Страдалъ одинъ только рабочій. Когда изъ Америки начался приливъ драгоцѣнныхъ металловъ, покупная способность денегъ пала. Заработная плата произвольно опредѣлялась статутами на основаніи цѣнъ въ предыдущемъ вѣкѣ, хотя теперь, принимая во вниманіе цѣны на продукты необходимости, такія цѣны на трудъ уменьшились на половину. Въ то же время уничтоженіе монастырей отняло у бѣдняковъ помощь благотворительности, а принципы обязательности помощи бѣднымъ еще не были усвоены обществомъ. Рынокъ труда былъ переполненъ, а власть цеховъ мѣшала крестьянину найти занятіе въ городѣ. Сотни бѣдняковъ подвергались тѣлесному наказанію отъ одного прихода до другого, ихъ наказывали, сажали въ колодки, заточали въ тюрьмы:

„И они шли искать милосердія въ бѣдныя фермы,
Въ голодныя заброшенныя деревушки, въ овчарни. на мельницы,
То съ безумными воплями, то съ мольбой“.

Средствомъ исцѣленія для такой сельской нищеты было бы занятіе рукъ въ выгодной обработкѣ земли. Но и тутъ несчастіе преслѣдовало земледѣльческаго рабочаго. Имѣются прямыя и косвенныя доказательства того факта, что агрикультура не только не прогрессировала, а регрессировала, что съ акра земли получалось меньше хлѣба, что начали даже меньше употреблять удобренія, доступнаго по тогдашнему уровню знаній. Фицгербертъ, писавшій въ началѣ шестнадцатаго вѣка, замѣчаетъ, что полезный обычай удобрять землю мергелемъ во многихъ мѣстахъ оставленъ, что жатвы стали меньше и что хозяйство находится въ упадкѣ. Этотъ упадокъ былъ явленіемъ естественнымъ. Описанный нами переворотъ въ земледѣліи уничтожилъ ту увѣренность въ владѣніи, безъ которой не возможна частная предпріимчивость. А кромѣ того уничтоженіе монастырей нанесло тяжелый ударъ агрикультурѣ, какъ искусству. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ монахи по отношенію къ воздѣлыванію земли были тѣмъ же, чѣмъ были въ восемнадцатомъ землевладѣльцы капиталисты. Они были самыми образованными земледѣльцами того времени, имъ было доступно практическое знаніе древнихъ, ихъ сношенія съ заграничными братьями по ордену давали имъ возможность воспользоваться опытомъ иностранцевъ—возможность, которой было лишено большинство ихъ современниковъ. Когда были уничтожены крупные монастыри, то земледѣліе, піонерами котораго они были, потерпѣло тяжелый уронъ.

Писатели о земледѣліи.

Тѣмъ не менѣе уже имѣлись признаки того, что ихъ мѣсто будетъ занято другими тотчасъ же, какъ окончится переходный періодъ. Въ Европѣ зарождается литература о земледѣліи и писатели начинаютъ указывать фермерамъ на улучшенные методы, сдѣлавшіеся теперь возможными благодаря огораживанію полей. Въ Испаніи

Геррера, въ Италіи Кресченціо и Тарелло, въ Нидерландахъ Геребахъ, во Франціи Шарль Этьень и Бернаръ Палисси пишутъ о земледѣліи. Сельское дворянство начинаетъ обращать вниманіе на агрикультуру. Какъ Мишель Лопиталь утѣшался въ изгнаніи въ Этампѣ занятіемъ земледѣліемъ, такъ Фицгербертъ въ царствованіе Генриха VIII, сэръ Ричардъ Вестонъ въ царствованіе Карла I, или Тоунсгендъ въ царствованіе Георга II употребляли свои досуги на занятіе земледѣліемъ и въ своемъ уединеніи принесли благосостоянію страны больше пользы, чѣмъ всѣми своими судебными, дипломатическими или политическими услугами. Размѣры нашей работы не позволяютъ намъ привести имена всѣхъ писателей, изучавшихъ вопросъ о земледѣліи въ Елисаветинскій періодъ. Достаточно будетъ упомянуть о Томасѣ Туссерѣ и Барнаби Гуджѣ.

Томасъ Туссеръ былъ изъ Эссекса и имѣлъ ферму въ Суффолькѣ. Его жизнь доказала трудность соединять практику съ наукой. «Онъ намасливалъ свой хлѣбъ всяческими маслами, говоритъ Фуллеръ, но питался все таки плохо». Онъ былъ «и музыкантомъ, и школьнымъ учителемъ, и служащимъ, и хозяиномъ, и овцеводомъ, и поэтомъ—и во всемъ былъ искуснымъ, кромѣ искусства разбогатѣть». Для нашихъ современниковъ его имя—звукъ пустой, но его поэмы, написанные стихомъ doggerel и напечатанныя въ 1573 году, очень цѣнны, какъ архивъ свѣдѣній о сельской жизни, о домашней экономіи и о земледѣльческихъ методахъ нашихъ предковъ во времена Елисаветы. Когда въ 1723 году лордъ Молесвортъ предложилъ устройство земледѣльческихъ школъ, онъ рекомендовалъ, чтобы мальчиковъ «учили читать, списывать и заучивать на память пятьсотъ статей хорошаго хозяйства Туссера». Какъ и всѣ образованные фермеры того времени, онъ былъ горячимъ защитникомъ огораживанія полей и воспѣвалъ отдѣльную (several) ферму въ противоположность полевой (Champion) или открытой фермѣ. Онъ еще не знаетъ о клеверѣ, кормовыхъ травахъ и корнеплодахъ. Онъ, правда, упоминаетъ о рѣпѣ, но только какъ объ огородномъ овощѣ для варки или употребленіи съ масломъ. Онъ не знаетъ также о необходимости дренажа и по вопросу объ унавоживаніи или компостахъ (compass) отдѣлывается немногими словами.

Почти современникомъ Туссера былъ Барнаби Гуджъ, котораго «четыре книги о хозяйствѣ» были изданы въ 1577 году. Цѣнность его работы, представляющей компиляцію фламандскихъ и англійскихъ сочиненій, состоитъ въ томъ, что онъ настаиваетъ на необходимости удобренія, упоминаетъ о клеверѣ, который называетъ trefle de Bourgoyne и признаетъ мавританской травой, ввезенной испанцами. Фермеры во времена Елисаветы снимали съ земли послѣдовательно столько жатвъ, сколько она давала. Истощивъ ее такимъ образомъ совершенно, они оставляли ее впустѣ. Сѣвооборотовъ не знали,

кромѣ посадки черезъ каждые три года бобовъ; корнеплоды и искусственныя травы, которыя при надлежащемъ пользованіи ими, очищаютъ и обогащаютъ почву, давая ей отдыхъ, были совершенно неизвѣстны англійскимъ хозяевамъ шестнадцатаго вѣка. Потому то Гуджъ такъ и цѣненъ по его настояніямъ на единственномъ извѣстномъ его современникамъ средствѣ возстановить плодоношеніе почвы и по его упоминанію о клеверѣ, въ которомъ таились зародыши будущаго земледѣлія.

Садоводство. Не одна только литература о земледѣліи обѣщала ему болѣе свѣтлое будущее. Для земледѣльцевъ открывалась надежда въ фактѣ оживленія садоводства. Послѣ войны Розъ искусство садоводства почти уничтожилось; уничтоженіе же монастырей, въ которыхъ оно только и сохранялось, нанесло ему временно смертельный ударъ. Разсказываютъ, что для королевы Екатерины салатъ привозили изъ Фландріи, потому что въ царствованіе Генриха VIII въ Англіи его достать было невозможно. Травы, плоды и коренья, которыхъ было много въ пятнадцатомъ вѣкѣ, исчезли или объ употребленіи ихъ забыли, когда красивые сады и огороды монаховъ перешли въ другія руки. Теперь же, по утвержденію Фуллера, садоводство начало изъ Голландіи переходить и въ Англію, хотя Гартлибъ утверждаетъ, что даже въ 1650 году оно было неизвѣстно на сѣверѣ и на западѣ. Лукъ и капусту воздѣлывали въ огородахъ въ царствованіе Генриха III, и ихъ похваливаетъ Петръ Пахарь; а въ первой половинѣ пятнадцатаго вѣка ихъ ввозили изъ Фландріи. Въ сосѣдствѣ Фульгама и по берегу Суффолька были разведены сады, гдѣ разводили эти полезные овощи, также какъ морковь и пастернакъ, и, какъ полагаютъ, и цвѣтную капусту, хотя вѣроятно, что послѣдняя сдѣлалась извѣстной только спустя пятьдесятъ лѣтъ. Въ этихъ садахъ разводили и рѣпу, но только какъ овощь для варки и употребленія съ масломъ. Близь Сандуича разводили много моркови и ее по мѣсту культивированія называли «сандвичской морковью».

Къ срединѣ царствованія Елисаветы огораживаній было уже много, овцеводство процвѣтало, цѣны на продукты земледѣлія поднялись и давали новый стимулъ для земледѣлія, кое гдѣ дворяне начали обращать вниманіе на обработку своихъ помѣстій, писатели о земледѣліи настаивали на принятіи новыхъ, лучшихъ методовъ хозяйства, извѣстныхъ въ то время и сады представляли новый запасъ агрикультурныхъ богатствъ. Самымъ печальнымъ фактомъ въ то время было положеніе земледѣльческаго рабочаго и надежду на работу давало ему только увеличеніе пахотныхъ полей.

Промышленность и торговля.

Саймса.

Царствованіе Елисаветы составляетъ новую главу въ исторіи нашей промышленности. Мы уже говорили, что въ періодъ возрожденія и реформаціи средневѣковая феодальная общественная организація была разрушена. Человѣчество не довольствовалось болѣе работой при тѣхъ ограниченіяхъ, которыя были созданы обычаемъ, традиціями и закономъ. Жадность королей, правителей и землевладѣльцевъ способствовала разрушенію тѣхъ организацій, которыя до извѣстной степени защищали рабочіе классы и въ царствованія Генриха VIII, Эдуарда VI и Маріи было сдѣлано очень мало для созданія новыхъ организацій, приспособленыхъ къ новому положенію дѣлъ.

Переходный періодъ былъ эпохой великихъ неурядицъ и нищеты. Только въ царствованіе Елисаветы начинается періодъ процвѣтанія для всѣхъ классовъ, кромѣ бѣднѣйшаго, начинаютъ создаваться основы той торговой и промышленной супрематіи, которой пользовалась въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ Англія среди всѣхъ націй.

При воцареніи Елисаветы (1553) было, однако, немного признаковъ такого начинающагося возрожденія. Казначейство было пусто, кредитъ правительства былъ столь плохъ, что ему приходилось платить за займы четырнадпать процентовъ. Всѣ отрасли управленія были испорчены и подкупны; Англія вела войну и у ней былъ недостатокъ во всемъ для войны какъ на морѣ, такъ и на сушѣ. Ужасные законы Генриха и его наслѣдниковъ наврядъ ли пріостановили распространеніе бродяжничества и пауперизма; денежное обращеніе было совершенно дезорганизировано политикой обмановъ правительства предшественниковъ Елисаветы и вызванными такой политикой обрѣзываніемъ и поддѣлкой монеты.

Денежная реформа.

Послѣдній вопросъ былъ однимъ изъ самыхъ настоятельныхъ, съ которымъ пришлось имѣть дѣло новой королевѣ. Конечно, съ перваго взгляда болѣе настоятельнымъ представлялся вопросъ религіозный. Было необходимо какое нибудь церковное устроеніе, необходимо было хоть до извѣстной степени сдерживать борящіяся партіи. Но съ другой стороны было невозможно оживить промышленность и торговлю до тѣхъ поръ, пока денежное обращеніе находилось въ такомъ положеніи, что никто не могъ съ увѣренностью сказать, какая дѣйствительная цѣнность той или другой монеты и не будетъ ли ихъ цѣнность въ непродолжительномъ времени уменьшена новыми выпусками низкопробной монеты. Въ обращеніи нахо-

дились шиллинги трехъ разныхъ родовъ; монетъ шестипенсовыхъ было четыре рода. Всѣ эти монеты различались и по качеству и по величинѣ и еще болѣе различались однѣ отъ другихъ благодаря ихъ порчѣ фальшивыми монетчиками. Въ такомъ же видѣ было обращеніе и мелкой монеты и совѣтъ Елисаветы рѣшилъ изъять изъ обращенія всю старую монету и выпустить совершенно новую (1560). Это было грандіознымъ предпріятіемъ и представлялись серьезныя возраженія противъ всяческихъ способовъ его осуществованія. Всякій изъ способовъ неизбѣжно возбуждалъ недовольство тѣхъ или иныхъ лицъ, которые должны были пострадать отъ него или которые полагали, что они пострадаютъ. Тѣмъ не менѣе Совѣтъ понялъ, что онъ долженъ совершить эту реформу не смотря на ея рискованность. Королева 27 сентября 1560 года издала прокламацію, объяснившую все зло существующаго денежнаго обращенія и изъявшую изъ обращенія низкопробную монету, за которую должны были уплачивать новой монетой ниже номинальной ихъ стоимости, но въ среднемъ почти по ея дѣйствительной стоимости; на каждый приносимый фунтъ серебра выдавалась незначительная премія. Такова была сущность этой прокламаціи; въ ней условія выкупа представлялись нѣсколько болѣе выгодными для публики, чѣмъ они были въ дѣйствительности. Правительство объявляло, что оно готово нести всѣ издержки на перечеканку. Въ дѣйствительности же оно не понесло убытка отъ этой операціи и даже получило незначительный барышъ, благодаря разницѣ между дѣйствительной стоимостью старой монеты и цѣной новой, выдаваемой за старую. Слѣдующая таблица указываетъ размѣры этой операціи:

Низкопробной монеты.	631,950	фунт.
Серебра въ ней.	244,416	„
Цѣна его въ новой монетѣ.	733,248	ф. ст.
Уплачено правительствомъ за старую монету .	638,000	фунт.
Издержки сбора, преміи и пр.	45,959	„
Издержки чеканки	35,686	„
Всѣ издержки на выпускъ монеты	719,045	„

Сравнивая третью и седьмую строки мы видимъ, что правительство, уплативъ за все, получило барыша 14,203 фунта. Разумѣется, невозможно осуждать правительство Елисаветы за полученіе такого барыша. Ему были крайне нужны деньги, а сама операція принесла несомнѣнную и громадную пользу обществу; но для самой Елисаветы чрезвычайно характерно то, что она сдѣлала операцію доходной и притомъ утверждала, что она получила отъ нее убытокъ.

Притокъ серебра.

Установленіе здравато денежнаго обращенія по крайней мѣрѣ сдѣлало возможнымъ возрожденіе промышленности и торговли. Къ счастію, оно произошло въ такое время, когда англичане могли вос-

пользоваться притокомъ серебра изъ Америки. Считаютъ, что въ теченіе пятнадцатаго вѣка количество серебра въ Европѣ учетверилось. Новое серебро, однако, сначала шло главнымъ образомъ въ Испанію и испанское правительство дѣлало всевозможныя усилія, чтобы помѣшать другимъ европейскимъ націямъ получать драгоцѣнные металлы. Эти усилія, однако, не были особенно успѣшными и если Англія не получила до 1561 года прибавочнаго количества металла въ слиткахъ, то это главнымъ образомъ обусловливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что состояніе денежнаго обращенія и религіозные раздоры губили нашу иностранную торговлю. Съ 1561 года серебро начинаетъ притекать въ Англію, что имѣло естественнымъ послѣдствіемъ быстрое возвышеніе цѣнъ и значительное развитіе промышленности.

Повышеніе цѣнъ.

Поднятіе цѣнъ началось, конечно, уже съ 1549 года и, вообще говоря, продолжалось; но до 1561 года это главнымъ образомъ обусловливалось обезцѣненіемъ монеты, возвышавшемъ поминальныя цѣны. Несомнѣнно имѣлось и реальное повышеніе цѣны хлѣбовъ, но это обусловливалось чрезмѣрнымъ превращеніемъ пахатныхъ полей въ пастбища. Потому ни барыши предпринимателя, ни заработная плата пропорціонально не увеличивались. Послѣ же 1561 года повышеніе цѣнъ обусловливалось причинами болѣе постоянными. Купцы и промышленники начали богатѣть и рабочіе получали нѣкоторую долю въ увеличивавшемся благосостояніи. Увеличеніе количества серебра имѣло также тенденцію способствовать накопленію капиталовъ. Богатство, сберегаемое въ другой формѣ, не было столь пригоднымъ для цѣлей производства. Въ формѣ же денежной наличности его было и легче и удобнѣе сохранять и удобнѣе примѣнять къ торговлѣ, промышленности или земледѣлію, смотря по большей или меньшей выгодности того или иного помѣщенія капиталовъ.

Возвышеніе цѣнъ, конечно, не было безусловнымъ благомъ. Ни рента, ни заработная плата не возвысились такъ быстро, и такимъ образомъ провинціальное дворянство и рабочіе до извѣстной степени пострадали отъ повышенія цѣнъ. Однако, что касается рабочихъ, то увеличившаяся дѣятельность промышленности доставила имъ болѣе занятій и болѣе возможности получать заработную плату и внѣ сферы ихъ обычныхъ промысловъ и это, вѣроятно, съ избыткомъ даже уравновѣшивало тотъ фактъ, что заработная плата повышалась менѣе быстро сравнительно съ цѣной на необходимые имъ продукты. Наши свѣдѣнія недостаточны, чтобы съ увѣренностью говорить что либо по этому предмету; но покрайней мѣрѣ послѣ возстановленія правильнаго денежнаго обращенія доказательства общественной нищеты уменьшаются, хотя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ улучшеніе въ положеніи дѣлъ было, повидимому, незначительнымъ и медленнымъ.

Теперь намъ нужно сказать о стараніяхъ правительства Елисаветы

Меркантильная система.

организовать и поддержать національную промышленность. Систему, созданную въ это царствованіе, обыкновенно называютъ системой меркантильной; эта система практически опредѣляла торговую политику Англіи до конца послѣдняго вѣка, когда на нее напали Адамъ Смитъ и его послѣдователи. Главной цѣлью такой политики было увеличеніе количества драгоцѣнныхъ металловъ въ странѣ; теперешнимъ экономистамъ не трудно доказать ошибочность лежащаго въ основѣ такой системы положенія, будто деньги есть тотъ родъ богатства, который особенно необходимъ для національнаго благосостоянія. Деньги, говорятъ они, есть только средство, а цѣль есть богатство въ иныхъ формахъ — какъ напримѣръ въ формѣ предметовъ необходимости, комфорта и роскоши. Это, разумѣется, вѣрно и можетъ быть признано аксіомой, если бы только это положеніе такъ часто не игнорировалось на практикѣ. Но можно кое что сказать и въ пользу другого утвержденія. Хотя деньги и не составляютъ конечной цѣли человѣческихъ желаній, онѣ во многихъ отношеніяхъ являются наиболѣе удобной формой богатства и при нѣкоторыхъ условіяхъ стоитъ временно пожертвовать сущностью для формы. Цѣль Елисаветы была настолько же политической, какъ и коммерческой. Ей были нужны деньги для выдачи субсидій шотландскимъ и французскимъ мятежникамъ, ради созданія затрудненій внѣшнимъ врагамъ. Ей были нужны деньги для поддержанія порядка внутри государства и для обезпеченія національной защиты, а поддержаніе авторитета престола, и дома, и заграницей, было необходимымъ условіемъ для роста англійской промышленности. Это можетъ быть признано хотя частичнымъ извиненіемъ для нарушенія ею того, что мы называемъ принципами свободной торговли.

Навигаціонные законы. Рыбныя ловли.

Прекрасной иллюстраціей такого утвержденія могутъ служить навигаціонные законы перваго и пятаго годовъ царствованія Елисаветы. Болѣе старые законы были до нѣкоторой степени смягчены; но англійскіе подданные, ввозившіе товары на англійскихъ же корабляхъ, освобождались отъ нѣкоторыхъ пошлинъ, взимаемыхъ съ иностранцевъ и съ англичанъ, пользовавшихся иностранными кораблями; въ нѣкоторыхъ отрасляхъ торговли англійскимъ кораблямъ давалась полная монополія Эти мѣры не были просто покровительственными въ современномъ смыслѣ этого термина. Онѣ имѣли цѣлью поощреніе мореплаванія, по крайней мѣрѣ хоть отчасти, такъ какъ мореплаваніе было однимъ изъ основаній національной силы Англіи. На основаніи тѣхъ же принциповъ поощряли и рыболовство и не только при посредствѣ освобожденія англійскихъ рыболововъ на англійскихъ судахъ отъ таможенныхъ пошлинъ, но и посредствомъ установленія постовъ законодательствомъ. Утвержденіе, будто постъ есть религіозная обязанность, признавалось наказуемымъ поступкомъ и однако для поощренія рыболовства были установлены постные дни. Ввозъ

рыбы, пойманной иностранцами на иностранныхъ корабляхъ, подвергался серьезнымъ ограниченіямъ. Въ отчетѣ объ успѣхахъ актовъ о рыболовствѣ въ началѣ царствованія съ гордостью указывается на то, что тысячи лишнихъ рукъ было привлечено къ рыболовному промыслу и слѣдовательно они были готовы «для службы на корабляхъ ея величества». Опытъ, однако, скоро доказалъ, что англійскіе рыбаки не могутъ удовлетворить спросу рынка и потому многіе изъ ограниченій были отмѣнены въ 1597 году.

Поощреніе отечественной промышленности.

Мы не будемъ подробно говорить о разныхъ другихъ средствахъ, которыми правительство Елисаветы пыталось стимулировать туземную промышленность. Немногія изъ нихъ являются осуществленіемъ какихъ либо новыхъ принциповъ. Пытались ограничить какъ ввозъ продуктовъ промышленности, такъ и вывозъ сырыхъ матеріаловъ. Однако въ экономической политикѣ замѣчается мало теоретической послѣдовательности. Шерсть—сырой матеріалъ, но воспрещеніе ея вывоза разорило бы одну изъ главныхъ отраслей промышленности Англіи. Потому шерсть могла вывозиться, но горе тому, кто вздумалъ бы вывозить овецъ. За первое преступленіе такого рода онъ терялъ руку. Англійскіе подданные должны были носить шапки, сдѣланныя въ Англіи. Они даже не смѣли ходить совсѣмъ безъ шапокъ. Шапки, сработанныя въ Англіи, должны были носить всѣ лица не ниже шестилѣтняго возраста въ каждый воскресный и праздничный день, подъ страхомъ наказанія штрафомъ.

Монополіи.

Другимъ обычнымъ методомъ поощренія промышленности было дарованіе патентовъ и монополій. Установленіе крупныхъ промышленныхъ заведеній поощрялось дарованіемъ исключительныхъ правъ личностямъ, занимавшихся ими. Къ этой системѣ часто прибѣгали и въ позднѣйшее время, главнымъ образомъ какъ къ средству обогащенія королевскихъ фаворитовъ или для собиранія денегъ для короны въ обмѣнъ за исключительныя привилегіи. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда выставляемый мотивъ этихъ мѣръ былъ настоящимъ мотивомъ, приходится считать эту систему полезной, хотя она совершенно непригодна при современныхъ условіяхъ промышленности. Рѣдкость капиталовъ, недостатокъ дѣловой опытности и предпріимчивости въ началѣ царствованія Елисаветы могутъ оправдать такое искусственное поощреніе новыхъ промышленностей. Но для такого дарованія патентовъ требовались большая мудрость и осторожность, чтобы зло не перевѣшивало выгодность такой системы поощренія. Дарованіе граматъ торговымъ компаніямъ было одной изъ важнѣйшихъ частей общей политики дарованія монополій. Но объ этомъ мы будемъ говорить дальше.

Статуты объ ученикахъ.

Переходимъ къ статуту объ ученикахъ (1563), къ этой крупной попыткѣ правительства Елисаветы контролировать и организовать промышленность и земледѣліе. Этотъ актъ былъ уничтоженъ только

въ 1813 году. Въ числѣ преслѣдуемыхъ имъ цѣлей было и возвышеніе заработной платы; въ этомъ отношеніи этотъ актъ находится, повидимому, въ рѣзкомъ противорѣчіи съ прежними статутами о рабочихъ; но правительство едва ли могло не видѣть того факта, что общее повышеніе цѣнъ и оживленіе промышленности дѣлаютъ увеличеніе заработной платы и желательнымъ и возможнымъ. Мы можемъ при этомъ отмѣтить, что актъ доказываетъ существованіе стараго укоренившагося убѣжденія, что людей, способныхъ къ труду, слѣдуетъ принуждать къ нему. Земледѣльческихъ рабочихъ слѣдуетъ принуждать къ работѣ до шестидесятилѣтняго возраста, другихъ же рабочихъ и ремесленниковъ только до тридцатилѣтняго или до брака. Для обезпеченія постоянства работы опредѣлялось, что рабочіе въ нѣкоторыхъ промыслахъ должны наниматься на годъ; нельзя было нанимать человѣка изъ другого прихода, если онъ не доставитъ удовлетворительнаго аттестата отъ послѣдняго нанимателя.

Регулированіе заработной платы государствомъ.

Размѣръ заработной платы въ каждомъ округѣ опредѣлялся ежегодно мировыми судьями послѣ совѣщанія ихъ съ выбранными ими «для сего скромными и солидными людьми»; заработная плата опредѣлялась для всѣхъ отраслей промышленности и никто не долженъ былъ платить больше или меньше установленной такимъ образомъ платы. Это, очевидно, составляло большой шагъ впередъ сравнительно съ неудачными попытками старыхъ статутовъ о рабочихъ регулировать заработную плату.

Часы труда опредѣлялись также, какъ въ старыхъ законахъ. За исключеніемъ Лондона, работа должна была происходить отъ пяти часовъ утра до шести или восьми часовъ вечера лѣтомъ, но съ перерывами; такъ что рабочій день равнялся около девяти съ половиной часовъ. Зимой продолжительность рабочаго дня опредѣлялась дневнымъ свѣтомъ, такъ что, вѣроятно, онъ равнялся восьми съ половиной часовъ; но значеніе этого акта далеко не вполнѣ ясно и мы не знаемъ, насколько на практикѣ исполнялись его постановленія. Въ немъ далѣе заключались подробныя правила относительно учениковъ. Эти правила можно признать попыткой обезпечить надлежащее техническое обученіе лицъ, вступающихъ въ ту или иную промышленность, а также попыткой регулировать предложеніе труда разнаго рода и отношеніе числа учениковъ къ числу поденьщиковъ въ каждой отрасли промышленности. Такъ, напримѣръ, земледѣліе и сельскіе промыслы были поставлены въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ тѣ занятія, которыя требовали жизни въ городахъ и которые вообще представлялись менѣе необходимыми, или менѣе нужными для національнаго могущества. Потому земледѣлецъ могъ взять ученикомъ любого парня, а ремесленникъ въ городахъ могъ принять ученикомъ только сына свободнаго человѣка (freeman) и отнимать ихъ отъ земледѣлія не дозволялось. Купцы и лавочники подлежали

еще большимъ ограниченіямъ и могли брать учениками только сыновей сравнительно состоятельныхъ людей. Подобныя ограниченія, вѣроятно, до извѣстной степени обусловливались вліяніемъ среднихъ классовъ, которые не желали переполненія ихъ промысловъ; но все таки они, повидимому, указываютъ на желаніе поощрять обработку полей и другихъ сельскихъ промысловъ, что могло обезпечить государству предложеніе рукъ сильныхъ и пригодныхъ къ военному дѣлу людей, которые въ противномъ случаѣ могли бы переселиться въ города, и безъ того уже переполненные и нездоровые, и вступить въ профессіи, не имѣвшія прямого отношенія къ производству пищи и иныхъ необходимыхъ продуктовъ.

Организація промышленности.

Этотъ актъ интересенъ, какъ первая серьезная попытка послѣ разрушенія въ срединѣ шестнадцатаго вѣка средневѣковой организаціи организовать англійскую промышленность. Въ цѣломъ актъ построенъ на основаніи старыхъ понятій, но онъ доказываетъ, что государственные люди того времени признавали необходимой большую подвижность сравнительно съ той, какая была возможна при дѣйствіи старыхъ законовъ. Такъ напримѣръ по вопросу объ опредѣленіи заработной платы, повидимому, судьи были склонны давать авторитетную санкцію такимъ заработнымъ платамъ, которыя согласовались съ экономическими и промышленными условіями данной мѣстности и даннаго промысла, и не хотѣли настаивать на своихъ собственныхъ представленіяхъ о справедливыхъ заработныхъ платахъ или поддерживать тѣ цѣны на трудъ, которыя существовали въ прежніе годы. Государство, конечно, не отказалось отъ идеи, будто оно должно предѣлять размѣры заработной платы, но несомнѣнно, что теперь оно проявляло большее пониманіе необходимости осторожности и большее пониманіе значенія и могущества экономическихъ силъ, результаты которыхъ могутъ только въ самомъ лучшемъ случаѣ быть видоизмѣняемы соображеніями о желательности того или другаго размѣра заработной платы. Вслѣдствіе этого положеніе мировыхъ судей было нѣсколько похоже на положеніе современныхъ третейскихъ судей въ спорѣ о заработной платѣ, которые должны разсматривать не вопросъ о желательныхъ размѣрахъ заработной платы, а вопросъ о томъ, какая плата возможна при извѣстномъ состояніи рынка. Къ несчастію, мировые судьи, которые сами были, по большей части, нанимателями, были не всегда безпристрастными и подвергались подозрѣніямъ въ безчестности, даже въ томъ случаѣ, когда они поступали по совѣсти. Тѣмъ не менѣе вѣроятно, что ихъ функціи были полезными. Ихъ нельзя обвинять въ томъ, что заработная плата повышалась медленнѣе, чѣмъ цѣны, ибо это бываетъ такъ всегда, даже и въ томъ случаѣ, когда рабочіе объединены въ союзы и потому способны воспользоваться условіями улучшеннаго рынка. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что положеніе тѣхъ отрас-

лей промышленности, къ которымъ примѣнялся этотъ актъ, было благопріятно сравнительно съ положеніемъ тѣхъ новыхъ отраслей, которыя возникли въ восемнадцатомъ вѣкѣ и къ которымъ актъ не примѣнялся.

Вѣроятно, съ такимъ же одобреніемъ слѣдуетъ отнестись и къ попыткѣ, сдѣланной этимъ актомъ, обезпечить лучшее техническое образованіе для рабочихъ разныхъ отраслей искусной работы; но трудно сказать, не принесли ли правила относительно учениковъ болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Другой частью Елисаветинской организаціи промышленности было образованіе компаній, замѣнившихъ старую организацію цеховъ и гильдій, уже разлагавшуюся до реформаціи и почти уничтожившуюся въ силу конфискацій совѣта Генриха VIII и Эдуарда VI. Новыя компаніи по своему составу были учрежденіями болѣе широкими, чѣмъ старыя гильдіи; онѣ разрѣшались ни муниципалитетами, а короной. Онѣ были асосіаціями нанимателей въ противоположность старымъ гильдіямъ, которыя вообще были асосіаціями рабочихъ, и часто одна компанія охватывала нѣсколько отраслей промышленности.

Одной изъ главнѣйшихъ причинъ для образованія этихъ компаній была необходимость надзора за качествомъ товаровъ, предлагаемыхъ публикѣ; но болѣе широкій составъ этихъ компаній дѣлалъ ихъ менѣе пригодными для такой цѣли сравнительно съ старыми гильдіями, каковы онѣ были въ дни ихъ процвѣтанія.

Переселенія въ Англію иностранцевъ и вліяніе его на промышленность.

Англійская промышленность въ царствованіе Елисаветы сильно развилась благодаря переселенію въ Англію протестантскихъ изгнанниковъ изъ Фландріи и, въ меньшемъ количествѣ, изъ Франціи. Какъ относительно всѣхъ иныхъ вопросовъ, касающихся промышленности, такъ и тутъ считалось необходимымъ, чтобы правительство регулировало допущеніе и привиллегіи иностранцевъ. Въ 1561 году Сандуичу было разрѣшено принять двадцать или двадцать пять мастеровъ суконщиковъ или рыбаковъ. Въ теченіи послѣднихъ шестидесяти лѣтъ Сандуичъ пришелъ въ упадокъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе обмѣленія гавани. Правительство надѣялось оживить промышленность этого города при помощи этихъ иностранцевъ и опытъ былъ столь удаченъ, что его повторили и въ Сандуичѣ и въ другихъ мѣстахъ. При описаніи, произведенномъ въ восьмой годъ царствованія, въ Сандуичѣ оказалось сто двадцать человѣкъ Валлонцевъ и двѣсти девяносто одинъ домохозяевъ англичанъ. Иммигранты ввели также бумажную и шелковыя мануфактуры.

Въ 1565 году такое же разрѣшеніе получилъ и Норвичъ и къ 1571 году тамъ поселилось не менѣе четырехъ тысячъ уроженцевъ Нидерландъ, кромѣ большаго количества ихъ въ другихъ частяхъ Норфолька. Они ввели производство «саржи, трика, тканныхъ шпалеръ и тому подобныхъ матерій». Первая книга, напечатанная въ

Норвичѣ, была, напечатана въ 1570 году однимъ изъ иммигрантовъ и до сихъ поръ нѣкоторые изъ жителей этого города носятъ имена, производныя отъ голландскихъ.

Въ 1567 году Медстонъ просилъ о разрѣшеніи принять переселенцевъ. Просьба была уважена и тогда появилась та мануфактура пряжи, которая процвѣтала здѣсь въ теченіе почти трехсотъ лѣтъ.

Французскія мануфактуры шелка и кружевъ.

Производство кружевъ было введено изгнанниками изъ Алансона и Валансьена въ Кранфильдѣ въ Бедфордширѣ и оттуда перешло въ Буксъ, Оксфордширъ и Нортгамптонширъ. Другіе эммигранты ввели производство кружевъ въ Девонѣ. Шелковыя мануфактуры тоже были введены въ Англіи французами гугенотами; въ числѣ другихъ произведеній искусства и предпріимчивости бѣглецовъ изъ Нидерландъ упоминается о пергаментѣ, иголкахъ и фаянсовыхъ банкахъ (gallipot).

Почти всегда округа, гдѣ поселялись бѣглецы, получали большія выгоды. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они, понятно, возбуждали зависть туземныхъ ремесленниковъ; но то обстоятельство, что новоприбывшіе были протестанты, изгнанные за ихъ религію, вѣроятно усмиряло нерасположеніе къ нимъ населенія, а усовершенствованія, введенныя въ англійскую промышленность иностранцами, были столь значительны и произошли столь быстро, что ни правительство, ни населеніе не были расположены слушать жалобы ихъ соперниковъ. Въ позднѣйшее время были приняты нѣкоторыя ограничительныя мѣры и въ 1592 году иммигранты были обязаны проходить семилѣтній срокъ ученичества.

Шерстяная промышленность.

Пока иностранцы создавали нѣкоторыя новыя промышленности, туземная шерстяная промышленность сохраняла еще свое прежнее преобладаніе. Управленіе ею все болѣе и болѣе переходило въ руки капиталистовъ, раздававшихъ работу и богатѣвшихъ, отчасти потому, что они воспользовались выгодами раздѣленія труда, возможнаго при каждомъ производствѣ. Чесальщики (или валяльщики, carders) сдѣлались вліятельной корпораціей и получили возможность добиться законодательныхъ актовъ, воспрещавшихъ ввозъ иностранныхъ чесалокъ (кардъ для шерсти). Суконщики въ большихъ городахъ и въ сельскихъ округахъ являлись соперниками и конкуррентами. Послѣдніе пользовались большей свободой и повидимому, это часто уравновѣшивало выгоды концентраціи и большія удобства крупной промышленности. Парламентъ часто пытался ограничивать отдѣльныя отрасли промышленности отдѣльными городами, вѣроятно въ силу предположенія, что тамъ благодаря большей легкости надзора легче сохранить хорошія качества товаровъ, но его усилія охранять монополію немногихъ городовъ оказалось не особенно удачными.

Ввозъ и вывозъ.

Переработка шерсти въ ткани производилась въ восточныхъ граф-

ствахъ, особенно въ Норфолькѣ. До прибытія протестантскихъ изгнанниковъ эта промышленность процвѣтала. Уже въ 1554 году мэръ и нѣкоторые изъ главныхъ рабочихъ (фабрикантовъ-мастерковъ) наняли иностранцевъ ремесленниковъ обучать Норвичскихъ ткачей нѣкоторымъ изъ отраслей шерстяной промышленности. Результатомъ было появленіе извѣстныхъ Норвичскихъ сатиновъ и бумазей (fustian). Чтобы уяснить характеръ англійскихъ мануфактуръ и увеличивающееся потребленіе предметовъ роскоши приведемъ интересный списокъ ввозимыхъ продуктовъ между Англіей и Антверпеномъ, портомъ, съ которымъ Англія вела наибольшую торговлю. Списокъ этотъ составленъ Гвиччіардини. «Антверпенъ отправляетъ въ Англію, говоритъ онъ, брилліанты и драгоцѣнные камни, серебро, металъ въ слиткахъ, ртуть, шелковыя ткани, золотую и серебряную парчу, золотыя и серебряныя нитки, камлотъ (camblets), гронранъ (grogram—шелковая матерія), пряности, аптекарскіе товары (drugs), сахаръ, хлопчатую бумагу, чернильный орѣхъ, полотно, тонкое и грубое, саржу, бумагу, шпалеры, марену, хмѣль въ большомъ количествѣ, стекло, соленую рыбу, металическіе товары и другіе товары всякаго рода на большія суммы, оружіе всякаго рода, военную аммуницію, и хозяйственныя снаряды. Изъ Англіи же Антверпенъ получаетъ большое количество тонкихъ и грубыхъ суконъ, бахрому и другія вещи этого рода на большія суммы, тончайшую шерсть, превосходный шафранъ въ небольшомъ количествѣ, много свинца и цинка, безчисленное количество овечьихъ и кроличьихъ шкуръ, и различныхъ другихъ сортовъ хорошихъ мѣховъ и кожъ, пиво, сыръ и другаго рода жизненные припасы, а также малвазію, которую Англія ввозитъ изъ Кандіи».

Слѣдуетъ отмѣтить, что изъ Англіи вывозились по большей части только сырье или полуфабрикаты. Большая часть англійскихъ суконъ, шерстяныхъ тканей и шерсти вывозилась изъ Антверпена въ Италію, Скандинавію и другія страны Европы.

Вышеприведенный списокъ, относящійся только къ торгу съ Антверпеномъ, не можетъ считаться полнымъ спискомъ нашего ввоза и вывоза въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Изъ Индіи, Персіи и Турціи, изъ Швеціи, Россіи и Новаго свѣта ввозились предметы роскоши, неизвѣстные прежнимъ поколѣніямъ англичанъ и нѣкоторые изъ тогдашнихъ стариковъ боялись, что результатомъ этого будетъ общественная деморализація [1]).

---

[1]) Въ числѣ предметовъ, ввозимыхъ впервые въ Англію отъ 1518 до 1578 года, можно упомянуть яблоки (ранеты), абрикосы, хмѣль, индѣйки и табакъ. „Женскія маски, корсеты (изъ китоваго уса), вѣера, муфты, парики и шпильки“ ввезены въ Англію около 1532 года.

Крупныя торговыя компаніи.

Иностранная торговля находилась главнымъ образомъ въ рукахъ нѣсколькихъ крупныхъ компаній, пользующихся легальной монополіей въ разныхъ странахъ. Первыя изъ такихъ компаній не были акціонерными. Это были асеоціаціи купцовъ, изъ которыхъ каждый торговалъ своимъ капиталомъ и на свой рискъ, лишь бы онъ былъ членомъ компаніи и подчинялся ея правиламъ.

Merchant Adventurers.

Самая старая изъ этихъ компаній—это Merchant Adventurers, о которой мы говорили въ предыдущемъ томѣ. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, были основаны нѣкоторыя новыя и очень значительныя компаніи. Такъ напр. Русская компанія получила свою первую хартію въ 1555 году. Она получила монополію торговли съ Россіей и со всѣми новыми странами, какія ея служащимъ удастся открыть.

Русская компанія.

Царь Иванъ Грозный вскорѣ разрѣшилъ этимъ купцамъ въѣздъ въ его владѣнія, но они пытались открыть новую торговую дорогу чрезъ Россію въ Персію. Въ 1556 году парламентскимъ актомъ ея монополія были разширены, имъ была предоставлена торговля съ Арменіей, Медіей, Гирканіей, Персіей и Каспійскимъ моремъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы торговля велась только на англійскихъ корабляхъ и большинство экипажа состояло изъ англичанъ. Компанія процвѣтала до 1571 года. Потомъ она начала падать, частію вслѣдствіе колебаній въ политикѣ царя, и частію вслѣдствіе жадности самой компаніи. Голландскіе и нѣмецкіе купцы захватили большую часть русской торговли, да и англійскіе купцы различными средствами обходили монополію.

Восточная и левантская компаніи.

Изъ другихъ компаній упоминаемъ только о восточной (Eastland Company), торговавшей въ Балтійскомъ морѣ и о Левантской, торговавшей съ Турціей, Сиріей и Малой Азіей. Къ концу царствованія Елисаветы Франція была почти единственной страной, съ которой могли торговать англійскіе купцы, ни будучи членами какой нибудь компаніи.

Такая система компаній вела ко многимъ злоупотребленіямъ, которыя всегда сопутствуютъ монополіямъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что вообще свобода торговли навряд ли была желательна въ царствованіе Елисаветы. Только надежда получить особыя привиллегіи могли привлекать купцовъ къ открытію новыхъ и рискованныхъ рынковъ и только организація такихъ купцовъ въ компаніи давала средства обороны противъ угнетеній часто полуварварскихъ иностранныхъ государствъ, съ подданными которыхъ торговали купцы.

Ростъ богатства и торговли. Биржа.

Въ числѣ другихъ указаній на ростъ богатства и торговли Англіи въ первую половину царствованія Елисаветы упомянемъ еще о двухъ фактахъ. Первый—это постройка биржи (Royal Exchange). До сихъ поръ лондонскіе купцы вели свои мѣновыя операціи въ Lombard Street на открытомъ воздухѣ. Въ 1566 году началась по-

стройка биржи. Построена она была главнымъ образомъ на пожертвованія сэра Томаса Грешама, купца, ведущаго торговлю и финансовыя дѣла королевы съ иностранцами. Сознаніе непригодности существовавшихъ учрежденій обмѣна при увеличеніи торговыхъ сдѣлокъ въ Лондонѣ побудило Грешама предложить уплатить издержки постройки, если лондонская корпорація дастъ мѣсто. Другой фактъ, указывающій на увеличеніе богатства Англіи, состоитъ въ томъ, что когда правительство хотѣло занять въ 1569 году, оно въ первый разъ могло произвести заемъ въ Англіи, не прибѣгая къ помощи иностранныхъ капиталистовъ.

Статистическія данныя о Лондонѣ.

Крейгтона.

Перенаселеніе Лондона.

1580 годъ замѣчателенъ въ исторіи Лондона по принятію государствомъ обдуманной политики на основаніи мнѣнія Частнаго Совѣта и по настоянію мэра, алдерменовъ и иныхъ видныхъ людей въ Сити—политики, стремившейся къ ограниченію столицы, насколько это было возможно, старой обитаемой площадью внутри городскихъ стѣнъ, воспретивъ новыя постройки на новыхъ мѣстахъ въ приходахъ за стѣнами или на три мили отъ воротъ Сити. Это распоряженіе было сдѣлано королевской прокламаціей, подписанной королевой въ Нонсёчь (Nonesuch), близь Ипсома, 7 іюня 1580 года; это была временная мѣра, принятая до тѣхъ поръ, пока не будетъ издано другое распоряженіе, проведенное чрезъ парламентъ или инымъ путемъ; однако, въ теченіи почти ста лѣтъ пытались осуществлять политику задержанія роста Лондона именно при посредствѣ королевскихъ прокламацій. Основаніемъ для такого замѣчательнаго распоряженія признавали то, что «теперь большое количество народа вынуждено жить на маломъ пространствѣ, а большая часть его очень бѣдна; подобные люди должны жить нищенствомъ или еще худшими промыслами, они скопляются въ одномъ домѣ или маломъ помѣщеніи съ многими дѣтьми и слугами». Несомнѣнно, что это было слѣдствіемъ бродяжества и паугаризма, начавшагося въ селахъ при первыхъ Тюдорахъ вслѣдствіе превращенія пахотныхъ земель въ пастбища, увеличивавшагося численно въ силу неблагоразумныхъ браковъ и уничтоженія всѣхъ другихъ средневѣковыхъ методовъ ограниченія роста населенія, уничтоженія, бывшаго слѣдствіемъ реформаціи, и сдѣлавшагося такимъ образомъ частью національной жизни, такъ что еще до конца царствованія Елисаветы пау-

перизмъ и бродяжество вызвали законодательство о бѣдныхъ. Бродяги и «безземельные» естественно шли въ Лондонъ, хотя въ самый городъ ихъ и не пускали. Въ одномъ діалогѣ 1564 года нищій останавливается у дверей горожанина и читаетъ своимъ пѣвучимъ нортумбрійскимъ говоромъ молитву Господню или ея подобіе. «Какъ ты попалъ въ ворота?»—спрашиваетъ горожанинъ (civis); на это нищій отвѣчаетъ, что сторожъ нищихъ (Beadle of Beggars) его землякъ и услыхавъ его портумбрійскій говоръ, сжалился надъ нимъ. Такъ или иначе, но такъ называемыя Liberties, т. е. окраины Лондона, у его стѣнъ, были наполнены сравнительно бѣднымъ и часто преступнымъ классомъ, жившимъ въ плохихъ помѣщеніяхъ, и занимавшимся «главнымъ образомъ нищенствомъ или еще худшими промыслами». Уже и теперь замѣчены многія неудобства, гласитъ прокламація 1580 года, и, вѣроятно, ихъ будетъ еще больше; главной же опасностью, которой особенно боялись, было распространеніе чумы въ Сити и во всемъ королевствѣ. Юрисдикція мэра и альдерменовъ распространялась на эти окраины города до заставъ (Temple-Bar, Гольборна, заставы въ Западномъ Смитфильдѣ и такъ далѣе по всему полукругу до заставы на большой дорогѣ Чайтчанель). Но рука закона не достигала Liberties (окраинъ) настолько, насколько она достигала благоустроеннаго и правильно обстроеннаго Сити; вѣроятно, что часть столицы за стѣнами была неблагоустроена и плохо управляема и во многихъ другихъ отношеніяхъ, помимо санитарнаго ея положенія. Одной изъ академическихъ темъ того времени, обсуждаемой въ указателѣ къ «Обзору Лондона» Джона Стоу, была тема о наиболѣе удобной величинѣ городской общины. Авторъ статьи приводитъ мнѣніе греческаго архитектора Гипподама, съ которымъ современные читатели знакомы по «Политикѣ» Аристотеля, что самая большая община, которой можно хорошо управлять, охранять ея здравіе и хорошо питать, должна состоять не болѣе, какъ изъ десяти тысячъ жителей.

Репрессивной политики, принятой по иниціативѣ мэра и альдерменовъ въ 1580 году, формально придерживались въ теченіи почти ста лѣтъ, а въ это время Лондонъ выросъ въ четыре раза по числу жителей и по пространству занимаемой площади. Письмо отъ 27 іюня 1602 года даетъ намъ представленіе о дѣйствіи вышеупомянутой политики: «Совѣтъ замѣтилъ неудобное увеличеніе числа домовъ въ Лондонѣ и около него, такъ какъ строили въ разныхъ углахъ, въ садахъ, надъ конюшнями. Тогда начали кое гдѣ сносить эти дома и почти во всѣхъ приходахъ это падало на бѣднѣйшихъ — но это мало пособило дѣлу». Домохозяевъ часто вызывали къ суду за неправильныя постройки, но только въ случаѣ явныхъ нарушеній закона; такъ напр. въ майскую сессію въ Миддльэкексѣ въ 1637 году шло дѣло о домѣ, въ которомъ жили одинадцать семей и пятнад-

цать одинокихъ. Лондонъ продолжалъ расти, но росъ онъ неправильно и во вредъ санитарному его положенію, такъ какъ не думали о правильномъ его расширеніи. Теперь, впрочемъ, насъ занимаетъ не этотъ вопросъ, а вопросъ о дѣйствительномъ населеніи столицы въ то время, когда королева повелѣла, чтобы по радіусу въ три мили отъ воротъ Сити не строилось болѣе домовъ.

Населеніе Лондона въ 1580 году.

Мы имѣемъ возможность съ полной точностью подсчитать населеніе Лондона въ этомъ, 1580 году. Во время чумныхъ безпорядковъ 1582 года, когда городскія власти упрекали Совѣтъ и дворъ, лордъ Бурлей получилъ отъ мэра рядъ еженедѣльныхъ отчетовъ о погребеніяхъ умершихъ отъ чумы и отъ всѣхъ иныхъ причинъ и цифры о числѣ дѣтей, крещенныхъ за недѣлю. Мэръ получилъ всѣ эти цифры изъ книги общества приходскихъ клерковъ (секретарей, писцовъ), которые уже начиная съ царствованія Генриха VIII начали составлять еженедѣльные списки смертности во время чумной эпидеміи и постепенно превратились въ регистраторовъ рожденій и смертныхъ случаевъ—и эту обязанность въ Лондонѣ они исполняли до акта регистраціи 1837 года. Результатомъ требованія лорда казначея Бурлея была таблица въ десять или болѣе страницъ in-quarto (сохраняется среди бумагъ Сесиля въ Гатфильдѣ); эта таблица указываетъ на число еженедѣльныхъ погребеній отъ чумы и отъ обычныхъ причинъ и на число еженедѣльно крестимыхъ дѣтей, а также въ ней есть столбцы о мертворожденныхъ и о числѣ приходовъ, свободныхъ отъ чумы въ соотвѣтственную недѣлю. Таблица описываетъ періодъ въ пять лѣтъ, отъ 1578 до 1582 года включительно, и первыя пять недѣль 1583 года. Неизвѣстно, сколько именно приходовъ включено въ отчетъ, но вѣроятно (на основаніи извѣстныхъ намъ прецедентовъ 1563 и 1574 годовъ), что тутъ дѣло идетъ о ста восьми приходахъ, изъ коихъ девяносто семь (по большей части не большіе) были въ стѣнахъ города, а одиннадцать за стѣнами и въ предмѣстьяхъ (Liberties), включая и приворотные приходы, Ольдгэтъ, Бишопсгэтъ, Криппльгэтъ и Альдерсгэтъ, которые частію были въ стѣнахъ и частію за стѣнами. Въ цыфрахъ 1563 года было одиннадцать внѣшнихъ приходовъ кромѣ ста восьми, включая приходы Гакней, Стокъ-Невингтонъ, Ислингтонъ, Вестминстеръ, Ламбетъ и Стэпней; если они не включены въ таблицы 1578—82 годовъ, то нужно увеличить слѣдующія цыфры на одну седьмую. Въ примѣчаніи сведены итоги[1]). Ежегодняя средняя цыфра погре-

	Смертность отъ чумы.	Отъ иныхъ причинъ.	Число всѣхъ смертей.	Число крещеній.
[1]) 1578	3568	4262	7830	3150
1579	629	2777	3406	3430
1580	128	2745	2873	3568
1581 (только 45 недѣль)	987	2954	2931	2949
1582 (51 недѣля) . . .	2976	3780	4762	3433

беній на 33° повысилась въ силу суровости эпидеміи въ теченіи четырехъ изъ пяти годовъ; въ 1580 году, когда эпидемія была слабой (отъ нее умерло только 128 человѣкъ) число крещеній было 3588, а погребеній только 2873; рожденія превышали смертность на 24°. При числѣ крещеній, большемъ на $^1/_4$ числа погребеній (въ годъ безъ чумной эпидеміи), можно принять, что процентъ рожденій и процентъ смертности были благопріятными—примѣрно, 29 рожденій на 1000 жителей и 23 смертности на 1000, что даетъ цыфру населенія въ 123,000 человѣкъ.

Населеніе Лондона въ предыдущіе періоды.

Вѣроятно, что населеніе Лондона, высчитанное для 1580 года, было вдвое больше населенія во время реформаціи или во время уничтоженія монастырей и что оно въ три раза превышало населеніе Лондона во время всего средневѣковаго періода. Самое раннее изъ извѣстныхъ вычисленій населенія Лондона—это вычисленіе, сдѣланное во времена Ричарда I лондонскимъ архидіакономъ, Петромъ изъ Блуа. Архидіаконъ могъ быть свѣдущимъ въ этомъ дѣлѣ человѣкомъ; онъ говоритъ, что приходскихъ церквей было 120 (большинство ихъ было, вѣроятно, капеллами), кромѣ тринадцати большихъ монастырскихъ церквей, а число жителей было, по его показанію, 40,000. Эти цыфры онъ даетъ въ письмѣ къ Папѣ, чтобы указать, какъ плохо платятъ ему его архидіаконское жалованье. При переписи для собиранія поголовнаго сбора (Poll-tax), въ Лондонѣ считали 23,314 человѣкъ больше 14 лѣтъ, что, принимая во вниманіе число дѣтей и количество возможныхъ уклоненій отъ налога, даетъ цыфру населенія въ 45,000. Почти все это населеніе жило въ стѣнахъ города или у воротъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого (въ 1393 году) образовалось западное предмѣстье (Western Liberty) или приходъ Фаррингдонъ (ward of Farringdon Without). Два сохранившіеся списка смертности во времена Генриха VIII легко могутъ ввести насъ въ заблужденіе относительно числа населенія, такъ какъ каждый изъ нихъ относится только къ одной недѣлѣ во время чумной эпидеміи; но изъ изученія этихъ цыфръ можно сдѣлать вѣроятный выводъ, что въ 1532—1535 годами населеніе равнялось 60,000 человѣкъ, изъ коихъ 20,000 жили въ приходахъ за стѣнами.

Смертность въ 1563 году составляетъ лучшее основанніе для вычисленій, такъ какъ за этотъ годъ извѣстно и число крещеній, потому что одна іюльская недѣля, указывающая на населеніе въ 90000, цифра, въ которую вѣроятно, включены и нѣсколько тысячъ жителей внѣшнихъ приходовъ за заставами свободы (Bars of Freedom). Правда, что венеціанскій посланникъ въ большой депешѣ къ своему правительству въ 1554 году, даетъ цифру населенія Лондона, вдвое большую (180,000); но онъ доказываетъ въ двухъ или трехъ другихъ случаяхъ свое полное непониманіе дѣла статистическихъ вы-

численій, какъ напр. относительно смертности отъ эпидеміи «потовой горячки» 1551 года, относительно численности ливрейной свиты нѣкоторыхъ вельможъ,—эти цифры у него показаны сильно преувеличенными сравнительно съ точными цифрами Стоу.

Статистика (политическая ариѳметика).

Въ то время статистическая наука еще не существовала, даже точныя и красиво написанныя таблицы рожденій и смертности лорда Бурлея за пять лѣтъ (1578—1582) навряд ъ ли употреблялись такъ, какъ мы употребляемъ теперь подобныя таблицы, т. е. для вычисленія населенія. Первыя попытки въ этомъ родѣ сдѣланы Джономъ Граунтомъ изъ Биркинъ-Лэна, въ 1662 году. Онъ долго не рѣшался сдѣлать эту попытку, помня «дурно истолкованный примѣръ Давида» въ послѣдней главѣ книги Самуила (если бы онъ могъ предвидѣть большую чумную эпидемію 1665 года, онъ навряд ъ ли преодолѣлъ бы свои сомнѣнія); и когда онъ услышалъ, что альдермены и другіе важные и мудрые люди въ Сити считаютъ населеніе послѣ Реставраціи въ нѣсколько милліоновъ, онъ, наконецъ, набрался смѣлости для того, чтобы примѣнить тройное правило къ числу погребеній и крещеній и высчиталъ, что все количество жителей равняется 460000, изъ коихъ пятая часть живетъ въ стѣнахъ, пятая часть въ дальнихъ приходахъ, три пятыхъ въ предмѣстьяхъ и въ концѣ внѣшнихъ приходовъ близь этихъ предмѣстій. Населеніе стараго Сити, около 90,000 въ 1662 году, было, можетъ быть, уже максимальнымъ для него. Сити занимало площадь въ 380 акровъ и тѣсное кольцо предмѣстьевъ (Liberties) вокругъ Сити около 300 акровъ. Въ Сити во времена сэра Томася Мора были огороды и сады сзади домовъ, зеленѣвшія кладбища вокругъ многихъ церквей и общественные сады на Тоуэръ Гилль, а теперь должно было пожертвовать всякимъ футомъ открытой площади, чтобы имѣть 90000 населенія.

Можетъ быть послѣдней изъ такихъ жертвъ была постройка двадцати домовъ въ Куллумъ-Стритѣ послѣ пожара 1666 года, на мѣстѣ стараго замка (mansion) и сада, находившагося до тѣхъ поръ между улицами Лаймъ-Стритъ и Фенчерчъ-Стритъ.

Общество во времена Елисаветы.

Сентсбюри.

Хотя и несомнѣнно, что невозможно пріурочивать къ какому нибудь опредѣленному моменту времени такія явленія, какъ возвышеніе среднихъ классовъ или общее распространеніе торговли, но также несомнѣнно и то, что общее мнѣніе, пріурочивающее подоб-

ныя явленія въ Англіи къ времени царствованія Елисаветы, въ общемъ довольно основательно. Средніе классы общества, конечно, существовали во всякое время, точно также во всякое время существовала и торговля; но до пятнадцатаго вѣка, или около того, Англіи было почти нечего вывозить, кромѣ шерсти, да и ввозъ ея былъ не такъ великъ, чтобы сдѣлать возможнымъ появленіе очень значительнаго и очень богатого класса торговцевъ. Вліянія, которыя съ увеличивающейся скоростью и силой видоизмѣнили все это въ концѣ пятнадцатаго и еще болѣе въ шестнадцатомъ вѣкѣ были уже отчасти указаны въ этомъ сочиненіи, но здѣсь будетъ удобно резюмировать сказанное раньше.

Внутри Англіи эти вліянія были: увеличеніе населенія послѣ уничтоженія причинъ, задерживающихъ это увеличеніе Черной Смертью, Столѣтней войной и войной Розъ; тенденція къ сокращенію пахотныхъ полей и къ огораживанію фермъ; уничтоженіе монастырей и, какъ его слѣдствіе, разложеніе и перестройка стараго строя націи (съ этихъ поръ закрывался выходъ въ монашеское тихое житіе и соединенныя съ нимъ занятія), развитіе домашняго комфорта и роскоши; развитіе печати и обусловливаемое всѣмъ этимъ развитіе свѣтской стороны легальной профессіи. За предѣлами страны такими же вліяніями были, прежде всего, громадный переворотъ, произведенный и поддерживаемый открытіемъ Америки и морскаго пути на востокъ; увеличивающаяся энергія въ торговыхъ предпріятіяхъ съ Америкой и востокомъ вслѣдствіе все ростущей религіозной и патріотической вражды между Англіей и великими континентальными державами—особенно Испаніей и ея будущей вассальной страной, Португаліей—и начало Европейской торговли, частію вслѣдствіе сообщеній съ Россіей и Турціей, и частію вслѣдствіе непрерывныхъ замѣшательствъ въ западной Европѣ и произведенныхъ ими или слѣдующихъ за ними религіозныхъ и политическихъ измѣненій. Если бы былъ желателенъ болѣе общій и подробный отчетъ обо всемъ этомъ, то было бы достаточно сказать, что ростъ торговли (и необходимо слѣдующее за нимъ возвышеніе среднихъ классовъ) былъ просто однимъ изъ наиболѣе очевидныхъ результатовъ неопредѣлимаго и неопреодолимаго духа новшества и измѣненій, отличавшаго именно шестнадцатый вѣкъ, можетъ быть, болѣе всякаго другого вѣка въ извѣстной намъ всемірной исторіи.

Достаточное количество произведеній изящной литературы—это время въ исторіи Англіи было первымъ, когда можно было говорить объ изобиліи произведеній этаго рода—позволяетъ намъ съ значительной легкостью и живостью представить себѣ происходившія и имѣющія вскорѣ произойти общественныя измѣненія. Въ особенности въ тогдашней драматической литературѣ, въ замѣчательномъ и цѣнномъ рядѣ памфлетовъ (принадлежавшихъ, впрочемъ,

перу писателей позднѣйшаго времени Елизаветы и Іакова, и отчасти и ихъ предшественниковъ, которыхъ было достаточно—такъ что говоря о немъ въ этой главѣ, мы не рискуемъ быть повинными въ анахронизмѣ), во многихъ мѣстахъ болѣе серьезныхъ произведеній, въ религіозныхъ спорахъ, въ біографіяхъ, и въ новомъ, только что зарождавшемся литературномъ родѣ описаній и путешествій англичанъ и иностранцевъ, мы находимъ достаточный арсеналъ средствъ для опредѣленія измѣненій и прибавленій въ типахъ и въ силахъ англійской общественной и частной жизни съ того времени, когда Чосеръ и Лангландъ—съ художественной силой, не меньшей, чѣмъ у Елисаветинскихъ писателей, но по болѣе узкому полотну и болѣе простыми красками—рисовали намъ типы и фигуры людей, жившихъ до полутораста лѣтъ до описываемаго теперь періода.

Дворъ.

Общественные классы въ то время были болѣе обособленными въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, чѣмъ въ настоящее время, но въ другихъ отношеніяхъ они смѣшивали гораздо больше. Только послѣ введенія нѣмецкаго этикета во второе десятилѣтіе восемнадцатаго вѣка дворъ рѣзко выдѣлился изъ среды народа; красивая, хотя и не весьма приличная поэма Дорсета указываетъ, что даже при позднѣйшихъ Стюартахъ личности всякаго рода, даже совершенно неизвѣстныя, могли безпрепятственно и безъ всякаго приглашенія явиться ко двору—и притомъ безъ всякаго риска, если только вели себя прилично. Во времена Елисаветы постоянныя зрѣлища и поѣздки двора по странѣ ставили дворъ и народъ въ довольно близкія отношенія; королева до значительной степени сохранила склонность ея отца быть за панибрата съ ея подданными. Но она унаслѣдовала также и его непостоянство, и это непостоянство и ея очень строгія понятія о ея достоинствѣ не позволяли ей поощрять такое легкое общеніе съ подданными, какое позволяли ея наслѣдникъ и внукъ этаго послѣдняго, Карлъ II. Вообще говоря, въ литературѣ того времени мы не встрѣчаемъ особенно много указаній о дворѣ, за исключеніемъ отношеній чисто оффиціальныхъ. Отчасти это объясняется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что большая часть этой литературы была тѣмъ, что мы теперь называемъ «цыганской», а отчасти и укоренившейся привычкой того времени маскировать и скрывать подобныя отношенія всяческими аллегоріями и парафразами. Маскарады, ристалища, турниры, поѣздки по странѣ и всякаго рода зрѣлища играли очень большую роль въ жизни шестнадцатаго и начала семнадцатаго вѣковъ—роль гораздо большую, чѣмъ всѣ соотвѣтствующія имъ увеселенія въ настоящее время.

Знать и ея свита.

Въ нѣкоторомъ отношеніи классъ людей, стоящихъ непосредственно ниже государя, пользовался большимъ вліяніемъ, чѣмъ самъ государь. Немногіе остававшіеся члены стараго дворянства, еще меньшее количество лицъ, при Елисаветѣ получившихъ дворянство,

государственные сановники, болѣе богатые изъ провинціальныхъ дворянъ въ рангѣ рыцаря и видные чиновники, (начиная съ епископа и судей) поддерживали и вели такое хозяйство, подобнаго которому мы не знаемъ въ настоящее время. Даже при жизни королевы, и не въ самомъ концѣ ея царствованія, по поводу смерти Эдуарда, графа Дерби, сожалѣли, что съ нимъ кончается «старое англійское гостепріимство», хотя на основаніи того, что намъ извѣстно о жизни другихъ вельможъ, казалось бы, что сожалѣть не о чемъ. Однако, содержаніе регулярной средневѣковой свиты вооруженныхъ и дисциплинированныхъ воиновъ было затруднено указами Генриха VII и было бы опаснымъ дѣломъ при капризной тираніи его сына; но хотя Елизавета была не менѣе подозрительна, чѣмъ ея дѣдъ и не менѣе капризна—хотя и не столь кровожадна—чѣмъ ея отецъ, обычай содержанія свиты сохранялся и въ ея время; остатки его мы встрѣчаемъ даже во времена гражданскихъ войнъ. Въ настоящее время трудно найти что либо болѣе чуждое нашимъ обычаямъ, что либо менѣе понятное для насъ, какъ положеніе тогдашняго «джентльмена» въ знатномъ домѣ Безъ преувеличенія можно утверждать, что такое положеніе составляло нѣкоторую профессію для людей благороднаго или почтеннаго происхожденія, не имѣвшихъ средствъ; можно безъ преувеличенія утверждать, что такая профессія была обычной переходной профессіей между временемъ окончанія университетскаго образованія и временемъ вступленія въ настоящую, постоянную профессію или полученіемъ мѣста на гражданской или военной службѣ. Напримѣръ поэтъ Донне, уже женатый и имѣвшій дѣтей, въ то время, когда онъ колебался между юридической и церковной каррьерой, занималъ подобное положеніе въ домѣ не особенно знатнаго человѣка, простаго рыцаря въ Сюрреѣ Начиная отъ такихъ людей до графовъ и архіепископовъ, всякій богатый и родовитый человѣкъ или всякій богатый и чиновный человѣкъ держалъ большее или меньшее количество такихъ «благородныхъ» прислужниковъ. Обыкновенно онъ давалъ имъ только комнату въ своемъ всегда обширномъ домѣ и всегда изобильный, хотя и нѣсколько грубый столъ. Впрочемъ, вообще трудно опредѣлить, что именно получали такіе прислужники. Во время публичныхъ зрѣлищъ или при оффиціальныхъ торжествахъ они сопровождали своего патрона, исполняли его разныя порученія; они придавали ему значеніе въ обществѣ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ они дрались за него, какъ напр. было у Уайтта и Эссекса. Ихъ количество было чрезмѣрно большимъ, если принять во вниманіе не особенно многочисленное тогда населеніе страны; и такъ какъ большая часть ихъ обязанностей состояла въ томъ, чтобы публично парадировать въ настолько красивомъ, насколько это было въ ихъ средствахъ, костюмѣ, то приходится признать, что они имѣли нѣкоторое значеніе въ томъ безпо-

койномъ и подвижномъ обществѣ, которое наполняло разнообразныя зрѣлища того времени.

Небогатое дворянство.

Классъ людей, стоящій непосредственно ниже такихъ лордовъ—нанимателей свиты (если только къ нимъ можно примѣнить этотъ терминъ: наниматель) и выше низшихъ профессіональныхъ и высшаго торговаго классовъ—это мелкое провинціальное дворянство. О немъ нечего говорить много. Лица этаго класса часто—можетъ быть, въ большинствѣ случаевъ—служили въ молодости пажами или въ иной должности въ знатныхъ домахъ и такимъ образомъ составляли часть вышеописаннаго общественнаго класса. Когда же они получали свои помѣстья, то они рѣдко появлялись въ Лондонѣ кромѣ тѣхъ случаевъ, когда пріѣзжали въ Парламентъ или по какому нибудь дѣлу и не охотно усвоивали обычаи и нравы столичныхъ жителей. Да обыкновенно имъ и не по себѣ было въ столицѣ; если что нибудь и есть преувеличеннаго въ изображеніяхъ, которыя мы постоянно встрѣчаемъ въ литературѣ того времени—сквайра, разореннаго или по крайней мѣрѣ сильно ощипаннаго ростовщиками и адвокатами, придворными и купцами, то во всякомъ случаѣ въ этихъ изображеніяхъ много вѣрнаго. Быстрое возвышеніе торговаго и профессіональнаго классовъ и желаніе всякаго англичанина «основать родъ», должны были представлять не малое искушеніе для провинціальнаго дворянина, который не былъ совсѣмъ «пижономъ» (или, какъ говорили тогда, coney, олухомъ), превратить свои десятины въ деньги. Дворянское хозяйство, даже въ скромной его формѣ, было очень убыточно, тогда какъ торговецъ или получавшій, но еще не получившій, извѣстность адвокатъ, докторъ или священникъ самыми законами того времени и обычаями не поощрялись къ тратамъ денегъ и въ началѣ своей карьеры всегда были пріобрѣтателями. Собственно говоря, не было еще регулярной арміи или флота; въ военное время должности въ нихъ занимались главнымъ образомъ, если не исключительно, людьми того класса «джентльменовъ», которые содержали и составляли свиту. Но за то много денегъ пріобрѣталось (хотя не мало ихъ терялось) въ тогдашнихъ полупиратскихъ, полуторговыхъ экспедиціяхъ; еще болѣе денегъ пріобрѣталось настоящей торговлей, внѣшней и внутренней, юридической дѣятельностью во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ отъ адвоката до писца, и вѣроятно, медициной. А разрѣшеніе соединять въ однихъ рукахъ приходы дѣлало профессію церковника чрезвычайно выгодной.

Университеты и Общество.

Не слѣдуетъ забывать, что относительно всѣхъ вышеперечисленныхъ профессіональныхъ общественныхъ классовъ, университетъ игралъ роль, столь значительную, какой онъ не имѣлъ потомъ до конца семнадцатаго вѣка. Хотя и не существовало какой либо общей системы образованія, но почти всякій способный и талантливый парень, принадлежавшій къ любому изъ классовъ общества,

могъ расчитывать, что какой нибудь патронъ пошлетъ его въ одну изъ многочисленныхъ вольныхъ школъ; и ужъ это его вина будетъ, если оттуда онъ не попадетъ въ Оксфордъ или Кембриджъ. Хотя большинство такихъ молодыхъ людей шло въ церковники, но значительный излишекъ ихъ попадалъ и въ другія профессіи. Связь Оксфорда и Кембриджа была довольно близкой, большинство студентовъ и получившихъ степени въ послѣдніе годы ихъ пребыванія въ университетѣ (нужно припомнить, что это пребываніе рѣдко было меньше семи лѣтъ), вѣроятно посѣщало ту или другую часть лондонскаго общества.

Средніе и низшіе классы.

Фундаментомъ общественнаго зданія въ Лондонѣ и до значительной степени всего англійскаго общества, были элементы, не особенно отличные отъ современныхъ, за исключеніемъ значительнаго контингента «учениковъ» (apprentices) и сравнительно меньшаго количества поденьщиковъ всякаго рода, при почти полномъ отсутствіи низшаго класса «неискусныхъ» рабочихъ (чернорабочихъ) или получернорабочихъ («фабричныхъ рукъ»). Таковы плюсы и минусы тогдашняго общества по сравненію съ современнымъ. Но эти общественные элементы, и до значительной степени члены вышеперечисленныхъ высшихъ классовъ, смѣшивались и перепутывались такъ, какъ мы въ настоящее время и представить себѣ не можемъ. Въ настоящее время общество раздѣлено на рѣзко обособленныя группы и даже члены этихъ отдѣльныхъ группъ довольно самостоятельны. Тѣ же самыя лица встрѣчаются въ опредѣленныхъ мѣстахъ и въ опредѣленное время; обыкновенно члены одной группы, одного общественнаго класса, не сталкиваются съ членами другихъ классовъ. Тогда жизнь была болѣе общей, и проходила больше на воздухѣ. Купецъ не запирался въ свои дѣловые часы въ конторѣ, а проводилъ эти часы на биржѣ; адвокатъ писалъ свое мнѣніе или давалъ свой совѣтъ не въ своей комнатѣ или конторѣ, а встрѣчался съ кліентами у «Павла», въ садахъ Тампля, въ Вестминстеръ-Голлѣ. Даже улицы, хотя наврядъ ли они были переполнены людьми больше, чѣмъ теперь, переполнялись тогда не людьми, бѣгущими отъ одного мѣста къ другому, а людьми, дѣлающими на улицѣ свое дѣло, забавлявшимися, однимъ словомъ жившими на мостовой. Постоянныя свиданія въ тавернахъ—хотя, конечно, всякая таверна имѣла болѣе или менѣе регулярныхъ посѣтителей—далеко не представляли тогда одного изъ способовъ раздѣленія общества на обособленныя группы, какимъ теперь представляется посѣщеніе клубовъ. Театры по большей части были подъ открытымъ небомъ; церкви были постоянно открытыми и стали мѣстами сборищъ и отдыха для народныхъ массъ; вышеупомянутыя мѣста общественныхъ сборищъ: биржа, Вестминстеръ-Голль и иныя — не были мѣстами профессіональными, еще менѣе они были пустыми помѣщеніями, временно занимаемыми зѣ-

ваками, они были настоящими мѣстами собраній. Сборища въ нихъ были самыя разнообразныя и самыя характерныя, съ нѣкоторымъ слабымъ оттѣнкомъ средневѣковья, но съ непрестаннымъ движеніемъ и съ примѣсями новыхъ явленій. Солдаты, только что вернувшіеся изъ Фландріи и Ирландіи, авантюристы, недавно прибывшіе изъ Виргиніи и Гвинеи, солидные граждане, адвокаты, священники и медики, знатные люди съ своей свитой, джентльмены и служащіе, ученики, подмастерья въ своихъ плоскихъ шляпахъ, дамы и барышни изъ Сити, придворные, рубаки, повара — всѣ болѣе или менѣе отличные по виду, каждый изъ классовъ, гораздо болѣе проявлявшій во внѣ свою индивидуальность, чѣмъ въ настоящее время—таковы были дѣйствующія лица на лондонскихъ улицахъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ. А лондонская улица того время представляла такой микрокозмъ всей жизни націи, какимъ она не была никогда позже.

Обычаи, нравы и одежда при Елисаветѣ.

Батсона (Bateson).

Такъ какъ на общественную жизнь вліяютъ личныя особенности даже слабыхъ государей, то не удивительно, что сильная и характерная личность Елисаветы опредѣляла до извѣстной степени тонъ общественной жизни.

Королева и нація.

Описываемый нами періодъ названъ Елисаветинскимъ вѣкомъ и дѣйствительно это названіе всего лучше опредѣляетъ его.. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ личность королевы была типической для націи того времени, ибо нація и королева, такъ сказать, сливались во едино. Она любила называть себя «обрученной съ народомъ» и дѣйствительно ихъ союзъ былъ столь проченъ, что она и народъ начали походить другъ на друга даже съ внѣшней стороны. Потому ненасытная любовь Елисаветы къ наслажденіямъ, ея неутомимое добродушіе и жадность къ удовольствіямъ жизни повліяли и на народъ, распространяя въ немъ веселіе и легкомысліе; ея дворъ былъ веселымъ дворомъ, а дворъ ея былъ повсюду, потому что она постоянно разъѣзжала по странѣ, ее знали и видѣли всѣ. Поѣздки и зрѣлища были обычнымъ явленіемъ; здоровое тѣло королевы не знало усталости; ни она, ни ея подданные никогда не хотѣли и виду показать, что наслажденія могутъ повести къ утомленію и скукѣ. Въ политикѣ и въ религіи она была прежде всего практической и ея вѣкъ былъ тоже практическимъ. Она преклонялась предъ свѣтскимъ благоразуміемъ и если она не была искренней ни въ чемъ

другомъ, то въ свѣткости она была вполнѣ искренна и правдива. Она и ея народъ признавали выгоды и наслажденіе цѣлью жизни и вполнѣ искренно и отъ всей души преслѣдовали эту цѣль. Она не прибѣгала къ полускрытой попыткѣ соединить поученіе съ забавой; человѣкъ того времени не разсуждалъ, что вотъ онъ *долженъ* наслаждаться и интересоваться тѣмъ то, а просто искалъ того, что его забавляло, что заставляло его смѣяться. Рядомъ съ такимъ стремленіемъ къ откровенному, ни чѣмъ не сдерживаемому наслажденію идетъ и недостатокъ въ различеніи наслажденій, недостатокъ утонченности; и нельзя отрицать, что Елисаветинское общество было также грубо, какъ грубъ былъ и веселый, жизнерадостный характеръ королевы. Королева въ случаѣ надобности умѣла владѣть собой, но ни она, ни ея подданные обыкновенно не находили нужнымъ сдерживать проявленія своихъ чувствъ и слѣдствіемъ этого было то, что ихъ манеры по временамъ бывали неприличными. Елисавета плевала на придворнаго, сюртукъ котораго оскорбилъ ея вкусъ, она выдрала другого за уши, она щекотала затылокъ Лейчера, когда тотъ при полученіи графскаго достоинства преклонилъ предъ ней колѣна, она ужасно ругалась и говорила всякія рѣзкія и забавныя вещи, какія ей только на умъ приходили. Потому человѣкъ, который не могъ или не хотѣлъ ругаться, считался «мужикомъ, шутомъ, бездѣльникомъ, вахлакомъ, сосулькой и изнѣженнымъ дуракомъ». Ругань сдѣлалась нѣкоторой привиллегіей высшихъ классовъ, изобрѣтеніе новыхъ и оригинальныхъ ругательствъ и божбы, вродѣ: «клянусь св. цыпленкомъ» и тому подобное, было обязанностію молодого дворянина [2]), а его слугъ штрафовали пени за всякую божбу [3]).

Манеры и нравственность двора.

Чтобы добиться милости королевы было необходимо быть забавнымъ на чей бы то ни было счетъ. Шотландская королева Марія дѣйствовала очень благоразумно, когда она приказывала своему посланнику, Мельвилю, человѣку отъ природы не особенно серьезному, быть при свиданіяхъ съ Елисаветой «настолько веселымъ» (cast in merry purposes), насколько можетъ. Даже физическіе недостатки государственныхъ людей Елисаветы доставляли ей большое удовольствіе, такъ какъ позволяли ей выдумывать для нихъ болѣе или менѣе остроумныя клички. Бѣднаго маленькаго изуродованнаго оспой карлика герцога Алансонскаго, ея любимаго жениха, къ счастію, не отличавшагося тщеславіемъ, въ лицо называли «лягушенкомъ». Грубыя манеры были часто выраженіемъ еще болѣе грубой нравственности. Люди, очень разумные и даже чистые, не уклонялись отъ самыхъ грубыхъ намековъ и не хотѣли сдерживаться въ выраженіяхъ

---

1) Anatomy of Abuses in England—Филиппа Стёббса, изд. Фурниваля.
2) Кроулея—Select Works (1550), изд. Купера.
3) Гаррингтона—Nugae Antiquae, изд. Парка.

какъ въ устной рѣчи, такъ и въ письмахъ; не удивительно, что люди, не столь умные и не столь чистые, не хотѣли сдерживать себя въ дѣйствіяхъ, въ поведеніи. Ашамъ въ своемъ знаменитомъ нападеніи на родителей, отправлявшихъ своихъ сыновей въ Италію для полученія образованія, намекаетъ, что въ пониженіи уровня нравственности въ Англіи отчасти виноватъ «дворъ Цирцеи». Онъ писалъ: «Я знаю многихъ людей невинной жизни, людей превосходной учености, выѣхавшихъ изъ Англіи и вернувшихся изъ Италіи не только съ худшими манерами, но и съ меньшимъ обученіемъ». «Италія теперь не та Италія, какая была раньше». Ея чары «портятъ манеры людей въ Англіи, отчасти примѣромъ худой жизни, и того больше правилами любимыхъ книгъ, недавно переведенныхъ съ итальянскаго на англійскій, продаваемыхъ во всякой лавочкѣ въ Лондонѣ, снабженныхъ почетными заглавіями и отзывами- чтобы скорѣе испортить честные манеры, чрезмѣрно смѣло посвящаемыхъ добродѣтельнымъ и почтеннымъ особамъ для того, чтобы легче обмануть простыя и невинныя души»[1]).

Женскій костюмъ. Головной уборъ.

Тоже отсутствіе сдержки, вкуса и достоинства представлялось и въ модномъ костюмѣ. Нелѣпая искусственность королевы не знала границъ и ея примѣру стали усердно слѣдовать и мужчины и женщины, такъ что англичане сдѣлались «притчей во языцѣхъ», предметомъ посмѣянища для иностранцевъ. Женщины среднихъ вѣковъ фантазировали относительно своихъ головныхъ уборовъ, но костюмъ ихъ до времени Елисаветы былъ скромнымъ и простымъ. Даже головной уборъ при Генрихѣ VII и Генрихѣ VIII былъ простъ, потому что рамбоидальная шляпка замѣнила рогатыя и остроконечныя сооруженія прежняго времени. Костюмъ Елисаветы, когда она была молодой дѣвушкой, былъ простъ, но послѣ воцаренія она дала полную волю своему тщеславію. Она гордилась своими волосами, красновато-золотистаго цвѣта и выдумывала себѣ головные уборы. Джемсъ Мельвиль, въ своихъ «Мемуарахъ», замѣчаетъ, что «они (волосы) курчавы, повидимому, отъ природы». Позже она носила свѣтло каштановый парикъ, по цвѣту похожій на ея волосы, какими они были въ юности. Потому то употребленіе париковъ и щипцовъ для завиванія волосъ сдѣлалось общимъ у дамъ моднаго общества. Филиппъ Стёббсъ, сатирикъ времени Елисаветы, описываетъ волосы женщинъ, какъ «фразированные, завитые, уложенные вѣнками и бордюрами отъ уха до уха, подпертые вѣнками и проволокой» и далѣе онъ говоритъ: «на своихъ взбитыхъ волосахъ, стоящихъ гребнемъ надъ ихъ висками, они кладутъ золотые вѣнки, бусы и блестящія бездѣлушки». На вершинѣ такого сооруженія

---

[1]) Ашама—Schoolmaster (1570), изд. Арбёра.

шляпки носили только замужнія женщины[1]); обыкновенно для выхода употреблялся чепецъ или сѣтка, чрезъ которую были видны волосы или «французская шляпа» (French hood) прежнихъ временъ, теперь превратившаяся въ маленькую шляпочку на затылкѣ.

Брыжжи (Ruff).

Подобно большинству странныхъ модъ того времени брыжжи были испанскаго происхожденія. Началомъ ихъ былъ просто широкій батистовый воротникъ, потомъ онъ сдѣлался такъ чрезмѣрно широкъ, что во время бури и дождя его колебанія сдѣлались весьма неудобными для носящаго. Для устраненія такого неудобства ввели проволоку, чтобъ поддерживать его и отстранять отъ шеи, а для наполненія пространства между шеей и воротникомъ прибавили три или четыре меньшихъ воротничковъ, такъ что образовалось вѣерообразное сооруженіе у женщинъ достигавшее до уровня вершины ихъ головнаго убора. Для того, чтобы брыжжи держались, стали употреблять крахмалъ, «дьявольскую жидкость», какъ называли его пуритане и щипцы для гофрировки или «раскаленныя куски стали». Такимъ путемъ воротникъ дѣлался крѣпкимъ, стоячими брыжжами.

Въ началѣ царствованія незамужнія женщины не покрывали волосъ спереди, даже при выходѣ изъ дома. Такъ какъ цвѣтъ лица у Елисаветы былъ бѣлый и блѣдный, то женщины вообще хотѣли имѣть «блѣдный, блеклый цвѣтъ» и для этого ѣли мѣлъ, золу и сало. У ней была длинная талія и узкая грудь, потому онѣ «были готовы вынести всякое ущемленіе, всякое затягиваніе, всякое опоясываніе, чтобы получить прямой, испанистый (Spagnolised) станъ»[2]). Длинный, остроконечный внизу корсажъ помогалъ произведенію длинной таліи; въ мужскомъ костюмѣ камзолъ (жилетъ) дѣлался съ подкладкой подушечки спереди и остроконечный внизу.

Фижмы.

Въ pendant къ громаднымъ брыжжамъ вверху и мужской и женскій костюмъ проявлялъ тенденцію къ расширенію внизу. Въ Англіи уже около 1545 года носили видоизмѣнную форму фижмъ (farthingale или hoop). Это слово farthingale происходитъ отъ испанскаго слова verdugal, молодыхъ вѣтокъ, отростающихъ послѣ обрѣзки дерева, отсюда и произошло слово hoop или палка, вѣтвь. Въ Италіи, Франціи и Испаніи носили малыя вѣтви для растягиванія юбокъ; при необходимости громадной поверхности юбокъ для употребленія драгоцѣнныхъ камней и вышивокъ, фижмы Елисаветы были чудовищными. Въ концѣ царствованія были въ модѣ фижмы «колесомъ», при которыхъ юбка оттягивалась отъ таліи подъ прямымъ угломъ къ тѣлу и такимъ образомъ укрѣплялась проволокой, что составляла родъ стола, на которомъ лежали руки. На нѣкоторыхъ изъ портретовъ

---

[1]) England, as slen by Foreigners—Рая.

[2]) 1603 г. Флоріо—Montaigne's Essais—цитируется Фурнивалемъ въ „Anatomy"—Стёббса.

Елисавета очень похожа на изображеніе индѣйскаго идола. Платье ея было покрыто украшеніями, не оставалось ни одного квадратнаго дюйма ткани безъ вышивки, рюшей или прорѣзей и все это было покрыто огромнымъ количествомъ большихъ перловъ и иныхъ драгоцѣнныхъ камней. Королева часто теряла эти послѣдніе и въ ея гардеробныхъ счетахъ часто попадаются такія замѣтки: «потеряно съ зада ея величества золотая кисточка и золотая штучка отъ пуговицы», «потеряно съ переда платья пара маленькихъ блестокъ (aglets), съ голубой эмалью, изъ 183 паръ». Сатирикъ временъ Елисаветы не даромъ жалуется, что «женщины кажутся меньшей частью самихъ себя» (pars minima est ipsa puellasui) и что «скорѣе оснастить корабль, чѣмъ женщину».

Мужской костюмъ. Брюки.

Въ мужскомъ костюмѣ главное измѣненіе въ періодъ Елисаветы состояло въ раздѣленіи длинныхъ «брюкъ» (hose) прежняго времени на двѣ части: брюки и чулки. Брюки (breeches) назывались trunk-hose или просто hoze, и чулки — nether-stocks. Обыкновенно первыя или galligascons были такъ широки или такъ «надуты» (bombasted), что стоять было до чрезвычайности трудно. Надѣть такое облаченіе тоже было не легко; «длинные швы нашихъ брюкъ приходится расправлять по витерпасу, такъ что мы пыхтимъ, задыхаемся, потѣемъ, пока не свалимся съ ногъ» [1]) Ромбовидные буффы (вздутія) и разрѣзы украшали вздутую (подбитую ватой или волосомъ) поверхность. Филиппъ Стёббсъ, узнавъ, что за пару брюкъ заплачено 100 ф., воскликнулъ: «буди милостивъ къ намъ, Господи!» Гаррисонъ, шутя, разсказываетъ о «хорошо вылощенномъ» джентльменѣ, срубившемъ три дюжины деревьевъ и посившемъ ихъ въ своихъ брюкахъ (galligascons) «по ему было такъ жарко отъ такого груза, что ему пришлось отправиться лечиться въ Римъ».

Одежда. Шляпы. Общій видъ костюма.

Рукава, жилеты и сюртуки также покрывались украшеніями; иногда они были разноцвѣтными; раньше въ ходу были темные, рыжеватые и красноватые цвѣта, а теперь изобрѣли множество новыхъ оттѣнковъ [2]). Чулки были удивительныхъ покроевъ, съ открытыми швами вдоль ноги, со стрѣлками и вышивками у щиколки и стоили они около 20 шил. пара. Башмаки или boot-hoosen «подбивались и отдѣлывались шелками всякаго цвѣта, съ вышивками и изображеніями птицъ, звѣрей и антиковъ» [3]). Венеціанскіе башмаки съ высокими каблуками или chopine сдѣлались модными и мужчины и женщины «ходили на пробкахъ такимъ шагомъ, точно закованные арестанты». Франты носили браслеты и серьги и душились благоуханіями, въ особенности мускусомъ. Но въ особенности вкусы джентльмена Ели-

---

[1]) Гаррисона—Description of England, изд. Фурниваля.
[2]) Гаррисона, op. cit.
[3]) Стёббса.

саветинской эпохи проявлялись въ ихъ шляпахъ. Говорили, что болваны для шляпъ измѣнялись такъ быстро, что валяльщики не могли къ нимъ приспособиться, такъ что англичанъ прозвали «пустоголовными болванами» [1]). Для украшенія шляпъ употребляли толстыя золотыя ленты, у другихъ на головахъ развѣвались большія связки разноцвѣтныхъ перьевъ. У англичанъ было такъ много различныхъ и не связанныхъ одна съ другой модъ, заимствованныхъ изъ Даніи, Франціи, Италіи, Утрехта, Испаніи и Польши, что весь ихъ костюмъ походилъ, какъ говорили тогда, на тѣло измѣнника, повѣшеннаго, вытянутаго, четвертованнаго и разосланнаго по кускамъ въ различныя части страны. Одинъ голландецъ замѣтилъ, что «англичане одѣваются въ изящныя, легкія и дорогія платья, но очень непостоянны, всегда гонятся за новостями и каждогодно мѣняютъ моды, какъ мужчины, такъ и женщины. Когда они ѣдутъ заграницу и путешествуютъ, они раздаютъ свои лучшія платья, противно обычаямъ другихъ народовъ. Ихъ платья обыкновенно цвѣтныя, изъ легкой матеріи, и у нихъ бываетъ немного перемѣнъ платья, какъ у насъ въ Нидерландахъ, такъ какъ они часто бросаютъ ихъ; у нихъ также не много мебели и необходимыхъ домашнихъ украшеній» [2]). Авторъ «Anatomia of Abuses» напротивъ жалуется, что сундуки трещатъ и лопаются отъ излишка перемѣнъ платья. Онъ утверждаетъ, что франтовство распространено не только въ высшихъ, но и въ низшихъ общественныхъ классахъ. «Гордость костюмомъ ни одной страны не отравила такъ сильно, какъ Англію (Ailgna)», онъ готовъ допустить право благородныхъ одѣваться роскошно и все свое негодованіе направляетъ противъ «подлаго народа» (inferior sort).

Законы противъ роскоши. Поощреніе туземной промышленности.

Строгіе законы Тюдоровъ противъ роскоши не имѣли больше никакого дѣйствія. «Всякая купчиха, всякая бѣдная дворянка носитъ французскую шляпу, у всякой дочки рабочаго (cottager) есть шляпа изъ тафты». «Привезенное издалека и дорогое пригодно для дамъ» — напрасно правительство боролось съ этимъ закономъ дамской природы. Ашамъ въ его «Школьномъ учителѣ» нѣсколько таинственно жалуется на нѣкоторые «безпорядки», на «чрезмѣрность (outrage) въ костюмѣ, на огромные штаны, на чудовищныя шляпы, на яркіе цвѣта, которые посятъ при дворѣ». На основаніи закона всѣ жены горожанъ должны носить бѣлые шерстяные шитые капоры, если только ихъ мужья «не имѣютъ большой цѣны въ книгѣ королевы» или если они не докажутъ своего дворянскаго происхожденія [3]). Елизавета въ прокламаціи 1565 года подтвердила нѣкоторые изъ законовъ Генриха VIII противъ роскоши. Только дворяне имѣли пра-

---

[1]) Деккеръ—Seven Deadly Sinnes (1606) изд. Арбера.
[2]) Rye—ст. 71.
[3]) Стоу—Annales, изд. Howes (1631).

во носить шерстяныя ткани, сдѣланныя внѣ Англіи. Только люди, имѣвшіе больше 300 ф. чистаго дохода имѣютъ право употреблять «бархатъ, или вышитый или обложенный золотомъ, серебромъ или шелкомъ» для ихъ собственнаго платья или для убранства ихъ лошадей и муловъ. Только имѣющіе не менѣе 100 ф. дохода могутъ носить сатинъ, дама́, шелкъ, камлотъ или тафту. Не одинъ портной (hosier) не смѣлъ шить брюки (upperstocks) болѣе ярда съ половиной «кругомъ» (in compass round about), такъ какъ такая мѣра достаточна для людей самаго высокаго роста, а лица меньшаго роста должны были довольствоваться меньшей мѣрой. Три полосы достаточно для брюкъ всякаго, не имѣвшаго титула барона. Отъ соблюденія этихъ правилъ можно было избавиться посредствомъ спеціальныхъ разрѣшеній, но тѣ, которые нарушили ихъ безъ спеціальнаго разрѣшенія, наказывались штрафами [1]).

Не смотря на воспрещеніе носить бархатъ одинъ иностранецъ въ 1592 году замѣтилъ, что женщины, у которыхъ дома не было корки хлѣба, носили на улицѣ бархатъ [2]); можетъ быть, что это платье было подарено имъ. Стёббсъ сообщаетъ что люди, гордившіеся своимъ милосердіемъ, раздавали бѣднымъ старые сюртуки, жилеты и штаны.

Читая описанія костюмовъ Елисаветинскими сатириками не слѣдуетъ забывать, что во всѣ времена люди бываютъ склонны посмѣяться надъ современными имъ людьми. Но съ другой портреты придворныхъ Елисаветы, мужчинъ и дамъ, достаточно доказываютъ все безобразіе и искусственность тогдашнихъ модъ. Многіе изъ сельскаго дворянства, солидные государственные люди и законники не слѣдовали модамъ и на ихъ памятникахъ они изображаются въ приличномъ и скромномъ одѣяніи.

Костюмъ людей низшихъ классовъ.

Повидимому, костюмъ бѣдняковъ не особенно сильно измѣнился. Бѣдняки не носили брюкъ и чулокъ, какъ отдѣльныхъ частей костюма. У мастеровыхъ были голубые пальто до колѣнъ, только пожилые люди (около 40 лѣтъ) могли носить болѣе длинныя платья. «Брюки и чулки были изъ бѣлой широкой ткани, чулки пришивались къ брюкамъ такъ, какъ будто все было сшито изъ одной штуки» [3]).

Увеселенія.

Военныя упражненія среднихъ вѣковъ были уже забыты. Ими замѣняли въ извѣстномъ отношеніи маскарады и интерлюдіи; игра въ мячъ (которой предавались со страстію), теннисъ, борьба, фехтованье и наѣздничество—вродѣ турниpовъ на лошадяхъ—заняли ихъ мѣсто въ качествѣ упражненій. Аристократія также, какъ и рань-

---

1) Страйпа—Annales.
2) Rye—ст. 8.
3) Стоу—Annales.

ше, любила охоту съ собаками или соколиную; ружье начало вытѣснять лукъ. Королева охотилась черезъ день до 1600 года, когда ей было уже шестьдесятъ семь лѣтъ; отмѣчено, что въ 1591 году она застрѣлила изъ лука трехъ или четырехъ оленей.

Охота.

Одинъ секретарь нѣмецкаго принца, посѣтившаго Англію, такъ описываетъ эту охоту: охотники, созванные для сего случая и жившіе въ прекрасныхъ отдѣльныхъ домикахъ въ этихъ паркахъ, устроили чудесную охоту для его высочества. Въ первой изгороди его высочество подстрѣлилъ оленя въ ногу и собаки скоро схватили его. Во второй изгороди долго гоняли оленя взадъ и впередъ особенными, добрыми собаками, по обширной и красивой полянѣ; наконецъ его высочество выстрѣлилъ въ него изъ англійскаго лука и собаки загнали и поймали этого оленя. Въ третьей изгороди гончіе загнали оленя, но черезъ чуръ скоро; онѣ сразу схватили его: прежде чѣмъ онъ успѣлъ выдти на открытую поляну». Въ другой охотѣ одну собаку употребили для того, чтобы «отдѣлить оленя отъ нѣсколькихъ сотъ другихъ и преслѣдовать его, пока наконецъ рогатый олень не оказался на одной сторонѣ ручья, а совершенно истомленная собака на другой, тогда охотники взяли оленя и его кровью угостили собаку» [1]).

Бой быковъ и медвѣдей.

Люди всѣхъ классовъ общества стекались на медвѣжьи бои въ Саутваркѣ. Главнымъ мѣстомъ боя былъ Paris Garden, кусокъ земли, когда то принадлежавшей Роберту изъ Парижа; туда въ 1599 году отправлялась и королева на своей королевской баркѣ. При обыкновенныхъ бояхъ мѣста стоили только полпенни [2]); по воскресеньямъ тутъ толпилось множество народа съ криками: «впередъ, впередъ!»— Нѣкоторые въ сатиновыхъ жилетахъ и бархатныхъ штанахъ осмѣливались даже входить въ средину между собакъ и медвѣдей, «пока ихъ животныя не забрызжутъ слюной» [3]).

По мнѣнію пуританъ такіе субботніе бои имѣли только одну хорошую сторону—они привлекали всѣхъ дьяволовъ въ одно мѣсто [4]). Для потѣхи вышеупомянутаго нѣмецкаго принца по его желанію «были спущены два медвѣдя и одинъ быкъ; въ этихъ случаяхъ легко узнать породу и повадку собакъ; хотя онѣ и получаютъ серьезныя поврежденія отъ медвѣдей, а быки подхватываютъ ихъ на рога и бросаютъ на воздухъ, такъ что онѣ часто снова попадаютъ на рога, но онѣ не сдаются и такъ тѣснятъ быка, что ихъ приходится оттаскивать за хвосты и силой отрывать ихъ пасти отъ него. На быка выпустили по четыре собаки, но онѣ не могли, однако, съ нимъ управиться». По другому разсказу (1575), «это былъ пріят-

---

[1]) Куе—ст. 17.
[2]) Кроулей—Select Works.
[3]) Сэръ Джонъ Дэвисъ—Epigrams.
[4]) Трактатъ 1606 года, питируется у Стёббса изд. Фурниваля.

ный спортъ видѣть, какъ медвѣдь своими налитыми кровью (pink eyes) глазами слѣдилъ за приближеніемъ своихъ враговъ, видѣть ловкость и жадность собаки въ нападеніи и силу и опытность медвѣдя при уклоненіи его отъ нападеній», если его укусили въ одномъ мѣстѣ, онъ ударяетъ въ другое, чтобы освободиться; если его собаки берутъ разомъ, то кусая ихъ, ударяя лапами, съ ревомъ, ворчаніемъ и поворачиваніемъ съ боку на бокъ онъ ухитряется отдѣлаться отъ нихъ, выкрутиться; а когда онъ освободится, то два или три раза отряхнется и очень забавно видѣть, какъ онъ стираетъ кровь и слюну съ своей морды (fuznamy)» [1]). Пуританинъ Стёбсъ очень чувствительно распространяется о страданіяхъ медвѣдя, но медвѣжатникъ, конечно, очень заботился о томъ, чтобы его питомецъ не получилъ серьезныхъ поврежденій. Въ теченіе многихъ лѣтъ медвѣди Гарри Хунксъ и Сакерсонъ были главной приманкой на лондонскихъ бояхъ и эти имена были извѣстны во всей Англіи.

Сельскія увеселенія.

Кромѣ такихъ упражненій, какъ игра въ мячъ, борьба, кегли и въ дискъ, у сельчанъ было множество увеселеній, въ родѣ танцевъ, переодѣваній и пантомимъ, которыя вообще представлялись въ годовые праздники; а такихъ праздниковъ было не мало [2]). День Новаго года, Двѣнадцатый день, слѣдующій день (его называли Rock или Distaff Day), Plough Monday (первый понедѣльникъ послѣ Крещенія, начало полевыхъ работъ въ старой Англіи) и Стрѣтенье—послѣ Стрѣтенья перерывъ до первой недѣли Великаго поста, когда праздновались понедѣльникъ и вторникъ (Collop Monday и Shrove Tuesday играми, банкетами и пѣтушиными боями. Въ воскресенье на Пасхѣ веселье начиналось съ восходомъ солнца, танцовали на лугу и играли въ мячъ. День начала косьбы (Hock Day), вторникъ послѣ второго воскресенья послѣ Пасхи, Майскій день, когда привозили къ деревню Майское дерево, «вонючій идолъ» пуританъ, на двадцати или сорока парахъ воловъ, рога которыхъ были украшены гирляндами цвѣтовъ, были днями общихъ танцевъ. Троицынъ день, когда «лорды безпорядка» (Lords of Misrule), «приходскіе буяны» (дикіе головы прихода»—wildheads), украшенные шарфами и лентами, съ колокольчиками на обуви, ѣхали на драгонахъ и фантастическихъ лошадяхъ (hobby-horses) и танцуя, играя и свистя прямо въѣзжали въ церкви, такъ что молящіеся становились на скамьи, чтобы лучше видѣть [3])—былъ днемъ особаго народнаго веселья. Затѣмъ слѣдовалъ праздникъ стрижки овецъ—lamb-ale, праздникъ жатвы, въ концѣ посѣва пшеницы, въ октябрѣ день Seed cake Day, день св. Мартина, когда на зиму приготовляли соленья и годъ заканчивался Рождествен-

---

1) Rye.
2) Дрэкъ—Shakespeare and his Times.
3) Стёббсъ.

скими празднествами. Кромѣ такихъ дней веселья и праздничанья были приходскіе праздники («церковное пиво»—Church ales), дни когда церковные попечители приготовляли солодъ и варили эль, продаваемый въ церкви для ея благоустроенія. У каждой деревни былъ свой праздникъ—канунъ дня ея святаго—тогда молодые и старые бѣжали въ лѣса, холмы и рощи, проводя всю эту ночь въ увеселеніяхъ; а кромѣ всего этого, крестины, обрученья, свадьбы, даже похороны, были поводомъ для праздничанія. Въ обыкновенное время для развлеченій были таверны, въ пивныхъ бродячіе музыканты, которымъ давалось на это разрѣшеніе, пѣли и декламировали; Стёббсъ спрашивалъ: неужели Христосъ, вѣчный Мировой Судья, разрѣшилъ эти ужасныя пѣсни?

Пища.

Знать, дворянство и студенты обѣдали въ одинадцать часовъ утра, а ужинали между пятью и шестью. Купецъ обѣдалъ въ полдень, а ужиналъ въ шесть часовъ; хозяинъ обѣдалъ въ полдень, а ужиналъ въ семь или восемь. Обыкновенно ѣли только два блюда; никто, кромѣ дѣтей, больныхъ или очень рано вставшихъ, не получалъ завтрака. Бездѣльные лондонцы пили до обѣда полпинты вина, а послѣ ужина, предъ сномъ posset (молоко съ виномъ). «Завтраки до полудня, питье или nuncheons послѣ обѣда и поздніе ужины, когда уже наступало время идти на покой» вышли изъ употребленія. Люди всѣхъ классовъ общества не очень то легко вставали изъ за стола; «много ѣды и чревоугодіе» считались иностранцами чисто англійскими недостатками; по мнѣнію же англичанъ [1]) это относится только къ шотландцамъ. Но вообще признавали, однако, что англичане не только ѣдятъ много мяса, но и очень любятъ сладости. Извѣстно, что у королевы были черные зубы—«недостатокъ, происходящій, кажется, отъ того, что англичане употребляютъ много сахару». Хозяйки (придворныя дамы) нашли выходъ изъ затрудненія дѣлать королевѣ новогодніе подарки, посылая ей конфитуры и печенья собственнаго произведенія. Повара дворянъ были по большей части «звонкоголовые французы и иностранцы» и «ловкая рука морехода португальца» (Portingale) считались наиболѣе искусной въ дѣлѣ приготовленія конфитуръ и вообще въ поварскомъ искусствѣ [2]). Говорятъ, что коринфскіе купцы удивлялись, что такое дѣлаютъ англичане съ такимъ количествомъ коринки, какое ввозится и полагали, что они употребляютъ ее для красокъ или для откармливанія свиней [3]). Обыкновенно при пивѣ ѣли мягкіе шафранные лепешки съ изюмомъ. Цѣны на изюмъ и коринку, на сахаръ и пряности подвергались огромнымъ колебаніямъ въ связи съ ограниченіями тор-

[1]) Гаррисонъ, 11.
[2]) Idem.
[3]) Ray.

говли. Въ 1587 году сахаръ продавали за 2 шил. 6 д. фунтъ, а передъ этимъ цѣна была только 4 д. за фунтъ. Въ 1598 году авторъ о «джентльменской профессіи служащихъ» жалуется, что теперь «все, относящееся къ хозяйству, стоитъ втрое дороже прежняго»; отецъ его или дѣдъ покупали быка за двадцать шиллинговъ, овцу за три, гуся за шесть пенсовъ, а свинью за два пенса.

Вино и пиво.

Вина уже не производили въ Англіи, а употребляли французскія, нѣмецкія и испанскія вина. Домашнее пиво было очень блѣдно цвѣтомъ, но даже его высочество, герцогъ Виртембергскій, нашелъ его превосходнымъ и изрядно пилъ его. Сельскій священникъ временъ Елисаветы, Гаррисонъ, человѣкъ «малыхъ средствъ (ибо что сдѣлаешь, computatis computandis, съ сорока фунтами въ годъ?) ежегодно варилъ три бочки добраго пива («съ этимъ, я думаю, такой бѣдный человѣкъ, какъ я, жить можетъ»)

Одинъ иностранецъ пишетъ, что англичанинъ при ѣдѣ или питьѣ «скажетъ вамъ больше ста разъ: пью васъ (drink you), т. е. пью за васъ и вы должны отвѣчать на ихъ языкѣ: iplaigiou, что означаетъ: I pledge you» [1]). Пьянство и обжорство, по мнѣнію большинства иностранцевъ, были спеціальными пороками англійскаго народа. Гаррисонъ, однако, отмѣчаетъ большое улучшеніе, происшедшее въ этомъ отношеніи въ его время, и говоритъ, что «за столомъ почетныхъ и мудрыхъ людей во всемъ королевствѣ царило великое молчаніе», что «каждодневно замѣчается умѣренная ѣда и питье»; вообще настолько избѣгали искушенія пить много, что «не уважали соленыхъ яствъ». Было обычаемъ пробовать всякаго подаваемаго блюда, но уже при столѣ дворянства вводился обычай писать «menus». Иностранцы уже и тогда замѣчали, что не въ англійскомъ обычаѣ заставлять гостей ѣсть.

Столъ у англичанъ.

«Англійское дворянство любитъ множество блюдъ и разнообразіе пищи». «Ни одного дня не проходитъ, чтобы за столомъ не было не только говядины, баранины, ягнятъ, телятины, свинины, кроликовъ, каплуновъ или того мяса, какое можно имѣть по сезону, но и разнообразной рыбы, ветчины, дичи и сладостей».

Хотя такое показаніе и кажется преувеличеннымъ, но слѣдуетъ припомнить, что ѣли только два раза въ день и что въ замкахъ знатныхъ существовалъ еще обычай, что главные слуги дома обѣдали вмѣстѣ съ хозяевами и гостями. Когда было подано на «верхній столъ», пища разсылалась служащимъ и слугамъ; они питались «съ приличной умѣренностью, а остатки отъ нихъ раздавались бѣднымъ, ожидавшимъ этого у воротъ въ большомъ количествѣ». Джентльмены и купцы довольствовались четырьмя, пятью или шестью блюдами, а если не было гостей, то и трехъ было довольно. У куп-

[1]) Idem.

цовъ, по замѣчанію Гаррисона, часто подавалось холодное мясо; но при большихъ банкетахъ обычнаго мяса совсѣмъ не подавалось, а предпочитали болѣе тонкія мяса птицъ и пр. «Въ такихъ случаяхъ подавалось также желе всѣхъ цвѣтовъ, смѣшанное съ самыми разнообразными цвѣтами и травами, марципаны, сдѣланные съ немалымъ искусствомъ» и вообще сладости всякаго рода.

Люди средняго класса, вродѣ Гаррисона, приготовляли на зимніе мѣсяцы всяческіе консервы изъ свинины. Такъ какъ такіе консервы не легко переваривались, то обыкновенно послѣ нихъ, «если только это было возможно», пили мальвазію, мускадель или горячее испанское вино. Рыбу можно было получать во всякое время года и бѣдняки много употребляли ее. Потребленіе рыбы поощрялось и законодательствомъ. Птица, голуби и всякаго рода дичь были дешевы и ихъ легко было получать. Ремесленникъ или сельскій хозяинъ очень цѣнятъ такую пищу, такъ какъ ее скорѣе получить и легче и быстрѣе приготовить. Молоко, масло, сыръ, которые раньше считались главными пищевыми средствами для всѣхъ классовъ общества, теперь, по указанію Гаррисона, «считались пищей, пригодной только для низшихъ классовъ».

Очень бѣдные люди если у нихъ былъ хоть одинъ акръ земли, сажали капусту, пастернакъ, рѣдьку, тыквы, морковь, огурцы и главной ихъ пищей были эти овощи. Хлѣба добывать труднѣе и наиболѣе бѣдные употребляли разные его суррогаты, вродѣ бобовъ, гороха, овса и даже желудей. На праздникахъ, когда «хозяева по своему разойдутся во всю, особенно при свадьбахъ, очищеніяхъ женщинъ и другихъ такихъ странныхъ сборищахъ, невѣроятно и сказать, сколько потребляется пищи». При такихъ оказіяхъ каждый гость по обычаю доставлялъ одно или болѣе блюдъ. Ремесленники и хозяева, «четвертый и послѣдній сортъ» Гаррисона, были, по его свидѣтельству, щедры и гостепріимны, при своихъ пиршествахъ они были «веселы безъ коварства и просты безъ всякой итальянской или французской хитрости и тонкости, такъ что всякому пріятно было быть въ такой компаніи».

Увеличеніе комфорта

Старые деревенскіе люди любили разсуждать о значительномъ, хотя далеко не общемъ, улучшеніи жилищъ, произошедшемъ на ихъ памяти и объ измѣненіяхъ, произведенныхъ постройкой во всѣхъ лучшихъ домахъ ихъ деревень каминовъ. По ихъ мнѣнію, обо всемъ этомъ слѣдовало очень сожалѣть. Они полагали, что милосердіе умерло, когда построили камины, потому что бѣднякамъ было гораздо лучше въ старыхъ продымленныхъ домахъ. Когда дома были глиняные, говорили они, англичане были дубовые, а теперь дома дубовые, а англичане глиняные. Во всѣ вѣка люди полагали, что новшества и комфортъ суть признаки наступающаго упадка націи; всякое поколѣніе вѣритъ, что оно страдаетъ больше предшествую-

щаго и что люди предыдущихъ поколѣній физически были крѣпче. Люди эпохи Елисаветы жаловались, что у нихъ стеклянныя окна, а не открытыя рамы съ рѣшеткой, что у нихъ на полахъ ковры, тогда какъ раньше полы устилались соломой и верескомъ, что деревянные дома замѣнились кирпичными и каменными, внутри гладко оштукатуренными, что даже простые ремесленники и многіе изъ фермеровъ имѣютъ удобныя кровати, съ занавѣсками и съ подушками (которыя раньше признавались необходимыми и приличными только для родильницъ) вмѣсто куска дерева или, въ лучшемъ случаѣ, мѣшка соломы. Во всякомъ купеческомъ домѣ были «легкія, мягкія, стеганныя кресла, скамьи и стулья»; сэръ Джонъ Гаррингтонъ, писавшій около 1596 года, говоритъ, что въ виду этого совершенно нелѣпое обстоятельство, что въ пріемной комнатѣ королевы стулья такія твердыя, что «съ тѣхъ поръ какъ оставили (временно) широкія брюки, людямъ почти невыносимо сидѣть на нихъ» [1]).

Благодаря большому количеству серебра послѣ испанскихъ завоеваній въ Перу и Мексикѣ сравнительно не богатымъ людямъ стало возможно обзаводиться серебряной посудой и даже самые бѣдные употребляли оловянныя ложки и тарелки, вмѣсто деревянныхъ. «Дворянство презирало металлъ, золото и серебро, потому что ихъ было изобиліе и вообще обзаводилось венеціанскимъ стекломъ», даже бѣдняки могли покупать сдѣланное въ Англіи стекло, которое дѣлалось изъ жженаго камня и папортника. «Стаканы, стаканы—только они и годны для питья».

Украшенія комнатъ и меблировка.

Англичане всегда любили увѣшивать свои комнаты богатыми шпалерами. Во всѣхъ домахъ дворянъ, стѣны были или обиты панелями или «разрисованными тканями, на которыхъ были изображены или разныя исторіи или травы, животныя, узлы и тому подобное». Въ Гамптонъ-Куртъ шпалеры были изъ золотой парчи и тонкаго шелку, «столь необыкновенно красивыя и столь царственно разукрашенныя, что едва ли возможно было найти гдѣ нибудь болѣе великолѣпныхъ вещей въ этомъ родѣ». Въ пріемной королевы на шпалерахъ были золото, перлы и драгоцѣнные камни, королевскій тронъ былъ изукрашенъ крупными брилліантами, рубинами, сафирами и тому подобное [2]). Вся эта роскошь стала доступной благодаря притоку золота и драгоцѣнныхъ камней изъ Африки.

Внезапно богатство пришло въ страну и всѣ заразились стремленіемъ употреблять это богатство на показную роскошь, точно купецъ, недавно разбогатѣвшій. Тѣмъ болѣе поразительно отсутствіе многого изъ того, что теперь считается необходимостью. Хорошее мыло было почти недоступной роскошью, бѣлье и платье приходи-

---

1) Nugae Antiquae.
2) Rye.

лось мыть съ коровьимъ навозомъ, съ болиголовомъ, съ крапивой и съ мыльными отбросами, которые, по свидѣтельству Гаррисона, «пахли такъ дурно, что хуже и запаха нѣтъ». Употребленіе вилокъ было неизвѣстно, впервые онѣ введены были, «къ великому сбереженію столоваго бѣлья» въ началѣ слѣдующаго столѣтія.

Дороги и путешествія.

Даже современники Елисаветы понимали, что состояніе тогдашнихъ дорогъ было позоромъ для ихъ страны. Всѣ большія путешествія совершались верхомъ, легкихъ экипажей не существовало. У особъ королевскаго рода были тяжелыя золотыя кареты, но къ концу царствованія на лондонскихъ улицахъ появляются кареты богатыхъ людей.

Королева большинство своихъ путешествій дѣлала верхомъ; мужчины и женщины привыкали къ постоянной ѣздѣ. Принцы, выѣхавшіе въ путешествіе въ каретахъ, застрѣвали на болотистыхъ дорогахъ; но нѣкоторые предпочитали это неудобство долгому пребыванію въ сѣдлѣ, что было не легкимъ дѣломъ для всѣхъ пожилыхъ и толстыхъ людей. Багажъ перевозился на двухколесныхъ телѣгахъ, въ которыя запрягали по шести сильныхъ лошадей; для путешествій королевы такихъ повозокъ употребляли не меньше шести сотъ. Въ сосѣдствѣ Лондона приходилось бояться разбойниковъ, особенно у Гадсъ-Гилль и у Шоотерсъ-Гилль. Большинство путешественниковъ хвалятъ гостинницы, хотя спать въ нихъ всегда приходилось съ саблей въ рукѣ. Кошелекъ приходилось, разсказываютъ путешественники, прикрѣплять къ подушкѣ повязками, чтобы не забыть его.

Въ такъ называемомъ учебникѣ англійскихъ разговоровъ, изданномъ въ 1589 году [1]) встрѣчаемъ такой діалогъ: путешественникъ обращается къ горничной Дженъ: «милая моя, сдѣлана ли постель? Хороша-ли она?—Да, сэръ, хорошая перина, простыни очень чисты.—Стащи мнѣ брюки и нагрѣй мнѣ постель; опусти занавѣски и пришпиль ихъ булавкой. Милая моя, поцѣлуй меня разочекъ, я лучше усну. Благодарю тебя, милая дѣвушка!»

Голландскій путешественникъ въ 1560 году пишетъ объ англичанахъ слѣдующее: «чистота, изысканное изящество, пріятная и красивая меблировка во всемъ домѣ чрезвычайно утѣшаютъ меня; ихъ комнаты и гостинныя, усѣянныя свѣжей травой, освѣжаютъ; букеты, изящно составленные изъ разнаго рода благоухающихъ цвѣтовъ въ спальняхъ и отдѣльныхъ комнатахъ, увеселяютъ меня своимъ пріятнымъ запахомъ». Гостинныя украшались зелеными вѣтками, свѣжими травами и виноградными листьями лѣтомъ и елками и буксомъ зимой.

Сады.

Сады были рѣдкостью, кромѣ нѣкоторыхъ садовъ, въ которыхъ разводились овощи, да разныя цѣлебныя травы. Садъ Гаррисона

[1]) Rye.

былъ въ 300 квадр. футовъ, въ немъ было 300 сортовъ лекарственныхъ травъ; теперь же начали заводить и цвѣты. Лѣтомъ «дворянки носятъ букеты цвѣтовъ для запаха, а у кого больше одного букета, тѣ по два, по три букета втыкаютъ въ грудь» [1]). Въ большихъ садахъ, вродѣ садовъ Нонсечь. (Nonesuch), Теобальда, Кобгамъ Гардена и въ Гамптонъ-Куртѣ, гдѣ была знаменитая изгородь изъ размариновъ, начали входить въ моду цвѣтники, расположенные геометрическими фигурами. Бэконъ осуждаетъ такое распредѣленіе цвѣтовъ фигурами, какъ «простую игрушку; такія то штуки можно увидать и на тортахъ».

Шотландія—1561—1603.

Кольвиля.

Когда Марія Стюартъ въ 1561 году пріѣхала въ Лейтъ изъ Франціи, молодую королеву, девятнадцатилѣтнюю вдову, встрѣтилъ грубо, но сердечно народъ, страстный и бурный, управлять которымъ было бы не легко для государя самаго благоразумнаго. Четыре года энергическаго правленія, достойнаго лучшихъ лѣтъ ея отца и дѣда, очень скоро были забыты и испорчены ея несчастнымъ бракомъ, за которымъ быстро послѣдовалъ цѣлый рядъ трагическихъ событій: смерть Рицціо, убійство Дарнлея, бѣгство съ Ботвелемъ, позоръ Карберри и Лохлевена, отчаянная попытка Лангсайда (1568) и окончательная потеря короны, свободы и жизни (1587). Рѣдко исторія писала такъ быстро такой трагическій романъ. Корона досталась слабому, болѣзненному ребенку, игрушкѣ партій въ Стирлингъ Кастлѣ, постепенно выроставшему среди бурь анархіи и интригъ регентства Муррея, Леннокса, Аррана и Мортона. Когда этотъ ребенокъ выросъ, его добродушіе, легкомысліе, грубое bonhomie, слабость характера, безпечность и боязливость представляли странный контрастъ съ той независимостью и энергіей, которыя въ теченіи многихъ вѣковъ проявляла шотландская корона.

Общественныя силы, дѣйствовавшія въ Шотландіи въ теченіи этого сорокалѣтняго періода, были таковы, что мрачная картина внѣшнихъ историческихъ событій представляется еще болѣе мрачной. Никогда корона не была болѣе слабой, никогда бароны не были болѣе подкупными и насильственными. Правосудіе открыто покупалось и продавалось; войны между частными лицами, не обращавшими вниманія ни на законы, ни на церковь, давили и разоряли общество. Рефор-

---

[1]) Стёббсъ.

мація только усилила смуту и въ особенности она навлекла на страну проклятіе иностраннаго вмѣшательства. Франція подзадоривала католическихъ лордовъ, но ничего не сдѣлала для спасенія партіи королевы и для подавленія реформаціи. Болѣе коварной и безсовѣстной была политика Елисаветы, запятнанная лживостью, обманами и эгоистичностью. Ея многочисленные агенты были орудіями Сесиля и Вальсингама въ дѣлѣ извращенія національнаго сознанія и возбужденія безпорядковъ. Она сама хотѣла дѣлать зло, но ворчала на сопряженные съ этимъ расходы. Старое притязаніе на сюзеренитетъ портило, какъ роковое проклятіе, всѣ отношенія между родственными королевствами. Оба народа, какъ замѣчаетъ одинъ современный путешественникъ, англичанинъ, ничѣмъ не отличались другъ отъ друга ни по языку, ни по вѣрѣ, ни по обычаямъ. Различія стали гораздо болѣе замѣтны со времени уніи ихъ въ 1603 году. Церковь старалась спасти общество, честно старалась, хотя и съ узкимъ фанатизмомъ, свойственнымъ тому вѣку. Шотландское пуританство имѣло свои недостатки, но оно было воодушевлено національнымъ чувствомъ и только опиралось на Англію противъ Франціи и реакціи. Не имѣя ни отъ кого поддержки, оно боролось противъ епископальныхъ склонностей Мортона и короля и этимъ самымъ оно существенно помогало англійскимъ пуританамъ въ ихъ конституціонной борьбѣ.

Законъ и порядокъ.

Быстро преходящія событія того времени съ трагической силой уясняютъ намъ условія обыденной жизни страны. Законъ и порядокъ, можно сказать, вполнѣ отсутствовали. Судъ сессій засѣдалъ, но его процедура часто была немногимъ лучше процедуры «суда Божія». Когда назначался день суда, обвиненный собиралъ свой «боевой хвостъ» (fighting tail), въ качествѣ свидѣтелей его могущества, значенія его имени, а не правоты его дѣла. Цѣлью такого поведенія было устрашеніе суда и уклоненіе отъ разбирательства дѣла. Люди ссорились и сутяжничали. Перемѣна министровъ обыкновенно вела за собой судъ за измѣну, обвиненіе въ интригахъ съ врагами и смерть на площади Меркатъ-Кроссъ для побѣжденной партіи. Современникъ говоритъ, что для миролюбиваго человѣка, разъ онъ выѣзжалъ на большую дорогу, очень трудно было открыто заявить, что онъ стоитъ за короля или за королеву, что «люди не хотѣли знать никакого закона и въ своихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ стали такъ распущены, что не подвергались никакому наказанію, если даже убивали или грабили сосѣдей». Необходимость взаимной защиты для законныхъ или противузаконныхъ цѣлей, породила союзы (band) или ковенанты Манредъ (Manred—homage, феодальная связь),—обычай, свойственный тому вѣку и этой странѣ. Любопытна также и легальная фразеологія того времени. Ужасное презрѣніе къ человѣческой личности извращало чувство всѣхъ тогдашнихъ людей. Самъ король, не смотря на свою смѣшную трусость, суммарно распоряжался надъ

колдуньями и разными ничтожными оскорбителями величества. Въ 1581 году одинъ городской чиновникъ въ Эдинбургѣ, продавая съ аукціона нѣкоторыя вещи при Меркатъ-Кроссѣ, шутя прибилъ гвоздями портреты короля и королевы къ висѣлицѣ, стоявшей постоянно тутъ же рядомъ. За это его схватили и повѣсили. Тѣла казненныхъ долго лежали незарытыми, на крышѣ всякой сторожки при заставахъ стоялъ шпицъ съ насаженной на него головой преступника. Такъ въ Эдинбургѣ были выставлены головы Мортона и Говри, а позже головы Монтроза и Аржиля.

Сельскіе округа.

Каковъ могъ быть жребій бѣднаго земледѣльца въ подобныя времена? Тамъ, гдѣ онъ подвергался постояннымъ набѣгамъ, на спорныхъ пограничныхъ земляхъ (Debateable Land), или по сосѣдству съ разбойниками сѣвера, варварами Ская и Льюса (Skye и Lews), все его имущество состояло въ движимости, вродѣ мелкаго рогатаго скота. да выносливой клячи. Увѣренности въ постоянствѣ владѣнія, въ выгодности земледѣльческаго занятія не было. Народная поэма подтверждаетъ мрачныя описанія Мэйтланда и Чартериса. Признаки процвѣтанія и зажиточности въ деревнѣ (homestead) возбуждаютъ жадность жены лэйрда, и появляются грабительскія ренты (rack-rents) и двойныя повинности. Мужикъ (carle) теперь уже не имѣлъ ни возможности, ни охоты слѣдовать за своимъ лордомъ на смотръ (wappenschaw) «въ воинскомъ уборѣ» (in feir of war). Этьенъ Перлинъ, путешествовавшій около средины шестнадцатаго столѣтія, засталъ страну лишенной золота и серебра (въ монетѣ), много жизненныхъ припасовъ, сносную пашню, много плохой и некультивированной, запущенной земли — и кое гдѣ маленькіе городки и деревушки. Файфъ, отрѣзанный моремъ отъ сѣвера и юга, гдѣ свирѣпствовали безпорядки, былъ самымъ процвѣтающимъ изъ округовъ. Файнсъ (Fynes) Морисонъ въ 1598 году тоже отмѣчаетъ этотъ фактъ, но при этомъ онъ говоритъ: «лѣсовъ совсѣмъ нѣтъ нигдѣ, кромѣ какъ около домовъ сквайровъ, обсаженныхъ небольшими рощами. Деревья вообще рѣдкость». Онъ видѣлъ Фалькландъ, когда то стоявшій среди королевскаго лѣса, но нашелъ его полуразрушеннымъ, почти развалившимся, хотя построенъ онъ былъ недавно, въ царствованіе Іакова V. Файфъ долженъ бы быть процвѣтающей страной, съ его прекрасными пашнями, съ его утесами, богатыми углемъ, съ его устричными мелями, и въ особенности съ его населенными бургами фламандскаго или фризскаго происхожденія, стоящими по краямъ плодороднаго морского берега. И несмотря на это, Морисонъ говоритъ о Файфѣ: «на сѣверѣ Англіи мало пріятности, мало цвѣтовъ и плодовъ, а въ Шотландіи еще меньше».

Города.

Промышленность и культура ограничивалась немногими небольшими городками. Населеніе, бывшее въ 1556 году 600,000, ко времени уніи увеличилось до милліона. Сношеній съ Англіей было мало.

Въ 1567 году въ Лондонѣ было только тридцать пять шотландцевъ, тогда какъ голландцевъ было почти три тысячи. Немногіе изъ шотландцевъ переѣзжали границу. Морисонъ не нашелъ общественныхъ гостинницъ, лучшіе изъ горожанъ варили пиво для себя и угощали другихъ по знакомству. Абердинъ и Думфри имѣли значительную торговлю, но граждане ихъ жили точно въ лагерѣ, подвергаясь нападеніямъ сосѣдняго дворянства. Пертъ и Дунди, какъ умѣли и могли, пользовались своимъ благопріятнымъ географическимъ положеніемъ. Купецъ изъ Айра доставилъ королю прекрасный корабль, который онъ довольно романично снарядилъ для привоза себѣ невѣсты изъ Даніи. Глазко (Glascow) былъ пока маленькой деревушкой, стоявшей подъ сѣнью замка епископа, онъ получилъ права бурга только въ 1636 году. Процвѣтавшіе порты Бервикъ и С. Андрью быстро падали съ упадкомъ старой церкви, покровительствовавшей имъ. Горожане Бервика были піонерами въ торговлѣ и когда епископъ Джонъ С. Андрью хотѣлъ найти другой такой портъ въ его морѣ, король послалъ на его службу Майнарда, фламандца, гражданина Бервика. Торговля С. Андрью развилась какъ разъ передъ тѣмъ, когда началась буря, сокрушившая его епископскій соборъ.

Эдинбургъ.

Историческія воспоминанія и живописность столицы въ эту романическую эпоху сами по себѣ могутъ доставить матеріалъ для многихъ главъ описанія общественной жизни Шотландіи. Эдинбургъ соединялъ въ себѣ черты Елисаветинскаго Лондона и революціоннаго Парижа. Онъ никогда не былъ большимъ городомъ и даже во времена уніи ограничивался теперешнимъ небольшимъ центральнымъ пространствомъ. Canongate (Пушечныя ворота), предмѣстье, простиравшееся отъ дворца до городскаго порта Нетербоу (Netherbow), составлялъ pendant къ лондонскому Стрэнду. Къ концу столѣтія тутъ появились дворцы дворянства, что было признакомъ увеличившагося процвѣтанія. У менѣе знатныхъ дворянъ, жившихъ въ столицѣ, были дома на Кастль-Гилль близь малаго двора Маріи Гизъ. Къ концу столѣтія дворяне и богатые горожане начали покидать шумную Верхнюю улицу (High-Street), оставляя ее ремесленникамъ, и строиться къ югу отъ центра, по скатамъ холма. Тутъ при концѣ узкихъ проулковъ, запираемыхъ крѣпкими желѣзными воротами (yetts) при ихъ входѣ, стояли ихъ дома, окруженные дворами и красивыми садами. Этому аристократическому кварталу, Cowgate, давалъ тонъ домъ епископа Дункельда и Блакфріары, гдѣ жилъ кардиналъ Битонъ. Недалеко отсюда былъ домъ Нэпира (Napier), управляющаго монетнаго двора (Master of Mint), гдѣ въ 1590 году угощали датскихъ дворянъ. Жили тамъ широко, ѣли много и много употребляли пива, эля и вина. Прово (Provost—городской голова) имѣлъ у себя «столовое бѣлье и двѣ дюжины большихъ сосудовъ», кубковъ или skolls,

изъ которыхъ пили возбуждающія здравицы, которыя долго и назывались этимъ именемъ, skolls.

Верхняя улица, Гайстритъ, и была мѣстомъ, гдѣ обмѣнивались ударами тогдашніе Монтеки и Капулетти, гдѣ раздавались предсмертные стоны убитыхъ тайными убійцами. Ремесленники тоже не жалѣли ни своей, ни чужой жизни, тоже были не чужды жажды крови. Въ подобныхъ случаяхъ широкая улица быстро пустѣла, лавочки и мастерскія запирались, ворота при входахъ и выходахъ улицы быстро запирались, и изъ круглыхъ отверстій, замѣнявшихъ окна для освѣщенія лѣстницъ въ домахъ, выглядывали блѣдныя лица людей, смотрѣвшихъ на схватку. Въ 1584 году, когда страна снова получила короля, была сдѣлана попытка обезпечить порядокъ и защитить торговцевъ отъ постояннаго разграбленія ихъ лавокъ. Обязали гражданъ сторожить улицу по очереди. Въ 1596 году была создана городская стража, состоявшая изъ тридцати человѣкъ—но это принесло мало пользы. Однажды король шелъ по улицѣ съ двумя придворными, и вдругъ между ними начался споръ и королю пришлось искать убѣжища въ лавкѣ кожевника.

Гайстритъ была торговая улица. Тутъ концентрировалась дѣловая жизнь тридцатитысячнаго населенія на площади въ четверть мили. На верхнемъ концѣ улицы, противъ С. Жильса, стоялъ крестъ и рядомъ съ нимъ висѣлица. Тутъ была биржа и парламентъ подъ открытымъ небомъ. Проходъ былъ заставленъ вѣсами (trons) разныхъ рынковъ, кромѣ купеческихъ лавочекъ, въ особенности по воскресеньямъ, бывшимъ изстари рыночными днями до тѣхъ поръ, пока шотландская церковь (кирка) послѣ 1560 года заставила городскія власти запирать лавки и таверны на время воскреснаго богослуженія. Кожевники, пивовары, свѣчелеи также имѣли право здѣсь вести свое шумное и грязное производство. Дѣлались попытки уменьшить количество отбросовъ и воспретить выпускать на улицу свиней. Граждане должны были отъ пяти до девяти часовъ вечера зажигать въ опредѣленныхъ мѣстахъ фонари (bowels). Пожары были частыми и ужасными, потому что у самыхъ дверей домовъ обыкновенно лежали груды топлива. Въ 1584 году одинъ сынъ пекаря, «несомнѣнно по наущенію сатаны», разсказываетъ хроникеръ, поджегъ запасы топлива своего отца и сжегъ его домъ съ опасностью для всего города. Несчастный ребенокъ былъ «сожженъ живымъ при Крестѣ». Король, послѣ зимняго пребыванія въ Даніи (1590), убѣдившись въ неудобствахъ своей шумной столицы, писалъ своему Совѣту, убѣждая его привести все въ порядокъ, ибо «не всякій день пріѣзжаетъ домой король Шотландіи съ новобрачной супругой». «Бога ради—писалъ онъ въ это время городскому священнику, которому была поручена столица—постарайтесь, насколько возможно, обучить нашъ народъ до нашего прибытія, чтобы всѣмъ намъ не

было стыдно предъ иностранцами». Этотъ священникъ долженъ былъ потребовать отъ городского головы, чтобы тотъ доставилъ мастера и хорошихъ рабочихъ «для окончанія полуоконченнаго Аббатства (дворца) которое теперь заброшено».

Обычаи.

Сэръ Ричардъ Майтландъ описываетъ состояніе общества послѣ 1560 года. Онъ указываетъ на враждебность отношеній между классами. Среди богатыхъ купцовъ вмѣстѣ съ любовью къ пышности и блеску распространяются и новомодныя понятія. Все это, однако, указываетъ только на то, что появились новыя представленія объ удобствахъ жизни и на то, что дома дворянъ перестали быть крѣпостями. Улучшились спальныя принадлежности. Бѣдняки продолжали спать на землѣ или на соломѣ, прикрытой кожами. Но зажиточные начали употреблять бумазейныя одѣяла, полотняныя простыни и подушки, покрытыя шелкомъ. Нѣкоторые изъ жителей южной Шотландіи (Lowlanders) завели и перины. Послѣ смерти архіепископа Битона осталось двадцать три перины. Стеклянныя рамы изъ домовъ убирались, когда собственникъ куда нибудь на время уѣзжалъ. Морисонъ, бывшій въ 1598 году въ домѣ одного рыцаря, разсказываетъ, что обѣдъ подавали нѣсколько служителей въ синихъ шапкахъ. Столъ былъ болѣе, чѣмъ на половину, заставленъ мисками. Въ каждой изъ нихъ было по кусочку варенаго мяса. На верхнемъ концѣ стола было блюдо съ курицей, въ клювѣ которой нѣсколько черносливинъ. Когда столъ былъ уставленъ, слуги усѣлись на нижнемъ концѣ стола. Ножи для каждаго изъ обѣдавшихъ начали употребляться много позже этого времени. Даже во времена Адама Смита, когда онъ былъ въ Балліолѣ, они прикрѣплялись къ столу. Супъ ѣли роговыми ложками, а мясо вынимали вилками. «Раньше разсказываетъ Куланжъ, мокали хлѣбъ и пальцы въ соусъ, а теперь всякій ѣстъ супъ съ своей тарелки, всякій приличный человѣкъ долженъ употреблять ложку и вилку и отъ времени до времени слуга долженъ идти къ буфету, чтобы вымыть ихъ». Законъ противъ роскоши былъ въ ходу. Актъ Іакова VI требуетъ, чтобы никто, по рангу ниже прелата или графа, при свадьбѣ и на банкетѣ не имѣлъ напитковъ или печеній, привозимыхъ изъ за границы. Самъ король былъ бережливъ по неволѣ, какъ Елисавета была скупа по доброй ея волѣ. При крещеніи своего сына Карла (1600) онъ писалъ Лэйрду Арнистона, чтобы онъ прислалъ «ветчины, дичи, индѣекъ (Brissel bowls), каплуновъ и тому подобнаго» и приглашалъ его откушать часть его собственнаго угощенія. Это составляло сильный контрастъ съ феодальнымъ изобиліемъ бароновъ верхней Шотландіи, на который указываютъ документы Breadalbane и Cawdor', потому что у нихъ было много фермеровъ, платившихъ ренту натурой. Тамъ «дождило и пищей и напитками».

Горожане.

Эдинбургская Гай Стритъ, должно быть, представляла картину,

далеко не столь граціозную, какъ картины городской жизни, рисуемыя Чосеромъ, но гораздо болѣе богатую контрастами и драматизмомъ. Вотъ идетъ балльи или прово (городской староста); онъ несетъ городскіе ключи, «онъ очень надмененъ, когда надѣнетъ свое мѣховое платье; самъ великій Люциферъ, властелинъ ада, не такъ гордъ, какъ негодный человѣкъ съ своими звенящими въ его рукѣ ключами, когда онъ бродитъ по городу».

Еще надменнѣе дворянинъ, идущій въ бархатномъ камзолѣ, подбитомъ мѣхомъ и блестящемъ дорогими камнями, или когда онъ хочетъ подраться, въ стальномъ шишакѣ, жакеткѣ съ рукавами со сборками, съ мечемъ въ рукахъ. За нимъ идетъ его свита въ желѣзныхъ каскахъ, въ кольчугахъ и съ луками въ рукахъ. Когда начинается драка, они бросаются къ лавочкамъ за молотами и бревнами, которыми и разбиваютъ тяжелые ворота, за коими спрятались ихъ враги. Всѣ они ходили пѣшкомъ, за исключеніемъ торжественныхъ дней, вродѣ «въѣзда парламента», когда бароны ѣхали по Гай Стриту на коняхъ въ воинской сбруѣ, которыхъ вели младшіе члены дома въ платьѣ, вышитомъ родовыми гербами. Когда Анна датская въ 1590 году проѣхала въ Аббатство въ дамской каретѣ, запряженной восьмью ея собственными конями, то это казалось жителямъ Эдинбурга новшествомъ.

Богатство. гражданъ.

Въ 1561 году у жены одного Эдинбургскаго гражданина украли привязанный къ переднику кошелекъ, пока она разговаривала съ лавочникомъ, завертывавшимъ купленныя ею чернильницу и пеналъ. Въ кошелькѣ было не менѣе семи золотыхъ колецъ съ драгоцѣнными каменьями—удивительная роскошь для страны, которую Шекспировскій Дроміо, шутливо сравнивая свою кухарку съ земнымъ шаромъ, признавалъ «безплодной и голой, точно ладонь». Но въ концѣ шестнадцатаго вѣка замѣчаются уже признаки увеличивающагося богатства. Георгъ Геріотъ принималъ короля въ своей лавкѣ въ семь квадратныхъ футовъ въ Goldsmith's Row при закрытіи парламента, и одинъ разъ угостилъ его такимъ «дорогимъ огонькомъ камина», какого у короля во дворцѣ никогда не бывало, бросивъ въ огонь обязательство короля на двѣ тысячи фунтовъ. Томасъ Фулисъ, доставившій въ 1593 году средства для борьбы съ папистами, получилъ долгосрочный контрактъ на аренду золотыхъ, серебряныхъ и свинцовыхъ рудниковъ, разработываемыхъ раньше въ Крауфордъ Мюйрѣ и въ Гленгонерѣ монахами Мельроза и аббатства Нью-баттль.

Іаковъ I пробовалъ популяризировать стрѣльбу изъ лука, но неудачно, какъ это очевидно изъ того, что въ Peebles to the Play крестьяне называются неумѣлыми. На смотры собирали только барономъ, лэйрдовъ (bonnet lairds) и богатыхъ гражданъ; и теперь еще сохранились названія улицъ, бывшихъ стрѣльбищными полями для

нихъ. Джемсъ Мелльвиль, разсказывая о своемъ дѣтствѣ въ Монтрозѣ около 1570 года, говоритъ, что онъ обучался стрѣльбѣ изъ лука, игрѣ въ мячъ и въ палки (golf и Single-Stick), а также бѣгать, скакать, плавать и бороться. У него не было денегъ, чтобы ходить по тавернамъ или играть въ пятнышки (fives), но время отъ времени онъ игралъ въ теннисъ. Король, который началъ ходить только съ семи лѣтъ, игралъ на билліардѣ (shovel-board) и «въ королевскую игру: гусекъ» (Call the guse). Въ Эдингбургѣ до восемнадцатаго вѣка не было ни театра, ни концертной залы и однако мы имѣемъ списокъ четырнадцати инструментовъ оркестра, игравшаго предъ Анной датской при ея проѣздѣ по улицамъ столицы. Хроникеры отмѣчаютъ выставки разныхъ диковинъ, вродѣ чудесной лошади изъ Марроко, они разсказываютъ о клоунѣ, выдѣлывавшемъ ловкія штуки на канатѣ, протянутомъ отъ колокольни С. Жильса до лѣстницы у Креста.

Общественное здравіе.

Наиболѣе страшной эпидеміей въ Шотландіи была эпидемія 1568—69 года. Годъ былъ очень суровымъ и страна была несчастной послѣ битвы при Лангсайдѣ. Гунсдонъ, ожидавшій въ Бервикѣ, чтобы сопровождать изъ Лондона регента Мюррея, жалуется на сильные морозы, перемежавшіеся такими оттепелями, какъ оттепели, чуть не уничтожившіе въ то время мостъ черезъ рѣку Твидъ. Онъ боялся, что это дурно повліяетъ на общественное здравіе, «а по эту сторону Іорка никогда не бывало ни одного врача». Одинъ купецъ завезъ въ Эдинбургъ чуму. Зараженныя семьи переселяли въ несчастныя хижины, наскоро построенныя въ Борофъ-Мюйрѣ. Мертвыхъ носили на двухъ закрытыхъ носилкахъ, покрытыхъ чернымъ сукномъ съ бѣлымъ крестомъ. Колоколъ, привѣшенный на носилкахъ, предупреждалъ проходящихъ. Отъ этой эпидеміи умерло почти три тысячи человѣкъ.

Кирка.

Реформація была скорѣе общественнымъ, чѣмъ церковнымъ переворотомъ. Старая церковь давно уже утратила свое вліяніе на общество. Ея богатства и обмірщеніе возбуждали жадность дворянъ; рутина, невѣжество и апатія оттолкнули отъ нея массы. Вѣка, когда воздвигались соборы и большія аббатства, давно прошли; въ теченіи двухъ столѣтій были построены только немногія церкви. Часовни, покрытыя соломой, замѣняли церкви въ деревенскихъ округахъ. Реформаторы взяли на себя заботы о духовной жизни націи при самыхъ ничтожныхъ рессурсахъ. Двѣ трети бывшихъ церковныхъ имуществъ находились въ рукахъ епископовъ и бароновъ. Корона оттягивала у реформированной церкви часть остальнаго. Духовенство реформированной церкви было бѣдно и немногочисленно и должно было жить приношеніями народа. Собраніе церкви въ 1576 году разрѣшило священнику или чтецу разливать пиво, лишь бы только они «дѣлали это прилично». Адресъ общему собранію 1572 года гласитъ: «содержаніе кирки и бѣдныхъ перешло къ кощунственнымъ льстецамъ

при дворѣ, къ грубіянамъ и наемникамъ; бѣдняки страдаютъ отъ голода, церкви падаютъ отъ недостатка духовенства, школы въ полномъ пренебреженіи, священныя строенія подобны овечьимъ хлѣвамъ».

Духовенство. Въ противность пышности старой церкви, реформированное духовенство хвасталось апостольской простотой. Оно одѣвалось въ самыя дешевыя ткани, избѣгало яркихъ цвѣтовъ и изящества. Оно принялось за реформу общества съ большимъ самоотверженіемъ и рѣшительностью; его идеалъ былъ «теократія, преисполненная соціализмомъ». Оно воевало противъ идолопоклонниковъ и прелюбодѣевъ, и въ особенности противъ почитателей мессы. Главнымъ орудіемъ его борьбы была проповѣдь. Для народныхъ вождей кафедра въ столицѣ замѣняла теперешнюю прессу. Въ то время всѣ церкви одинаково стремились къ политической власти, чтобы обезпечить свободу и единовѣріе—что было странной непослѣдовательностью. Они стремились также и къ народному просвѣщенію, потому самымъ упорнымъ требованіемъ было требованіе библіи и церковнаго служенія на народномъ языкѣ. Когда послѣ долгаго ожиданія появилась библія Арбутнота, во всѣ дома были посланы инспектора наблюсти, чтобы вездѣ были экземпляры этой библіи. По воскресеньямъ проповѣдь была сдѣлана обязательной; обязательнымъ было и церковное служеніе въ срединѣ недѣли. Семьямъ должно было даваться правильное обученіе и опросъ ихъ, чтобы убѣдиться въ распространеніи спасительнаго знанія. Даже католическіе лорды были обязаны принять въ число своихъ домочадцевъ духовныхъ лицъ. Церковная служба была по фасону нижнихъ церковниковъ (Low Church). Немногіе приходы имѣли отдѣльныхъ священниковъ; большинство ограничивалось только чтецомъ. Онъ былъ обязанъ читать подъ кафедрой—мѣсто и теперь еще называемое letterin, или конторка чтеца. При служеніи употребляли англійскій молитвенникъ; употреблялись пѣніе, колѣнопреклоненіе, чтеніе молитвъ и вся служба вообще имѣла характеръ литургіи.

Нравственность. Старая церковь оставила печальное наслѣдіе безнравственности, съ которой она долго и тщетно боролась. Цѣлый выработанный кодексъ правилъ воспрещалъ браки между родственниками, что только запутывало законы о бракѣ и въ небольшой странѣ, гдѣ населеніе все перероднилось, порождало раздраженіе. Все это въ концѣ концевъ породило мѣстничество своего рода, длинныя родословныя, легкомысліе въ брачныхъ обычаяхъ и беззаконія, которыя и теперь служатъ объектомъ для сатиры англичанъ, когда они заговорятъ о шотландцахъ.

Реформированное духовенство воевало противъ всего этого при посредствѣ покаянной скамьи (cuk-stool), покаяннаго столба, купанья въ прудѣ, отлученія отъ кирки и штрафовъ въ пользу бѣдныхъ.

Постепенно вслѣдствіе такихъ мѣръ нравы грубѣли, общественные вкусы извращались. Для ругательствъ и божбы наказанія тоже были очень суровы—но вообще все настроеніе вѣка въ этомъ отношеніи было противъ пуританства. У Линдсея и Дёнбара мы находимъ поразительное разнообразіе божбы и ругательствъ и однако пьеса «Три сословія» игралась предъ дворомъ. «Танецъ въ покояхъ королевы» Дёнбара была шутовской и неприличной пьесой. Кирка обвиняла короля Іакова въ томъ, что онъ «запятналъ себя ругательствомъ и божбой».

Культура.

Свѣтлымъ пятномъ среди мрака того бурнаго времени является прелестная картина святой простоты Вишарта, Эдуарда Тильнея, или картина жизни стараго Летингтона, написанная его сыномъ, великимъ министромъ. Занимая высокое общественное положеніе на его родинѣ въ своей стоящей среди суровыхъ болотъ мрачной крѣпости Тирльстанъ, онъ велъ жизнь одинакого культурнаго человѣка, окруженный книгами, писалъ прозой и стихами въ духѣ остроумнаго наблюденія, тонкаго юмора и свѣтской Полоніевской мудрости. Другой прекрасный характеръ—это эдинбургскій гражданинъ, добрый Георгъ Баннатинъ, удалившійся во время чумы (1568) въ Мейгль, чтобы закончить тамъ свой любимый трудъ, его собраніе шотландской поэзіи. Книга, носящая имена Майтланда и Баннатина, навсегда спасетъ память этихъ людей отъ забвенія. При еще болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ Гугъ Розъ, баронъ Кильравокъ, получилъ двойную репутацію, какъ насадитель деревьевъ и какъ переводчикъ классиковъ. Когда король въ 1587 году спросилъ его, какъ онъ можетъ жить среди такихъ безпокойныхъ людей, какъ жители Баденохъ, мудрецъ отвѣтилъ ему, что его положеніе самое лучшее изъ всѣхъ, какое онъ могъ занимать, такъ какъ благодаря ему онъ три раза въ день молитъ Бога на колѣняхъ, тогда какъ въ другомъ положеніи онъ можетъ быть не молился бы ни одного раза. Мы имѣемъ нѣкоторое представленіе о дѣтской жизни въ Шотландіи, какъ напр. о жизни сына Маріи Стюартъ, когда онъ игралъ съ своимъ Iock o'Sclaitts (Джономъ Эрскиномъ, впослѣдствіи графомъ Маръ) и выглядывалъ изъ за укрѣпленій Стирлинга на прекраснѣйшій ланшафтъ во всей Британіи. Мы видимъ, какъ онъ ходитъ взадъ и впередъ—тогда ему было всего восемь лѣтъ—съ Джемсомъ Мельвилемъ, разсуждая о «знаніи и невѣжествѣ». Отчеты казначея сообщаютъ намъ о его книгахъ, о стоимости его обученія, о тетрадяхъ (paper biukis) для сочиненій. У него въ услуженіи былъ и мальчикъ, котораго сѣкли за него (whipping boy), хотя такіе суровые педагоги, какъ Бухананъ и Петеръ Юнгъ, не одобряли подобной системы наказаній. Но самая прелестная изъ всѣхъ этихъ картинъ—это изображеніе мальчика Джемса Мельвиля въ замкѣ его отца близь Монтроза. Его отецъ, играя, положилъ его на спину, а потомъ спросилъ у него,

почему онъ не встаетъ, ужъ не болитъ ли у него что нибудь и мальчикъ отвѣчалъ: «я такъ жиренъ, что не могу ходить». Онъ старался бороться «съ мужицкой привычкой воровать» (a bairnlie habit of pyking). Его сестра читала ему Дэви Линдсея, почтальонъ привезъ изъ Эдинбурга пѣсни Веддербурна (the gude and godly Ballates) и поразительныя новости объ убійствѣ сеньера Давида, объ убійствѣ короля, о взятіи королевы при Карбери и о битвѣ при Лангсайдѣ. Нельзя не подивиться неподражаемому народному языку дневника Джемса Мельвиля, честности и искренности автора и жизненности его описаній общественной жизни Шотландіи того времени.

Ирландія.

Жойса.

Въ предыдущей главѣ мы указали на два вліянія въ жизни ирландскаго народа въ исторіи того періода, къ которому мы теперь приступаемъ. Первое изъ этихъ вліяній—религіозное—начало дѣйствовать непосредственно послѣ воцаренія Елисаветы. Въ теченіи семнадцати лѣтъ, отъ 1536 до 1553 года, государственная религія Ирландіи перемѣнялась три раза. Генрихъ VIII объявилъ себя главой церкви вмѣсто папы; Эдуардъ VI изъ католической религіи сдѣлалъ протестантскую, а Марія снова обратила страну въ католицизмъ. Теперь наступила четвертая перемѣна: Елисавета снова сдѣлала протестантство государственной религіей и такъ оставалось до уничтоженія государственной религіи въ 1869 году (Disestablishment). Всѣ эти перемѣны не имѣли, однако, вліянія на весь народъ; онъ оставался католическимъ до конца. Только дублинскіе чиновники измѣняли свою религію вмѣстѣ съ правительствомъ. Въ 1560 году правительство начало принимать суровыя мѣры, чтобы заставить католиковъ англійской части Ирландіи подчиниться. Для этого пользовались актами о супрематіи и единовѣріи. Актъ о супрематіи объявлялъ королеву главой церкви; отъ чиновниковъ и духовенства потребовали присяги этому акту подъ страхомъ отставки. Актъ объ единовѣріи требовалъ отъ всѣхъ посѣщенія протестантскаго богослуженія; на католиковъ, отказывающихся подчиниться такому требованію, налагали большіе штрафы. Тамъ, гдѣ настаивали на соблюденіи этихъ законовъ, священниковъ устраняли и ихъ церкви передавали протестантамъ. Но даже въ англійской части Ирландіи оказалось невозможнымъ исполнять эти законы; въ большинствѣ же другихъ мѣстностей нельзя было даже и пытаться сдѣлать это.

Въ теченіи описываемаго періода произошли два серьезныя возстанія. Первое это возстаніе Шана о'Нейлля, Джона Гордаго, могущественнаго принца Тирона въ Ульстерѣ. Первой причиной его недовольства былъ арестъ его отца, перваго графа Тирона, въ 1551 году; въ теченіи десяти лѣтъ намѣстники королевы отправляли къ сѣверу войска для его усмиренія, но онъ отражалъ ихъ. Наконецъ по приглашенію королевы онъ поѣхалъ въ Лондонъ и въ 1562 году былъ заключенъ миръ; но вскорѣ послѣ возвращенія, возбужденный нѣкоторыми безчестными поступками правительства, когда онъ былъ въ Лондонѣ въ его рукахъ, онъ снова началъ возстаніе. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ шли то война, то переговоры; наконецъ онъ былъ разбитъ и разоренъ, не правительствомъ, а своими сосѣдями, О'Доннелями. Онъ искалъ убѣжища у Шотландцевъ въ Антримѣ, которые были враждебны ему, такъ какъ нѣсколько лѣтъ до того онъ разбилъ ихъ; въ 1567 году они убили его во время праздника. Англійскій историкъ Кампіонъ очень благопріятно отзывается о его управленіи княжествомъ во времена его могущества.

Возстаніе Шана О'Нейлля.

Слѣдующимъ возстаніемъ было возстаніе Джеральдиновъ или Десмондовъ, вызванное отчасти угрозой расширенія англійской колонизаціи, а частію стараніями правительства навязать народу реформацію. Главными руководителями этого возстанія были Фицджеральды, къ нимъ присоединилось большинство вліятельныхъ людей Мюнстера, какъ ирландцы, такъ и англичане, такъ какъ правительство было ненавистно всѣмъ благодаря своей безсмысленной суровости. Джемсъ Фицморисъ, первый кузенъ графа Десмонда, былъ руководителемъ возстанія въ первой его стадіи отъ 1569 до 1573 года, когда онъ былъ вынужденъ сдаться. Послѣ шестилѣтняго промежутка времени, въ 1579 году, возстаніе снова вспыхнуло. Въ томъ же году Фицморисъ былъ убитъ и руководительство возстаніемъ принялъ на себя самъ графъ Десмондъ, возбужденный къ этому властями. Въ теченіе четырехъ лѣтъ Мюнстеръ волновался. Войну обѣ стороны вели съ большимъ варварствомъ. Обѣ стороны жгли и разоряли округа своихъ противниковъ, а въ добавокъ и правительственныя войска, проходя по странѣ, охотились и убивали безвредныхъ крестьянъ, не щадя ни пола, ни возраста. Въ 1580 году возстаніе вспыхнуло въ Лейнстерѣ, гдѣ намѣстникъ лордъ Грей Уилтонъ былъ разбитъ въ Уикловскомъ проходѣ виконтомъ Балтинглассъ и Фіахомъ Макъ Гугомъ О'Бирномъ. Вскорѣ, въ томъ же году, въ Мюнстерѣ на помощь ирландцамъ высадился отрядъ въ семьсотъ испанцевъ и итальянцевъ, но этотъ отрядъ былъ осажденъ въ фортѣ и принужденъ сдаться лорду Грею, который хладнокровно велѣлъ перебить ихъ всѣхъ на мѣстѣ. Кровавыя жестокости Грея продолжались до тѣхъ поръ, пока не вмѣшалась королева и не отозвала его. Графъ Десмондъ былъ убитъ въ 1583 году и возстаніе, нѣкоторое время еще тлѣвшее,

Джеральдины.

наконецъ кончилось. Мюнстеръ превратился въ пустыню, за войной слѣдовали голодъ и эпидеміи, такъ какъ весь хлѣбъ былъ уничтоженъ; нѣтъ ничего страшнѣе описаній страны Эдмондомъ Спенсеромъ, описаній нищеты еще остававшагося въ живыхъ крестьянства.

Колонизація. Во время царствованія королевы Маріи былъ въ первый разъ выработанъ планъ изгнанія туземцевъ изъ цѣлыхъ округовъ, чтобы очистить мѣсто для англійскихъ или шотландскихъ колонистовъ. Но туземцы сопротивлялись и отчаянно защищали свою родину; колонистамъ съ самаго начала пришлось биться за свою жизнь и за ихъ вновь пріобрѣтенныя владѣнія, хотя имъ въ ихъ дѣлѣ искорененія туземцевъ помогали правительственныя войска. Въ теченіи двадцати лѣтъ—отъ 1556 до 1576 года—сдѣланы были попытки колонизаціи въ «графствѣ королевы» и въ графствѣ Антримъ—въ послѣднемъ позже первымъ графомъ Эссексомъ. Хотя колонисты и прибѣгали къ ужаснымъ жестокостямъ, попытки были далеко не вполнѣ удачными. Колоніи продержались около полутораста лѣтъ. Кромѣ неисчислимой нищеты и потери жизни обѣихъ сторонъ, онѣ были главной причиной великаго возстанія 1641 года. Онѣ оставили потомству печальное наслѣдство борьбы и ненависти, и ихъ слѣдствія сказываются и до сего времени.

ИСТОЧНИКИ 1558—1584.

Общая исторія.

Фроуда—History of the Reign of Queen Elisabeth; D'Ewes—Журналы парламентовъ королевы Елисаветы; Галламъ—Constit. Hist. of England; Лингардъ—Hist. of England; Мартенъ—Hist. de France; Ранке—Hist. of England; Calendar of MSS. at Hatfild House.

Спеціальные предметы.

Религія. Страйпъ—Lives of Parker and Grindal и Annals of the Reformation; изданія Общества Паркера (особенно Works—Іевелля, Liturgical Services of Elisabeth, Catechism—Новеля, Works—Becon'a и т. п.). Фроуда—Hist. of England; Блунта—Hist. of Reformation; Перри—History of Church of England; Homilies (изд. 1676 или Общества Паркера).

Архитектура и искусство. Лофти — Inigo Iones and Christopher Wren; Gotch—Renaissance of Architec.; Бломфильдъ—Work of Inigo Iones, въ Portfolio (за 1888 г.); статьи въ Diction. of Nation. Biogr.; Пропертъ—History of Miniature Art. См. гл. IX. О монетахъ см. гл. IX.

Магія, Астрологія и Алхимія. Представленіе о народныхъ идеяхъ объ

алхиміи, колдовствѣ и пр. даютъ такіе источники, какъ Alchemist—Джонсона, Хроника—Стоу и сборникъ сказокъ, вродѣ Witch Stories—м-ссъ Линнъ Линтонъ. Далѣе можно рекомендовать Malleus Maleficarum, Discoverie of Witchcraft—Скота и многочисленные трактаты семнадцатаго вѣка по этому предмету. Сочиненія объ Алхиміи этого періода по большей части рукописныя: очень немногія англійскія сочиненія въ этомъ родѣ напечатаны послѣ 1640 года.

Естествознаніе. Не имѣется отдѣльной полной исторіи естествознанія въ Англіи. Исторія естествознанія въ Европѣ у Уевелля—Hist. of Induct. sciences и Philos. of Induct. Sciences. См. біографіи въ Encyclop. Britannica и Dictien of National Biogr. Относительно исторіи научнаго мышленія полезныя свѣдѣнія въ введеніи къ изданію проф. Фоулеромъ Novum Organon—Бекона.

Литература 1558—1603. Главы по этому предмету въ сочиненіяхъ объ англійской литературѣ Крайка, Тэна, Арнольда, Минто и Чамберса; English Writers—Морлея, томы VIII—X. Сентсбюри—Elisabethan Literature: Jopda—English Dram. Liter. Симондса—Predecessors of Shakespeare, и сочиненія самихъ авторовъ, упоминаемыхъ въ текстѣ.

Земледѣліе и землевладѣніе. Туссера—Five Hundred Points of Good Husbandry (1573), Барнаби Гужъ (Googe) перевелъ, съ большими прибавленіями, Foure Bookes of Husbandry—Гересбаха (1577). Въ Proffitable Art of Gardening—Томаса Гилля (1568) имѣемъ самый ранній англійскій трактатъ о пчеловодствѣ. Режинальдъ Скотъ въ его Perfpite Platforme of a Hoppe Gorden, первый писатель о хмѣлеводствѣ, Леонардъ Маскаль положилъ основаніе искусству откармливанія скота въ его Governement of Cattel (1605). *Новыя сочиненія:* Торольда Рожерса—Histor. of Agricult. and Prices и Six Centuries of Work and Wages: сэръ Эденъ—State of Poor; Дрэкъ—Shakespeare and his times; Куннингамъ — Growth of Englise Industry and Commerce; Гарнье—Hist. of English Landed Interest; Протеро—Pioneers and Progress of Engl. Farming.

Промышленность и торговля. Гамильтонъ—Quarter Sessions from Elizabeth to Anne; А. Смитъ—Wealth of Nations; Шанцъ—Engl. Handels politik: Якобъ—Hist. of Precious Metals; Гаррисонъ—Descr. of England; Макферсонъ—Annals of Commera; Стоу—Survey of London (1598); Камденъ—Elizabeth; Довель—Hist. of Taxes and Taxation; Моенсъ—Walloons; Рёдингъ—Annals of Coinage. *Общественное здравіе.* См. гл. IX.

Елизаветинское общество. Главное сочиненіе по этому предмету Society in the Elizabethen Age—Галля; подробности въ безчисленныхъ сочиненіяхъ о Шекспирѣ.

Нравы и костюмъ. 1559—1642. Гаррисонъ—Description of England (1577—1587); Стёббсъ—Anatomy of Abuses in England (1583, оба сочиненія изданы Фурнивалемъ 1877); Гаррингтонъ—Nugae Antiquae изд. Парка; Рай—England, as seen by Foreigners in Days of Elizabeth and Iames', Дрэкъ—Shakespeare and his Times; Деккеръ—Gull's Horn Book (1609 изд. Арбёра); Госсонъ—School of Abuse, изд. Коллье; Pleasant Quips (1595); Прайнъ—Histriomastrix; Healthes; Sicknesse; Unloveliness of Lovelocks; трактаты въ Роксбургской библіотекѣ и въ Harleian Miscellany; Лоджъ — Illustr. of British Hist. from Henri VIII to Iames I; Чамберленъ—Letters; различныя сатиры: Марстона—Scourge of Villainy; Джонъ Дэви—Epigrams; Донне—Satires; Георгъ Уитеръ—Abuses Stript and Whipt; Роуландсъ—Humorons Lookin. Glass: Пилькингтонъ—Works (1585); Бабингтонъ—Works (1585); Николасъ Ферраръ—Life; Вальтонъ—Lives Донне, Гукера, Уоттона, Герберта и епископа Сандерсона; Винвудъ — Memorials of Affairs of State in Reigns of Elizabeth and Iames I (1725); Рай—England as seen by Foreigners;

Едвардъ Сматъ—Foreign Visitors in England. *Одежды:* Фэргольтъ—Costume in England; Струтъ—Dress and Habits of People of England (1796): O'Donoghue—Descriptive Catalogue of Portaits of Queen Elizabeth; Стоу—Annales (1631); Каталогъ выставокъ при Тюдорахъ и Стюартахъ. *Увеселенія:* Струттъ—Sports and Pastimes; Іаковъ I—Book of Sports и Basilicon Doron; Дрэкъ—Shakespeare; Брандъ—Popular Antiquities; *Табакъ*: Іаковъ I—Counterblast to Tobacco; Фэргольтъ—Tobacco its History and Association. *Лондонская жизнь:* Стоу—Survey of London 1598, расширена Страйпомъ въ 1720 г.; Wheatley—London Past and Present; Вилькинсонъ—Londina Illustrata; примѣчанія къ изданію Гаррисона Фурнивалемъ. *Поваренное искусство*: Газлитъ—Old Cookery Books. *Садоводство*: Газлитъ—Gleanings in Old Garden LIterature; Бэконъ—Essai on Gardens. *Дворъ*: Айкинъ—Courts of Elizabeth, Iames I and Charles I; Бёрчь—Memoirs of Reigns of Elizabeth, Iames I und Charles I; Стрикландъ—Lives of Queens of England; Никольсъ—Progresses of Elizabeth and Iames; Гринъ—Lives of Princesses.

Шотландія (1513—1603). *Общая исторія* a) *Современные*: Actsof Privy Council; Торпъ—Calendar of State Papers (1509—160[illegible]); изданія Burgh Record Society и Scottish History Society. Имѣется много мемуаровъ того бурнаго времени, напр. Correspondence—Ральфа Садлейра (1539—1570); Staggering State of Scots Statesman—Скотстарвета (1550—1650); Transactions—Баннатина (1570—1573); Memoirs — Мойза (1572—1581); Diurnal of remarkable occurents (1573—1575); Diary—Биррела, а также History—Буханана. Къ этому періоду относятся переводы Боэція Беллендена и исторіи Майора и епископа Лесли. b) *Новыя сочиненія*: Исторіи Тайлора, Тайтлера и Бёртона. Изъ сочиненій о Маріи Стюартъ главнѣйшія: Робертсонъ—Mary Stuart и Скельтона, Майтланда изъ Летингтона. Важныя сочиненія объ Іаковѣ VI Малькольма Лаинга и Роберта Чамберса. Нѣкоторые эскизы того времени въ Edinburgh Essays—пр. Массона.

Религія. Современные отчеты: Нокса—History of Reformation, анонимная Book of Universal Kirk of Scotland (1560—1618). *Новыя сочиненія:* Герклессъ—Life of Cardinal Beaton; Mc. Crie—Life of Knox. *Общественая жизнь*: Чамберса—Domestic Annals, начиная съ 1561 г.; сравни Далайелль—Darker Superstitions of Scotland; Питкерна—Criminal Trials, Микферсона—Annals of Commerce и Ledger of Andrew Halyburton (1494—1503). *Литература.* См. гл. IX. Къ этому періоду относятся сборники Ancient Scottish Poems Георга Баннатина и Ричарда Майтланда, а также анонимный сборникъ Gude and Godly Ballates. *Языкъ*: Жамисонъ Scottish Dictionary; Мюррей—Dialects of the South of Scotland.

Ирландія. См. гл. IX, а также Carew Papers и Calendar—Гамильтона; Annals—Камдена и Уэра; исторія Ирландіи Морисона и Кампіона и Historiae Catholicae Ibernicae Compendium—О'Сулливана.

ГЛАВА XII.

Увеличеніе территоріи Англіи.

Англія и Европа.

Гассаля.

Въ 1584 году наступаетъ кризисъ въ царствованіи Елисаветы: дальше невозможно было откладывать войну съ Испаніей. Сесиль и всѣ наиболѣе способные изъ совѣтниковъ королевы убѣждали ее начать эту борьбу немедленно по ея воцареніи, но осторожность Елисаветы побѣдила — и несомнѣнно, въ выгодѣ Англіи. Съ 1572 года Англія нашла цѣннаго союзника во Франціи и Гугеноты не могли добиться энергической поддержки англійскаго правительства. Помогая сохраненію равновѣсія между Гизами и Генрихомъ Наварскимъ, Елисавета спасла Генриха III отъ опасности быть простымъ орудіемъ въ рукахъ Лиги и позволила Франціи остаться независимой отъ Мадридскаго двора. Въ іюнѣ 1584 года умеръ герцогъ Анжуйскій, послѣдняя надежда линіи Валуа, и его смерть повела къ важнымъ измѣненіямъ въ политическомъ мірѣ.

Генрихъ Бурбонъ, гугенотъ, король Наварскій, былъ теперь ближайшимъ наслѣдникомъ престола и хотя Генрихъ III охотно призналъ бы его права, Гизы и Лига были черезъ чуръ сильны для него и, поддерживаемые Филиппомъ, начали агитировать въ пользу искорененія ереси во Франціи и Нидерландахъ и устраненія Генриха Наварскаго отъ французскаго трона. Раздраженная религіозная война во Франціи была теперь неизбѣжной и съ началомъ ея союзъ Елисаветы съ Генрихомъ III сталъ невозможнымъ. Въ тоже время радикально измѣнились отношенія Елисаветы къ Филиппу. За открытіемъ заговора Трогмортона въ началѣ 1584 года послѣдовало изгнаніе испанскаго посланника Мендозы; хотя за этимъ событіемъ и не послѣдовало

объявленія войны, но убійство Вильгельма Оранскаго еще болѣе усилило враждебныя отношенія. Елисавета была, наконецъ, вынуждена занять положеніе защитницы французскихъ и голландскихъ протестантовъ и открытаго противника Испаніи. Въ началѣ 1585 года голландцы просили ея помощи, а во Франціи Генрихъ III по Немурскому договору (въ іюлѣ) согласился на всѣ требованія Лиги и страна погрузилась въ послѣднюю религіозную борьбу. Такимъ образомъ Елисавета утратила дружбу Франціи; положеніе Испаніи было угрожающимъ; судьба Нидерландовъ висѣла на волоскѣ. Оставался только союзъ съ Голландіей, а голландцы желали присоединенія къ Англіи и окончательно предложили Елисаветѣ суверенитетъ надъ Соединенными провинціями. Но Елисавета сначала отказалась отъ всякаго рѣшительнаго дѣйствія. Она все еще надѣялась, что Филиппъ согласится сдѣлать разсудительныя уступки голландцамъ и этимъ сдѣлаетъ излишнимъ англійское вмѣшательство. Она, правда, уже въ 1585 году заключала съ голландцами договоръ, но въ тоже время вступила въ переговоры о мирѣ съ принцемъ Пармскимъ; эти переговоры тянулись до 1588 года. Въ то время, какъ Дрэкъ грабилъ Вино и западную Индію, въ началѣ 1586 года на помощь голландцамъ былъ отправленъ Лейчестеръ, получившій полномочія и титулъ генералъ губернатора. Хотя Елисавета все еще надѣялась заставить Филиппа пойти на соглашеніе, но ея открытое вмѣшательство въ Нидерландахъ и экспедиціи Дрэка уничтожали всякіе шансы мира съ Испаніей. Филиппъ хотѣлъ подавить мятежъ въ Голландіи, нейтрализировать Францію и потомъ завоевать Англію. Франція и была нейтрализирована; но хотя Пармскій взялъ Антверпенъ, хотя экспедиція Лейчестера оказалась безполезной, хотя за битвой при Цутфенѣ, гдѣ былъ убитъ сэръ Филиппъ Сидней, послѣдовало взятіе Цутфена испанскимъ генераломъ, Филиппъ въ виду могущества Англіи на морѣ рѣшилъ отложить подавленіе мятежа въ Голландіи до завоеванія Англіи.

Религіозная борьба.

Въ Англіи открытіе заговора Бабингтона убить Елисавету убѣдило всѣхъ въ опасностяхъ, грозившихъ королевѣ. Заговоръ поддерживался жившимъ въ то время въ Парижѣ Мендозой и всѣ ожидали нашествія въ Англію Пармскаго. Въ заговоръ была запутана и Марія Стюартъ и 8 февраля 1587 года по настоянію совѣтниковъ Елисаветы шотландская королева была казнена. Ея казнь уменьшила число внутреннихъ враговъ Елисаветы. Большинство католиковъ перестало думать о возстановленіи старой религіи; хотя небольшая іезуитская партія и продолжала желать видѣть Филиппа королемъ Англіи, но вообще то католики стояли за королеву и отъ всей души поддерживали дѣло національной независимости. Филиппъ I послѣ казни Маріи объявилъ себя претендентомъ на англійскую корону, какъ потомокъ Джона Гаунта и началъ приготовленія для нашествія въ Англію.

Въ 1587 году война съ Испаніей началась окончательно. Весной этаго года Дрэкъ такъ удачно уничтожилъ столько кораблей и такое количество аммуниціи въ гаваняхъ Кадикса и Корунны, что въ этомъ году нашествіе въ Англію было невозможнымъ. Филиппъ, дѣлая свои громадныя приготовленія для завоеванія Англіи, хотѣлъ не только уничтожить протестантизмъ и положить конецъ помощи англичанъ мятежнымъ Нидерландамъ, но и навсегда устранить нападенія смѣлыхъ англійскихъ авантюристовъ на его колоніи и на испанскую торговлю. Начало войны.

Армада.

Лэйрда Клоуэса.

Въ 1588 году Филиппъ закончилъ свои приготовленія для нападенія на страну, которая одна представлялась ему помѣхой въ его честолюбивыхъ планахъ—религіозныхъ, политическихъ и торговыхъ. Прежде всего онъ приказалъ приготовить и доставить ему лучшія карты британскихъ береговъ и портовъ; онъ собралъ всѣ военные корабли Средиземнаго моря, какіе было возможно, и взялъ ту предосторожность, чтобы заставить главнѣйшихъ нѣмецкихъ и итальянскихъ корабельщиковъ отправить ихъ лучшіе корабли въ далекое плаваніе и вообще поставить ихъ въ безопасность отъ его врага, на тотъ случай, еслибы нація, которую онъ хотѣлъ раздавить, захотѣла нанять ихъ и воспользоваться ими для своей защиты. Колиберъ замѣчаетъ: «могущество Испаніи послѣ завоеванія мавританской Гранады Фердинандомъ, соединившимъ своимъ бракомъ съ Изабеллой королевства Кастилію и Арагонъ, было очень значительнымъ. Испанскія морскія силы вскорѣ удивительно увеличились пріобрѣтеніемъ Неаполя и лучшей части Америки, открытой въ его царствованіе; послѣ побѣды, одержанной дономъ Жуаномъ австрійскимъ надъ турками, могущество и еще болѣе репутація испанскаго флота сильно увеличились». Теперь все это могущество и вся эта репутація были направлены противъ Англіи. Кромѣ большого количества галеръ—типъ военнаго корабля, раньше неизвѣстнаго въ Средиземномъ морѣ—Филиппъ собралъ всѣ пригодные галлеоны, или большіе океаническіе корабли, изъ своихъ обширныхъ владѣній, а также и всѣ галлеасы. Эти послѣднія соотвѣтствовали до извѣстной степени позднѣйшимъ фрегатамъ, такъ какъ онѣ составляли нѣчто среднее между галлеонами, или линейными боевыми кораблями и галлерами, или быстроходными судами, и соединяли достоинства тѣхъ и другихъ. У нихъ были высокіе и сильно вооруженные кормы и бока, а также и три ряда веселъ; при Лепанто онѣ доказали всѣ свои достоинства.

Наконецъ въ Тахо въ маѣ 1588 года собрался флотъ, состоявшій изъ 132 кораблей всѣхъ этихъ трехъ разрядовъ и около сорока транспортныхъ судовъ, тендеровъ и магазинныхъ кораблей; всего экипажа во флотѣ на основаніи наиболѣе достовѣрныхъ изъ испанскихъ свидѣтельствъ было больше 7400 матросовъ, 18800 солдатъ, 500 волонтеровъ и много каторжныхъ гребцовъ. Главнымъ начальникомъ этаго большого флота былъ донъ Альфонсо Перецъ Гузманъ, герцогъ Медина Сидоніа. Пригодныхъ къ бою англійскихъ кораблей было больше по числу, но вмѣстимость всѣхъ ихъ вмѣстѣ взятыхъ была меньшей. Армада отплыла 29 мая, но, сильно поврежденная бурей, разсѣялась и снова собралась въ Корунѣ, такъ что въ англійскомъ проливѣ она появилась только въ іюлѣ. Намъ незачѣмъ здѣсь подробно говорить о ея передвиженіяхъ и о ея судьбѣ. Достаточно сказать, что когда свѣденія о ея приближеніи получились въ Плимутѣ, оттуда за ней при ея движеніи по проливу пошелъ англійскій флотъ подъ начальствомъ Карла лорда Говарда Эффингама и 21 іюля начались небольшія и нерѣшительныя схватки. Англичане продолжали гнаться за Армадой и битва возобновилась 22 іюля, когда Дрэкъ захватилъ большой галлеонъ дона Педро Вальдеца, нагруженный слитками и припасами стоимостью въ 55 тысячъ золотыхъ дукатовъ. Другой галлеонъ дона Мигуэля Оквендо былъ сожженъ, а третій загнанъ къ французскому берегу, гдѣ и погибъ. 23 іюля около Портланда произошла новая схватка, при которой англичане взяли новые призы; 24 іюля къ англійскому флоту пришло подкрѣпленіе изъ Лондона, но при этомъ было сраженіе только на далекомъ разстояніи. 25 іюля около острова Уайтта была яростная битва, при которой небольшой англійскій корабль подъ начальствомъ нѣкоего Кука ворвался въ средину испанскихъ кораблей и сильно повредилъ многимъ изъ нихъ. Тогда сильно поврежденный испанскій флотъ двинулся въ Кале. Тутъ 28 іюля англичане аттаковали его и такъ устрашили, что, несмотря на сильный вѣтеръ онъ перерѣзалъ свои канаты и разбѣжался въ великомъ безпорядкѣ. Многіе изъ кораблей пустили другъ друга ко дну, другіе были выброшены на берегъ или на пески Фландріи. 29 іюля была послѣдняя битва при Гравелинѣ; послѣ нея испанцы, сознавая, что ихъ игра проиграна и что возвращеніе по той дорогѣ, по которой они пришли, невозможно, отплыли въ Сѣверное море, намѣреваясь обойти Шотландію и Ирландію и такимъ путемъ попасть домой. Погода была очень дурная и хотя англичане вскорѣ прекратили охоту за ними, бѣглецамъ пришлось такъ плохо, что послѣ различныхъ ужасныхъ злоключеній изъ всей Армады только пятьдесятъ три корабля достигли портовъ. Испанія испытала несчастіе, бывшее настолько же роковымъ для ея морского могущества, какъ Лепанто былъ для Турціи.

Пораженіе Армады и его результаты.

Гассаля.

Послѣ погибели Армады наступили для Елисаветы годы торжества. Богатство и благосостояніе страны росли, промышленность развивалась, производство хлѣбовъ снова сдѣлалось выгоднымъ. Богатство и процвѣтаніе націи до значительной степени обусловливалось войной съ Испаніей, продолжавшейся до воцаренія Іакова, а также развитіемъ энергіи и предпріимчивости, характеризовавшими царствованіе Елисаветы. До конца шестнадцатаго вѣка королева, освободившись отъ всякихъ опасностей со стороны внѣшнихъ враговъ, могла вести успѣшную иностранную политику и настаивать на принятіи «средняго пути» въ религіозныхъ вопросахъ, хотя и была вынуждена признать все болѣе увеличивающееся значеніе палаты общинъ.

Уничтоженіе Армады сильно подняло значеніе Англіи въ Европѣ. Съ этихъ поръ англичане повсюду нападаютъ на испанцевъ. Въ 1592 году Дрэкъ и сэръ Джонъ Норрисъ рѣшились освободить отъ Испаніи Португалію. Они разграбили часть Коруньи, но имъ не удалось взять Лиссабонъ. Они сожгли Виго и разграбили окрестности и съ большой добычей возвратились домой. Въ 1596 году Эссексъ, вмѣстѣ съ Говардомъ Эффингамомъ и Ралейгомъ, напали на Кадиксъ, бывшій тогда главнымъ портомъ Испаніи. Городъ былъ разграбленъ, множество кораблей сожжено и экспедиція возвратилась, нанеся тяжелый ударъ Испаніи и освободивъ Англію отъ всякаго страха нападенія. Непобѣдимая испанская монархія, такъ удачно осаждаемая англичанами, не нашла вознагражденія своимъ потерямъ во французскихъ планахъ Филиппа II.

Союзъ съ Франціей.

Генрихъ III былъ убитъ въ 1589 году и Филиппъ составилъ нелѣпый планъ получить французскую корону. Елисавета, признавъ дѣло Генриха IV своимъ собственнымъ дѣломъ, въ 1589 и въ 1591 годахъ послала ему людей и денегъ; старый союзъ между Англіей и Франціей былъ возобновленъ и когда Генрихъ въ 1593 году принялъ католическую религію, Филиппъ былъ вынужденъ признать неудачу своихъ плановъ и заключить съ французскимъ королемъ миръ въ Вервенѣ (1598). Елисавета, несмотря на то, что она никакъ не могла примириться съ мыслью, что ей приходится помогать мятежникамъ противъ ихъ законнаго государя, соблюдала свой договоръ 1585 года съ голландцами и война между Соединенными провинціями и Испаніей продолжалась до 1609 года. Въ Англіи сильная военная партія, во главѣ которой стояли Эссексъ и Ралейгъ, настаивала, чтобы въ среднюю Америку была отправлена большая экспедиція для того,

чтобы отнять у Испаніи ея торговлю съ Новымъ Свѣтомъ. Партія мира, во главѣ которой стоялъ Бурлейгъ, противилась такимъ честолюбивымъ планамъ и отстаивала болѣе полное завоеваніе Ирландіи и возобновленіе старыхъ торговыхъ сношеній съ Испаніей. Елисавета не приняла предложеній ни той, ни другой изъ этихъ партій. Она не отправила англійской арміи въ Панаму, но въ 1589 году возобновила союзъ съ Франціей, поддерживала голландцевъ и поощряла частную предпріимчивость въ ея нападеніяхъ на испанскія владѣнія.

Религіозные раздоры.

Съ исчезновеніемъ всякой опасности нападеній со стороны Испаніи Елисавета получила возможность обратить вниманіе на то, чтобы окончить несогласія, ослаблявшія англійскую церковь. Нападки іезуитовъ укрѣпили ея рѣшеніе добиться единовѣрія и въ 1583 году на кафедрѣ Кентербюрійскаго архіепископства Уитгифтъ наслѣдовалъ Гриндалю. Онъ сразу началъ продолжать дѣло Сесиля и Паркера и попытался объединить католическую, пуританскую и англиканскую партіи и заставить ихъ принять общую форму богослуженія. Въ 1588 году появились «Трактаты Марпрелата». Опасались также небольшой группы непримиримыхъ католиковъ, противившихся правительству Елисаветы. Энергическія дѣйствія Уитгифта, которому помогалъ Судъ Верховной Коммиссіи, остановилъ ростъ сепаратизма и стремленія іезуитской партіи и въ 1593 году парламентскимъ актомъ были опредѣлены строгія наказанія всѣмъ посѣщавшимъ частныя религіозныя собранія. Много можно сказать противъ системы преслѣдованій небольшой группы невѣжественныхъ фанатиковъ, которая одна только и была опасной. Такая система была слишкомъ неразборчивой и цѣлая армія шпіоновъ, доносчиковъ и охотниковъ за попами получила ужъ черезъ чуръ много власти. Уголовныя строгости могли быть оправданы критическимъ положеніемъ въ періодъ отъ 1570 до 1588 года, но они неоправдываемы послѣ того, какъ кризисъ миновалъ. Католиковъ, правда, считали союзниками папы и испанскаго короля, ихъ вѣрованія считали угрозой для церкви и правительства, и не дѣлали различій между людьми, готовыми принять присягу защищать королеву противъ всѣхъ враговъ, и тѣми, которые отказывались отъ такой присяги.

Елисавета благопріятствовала англиканской партіи, но она видѣла, что многіе изъ членовъ палаты общинъ не одобряютъ иногда тираническаго характера церковныхъ судовъ и послѣ 1588 года она была вынуждена обращать вниманіе на голосъ палаты, какъ по религіознымъ, такъ и по политическимъ вопросамъ.

Корона и парламентъ.

Послѣ погибели Армады среди членовъ Палаты общинъ было замѣтно новое настроеніе; 1588 годъ можно считать началомъ той борьбы между короной и парламентомъ, которая продолжалась столѣтъ и была закончена только съ восшествіемъ на англійскій престолъ Вильгельма III. Ростъ богатства и общаго преуспѣянія породилъ среди деревенскаго дворянства духъ независимости; дворяне

были по большей части умѣренными церковниками, а ихъ сыновья составляли ядро пуританской партіи въ періодъ гражданскихъ войнъ. Пуританство само по себѣ развивало независимость характера у молодого поколѣнія, уже и безъ того возбужденнаго войной съ Испаніей. Провинціальные дворяне пріучались въ качествѣ мировыхъ судей къ дѣламъ и теперь привыкли разсуждать о дѣлахъ страны. Потому то палата общинъ въ тѣхъ случаяхъ, когда королева обращалась къ ней съ требованіями денегъ, могла говорить авторитетнымъ тономъ. Послѣ 1588 года нужды Елисаветы часто заставляли ее обращаться къ парламенту за помощью, а парламентъ, когда къ нему обращались за новыми субсидіями, всегда ворчалъ и ссылался на бѣдность. Въ знаменитыхъ спорахъ о монополіяхъ въ послѣднемъ парламентѣ царствованія (1601), созванномъ для вотированія субсидій для войны съ ирландцами, палата общинъ жаловалась, что корона пользуется своими прерогативами относительно монополій во вредъ общественнымъ интересамъ. Елисавета, подобно нѣкоторымъ изъ ея предшественниковъ, знала, когда слѣдуетъ сдѣлать уступки и она согласилась уничтожить всѣ вредныя монополіи. Когда палата явилась къ ней благодарить ее за это, она сдѣлала нѣкоторыя характерныя замѣчанія. «Я имѣю болѣе основаній благодарить васъ— сказала она —ибо еслибы я не узнала отъ васъ объ этомъ, я могла бы впасть въ заблужденіе отъ недостатка свѣдѣній. Я всегда привыкла помнить о Страшномъ Судѣ и управлять такъ, какъ бы я была вынуждена держать отвѣтъ предъ Высшимъ Судіей — и я призываю Его въ свидѣтели, что въ моемъ сердцѣ никогда не было ни одного желанія, не направленнаго ко благу моего народа. У васъ были и будутъ многіе государи, болѣе могущественные и мудрые, сидѣвшіе на этомъ тронѣ, но у васъ не было и не будетъ государя, болѣе заботливаго и болѣе любящаго». Многіе изъ ея ближайшихъ совѣтниковъ умерли раньше ея. Дрэкъ умеръ въ 1595 году, Бурглей въ 1598. Въ 1601 году Эссексъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ и казненъ. Въ 1603 году скончалась и королева, назначивъ своимъ наслѣдникомъ Іакова, короля Шотландскаго. Она нашла Англію слабой и безпокойной, разрываемой религіозными раздорами и неспособной защищаться противъ внѣшнихъ враговъ, и оставила ее сильной и объединенной. При помощи Бурглея и Вальсингама въ Совѣтѣ, и Дрэка, Фробишера и Ралейга на морѣ, она отразила нападеніе великаго испанскаго короля и открыла Англіи путь къ морскому и колоніальному расширенію—путь, по которому Англія неустанно идетъ и до сего времени.

Ирландія.

Жойса.

Послѣ подавленія возстанія Десмондовъ большая часть Мюнстера была конфискована; въ 1586 году началась новая колонизація. Обширныя пространства земли давались разнымъ англійскимъ «предпринимателямъ», которые должны были ввозить колонистовъ. Но количество колонистовъ было незначительно. Послѣ обычной бойни и кровопролитія, общій результатъ этой колонизаціи состоялъ только въ томъ, что она обезземелила половину туземнаго дворянства и отдала ихъ земли англичанамъ; большинство же народа осталось на своихъ мѣстахъ. Двое изъ такихъ предпринимателей — люди очень извѣстные: это сэръ Вальтеръ Ралейгъ и поэтъ Эдмундъ Спенсеръ.

Возстаніе О'Нейлля.

Это время особенно замѣчательно возстаніемъ О'Нейлля. Гугъ О'Нейлль, впослѣдствіи графъ Тиронъ, воспитывался среди англичанъ и началъ свою дѣятельную жизнь службой королевѣ. Еще долгое время послѣ того, какъ онъ сдѣлался графомъ и главой Тирона, онъ удерживалъ свой постъ въ англійской арміи и относился дружелюбно къ правительству, не питая никакихъ враждебныхъ къ нему намѣреній; но, частію благодаря мѣрамъ, принятымъ для подавленія католицизма и уничтоженія католическаго богослуженія, частію въ силу своихъ стараній получить снова ту власть, которую его предки имѣли въ Ульстерѣ, его отношенія съ правительствомъ постепенно сдѣлались менѣе дружественными. Раздраженная и отчаянная враждебность сэра Генриха Багеналя, маршала Ирландіи, на сестрѣ котораго онъ былъ женатъ, до значительной степени ускорила взрывъ, и наконецъ въ 1595 году онъ открыто началъ возстаніе.

Незадолго до этого О'Доннели изъ Тирконелля, которые долго были на сторонѣ правительства, благодаря безчестному акту намѣстника сэра Джона Перрота превратились въ яростныхъ враговъ правительства. Не имѣя никакихъ основаній, только для того, чтобы имѣть заложника, онъ схватилъ молодого Гуга Рое (Рыжаго Гуга) О'Доннеля, сына главы и заточилъ его въ Дублинскомъ замкѣ. Черезъ четыре года Гугъ О'Доннель бѣжалъ, сразу вступилъ въ ряды возстанцевъ и потомъ сдѣлался способнѣйшимъ изъ помошниковъ О'Нейлля. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что за исключеніемъ этой подлой штуки, Перротъ вообще то честно относился къ ирландцамъ.

О'Нейлль даже во время возстанія постоянно заботился о примиреніи; бывали перемирія и конференціи, при которыхъ онъ всегда настаивалъ, какъ на первомъ условіи примиренія,—на свободѣ богослуженія католиковъ, но въ этомъ ему постоянно отказывали. Война

продолжалась; въ нѣсколькихъ небольшихъ стычкахъ онъ разбилъ правительственныя войска. Наконецъ въ 1598 году маршалъ Багенель двинулся изъ Дублина къ сѣверу съ арміей больше, чѣмъ въ 4000 человѣкъ, рѣшивъ раздавить О'Нейлля и освободить англійскій гарнизонъ, осажденный въ то время въ фортѣ Портморъ. О'Нейлль рѣшилъ предупредить его и поставилъ свою армію, которая по численности была вдвое больше арміи Багенеля, на дорогѣ изъ Армага въ Портморъ, въ мѣстѣ, называемомъ Желтый Бродъ (Jellow Ford). Тутъ О'Нейлль нанесъ ужасное пораженіе правительственнымъ войскамъ. Храбрый маршалъ, предводительствуя своимъ отрядомъ, палъ съ прострѣленной головой; двѣ тысячи англичанъ было убито и въ томъ числѣ почти всѣ старшіе офицеры; всѣ оружія и запасы достались побѣдителю. Это было величайшимъ пораженіемъ, когда либо нанесеннымъ англичанамъ въ Ирландіи. Почти вся страна теперь возмутилась; въ 1599 году королева приняла энергичныя мѣры, отправивъ графа Эссекса съ двадцатитысячной арміей. Но онъ дурно велъ военныя дѣйствія, растроилъ свою превосходную армію и послѣ неудачной полугодичной компаніи оставилъ страну въ положеніи даже худшемъ, чѣмъ до его прибытія.

Моунтжой и Карью.

Послѣ прибытія, въ 1600 году, лорда Моунтжоя въ качествѣ намѣстника и сэра Георга Карью въ качествѣ президента Мюнстера— двухъ очень способныхъ людей — ирландцы начали терять почву. Карью направилъ всю свою энергію противъ мюнстерскихъ мятежниковъ, бралъ у нихъ ихъ замки одинъ за другимъ и казнилъ защитниковъ; такими же безпощадными и энергичными мѣрами онъ подавилъ и возстаніе на югѣ. Моунтжой былъ не менѣе дѣятеленъ на сѣверѣ. Въ то время, какъ самъ онъ отвлекъ отъ Дублина вниманіе О'Нейлля и О'Доннеля, сэръ Генрихъ Доквра съ сильнымъ вооруженіемъ и изобильными запасами высадился на берегахъ Лоуфъ Фойль (Lough Foyle), гдѣ ему удалось построить форты и посадить въ нихъ гарнизоны. О'Нейллю и О'Доннелю, на которыхъ напали съ обѣихъ сторонъ, приходилось только защищаться.

Но въ это время въ Мюнстерѣ снова загорѣлась война; въ сентябрѣ 1601 года на югѣ на помощь ирландскимъ католикамъ появился испанскій флотъ съ 3400 солдатъ подъ начальствомъ дона Жуана дель Агвилы и завладѣлъ Кинселемъ. Моунтжой и Карью, вторгнувшись въ собравъ армію, осадили съ двѣнадцатью тысячами войска этотъ городъ, а съ другой стороны О'Нейлль и О'Доннель двинулись въ половинѣ зимы къ югу, чтобы помочь испанцамъ и стали лагеремъ вблизи англійскихъ линій. Такимъ образомъ англичане сами оказались въ осадѣ и не могли добывать провизіи втеченіе трехъ мѣсяцевъ; у нихъ отъ холода, голода и болѣзней погибло шесть тысячъ человѣкъ. Наконецъ ирландцы и испанцы согласились произвести внезапное нападеніе въ противность мнѣнію О'Нейлля, который

стоялъ за болѣе вѣрное средство постепенно уморить англійскую армію. Моунтжой своевременно получилъ свѣдѣнія о предложенномъ нападеніи отъ одного измѣнника въ ирландскомъ лагерѣ; испанцы, благодаря какому то недоразумѣнію, не пришли и ирландцы были разбиты на голову. Вскорѣ послѣ этого, весной 1602 года, сѣверные вожди вернулись въ Ульстеръ, а Дель Агвила сдалъ городъ.

Опустошеніе страны.

Характерной чертой этихъ ирландскихъ войнъ при Елисаветѣ было полное и систематическое истребленіе жатвъ и всякаго рода пищи по всей странѣ правительственными войсками, чтобы истребить голодомъ крестьянъ. Карью съ самаго начала слѣдовалъ такой системѣ; снова Мюнстеръ былъ приведенъ въ почти такое же ужасное состояніе, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ послѣ возстанія Жеральдиновъ. Моунтжой съ своей стороны втеченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ заставлялъ своихъ офицеровъ и солдатъ жечь деревни и шалаши въ Лейнстерѣ и Ульстерѣ и уничтожать жатвы, скотъ и всѣ средства существованія бѣднаго народа. Наконецъ, наступилъ голодъ и онъ, и его слѣдствіе болѣзни, опустошили всю страну. Ульстеръ былъ еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ Мюнстеръ. Самымъ живымъ описаніемъ страшныхъ результатовъ такой политики мы обязаны самому Моунтжою и его секретарю Финесу Морисону. Такими средствами и при помощи энергичныхъ, но менѣе жестокихъ военныхъ операцій страна была окончательно подчинена и въ 1603 году возстаніе О'Нейлля окончено. Ирландскіе главы подчинились и во исполненіе условій мира королева вернула О'Нейллю его титулъ и владѣнія.

Пуританство и нонконформизмъ.

Броуна.

Камденъ утверждаетъ, что пуританство появилось въ Англіи около 1568 года; эту дату мы можемъ принять просто, какъ обозначающую время, когда вожди движенія стали въ открытую оппозицію правительству и когда пуританство начало дѣлаться силой, съ которой съ этихъ поръ приходилось считаться. Но въ дѣйствительности пуританство появилось гораздо раньше. То желаніе богослуженія, болѣе согласованнаго съ священнымъ писаніемъ, тотъ духъ сопротивленія священству и церковнымъ церемоніямъ, которые составляютъ самую сущность пуританства, можно отнести за много вѣковъ до реформаціи. Уже въ 1165 году былъ созванъ Оксфордскій соборъ, главнымъ образомъ занявшійся тридцатью ткачами изъ Ворчестерской епархіи, еретическія мнѣнія которыхъ по существу были подобны

мнѣніямъ позднѣйшихъ пуританъ. Было бы не трудно доказать, что подобныя мнѣнія преобладали болѣе или менѣе во времена Виклефа и лоллардовъ и потомъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ, когда реформація стала совершившимся фактомъ. Духъ пуританизма былъ самой сущностью протестантства; но названіе, какъ знамя отдѣльной партіи, появилось дѣйствительно въ началѣ царствованія Елисаветы. Сначала это названіе было только кличкой пресиісіанистовъ, но потомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, эта кличка, благодаря высокимъ качествамъ лицъ, къ которымъ она примѣнялась, стала почетной и была принята, какъ названіе партіи, въ рядахъ которой было не мало замѣчательныхъ богослововъ, законниковъ, государственныхъ людей, воиновъ и даже ораторовъ и поэтовъ, которая была вліятельной силой въ борьбѣ за конституціонную свободу и составила существенный и важный элементъ національной жизни.

Пуритане и Елисавета.

При воцареніи Елисаветы пуритане, полагаясь на ея репутацію, какъ протестантки, надѣялись, что она приметъ во вниманіе ихъ мнѣнія при рѣшеніи вопроса о религіозномъ устроеніи. Но хотя она и разорвала всякія отношенія съ папствомъ столь же рѣшительно, какъ и ея отецъ, въ другихъ отношеніяхъ проявила отвращеніе къ взглядамъ пуританъ и къ желательнымъ для нихъ измѣненіямъ въ церковныхъ обрядахъ. Она не была богословомъ и ненавидѣла богословскіе споры, но стояла за строгую церковную дисциплину. Она считала англиканскую церковь своей собственной церковью, надъ которой она имѣетъ верховную власть, и въ религіи также, какъ и во всемъ, она заботилась о порядкѣ, пышности и показной сторонѣ. Несомнѣнно, что она сама играла роль рѣшительницы религіозныхъ вопросовъ. Въ началѣ ея царствованія наиболѣе выдающіеся изъ епископовъ и богослововъ находились въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ съ швейцарскими реформаторами; многіе изъ нихъ во время преслѣдованій Маріи нашли у нихъ убѣжище и потому охотно сдѣлали бы уступки пуританамъ. Іевель, котораго можно считать самымъ вліятельнымъ изъ епископовъ этого періода царствованія, писалъ въ Цюрихъ въ 1566 году своему другу Буллингеру «я желаю, чтобы всѣ, даже самые ничтожные, слѣды папизма были удалены изъ нашей церкви и въ особенности изъ нашихъ душъ. Но теперь королева не хочетъ и слышать о малѣйшемъ измѣненіи въ религіозныхъ дѣлахъ».

Разногласія между Елисаветой и пуританами дошли до открытаго столкновенія по поводу королевскихъ приказовъ, именуемыхъ «Объявленіями»—Advertisements (1566). Эти приказы опредѣляли минимумъ обрядовъ, допустимыхъ при богослуженіи. Единовѣріе должно было быть введено въ извѣстный срокъ; по истеченіи трехъ мѣсяцевъ послѣ отказа подчиниться приказамъ, должно было послѣдовать лишеніе бенефиціи. Примѣненіе этихъ распоряженій начали съ лондон-

скаго духовенства, которое было вызвано въ Ламбетъ къ архіепископу, лондонскому епископу и членамъ церковной коммисіи. Раздоръ все болѣе и болѣе становился серьезнымъ; сначала пуритане въ особенности протестовали противъ церковныхъ облаченій. Вызванные въ церковную коммиссію встрѣчали тамъ нѣкоего Роберта Коля, священника, сначала отказавшагося подчиниться распоряженіямъ, а потомъ подчинившагося, одѣтаго въ полное священническое облаченіе. Канцлеръ епископа, указывая на этого человѣка, говорилъ имъ: «Совѣтъ требуетъ, чтобы вы облачались такъ, какъ облаченъ этотъ человѣкъ. Тѣ, которые согласны, пусть подпишутъ: volo, а кто не согласенъ, пусть пишетъ nolo». Никакихъ объясненій не допускалось; многіе изъ отказавшихся были вскорѣ низложены и лишены сана.

Сопротивленіе пуританъ.

Низложеніе многихъ священниковъ оставило нѣкоторыя изъ лондонскихъ церквей безъ проповѣдниковъ. Между тѣмъ низложенные священники продолжали совершать богослуженіе въ тайно собиравшихся конгрегаціяхъ, какъ въ Лондонѣ, такъ и въ провинціяхъ. Многіе изъ посѣтителей такихъ конгрегацій были арестованы и посажены въ тюрьмы; но несмотря на всѣ преслѣдованія пуританство росло, усиливалось и пуритане становились все рѣшительнѣе. Центромъ пуританства былъ Вандсвортъ; въ Лондонѣ и въ среднихъ графствахъ была организована выработанная пресвитеріанская дисциплина; создалась цѣлая литература, которая все сильнѣе и сильнѣе нападала на установленную церковь и наконецъ вражда, направленная сначала на церковное облаченіе и на такіе обряды, какъ колѣнопреклоненіе при причащеніи, или знаменіе креста при крещеніи, направлялась теперь противъ всей системы епископальной церкви.

Когда началось открытое столкновеніе, пуритантство приняло разныя направленія. Большинство пуританскихъ священниковъ продолжало оставаться конформистами, т. е. признающими установленную церковь; оно еще сохраняло кальвинскія мнѣнія и употребляя тотъ церемоніалъ, къ которому ихъ принудили, они считали себя вѣрными служителями и представителями церкви. Они оставались въ этой церкви, не такой, какова она была, а такой, какой они могли, какъ они полагали, потомъ сдѣлать ее. Они подчинялись во многомъ, чего они не одобряли, надѣясь на наступленіе лучшихъ дней,—надѣясь, что современемъ будетъ установлена болѣе простая и болѣе соотвѣтствующая Писанію церковная система. Ихъ стремленіе добиться свободы въ церкви естественно соединяло ихъ съ партіей свободы въ парламентѣ и ихъ наслѣдники, получившіе отъ нихъ свои принципы и положенія, вели потомъ борьбу съ Карломъ I и архіепископомъ Лоудомъ, борьбу, приведшую къ битвамъ при Назеби и Марстонъ Мурѣ.

Пресвитеріане и ихъ организація.

Кромѣ такихъ пуританъ-конформистовъ были еще пуритане-пресвитеріане и пуритане-индепенденты. Эти двѣ послѣднія группы во

многихъ важныхъ отношеніяхъ отличались другъ отъ друга. Пресвитеріане старались ввести организованную женевскую дисциплину въ самую церковь; настало такое время, когда казалось на минуту, что они могутъ имѣть въ этомъ нѣкоторый успѣхъ. Въ 1571 году Томасъ Картрайтъ профессоръ богословія (кафедры богословія леди Маргариты) въ Кембриджѣ, благодаря вліянію Уитгифта, бывшаго тогда вицеканлеромъ, былъ изгнанъ изъ университета за его пресвитеріанскія мнѣнія и въ соединеніи съ другими издалъ два адресса къ парламенту, подъ заглавіемъ «Первое и Второе Увѣщанія». Эти адрессы представляли нападеніе на епископальную систему и энергичное отстаиваніе божественности женевской дисциплины. Сначала они придерживались этой дисциплины частнымъ образомъ, а потомъ сдѣлались смѣлѣе и рѣшительнѣе. Они начали систематическя и открыто вводить свою дисциплину въ приходскихъ церквахъ Нортгамптоншира и Варвикшира, результатомъ чего, конечно, были нѣкоторыя недоразумѣнія. Въ 1580 году Картрайтъ и его другъ Траверсъ издали «Книгу о дисциплинѣ», въ которой систему пресвитеріанскаго управленія, существовавшую въ Женевѣ, примѣняли къ Англіи такъ, чтобы втеченіе двухъ или трехъ лѣтъ она сдѣлалась общепринятой. Пуританское духовенство каждаго округа составляло конференцію или *классъ*; эти классы объединялись въ національное собраніе, которое должно было собираться въ Лондонѣ во время засѣданій парламента. Въ каждомъ приходѣ должна быть консисторія, въ которой были и міряне-старшины, избираемые для этой цѣли; но дѣйствительное веденіе дѣлъ принадлежало классамъ, которые и рѣшали всѣ вопросы объ обрядахъ, назначали кандидатовъ въ священники и давали имъ необходимое посвященіе. Такимъ образомъ классъ давалъ кандидату настоящее пресвитеріанское посвященіе и тогда только онъ могъ обратиться къ епископу за простой формальностью посвященія. Такимъ образомъ пресвитеріанская система существовала бы при епископальной церкви до тѣхъ поръ, пока она не сдѣлается настолько прочной, что вполнѣ замѣнитъ ее. Пресвитеріане требовали такимъ образомъ не только терпимости для ихъ мнѣній, но и распоряженія приходами. Картрайтъ требовалъ, чтобы духовенство возвратилось къ первоначальной церкви, чтобы пресвитеры занимались только проповѣдываніемъ Слова Божія, а діакопы заботились о бѣдныхъ; чтобы всякая церковь управлялась только священниками и старѣйшинами, чтобы священники открыто и свободно избирались народомъ. «Для совершенія такой реформы, писалъ онъ, всякій долженъ работать въ своей профессіи—чиновникъ при посредствѣ своей власти, священники при посредствѣ Слова Божія и всѣ своими молитвами».

Такимъ образомъ приверженцы Картрайта требовали національной церкви, построенной по пресвитеріанскому образцу, пользующейся

десятиной и церковными доходами и въ то же время отвергали духовное главенство государя, какъ несогласное съ ученіемъ Новаго Завѣта. Пресвитеріане утверждали, что ихъ система основана на Божественномъ правѣ, Картрайтъ утверждалъ, что въ христіанской церкви все устраивается Богомъ точно также, какъ и поклоненіе въ іудейскомъ храмѣ. «Возможно ли, чтобы Тотъ, Который не только повелѣлъ устроить скинію и храмъ, но даже и ихъ украшенія, пренебрегъ распорядиться самымъ существеннымъ въ церкви? Можемъ ли мы думать, что Тотъ, Который тамъ помнилъ о вратахъ, здѣсь забылъ о столбахъ, на коихъ стоитъ церковь?» Основное положеніе Картрайта поэтому состояло въ томъ, что всѣ подробности церковнаго управленія, не имѣющія ясной божественной санкціи, тѣмъ самымъ осуждены; что все, чего нѣтъ въ Писаніи, ошибочно и что практика Новозавѣтной церкви столь же обязательна въ вопросахъ дисциплины, какъ ея ученіе обязательно въ вопросахъ догмы.

Индепенденты. Теорія Сепаратистовъ. Церковь и государство.

Тѣ пуритане, которыхъ называли индепендентами или сепаратистами, соглашаясь съ пресвитеріанами въ ихъ оппозиціи епископальной церкви и въ ихъ желаніи возратиться къ первоначальному церковному управленію, какъ оно изложено въ Новомъ Завѣтѣ, въ другихъ отношеніяхъ вполнѣ расходились съ ними. Ихъ точкой отправленія въ вопросахъ церковной политики было существованіе духовной жизни, личное отношеніе индивидуума къ Богу; для нихъ церковь—это община, состоящая только изъ людей духа. Пресвитеріане, желая, чтобы церковь управлялась пресвитерами, т. е. синодомъ и собраніемъ, состоящимъ изъ священниковъ и старѣйшинъ, а не эпархіальными епископами и желая замѣнить англійскій молитвенникъ (Book of Common Prayer) книгой женевской дисциплины, въ другихъ отношеніяхъ, какъ мы видѣли, были вполнѣ согласны съ главными особенностями епископальной системы. Они были въ пользу государственной церкви; по ихъ мнѣнію, церковь въ каждомъ приходѣ должна состоять изъ всѣхъ крещенныхъ людей этого прихода, будутъ ли они людьми духа или нѣтъ. Индепенденты, напротивъ, строго держалась того положенія, что христіанская церковь должна состоять только изъ христіанъ. «Царство Божіе, говорили они, не начинается съ цѣлаго прихода, а только съ достойнѣйшихъ, хотя бы ихъ и было немного». Генрихъ Барроу въ письмѣ изъ Флита въ 1590 году протестуетъ противъ недуховности Елисаветинской церкви въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Никогда всякаго рода грѣхи и зло не царствовали ни у одной націи и ни въ одно время такъ, какъ теперь и однако всѣ приняты въ церковь, всѣ составляютъ членовъ Христа. Всѣ эти люди въ одинъ день, при звукѣ трубы королевы Елисаветы, изъ невѣжественныхъ папистовъ и грубыхъ идолопоклонниковъ сдѣлались вѣрными христіанами и настоящими профессорами». Онъ протестуетъ столь же энергично противъ того,

что онъ называетъ безпорядочными и дерзкими поступками женевской пресвитеріанской церкви Джона Кальвина, какъ и противъ епископальнаго строя англиканской церкви на томъ основаніи, что «Кальвинъ не усумнился сразу принять цѣлое государство, даже всѣхъ легкомысленныхъ и невѣжественныхъ людей въ лоно церкви», а такой методъ дѣйствія, говоритъ онъ, не можетъ согласоваться «съ небеснымъ управленіемъ Христа». Признавая такимъ образомъ своимъ основнымъ положеніемъ, что видимая церковь состоитъ изъ братства вѣрныхъ и святыхъ людей, соединившихся во имя Христово, индепенденты утверждали далѣе, что такая церковь способна къ самоуправленію. Они утверждали, что духовной общиной могутъ управлять только духовные люди, которыми руководитъ и которыхъ просвѣщаетъ Духъ Божій. Далѣе такую способность къ самоуправленію они считаютъ не столько привилегіей, сколько священной обязанностью, которую слѣдуетъ исполнить. Они шли въ тюрьмы и въ изгнаніе и даже на эшафотъ за такія положенія не только для того, чтобы подтвердить предполагаемыя права и привилегіи, а потому что, по ихъ мнѣнію, Христосъ довѣрилъ Его истину и Его законы вѣрности всѣмъ любящимъ Его, потому что ни одинъ христіанинъ не можетъ избѣжать налагаемой такимъ довѣріемъ отвѣтственности, потому, наконецъ, что эту отвѣтственность слѣдуетъ нести во что бы то ни стало и не смотря ни на какія опасности.

Періодъ времени въ царствованіе Елисаветы, когда индепенденты дѣятельно распространяли свои взгляды, можетъ быть приблизительно опредѣленъ, какъ періодъ отъ 1570 до 1593 года. Вождями ихъ въ первую половину этого періода были пасторъ лондонской церкви Ричардъ Фицъ и Робертъ Гаррисонъ, создавшій въ 1580 году конгрегацію въ Норвичѣ; наиболѣе дѣятельными пропагандистами ихъ принциповъ во вторую половину періода были Генрихъ Барроу и Джонъ Гринвудъ, къ которымъ присоединился и Джонъ Пенри, валлисскій мученикъ; всѣ они заплатили смертью за свои убѣжденія въ 1593 году. Часто признавали основателемъ индепендентства въ Англіи Роберта Броуна, оттого ихъ и называютъ иногда Броунистами. Но сами они постоянно говорили, что ихъ облыжно называютъ броунистами, что хотя Броунъ въ одно время и защищалъ энергично ихъ мнѣнія, но онъ не былъ основателемъ секты. Это мнѣніе подтверждается и оффиціальными документами, доказывающими, что конгрегація существовала уже въ 1571 году и даже раньше, а въ этомъ году Робертъ Броунъ былъ еще студентомъ въ Кембриджѣ.

Преслѣдованія нонконформистовъ.

Уголовные законы противъ нонконформистовъ, и раньше бывшіе суровыми, стали еще болѣе суровыми въ 1593 году, когда былъ проведенъ актъ (Conventicle Act), опредѣлявшій, что всѣ лица выше шестнадцатилѣтняго возраста за присутствіе на незаконныхъ собра-

ніяхъ подвергаются заключенію въ тюрьму, гдѣ и остаются безъ освобожденія ихъ подъ поручительство или подъ залогъ, пока открыто не подчинятся и не признаютъ единовѣрія въ какой нибудь церкви, или капеллѣ, или въ мѣстѣ общаго богослуженія. Всякій, отказавшійся отъ такого публичнаго подчиненія и признанія, втеченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ осужденія обязывается «навсегда отречься отъ всего королевства Англіи и всѣхъ иныхъ владѣній ея величества королевы». Этотъ суровый актъ 35-го года Елисаветы объясняетъ, почему втеченіе десяти лѣтъ до воцаренія Іакова I столько конконформистовъ томились въ тюрьмахъ, многіе были изгнаны и еще большее число ушло въ добровольное изгнаніе.

Что касается этой части пуританъ, то втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ ихъ центромъ были Нидерланды, гдѣ имъ разрѣшено было свободное исповѣдываніе ихъ религіи, а не ихъ родина, отказывавшая имъ въ свободѣ совѣсти.

Религіозная борьба.

Раймонда Бизли.

Англиканство. Послѣ смерти Гриндаля въ 1583 году и назначенія примасомъ Англіи Уитгифта (1583 — 1604) въ положеніи религіозныхъ дѣлъ въ Англіи произошли измѣненія. При новомъ архіепископѣ англиканская церковь начинаетъ вырабатывать свою собственную, независимую систему — «среднюю между Римомъ и Женевой»; теперь снова начинаются преслѣдованія крайнихъ, систематическое и постоянное подавленіе пуританства—нонконформизма внутри церкви и пуританства-сепаратизма внѣ ея; партія Верхней церкви въ томъ смыслѣ этаго слова, какой оно имѣло въ семнадцатомъ вѣкѣ, впервые появляется или снова появляется въ эти послѣдніе годы царствованія Елисаветы, Ерастіанское понятіе о церкви и государствѣ, господствовавшее въ періодъ Тюдоровъ отъ перваго реформаціоннаго парламента, начинаетъ уступать мѣсто понятію періода Стюартовъ о союзѣ между двумя дружественными учрежденіями, изъ которыхъ каждое необходимо для другого.

Уитгифтъ. Самъ Уитгифтъ, впрочемъ, наврядъ ли могъ быть признанъ за представителя такого новаго понятія. Его настроеніе было скорѣе настроеніемъ репрессіи, чѣмъ созиданія. Онъ былъ человѣкъ, вынуждавшій признать единовѣріе, а не мыслитель или руководитель, создающій новую партію; его избраніе примасомъ послѣ Гриндаля скорѣе доказываетъ Ерастіанство Елисаветы, чѣмъ начало новой

эры, новой школы англиканской религіи, Банкрофтъ, Гукеръ и Андрьюсъ были настоящими главами англокатолической реакціи. Правительство Елисаветы въ лицѣ Уитгифта просто нашло преданнаго архіепископа, котораго не безпокоили пуританскія сомнѣнія, какъ они безпокоили его предшественника, который энергически проводилъ въ жизнь установленную систему и поддерживалъ дѣло англиканства съ достаточной ученостью и съ достаточной полемической силой.

Онъ уже давно былъ выдающимся человѣкомъ въ Кембриджѣ въ качествѣ вицеканцлера университета и магистра коллегіи Троицы—и тамъ онъ игралъ выдающуюся роль при изгнаніи Картрайта [1]) (1571). Въ этомъ же году королева назначила его деканомъ Линкольна; въ 1572 году конвокація въ Кентербюри избрала его предсѣдателемъ или «пролокуторомъ», онъ былъ выбранъ Паркеромъ для отвѣта на «Пуританское Увѣщаніе» парламенту; въ 1577 году онъ сдѣлался епископомъ Ворчестерскимъ, а теперь, 24 августа 1583 года, по указанію короны, капитулъ Кентербюри избралъ его примасомъ.

Онъ немедленно же приступилъ къ главному дѣлу его жизни, — къ подавленію нонконформизма и къ упроченію установленной церкви, — съ увеличенной энергіей, приданной ему его новымъ вліятельнымъ положеніемъ, но въ томъ же направленіи, какому онъ слѣдовалъ и въ Кембриджѣ и въ Ворчестерѣ.

Пуритане и нонконформисты.

Оппозиція церкви была двухъ родовъ: во первыхъ отъ открытаго сепаратизма броунистовъ [2]) или старыхъ индепендентовъ, «семьи любви» и отъ анабаптистовъ, ужасающія политическія ученія которыхъ заставили правительство въ 1575 и 1579 годахъ сжечь трехъ изъ нихъ; и во вторыхъ, отъ пуританскаго нонконформизма въ самой церкви, которое стремилось передѣлать церковный строй по своему; нонконформисты, въ 1563—67 годахъ, начавъ съ формальной и организованной оппозиціи церковному облаченію, въ 1572 году стали въ оппозицію ко всему англиканскому церковному церемоніалу, а теперь, въ 1580 году, принявъ женевскую дисциплину, объявили

[1]) Картрайтъ, по мнѣнію Фроуда, былъ „геніальный человѣкъ“, появленіе котораго „безпокоило“ университетъ. Можетъ быть, мнѣнія Картрайта объясняютъ вражду къ нему гораздо лучше, чѣмъ его геніальность. „Еретиковъ—надо теперь казнить“—говорилъ онъ въ отвѣтъ тѣмъ, которые настаивали на милости—а для него еретики были всѣ, не признававшіе женевскую систему.—„Если это значитъ быть крайнимъ и кровожаднымъ, я готовъ считаться таковымъ со Духомъ Святымъ“.

[2]) Предполагаемый основатель Секты, Робертъ Броунъ, Норфолькскій священникъ, родственникъ Бурлейга, издалъ „Treatise of Reformation without tarrying foany and of wickedness of those preachers, that will not reform themselves because they will tarry till the magistrate commande and compel them.

открыто войну епископальному управленію и католическому строю церкви и литургіи. Новая «книга дисциплины», составленная Картрайтомъ и Траверсомъ, угрожала въ самой англиканской церкви замѣнить англійскій молитвенникъ.

Государство—Церковь. Борьба, свирѣпствовавшая при Паркерѣ, съ еще большей рѣзкостью загорѣлась при Уитгифтѣ и продолжалась втеченіе всего семнадцатаго вѣка до революціи 1689 года и даже послѣ нея возродилась ненадолго при королевѣ Аннѣ. Борьба велась изъ за идеи о государствѣ—церкви, охватывающемъ всю націю, о благѣ которой, какъ націи, должно заботиться государство и внѣ котораго не должна оставаться одна часть народа, такъ что это государство — церковь является истиннымъ представителемъ всей націи въ сферѣ религіозной. Большинство пуританской партіи настолько же придерживалось этаго взгляда, какъ и англиканская партія. Терпимость по отношенію къ нонконформизму была идеей, недоступной умамъ большинства англичанъ до эпохи реставраціи. Терпимость представлялась имъ только дѣломъ личной снисходительности; но какъ общее понятіе, она была столь же далека отъ умовъ почти всѣхъ вождей парламентаристовъ и либераловъ во времена первыхъ Стюартовъ и во времена революціи, какъ она была далека отъ умовъ Карла I, Страффорда или Лоуда.

Всякая изъ господствующихъ партій или школъ при Елисаветѣ, Іаковѣ и Карлѣ, во время революціи, въ Америкѣ также, какъ въ Англіи, постоянно и послѣдовательно стремилась къ тому, чтобы подчинить своей волѣ всѣ другія партіи, добиться единообразія въ религіи, которое соотвѣтствовало бы единообразію государственному и являлось бы отраженіемъ правительственныхъ взглядовъ въ данное время. Потому «новый пресвитеръ тотъ же старый попъ, только состоящій изъ большаго количества слоговъ», вотъ почему всѣ попытки Стюартовъ устроить компромиссъ между англиканцами и пуританами, какъ указалъ Матью Арнольдъ въ сочиненіи: «Св. Павелъ и Протестанство», были обречены на неудачу; вотъ почему не удовлетворялъ ни одинъ пересмотръ молитвенника. Оппозиція стремилась не къ расширенію понятія о церкви до того, чтобы она обнимала собой всю жизнь націи, а наоборотъ къ ссуживанію этаго понятія, къ введенію его въ тиски особыхъ дисциплинарныхъ понятій, какъ гигантъ старой греческой сказки приспособлялъ всѣхъ прохожихъ къ своему ложу.

Единственнымъ рѣшеніемъ вопроса, при которомъ одна партія не давила бы постоянно другую, было жить самимъ и давать жить другимъ; но въ то время, какъ Уитгифтъ началъ борьбу, Англіи до такого рѣшенія предстояло прожить восемьдесятъ лѣтъ въ отчаянныхъ и безплодныхъ попыткахъ сначала одной партіи, потомъ другой, добиться невозможнаго единовѣрія. Лоялизмъ и государственное искусство эпохи

Тюдоровъ замѣнились догматизмомъ, суровыми сектантскими столкновеніями семнадцатаго вѣка, когда духъ сектанства, не сдерживаемый болѣе государствомъ и политическими идеями, пробилъ себѣ дорогу въ политику и родилъ раздоры въ средѣ самого государства и на время разрушилъ то единство, которое, повидимому, въ идеѣ и въ дѣятельности составляло славу Елисаветинскаго вѣка, когда такіе люди, какъ Бэконъ, полагали, что они достигли истины, и притомъ всей истины.

Уитгифтъ началъ борьбу пятнадцатью статьями 1583 года [1]), изъ которыхъ шестая требовала отъ всѣхъ духовныхъ лицъ признанія трехъ главныхъ положеній религіознаго установленія Елисаветы—королевской супрематіи, литургіи и тридцатидевяти статей.

Для того, чтобы добиться согласія на эти три положенія, была учреждена постоянная церковная коммиссія [2]) съ большими, чѣмъ раньше, полномочіями (декабрь 1583 года); самъ примасъ составилъ двадцать четыре слѣдственныхъ статьи и всякій обвиняемый въ нонконформизмѣ долженъ былъ подъ присягой очистить себя предъ коммиссіей (1584). Возбужденіе было такъ сильно, что въ дѣло вмѣшался самъ Бурлейгъ, единственный изъ упорныхъ церковниковъ въ государственномъ совѣтѣ, который нашелъ, что «статьи составлены такимъ образомъ, что даже для испанской инквизиціи не нужно столькихъ вопросовъ, чтобы захватить и поймать свою добычу»; вообще все это казалось ему «дѣломъ, сильно пахнущимъ римской инквизиціей и скорѣе средствомъ находить преступниковъ, чѣмъ исправлять ихъ». Онъ считалъ подробные вопросы архіепископа и самый методъ опроса «навряд ли милосерднымъ» [3]). Онъ сожалѣетъ о бѣдныхъ людяхъ, которымъ придется отвѣчать. Сказанные бѣдные люди громко завопили. Священники Кента и Суффолька въ общихъ выраженіяхъ выразили свою вѣру въ молитвенникъ, но находили, что кое что нуждается въ реформѣ; неужели ихъ слѣдуетъ отставить отъ должностей за такія подробности? Частный Совѣтъ, въ то время антиклерикальный, былъ расположенъ слушать жалобы на епископ-

---

[1]) Страйпа—Whitgift, book III.

[2]) При посредствѣ этой временной церковной комиссіи королева съ начала царствованія осуществляла свою супрематію въ церковныхъ дѣлахъ; на основаніи акта о супрематіи (1559) королева имѣла право осуществлять религіозную власть чрезъ комиссаровъ. Судъ церковной коммиссіи, учрежденный въ 1583 г., состоялъ изъ 44 членовъ, въ томъ числѣ 12 епископовъ, частные совѣтники, духовные и гражданскіе чины; имъ поручено послѣ прочтенія актовъ о Супрематіи и Единовѣріи, время отъ времени подъ присягой 12 пригодныхъ и законныхъ людей, чрезъ свидѣтелей и разными иными средствами, какія они найдутъ нужными, изслѣдовать всѣ преступленія, совершенныя противъ содержанія сказанныхъ актовъ и статутовъ (Галламъ).

[3]) Защита Архіепископа у Страйпа—Whitgift, III.

скую тиранію. Онъ вызвалъ къ себѣ Уитгифта. Архіепископъ отказался дать объясненія по дѣламъ, «не касавшимся этаго почтеннаго комитета» и настаивалъ на томъ, чтобы жаловавшіеся священники обратились къ нему. Онъ самъ лично хотѣлъ бы насколько возможно избавиться отъ безпокойствъ, одолѣвавшихъ Паркера. «Для него невозможно», объявилъ онъ, «исполнять порученную ему ея величествомъ обязанность, если онъ не въ состояніи исполнять ее безъ посторонняго вмѣшательства».

Такимъ образомъ архіепископъ долженъ былъ теперь бороться съ тремя врагами. Совѣтъ, которому помогали сепаратисты и пуританенонконформисты, пользовался разными орудіями, памфлетами, печатными нападеніями и личными интригами противъ того, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ совѣтниковъ считали возрожденіемъ опасныхъ церковническихъ претензій. «Неужели все это происходитъ отъ суровости одного человѣка? спрашивалъ авторъ Practice of Prelates (сочиненія, написаннаго и изданнаго въ это время). Нѣтъ, несомнѣнно, что тутъ вмѣшался самъ сатана. Ибо что болѣе вреднаго могъ выдумать самъ адъ?» Что же касается до слѣдственныхъ статей Уитгифта, то на что другое онѣ нужны, кромѣ только того, чтобы «онъ могъ обращаться тирански съ своими собратіями священниками изъ простого личнаго честолюбія, къ духовному гладу многихъ тысячъ душъ, смѣняя однихъ и обезкураживая другихъ—и все это потому, что они несогласны съ его папистскими мнѣніями?» Съ особымъ раздраженіемъ на политику Уитгифта нападали Лейчестеръ, Фрэнсисъ Ноллисъ и Биль (секретарь Совѣта). Ноллисъ, полагая, что «превосходство предъ другими, на которое претендуютъ епископы, ни коимъ образомъ не согласуется съ суверенитетомъ королевы», требовалъ, чтобы примасъ «по Божіему повелѣнію отрекся отъ своихъ претензій на превосходство»; онъ полагаетъ, что «безъ такого отреченія нельзя спасти и сохранить верховное управленіе ея величества».

Конференція въ Ламбетѣ.

Оппозиція Совѣта должна была съ еще большей силой проявиться въ парламентѣ, созванномъ на 1584 годъ; старые друзья архіепископа, вродѣ Бурлейга, отстранились отъ него; памфлетисты его яростно преслѣдовали; королева безпокоилась о томъ, что отвѣтить на возраженія пуританъ; надъ Англіей все еще висѣла опасность со стороны Испаніи и католической реакціи, что повидимому воспрещало всякіе открытые раздоры въ средѣ англійскаго протестантизма—раздоры, имѣвшіе единственнымъ оправданіемъ пораженіе Армады и освобожденіе націи отъ грозившихъ ей опасностей. Потому Уитгифтъ искалъ примиренія; онъ оправдывался предъ Елисаветой и въ тоже время, осенью 1584 года, созвалъ въ Ламбетѣ конференцію богослововъ; онъ сдѣлалъ первую изъ длиннаго ряда безнадежныхъ попытокъ устроить компромиссъ, который былъ полезенъ только тѣмъ,

что хоть сколько нибудь подготовилъ умы англичанъ къ необходимости терпимости.

Уитгифтъ жаловался королевѣ, что нонконформизмъ находитъ свою главную поддержку при дворѣ; онъ утверждалъ, что «большинство старыхъ и благоразумныхъ духовныхъ лицъ достаточно покорны, а непокорные по большей части молоды и безумны» [1]). На Ламбетской конференціи, гдѣ диспуты происходили предъ Лейчестеромъ, Греемъ, Вальсингамомъ и другими, обѣ сторонѣ, по ихъ собственнымъ разсказамъ, были вполнѣ увѣрены, что «достопочтенные особы» вполнѣ убѣдились ихъ аргументами и что они совершенно опровергали своихъ оппонентовъ—такъ что имъ будто бы только и оставалось отречься.

Въ парламентѣ, собравшемся въ ноябрѣ 1584 года, нападенія пуританъ на англиканство нашли представителей. Нѣкоторые даже надѣялись, что въ эту сессію «Книга дисциплины» замѣнитъ молитвенникъ. Къ Палатѣ Общинъ были поданы петиціи въ этомъ смыслѣ; тогда одинъ изъ членовъ, руководимый совѣтомъ священниковъ, долженъ былъ внести билль о реформѣ церкви и въ тоже время предложить утвердить и санкціонировать парламентскимъ статутомъ «Книгу Божіихъ священниковъ» [2]).

Теперь настроеніе палаты было еще болѣе, чѣмъ въ 1586 году, благопріятно для дальнѣйшей реформы, желательной для пуританъ, и внесеніе билля было остановлено только правительственнымъ veto; главные пункты билля были, однако, переданы Общинами Лордамъ, которыхъ просили доложить дѣло королевѣ. Но палата лордовъ вѣжливо уклонилась отъ такой непріятной обязанности.

Съ другой стороны примасъ не только сдѣлалъ, что могъ, въ палатѣ лордовъ для опроверженія мотивовъ петиціи Общинъ, но и провелъ въ Конвокаціи рядъ каноновъ, (23 марта 1585 года) получившихъ согласіе королевы и касавшихся пунктовъ, неудовлетворительно изложенныхъ въ канонахъ 1576 года. Эти каноны составлены были въ томъ же духѣ, какъ и слѣдственныя статьи 1583 года, но относились главнымъ образомъ къ практическимъ злоупотребленіямъ. Они не касались самаго вопіющаго изъ такихъ злоупотребленій—оставленія королевой кафедръ вакантными и полученія съ нихъ доходовъ [3]). Другіе билли пуританъ, внесенные въ палату общинъ, скорѣе раздражили и испугали англиканскую партію, чѣмъ серьезно угрожали ей [4]). Королева воспользовалась распущеніемъ палаты для того, чтобы

Каноны.

---

[1]) Изъ десяти эпархій ему были сообщены имена 835 проповѣдниковъ, изъ нихъ 786 было покорныхъ, а нонконформистовъ только 49. Да и изъ послѣднихъ многіе послѣ „увѣщанія“ подчинились. Страйпа—Whitgift.

[2]) Страйпа, III.

[3]) Въ сентябрѣ 1584 года такихъ кафедръ было пять.

[4]) Одинъ изъ биллей, направленный противъ соединенія бенефицій, былъ обвиненъ духовенствомъ въ конвокаціи, какъ такой, который „на-

порадовать обѣ партіи нѣкоторыми ядовитыми замѣчаніями по адресу обѣихъ. «Находятся люди недовольные духовенствомъ—начала она—и они клевещутъ на него и на церковь, надзирателями за коей ихъ сдѣлалъ Богъ; небрежность его не имѣла бы извиненія, еслибы терпимы были расколы или еретическія заблужденія. Нѣкоторыя ошибки могли появиться, какъ это бывало и въ другихъ профессіяхъ, ибо какая же профессія безъ недостатковъ?» И, обращаясь далѣе къ духовнымъ пэрамъ, она продолжала: «если они не исправятся, то она намѣрена низложить ихъ, потому она проситъ ихъ съ этихъ поръ исполнять ихъ обязанности..... Я не желаю романизма, но никогда не потерплю и новшествъ. Я намѣрена руководиться истинными правилами Божіими» [1]).

Вообще говоря, консервативная или англиканская партія выдержала первыя бури новаго приматства довольно удачно. Уитгифтъ, смягчивъ требованія о подписаніи статей для всѣхъ, кромѣ вновь посвящаемыхъ, не только пріобрѣлъ репутацію человѣка склоннаго къ примиренію, но и добился «значительнаго покоя». Въ февралѣ 1586 года, когда Лейчестеръ находился въ Нидерландахъ и изображалъ генерала инсургентовъ противъ Филиппа II и Александра Пармскаго, архіепископъ добился назначенія въ Частный Совѣтъ, причемъ въ Совѣтѣ одновременно усилились и свѣтскіе элементы, дружественные къ церкви.

Возобновленіе борьбы.

Вторая борьба при управленіи церковью Уитгифта между церковью и пуританствомъ или, вѣрнѣе сказать, между англиканствомъ и пуританствомъ въ самой церкви, началась съ собранія парламента въ октябрѣ 1586 года. Она началась съ петиціи, поданной палатѣ общинъ противъ епископовъ—на ихъ небрежность въ томъ, что они должны бы были дѣлать и на суровость, съ которой они настаивали на томъ, чего не слѣдуетъ дѣлать.

Далѣе, въ палатѣ 27 февраля 1587 года было предложено, чтобы всѣ дѣйствующіе относительно церковнаго устроенія законы были отмѣнены и чтобы была принята «Книга дисциплины», какъ законное опредѣленіе дисциплины и общественнаго богослуженія. Но па-

---

рушаетъ королевскую прерогативу, покушается на доходы короны, ниспровергаетъ изученіе богословія, лишаетъ людей ихъ законныхъ доходовъ, разоряетъ духовенство, вводитъ необученныхъ священниковъ, отнимаетъ всякую надежду на послѣдовательность въ обученіи"—Страйпа—Whitgift, III.

1) Послѣ распущенія парламента конвокація продолжала работать, обсуждая каноны Уитгифта и регулируя систематическое обученіе духовенства. Священники должны были составлять недѣльныя и четвертныя упражненія и передавать ихъ ординарію. Примасъ въ это время съ успѣхомъ противился проэкту о переоцѣнкѣ церковныхъ доходовъ, на этотъ проэктъ онъ смотрѣлъ какъ на средство взять побольше денегъ съ духовенства, увеличивая оцѣнку десятинъ и доходовъ перваго года (first fruits), которые взимались короной.

лата оказалась менѣе сговорчивой, чѣмъ въ 1584 году; она отказала во внесеніи билля, излагавшаго содержаніе петиціи и королева объявила недовольнымъ, что она «считаетъ ихъ предложеніе (платформу) вреднымъ для установленной религіи, для ея короны, для ея правительства и для ея подданныхъ».

Послѣ пораженія въ Совѣтѣ и парламентѣ, будучи выбиты изъ своей позиціи конституціоннаго сопротивленія, крайніе пуритане перешли къ тайному нонконформизму *классовъ*, къ увертками или ворчливому повиновенію прежняго времени и къ литературной полемикѣ ругательныхъ памфлетовъ, которая извѣстна намъ подъ названіемъ Мартина-Марпрелата — псевдонима нѣсколькихъ наиболѣе фанатическихъ изъ нонконформистскихъ священниковъ, которые «ради Сіона не могли успокоиться».

Но крайняя несдержанность [1]) такихъ нападокъ въ сущности не помогла ихъ дѣлу въ средѣ умѣренныхъ и благоразумныхъ людей, изъ которыхъ только и можно бы было создать крупную пуританскую партію; «несомнѣнная реакція противъ пуританства отмѣчаетъ конецъ шестнадцатаго вѣка» [2]), пока не выросло поколѣніе, которое ничего не знало ни о какой религіи, отличной отъ религіи англиканской, изъ другихъ источниковъ, кромѣ полемическихъ книгъ; послѣ торжества надъ Армадой, послѣ того, какъ исчезли громовыя тучи, угрожавшія Англіи местью со стороны католической реакціи, англиканство дѣлалось все менѣе и менѣе склоннымъ къ компромиссу, все болѣе и болѣе послѣдовательно и болѣе и болѣе удачно давило по крайней мѣрѣ открытый и крайній нонконформизмъ и начало вырабатывать свою особую систему.

---

[1]) Гейлинъ замѣчаетъ, что они не иначе называли архіепископа, какъ Вельзевулъ Кентербюрійскій, папа Римскій, Кентербюрійскій Кіаффа, чудовищный антихристъ, кровожадный врагъ святыхъ Божіихъ, истый звѣрь Антихриста, кровавый тиранъ. Епископы—беззаконные, противуестественные, лживые и незаконные (bastardly) управители церкви, ординарцы дьявола, мелкіе попишки, маленькіе антихристы, воплощенные дьяволы, епископы дьявола, льстивые обманщики и плуты, которые брешутъ, какъ псы: гордые, поповскіе, надменные, трусливые, ядовитые, коварные прелаты и узурпаторы, враги Бога и государства. Духовенство — папскіе попы, монахи, фріары, пивопійцы, пьяницы, олухи, свиньи, собаки, волки, лисицы, симоніаки, узурпаторы, прокторы антихриста, папскіе лакеи, жадные псы, наполняющіе свои брюха, отчаянные и проклятые атеисты, проклятый убійственный родъ, толпа кровавыхъ душеубійцъ, коцунственные грабители и послѣдователи антихриста. Въ особенности возбуждали ненависть авторовъ памфлетовъ церковныя собранія — конвокаціи. „Могущественные ядовитые преслѣдователи, ужасные попы, магистры палаты Конвокаціи; святая лига подписки (статей Уитгифта), толпа чудовищныхъ и безбожныхъ мерзавцевъ, смѣшавшихъ небо и землю: рогатые чудовища дома заговора, свинская челядь антихриста, враги евангелія, жадные, презрѣнные папскіе попы; конвокація дьяволовъ и Вельзевула Кентербюрійскаго, главы дьяволовъ".

[2]) Гардинеръ—History of England.

Наказанія. Памфлеты Марпрелата, бывшіе признакомъ того, что крайніе пуритане были разбиты въ открытомъ бою, начали появляться съ 1588 года; 1 сентября 1590 года Картрайтъ и шестеро другихъ были обвинены въ нонконформизмѣ и мятежной пропагандѣ; въ 1593 году палата общинъ отъ всей души была готова исполнить требованіе королевы «принудить какими нибудь рѣзкими мѣрами къ должному повиновенію тѣхъ, кои пренебрегаютъ службой Божіей» [1]). А 9-го февраля 1589 года Банкрофтъ въ знаменитой проповѣди призналъ божественными право и обязанность епископовъ, отвергая или игнорируя всѣ низшія или чисто политическія притязанія и такимъ образомъ впервые ясно выразилъ основныя положенія новой партіи Верхней церкви.

Статутъ 1593 года налагалъ тяжесть преслѣдованія нонконформизма на судей и суды общаго права; разрѣшая непоколебимымъ нонконформистамъ оставлять родину, онъ давалъ столь удачный выходъ изъ затрудненій, что въ послѣдніе годы царствованія, повидимому, не было никакихъ религіозныхъ несогласій. Большинство диссентеровъ отправилось въ Голландію; нѣкоторые изъ броунистовъ думали эммигрировать въ Канаду, гдѣ они могли «поклоняться Богу согласно ихъ совѣсти и оказать ея величеству добрую услугу противъ испанцевъ [2]).

Опредѣленіе англиканскаго ученья. Въ это время, повидимому, дѣйствительное религіозное движеніе Англіи сводилось къ практическимъ улучшеніямъ въ установленной церкви, къ постепенному опредѣленію и выработкѣ англиканства и его принциповъ. Безсознательный англокатолицизмъ Паркера теперь становится опредѣленной формой вѣрованій, которая съ этого времени все болѣе и болѣе въ широкихъ кругахъ считается представительницей исторически реальнаго положенія англійской церкви, настоящей сущностью англійскаго компромисса въ сферѣ религіозной, настоящей сущностью англиканскаго молитвенника. Гукеръ и Биль-

---

[1]) Не ходящіе въ церковь въ теченіи мѣсяца или нападающіе печатно на установленную религію „подвергаются тюремному заключенію безъ поручательства“ и если они не подчинятся въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, то изгоняются; если возвратятся безъ позволенія, подвергаются смерти безъ духовника (35 Елисаветы).

[2]) Они сильно жаловались на прежнее положеніе, когда ихъ не терпѣли и не позволяли эммигрировать. „Нѣкоторыхъ изъ насъ держали въ тюрьмѣ по четыре или пяти лѣтъ, обращаясь жестоко съ нами; другихъ сажали въ Ньюгетъ и накладывали столько цѣпей, сколько они могли вынести; иныхъ сажали въ самыя опасныя и отвратительныя темницы вмѣстѣ съ буйными и гнусными личностями; печально разсказывать, какъ много изъ этихъ невинныхъ погибло въ теченіе этихъ пяти лѣтъ, какъ тѣ, коихъ пощадила горячка, томятся въ горести и несчастіи и какъ многихъ бьютъ плетьми и бросаютъ въ темницы за то, что они отказываются ходить на служеніе въ ихъ капеллы“.

сонъ, Банкрофтъ и Саравіа, Андрьюсъ и Баро революціонизировали англійское религіозное мышленіе, вложивъ живую душу, независимую особую жизнь и значеніе, въ тѣло церкви, которая до того времени была или казалась простымъ созданіемъ государства, автоматомъ, управляемымъ политической силой.

Работа конвокаціи.

Въ теченіи всѣхъ этихъ лѣтъ конвокація непрерывно работала. Уитгифтъ, какъ это доказываютъ его Ламбетскія статьи, не понималъ новой формы католической реакціи, укоренившейся въ Англіи въ самомъ сердцѣ церкви, которую и онъ, и большинство людей считали по ея догмамъ кальвинской; но во всякомъ случаѣ онъ рѣшился усовершенствовать машину церковнаго управленія. Онъ также, какъ Лоудъ, прежде всего хотѣлъ устроеннаго единовѣрія, дисциплины, согласной съ его консервативнымъ настроеніемъ. Послѣ санкціонированія королевой каноновъ 1585 года и послѣ проведенія новыхъ правилъ объ обученіи духовенства, было сдѣлано предписаніе (order was taken) о регулярной проповѣди. Всякій изъ разрѣшенныхъ проповѣдниковъ долженъ былъ произносить каждогодно по двѣнадцати проповѣдей въ эпархіи, гдѣ находился его приходъ: архидіаконъ долженъ былъ назначить шесть или семь священниковъ для отправленія по воскресеньямъ службы въ тѣхъ приходахъ, гдѣ не было разрѣшенныхъ проповѣдниковъ. Конвокація санкціонировала четыре книги строго протестантскаго направленія и въ извѣстныхъ случаяхъ и съ нѣкоторыми ограниченіями было разрѣшено публичное и частное пользованіе ими. Намъ теперь представляется страннымъ, что пуритане подозрѣвали въ папизмѣ церковное собраніе, одобрившее «Декады»—Буллингера, «Мученики»—Фокса, «Апологію»—Іевеля и «Катехизисъ»—Новеля.

Въ 1589 году примасъ принялъ нѣкоторыя мѣры противъ непребыванія священниковъ въ ихъ приходахъ и противъ соединенія нѣсколькихъ приходовъ въ однихъ рукахъ; но ни онъ, ни конвокація не считали эти злоупотребленія столь серьезными, какъ бѣдность духовенства и до нѣкоторой степени были склонны извинять такія неправильности, какъ необходимыя для содержанія ученаго духовенства.

Церковные суды.

Въ парламентахъ 1593 и 1597 годовъ сильно нападали на церковные суды, которые и теперь, какъ до реформаціи, были худшими врагами церкви. Ихъ безнравственность, ихъ стоимость, медленность ихъ производства, ихъ безчисленныя злоупотребленія были темой безконечныхъ тирадъ; скандалъ былъ столь серьезнымъ, что въ 1597 и въ 1601 годахъ Уитгифтъ провелъ въ конвокаціи каноны и правила для регулированія этихъ судовъ [1]). Позднѣе, въ энцикликѣ отъ 7 января 1602 года примасъ предупреждалъ епископовъ, что цер-

[1]) Кардуэлль—Synodalia.

ковная юрисдикція должна быть улучшена или она уничтожится. Теперь постоянно на основаніи общаго права предписывали пріостановить процедуру въ дѣлахъ церковныхъ, и ненависть къ каноническому законодательству, даже ограниченному и реформированному, среди мірянъ все болѣе и болѣе росла, пока буря великой революціи не снесла этотъ, построенный на пескѣ, замокъ.

Тѣмъ не менѣе несмотря на нѣкоторыя слабыя стороны, развитіе, приведшее къ сознательному и энергичному англиканству семнадцатаго вѣка, было крупнѣйшимъ фактомъ въ сферѣ религіозной въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы. Здѣсь мы не можемъ входить въ подробности литературныхъ споровъ о догматическихъ разногласіяхъ и отмѣтимъ только, что въ 1589 году Банкрофтъ отрицалъ божественное право пресвитеріанской церкви и поддерживалъ старую католическую теорію апостольскаго наслѣдія [1]); Бильсонъ въ его «Вѣчномъ управленіи церкви Христовой», Банкрофтъ въ его «Обзорѣ священной дисциплины», Саравіа въ его трактатѣ о «Различныхъ разрядахъ священниковъ», Баро и Барретъ [2]) въ ихъ кембриджскихъ проповѣдяхъ о «Предопредѣленіи», и въ особенности Гукеръ въ его попыткѣ объединенія политики и религіи, попыткѣ, подобной попыткамъ величайшихъ теоретиковъ среднихъ вѣковъ — всѣ они участвовали въ созданіи новой школы религіозной философіи.

Но въ то время, какъ подъ вліяніемъ и покровомъ дѣятельности и политики Уитгифта развивалось это движеніе, самъ онъ, какъ это доказывается его Ламбетскими статьями 1596 года, никоимъ образомъ сознательно не отступалъ отъ кальвинскихъ доктринъ; онъ былъ скорѣе церковный администраторъ (дисциплинарій), чѣмъ догматикъ; хотя къ концу своей жизни онъ и началъ болѣе ясно понимать направленіе, въ которомъ шло англиканство, за которое онъ боролся на практикѣ; онъ подобно Паркеру, Іевелю, Новелю и всѣмъ духовнымъ перваго Елисаветинскаго періода, принадлежалъ къ школѣ

---

[1]) Въ этомъ отношеніи въ теченіе многихъ лѣтъ защита епископальной церкви была наиболѣе слабой и колеблющейся; самъ Уитгифтъ ограничивался возраженіемъ на положеніе объ абсолютной необходимости и неизбѣжности Женевской дисциплины.

[2]) Нападеніе Баррета на кальвинизмъ повело къ выработкѣ Ламбетскихъ статей 1596 г.; наиболѣе положительной изъ нихъ была девятая: „не въ волѣ и не во власти всякаго человѣка спастись“. Статьи исходили изъ обычнаго положенія кальвинизма: „Богъ извѣка предопредѣлилъ однихъ для жизни, а другихъ осудилъ на смерть“; дѣятельная (moving) причина предопредѣленія къ жизни есть только добрая воля Бога“ (Страйпа—Whitgift, IV). Королевѣ съ самаго начала не нравились статьи и въ силу этого, въ силу того, что пуритане въ ихъ нападкахъ на Баррета исходили изъ такихъ же догматическихъ положеній, и въ силу убѣжденій Андрьюса или Овералля, Уитгифтъ измѣнилъ свое положеніе (ibid). По приказанію Елисаветы статьи были отмѣнены.

богослововъ, которые держались той религіи, какой держался ихъ государь. Онъ считалъ Картрайта по существу неправымъ въ томъ, что тотъ задавался вопросомъ, «что можетъ власть законно приказывать».

Руководясь той же точкой зрѣнія, онъ начиная съ 1595 года сопротивлялся попыткамъ пуританъ измѣнить характеръ англиканскаго воскресенья въ смыслѣ большей суровости, «чѣмъ требуется королевскими или папскими распоряженіями о соблюденіи дня Господня» [1]).

«Всѣ тѣ изъ англичанъ, которыхъ привлекали изящество формъ и порядокъ, стояли за учрежденія, созданныя въ церкви при Елисаветѣ. Первыхъ ея епископовъ, допускавшихъ эти учрежденія какъ необходимыя, замѣнили новые прелаты, готовые отстаивать ихъ ради нихъ самихъ и вѣрившіе, что эти учрежденія, по крайней мѣрѣ въ главныхъ ихъ чертахъ, созданы согласно съ волей Божіей» [2]).

Религія и литература.

Гуттона.

Періодъ англійской исторіи, начинающійся съ пораженія Армады и кончающійся смертью Елисаветы, самый богатый въ нашихъ лѣтописяхъ по безсмертнымъ литературнымъ произведеніямъ. Это вѣкъ великихъ драматурговъ, вѣкъ «Опытовъ» Бэкона, вѣкъ начала славы и развитія дозрѣлости генія Шекспира. Было бы невозможно, чтобы это литературное возрожденіе не отразилось въ сферѣ, наиболѣе близкой для сердецъ людей того времени. Литературный геній того вѣка выразился вполнѣ въ сферѣ религіозной. Затрудненія Уитгифта, появленіе пуританской партіи отразились не только въ церковной и политической жизни, но и въ литературѣ. Люди писали о томъ, что думали; хотя религіозные интересы того времени были уже драматическихъ, но они были столь же напряженными.

Нападеніе на епископатъ.

Приматство Уитгифта было временемъ объединенія сектантства во всѣхъ его различныхъ фазахъ противъ епископальнаго управленія и историческаго порядка въ церкви. Это объединеніе съ тѣхъ поръ, какъ «пророчества» (проповѣди) были воспрещены, нашло выходъ въ литературѣ. Траверсъ и Картрайтъ издали свою «Книгу дисциплины и Уитгифтъ отвѣтилъ на это усиленіемъ формъ требуемой съ

---

[1]) Ср. Рожерса—On Articles (отвѣтъ на пуританскую книгу, съ которой начался споръ: Bound's Plea for Stricter observance).

[2]) Гардинера—History of England.

духовенства подписки. Картрайтъ выразилъ духъ антагонизма епископату въ извѣстной молитвѣ: «Такъ какъ епископы, которые должны бы быть столпами церкви, соединились противъ Христа и Его истины, то дай намъ, Господи, силы и милости возстать противъ нихъ всѣмъ, какъ одинъ человѣкъ». Такое нападеніе проявилось теперь въ цѣломъ рядѣ популярныхъ нападокъ на епископатъ, по грубости и по рѣзкости языка почти не имѣвшихъ ничего подобнаго въ англійской литературѣ.

«Книга о мученикахъ» — Фокса, Памфлеты, Мартинъ Марпрелатъ.

Произведенія подобнаго рода не были, однако, новостью. Знаменитое произведеніе Фокса, прочитанное чуть не всѣми, и отчасти санкціонированное конвокаціей, «не жалѣло прямыхъ и личныхъ намековъ и во многихъ случаяхъ приписывало людямъ, находившимся у власти, самые низкіе мотивы». Много вреда было сдѣлано неосторожнымъ языкомъ епископа Гоопера и грубостью епископа Баля. Съ 1570 года количество пуританскихъ памфлетовъ увеличивалось и вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа ихъ усиливалась и ихъ рѣзкость. Джонъ Бриджесъ, деканъ Салисбюри, въ отвѣтъ на нѣкоторые изъ нихъ написалъ въ 1587 году большой томъ in-quarto: «Защита управленія англійской церкви». Въ 1588 году Удалль, кальвинскій священникъ, написалъ Conference on State of Church of England, изданную въ апрѣлѣ и «Доказательство дисциплины», появившееся въ томъ же году позднѣе. Цѣль перваго произведенія была отрицательная—нападеніе на систему англійской церкви, цѣль второго положительная. Позднѣйшій издатель этой книги, Эдвардъ Арбёръ говоритъ о ней: «намѣреніе автора этой «Демонстраціи» состояло въ томъ, чтобы написать нѣчто въ родѣ церковнаго Евклида управленія церковью, и ни въ одномъ произведеніи мы не встрѣтимъ въ такомъ краткомъ изложеніи столь яснаго описанія разрыва въ области общественнаго богослуженія и церковнаго порядка между двумя системами: системой епископата и системой старѣйшинства—какъ эти системы существовали въ царствованіе Елисаветы. Бриджесъ описываетъ пресвитеріанское управленіе, какъ тетрархію, состоящую изъ учителя (доктора), пастора, старѣйшинъ и діаконовъ; при этомъ планѣ діаконы не принадлежатъ къ числу старѣйшинъ. Процессъ разсужденія Удалля строго логическій. Онъ требуетъ для старѣйшинъ власти во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ до конца міра». Такова же была и цѣль всѣхъ «Трактатовъ Мартина Марпрелата», къ которымъ два памфлета Удалля составляли по существу нѣчто вродѣ введенія.

Послѣ Михайлова дня 1588 года въ одномъ частномъ домѣ въ восточномъ Моульсеѣ тайно печаталось: «Письмо Мартина Марпрелата». За нимъ послѣдовала книга подъ заглавіемъ Epitome. Въ этихъ двухъ произведеніяхъ защищалась теза о неизмѣнномъ управленіи церкви пресвитерами, что будто бы предписывается Новымъ Завѣтомъ. Отличительная черта этихъ сочиненій состоитъ въ безпощад-

ности личныхъ обвиненій. Противъ каждаго изъ епископовъ по очереди выставлялись обвиненія, отъ болѣе легкихъ въ непослѣдовательности, слабости, невѣжествѣ, до болѣе грубыхъ въ симоніи и дурной жизни; у епископа св. Давида, говорилось тамъ, двѣ жены и «самъ дьяволъ не болѣе опытенъ въ игрѣ въ шары и въ ругательствахъ, чѣмъ Джонъ Лондонскій».

Какъ ни свирѣпо было нападеніе Марпрелата на Уитгифта, онъ, повидимому, еще болѣе былъ раздраженъ противъ Айльмера, епископа лондонскаго, который въ 1559 году писалъ отвѣтъ на First blast of Trumpet — Джона Нокса подъ заглавіемъ: «Гавань для истинныхъ и вѣрныхъ подданныхъ»; въ этомъ отвѣтѣ онъ занимаетъ позицію, не особенно далекую отъ положеній тѣхъ самыхъ пуританъ, которыхъ позже онъ преслѣдовалъ. Нельзя отрицать, что авторы памфлетовъ только слѣдовали правиламъ, преподаннымъ имъ раньше тѣми людьми, которые впослѣдствіи приняли вполнѣ ученіе церкви и пользовались милостями, причемъ многіе изъ нихъ считались украшеніемъ англиканской церкви.

Тиндаль пятьдесятъ лѣтъ до того времени говорилъ, что «епископы антихристы, такъ въ своихъ дѣлахъ и ученіяхъ они противны слову Божію и что невозможно, чтобы лорды епископы были честные люди». Такимъ образомъ въ виду внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ епископата было можно ожидать скораго его уничтоженія. Правда, пуритане были несогласны между собой въ томъ, какъ вознаградить королеву за десятины и доходы перваго года въ томъ случаѣ, когда всѣ церковные доходы пойдутъ на содержаніе пресвитерствъ; мирныя условія, излагавшіяся въ Посланіи (Эпитомѣ), доказываютъ сильную увѣренность пуританъ въ побѣдѣ.

Непрерывныя литературныя стычки тѣмъ временемъ продолжались. Ответы церковниковъ.
Мартинистамъ отвѣчали сначала Куперъ, епископъ Винчестерскій, въ серьезномъ тонѣ. Если оставить въ сторонѣ нѣкоторыя странности въ доказательствахъ и примѣрахъ, то слѣдуетъ признать, что его отвѣтъ былъ довольно убѣдительнымъ по отношенію къ личнымъ обвиненіямъ. Но нельзя сказать, что этотъ отвѣтъ былъ удачнымъ. Методъ отвѣта имѣлъ ту слабую сторону, что онъ ограничивался тѣми же орудіями защиты, которыя употребляли и нападающіе въ своихъ упрекахъ. Куперъ избѣгалъ всякихъ намековъ на старину и заимствовалъ свои аргументы также, какъ и пуритане, или изъ библіи, или изъ сочиненій Петра Мученика, Бусера, Кальвина и Безы, несомнѣнно надѣясь побить сектантовъ ихъ же орудіемъ. Такимъ образомъ споръ съуживался до тѣхъ предѣловъ, которые уже были заняты пуританами; казалось, что и церковники признаютъ иностранныхъ протестантскихъ писателей лучшими истолкователями Священнаго Писанія. Въ сущности «Увѣщаніе» Купера только популяризировало пуританскіе трактаты, что было несомнѣнно выгодно мартинистамъ;

теперь всѣ многочисленныя личныя обвиненія, раньше не особенно замѣченныя, были какъ бы признаны. «Нѣтъ ли у васъ работы для мѣдника?» (игра словъ: Куперъ — мѣдникъ) — таковъ былъ отвѣтъ Мартина епископу. Королева издала прокламацію противъ трактатовъ; арестовали нѣсколькихъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ авторствѣ. Въ маѣ и августѣ 1589 года были арестованы тайныя типографіи, но дѣятельность авторовъ не была остановлена до тѣхъ поръ, пока на сторонѣ церкви не появился борецъ, отвѣчавшій имъ въ одинаковомъ съ ними тонѣ. «Миндаль для попугая»; «Кашка для цыплятъ», «Отвѣтная пощечина» — эти памфлеты слѣдовали быстро одинъ за другимъ въ отвѣтъ на нападенія мартинистовъ. Въ послѣдніе мѣсяцы спора вышли «Возвращеніе пасквиля», «Простой Персиваль», «Анти-мартинъ» и множество другихъ. Основаніе всѣхъ нападеній мартинистовъ можно выразить слѣдующими словами изъ памфлета: «Нѣтъ ли у васъ работы для мѣдника»: «наше управленіе церковью незаконно и не разрѣшено Богомъ». Трудно сказать, насколько руководители пуританской партіи были отвѣтственны за эти трактаты. Въ то время полагали, что Картрайтъ, Пажетъ и Траверсъ одобряли вхъ и въ ихъ сочиненіяхъ нельзя найти опроверженія такого обвиненія.

Результаты спора.

Таково было нападеніе пуританъ. На время, по крайней мѣрѣ, оно было совершенно безуспѣшнымъ. Причины неудачи понятны. Самая рѣзкость ихъ сочиненій и тонъ, въ какомъ имъ отвѣчали Нашъ и другіе, дискредитировали ихъ. Законодательство 1593 года отдавало пуританъ подъ власть общихъ судовъ, а тѣ не церемонились съ ними; верховная же комиссія приняла участіе въ борьбѣ тѣмъ, что посадила въ тюрьмы наиболѣе рѣзкихъ изъ ихъ борцовъ и казнила Перри. Обвиненіе въ измѣнѣ, возбужденное противъ пресвитеріанъ, до извѣстной степени оправдывалось ихъ собственными насиліями. Сумашедшій заговоръ Гакета, бывшаго смѣшной карикатурой Іоанна Лейденскаго, въ умахъ публики связывался съ взглядами сектантовъ. Театръ тоже во всѣхъ родахъ драматическихъ произведеній преслѣдовалъ ихъ сатирой и насмѣшкой. Но споръ перешелъ на болѣе широкую арену съ появленіемъ великаго произведенія Гукера.

Гукеръ и его сочиненіе: Ecclesiastical Polity.

Новымъ фазисомъ спора была проповѣдь Банкрофта у св. Павла 9 февраля 1589 года. Онъ рѣшительно оставилъ ту почву, на которой раньше держался споръ. Онъ формально утверждалъ, что епископатъ имѣетъ права отъ Бога и происхожденіе отъ священнаго писанія. «Нѣтъ ни одного человѣка, думаю я — смѣло говорилъ Банкрофтъ — который могъ бы указать, что какая либо церковь была создана послѣ временъ апостольскихъ, въ которой епископъ не имѣлъ бы власти надъ остальными священниками». Банкрофтъ былъ предшественникомъ Лоуда, но непосредственнымъ его наслѣдникомъ является Ричардъ Гукеръ.

Гукеръ, величайшій мастеръ англійской прозы великаго вѣка Ели-

саветы, родился въ 1554 году. Благодаря покровительству Іевеля, Сандиса и Уитгифта онъ получилъ церковную должность и въ 1585 году былъ магистромъ Темпля. Онъ сразу вступилъ въ споръ съ крайнимъ кальвинистомъ Траверсомъ. Споръ, начавшійся на кафедрѣ, послѣ отрѣшенія Траверса продолжался въ печати. Траверсъ издалъ обращеніе къ Частному Совѣту; Гукеръ отвѣчалъ ему. Съ этого времени онъ посвящаетъ себя защитѣ англиканства Въ 1594 году появилась первая изъ четырехъ книгъ его «Церковнаго Строя». Пятая книга была издана имъ самимъ въ 1597 году. Остальная часть сочиненія вышла только послѣ смерти автора. Единственной цѣлью Гукера, повидимому, было ввести въ обсужденіе церковныхъ вопросовъ «кроткое разсужденіе». Онъ не давалъ рѣшенія вопроса о необходимости епископата. Также какъ Бёркъ въ послѣдніе годы его жизни, онъ не хотѣлъ разсуждать о томъ, имѣете ли вы право дурно управлять своимъ народомъ; онъ доказывалъ только, что въ нашемъ интересѣ хорошо управлять имъ. Онъ утверждалъ, что имѣются очень важныя отрасли религіозной жизни, о которыхъ не имѣется основныхъ правилъ въ Новомъ Завѣтѣ. Нѣкоторые законы церкви также, какъ и законы человѣческіе, диктуются необходимостью и они имѣютъ обязательную силу для всѣхъ, которые хотятъ управляться разумомъ или вообще хотятъ повиноваться какому либо закону. Впослѣдствіи оказывается нужнымъ многое такое, что раньше не было повелѣно; кое что изъ того что, раньше требовалось, можетъ быть и оставлено. Неизмѣнныя правила Рима и неизмѣнныя правила Женевы переходятъ границы, разрѣшаемыя просвѣщенной и разумной совѣстью. Церковный строй Англіи таковъ, что онъ наиболѣе всякаго иного удовлетворяетъ требованіямъ Писанія, разума и времени. Но Гукеръ не настаиваетъ на томъ, что онъ неизмѣненъ; онъ не считаетъ его и общеобязательнымъ. Онъ также мало колеблется, какъ и Банкрофтъ; но несомнѣнно, что онъ идетъ дальше всѣхъ другихъ своихъ предшественниковъ. Прежніе оппоненты пуританъ ограничивались защитой епископальной церкви основаніями естественнаго разума и исторіи церкви. Гукеръ приводитъ тѣ же основанія; но при этомъ онъ говоритъ слѣдующее: «въ этомъ вопросѣ намъ нечего бояться быть слишкомъ смѣлымъ или дерзкимъ; если въ управленіи церкви есть что либо отъ Неба, и даже отъ Бога, то это, конечно, первое учрежденіе епископовъ; создатель его Духъ Святой». Несмотря на его нелюбовь къ догматизму, его мнѣнія очень опредѣленны. Онъ даетъ списокъ авторитетовъ, съ мнѣніями которыхъ относительно равенства епископовъ и пресвитеровъ онъ расходится. Каждый изъ нихъ былъ представителемъ цѣлой школы; списокъ начинается Вальденцами и Виклифомъ и кончается Кальвиномъ и Іевелемъ. Такимъ образомъ онъ становится на сторону первоначальнаго или католичес-

каго христіанства и противъ какъ средневѣковыхъ извращеній его, такъ и противъ новѣйшихъ споровъ.

Политическія теоріи Гукера.

Гукеръ отнюдь не былъ только богословомъ, онъ былъ и образованнымъ политикомъ. Онъ спорилъ съ Картрайтомъ по вопросамъ церкви и возражалъ Макіавелли и школѣ государственнаго права эпохи возрожденія по вопросу объ государственной организаціи. По его мнѣнію, общество, какъ организованное цѣлое, основывалось на договорѣ. Онъ смотрѣлъ на политическіе также, какъ и на религіозные вопросы, съ точки зрѣнія ученаго. Онъ былъ первымъ изъ нашихъ писателей, хорошо знакомымъ съ греческой философіей. Онъ былъ прекрасно знакомъ и съ Фомой Аквинскимъ. Такимъ образомъ въ его политическихъ теоріяхъ замѣтны вліянія какъ Аристотеля, такъ и схоластиковъ. По его мнѣнію и государство и церковь не суть цѣли сами по себѣ, а средства, чтобы сдѣлать человѣка добрымъ. Правительство и положительный законъ получаютъ санкцію отъ согласія подчиненныхъ имъ подданныхъ. Религія и политика постоянно соприкасаются. Для Гукера въ противуположность Маккіавели, взгляды котораго, какъ предполагали, хотѣлъ испытать на практикѣ въ Англіи Томасъ Кромвель—религія была опорой государства и потому церковная политика государства есть самая важная отрасль государственныхъ учрежденій. Высшая цѣль правительства есть благо народа, а религія внушаетъ людямъ дѣла добра. «Союзъ религіи съ справедливостью, говоритъ онъ, столь естественъ, что мы смѣло можемъ сказать, что гдѣ нѣтъ религіи, нѣтъ и справедливости». Благодаря широтѣ его взглядовъ и инстинктивному сознанію единства истины, Гукеръ разсматривалъ человѣчество и съ точки зрѣнія нравственнаго философа, и съ точки зрѣнія христіанскаго священника.

Языкъ Гукера.

Гукеръ знаменитъ не только, какъ богословъ и политическій теоретикъ; онъ былъ и первымъ мастеромъ англійской прозы, стиль котораго не только характеризуетъ вѣкъ, но и составляетъ выраженіе чистаго генія англійскаго языка. Богатство выраженій, важные, величественные періоды, которые отличаютъ лучшія мѣста его произведенія, преисполнены силой и энтузіазмомъ, составлявшими отличительныя черты величія Елисаветинской Англіи. Онъ не пренебрегаетъ искусствомъ реторики; онъ не избѣгаетъ даже намѣренной вычурности въ выраженіяхъ, которая по временамъ представляется даже несогласной съ важностью его темы. Какъ въ мысли, такъ и въ выраженіи, онъ стремится скорѣе къ понятности, чѣмъ къ ясности. Есть такія мѣста въ его произведеніи, которыя — это можно смѣло утверждать—будутъ образцами стиля до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать англійскій языкъ.

Его послѣдователи.

Гукеръ былъ величайшимъ представителемъ школы, но у него было не мало подражателей. Историческій интересъ его произведенія и состоитъ главнымъ образомъ въ его вліяніи на послѣдующія поко-

лѣнія. Гукеръ по учености былъ предшественникомъ Андрьюса и Лауда. Но въ то время, какъ онъ писалъ, наряду съ его «Законами церковнаго строя» въ дѣлѣ побѣды церкви въ литературной борьбѣ стоитъ сочиненіе епископа Бильсона: «Вѣчное управленіе церкви Христовой». Взгляды Бильсона были рѣшительными, отрицающими всякій компромиссъ; и богословы временъ Карла ему больше, чѣмъ какому либо другому писателю, обязаны опредѣленностью и рѣшительностью ихъ взглядовъ по вопросу объ исторіи епископата.

Антипуританская реакція.

Въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы религіозные споры велись по разнымъ предметамъ, въ особенности о соблюденіи Воскреснаго дня и объ ученіи о Предопредѣленіи. Послѣдніе годы жизни великой королевы отличаются реакціей противъ пуританства. Гейлинъ отмѣчаетъ, какъ странную иронію судьбы, что сынъ Удалля былъ столь же ревностнымъ борцомъ церкви, какъ его отецъ противъ нея, и въ послѣдствіи не мало пострадалъ за нее отъ Долгаго парламента. Реакція, несомнѣнно, до значительной степени, однако, обусловливалась преслѣдованіями и увеличеніемъ полномочій суда верховной комиссіи; во многихъ замѣчается такое настроеніе, что люди точно затаили свои мысли, пока не умретъ старая королева и тогда вмѣстѣ съ ней умретъ и то церковное установленіе, которое какъ бы воплощалось въ ней.

Военное искусство. 1553—1603.

Омана.

Съ военной точки зрѣнія царствованіе Елисаветы было временемъ завершенія преобразованія характера и организаціи вооруженныхъ силъ Англіи, которое, какъ мы уже видѣли, началось при Генрихѣ и развивалось при Эдуардѣ и Маріи.

Сорокъ пять лѣтъ царствованія Елисаветы были полны войнами и нѣкоторыя изъ этихъ войнъ имѣли громадное политическое значеніе. Но по отношенію къ подробностямъ военнаго дѣла было немного выдающихся и интересныхъ фактовъ. Въ теченіе цѣлаго періода не было ни одной большой битвы въ открытомъ полѣ. Въ этомъ отношеніи всѣ войны: война 1559—1560 годовъ въ Шотландіи, экспедиція въ Гавру и Гарфлеру въ 1563 году, кампанія Эссекса въ Нидерландахъ въ 1585 году, португальская кампанія 1589 года и высадка у Кадикса въ 1597 году—одинаковы. Было достаточное количество стычекъ и осадъ, но ни одного важнаго сраженія. Больше всего похожи на крупныя сраженія были двѣ значительныя битвы въ Ирландіи: пораженіе Багеналя при Блэкуотерѣ въ 1598 году и побѣда Моунт-

жоя при Кинсалѣ въ 1601 году. Но обѣ эти битвы были съ некультурнымъ врагомъ и сравнительно мало уясняютъ вопросъ объ измѣненіи тактики и организаціи англійскаго войска, происходившемъ въ то время. Значительныя арміи, по разнымъ поводамъ собираемыя королевой для службы за морями и въ Британіи, не имѣли случая доказать свою пригодность къ дѣлу въ столкновеніи съ цивилизованными врагами. Въ 1569 году подъ ружьемъ для подавленія возстанія на сѣверѣ было двадцать тысячъ человѣкъ, а въ 1588 году было готово больше, чѣмъ двойное число войска для отраженія испанцевъ, когда Армада угрожала южнымъ берегамъ Англіи. Но этимъ арміямъ не пришлось показать силу своего оружія. Англичанамъ приходилось проявлять свою воинскую пригодность противъ дѣйствительно сильныхъ враговъ въ сравнительно незначительныхъ сраженіяхъ, вродѣ стычки при Цутфенѣ и въ другихъ мѣстахъ, когда англійскія войска въ Голландіи помѣрялись силами съ ветеранами принца Пармскаго, въ набѣгѣ на Виго во время португальскаго похода и въ нѣкоторыхъ небольшихъ сраженіяхъ во время французскихъ религіозныхъ войнъ, когда англійскіе вспомогательные отряды были на службѣ у гугенотовъ.

Новыя воинскія власти.

При воцареніи Елисаветы военная организація была только что видоизмѣнена закономъ Филиппа и Маріи назначеніемъ въ каждомъ изъ графствъ лорда лейтенанта. Это распоряженіе освободило шерифовъ отъ обязанности командованія милиціей графствъ—обязанности, составлявшей часть ихъ функцій со времени Вильгельма Завоевателя. Съ 1557 года въ каждомъ графствѣ военная власть принадлежитъ лорду лейтенанту; онъ назначалъ офицеровъ, опредѣлялъ, какое количество людей должно быть доставлено каждой сотней и приходомъ и предполагалось, что онъ является и командующимъ во время войны. Но всѣ силы Англіи были потребованы только по поводу нападенія Армады. Обыкновенно же подъ оружіе призывалась только небольшая часть милиціи каждаго изъ графствъ. Когда королева желала отправить куда нибудь армію, она составлялась изъ опредѣленныхъ контингентовъ отъ каждаго графства. Солдатъ добывали по добровольному найму, но такъ какъ такой наборъ никогда не былъ достаточнымъ, то ряды арміи пополнялись принудительнымъ наборомъ. Когда солдаты были собраны, имъ давались мѣстные командиры, избираемые въ графствѣ лордомъ лейтенантомъ и утверждаемые правительствомъ. Еще не было большихъ единицъ воинской организаціи; войска дѣлились на роты (банды), изъ 150 или 200 человѣкъ подъ начальствомъ капитановъ, въ помощь которымъ давались лейтенантъ и старшой. Уже гораздо позднѣе образовался обычай соединять четыре или пять такихъ бандъ въ полкъ. Въ арміи изъ 6000 или 8000 человѣкъ, состоящей изъ сорока или пятидесяти бандъ, не было другой единицы организаціи, высшей этой

банды и стараго тройного дѣленія на авангардъ, главный корпусъ и арріегардъ, въ кои и распредѣлялись банды.

При выходѣ въ походъ предполагалось, что эта милиція графствъ переходитъ въ распоряженіе и на содержаніе правительства и будетъ получать отъ него пищу, плату и одежду. Но обычная скупость Елисаветы дѣлала жребій солдата труднымъ; плату всегда задерживали, пища была дурной, а одеждой солдатъ скандально пренебрегали. Была ли армія въ Шотландіи, въ Ирландіи или въ Голландіи, мы вездѣ слышимъ неизмѣнныя жалобы, что люди дезертируютъ изъ за выносимыхъ ими лишеній и что капитаны, стараясь получить жалованье для всей своей банды, вообще при сборахъ могутъ предъявить не болѣе двухъ третей показаннаго ими числа солдатъ. Мундиры.

По отношенію къ одеждѣ уже образовался обычай одѣвать всѣхъ солдатъ отдѣльной банды въ извѣстный и одинаковый мундиръ. Но каждое графство для одѣванія своихъ солдатъ могло выбирать извѣстный цвѣтъ и правительство не дѣлало попытокъ требовать опредѣленнаго и постояннаго костюма для солдатъ. Единственнымъ общимъ всей арміи отличіемъ былъ красный георгіевскій крестъ, который носили на шинели или на куртке. Милиціи разныхъ сборовъ и разныхъ графствъ носили различные костюмы. Въ первые годы царствованія часто носили бѣлыя куртки съ обыкновеннымъ крестомъ на нихъ. Нѣсколько позднѣе ланкаширская милиція носила темносиній мундиръ. Довольно обыкновеннымъ былъ и красный цвѣтъ; приказъ 1584 года о сборѣ войскъ для Ирландіи повелѣвалъ, чтобы люди были одѣты въ какой нибудь разноцвѣтный или рыжеватый или блѣдно зеленый цвѣтъ—приказаніе довольно таки неопредѣленное. Поверхъ мундира стрѣлки по большей части носили куртку изъ козьихъ кожъ. У пикейщиковъ было болѣе тяжелое вооруженіе, щиты на спинѣ и груди часто съ короткими прикрѣпленными щитками для прикрытія верхнихъ частей ногъ. Стрѣлки изъ аркебузы тоже, повидимому, носили нѣкоторыя тяжелыя щитообразныя защитныя вооруженія, что вѣроятно очень затрудняло ихъ и дѣлало менѣе пригодными при ружейныхъ пріемахъ. Всѣ пѣхотинцы почти безъ исключенія носили островерхую каску (моріонъ), иногда у стрѣлковъ вмѣсто стальныхъ шишаковъ были мѣховыя шапки.

Кавалерія была еще тяжеловооруженная, хотя уже очевидно старапіе облегчить ея вооруженіе. Въ сущности даже кольчуга, выдерживающая выстрѣлы изъ пистоля, о какой часто упоминается въ источникахъ, не могла выстоять противъ ружейной пули; а по мѣрѣ распространенія огнестрѣльнаго орудія и по мѣрѣ того, какъ лукъ выходилъ изъ употребленія, продолжительный споръ между силой пули и сопротивленіемъ защитнаго вооруженія былъ фактически рѣшонъ въ пользу перваго. Къ концу царствованія Елисаветы ножное Вооруженіе.

защитное вооруженіе конницы было по большей части замѣнено длинными кожанными сапогами. Бедра еще прикрывались щитками (tassets), часто сильно искривленными для того, чтобы они закрывали тогдашніе чрезвычайно широкіе брюки. Но далеко не всѣ носили эти тяжелые стальные щитки. Читатель можетъ припомнить, что печальную смерть сэра Филиппа Сиднея при Путфенѣ приписываютъ тому, что онъ выѣхалъ въ битву только въ спинномъ и грудномъ щитѣ, такъ что поразившая его снизу пуля не встрѣтила сопротивленія защитнаго вооруженія. Закрытый шлемъ и нарукавники носились обыкновенно всѣми вполнѣ вооруженными всадниками, такъ что копѣйщики временъ Елисаветы еще очень походили на ихъ предковъ пятнадцатаго вѣка. «Полукопья» или легкая кавалерія довольствовалась меньшимъ вооруженіемъ — открытая каска не прикрывала лица и нагрудники и наспинники были гладкіе. Таковъ былъ видъ нѣсколькихъ тысячь сѣверныхъ солдатъ, стекавшихся подъ знамена королевы, когда начинались волненія на шотландской границѣ.

Исчезновеніе лука.

Самымъ важнымъ фактомъ военной исторіи царствованія Елисаветы было постепенное исчезновеніе лука, этого любимого орудія англійскихъ іеменовъ за послѣдніе триста лѣтъ. Въ шестидесятыхъ годахъ шестнадцатаго вѣка лукъ еще былъ обычнымъ орудіемъ большей части арміи, въ восьмидесятыхъ имъ былъ вооруженъ только одинъ человѣкъ изъ троихъ, а къ 1600 году онъ уже почти совсѣмъ вышелъ изъ употребленія.

Первое указаніе на то, что общественное мнѣніе начало сознавать значеніе аркебузы, мы встрѣчаемъ во второмъ году царствованія Елисаветы. При смотрѣ королевой избранныхъ частей лондонской милиціи въ 1559 году мы видимъ, что не было ни одного стрѣлка изъ лука—это было вѣроятно въ первый разъ въ военныхъ лѣтописяхъ Англіи. Смотръ производился королевой не всей милиціи столицы, а только корпуса, вооруженнаго пиками; изъ 1400 человѣкъ 200 было съ пиками въ каскахъ и кольчугахъ, 400 стрѣлковъ въ кольчугахъ и каскахъ и 200 алебардщиковъ въ клепанномъ германскомъ защищенномъ вооруженіи (almain rivets). Если бы была собрана вся лондонская милиція, въ ней было бы нѣсколько тысячъ стрѣлковъ изъ лука, но въ избранныхъ отрядахъ были только стрѣлки изъ аркебузы (shot). Въ графствахъ аркебуза была еще рѣдкостью, нѣкоторые изъ статутовъ начала царствованія обѣщаютъ муниципальныя привилегіи опытнымъ стрѣлкамъ изъ ружей въ провинціальныхъ городахъ, что доказываетъ, что ихъ было еще мало и что ихъ цѣнили. Въ 1567 году королева, несмотря на всю свою скупость, предлагала жалованье въ 4 фунта стрѣлкамъ изъ аркебузы, умѣвшимъ стрѣлять и съ надлежащимъ оружіемъ, на томъ условіи, чтобы они были готовы къ походу въ случаѣ нашествія. Въ 1569 году графъ Суссексъ, стоявшій на границахъ Шотландіи, писалъ въ

Лондонъ, что онъ предпочелъ бы стрѣлковъ изъ лука такимъ плохимъ стрѣлкамъ изъ аркебузы, которыхъ ему прислали. Дѣйствительно, было не легко пріучить народъ замѣнить его старое національное оружіе такимъ, къ которому онъ не привыкъ еще; мы постоянно слышимъ жалобы на неумѣнье англичанъ обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Тѣмъ не менѣе замѣна лука мушкетомъ была неизбѣжной; превосходство пули надъ стрѣлой было такимъ аргументомъ, который становился все болѣе и болѣе убѣдительнымъ по мѣрѣ улучшенія огнестрѣльнаго оружія и по мѣрѣ того, какъ увеличивалась быстрота его разряда. Въ началѣ царствованія королевы искусный стрѣлокъ изъ аркебузы могъ сдѣлать въ часъ только десять и двѣнадцать выстрѣловъ, а къ концу царствованія онъ дѣлалъ уже тридцать пять или сорокъ. Стрѣлокъ изъ лука въ тоже время выпускалъ значительно большее количество стрѣлъ, но увеличенія ихъ количества пропорціонально не было столь быстрымъ, какъ увеличеніе количества выстрѣловъ изъ ружья. Кромѣ того быстрые разряды лука такъ скоро истощали колчанъ, что его нужно было мѣнять, а колчаны были слишкомъ громоздкая вещь, чтобы ихъ можно было таскать за собой въ рядахъ сражающихся. Къ счастію мы имѣемъ полное обсужденіе вопроса относительно сравнительныхъ достоинствъ лука и аркебузы людьми, видѣвшими употребленіе и того и другой въ Нидерландскихъ войнахъ. Этотъ споръ представляетъ первое технически военное обсужденіе на англійскомъ языкѣ. За лукъ стоялъ сэръ Джонъ Смитъ, а за аркебузу сэръ Рожеръ Вильямсъ и Гумфри Барвикъ. Смитъ доказываетъ превосходство лука тѣмъ, что 1) лучники могутъ останавливаться, чтобы лучше цѣлиться, тогда какъ стрѣлки изъ ружей могутъ вѣрно стрѣлять только прямо и безъ толку стрѣляютъ на разстояніи сотни ярдовъ, 2) огнестрѣльное оружіе подлежитъ постоянно порчѣ, такъ какъ сырость портитъ порохъ, вѣтеръ или дождь тушитъ или гаситъ фитиль; само ружье легко засаривается и ржавѣетъ и его трудно исправить; далѣе 3) солдатъ можетъ злоупотреблять своимъ оружіемъ въ возбужденіи битвы, второпяхъ онъ забываетъ положить пыжъ между порохомъ и пулей или роняетъ пулю изъ дула, 4) стрѣлки изъ аркебузы не могутъ стоять больше, какъ въ двухъ рядахъ, тогда какъ лучники могутъ стоять въ восемь или десять рядовъ и послѣдніе лучше первыхъ могутъ защищаться отъ кавалеріи; 5) крайняя тяжесть мушкета и аркебузы утомляетъ солдата въ походѣ и послѣ получасовой битвы дѣлаетъ его прицѣлъ невѣрнымъ и 6) послѣднимъ аргументомъ былъ старый аргументъ относительно количества выстрѣловъ. Онъ признаетъ за огнестрѣльнымъ оружіемъ единственное достоинство при употребленіи его въ бульваркахъ, окопахъ и крѣпостныхъ рвахъ,

когда стрѣлки изъ аркебузы, стрѣляя спокойно изъ подъ прикрытія, не подвергаясь большой опасности, могутъ быть очень полезны.

Барвикъ въ отвѣтѣ Смиту опровергаетъ большую часть его положеній: 1) онъ отрицаетъ невозможность цѣлить на далекомъ разстояніи, 2) въ дурную погоду тетивы лопаются или слабѣютъ и перья стрѣлъ намокаютъ, такъ что лучники подвергаются большимъ неудобствамъ, чѣмъ ружейники, 3) лучники во время битвы настолько же подвержены случайностямъ отъ нервности и торопливости, какъ ружейники—они останавливаются, чтобы прикрыть себя щитомъ, не натягиваютъ тетиву вполнѣ и пускаютъ стрѣлу, когда она натянута только до половины — теперь они смущаются, по его утвержденію, дымомъ и шумомъ, производимыми врагомъ, вооруженнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, 4) когда ставятъ болѣе, чѣмъ въ два или три ряда, задніе ряды стрѣляютъ черезъ передніе наугадъ и совсѣмъ не могутъ цѣлиться; 5) лучникъ гораздо болѣе ружейника утомляется и не обладаетъ всей своей физической силой, «если онъ не получаетъ три раза въ день мясную пищу, какъ онъ привыкъ дома и если онъ не лежитъ въ теплѣ ночью, его тѣло пѣмѣетъ и тогда онъ не можетъ какъ слѣдуетъ натягивать лука». 6) теперь хорошій стрѣлокъ изъ аркебузы можетъ сдѣлать въ часъ, постоянно и вѣрно цѣлясь, сорокъ выстрѣловъ, а лукъ дѣлаетъ не большее количество выстрѣловъ.

Знаменитый сэръ Рожеръ Вилльямсъ въ этомъ спорѣ тоже сталъ на сторону стрѣлковъ изъ аркебузы. Онъ утверждалъ, что предпочитаетъ въ битвѣ 500 хорошихъ мушкетовъ 1500 лукамъ. Лучники, говоритъ онъ, бываютъ очень разнаго достоинства, такъ что изъ пяти тысячъ только полторы тысячи могутъ дѣлать настоящіе сильные выстрѣлы и къ аргументамъ Барвика онъ присоединяетъ утвержденіе, что пробывъ въ полѣ три мѣсяца зимой или въ дурную погоду, даже одинъ изъ десяти лучниковъ не сохраняетъ всю ту сумму физической энергіи, съ которой онъ вышелъ въ походъ. Немногіе сдѣлаютъ какой нибудь вредъ врагу на разстояніи 240 или 280 ярдовъ. Аркебуза же стрѣляетъ всегда одинаково, лишь бы солдатъ имѣлъ настолько силъ, чтобы управляться съ ней.

Пока шелъ этотъ споръ, въ теченіи времени отъ 1570 до 1595 года, во всѣхъ англійскихъ отрядахъ существовали рядомъ и луки и мушкеты. Банда составлялась приблизительно въ такой пропорціи: восемьдесятъ ружейниковъ, сорокъ лучниковъ, сорокъ алебардщиковъ, восемьдесятъ пикейщиковъ, какъ это видно изъ инструкцій ланкаширской милиціи 1584 года. Когда такую смѣшанную массу разставляли въ боевомъ порядкѣ, то алебардщиковъ ставили въ центрѣ для охраненія знамени, по обѣимъ сторонамъ ставили пикейщиковъ, далѣе по обѣимъ сторонамъ пикейщиковъ помѣщали луч-

никовъ и наконецъ по краямъ всей линіи стояли солдаты съ «каливерами» или аркебузами [1]).

Благодаря большому пользованію мушкетомъ, конечно, измѣнилась сильно и тактика. Кажется, что мушкатеры не бросали въ битвѣ своего оружія и не шли съ мечемъ и съ топоромъ въ рукопашную, какъ это обыкновенно дѣлали прежде лучники. Когда начиналась рукопашная и враги переходили къ пикамъ, мушкетеры должны были отступить за линію пикейщиковъ и прикрывать ихъ сзади, или, самое большее, обстрѣливать сбоку нападающаго врага. Но это являлось невозможнымъ, если фланги врага прикрывались кавалеріей, такъ какъ противъ нее въ открытомъ полѣ мушкатеры были беззащитны.

Списки арміи, собранной для отраженія Армады, даютъ намъ данныя объ отношеніи двухъ родовъ оружія въ 1588 году. Въ большей части Англіи вся регулярная милиція была теперь вооружена огнестрѣльными оружіями. Въ нѣкоторыхъ графствахъ, напримѣръ въ Сомерсетѣ, Уильтсѣ, Кембриджѣ, Гунтингдонѣ, совсѣмъ не указано лучниковъ. Въ Лондонѣ изъ шести тысячъ милиціи не было ни одного лучника, а изъ четырехъ тысячъ запаса только восемьсотъ человѣкъ имѣли старое оружіе. Въ центральной и сѣверной Англіи отношеніе луковъ къ аркебузѣ было отъ одной пятой до одной трети; только въ двухъ графствахъ, въ Букинганмширѣ и въ Оксфордширѣ, лучниковъ было больше, чѣмъ людей, вооруженныхъ ружьями.

Черезъ семь лѣтъ послѣ этого, въ 1595 году, Частный Совѣтъ окончательно повелѣлъ, чтобы луками болѣе не вооружали никого изъ регулярныхъ войскъ, чтобы всѣ безъ исключенія были вооружены калливерами, аркебузами или мушкетами. Это было погребальнымъ звономъ для оружія, оказавшаго такія услуги въ средніе вѣка.

Флотъ при Елизаветѣ.

Лэйрда Клоуэсса.

До царствованія королевы Елисаветы въ шестнадцатомъ вѣкѣ было сдѣлано сравнительно мало усовершенствованій въ кораблестроеніи для военнаго флота; но при ней произошли многія важныя

---

[1]) Ср. Ballad of Brave Lord Willoughby (1580): „Стой крѣпко, благородный пикейщикъ и смотри вокругъ. Стрѣляйте мѣтко, лучники, мы побьемъ ихъ. Вы, мушкетеры и „каллиберщики“ (Calliver men), будьте мнѣ вѣрны, а я пойду въ битву впереди васъ — сказалъ храбрый лордъ Виллогби“.

измѣненія. Сэръ Вальтеръ Ралейгъ сообщаетъ намъ, что въ его время форма англійскихъ кораблей значительно улучшилась, что снимапье главной мачты, «удивительно легкое на большихъ корабляхъ, какъ на морѣ, такъ и въ гавани» было новымъ изобрѣтеніемъ, что другой новинкой была цѣпная помпа, «которая забираетъ вдвое больше воды, чѣмъ обыкновенная». Онъ указываетъ также на прибавленіе лиселя и наставного лиселя (bonnet и drabbler), на введеніе Studding—Sail (тоже лисель), и на поднятіе якоря посредствомъ кабестана (ворота). «Мы теперь соображаемъ длину канатовъ—говоритъ онъ—и этимъ можемъ избѣжать коварства величайшихъ вѣтровъ. Это свидѣтельствуется примѣромъ голландцевъ, которые обыкновенно проплываютъ предъ Дюнкирхеномъ съ вѣтромъ съ сѣверовостока и при всякой погодѣ идутъ съ подвѣтренной стороны; вѣрно, что длина каната есть жизнь для корабля при всякой опасности, и причина та, что онъ дѣлаетъ столько оборотовъ, что корабль при длинномъ канатѣ не натягиваетъ его; а что не натянуто, то и не лопается». Далѣе онъ упоминаетъ, что въ его время корабли были болѣе пригодны къ плаванію въ силу того, что ихъ строили такимъ образомъ, что нижніе борта были приподняты надъ водой.

Изобрѣтеніе составныхъ мачтъ, о которомъ говоритъ Ралейгъ, приписывается тому великому человѣку и неутомимому реформатору, Джону Гавкинсу, который отъ 1573 года до своей смерти былъ казначеемъ флота; но при Елисаветѣ, кажется, мачта состояла только изъ двухъ частей: изъ нижней мачты и изъ верхней, бувшпритъ, кажется, всегда состоялъ изъ одного дерева. Конечно, незачѣмъ объяснять, что такое цѣпная помпа; лиссель (bonnet) была прибавочная часть, прикрѣпляемая ремнями къ парусу, такъ что она увеличивала его поверхность при плаваніи въ хорошую погоду. Это, собственно говоря, не было новымъ изобрѣтеніемъ, хотя, можетъ быть о немъ припомнили во времена Ралейга. Прибавочный лиссель (drabbler)—это прибавленіе къ простому лисселю; такимъ образомъ, привязывая ремнями эти два лисселя, моряки того времени достигали той же цѣли, какая послѣ достигалась отдаваніемъ рифовъ; что касается до Studding—Sails, то они и теперь еще общеупотребительны. Другимъ изобрѣтеніемъ того времени были блиндъ (Sprit—Sails) и брамъ стеньга (topgallant). Поднятіе надъ водой нижнихъ бортовъ несомнѣнно было важнымъ усовершенствованіемъ, но оно не было достаточнымъ; немногіе изъ кораблей того времени, даже при небольшомъ вѣтрѣ, могли работать своимъ нижнимъ декомъ, т. е., говоря иначе, своими наиболѣе тяжелыми пушками, съ полнымъ удобствомъ и безопасностью.

Военные корабли.

Королева вступила на престолъ черезъ пять лѣтъ послѣ того, какъ военный флотъ пострадалъ отъ случайнаго пожара корабля Henry Grace à Dieu въ Вульвичѣ, 27 августа 1553 года. Послѣ унич-

тоженія этаго корабля «Іисусъ», корабль только въ семьсотъ тоннъ, былъ самымъ большимъ изъ всего флота. Но «Тріумфъ», на которомъ, какъ полагаютъ, были введены нѣкоторыя изъ изобрѣтеній сера Джона Гавкинса и который можно считать типичнымъ военнымъ кораблемъ того времени, имѣлъ значительныя преимущества надъ всѣми прежними военными кораблями; онъ былъ самымъ большимъ и лучше другихъ построеннымъ кораблемъ военнаго флота до постройки «Королевскаго Принца», въ 1610 году. Такимъ же большимъ и, можетъ быть, лучшимъ кораблемъ былъ и «Св. Матвѣй», о которомъ упоминается въ спискѣ 1599 года; но онъ былъ, кажется, испанскимъ призомъ. «Медвѣдь» или «Бѣлый Медвѣдь», служившій подъ начальствомъ лорда Эдмунда Шеффильда противъ Армады и построенный въ Англіи, былъ не лучше, если не хуже, того паруснаго судна, на которомъ въ тѣхъ-же славныхъ битвахъ развѣвалось знамя сэра Мартина Фробишера

«Тріумфъ» имѣлъ тысячу, или тысячу сто тоннъ и четыре мачты; но мы достовѣрно не знаемъ, какой величины онъ былъ. Въ рукописи 1578 года, когда онъ былъ почти новымъ, говорится, что на немъ было 700 человѣкъ, изъ которыхъ 450 были матросы, 50 пушкари, а 200 солдаты; первые для управленія кораблемъ, вторые для стрѣльбы изъ тяжелыхъ орудій, а третьи для стрѣльбы изъ легкихъ пушекъ и ружей и, вѣроятно, для битвы при абордажѣ. Его снаряженіе (furniture) или, какъ говорится теперь, запасы оружія состояли изъ 250 аркебузъ, 50 луковъ, 100 колчановъ стрѣлъ, 200 пикъ и 100 малыхъ латъ. На другихъ корабляхъ того времени бывали кромѣ этого и сѣкиры или топоры, но въ упомянутой рукописи не говорится о нихъ. Тяжелыя пушки, какъ указываетъ рукопись 1599 года, были такія: 4 пушки, (8 дюймовъ, вѣсомъ въ 6000 фунтовъ) 3 полупушки ($6^3/_4$ дюймовъ калибра, 4000 вѣсу) 17 кульверинъ ($5^1/_2$ дюймовъ калибра, 4500 вѣсу) 8 полукульверинъ (4 дюйма калибра 3400 вѣсу) 6 сакеровъ ($3^1/_2$ дюймовъ калибра, 1400 вѣсу) и 30 малыхъ орудій, вродѣ фальконетовъ (2 дюйма калибра и 500 вѣсу), серпентинъ ($^1/_2$ дюймовъ и 400 вѣсу) и рабинетъ (1 дюйма калибра и 300 фунтовъ вѣсу). Такимъ образомъ вооруженіе было сильнѣе, чѣмъ на кораблѣ Henry Grace à Dieu. Не считая мелкихъ орудій, общій вѣсъ пушекъ на старомъ кораблѣ былъ 83,720 фунтовъ, а на новомъ 148,000 фунтовъ. Одно это сравненіе уже достаточно указываетъ, какое значительное улучшеніе произошло въ періодъ времени, не большій двухъ поколѣній, въ вооруженіи первокласныхъ военныхъ кораблей. Предполагаютъ, что только два или три англійскіе корабля по силѣ или по величинѣ приблизительно походили на «Тріумфъ»; но общепринятое мнѣніе о томъ, что всѣ англійскіе корабли вообще были хуже кораблей испанской Армады и обычное представленіе, будто мы боролись съ ней

при невыгодныхъ для насъ условіяхъ, сильно преувеличены. Въ 1588 году въ испанскомъ флотѣ кораблей въ тысячу тонъ и больше было только всего семь: адмиральскій корабль дона Педро Вальдеса (1550 тонъ), Рагазоне (1294 тонъ), Санта Анна (1200 тонъ), Грангрина (1160 тонъ), Санъ Жуанъ (1050 тонъ), Тринидадъ,—Валенсера и Санъ Мартино по 1000 тонъ; у англичанъ, правда, было только два такихъ большихъ корабля; но за то было не меньше 197 мелкихъ судовъ противъ 132 испанскихъ; притомъ несомнѣнно, что англійскіе корабли были пригоднѣе къ плаванію. Большая часть современныхъ отчетовъ объ испанскомъ флотѣ написана людьми, не бывшими моряками и не могшими имѣть правильныхъ взглядовъ на этотъ предметъ. Они изображаютъ корабли Филиппа такими «громадными, что океанъ стоналъ подъ ихъ тяжестью», такими «высокими, что они походили скорѣе на замки, или на крѣпости», такими «многочисленными, что не видно было моря»; но капитанъ Феннеръ, человѣкъ компетентный, писалъ сэру Френсису Дрэку, что «двѣнадцать изъ кораблей ея величества могутъ помѣряться со всѣми галерами во владѣніяхъ испанскаго короля». Несомнѣнно, однако, замѣчаетъ профессоръ Лауфтонъ, что «испанскіе корабли казались большими. Ихъ кормы и фордеки, поднимаясь ярусами на значительную высоту, были гораздо выше англійскихъ низкихъ кораблей. Англійскіе большіе корабли отнюдь нельзя назвать низкопалубными, но все же они не были такъ высоки, какъ испанскіе. Такая разница давала испанцамъ большое преимущество при рукопашной—т. е. при такой битвѣ, которой въ этомъ случаѣ англичане по большей части удачно избѣгали—но оно было очень вредно для нихъ, если врагъ не подходилъ близко; это дѣлало ихъ корабли трудно маневрирующими, даже при умѣренномъ вѣтрѣ; а если принять во вниманіе то, что испанцы пренебрегали новыми усовершенствованіями въ оснасткѣ, то это дѣлало ихъ много хуже англійскихъ въ открытомъ морѣ».

Артиллерія флота.

Еще важнѣе этого превосходства англійскихъ кораблей надъ испанскими и англійскихъ матросовъ надъ испанскими, которые и не были такъ опытны и которыхъ сравнительно было и немного, было превосходство пушекъ и пушкарей. Профессоръ Лауфтонъ превосходно уяснилъ это обстоятельство. Слѣдующая таблица составлена, главнымъ образомъ, на основаніи его изслѣдованій, и такъ какъ въ ней указаны типическіе корабли конца пятнадцатаго вѣка, то она достаточно доказательна.

Корабли (испанскіе).	Количество тонъ.	Экипажъ.	Количест. пушекъ.	Вѣсъ лога.	Тяжелыя пушки (фунты) 60	33	24	18	12	9	5½	Мелкихъ орудій.
Санъ Лоренцо . .	?	386	50	370 ф.	4	8	—	6	—	6	10	16
Де Розаріо . . .	1150	422	41	195	—	3	7	4	—	1	—	26
Анунціада . . .	703	275	24	67	—	—	—	3	—	3	—	18

Корабли (испанскіе).	Количество тонъ.	Экипажъ.	Количест. пушекъ.	Вѣсъ лага.	Тяжелыя пушки (фунты) 60	33	24	18	12	9	5½	Мелкихъ орудій.
Св. Марія де Визонъ	666	307	18	54	—	—	—	—	6	—	—	12
(Англійскіе).												
Тріумфъ	1100	500	68	402	4	3	—	17	—	8	6	30
Королевскій ковчегъ	800	425	55	377	4	4	—	12	—	12	6	17
Морская Честь .	800	400	41	281	—	4	—	15	—	16	4	2
Несравненный .	500	250	56	264	2	3	—	7	—	8	12	24
Форсайтъ	300	160	37	102	—	—	—	—	—	14	8	15

Изъ таблицы видно, что типическій англійскій корабль въ 800 тонъ былъ вооруженъ сильнѣе и имѣлъ больше экипажа, чѣмъ типическій испанскій корабль въ 1150 тонъ; англійскій корабль въ триста тонъ по вѣсу лага былъ вдвое сильнѣе испанскаго корабля, по величинѣ вдвое его большаго. По свидѣтельству Дюро испанцы считали пушку неблагороднымъ оружіемъ, пригоднымъ только для начала боя и не имѣющимъ значенія при наступленіи рукопашной. Руководясь такими взглядами, офицеры приказывали пушкарямъ цѣлить вверхъ, такъ чтобы сдѣлать врага неспособнымъ плыть и помѣшать ему бѣжать; но такъ какъ трудно было попасть въ мачты, то результатъ былъ тотъ, что ядра безъ вреда падали въ воду или, въ самомъ лучшемъ случаѣ, пробивали паруса и отрѣзывали какіе нибудь неважные канаты. Съ другой стороны высокія кормы и деки испанцевъ были превосходной цѣлью для англичанъ. Сами испанцы утверждали, что англичане стрѣляютъ втрое быстрѣе. Далѣе имъ вредило и то, что на ихъ корабляхъ борта, можетъ быть для того, чтобы сколько возможно больше выдерживать огонь мелкихъ орудій, были такіе маленькіе, что было неудобно управлять, поднимать и опускать пушки за ними. Въ тѣ времена вообще всѣ борта дѣлались небольшіе, но у испанцевъ они были особенно малы.

На большихъ англійскихъ корабляхъ того времени пушки, вѣроятно, были распредѣлены такъ, какъ они были распредѣлены на адмиральскомъ кораблѣ Говарда Эффингама; «Королевскій Ковчегъ» или «Ковчегъ Ралейга» въ 1588 году. Въ интересной книгѣ, сохраняющейся въ Британскомъ Музеѣ, пушки этаго корабля, о которыхъ мы уже говорили выше, были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: на нижнемъ декѣ 4 пушки, 4 полупушки и 8 кульверинъ; на верхнемъ декѣ 4 кульверины, 12 полукульверинъ и 2 сакера; подъ кормой 4 сакера и 6 мелкихъ орудій; подъ фордекомъ 6 мелкихъ орудій и на шканцахъ, на шкафутѣ и на марсахъ остальныя пять мелкихъ орудій. Извѣстно, что «Реваншъ» (Revenge), корабль въ 500 тонъ, съ 250 человѣкъ экипажа, при его захватѣ испанцами

въ 1591 году имѣлъ на нижнемъ декѣ, изъ общаго числа 43 пушекъ, 20 и что эти пушки, вѣсившія отъ 4000 до 6000 фунтовъ, были пушки, полупушки, кульверины; на верхнемъ декѣ—на немъ былъ только одинъ совершенно закрытый декъ—были остальныя 23 пушки, ни въ какомъ случаѣ по вѣсу не бывшія больше полукульверины. Этотъ корабль былъ построенъ въ 1579 году, повидимому, по рисункамъ сэра Джона Гавкинса, который до 1583 года, кромѣ «Тріумфа», составилъ рисунки для «Бѣлаго Медвѣдя», для «Елисаветы Іонасъ», для «Королевскаго Ковчега» и «Побѣды». Кромѣ вышеотмѣченныхъ усовершенствованій, на этихъ коробляхъ кормы и форбаки были ниже обыкновенныхъ, киль пропорціонально длинѣ корабля длиннѣе и борта круче. Всѣ они были въ дѣлѣ противъ Армады въ 1588 году. Намъ неизвѣстно, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, гдѣ именно строились тогдашніе корабли. Мы знаемъ, однако, что члены извѣстной семьи кораблестроителей, Петссы, строили нѣкоторые изъ нихъ, главнымъ образомъ, на Темзѣ. Изъ этой семьи вышли почти всѣ наиболѣе замѣчательные кораблестроители Англіи въ теченіи болѣе, чѣмъ ста лѣтъ.

Цѣны корабельныхъ припасовъ.

Въ одномъ изъ манускриптовъ Слоана сохранился любопытный счетъ о стоимости въ годъ Армады обычныхъ корабельныхъ принадлежностей. Цѣна якорей была тогда 33 шиллинга 4 д. за центнеръ; черная конопать—7 шил. за цент., весла къ боту по 2 ш. 8 д. штука, длинныя кормовыя весла по 4 ш. 4 д., компасы, пригодные для королевскихъ кораблей, по 3 ш. 4 д. штука, стклянки часовыя 10 д., лотъ 12 шил. за цнт.; за ботъ въ 33 фута длины и 8 футовъ ширины для королевскаго корабля Swiftsure заплачено всего 15 фунтовъ. Въ другомъ манускриптѣ находимъ цѣны оружія и военныхъ запасовъ. Аркебуза стоила 30 ш., полный мушкетъ 26 ш. 8 д., полная каливера 18 ш., пика 4 ш., короткая пика 3 ш. 4 д., чорная сѣкира или топоръ съ длинной рукоятью 3 ш., лукъ съ колчаномъ стрѣлъ 6 ш. 8 д., сто фунтовъ свинца для литья пуль 12 ш. и т. д. Изъ корабельныхъ запасовъ сухари стоили за центнеръ 10 ш. 3 д., пиво за бочку 30 ш. 8 д., мясо за цент. 15 ш., соленая селедка (стокъ фишь) 26 ш., сыръ $2^1/_4$ д. за фунтъ, соль для соленья мяса за бушель 8 д., масло 3 д. за фунтъ. Это цѣны 1556 года, но втеченіи слѣдующихъ пятидесяти лѣтъ цѣны продуктовъ значительно увеличились. Въ 1570 году соленая свинина стоила 3 д. фунтъ, а горохъ 24 ш. четверть.

Служба во флотѣ, какъ профессія.

Въ царствованіе Елисаветы королевскій флотъ получилъ правильную и постоянную организацію, какой онъ не имѣлъ раньше. Впервые служба на флотѣ стала профессіей. Многіе изъ офицеровъ поступали на флотъ юнгами и оставались на службѣ до старости. Раньше почти всѣ уходили въ торговый флотъ и обратно, или уходили въ армію и обратно, или даже въ гражданскую службу. Однимъ

изъ первыхъ офицеровъ флота по профессіи былъ сэръ Вилльямъ Монсонъ, служившій въ морѣ съ юности во всѣхъ должностяхъ съ частыми промежутками отъ 1585 до 1635 года. Онъ извѣстенъ, какъ авторъ «Морскихъ трактатовъ», изданныхъ послѣ его смерти въ 1643 году и дающихъ намъ почти полную картину англійскаго флота въ его время. Относительно важности обученныхъ офицеровъ флота онъ писалъ. «Самые лучшіе изъ извѣстныхъ кораблей состояли подъ командой капитановъ, настоящихъ моряковъ; торговцы довѣряютъ вѣрности и способности моряковъ, чтобы вести ихъ карабли чрезъ всѣ опасности отъ пиратовъ, отъ военныхъ кораблей, отъ скалъ и песковъ, и такихъ они только и цѣнятъ; они никогда не довѣрятъ ихъ джентльмену или опытному солдату, отличающемуся только одной храбростью». И далѣе; «Морскому языку не скоро выучишься и не скоро его поймешь, если не пройдешь годы ученичества; кромѣ того бурное море и дурная погода такъ пугаютъ человѣка, не привыкшаго къ нимъ, что лишаютъ его ногъ и храбрости, и ему приходится бороться съ своей ѣдой (т. е. страдать отъ морской болѣзни). Въ такую погоду, когда онъ слышитъ, какъ матросы кричатъ: «штирбортъ», или «бортъ» или «всѣ наверхъ» или «держи къ вѣтру», ему кажется, что онъ слышитъ варварскій языкъ, значенія котораго онъ не понимаетъ, Еслибы самому лучшему и наиболѣе привычному моряку пришлось надѣвать рыцарское вооруженіе и ѣздить на хорошемъ боевомъ конѣ и вести отрядъ конницы, его несомнѣнно сочли бы очень нескромнымъ и люди думали бы, что онъ окажетъ очень плохую услугу этому дѣлу; точно также солдаты не могутъ быть увѣрены въ своей безопасности, находясь подъ командой невѣжественнаго капитана, не умѣющаго взнуздать своего коня, а тѣмъ болѣе воспользоваться, какъ слѣдуетъ аттакой или отступленіемъ. И однако гораздо легче пріобрѣсти опытность въ сухопутной, чѣмъ въ морской службѣ.

Монсонъ имѣлъ основаніе жаловаться, что офицерами во флотѣ часто были люди, непригодные для исполненія своихъ обязанностей, какъ не получившіе надлежашаго обученія. Его взгляды раздѣлялись многими послѣ него; не профессіональные флотскіе офицеры становятся съ каждымъ годомъ рѣже и рѣже, и въ концѣ семнадцатаго столѣтія совершенно исчезаютъ, къ большой выгодѣ службы.

Служба въ королевскомъ флотѣ, какъ профессіональная карьера, естественно сопровождалась созданіемъ для матросовъ и офицеровъ правилъ болѣе точныхъ и опредѣленныхъ, чѣмъ дѣйствовавшія раньше. Въ нѣкоторыхъ изъ инструкцій и статей, составленныхъ въ то время, когда лордомъ верховнымъ адмираломъ былъ Говардъ Эффингамъ, мы встрѣчаемъ въ зачаточной формѣ современныя военныя статьи, повелѣнія королевы и инструкціи адмиральтейства. Они воспрещали ругательства, брань, игру въ кости, ссоры и безпорядки,

угрожали за воровство наказаніями по военнымъ законамъ, требовали сохранности и экономнаго распоряженія припасами, рекомендовали предосторожности противъ пожаровъ, неодобряли напрасную трату пороха, настаивали на чистотѣ, предписывали санитарныя мѣры, опредѣляли распредѣленіе призовыхъ денегъ и такъ далѣе. Практика и традиціи службы быстро кристализовались. Съ этаго времени мы имѣемъ первые правильные отчеты о настоящихъ флотскихъ военныхъ судахъ.

Первый военный судъ.

Такой судъ засѣдалъ во время Кадикской экспедиціи Дрэка въ 1587 году, когда Дрэкъ «запѣлъ въ бороду испанскаго короля»; отчетъ о судѣ сохраняется въ Британскомъ Музеѣ. Судъ состоялся о мятежѣ на кораблѣ Золотой Левъ, капитанъ котораго Вилльямъ Бурроуфъ былъ за дурное поведеніе замѣненъ капитаномъ Маршаунтомъ—причемъ Дрэкъ взялъ на себя отвѣтственность за эту перемѣну. Д-ръ Юліусъ Цезарь называетъ веденіе суда «превосходной формой сессій, держимыхъ сэромъ Френсисомъ Дрэкомъ и другими капитанами на одномъ изъ кораблей Елисаветы», въ самомъ актѣ суда онъ названъ «общій судъ, держимый для службы ея величества на кораблѣ» Елизавета Бонавентура. «Всѣ капитаны и мастера флота были формально вызваны и въ ихъ присутствіи «генералъ», сэръ Френсисъ Дрэкъ, спросилъ и судомъ требовалъ отъ капитана Маршаунтъ, «какъ онъ оправдается и отвѣтитъ объ отплытіи корабля ея величества «Золотой Левъ», который онъ недавно поручилъ ему». Капитанъ Маршаунтъ говорилъ въ свою защиту, объясняя, что при первомъ признакѣ мятежа на его кораблѣ онъ приказалъ мастеру корабля держаться ближе къ генералу (т. е. къ адмиральскому кораблю), но вскорѣ послѣ этаго квартермейстеръ передалъ ему отъ экипажа письмо, въ которомъ люди жаловались, что у нихъ вышли пища и напитки и что съ ними обращаются не надлежащимъ образомъ, и потому они объявляютъ, что намѣрены увести корабль домой. Тогда люди отказались повиноваться приказаніямъ, хотя самъ Маршаунтъ толковалъ съ ними и уговаривалъ ихъ. За него стояли только пятнадцать или шестнадцать человѣкъ. Онъ просилъ, чтобы его перевезли на корабль Queen's Pinnace; послѣ нѣкотораго обсужденія на это согласились. Капитанъ Клиффордъ съ вышеупомянутаго корабля показалъ, что онъ также уговаривалъ мятежниковъ, а они назвали его «дерзкимъ негодяемъ» (Arrante Villaine). Приговоръ Дрэка относительно мятежниковъ даетъ процедурѣ характеръ военнаго суда, хотя въ сущности сначала судъ былъ созванъ, какъ слѣдственный. Устранивъ всѣ разглагольствованія д-ра Цезаря, можно такимъ образомъ передать слова великаго моряка:

«Хотя я и не сомнѣваюсь, что мнѣ дѣлать въ этомъ случаѣ, и не имѣю недостатка въ власти, такъ какъ имѣю отъ ея величества достаточную юрисдикцію, чтобы исправлять и наказывать со всей

строгостью, смотря по характеру преступленія, всѣхъ мятежныхъ людей во всемъ флотѣ, однако изъ довѣрія къ вашей скромности и умѣнью и для того, чтобы доказать наше согласіе мнѣній во всѣхъ дѣлахъ, прошу васъ высказать ваши мнѣнія относительно факта, о которомъ вы теперь слышали». Послѣ того, вѣроятно, какъ высказались другіе, сэръ Френсисъ продолжалъ:

«По моему мнѣнію это такой подлый и невыносимый мятежъ, о какомъ я когда либо зналъ. Капитанъ Маршаунтъ вѣрно исполнилъ свой долгъ, какъ истый слуга ея величества. Всѣ остальные съ этаго корабля, за исключеніемъ только двѣнадцати или шестнадцати человѣкъ, которые подняли руки въ знакъ готовности возвратиться къ намъ, заслуживаютъ позорной смерти, такъ какъ они оставили знамя и порученіе ея величества, и покинули въ несчастіи королевскіе корабли и тѣмъ, по скольку отъ нихъ зависѣло, воспрепятствовали службѣ для чести и безопасности государствъ и владѣній ея величества. Потому мой окончательный и рѣшительный приговоръ таковъ: мастеръ сказаннаго корабля, боцманъ, и Бюрроуфъ, и экипажъ, какъ главные виновники въ этомъ мятежѣ, будутъ преданы смерти, если я найду ихъ и они будутъ въ моей власти. Если нѣтъ— они все равно по закону мертвые люди. Всѣ остальные будутъ переданы милосердію ея величества, какъ пособники такого измѣническаго дезертирства. И даже если ея величеству будетъ угодно воззрѣть на нихъ съ милосердіемъ, мой приговоръ все же таковъ: они всѣ придутъ къ дворцовымъ воротамъ съ веревкой вокругъ шеи, ради примѣра всѣмъ преступникамъ». Весь судъ одобрилъ такой приговоръ. Съ этаго времени флотскій военный судъ сдѣлался обычнымъ учрежденіемъ и вскорѣ онъ былъ признанъ и регулированъ. Если Дрэкъ и руководился какими либо прецедентами, помимо полученнаго отъ королевы порученія, то онъ умолчалъ о нихъ.

Морскіе термины.

Какъ кристализировалась морская практика, такъ и кристализировался языкъ. Въ словарѣ Елисаветинскихъ моряковъ было много терминовъ, еще и теперь общеупотребительныхъ на парусныхъ судахъ. Изъ многихъ техническихъ словъ и выраженій съ нѣкоторымъ удивленіемъ въ письмахъ и документахъ того времени встрѣчаемъ, съ тѣмъ значеніемъ, что и теперь, слѣдующія: вооруженіе, тентъ, закрѣпить снасть, положить на битенгъ, тянуть талями, пушечный брюкъ, переборка, бимсъ, эзельгофтъ, карлинсы, картечь, брать паруса на гитовы, коминсы, боканецъ, юферсы, кранцы, путенсъ-ванты, рѣшетчатые люки, кренгельсъ, шкафутъ, гамакъ, накрепивай, ворса, кильсонъ, найтовъ, марлинъ, ошвартовленье, сѣтка, бизань-рея, талей-блокъ, идти по вѣтру, люкъ, бензель, тренцовать, рымъ-краны для подъема мачтъ (ширсы), ванты, яликъ, шпигатъ, шкимушка, поворотить оверьштагъ, стернъ-шитсъ (мѣсто для офице-

ровъ), брезентъ (терполинъ), поворачивать на бакбордъ и множество другихъ [1]).

Наука и мореплаваніе.

Очень большое значеніе по своему отношенію къ развитію флота имѣли нѣкоторыя научныя открытія и усовершенствованія Елисаветинскаго періода, Монсонъ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія высказываетъ сожалѣніе о введеніи въ общее употребленіе морской трубы. такъ какъ это сдѣлаетъ безполезными одну изъ многочисленныхъ «стратегемъ» для обманыванія врага—именно постановку мнимыхъ, недѣйствующихъ пушекъ, чтобы дать преувеличенное представленіе о силѣ корабля. Телескопъ, сначала изобрѣтенный въ 1560 году Портой, до конца столѣтія былъ введенъ въ употребленіе Янсеномъ изъ Миддельбурга и сдѣлался необходимой частью снарядовъ всякаго моряка; алидада была изобрѣтена до временъ Елисаветы. Во время ея царствованія она была почти вытѣснена бакштафомъ для опредѣленія высоты солнца, изобрѣтеннымъ Джономъ Дэвисомъ. Варіаціи компаса были замѣчены Колумбомъ и Каботомъ, но только при Елисаветѣ англійскіе моряки и ученые получили сколько нибудь опредѣленныя и полезныя свѣдѣнія относительно земного магнетизма. Окончаніе въ 1569 году знаменитой карты Меркатора было важнымъ событіемъ періода. Искусство навигаціи въ особенности получило развитіе благодаря изданію на англійскомъ языкѣ книги Мартина Кортеса Brief Compendium of Sphere въ 1561 году, «Трактата» Гуэвара въ 1578, и «Правилъ навигаціи» Медины въ 1581 году. Въ 1573 году Боурнъ издалъ первое оригинальное сочиненіе по этому предмету: «Управленіе флотомъ», за нимъ послѣдовалъ Томасъ Блендевиль въ 1594 году съ его: Exercises. Вильямъ Бюррофъ въ Discours of Magnet and Loadstone (1581), Робертъ Норманъ въ New Attractive и Жильбертъ изъ Кольчестера, который въ 1600 первый предположилъ, что земля есть магнитъ, оказали цѣнныя услуги наукѣ о магнетизмѣ. Эдвардъ Райтъ своимъ объясненіемъ или, вѣрнѣе сказать, своимъ научнымъ открытіемъ проэкціи Меркатора былъ отцомъ современной морской картографіи. Столь же полезно, какъ и труды вышеупомянутыхъ авторовъ, было произведеніе навигатора Джона Дэвиса, озаглавленное «Тайны моряка» и изданные въ 1594 году. Гидрографія того времени была замѣчательно хороша. До конца шестнадцатаго вѣка всѣ гавани и бухты Англіи были изучены и добытыя свѣдѣнія изображены въ очень подробныхъ и точныхъ картахъ. Дѣятельность въ этомъ направленіи, несомнѣнно, сильно поддержи-

---

[1]) Armings, awnings, to belay, bitts, to bowse, breechings, bulkheads, cambers, caps, carlings, case-shot, clew-garnets, coamings, davits, deadeyes, fenders, futtocks, gratings, grommets, gunwals, hatchways, hammocks, heaving the log, junk, kelson, lashings, marlings-spikes, moorings, nettings, peak, purchases, quarters, scuttles, seizings, to serve, shackles, sheers, shrouds, skiffs, scuppers, in stays, stern-sheets, tarpauline, yaw.

валась вліяніемъ и примѣромъ корпораціи Дома Троицы-гильдіи, которая сначала исполняла разныя другія обязанности, а потомъ на основаніи акта Елисаветы превратилась въ отвѣтственное учрежденіе по нѣкоторымъ вопросамъ берегового плаванія и въ хранителя береговыхъ маяковъ и бакановъ.

Жалованье офицерамъ и матросамъ было незначительное. Въ 1575 году даже лордъ адмиралъ получалъ только 200 фунтовъ въ годъ, а вицеадмиралъ 100, капитанъ 30, пушкарь отъ 4 д. до шиллинга въ день, плотникъ 8 д. въ день, кормчій флота 20 фунтовъ въ годъ, контролеръ артиллеріи флота 40 фунтовъ въ годъ, казначей флота 66 фунтовъ, 13 ш. 4 д., провіантмейстеръ 58 фунтовъ, секретарь флота 38 ф. 6 ш. 8 д., секретарь склада въ Дептфордѣ 32 ф. 16 ш. 4 д. мастеръ флотской артиллеріи 66 ф. 13 ш. 4 д. (100 марокъ). Всѣ эти офицеры не получали никакой пенсіи. Матросы по отношенію къ жалованью были поставлены не въ лучшія условія, чѣмъ раньше, и они не всегда пунктуально получали даже небольшое свое жалованье. Ихъ интересы, однако, до нѣкоторой степени гарантировались учрежденіемъ въ 1590 году благотворительной организаціи, извѣстной подъ названіемъ «Сундука», въ Чатамѣ, Карлъ Говардъ графъ Ноттингамъ, бывшій въ то время лордомъ адмираломъ, былъ (вмѣстѣ съ Гавкинсомъ и Дрэкомъ) иниціаторомъ этаго нововведенія, вызваннаго тѣмъ соображеніемъ, что «благодаря частому занятію въ морѣ ради защиты сего королевства, разные мастера, матросы, корабельщики и мореходы отъ поврежденій и увѣчій, полученныхъ ими на службѣ, впадаютъ въ крайнюю бѣдность, крайность и нужду, къ ихъ великому смущенію». Потому опредѣлялось, чтобы въ такихъ случаяхъ существовала постоянная помощь, а для сего добровольно согласились, чтобы всякій служащій во флотѣ регулярно вносилъ въ фондъ учрежденія небольшую часть своей мѣсячной платы и такіе взносы время отъ времени помѣщались въ спеціально для сей цѣли пріобрѣтенный крѣпкій сундукъ съ пятью замками. Впослѣдствіи это учрежденіе было измѣнено и усовершенствовано, главнымъ образомъ потому, что одно время злоупотребляли этимъ капиталомъ; до новѣйшаго времени это благотворительное общество, созданное командирами англійскаго флота противъ Армады, дѣлало много добра. Первоначальный сундукъ существуетъ до сего дня, старательно сохраняемый въ музеѣ королевскаго госпиталя въ Гринвичѣ.

Жалованья моряковъ.

Невозможно и думать, чтобы при государынѣ съ такимъ характеромъ, какой была Елисавета, англичане добровольно отказались отъ какой либо изъ ихъ претензій; естественно, что офицеры ея флота съ большей, чѣмъ когда либо, рѣшительностью настаивали на своемъ гордомъ требованіи, чтобы флагу Англіи воздавались почести. Сэръ Ричардъ Гавкинсъ разсказываетъ, какъ его отецъ, великій мореплаватель сэръ Джонъ, однажды настоялъ на этой претензіи.

Флагъ.

Испанскій флотъ плылъ изъ Фландріи за женой Филиппа II, Анной Австрійской. Сэръ Джонъ Гавкинсъ съ небольшой эскадрой находился тогда въ Катуотерѣ; испанскій адмиралъ замѣтилъ англійскую эскадру и, несмотря на это, хотѣлъ пройти проливъ Плимута безъ обычнаго салюта. Тогда сэръ Джонъ приказалъ своимъ пушкарямъ стрѣлять въ оснастку испанскихъ кораблей и, если на это не обратятъ вниманія, обстрѣливать самые корабли; тогда испанцы подняли свой флагъ, опустили марсели и стали на якорь. Адмиралъ немедленно отправилъ офицера высшаго ранга передать сэру Джону привѣтствіе и протестъ; но тотъ, на ходу, отказался выслушать и даже допустить посланнаго и приказалъ ему сказать адмиралу, что такъ какъ тотъ не оказалъ королевѣ Англіи должное ей въ ея моряхъ и портахъ уваженіе и такъ какъ подъ его командой такой большой флотъ, то онъ настаиваетъ, чтобы этотъ флотъ не останавливался, а въ теченіи двѣнадцати часовъ снялся съ якоря и ушелъ; иначе онъ будетъ считать его врагомъ и поступитъ съ нимъ какъ съ таковымъ, такъ какъ его поведеніе подозрительно. Получивъ такое посланіе, испанскій адмиралъ лично подплылъ къ кораблю сэра Джона «Іисусъ изъ Любека». Сэръ Джонъ послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ согласился говорить съ нимъ и, выслушавъ длинныя извиненія, сказалъ испанцу, что онъ самъ виноватъ во всемъ и вообще говорилъ столь твердо и убѣдительно, что испанцы въ концѣ концовъ не только признали свою вину, но и подчинились наложенному на нихъ сэромъ Джономъ наказанію. Въ то время флагъ былъ просто красный георгіевскій крестъ на бѣломъ полѣ—такой флагъ на борту корабля теперь употребляется, какъ флагъ британскаго адмирала; на военныхъ корабляхъ при Елисаветѣ всегда былъ георгіевскій флагъ, его вывѣшивали какъ на форъ-брамъ-стеньгѣ, такъ и на ванклотахъ; но обыкновенно были и другіе флаги. Современное печатное изображеніе «Королевскаго Ковчега», адмиральскаго корабля лорда Карла Говарда Эффингама въ 1558 году, представляетъ его съ четырьмя мачтами; на ванклотахъ передней и задней мачтъ флаги св. Георгія, на главной мачтѣ королевское знамя, какъ флагъ лорда адмирала, а на третьей мачтѣ на флагѣ Роза Тюдоровъ. Кромѣ того отъ одного конца форъ-брамъ-стеньги развѣвается флагъ или значекъ съ изображеніемъ лежащаго льва (можетъ быть это гербъ Фицалана). На форъ-марсѣ развѣвался такой же значекъ съ изображеніемъ якоря, на главномъ марсѣ третій такой значекъ полосатый, а на реѣ блинда другой полосатый значекъ съ крестомъ св. Георга надъ нимъ; на шкафутѣ большое знамя съ частными гербами лорда адмирала.

Злоупотребленія въ управленіи флотомъ.

Читая депеши и официальные документы въ роковой годъ Армады, невозможно не придти къ твердому убѣжденію въ томъ, что пораженіе испанскаго флота было обусловлено гораздо болѣе пре-

данностью морскихъ офицеровъ и матросовъ, чѣмъ предусмотрительности властей. Флотъ со славой исполнялъ свои обязанности, но администрація вела себя безчестно. А когда говоришь объ администраціи 1588 года, говоришь о королевѣ. Благодаря ея личной скаредности матросамъ не платили жалованья, на корабляхъ было мало провіанта, и магазины стояли на половину пустыми. Въ послѣдній день іюля Гавкинсъ съ корабля «Побѣда» писалъ Вальсингаму, указывая ему на абсолютную необходимость постоянной и обильной доставки аммуниціи. «Людямъ давно не платили, продолжаетъ онъ, они нуждаются въ отдыхѣ. Прошу ваше сіятельство отправить деньги, которыя должны были быть посланы въ Плимутъ, въ Дувръ. Подходитъ августъ и въ Дувръ нужно послать достаточное количество канатовъ, веревокъ, парусины и провизіи». На другой день послѣ Пасхи Говардъ писалъ Бурлейгу: «я считаю необходимымъ напомнить вашему сіятельству, что необходимо имѣть провизіи болѣе, чѣмъ на мѣсяцъ. Я полагаю, что съ тѣхъ поръ, какъ въ этомъ королевствѣ существуютъ корабли, неслыханное дѣло, чтобы ихъ снабжали для плаванія провизіей только на мѣсяцъ». 18 мая адмиралъ снова пишетъ изъ Плимута: «у насъ только на восемнадцать дней провіанта; здѣсь во всей мѣстности добыть его нельзя и ваше сіятельство сами можете судить, можно ли безъ него выдти въ море». «Но хотя мы и голодаемъ, прибавляетъ онъ, мы все же идемъ впередъ навстрѣчу врагу». 10 іюля онъ обратился къ Вальсингаму съ трогательнымъ воззваніемъ· «Ради Бога, писалъ онъ, не позволяйте ея величеству заботиться объ издержкахъ»; черезъ нѣсколько дней онъ умоляетъ саму королеву «ради Іисуса Христа подумать о несчастномъ положеніи храбрецовъ, охраняющихъ ея честь и ея тронъ». Когда наконецъ во флотѣ получили провизію и аммуницію, то оказалось, что ихъ прислали крайне мало [1]). Дѣйствительно, воспоминаніе объ отношеніи Елисаветы къ ея смѣлымъ защитникамъ въ то время можетъ вывести изъ себя самаго холоднаго человѣка. Въ этомъ же году она обдумывала предложеніе объ уменьшеніи издержекъ на ея голодныхъ и не получавшихъ жалованья матросовъ,

---

1) Проф. Лауфтонъ говоритъ: „королева не занималась провіантированіемъ флота. Несомнѣнно, что она настаивала на надлежащей экономіи во всемъ, несомнѣнно, Бурлейгъ и Вальсингамъ знали, что ихъ отчеты подвергнутся строгому, можетъ быть, несимпатическому просмотру“ и т. д. Но это совсѣмъ не оправдываетъ Елисавету. Ее, вѣдь, не въ томъ обвиняютъ, что она была заботлива въ законныхъ дѣлахъ, а въ томъ, что зная о нищетѣ моряковъ, она не вмѣшалась для исправленія зла. Личное управленіе государя типа Елисаветы не можетъ прикрыться, какъ личность конституціоннаго государя, отвѣтственностью министровъ. Тѣмъ болѣе, что она знала, что ея прежнія экономіи были рискованы для здоровья солдатъ и матросовъ.

давая имъ вмѣсто мяса рыбу, масло и горохъ. Она полагала, что такимъ путемъ она можетъ сократить на половину расходы на провіантированіе флота. Въ томъ же году она бранила сэра Френсиса Дрэка, что онъ тратитъ много пороха и ядеръ «просто для практики». Еслибы ея преданные офицеры ждали, пока она поможетъ имъ и еслибы они не покупали изъ своихъ собственныхъ средствъ запасы для своихъ кораблей, флотъ совсѣмъ не могъ бы выдти въ море. Лишенія, порожденныя презрѣннымъ невниманіемъ королевы, должны были увеличить, и даже породить, заразы, свирѣпствовавшія въ эскадрѣ; къ стыду Елисаветы слѣдуетъ сказать, что ни больные, ни раненые, пострадавшіе за ея дѣло, не получали ни надлежащей заботы, ни леченья на ея счетъ. Театральное изображеніе Елисаветы въ Тильбюри—такова картина, о которой постоянно помнитъ нація. Но видъ великой королевы, старавшейся въ минуту національнаго бѣдствія скопить нѣсколько фунтовъ, жертвуя здоровьемъ двадцати тысячъ матросовъ, не менѣе поучителенъ. О немъ не слѣдуетъ забывать до тѣхъ поръ, пока не забудется первая изъ этихъ картинъ. Она была болѣе великой, чѣмъ ея отецъ, но она была и болѣе низкой, чѣмъ даже ея дѣдъ.

Морское могущество Елисаветы.

Но хотя Елисавета, и въ этомъ и въ другихъ случаяхъ, была скупа даже въ виду крайней опасности, она обладала значительной политической проницательностью и была счастлива въ томъ отношеніи, что во все время ея долгаго царствованія ей служили люди несравненной энергіи и выдающихся способностей. Ея проницательности страна обязана устройствомъ доковъ въ Чатамѣ, устроенныхъ ею тамъ, гдѣ теперь Пушечная верфь и укрѣпленіемъ Медуэя. Ея слугамъ страна обязана замѣчательнымъ увеличеніемъ морского могущества Англіи, въ особенности на западѣ. Это могущество до значительной степени пріобрѣтено средствами, которыя на теперешній взглядъ кажутся незаконными и грабительскими; оно пріобрѣтено насчетъ Испаніи, государства, съ которымъ до самаго нашествія Армады Англія номинально была въ мирѣ. Но неформальныя войны велись не одними только англійскими авантюристами противъ испанскихъ колоній въ Новомъ Свѣтѣ; онѣ съ одинаковымъ упорствомъ велись и Испаніей, такъ что ей не на что жаловаться. Результаты были невыгодны для Испаніи, всѣ выгоды были на сторонѣ Англіи. Кромѣ солидныхъ барышей, полученныхъ англичанами, кромѣ пріобрѣтеннаго престижа, мы воспользовались всякой изъ этихъ экспедицій во многихъ отношеніяхъ. Въ Англіи всегда существовала нѣкоторая часть населенія, склонная къ жизни приключеній и опасностей. До царствованія Елисаветы такія склонности находили выходъ въ мирное время въ занятіи контрабандой и пиратствомъ въ англійскихъ водахъ; вслѣдствіе этого плаваніе въ проливахъ было небезопаснымъ и доходы короны значительно страдали. Открытіе въ

южной и центральной Америкѣ и въ Тихомъ океанѣ новой сферы для проявленія безпокойной энергіи не только отвлекло отъ дома множество бурныхъ элементовъ, но современемъ вернуло ихъ на родину привыкшими къ дисциплинѣ, закаленными въ опасностяхъ, успокоенными опытомъ и превращенными въ превосходныхъ моряковъ. Тѣ изъ нихъ, которые вернулись домой, пріобрѣтя кое что для себя—а такихъ было много—не возвращались къ своимъ прежнимъ преступнымъ склонностямъ. Пока они были въ морѣ, въ виду испанцевъ, они могли быть—и часто дѣйствительно были—довольно безсовѣстными людьми; но на своихъ родныхъ склонахъ Девоншира они были честными и стремившимися къ общему благу гражданами. Если они и сохраняли охоту къ приключеніямъ, то дорога была открыта для нихъ; въ послѣднюю часть царствованія королевы они могли пойти на королевскую службу и драться съ испанцами, сколько ихъ душа хотѣла, въ регулярной, открытой войнѣ.

Законные пираты. Гавкинсъ.

Пиратскіе подвиги морскихъ Елисаветинскихъ героевъ должны были съ самаго начала ея царствованія пугать испанцевъ и даже удивительно, что такой гордый и воинственный народъ отстрочивалъ серьезныя и оффиціальныя репрессаліи до 1588 года. Джонъ Гавкинсъ во время второго его путешествія, начатаго въ 1564 году, неоднократно силой меча заставлялъ испанцевъ Венецуелы торговать съ нимъ на требуемыхъ имъ условіяхъ; обычнымъ его способомъ было съ сотней вооруженныхъ рубакъ входить въ городъ, собиравшій пошлины, которыхъ онъ не хотѣлъ платить. Во время своего третьяго путешествія, начатаго въ 1567 году, онъ держался той же системы насилія. Въ Ріо де ла Гаха, гдѣ торговля была воспрещена, онъ высадилъ двѣсти человѣкъ, взялъ городъ приступомъ и добился своего. Въ Санъ Жуанъ де Улоа, гдѣ онъ дѣйствительно не напалъ и не захватилъ испанскій флотъ съ казной, онъ занялъ и укрѣпилъ островъ въ испанской территоріи и велъ себя такъ дерзко и повелительно, что вынудилъ испанцевъ напасть на него. Возможно, что и испанцы вели себя дурно; несомнѣнно, что они виновны во многихъ жестокостяхъ, но вызовъ, брошенный имъ Гавкинсомъ, возмутителенъ. Позже, когда королева Елисавета захватила большую сумму денегъ, предназначавшуюся для герцога Альбы, подъ тѣмъ предлогомъ, что это военная контрабанда, и когда, по мнѣнію англичанъ, Альба и испанскій король въ отместку пытались возбудить въ Англіи возстаніе, въ море отправилось столько англійскихъ крейсеровъ для захвата испанскихъ торговыхъ судовъ и они надѣлали столько вреда, что королева, боясь открытой войны, издала прокламацію, въ которой воспрещала не столько грабежи, сколько покупку ея подданными награбленнаго.

Дрэкъ

Дѣйствія Дрэка противъ Испаніи вызваны были прежде всего чисто личными соображеніями. Онъ потерялъ состояніе въ третьемъ

путешествіи Гавкинса и, сознавая невозможность и даже неразсудительность всякаго миролюбиваго соглашенія, посредствомъ котораго онъ могъ бы получить вознагражденіе, онъ въ теченіе многихъ лѣтъ поставилъ себѣ жизненной задачей добиться удовлетворенія силой. Онъ отнюдь и не претендовалъ на законность своихъ поступковъ; съ другой стороны онъ скромно называетъ свои планы тайными. Но онъ вообще былъ не хуже многихъ авантюристовъ того времени. Первымъ судномъ, которое онъ встрѣтилъ по своемъ прибытіи въ американскіе воды въ 1572 году, была пиратская барка Джемса Равзе, который только что захватилъ испанскій караванъ и шлюпку и съ охотой присоединился къ экспедиціи Дрэка. Невозможно защищать высадку Дрэка въ Номбре де-Діосъ, его захваты на сушѣ и на морѣ, и его самостоятельные и деспотическіе поступки, но все же невозможно не удивляться его незапятнанной храбрости и неистощимости въ рессурсахъ.

Оксенгамъ и Баркеръ.

Въ то время, какъ Дрэкъ приготовлялся къ новой экспедиціи, Джонъ Оксенгамъ завладѣлъ мантіей великаго пирата и въ 1575 году близъ Жемчужныхъ острововъ взялъ два богатые корабля съ платиной. Онъ могъ уйти съ этимъ призомъ, но его неосторожность повела къ его плѣну и неудивительно, что его и взятыхъ съ нимъ его товарищей, кромѣ нѣсколькихъ юнговъ, судили какъ пиратовъ. Андрію Баркеръ тоже въ числѣ другихъ грабилъ Испанію, пока Дрэкъ готовился къ болѣе серьезнымъ дѣйствіямъ. Онъ захватилъ нѣсколько цѣнныхъ призовъ и вернулся бы домой съ ними, еслибы его экипажъ не возмутился, вслѣдствіе чего онъ попалъ въ руки испанцевъ.

Коксъ.

Команду послѣ него получилъ Вилльямъ Коксъ; онъ взялъ городъ Труксильо, но во время бури одинъ изъ его кораблей погибъ и когда онъ вернулся въ Англію, его дѣла были не лучше, чѣмъ при отъѣздѣ. Дрэкъ во время его кругосвѣтнаго плаванія держалъ себя еще большимъ тираномъ, чѣмъ прежде. Онъ захватывалъ не только испанскіе, но и португальскіе корабли, онъ грабилъ города, грабилъ частныхъ людей, грабилъ церкви. Онъ захватилъ столько золота и серебра, сколько могли вмѣстить балласта его корабли; по возвращеніи въ Англію онъ былъ милостиво принятъ королевой. Но многіе изъ знатныхъ лицъ считали Дрэка просто обыкновеннымъ разбойникомъ и не хотѣли даже видѣть его; даже королева была вынуждена дать нѣчто въ родѣ удовлетворенія, когда испанскій посланникъ формально сообщилъ ей о злодѣяніяхъ Дрэка, хотя публично она и высказалась въ его защиту.

Фентонъ.

Эдвардъ Фентонъ въ 1582—83 году былъ начальникомъ другой вполнѣ практической экспедиціи. Экспедиція Дрэка 1585—86 года была менѣе практической, хотя онъ отправился въ нее главнымъ образомъ ради частныхъ выгодъ; войны между Англіей и Испаніей

еще не было, но Дрэкъ запасся формальными каперскими письмами. Герцогъ Георгъ Кумберландъ и Ралейгъ въ 1586 году были въ душѣ такими же пиратами, какъ и другіе, отплывавшіе тогда изъ англійскихъ портовъ; и по отношенію ко всѣмъ нимъ можно сказать, что личныя выгоды и любовь къ сильнымъ ощущеніямъ были для нихъ гораздо болѣе сильными мотивами, чѣмъ патріотизмъ или стремленіе къ справедливости. Но осуждая ихъ мотивы и многія изъ ихъ дѣйствій, не слѣдуетъ забывать, что они воспитали для страны превосходныхъ моряковъ и создали традиціи неустрашимой смѣлости, съ тѣхъ поръ одушевлявшіе англійскихъ моряковъ. Кромѣ того ихъ подвиги не часто были запятнаны обдуманной и преднамѣренной жестокостью.

Морскіе рессурсы королевства были предметомъ двухъ очень интересныхъ изслѣдованій въ годы, непосредственно предшествующіе нашествію Армады. Одно изслѣдованіе, сдѣланное въ 1583 году, это перепись всего мореходнаго населенія Англіи за исключеніемъ Валиса. Оказалось, что тогда было 1484 мастера, 11515 матросовъ, 2299 рыбаковъ и 957 перевозчиковъ на Темзѣ—всего 16255 человѣкъ, до извѣстной степени привыкшихъ къ морю. Другое изслѣдованіе, сдѣланное въ 1587 году, это подсчетъ посредствомъ повѣрки свидѣтельствъ числа кораблей въ Англіи. Отказалось, что въ Англіи 182 корабля болѣе 100 тонъ, 180 отъ 80 до 100 тонъ и 1392 меньше 80 тонъ—всего 1755. Во главѣ городовъ стоялъ Лондонъ съ 129 кораблей, во главѣ графствъ Норфолькъ съ 251. Любопытно замѣтить, что пять портовъ имѣли 220 кораблей, но изъ нихъ ни одного не было 80 тонъ или больше. Морскіе рессурсы Англіи.

Издержки на флотъ въ наиболѣе критическій періодъ его исторіи, даже принявъ во вниманіе относительно высокую цѣну тогдашнихъ денегъ, были удивительно ничтожны. Въ годъ Армады вся сумма уплатъ равнялась только 90837 фунтовъ 2 ш. 2 д. Въ теченіе одиннадцати лѣтъ до 1588 года содержаніе флота стоило не болѣе 248,996 фунтовъ 14 ш. 9 д.; въ концѣ періода казначей свелъ балансъ съ экономіей выше 4600 фунтовъ.

Въ царствованіе Елисаветы не пробовали распредѣлять военные корабли по ихъ спеціальному приспособленію къ исполняемымъ ими обязанностямъ; но къ концу шестнадцатаго вѣка сэръ Робертъ Дудлей, обыкновенно именуемый герцогомъ Нортумберландомъ, выработалъ планъ перестройки флота на такихъ основаніяхъ, которыя въ общихъ чертахъ и были приняты черезъ долгое время послѣ его смерти. Онъ предлагалъ строить корабли семи типовъ: первый типъ—это галеонъ съ двумя пушечными деками, всего съ 80 пушками; второй — рамбарго съ однимъ вполнѣ закрытымъ декомъ, съ 58 пушками; третій—гализабра, съ 4 пушками; четвертый—фрегатъ съ 36 пушками, пятый—галера, весельное судно (весло галерное на- Предложеніе реформъ.

зывалось тогда дрекомъ) съ немногими тяжелыми пушками; шестая—галерата и седьмое—пасса воланте. Первые четыре разряда кораблей и были во времена республики приняты въ королевскомъ флотѣ. Сэръ Робертъ приказалъ построить для себя небольшой галеонъ предлагаемаго имъ типа и сдѣлать на немъ плаваніе въ Вестъ Индію въ 1594 году; но онъ не осуществилъ задуманныхъ имъ реформъ; большинство его предположеній до его смерти оставались въ стадіи теоретической разработки. Несомнѣнно, что нѣкоторые изъ послѣдующихъ строителей вдохновлялись его идеями; можно признать, что нѣкоторые изъ его плановъ были ошибочными; но все же слѣдуетъ признать, что они опередили свой вѣкъ и что всѣ они были хорошо обдуманы и построены на общихъ принципахъ морской архитектуры, поскольку они были тогда извѣстны. Несомнѣнно также, что ему принадлежитъ заслуга первой защиты постройки военныхъ кораблей, приспособленныхъ къ спеціальнымъ цѣлямъ, для которыхъ по указанію опыта военные корабли оказывались нужными. Онъ первый защищалъ идею о различныхъ свойствахъ, требуемыхъ отъ боевыхъ кораблей, отъ крейсеровъ, отъ артиллерійскихъ кораблей и отъ почтовыхъ судовъ.

Изслѣдованія.

Раймонда Бизли.

Изслѣдованія Елисаветинскаго вѣка составляютъ одну изъ главныхъ характерныхъ чертъ нашего національнаго прогресса. Они уже не были, какъ раньше, только маленькой тропинкой въ нашей исторіи, они все болѣе и болѣе становятся въ непосредственную связь съ тѣмъ развитіемъ національной жизни, которое создавало и создаетъ англійскую имперію. Въ послѣднюю половину шестнадцатаго вѣка Новый Свѣтъ, и на востокѣ и на западѣ, и по морю и по сушѣ, открылся передъ нашими соотечественниками, какъ въ началѣ этого вѣка онъ открылся передъ итальянцами и португальцами, передъ французами и испанцами; возбужденіе, надежда и страхъ, безпредѣльныя ожиданія, удивительныя подвиги, создавшіе героическій вѣкъ Колумба и Кортеса, Да Гамо и Магеллана, теперь снова переживались островитянами протестанскаго сѣвера. При Елисаветѣ англичане всецѣло вступили въ эру національнаго возрожденія, къ которой медленно и постепенно подготовлялись съ начала династіи Тюдоровъ.

Слѣдуя, какъ и въ предыдущихъ главахъ, Гаклиту и его раздѣленіямъ путешествій и открытій на разряды, мы прослѣдимъ рас-

ширеніе Англіи въ трехъ направленіяхъ—къ югу и юговостоку, къ сѣверу и сѣверо-востоку, и къ западу. При Елисаветѣ прогрессъ, совершенный во всѣхъ этихъ трехъ направленіяхъ, былъ столь значительнымъ, что онъ заслоняетъ собой всѣ прежнія попытки; развитіе было особенно поразительнымъ и новымъ въ направленіи къ западу, въ Америкѣ. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что не менѣе поразительные результаты были достигнуты въ это царствованіе и по направленію къ востоку; между 1578 и 1585 годами были сдѣланы первыя попытки къ устройству тѣхъ англійскихъ колоній, которыя впослѣдствіи сдѣлались Соединенными Штатами Америки; а хартія 1600 года, дарованная Восточно-Индійской Кампаніи, была началомъ англійской имперіи въ Индіи.

Первыя англійскія кругосвѣтныя плаванія, открытіе Нордкапа, Бѣлаго моря и царства Московіи или Россіи, открытіе Персіи, Татаріи, и Малабара для англійской торговли, громадное распространеніе англійской торговли и англійской предпріимчивости въ Средиземномъ морѣ и на африканскихъ берегахъ, въ рыбныхъ ловляхъ Ньюфаундлена и на рабскомъ рынкѣ Гвинеи, частичные успѣхи и смѣлые подвиги въ арктическихъ моряхъ, въ предпріятіяхъ для открытія сѣверовосточнаго и сѣверозападнаго проходовъ въ Китай, по своему значенію уступаютъ только началу американскихъ колоній и индѣйскихъ владѣній; все это вмѣстѣ взятое, можетъ быть лучше, чѣмъ что либо другое, кромѣ литературы того времени, уясняетъ намъ, почему Елисаветинскій вѣкъ былъ болѣе англійскимъ, чѣмъ какая либо иная эпоха. Побѣда надъ Испаніей и надъ католической реакціей, слава пораженія Армады, сами по себѣ были результатомъ развитія морского могущества націи настолько же, какъ и здоровой, чрезвычайно дѣятельной внутренней жизни народа. Въ это именно время Англія впервые узнала всю свою мощь, впервые положила основы своего могущества, какъ великая держава.

Африка

1. Первое изъ путешествій къ югу и юговостоку было путешествіе Роберта Бакера въ Гвинею въ октябрѣ 1562 года, описанное въ формѣ рифмованной хроники [1]), разсказывающей о похищеніи неграми товаровъ бѣлыхъ, о бывшей слѣдствіемъ этого отчаянной борьбѣ на какой то рѣкѣ гвинейскаго берега. При второмъ путешествіи (ноябрь 1563 г.). Бакеръ достигъ Ла Мины и слышалъ отъ туземцевъ

---

[1]) Она указываетъ, что англійскіе моряки въ то время еще не были знакомы съ тѣмъ берегомъ и съ неграми. „Долго гребли мы и наконецъ увидали рѣку... И войдя въ нее, мы увидали множество черныхъ; они по виду похожи на людей, но черные, какъ уголь. И ко мнѣ подошелъ ихъ начальникъ, голый, какъ мой палецъ; у него не было столько ума или скромности, чтобы прикрыть хоть свой хвостъ“.

о португальцахъ; но тутъ онъ былъ отрѣзанъ отъ кораблей и провелъ нѣкоторое время въ печальномъ плѣну у негровъ [1]).

Интересъ общества къ золоту и неграмъ Гвинеи не ослабѣвалъ. 11 іюля 1564 года въ домѣ сэра Вилльяма Жерарда было собраніе для отправленія кораблей къ этому берегу; успѣшность такого путешествія доказывается отчасти извѣстными реляціями о второмъ путешествіи сэра Джона Гавкинса въ 1564 году. Но успѣхъ былъ не безъ урона, такъ какъ одинъ изъ кораблей былъ взорванъ, а адмиральскій корабль «Миньонъ» былъ съ урономъ отбитъ португальцами.

Переходя къ путешествіямъ Феннера и другихъ [2]), слѣдующій изъ нашихъ источниковъ, письмо Томаса Стевенса изъ Гоа (1579), упоминаетъ объ англійскихъ пиратахъ, крейсировавшихъ близъ Мадеры и Канарскихъ острововъ и напавшихъ на португальскій корабль, на которомъ плылъ Стевенсъ; онъ описываетъ бурное море у мыса Бурь или Доброй Надежды, у «мѣста, столь извѣстнаго и котораго боятся всѣ» и говоритъ о двухъ дорогахъ въ Индію изъ Наталя: одна чрезъ Мозамбикскій проливъ, гдѣ «корабли отдыхаютъ», а другая мимо Мадагаскара (острова св. Лаврентія), когда по сезону нельзя плыть по первой дорогѣ.

Турція и Средиземное море.

Въ Средиземномъ морѣ при Елисаветѣ также, какъ при Генрихѣ VIII, торговля съ Турціей непрерывно развивалась. Въ іюнѣ 1580 года была дарована хартія привиллегій англійскимъ купцамъ въ Турціи; черезъ годъ пришлось поправлять разные безпорядки, совершенные въ Левантѣ англійскими волонтерами; въ то же время Лауренсъ Альдерсей совершаетъ путешествія въ Іерусалимъ и Триполи.

Дальнѣйшія свѣдѣнія о торговлѣ въ Средиземномъ морѣ даетъ Гаклитъ въ «Замѣткахъ о торговлѣ съ Алжиромъ и Александріей». Онъ замѣчаетъ, что въ Алжирѣ самое безопасное для христіанина пристанище въ домахъ евреевъ, потому «если ему будетъ нанесенъ какой вредъ, то еврей исправитъ его—такъ онъ заботится о христіанинѣ».

Востокъ. Юбери и Фитшъ.

Путешествія Джона Ньюбери даютъ свѣдѣнія о сношеніяхъ англичанъ не только съ Левантомъ, но и съ такими далекими землями,

---

[1]) Уже съ 1561 г. „достопочтенная кампанія Merchant Adventurers“ въ Гвинеѣ приказала старому моряку Джону Локу „узнать, какія тамъ рѣки и гавани и составить ихъ планы, и узнать, какіе товары нужны для тѣхъ мѣстъ“; но это путешествіе не состоялось.

[2]) Здѣсь мы можемъ только упомянуть о предпріятіи Джона Фокса (3 января 1577 г.) въ Александрію для освобожденія изъ турецкаго плѣна 266 христіанъ—хотя этотъ разсказъ самый блестящій и самый характерный для того времени; также интересно „посольство Эдмунда Хогана въ Морокко“ (1577); оно доказываетъ, что испанцы интриговали, чтобы помѣшать такимъ новымъ англійскимъ предпріятіямъ; оно свидѣтельствуетъ также о столкновеніяхъ англичанъ съ корсарами Берберіи и съ морокскими государями.

какъ Бенгалія. Ньюбери отплылъ 11 марта 1583 года изъ Фальмута и въ маѣ достигъ Сиріи. Главной его цѣлью была торговля и онъ призналъ превосходнымъ центромъ для торговли Алеппо, какъ онъ сообщалъ чрезъ Георга Жилля, казначея корабля «Тигръ». Но въ Вавилонѣ онъ впалъ въ уныніе по поводу своихъ коммерческихъ плановъ. За Вавилономъ его путь шелъ черезъ Бассору къ Ормузу, откуда онъ писалъ «изъ тюрьмы за то, что я будто бы привезъ письма отъ Дона Антоніо», претендента на корону Португаліи, только что завоеванной тогда Филиппомъ 11. Отправленный для суда въ Гоа къ вицекоролю, онъ былъ обвиненъ въ разныхъ преступленіяхъ и встрѣтилъ тамъ Томаса Стевенса, сдѣлавшагося теперь іезуитомъ; тотъ чрезъ посредство архіепископа добился его освобожденія и далъ ему возможность начать выгодную торговлю на Малабарскомъ берегу. Вмѣстѣ съ Ньюбери былъ освобожденъ и извѣстный Ральфъ Фитшъ, разсказавшій намъ исторію преслѣдованія ихъ итальянскими конкурентами, «ибо, какъ говоритъ онъ, итальянцы великіе наши враги въ этой торговлѣ».

Этотъ Фитшъ позднѣе появляется снова; а теперь возвратимся къ путешествіямъ на Левантъ Эвешама и Альдерсея въ 1586 году; особенно интересны ихъ разсказы о чудесахъ Египта. Эвешамъ нашелъ Александрію «старымъ, разоренным и разрушеннымъ городомъ; подъ землей своды для храненія запасовъ свѣжей воды, которая находитъ туда разъ въ годъ изъ одной изъ четырехъ Райскихъ рѣкъ, именуемой Ниломъ». Дворецъ фараона напоминаетъ ему о новой лондонской биржѣ Грешама; пирамиды одно изъ *девяти* чудесъ міра; «построены онѣ, такъ сказать, подобно заостренному ромбу и вышина ихъ, по нашему мнѣнію, вдвое превосходитъ вышину колокольни св. Павла»; въ Каиро есть большой складъ товаровъ изъ восточной Индіи. Альдерсей, разсказавъ о размѣрахъ обелиска и о «Помпеевскомъ Столбѣ», разсуждаетъ о домѣ Іосифа, «роскошномъ зданіи, еще существующемъ, гдѣ есть площадь съ пятидесятью шестью огромными столбами, позолоченными»; онъ съ точностью очевидца указываетъ ширину и вышину пирамидъ; «каждая изъ сторонъ ихъ такой длины, на какую летитъ стрѣла изъ лука, а вышины въ церковь».

Англійскимъ купцамъ приходилось бороться за свое положеніе въ Средиземномъ морѣ; по мѣрѣ того, какъ пиратская борьба испанскихъ и англійскихъ моряковъ переходила въ открытую и законную войну между двумѣ народами, проходъ чрезъ Гибралтарскій проливъ становился *все болѣе и болѣе опаснымъ* [1]).

---

[1]) Такъ въ 1586 г. мы имѣемъ „вѣрный отчетъ о почтенной битвѣ, продолжавшейся пять часовъ, при путешествіи изъ Турціи пяти лондонскихъ кораблей противъ одиннадцати испанскихъ галеръ и двухъ фрега-

Путешествіе Джона Ельдреда.

Путешествіе Джона Ельдреда въ Вавилонъ и Бассору снова возвращаетъ насъ къ Джону Ньюбери и Ральфу Фитшу. Отправившись вмѣстѣ съ ними изъ Лондона въ понедѣльникъ на масляницѣ, Ельдредъ разстался съ ними въ Сиріи (1 мая 1583 года) и торговалъ нѣкоторое время въ Триполи, въ городѣ, величиной съ Бристоль, гдѣ всѣ англичане должны были жить въ одномъ домѣ съ ихъ консуломъ; «таковъ обычай всѣхъ другихъ христіанъ разныхъ націй». Изъ Триполи Ельдредъ 21 мая 1583 года отправился чрезъ Ливанъ въ Алеппо и оттуда 31 мая по Евфрату въ Биррахъ. Послѣ мѣсячнаго путешествія онъ снова высадился на землю и переѣхалъ чрезъ пустыню въ Новый Вавилонъ. Путешествіе по мелководью было совершенно въ плоскодонныхъ лодкахъ.

Въ пустынѣ путешественникъ видѣлъ развалины древняго города «съ старой вавилонской башней, вышиной какъ колокольня Павла въ Лондонѣ». Новый Вавилонъ на Тигрѣ очень торговое мѣсто, транзитное изъ восточной Индіи въ Алеппо; туда провіантъ доставляется изъ Мосула, въ старое время называвшагося Ниневіей, и его привозятъ на плотахъ, поддерживаемыхъ надутыми козлиными кожами. Въ 1584 году Ельдредъ былъ въ Бассорѣ, построенномъ изъ обожженныхъ на солнцѣ кирпичей и имѣющемъ хорошій портъ, куда ежемѣсячно приходятъ корабли изъ Ормуза съ индѣйскими товарами и «эти корабли сшиты канатами, сдѣланными изъ коры финиковой пальмы и на нихъ нѣтъ ни куска желѣза, кромѣ якорей».

Здѣсь Ельдредъ услыхалъ объ арестѣ Ньюбери, и кончивъ свои дѣла въ Бассорѣ, плылъ по рѣкѣ въ Вавилонъ сорокъ четыре дня и оттуда отправился сухимъ путемъ обратно въ Алеппо съ караваномъ изъ четырехъ тысячъ верблюдовъ и на пути отмѣтилъ «источники смолы» или нефти близь Евфрата [1]).

Онъ вернулся въ Англію въ началѣ года Армады, а Ральфъ Фитшъ, оставившій Лондонъ вмѣстѣ съ нимъ въ 1583 году, появился дома только въ 1591 году. Онъ сопровождалъ Ньюбери изъ Алеппо въ Ормузъ и оттуда въ Гоа, но зашелъ дальше его и былъ однимъ изъ первыхъ англичанъ, посѣтившихъ для торговыхъ или иныхъ цѣлей Бенгалію, Малакку и весь берегъ восточной Индіи. Его разсказъ, имѣющій не малую цѣнность въ связи съ великимъ движеніемъ от-

---

товъ, при Панталеріи, въ проливахъ". Англійскіе корабли, хотя и отправленые только для торговаго плаванія, вооружались; ихъ успѣхъ на близкихъ моряхъ былъ поводомъ къ болѣе отдаленнымъ плаваніямъ на далекій западъ.

[1]) Послѣ своего перваго возвращенія изъ Персидскаго залива Ельдредъ не только совершилъ два новыхъ путешествія въ Вавилонъ, но желая видѣть страну, былъ въ Антіохіи, Іоппѣ, Іерусалимѣ и на Мертвомъ морѣ— „объ этихъ мѣстахъ я не пишу, такъ какъ другіе издали обширныя описанія".

крытій и содержащій нѣкоторыя изъ самыхъ раннихъ самостоятельныхъ замѣтокъ о дальнемъ востокѣ, отличается живой наблюдательностью и не лишенъ нѣкотораго юмора [1]).

Достигнувъ Ормуза по персидскому заливу на кораблѣ, сдѣланномъ изъ досокъ, «сшитыхъ нитками изъ волоконъ кокосоваго дерева», Фитшъ разсказываетъ объ этой большой португальской факторіи, что «это самый сухой островъ въ мірѣ и тамъ ничего не растетъ, кромѣ соли».

По дорогѣ къ Гоа онъ отмѣчаетъ Діу, близь теперешняго Бомбея, въ то время «самый крѣпкій городъ изъ всѣхъ, которые португальцы имѣютъ въ этихъ мѣстахъ» и проѣхавъ Chaul, онъ съ большимъ удивленіемъ повѣствуетъ о странныхъ обычаяхъ туземцевъ, о почитаніи коровы, о боязни убить живое существо, объ обычаѣ самосожженія вдовъ, о сожиганіи мертвыхъ.

Въ Гоа, главнѣйшемъ городѣ португальцевъ въ Индіи, Фитшъ нашелъ свое положеніе, несмотря на услуги іезуита Стефенса, столь опаснымъ, что онъ рѣшился «лучше искать свободы, чѣмъ навсегда быть рабомъ» и потому 5 апрѣля 1585 года направился въ самую глубь Декана и прошелъ чрезъ Голконду, гдѣ «бриллianты старой воды» (Diamonds of Old Water), въ Агру и ко двору «Великаго Могула» въ Футтехпурѣ. Оба эти города онъ считаетъ гораздо болѣе обширными, чѣмъ Лондонъ; они возбудили въ немъ желаніе видѣть больше, и въ то время, какъ Ньюбери отправился въ Лагоръ, намѣреваясь оттуда пройти въ Персію, онъ съ радостью повиновался приказанію своего начальника посѣтить Бенгалію и Пегу и поплылъ по Жумнѣ и Гангу до устья Гугли. Фитшъ разсказываетъ, что въ Бенгальскомъ заливѣ видѣлъ множество купцовъ изъ Китая и Татаріи; послѣдніе «одѣты въ шерстяныя платья и шапки, бѣлые штаны и московскіе или татарскіе сапоги».

Въ Пегу онъ видѣлъ озерныя жилища, паланкины, дома построенные на столбахъ, хижины—лодки и бѣлыхъ слоновъ туземцевъ и ихъ царя. Проѣхавъ внутрь страны, Фитшъ встрѣтилъ другое стеченіе китайскихъ купцовъ; но онъ не вступилъ въ предѣлы Небесной имперіи, хотя и былъ такъ близко отъ нея. Направившись къ югу въ Малакко, онъ видѣлъ тамъ знаменитый фортъ, построенный въ 1512—13 году Альбукеркомъ, и отмѣчаетъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ гро-

---

[1]) Онъ разсказываетъ объ арабскихъ ворахъ на Евфратѣ: противъ нихъ „хорошо имѣть пушку, ибо они очень ее боятся“. Онъ отъ души презираетъ индѣйскихъ браминовъ, „хитрыхъ людей—хуже евреевъ“; нѣкоторые изъ ихъ идоловъ „похожи на звѣрей, другіе на людей, а третьи на дьяволовъ“; еще болѣе ненавистны ему факиры, „болтливые лицемѣры и притворщики“,—ихъ много въ Индіи. Одного такого онъ видѣлъ „на лошади на рынкѣ“, и онъ дѣлалъ видъ, что спитъ, и народъ „принялъ его за важную особу, а онъ былъ просто лѣнивый бродяга“.

мадную энергію и большіе расходы португальцовъ на поддержаніе ихъ индѣйской торговли и ихъ индѣйскихъ владѣній.

29 марта 1588 года Фитшъ возвратился изъ Малакки и медленно двинулся сначала въ Пегу и Бенгалію, потомъ въ Цейлонъ, гдѣ онъ, повидимому, видѣлъ португальскій фортъ въ Коломбо, и въ Малабаръ, гдѣ по его разсказу «растетъ перецъ» и гдѣ Наиры или «военная каста Калькуты» всегда ведутъ войны съ португальцами. Оттуда онъ отправился чрезъ Ормузъ, Евфратъ и Алеппо, сдѣлалъ спеціальное путешествіе, чтобы посѣтить Мосулъ близъ Ниневіи, «раззоренной и разрушенной», и послѣ восьми лѣтняго отсутствія, 29 апрѣля 1591 года, вернулся въ Англію.

Плаванія вокругъ мыса Доброй Надежды.

Послѣднее изъ путешествій къ югу и юговостоку [1]), которое нужно отмѣтить здѣсь — это путешествіе Раймунда и Ланкастера вокругъ мыса Доброй Надежды въ 1591 году; мы можемъ упомянуть также о морскихъ экспедиціяхъ къ африканскому берегу и «къ южнымъ частямъ свѣта за проливами», особенно въ 1589, 1590 и 1591 годахъ, когда произошелъ героическій эпизодъ послѣдней битвы Ричарда Гренвилля на «Реваншѣ» («Мщеніи»).

Ральфъ Фитшъ пріобрѣлъ извѣстность, главнымъ образомъ, сухопутными путешествіями; путешествія же Раймунда и Ланкастера были морскими. Оставивъ Плимутъ 10 апрѣля 1591 года, они, подобно Кабралю въ 1500 году, направились прямо къ западу, къ Бразиліи, чтобы избѣжать теченій отъ африканскихъ береговъ; съ нѣкоторыми затрудненіями, встрѣтивъ «черныхъ дикарей, очень скотскихъ, не хотѣвшихъ остановиться», обогнули мысъ Доброй Надежды, чуть чуть не потерпѣли крушенія на меляхъ у Мадагаскара, но были спасены благодаря свѣтлой лунной ночи.

Проплывъ мимо мавританскихъ поселеній на восточномъ африканскомъ берегу, англичане нашли пристанище въ Занзибарѣ, несмотря на «измѣнническое, фальшивое и презрѣнное» отношеніе португальцевъ и оттуда направились «къ восточной Индіи, къ мысу Коморинъ», «мысу Малабарскаго материка», намѣреваясь стать здѣсь и ожидать кораблей изъ Цейлона, Бенгаліи, Малакки, Китая и Японіи—«сіи корабли чрезвычайно богаты». Въ маѣ 1592 года они достигли мыса. 1 іюня они были близъ Суматры, когда ихъ захватила зима «съ очень

[1]) Въ коллекціи Гаклита разсказывается о многихъ путешествіяхъ, имѣвшихъ интересъ, но о которыхъ мы не говоримъ здѣсь по недостатку мѣста. Ср. разсказы о путешествіяхъ Вилльяма Гудди въ 1583 г., Джемса Вельша въ 1590, Райнольда и Даніэля въ 1591, Бурроуфа въ томъ же году, и флота графа Кумберланда въ 1594 г.—всѣ по западному берегу Африки. Также путешествія въ Левантъ Генриха Аустелла въ 1586 г., Ричарда Врага въ 1595 г. съ ихъ яркими описаніями Стамбула, „лучшаго изъ всѣхъ городовъ Европы“, патенты 1588 г. о гвинейской торговлѣ, 1585 года о торговлѣ съ Берберіей, посольство Генриха Робертса и послѣдующіе эдикты и документы, въ Морокко, въ томъ же 1585 году.

бурной погодой» и они должны были оставаться тутъ до конца августа. Потомъ, направившись къ Малаккѣ, они взяли богатый галеонъ, нагруженный, между прочимъ, поддѣльными камнями изъ Венеціи, которые «обманомъ продавали грубымъ индѣйцамъ».

Вернувшись къ Цейлону, Ланкастеръ былъ вынужденъ экипажемъ воспользоваться теченіемъ, которое «отнесло бы ихъ къ югу отъ всѣхъ извѣстныхъ земель» и направиться прямо къ Англіи, мимо мыса Доброй Надежды. Продолжительное безвѣтріе близъ экватора помѣшало быстрому возвращенію. Чтобы избѣжать бѣдствія такой остановки въ плаваніи, Ланкастеръ двинулся къ западу, «къ американской Индіи» и только 24 мая 1594 года онъ высадился въ Рай въ Суссексѣ, привезя извѣстія отъ захваченныхъ имъ португальцевъ, что недавно открытъ берегъ Китая до 59% широты и что къ сѣверу оттуда море еще открытое, что подаетъ большія надежды на открытіе сѣверовосточнаго и сѣверозападнаго проходовъ.

Единственное изъ другихъ югоатлантическихъ или западно африканскихъ плаваній того времени, заслуживающее воспоминанія, это плаваніе, въ которомъ Ричардъ Гренвиль далъ свой послѣдній бой и исторію котораго описалъ Вальтеръ Ралейгъ. Всѣ остальныя плаванія имѣютъ и интересъ или чисто коммерческій, или чисто военный; но битва на Реваншѣ у Азорскихъ острововъ, столь извѣстная по знаменитой балладѣ Теннисона, есть одинъ изъ самыхъ блестящихъ подвиговъ англичанъ въ вѣкъ Елисаветы.

Важнымъ и прочнымъ результатомъ этихъ подвиговъ смѣлости и предпріимчивости, какъ на сушѣ, такъ и на морскихъ путяхъ къ востоку и юговостоку, была ассоціація для торговли съ Индіей, составившаяся въ Лондонѣ въ 1599 году и получившая, подъ названіемъ Восточно-индѣйской Кампаніи[1]), хартію отъ королевы Елисаветы въ 1600 году; она, навѣрное, до извѣстной степени была вызвана успѣхами голландцевъ въ послѣдніе годы столѣтія. Если голландцы съумѣли

---

[1]) Для индѣйской Кампаніи было собрано по подпискѣ 30.000 ф. въ 1599 году, т. е. черезъ четыре года послѣ того, какъ голландцы въ 1595 г. отправили первый флотъ къ островамъ пряностей. Колебанія королевы даровать грамоты на земли и на торговлю, на которыя, какъ на свою монополію, имѣли притязанія испанцы и португальцы, были устранены указаніемъ на страны на востокѣ, на которыя не могли претендовать испанцы. Развѣ они могутъ помѣшать англичанамъ „пользоваться обширнымъ, безконечнымъ широкимъ океаномъ?“ Хартія Компаніи 1600 г. была на 15 лѣтъ. Она разрѣшала Кампаніи торговать во всѣхъ мѣстахъ Индіи, не занятыхъ другими христіанскими націями, покупать земли для факторій, составлять торговые законы и т. д. Первый флотъ Кампаніи былъ отправленъ въ 1601 г., подъ начальствомъ сэра Джемса Ланкастера, командира единственнаго уцѣлѣвшаго корабля 1591 г. Онъ заключилъ договоръ съ царемъ Ашима на Суматрѣ, получилъ разрѣшеніе построить факторіи на островѣ, и въ союзѣ съ голланцами напалъ на португальцевъ.

разрушить исключительную власть испанцевъ и португальцевъ въ восточной Индіи, то и англичане могли надѣяться съ успѣхомъ слѣдовать ихъ примѣру; героическій вѣкъ англійскихъ изслѣдованій, вѣкъ Елисаветы не закончился, пока не были сдѣланы первые шаги къ созданію той послѣдней и величайшей имперіи въ индѣйскихъ моряхъ, предвѣстниками созданія которой были путешествія Ньюбери и Ральфа Фитша, Дрэка и Кавендиша, Ланкастера и несчастныхъ авантюристовъ 1596 года.

Путешествія Дженкинсона по Средней Азіи.

2. Мы уже видѣли, что начало путешествіямъ къ сѣверу и сѣверовостоку было положено при Эдуардѣ VI, мы прослѣдили развитіе этаго движенія при Тюдорахъ до конца царствованія Маріи. Мы оставили въ нашемъ повѣствованіи Антонія Дженкинсона на его путешествіи изъ Москвы въ Бухару въ Бактріи, на берегахъ Оксуса. Онъ, не зная, что въ Англіи вступила на престолъ новая королева, продолжалъ идти къ татарской столицѣ и прибылъ туда 23 декабря 1558 года, послѣ стычки съ кочевыми разбойниками.

Онъ разсказываетъ, что въ Бухарѣ третья часть города занята купцами и рынками, ибо «здѣсь каждогодно бываетъ большой съѣздъ купцовъ, путешествующихъ караванами изъ сосѣднихъ странъ, изъ Индіи, Персіи, Балка и Россіи». Въ прежнее время, прибавляетъ Дженкинсонъ, Бухара торговала съ Китаемъ, но теперь эта торговля ничтожна. Потомъ онъ описываетъ большія торговыя дороги, перекрещивающія Бактрію и товары, ввозимые и вывозимые въ Китай, Индію, Персію и Россію. Онъ съ огорченіемъ нашелъ, что золото, брилліанты и прянности юга идутъ къ океану и что мѣста, «откуда добываются эти вещи, въ подчиненіи у португальцевъ». Китайская торговля тоже не оживленная, такъ какъ караваны изъ Китая подвергаются опасности отъ пограничныхъ войнъ, а «когда путь и свободенъ, то ходу туда девять мѣсяцевъ».

Оставивъ, такимъ образомъ, свое намѣреніе достигнуть крайняго востока, Дженкинсонъ попытался пойти къ югу, въ Персію; но онъ былъ вынужденъ вернуться и въ обществѣ пословъ отъ султана Бактріи къ царю Ивану Грозному онъ 23 апрѣля 2559 года достигъ Каспійскаго моря, послѣ болѣе чѣмъ шестимѣсячнаго путешествія по степямъ. Тамъ онъ нашелъ барку, на которой прибылъ, но безъ якоря, канатовъ и парусовъ. Но «мы привезли съ собой конопляю и свили сами канаты и сдѣлали остальную оснастку, а паруса сдѣлали изъ бумажной матеріи». Въ то время, какъ они придумывали, какъ сдѣлать якорь изъ деревяннаго колеса, изъ Астрахани пришла лодка съ двумя якорями и тогда съ сказанными шестью посланниками и двадцатью пятью русскими, которые были долго рабами въ Татаріи, смѣлые англичане поплыли по бурному внутреннему морю[1]).

---

[1]) Онъ потерялъ якорь во время бури, но снова нашелъ его съ помощью

Прибывъ 28 мая послѣ пятнадцатидневнаго плаванія въ Астрахань, путешественники оставались тамъ до 10 іюня, приготовляя лодки, чтобы идти вверхъ по Волгѣ. Попытка Дженкинсона завести въ это время небольшую торговлю неудалась и, кажется, онъ совершенно отчаялся въ возможности сухопутной торговли съ Персіей. Онъ во всякомъ случаѣ полагалъ, что этотъ каспійскій путь безнадеженъ. 10 іюня 1559 года подъ экскортомъ отъ царя онъ отплылъ въ Москву съ порученной ему кампаніей, и 4 сентября онъ явился къ Ивану. Почтенная борода Дженкинсона, которой по позднѣйшимъ сказаніямъ, онъ могъ обернуть себя три раза, очень порадовала царя; говорятъ, что онъ прикладывался къ ней, точно къ мощамъ. Какъ бы то ни было, милостивое отношеніе царя къ лондонскому купцу было главной опорой союза двухъ дворовъ и странъ.

Вернувшись въ Англію для доклада о своихъ открытіяхъ кампаніи, которой онъ служилъ—Merchant Adventurers, торгующихъ въ Россіи—Дженкинсонъ 14 мая 1561 года снова отправился на востокъ съ письмами отъ королевы къ Ивану Грозному и къ персидскому шаху (Grand Sophie); ему былъ также данъ мемуаръ (памятка) отъ Кампаніи относительно нѣкоторыхъ новыхъ изслѣдованій, какъ то сѣверовосточнаго прохода, въ виду дальнѣйшаго развитія торговли.

Прибывъ въ Москву 20 августа и милостиво принятый царемъ, онъ 27 апрѣля 1562 года отправился въ Персію по «великой рѣкѣ Волгѣ», проплылъ Каспійское море, 4 августа прибылъ въ Дербентъ и вскорѣ вступилъ въ Гирканію и Персію, пройдя по дорогѣ мимо мифической «стѣны Гога Магога» Александра; оттуда онъ черезъ Таврисъ (Табрицъ) былъ отправленъ ко двору шаха въ Касбенъ. Дженкинсонъ встрѣтилъ здѣсь соперничество турокъ и веніціанъ и былъ принятъ дурно; его назвали невѣрнымъ [1]) и жизнь его подвергалась опасности. Но царь Гирканіи продолжалъ относиться къ нему дружественно и 20 марта 1563 года онъ былъ отпущенъ безъ вреда и отправился назадъ къ Каспійскому морю, пользуясь по пути всяческими случаями, чтобы открыть Англіи торговлю въ Георгіи. Онъ торговалъ настолько же для царя, сколько и для своей Кампаніи и

компаса—„чему татары очень дивились“. „И замѣтьте (говорится въ разсказѣ), что во время нашего плаванія мы выставили, какъ флагъ, красный крестъ св. Георга, въ честь христіанъ, чего раньше, я думаю, не бывало на Каспійскомъ морѣ“. Дженкинсонъ очень подробно описываетъ Каспійское море, отмѣчаетъ, что „оно не имѣетъ выхода въ другое море“, ибо „не сбѣгаетъ, развѣ подъ землей“; даетъ списокъ пограничныхъ націй и впадающихъ въ море большихъ рѣкъ, изъ которыхъ главная Волга, истокъ которой „близъ Новгорода“ и съ удивленіемъ разсказываетъ о ея длинѣ, „больше 2000 англійскихъ миль“.

[1]) Они считаютъ невѣрными всѣхъ, которые не вѣрятъ въ ихъ ложныхъ, грязныхъ пророковъ, „Магомета и Муртезалли“ (т. е. Али, святого шіитовъ).

при возвращеніи въ Москву 20 августа 1563 года получилъ отъ царя въ награду новую «привиллегію» для своихъ соотечественниковъ, столь же важную, какъ и полученныя имъ грамоты отъ царя Гирканіи; 28 сентября 1564 года онъ былъ уже въ Лондонѣ и не возвращался въ Россію до лѣта 1566 года—отчасти причиной этого были, можетъ быть, «большія и крайнія опасности потерять корабли, товары и жизнь».

Дженкинсонъ былъ, вѣроятно, величайшимъ изъ всѣхъ сухопутныхъ путешественниковъ въ вѣкѣ Елисаветы; во всякомъ случаѣ онъ, безспорно, былъ руководителемъ англійскихъ предпріятій въ Россіи и на сѣверо-востокѣ; послѣдующіе разсказы его слугъ и послѣдователей въ московской, персидской и татарской торговлѣ могутъ считаться продолженіемъ его разсказовъ, прибавлявшими къ нимъ только неважныя подробности. Никто не заходилъ такъ далеко въ средней Азіи; никто не имѣлъ столько опытности и не проявлялъ такой энергіи мысли и воли въ этомъ направленіи [1]).

Третье путешествіе Дженкинсона (1566 — 67) имѣетъ интересъ главнымъ образомъ дипломатическій; главнымъ результатомъ его были новыя торговыя «привиллегіи», дарованныя Иваномъ 22 сентября 1567 года; оно связано съ актомъ 1566 года объ открытіи новой торговли, гдѣ прямо упоминается о Медіи, Персіи, Арменіи, Гирканіи и Каспійскомъ морѣ, какъ о мѣстностяхъ, на которыя распространяется монополія Московской Кампаніи.

Точно также посольство къ царю Томаса Рандольфа въ 1568 году имѣло отношеніе къ новымъ торговымъ привиллегіямъ, самая интересная статья которыхъ объявляетъ, что «если Кампанія отправитъ экспедицію для открытія Китая, она имѣетъ право прибыть въ эту страну (Россію) и получить столько проводниковъ, кораблей, людей и припасовъ, сколько ей будетъ нужно». Что въ то время приготовлялась подобная попытка—это мы знаемъ изъ порученія, даннаго Рандольфомъ въ 1568 году тремъ лицамъ: Джемсу Бассардину, Джемсу Вудкоку, и Ричарду Броуну для путешествія и изслѣдованія на морѣ отъ рѣки Печоры къ востоку — но до 1580 года не было сдѣлано серьезныхъ попытокъ осуществить этотъ планъ.

---

[1]) Такъ путешествіе въ Персію Томаса Алькока, убитаго тамъ, и Ричарда Шейни, продолжавшаго его дѣло (1563 — 64), есть только версія послѣдняго путешествія Дженкинсона. Оно уясняетъ намъ только одно обстоятельство — „порочную жизнь“ нѣкоторыхъ англійскихъ купцовъ, благодаря которой „ихъ считаютъ хуже русскихъ“. Путешествія и письма Артура Эдвардса и Ричарда Джонсона свидѣтельствуютъ о медленномъ, но непрерывномъ распространеніи англійской торговли въ Персіи и объ увеличеніи свѣдѣній объ азіатскихъ торговыхъ путяхъ, — но не даютъ намъ ничего больше. Любопытный отчетъ Соутама и Спарка объ ихъ плаваніи по рѣкамъ Россіи отъ Холмогоръ до Новгорода съ лоцманомъ, „не изъ совершеннѣйшихъ“ (1566) можетъ быть нами только указанъ.

Слѣдующая группа документовъ коллекціи Гаклита относится къ четвертому путешествію въ Персію, Артура Эдвардса; тамъ указывается на практическія трудности такихъ путешествій [1]), такъ какъ указы шаха настолько же недѣйствительны, какъ вѣтеръ въ полѣ.

Въ 1571—72 году мы снова встрѣчаемъ Антонія Дженкинсона, возстановившаго согласіе между Англіей и Россіей, добившагося освобожденія англійскихъ купцовъ, оскорбившихъ царя, и возобновленія старыхъ торговыхъ привиллегій. Дженкинсонъ призналъ, что единственной причиной разрыва было дурное поведеніе агентовъ Кампаніи.

Это уже въ послѣдній разъ Дженкинсонъ появляется въ исторіи англійскихъ изслѣдованій и Гаклитъ приложилъ списокъ странъ, посѣщенныхъ имъ со времени его перваго путешествія, съ 2 октября 1546 года, по смерти Генриха VIII. Онъ прошелъ всѣ западныя страны Европы; онъ былъ въ Левантскихъ водахъ и на всѣхъ главныхъ островахъ этихъ морей, во многихъ частяхъ Греціи; прошелъ по всей Сиріи, былъ въ сѣверной Африкѣ, въ Норвегіи, Лапландіи, въ арктическомъ океанѣ — а кромѣ того ни одинъ изъ тогдашнихъ европейцевъ не обладалъ такими личными знаніями о Россіи, сѣверной Персіи и Туркестанѣ.

Сѣверо-восточный проходъ.

Въ 1580 году снова начинаются серьезныя попытки найти сѣверовосточный проходъ; эти попытки были сдѣланы Артуромъ Петомъ и Карломъ Жакманомъ, которые, отплывъ 30 мая и держась постоянно широты 70°/₀, прошли между Новой Землей и материкомъ, прошли мимо острова Вайгача и тутъ остановились. «Вѣтра было сколько угодно, но льду и тумановъ черезъ чуръ много — такъ было угодно Господу Богу». Результатомъ путешествія было разочарованіе. Какъ относительно сѣверовосточнаго, такъ и относительно сѣверозападнаго проходовъ, довѣріе и надежды книжныхъ географовъ были обратно прапорціональны практическимъ шансамъ успѣха и даже дѣйствительнымъ открытіямъ въ этомъ направленіи.

Послѣ смерти Ивана Грознаго (1584) англійскіе торговцы и путешественники въ Россіи сдѣлались подозрительными; голландцы начали угрожать монополіи англичанъ и несмотря на посольства сэра Жерома Боуэса, Жерома Горсея, Жильса Флетчера, московское

---

[1]) Въ то время секретарь Рандольфа, Георгъ Турбервиль, горько жаловался въ письмахъ домой на русскую зиму и на народъ:

„Дикіе ирландцы по своему также цивилизованы, какъ и русскіе: Трудно сказать, которые лучше — и тѣ и другіе кровожадны, грубы и слѣпы“.

Его обычный совѣтъ друзьямъ: „оставайтесь дома и не желайте видѣть эти варварскіе берега“.

государство на много лѣтъ перестало быть дорогой англичанъ къ дальнему востоку и главнымъ полемъ англійской торговли [1]).

Путешествія къ западу.

3. Относительно путешествій къ западу, къ Америкѣ матеріаломъ служатъ большая коллекція Гаклита и нѣкоторые другіе свидѣтельства и, конечно, въ этомъ именно направленіи мы должны искать наиболѣе выдающихся подвиговъ изслѣдованія и начатковъ англійской колонизаціи въ вѣкъ Елисаветы.

Гавкинсъ.

Прежде всего мы имѣемъ рядъ торговыхъ предпріятій, вродѣ путешествій Джона Гавкинса въ 1562 и 1564 годахъ и Рожера Боденгама въ 1564 году. Третье несчастное путешествіе Гавкинса 1567 года — это исторія попытки заставить испанскія колоніи въ Вестъ-Индіи вести съ нимъ торговлю неграми, вопреки воспрещенію короля Филиппа; веселому и дерзкому англійскому капитану на этотъ разъ далеко не такъ удачно, какъ въ первыя его путешествія, сошла его попытка «принудить къ дружественной торговлѣ». Тѣмъ не менѣе, не смотря на неудачу въ своей торговлѣ неграми, онъ обошелъ берегъ Флориды, отмѣтилъ и очень живо описалъ «рыдающихъ крокодиловъ» Ріо де ла Гаха и вывелъ заключеніе, что для населенія новыхъ странъ необходимы «рабочіе, а не лѣнтяи» и наблюдалъ «тайну табака и его силу». Онъ разсказывалъ, что во Флоридѣ не только много золота и серебра, но и много носороговъ, Для населенія и колонизаціи этой страны необходима «власть могущественнаго государя»; одно скотоводство, даже не считая драгоцѣнныхъ металловъ, дастъ большіе барыши.

Гаклитъ на основаніи англійскихъ и испанскихъ разсказовъ сообщаетъ о двухъ непосредственно за путешествіемъ Гавкинса слѣдовавшихъ знаменитыхъ экспедиціяхъ въ центральную Америку — о первомъ плаваніи Френсиса Дрэка къ Номбре де Діосъ въ 1572 году, и о послѣднемъ путешествіи Джона Оксенгама чрезъ Даріенскій перешеекъ въ 1575 году.

Дрэкъ.

Нападеніе Дрэка по показанію испанцевъ было отражено, но онъ захватилъ добычу нагруженныхъ золотомъ муловъ на пути изъ Панамы; онъ сжегъ «Домъ Крестовъ» и уничтожилъ этимъ пожаромъ товаровъ на двѣсти тысячъ дукатовъ. [2])

Оксенгамъ.

Оксенгамъ, потерпѣвшій ту судьбу, которой неизбѣжно подвергся бы Дрэкъ, если бы онъ былъ взятъ испанцами, попалъ въ руки испанцевъ, пробуя «сдѣлать то, что раньше не пробовалъ ни одинъ человѣкъ». Спрятавъ свой корабль подъ вѣтками въ небольшой

---

[1]) Сочиненія Горсея и Флетчера (Russ Commonwealth) — это послѣднія изъ свидѣтельствъ изслѣдованій вѣка Елисаветы.

[2]) Такое пиратство продолжалось несмотря на миръ между двумя государствами; испанцы признавали Дрэка и большинство другихъ авантюристовъ того времени простыми пиратами.

пещерѣ на берегу перешейка, онъ прошелъ около двѣнадцати лье внутрь страны и дошелъ до водораздѣла рѣки, впадавшей въ Тихій океанъ. Тамъ онъ сдѣлалъ катеръ въ 45 футовъ длины для переправы и поплылъ въ «испанское» или «южное» море, въ которое не входилъ раньше ни одинъ англичанинъ. Здѣсь онъ добылъ себѣ грабежомъ большую добычу, но на обратномъ пути его преслѣдовали; открыли его дорогу «по куринымъ перьямъ», плывшимъ по рѣкѣ отъ его катера. Онъ и большая часть его людей были взяты и, какъ пираты, были казнены въ Лимѣ, а король Филиппъ, испуганный смѣлостью англійскихъ буканнеровъ, «построилъ галеры для охраны морей».

Во всемъ этомъ энергичномъ стремленіи къ западу естественно не малую роль играли абстрактныя разсужденія. Раньше, чѣмъ Мартинъ Фробишеръ возобновилъ попытки Кабота отыскать сѣверозападный проходъ, горячо обсуждали возможность осуществленія этаго плана; теперь возбудился національный интересъ къ нему, какого еще не было раньше, когда ученые люди при первыхъ Тюдорахъ въ первый разъ выставили этотъ проектъ.

Такъ, напримѣръ, Гумфри Жильбертъ писалъ разсужденіе для доказательства возможности найти сѣверозападный проходъ къ Китаю и восточной Индіи; на основаніи авторитетовъ и опыта онъ доказывалъ, что такой проходъ существуетъ и что онъ даже и открытъ. Авторъ повторяетъ аргументы, высказанные Антоніемъ Дженкинсономъ относительно сѣверовосточнаго прохода, и возражаетъ на нихъ аргументами въ пользу менѣе извѣданнаго и потому подающаго большія надежды сѣверозападнаго прохода [1]).

Отъ этихъ теорій мы переходимъ къ наиболѣе важнымъ изъ попытокъ, служившихъ опорой этихъ разсужденій. Три путешествія Мартина Фробишера въ 1576, 1577 и 1578 годахъ для отысканія сѣверозападнаго прохода не достигли своей цѣли, но имѣли слѣдствіемъ увеличеніе свѣдѣній о берегахъ Лабрадора, Гренландіи, и арктическихъ береговъ Америки. Онъ отплылъ изъ Гринвича 13 іюня 1576 года; 28 іюля онъ увидѣлъ землю, «предполагая, что это Лаб- Фробишеръ.

[1]) Ричардъ Уилксъ отстаивалъ ту же мысль. Во всякомъ случаѣ планы найти сѣверные проходы считались теперь столько же осуществимыми, какъ сто лѣтъ тому назадъ планы найти южные проходы. Въ виду успѣховъ Діаца и Да Гамы, Колумба и Магеллана въ недавнемъ прошломъ планы Виллогби, Кабота, Жильберта и Дженкинсона не казались невозможными. Хотя эти планы и не осуществились, они имѣли слѣдствіемъ многія случайныя выгоды, напр. торговлю съ Россіей, рыболовство на Ньюфаундленѣ, и англійскія открытія на сѣверозападѣ и сѣверовостокѣ. Даже основаніе американскихъ колоній имѣло связь съ этими попытками найти сѣверозападный проходъ. Нѣкоторые считали Виргинію удобной станціей на пути къ Лабрадору и проливу Фробишера.

радоръ—и у нея много льда», адмиралъ назвалъ ее Meta Incognita— и плылъ вдоль ея береговъ до 26 августа; 19-го онъ видѣлъ на берегу людей — эскимосовъ далекаго сѣвера Америки и Гренландіи. Вслѣдствіе довѣрія къ туземцамъ пятеро изъ англичанъ попались въ плѣнъ и всѣ усилія освободить ихъ оказались напрасными. Точно также надежда найти проходъ не осуществилась.

Въ слѣдующемъ году (31 мая 1577 г.) Фробишеръ снова отправился на большомъ кораблѣ для дальнѣйшаго открытія пути въ Китай. 4 іюля онъ увидалъ берегъ близъ того мѣста, гдѣ онъ въ прошломъ году увидалъ землю, гористый и загороженный льдомъ и снѣгомъ; пройдя проливъ, названный его именемъ, и все время ища слѣдовъ золота, онъ взялъ страну во владѣніе (20 іюля 1577 г.) и нагрузилъ корабль камнями и пескомъ, предполагая въ нихъ содержаніе золотой руды. Онъ и его экипажъ ожидали большихъ барышей изъ «нѣдръ сѣверныхъ параллелей, о какихъ людямъ и не снилось раньше». Туземцы оказались совершенно безнадежными, и 23 августа, когда масса льдовъ казалась непроходимой, Фробишеръ поплылъ обратно къ Англіи съ грузомъ, который, какъ онъ надѣялся, долженъ былъ вознаградить его, но который, по замѣчанію Гаклита только еще разъ доказалъ, что «не все то золото, что блеститъ».

Третье путешествіе было болѣе выдержанной и серьезной, хотя и не болѣе удачной, попыткой. Фробишеръ въ первый разъ, въ 1576 году, отправился съ двумя небольшими барками въ двадцать пять и двадцать тонъ; теперь же, въ 1578 году, въ надеждѣ на огромную добычу золотой руды Meta Incognita, онъ приготовилъ флотъ изъ пятнадцати судовъ. Сама королева взяла долю въ расходахъ; сыновья многихъ дворянъ отправились волонтерами; собрано было 100 человѣкъ на трехъ корабляхъ спеціально для основанія колоніи; двѣнадцать кораблей должны были забрать грузъ руды и сразу вернуться домой. Первая англійская мечта объ Эль Дорадо для англійской націи помѣстила это Эль Дорадо на сѣверѣ Лабрадора.

20 іюня 1578 года Фробишеръ увидалъ высокую и утесистую землю Фрисландію, покрытую снѣгомъ и туманами и, послѣ большихъ затрудненій «войти въ его собственный проливъ», наконецъ достигъ желанной гавани въ заливѣ графини Варвикъ (Дудлей, графъ Варвикъ былъ однимъ изъ наиболѣе щедрыхъ патроновъ Фробишера). Туманъ и ледяныя горы были очень опасны и погода была такая суровая, что несмотря на открытіе новаго зунда, входящаго въ проливъ Фробишера, проблема сѣверозападнаго прохода снова оказалась неразрѣшимой. Предполагаемое золото острововъ къ сѣверу отъ пролива, теперь называемаго Гудзоновымъ, оказалось по возвращеніи домой не имѣющимъ цѣны; вѣра въ богатства страны эскимосовъ поблекла; во всѣхъ разсказахъ сохраняется многозначительное

молчаніе объ употребленіи, сдѣланномъ изъ груза — тогда какъ при отправленіи въ плаваніе надежды на золото почти устранили въ умахъ людей надежду на открытіе самаго прохода—главную цѣль путешествія; а кромѣ того и туземцы снова прибѣгли къ своимъ старымъ измѣнническимъ пріемамъ. Планъ колоніи былъ оставленъ [1]) и Фробишеръ, построивъ маленькій домикъ на островѣ графини Варвикъ и «снабдивъ его разными пустяками, чтобы приманить народъ», 3 августа отплылъ въ Англію, все таки твердо убѣжденный, что его планъ осуществимъ.

Въ началѣ путешествія адмиралъ надѣялся, что проходъ—это теперешній Гудзоновъ проливъ и еслибы онъ могъ слѣдовать своимъ склонностямъ, онъ во всякомъ случаѣ открылъ бы величайшій изъ американскихъ заливовъ, величайшее внутреннее море Новаго Свѣта. Но ему пришлось пожертвовать своими надеждами изслѣдователя своимъ обязанностямъ торговца.

Недостатокъ мѣста позволяетъ намъ только отмѣтить тѣ указанія о колонизаціи, которыя Ричардъ Гаклитъ далъ джентльменамъ, отправившимся съ Фробишеромъ, или меморіи о бразильской торговлѣ. составлявшей переходъ отъ крайняго сѣвера къ крайнему югу, отъ неудачи Фробишера на сѣверозападѣ къ удачѣ Дрэка на югозападѣ. Самое крупное и самое знаменитое изъ путешествій вѣка Елисаветы это, конечно, плаваніе «Пеликана» или «Золотой лани» въ южномъ морѣ и оттуда вокругъ всего земного шара, между 1577 и 1580 годами. Это первое англійское кругосвѣтное плаваніе; оно доставило болѣе добычи, чѣмъ какое либо изъ другихъ тогдашнихъ плаваній; результатомъ его было изслѣдованіе сѣвера, Тихаго океана и берега Калифорніи до пункта, дальнѣйшаго изъ всѣхъ, достигнутыхъ другими націями. Нравственное вліяніе путешествія Дрэка уступаетъ только вліянію побѣды надъ знаменитѣйшей и непобѣдимой Армадой въ 1588 году. Дрэкъ.

Оставивъ Плимутъ 13 декабря 1577 года съ пятью кораблями и сто шестидесятью четырьмя джентльменами и матросами, адмиралъ, «подъ видомъ, будто бы онъ отправляется въ Александрію», сначала плылъ вдоль африканскаго берега, пока не дошелъ до Зеленаго мыса и тогда онъ двинулся чрезъ океанъ—сорокъ четыре дня не видали земли—къ Бразиліи и 5 апрѣля 1578 года увидалъ западный континентъ. Не найдя хорошей гавани въ рѣкѣ Плато, но замѣтивъ на берегу слѣды «народа большого роста», эскадра двинулась вдоль берега къ югу до порта св. Юліана въ Патагоніи, гдѣ стояла еще мрачная реликвія прежнихъ изслѣдователей—«висѣлица, на которой,

---

[1]) Тѣмъ не менѣе капитанъ Фентонъ и другіе джентльмены составили планъ остаться тутъ и зимовать. Имъ помѣшали затопленіе барки „Діонисій“ и отсутствіе „Томаса изъ Ипевича“ съ ихъ запасами.

какъ мы предполагаемъ, Магелланъ повѣсилъ своихъ возмутившихся матросовъ».

Любопытно то, что Дрэкъ на этомъ мрачномъ мѣстѣ разыгралъ другую трагедію: онъ казнилъ тутъ нѣкоего Томаса Доугти, «за дѣйствія, ведущія къ мятежу» и экипажъ снова присягнулъ въ повиновеніи и соблюденіи согласія, причемъ всѣ приняли причастье.

20 августа 1578 года флотъ вошелъ въ Магелановъ проливъ и медленно проходя по его холоднымъ и пустыннымъ изворотамъ, вышелъ 6 сентября въ южное море, въ тотъ великій и чудесный Тихій океанъ, открытіе котораго указало людямъ впервые, что Америка и Индія различныя страны, указало имъ на истинную величину земного шара и на распредѣленіе океановъ и ихъ отношеніе къ сушѣ.

Загнанный къ югу отъ проливовъ бурей до широты 55°, Дрэкъ вскорѣ оправился и быстро двинулся къ сѣверу и къ своему удивленію нашелъ, что Перу «не лежитъ, какъ это указано на картахъ, къ сѣверозападу отъ Магелланова пролива», но заворачиваетъ къ востоку-сѣверо-востоку, такъ что эта мѣстность «показывается ошибочно по крайней мѣрѣ на двѣнадцать градусовъ».

У береговъ Чили англичане взяли индѣйца въ лодкѣ и тотъ, принявъ ихъ за испанцевъ, разсказалъ имъ о пребываніи одного изъ большихъ кораблей съ перувіанскимъ золотомъ и провелъ ихъ до Вальпорайсо, гдѣ они захватили громадную добычу. Оттуда Дрэкъ шелъ вдоль берега до Лимы и нашелъ городъ 13 февраля 1579 г. «въ полной безопасности, такъ какъ на него никогда не нападали» и, ограбивъ корабли въ портѣ Лимы (въ Каллао), знаменитый пиратъ получилъ то, что было дороже, чѣмъ вся его добыча изъ двѣнадцати захваченныхъ имъ купеческихъ кораблей—а именно свѣдѣнія о Какафуэго, большомъ галеонѣ съ золотомъ, который только что отплылъ въ Пайту. Англичане погнались за нимъ—и узнали, что онъ ушелъ въ Панаму; «нашъ генералъ продолжалъ преслѣдовать его» и въ три часа Джонъ Дрэкъ съ мачты увидалъ его. Въ шесть часовъ «Пеликанъ» былъ рядомъ съ нимъ. Три пушки разбили его мачты и онъ былъ захваченъ со всѣми его богатствами: тринадцатью сундуками, полными королевской посудой, восмидесятью фунтами золота и двадцатью шестью тонами серебра. Грузъ перенесли на англійскіе корабли и тогда адмиралъ «отрѣзалъ этотъ Какафуэго» и облегчилъ нѣкоторые изъ проходящихъ мимо берега кораблей отъ ихъ неудобнаго груза; потомъ, полагая, что «ея величество будетъ довольна его службой», онъ началъ думать о возвращеніи не чрезъ Магелановъ проливъ, изъ страха предъ репрессаліями испанцевъ и предъ бурной погодой, а мимо Моллукскихъ острововъ и мыса Доброй Надежды.

Дрэкъ зналъ, что для того, чтобы попасть къ Моллукскимъ остро-

вамъ, ему нужно взять «испанскій курсъ» къ сѣверу чрезъ Тихій океанъ. Потому отъ 16 апрѣля до 3 іюня онъ и держался этого курса, пока онъ не оказался въ 42° къ арктическому полюсу и его люди, страдавшіе сильно отъ холода, начали жаловаться. Найдя, что земля покрыта снѣгомъ, онъ спустился до 38° и тутъ, на этой широтѣ, «Богу угодно было послать насъ въ прекрасный заливъ». Показались туземцы и англичане вѣжливо угощали ихъ, «давъ имъ необходимыя вещи для прикрытія ихъ наготы и они предположили, что англичане боги и нельзя ихъ было разубѣдить въ этомъ»... Они зашли такъ далеко въ поклоненіи англичанамъ, что ихъ царекъ отдалъ свою корону и королевство Дрэку, который полагалъ, что ему не слѣдуетъ отказываться и принялъ корону для ея величества. Онъ назвалъ эту страну, теперешнюю Калифорнію, Новымъ Альбіономъ и при отъѣздѣ воздвигъ памятникъ своего посѣщенія и своей верховной власти, будучи убѣжденъ, что испанцы никогда тутъ не были и «никто никогда не былъ на нѣсколько градусовъ къ югу».

Отсюда «Пеликанъ» плылъ по открытому морю до 13 октября 1579 года; «въ этотъ день мы встрѣтили нѣкоторые острова на 8° сѣверной широты» и такимъ образомъ, идя между островами Тихаго океана, 14 ноября достигли Моллукскихъ. Здѣсь государь Терната также, какъ раньше царекъ въ Калифорніи, отдалъ себя и свое королевство къ услугамъ англійской королевы. Индѣйскій вождь пришелъ лично къ Дрэку, съ варварской пышностью, очень импонирующей иностранцамъ; англійскіе послы, отправленные адмираломъ, отдали ему визитъ. Дрэкъ надѣялся, что въ будущемъ можно совершить великія дѣла съ такими союзниками въ восточной Индіи—«врагами португальцевъ, государями семидесяти острововъ и главами всѣхъ Моллукскихъ».

Между Тернатомъ и Явой, пробираясь между опасныхъ мелей и рифовъ архипелага, Дрэкъ 9 января 1580 года наскочилъ на скалу, но послѣ восьми часовъ страшнаго ожиданія сошелъ съ нея при перемѣнѣ вѣтра, «такъ сказать во время, по особой милости Божіей». Въ Явѣ онъ былъ хорошо принятъ; но узнавъ, что недалеко находится «такіе же большіе корабли, какъ наши», онъ рѣшилъ спѣшить къ мысу «португальцевъ», «Бурь» или «Доброй Надежды» и это была первая земля, которую онъ увидѣлъ послѣ оставленія имъ Индіи. Даже здѣсь Дрэкъ не хотѣлъ пристать къ берегу и только замѣчаетъ, что «это самое ложное мнѣніе, будто это самый опасный мысъ на свѣтѣ, въ дѣйствительности онъ самый величественный и прекрасный, какой только мы встрѣтили по всей окружности земли».

3 ноября онъ былъ въ Англіи; онъ первый изъ англійскихъ и третій изъ европейскихъ капитановъ, «объѣхавшій кругомъ глубокій океанъ, и въ одномъ непрерывномъ кругѣ обогнувшій землю».

«Пеликанъ», подобно позднѣйшей «Побѣдѣ» Нельсона, сдѣлался

священнымъ и историческимъ кораблемъ, сохраняемымъ въ Дептфордѣ на удивленіе потомкамъ. Самъ Дрэкъ получилъ рыцарское званіе и сдѣлался безспорнымъ вождемъ англійскихъ мореплавателей, изслѣдователей и смѣлыхъ пиратовъ въ постоянно усиливающейся борьбѣ съ Испаніей и католической реакціей. Своимъ путешествіемъ онъ выставилъ притязаніе нашего народа на его міровое распространеніе. Насколько одинъ человѣкъ и одинъ флотъ могутъ что нибудь доказать, онъ доказалъ власть Англіи надъ морями или, по крайней мѣрѣ, ея право бороться за такую власть—право великаго и небывалаго успѣха. Онъ бросилъ перчатку южнымъ націямъ. Для своего родного острова, для всего тевтонскаго міра, для всѣхъ людей, боровшихся противъ Испаніи и противъ Рима, онъ первый открылъ «тѣ водныя пространства, которыя раньше не были открыты ни однимъ поколѣніемъ».

Настроеніе, возбужденное плаваніемъ Дрэка, данный имъ импульсъ замѣтны въ слѣдующемъ путешествіи, о которомъ разсказываетъ Гаклитъ—въ путешествіи Эдварда Фентона и Луки Уарда въ 1582 году, и въ множествѣ послѣдующихъ попытокъ достичь Индіи не по сѣвернымъ, а по южнымъ путямъ, также какъ и въ новыхъ планахъ колонизаціи Новаго Свѣта.

Начатки англійской колонизаціи.

Первые признаки этаго стремленія къ колонизаціи могутъ быть отнесены къ 1578 году, къ патенту, дарованному на шесть лѣтъ сэру Гумфри Жильберту «для поселенія нашего народа въ Америкѣ»; но серьезныхъ результатовъ не получилось до 1583 года, когда самъ Жильбертъ отплылъ на пяти корабляхъ съ 260 человѣкъ (11 іюня) [1]).

Здѣсь мы вступаемъ во второй періодъ отношеній англичанъ съ Новымъ Свѣтомъ, въ вѣкъ поселеній и завоеваній, вѣкъ, слѣдовавшій за вѣкомъ путешествій и пиратскихъ набѣговъ. Несчастные результаты этой первой попытки не должны обманывать насъ относительно ея значенія, какъ перваго шага къ завладѣнію сѣверной Америки англійской расой.

3 августа флотъ бросилъ якорь у берега Ньюфаундлена и завладѣвъ имъ отъ имени королевы Елисаветы, 5 августа 1583 года поплылъ къ мысу Бретону «въ прекрасный вечеръ, но съ признаками бури».

29 числа буря началась съ густымъ туманомъ; адмиральскій корабль затонулъ и погибъ; зрѣлище было столь страшнымъ, что даже

---

[1]) Все нужное имѣлось на кораблѣ, даже „разнообразная музыка для утѣшенія нашихъ людей и привлеченія дикарей, даже не забыты игры, вродѣ маріонетокъ, деревянныхъ лошадокъ, и майскихъ подарковъ для дикихъ народовъ; для той же цѣли у насъ было довольно мелочныхъ товаровъ для мѣны съ простодушнымъ народомъ“.

Жильбертъ былъ готовъ сжалиться надъ своими людьми и вернуться въ Англію.

Вѣтеръ дулъ къ дому, но онъ былъ такъ силенъ, что фрегатъ Жильберта «Бѣлка» въ десять тонъ былъ почти поглощенъ волнами; но онъ не хотѣлъ пересѣсть на свой большой корабль: «Золотая Лань» въ 40 тонъ—это значило бы покинуть маленькій экипажъ, съ которымъ онъ пережилъ столько опасностей. И настала патетическая минута конца; изъ всѣхъ сказаній вѣка Елисаветы ни одна не имѣетъ такой чарующей прелести, какъ сказаніе о смерти Жильберта.

Къ сѣверу отъ Азорскихъ острововъ море было ужасно, поднялись высокія, «подобныя пирамидамъ» волны; «люди, всю свою жизнь прожившіе на морѣ, никогда не видали такихъ страшныхъ волнъ». 9 сентября въ полдень фрегатъ былъ почти разбитъ; но на этотъ разъ еще справился. Обмѣнялись радостными сигналами и «генералъ, сидя съ книгой въ рукахъ, крикнулъ намъ на Лань»: «мы также близки къ Богу на морѣ, какъ и на сушѣ»; но въ тотъ же понедѣльникъ ночью около двѣнадцати часовъ, «когда фрегатъ былъ впереди насъ, находившихся на «Золотой Лани», внезапно онъ исчезъ съ своими огнями; онъ былъ поглощенъ волнами». Большой корабль въ сорокъ тонъ одинъ прибылъ въ Плимутъ 22 сентября 1583 года [1]).

Виргинія.

Неудачная экспедиція была результатомъ дѣйствительнаго интереса націи къ западной колонизаціи. Погибель Жильберта не уничтожила этого интереса; мѣсто его занялъ Ралейгъ и путешествіе 1584 года, совершенное на его счетъ и подъ его управленіемъ въ Виргинію, повело къ изслѣдованію и завладѣнію этой мѣстности англичанами. Въ слѣдующемъ году сэръ Ричардъ Гренвиль во главѣ флота, щедро снаряженнаго Ралейгомъ, основалъ первое англійское поселеніе въ Новомъ Свѣтѣ—новый фортъ въ Виргиніи—«въ прекраснѣйшей землѣ подъ небеснымъ сводомъ» –которое было поручено управленію Ральфа Лана.

Эта колонія оказалась не прочной, но ея значеніе было наврядъ ли меньшимъ, чѣмъ значеніе успѣшнаго предпріятія 1608 года. Въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы колонизаціонное движеніе къ западу становится все болѣе и болѣе постояннымъ и рѣшительная побѣда 1588 года обезпечила Англіи безопасность плаваній по океану, какой раньше не знали наши предки.

---

[1]) Ср. „Реляція Ричарда Кларка Веймоута“, истинный отчетъ сэра Георга Найта о послѣднихъ открытіяхъ по отчету Эдварда Гайса; письмо Томаса Альдворта къ Вальсингаму (27 марта 1583 г.) о западныхъ путешествіяхъ, краткое разсужденіе Карлиля въ апрѣлѣ 1583 г. о предполагаемыхъ путешествіяхъ въ томъ же направленіи, и патенты, данные Вальтеру Рилейгу и подобные патентамъ, даннымъ Жильберту.

Съ неудачей Испаніи въ ея стремленіяхъ подавить ея сѣверныхъ враговъ, англичанъ и голландцевъ, фактически уничтожались попытки этой державы запереть отъ всѣхъ націй новооткрытыя моря и земли. Томасъ Кавендишъ, съ успѣхомъ повторивъ опытъ Дрэка, доказалъ, что кругосвѣтное плаваніе открыто для всякаго рѣшительнаго англійскаго капитана, даже не обладавшаго рѣдкой геніальностью и счастіемъ сэра Френсиса, и основаніе колоніи въ Виргиніи, изслѣдованіе Гвіаны и сѣверозападнаго прохода доказывали, насколько интересъ къ новому движенію былъ всеобщимъ даже у высшихъ классовъ англійскаго общества. Честолюбіе буканеровъ, морскихъ волковъ, купцовъ и факторовъ прежняго времени, теперь заразило наиболѣе консервативные и наименѣе подвижные общественные слои.

Изъ громаднаго количества отчетовъ, уясняющихъ расширеніе Англіи въ послѣдніе годы шестнадцатаго столѣтія, мы можемъ привести только четыре или пять, какъ наиболѣе уясняющіе главныя характерныя черты національной дѣятельности.

Кавендишъ. 1. Первое изъ этихъ путешествій — это путешествіе Кавендиша, единственнаго, имѣвшаго успѣхъ, послѣдователя Дрэка. Томасъ Кандишъ, какъ называетъ его Гаклитъ, отплылъ 21 іюля 1586 года въ «свое удивительное и благополучное плаваніе въ южномъ морѣ и оттуда вокругъ всей земли» и возвратился 9 сентября 1588 года, какъ разъ послѣ «ниспроверженія» испанскаго флота; это второе англійское кругосвѣтное плаваніе было во всякомъ случаѣ менѣе важнымъ, чѣмъ первое. Однимъ изъ главныхъ его результатовъ было открытіе города короля Филиппа, который былъ построенъ для защиты прохода по Магелланову проливу, но въ которомъ, по разсказу Кавендиша, жизнь была одной сплошной исторіей нищеты и возмущеній въ теченіе двухлѣтней борьбы гарнизона съ климатомъ Патагоніи.

Проходя мимо Чили, адмиралъ захватилъ нѣсколькихъ плѣнниковъ, одного фламандца и трехъ испанцевъ, и пыткой добивался отъ нихъ свѣдѣній, особенно относительно галеоновъ съ золотомъ; потомъ, руководясь ихъ указаніями, взявъ приступомъ и разграбивъ Паиту, онъ отыскалъ и взялъ призъ, корабль «Большую Анну» около мыса Лукаръ въ Калифорніи, «между семью и восьмью часами утра». На кораблѣ было 122 тысячи золотыхъ песосъ и Кавендишъ отправился съ своимъ призомъ къ дому «около трехъ часовъ послѣ полудня» (19 ноября 1587 г.) по дорогѣ, открытой для его отечественниковъ впервые Дрэкомъ — «португальскимъ курсомъ», мимо восточной Индіи и вокругъ Африки.

3 января 1588 года онъ увидалъ Разбойничьи острова (Ладроны) и пройдя Филиппинскіе острова, англичане съ удивленіемъ отмѣтили центръ торговли въ Манильѣ, съ одной стороны изъ южной Америки,

а съ другой изъ Китая, старательное татуированіе главъ и «дружеское отношеніе туземцовъ съ дьяволомъ, которому они поклоняются».

Повѣсивъ испанца кормчаго за его измѣну и взявъ дань съ нѣкоторыхъ изъ островитянъ, Кавендишъ отправилъ испанцамъ въ Маниллу «сообщеніе», «рекомендуя имъ добыть побольше золота, такъ какъ онъ опять намѣренъ посѣтить ихъ черезъ четыре года» и предоставилъ ихъ ихъ собственнымъ размышленіямъ. Пройдя между двумя Явами, большой и малой, т. е. между Явой и Суматрой, 1 марта, англичане услыхали отъ нѣкоторыхъ португальцевъ, встрѣченныхъ ими на этихъ берегахъ, что Филиппъ испанскій не смотря на то, что онъ завоевалъ ихъ родное государство, не признанъ наслѣдниками Альбукерка въ восточной Индіи — что подавало надежду на возможность вмѣшательства англичанъ и пріобрѣтенія ими новыхъ владѣній. Подобно Дрэку, Кавендишъ отъ Явы прямо поплылъ къ югу Африки и отъ 16 марта до 16 мая прошелъ «это могучее и обширное море». 8 іюня онъ присталъ къ «удивительно прекрасной и пріятной долинѣ на св. Еленѣ», гдѣ такъ долго обыкновенно отдыхали португальцы по пути въ Индію; 3 сентября, вскорѣ послѣ прохода мимо Азорскихъ острововъ, онъ услыхалъ отъ фламандскаго корабля новости объ Армадѣ, «къ великому утѣшенію всѣхъ насъ» и 9 того же мѣсяца онъ былъ въ Плимутской гавани.

Арктическія плаванія Дэвиса.

2. Какъ путешествіе Кавендиша было типичнымъ океаническимъ предпріятіемъ, представителемъ предпріятій нашихъ изслѣдователей, купцовъ и воиновъ въ послѣдніе годы Елисаветы, такъ попытки Дэвиса идти по стопамъ Фробишера въ 1585, 1586 и 1587 годахъ являются представителями непрерывныхъ попытокъ найти сѣверозападный проходъ; въ связи съ такими попытками въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, сферахъ англійскаго общества составлялись и поддерживались планы основанія американскихъ колоній; повидимому, никакія неудачи не могли остановить этихъ попытокъ [1]).

7 іюня 1585 года онъ отплылъ изъ Дартмута на двухъ корабляхъ: «Солнечный свѣтъ» и «Лунный свѣтъ» (Sunschine и Moonschine) въ пятьдесятъ и тридцать пять тонъ; 19 іюля при туманѣ онъ услыхалъ трескъ плавучаго льда, 20 увидалъ землю, «самую безобразную, скалистую и горную, какую только ему приходилось видѣть». На первый взглядъ она «казалась похожей на голову сахара», чрезъ туманъ и облака были видны снѣжныя горы, «точно бѣлая кайма на небѣ», берегъ былъ загроможденъ льдомъ, производящимъ такой «зловредный шумъ, что земля казалась истиннымъ мѣстомъ отчаянія и потому нашъ капитанъ назвалъ ее Землей отчаянія».

---

[1]) Джонъ Дэвисъ также, какъ и Фробишеръ, былъ агентомъ значительнаго общества — состоявшаго изъ „нѣкоторыхъ достопочтенныхъ особъ, придворныхъ и провинціальныхъ дворянъ и различныхъ купцовъ Лондона и западныхъ графствъ.

Идя вдоль берега этой негостепріимной земли, они видѣли каждодневно иловучій лѣсъ, «въ черной и плотной водѣ, подобной грязному стоячему пруду»; вскорѣ Дэвисъ увидалъ и туземцевъ и они оказались не болѣе гостепріимными, чѣмъ они были по отношенію къ Фробишеру, хотя нѣкоторое время англійскіе матросы довольно удачно торговали съ ними.

31 іюля корабли снова поплыли отыскивать сѣверозападный проходъ и 6 августа открыли землю, совершенно свободную отъ льда и стали на якорь въ «прекрасной гавани, подъ чудесной горой, а гору и мысъ охватывалъ зундъ»; эти мѣста они назвали мысъ Вальсингамъ, Эксетеръ зундъ, гора Ралейгъ и проходъ Тотнесъ. 11 августа Дэвисъ дошелъ до южнаго мыса этого острова и, несмотря на туманъ, его надежды найти проходъ значительно увеличились; но 24 числа признаки приближавшейся бури заставили его вернуться и онъ 10 сентября снова проплылъ мимо «Земли отчаянія» и 30 прибылъ въ Дартмутъ.

Самые печальные факты истолковывались тогдашними мореплавателями въ хорошую сторону; объявили, что сѣверозападный путь практически уже открытъ и Дэвисъ снова отплылъ 7 мая 1586 года на четырехъ корабляхъ, проявляя полнѣйшее довѣріе къ осуществимости своего предпріятія. 15 и 29 іюня онъ увидалъ ту землю, гдѣ онъ стоялъ въ прошломъ году, пробился чрезъ громадныя массы льда не смотря на противныя и сильныя теченія, но 24 іюня оказалось, что всѣ винты, канаты и паруса замерзли и море, въ прошломъ году судоходное, теперь было загромождено льдомъ и закрыто туманомъ, такъ что не было никакой надежды пройти дальше. Эскимосы на сей разъ оказались колдунами, хотя «благодаря Богу и не очень зловредными»—и, что было еще хуже, «удивительно вороватыми [1]).

Измѣнивъ поэтому свой курсъ къ востоко-юго-востоку адмиралъ 2 августа ввелъ свои корабли въ гавань на 66° широты, оттуда онъ держался сѣверозападнаго курса на 50 лье, въ надеждѣ пройти чрезъ проливъ Дэвиса. До 28 числа онъ шелъ вдоль берега отъ 67 до 57° и замѣтилъ, что въ странѣ много лѣса и птицъ; 4 сентября онъ имѣлъ большую надежду на проходъ, найдя, что между двумя землями находится большое море.

Но вѣтеръ упорно мѣшалъ дальнѣйшему плаванію, грубые туземцы нападали на матросовъ и 4 сентября «Богу угодно было увеличить

---

[1]) Сначала, говоритъ Дэвисъ, это возбуждало въ немъ только смѣхъ и онъ приказалъ матросамъ кротко обращаться съ ними, „полагая, что было бы трудно въ такое короткое время объяснить имъ ихъ злыя дѣла“; но потомъ онъ также сердился, какъ и матросы. Сначала онъ прямо объявилъ эскимосамъ, что „презираетъ ихъ колдовство“. Самымъ худшимъ было то, что они „проявили свою дьявольскую натуру“ бросаньемъ камней и употребленіемъ пращи.

нашу скорбь,ославъ сильную бурю». Только «Его милосердіе помогло намъ», говорилъ англійскій мореплаватель и такъ какъ вѣтеръ былъ все время противнымъ, ему ничего не оставалось, какъ отплыть въ Англію 11 сентября.

«Я теперь, разсказывалъ онъ дома съ гордой и патетической увѣренностью, настолько не сомнѣваюсь въ проходѣ, что увѣренъ, что онъ долженъ быть въ одномъ изъ четырехъ мѣстъ или его совсѣмъ нѣтъ» [1]).

Дэвисъ сдѣлалъ третью и послѣднюю попытку въ 1587 году; 19 мая онъ вышелъ изъ Дартмута съ двумя ботами и «клинчеромъ», который «оказался на морѣ, точно повозка, запряженная волами». Въ пять часовъ утра 14 іюня, увидавъ землю, похожую на «Землю отчаянія», англичане вскорѣ встрѣтили туземцевъ, которые снова начали свои прежнія штуки, таскали съ корабля желѣзо, бросали камни, а послѣ пробовали вести торгъ, предлагая за браслеты птицъ и показывая мѣста, гдѣ есть единороги (вѣроятно нарваль). 30 іюня Дэвисъ былъ у земли, названной «лондонскимъ берегомъ» на 72°, гдѣ море было открыто къ западу и къ сѣверу. Назвавъ самый дальній пунктъ этого берега «мысомъ Надежды Сандерсонъ» (по имени одного изъ главныхъ патроновъ этого плаванія), адмиралъ шелъ впередъ, пока не встрѣтилъ 2 іюля къ западу большое поле льда, причемъ вѣтеръ не позволилъ ему обогнуть землю къ сѣверу.

19 числа онъ увидалъ свою гору Ралейгъ и въ тотъ же вечеръ былъ у пролива, открытаго въ первомъ году, но такъ какъ бури и свѣжіе вѣтра съ сѣверозапада мѣшали идти дальше, то онъ былъ вынужденъ 15 августа возвратиться, давъ новооткрытымъ мѣстамъ названія своихъ друзей (острова графа Кумберланда, заливъ Лумлея, мысъ Варвика, мысъ Чидли, островъ Дарси). Онъ замѣтилъ сильныя теченія къ западу на 61° и продолжалъ вѣрить столь же твердо, какъ и прежде, что только случайность помѣшала его полному успѣху [2]), такъ какъ онъ былъ на 73° и нашелъ море вездѣ открытымъ и въ сорокъ лье между землями.

Колонія въ Виргиніи.

3. На ряду съ неудачей арктическихъ плаваній слѣдуетъ упомянуть о двухъ неудачныхъ попыткахъ въ тропическихъ или подтропическихъ странахъ. Виргинская колонія и «опытъ Гвіаны» не имѣли прочнаго успѣха при Елисаветѣ. И однако эти предпріятія сдѣлали

---

[1]) Во второмъ своемъ плаваніи Дэвисъ раздѣлилъ флотъ, отправивъ два корабля искать проходъ между Гренландіей и Исландіей, до широты 80°, если возможно. Эти корабли исполнили первую часть своего порученія и потомъ завели отчаянную битву съ эскимосами.

[2]) Такъ онъ надѣялся на заливъ Лумлея, на „великое паденіе крутящейся и шумящей воды, подобно паденію какой либо большой рѣки чрезъ мостъ“ — что доказывало, какъ онъ полагалъ, существованіе открытаго моря.

для Англіи не меньше, чѣмъ любое изъ одиночныхъ предпріятій. Въ этомъ случаѣ также, какъ и во всѣхъ другихъ, великіе успѣхи достигаются при посредствѣ предварительныхъ неудачъ и только при посредствѣ ихъ англичане выучились добиваться своего во всякой странѣ и во всякомъ морѣ.

Мы говорили, что въ 1585 году было основано поселеніе въ Виргиніи и поручено управленію Ральфа Лана и Гаріота. Они вскорѣ сдѣлали наиболѣе полезное изъ всѣхъ англійскихъ открытій—а именно, что на этомъ материкѣ, величина котораго неизвѣстна, имѣется «такое естественное богатство, съ которымъ нельзя сравнить богатства какого либо христіанскаго государства» и что «эти мѣста изобилуютъ всякими продуктами, получаемыми нами изъ Испаніи, Франціи, Италіи или изъ восточныхъ странъ». Поселеніе находилось сначала на Роанокъ-Исландъ, но потомъ на материкѣ было найдено такое превосходное мѣсто, что Ланъ думалъ перебраться туда [1]). Къ несчастію, дикари начали составлять заговоръ противъ колонистовъ. Лану пришлось бороться съ дикарями ихъ собственнымъ орудіемъ измѣны— «лозунгомъ нашимъ было: Христосъ наша побѣда» — и колонисты были спасены только прибытіемъ двадцати трехъ кораблей Френсиса Дрэка (1 іюня 1586 года).

Онъ шелъ домой изъ Вестъ-Индіи и зашелъ, чтобы доставить колоніи предметы необходимости. Но буря помѣшала его провіантскому кораблю зайти въ гавань и колонисты, которые сначала хотѣли отослать домой только слабыхъ и непригодныхъ, желали теперь всѣ уѣхать [2]). Дрэкъ согласился забрать ихъ, но когда они сѣли на барку, то большинство ихъ «съ картами, книгами и сочиненіями» были выброшены за бортъ. Такъ кончила первая англійская колонія въ Виргиніи [3]).

Вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда изъ «этого земного рая», туда прибыла третья экспедиція, снаряженная Ралейгомъ; она нѣкоторое время тщетно искала поселенцевъ Лана и вернулась домой; черезъ двѣ недѣли самъ Гренвиль, губернаторъ Виргиніи, привелъ давно обѣщанную помощь. Найдя, что колонисты ушли и не желая терять владѣнія страной, онъ оставилъ въ Роанокѣ пятнадцать человѣкъ и провизіи на два года.

---

[1]) Ланъ и Гаріотъ были наиболѣе наблюдательными людьми изъ всѣхъ колонистовъ. Гаріотъ былъ и миссіонеромъ, и ботаникомъ, и фермеромъ, и притомъ обладалъ проницательностью и широтой взглядовъ государственнаго человѣка.

[2]) Однимъ изъ аргументовъ ихъ было: „видя, что наша надежда на помощь отъ сэра Ричарда Гренвиля, обѣщанную до пасхи, неосуществилась и не осуществится, вѣроятно“.

[3]) Гаріотъ приписывалъ неудачу колоніи изнѣженности нѣкоторыхъ изъ колонистовъ.

Слѣдующій шагъ для колонизаніи былъ сдѣланъ тоже Ралейгомъ. Въ 1587 году онъ отправилъ Джона Уайта съ ста пятидесятью человѣкъ, давъ имъ хартію, какъ основателямъ города Ралейга въ Виргиніи. Отправившись 8 мая, они 22 іюля прибыли къ американскому берегу; Уайтъ высадился въ Роанокѣ и нашелъ старый фортъ Лана срытымъ, дома заросли травой и «дичь питалась тутъ разросшимися дынями». Вскорѣ начались столкновенія съ дикарями, которые убили заблудившагося англичанина и «своими деревянными мечами расколотили ему голову». 18 августа въ поселеніи родился первый ребенокъ (Виргинія Даръ) и ее назвали Виргиніей, какъ «первую христіанку, родившуюся здѣсь». Вскорѣ послѣ этаго губернаторъ Уайтъ послѣ долгихъ уговоровъ согласился вернуться домой за новыми поселенцами — девяносто мужчинъ, семьдесятъ женщинъ и одинадцать дѣтей остались жить тутъ.

Послѣдней изъ виргинскихъ экспедицій при Елисаветѣ была экспедиція 1590 года. Отправившись 20 марта этаго года въ пятое изъ своихъ американскихъ путешествій, Уайтъ высадился въ Роанокѣ 16 августа вблизи того мѣста, гдѣ была въ 1586 году оставлена колонія. Но онъ не нашелъ ничего — «ни человѣка, ни признака»; искалъ по всей мѣстности и наконецъ нашелъ посланіе, вырѣзанное на деревьяхъ, что поселенцы ушли отсюда. Уайтъ хотѣлъ остаться и, если можно, помочь бѣжавшимъ, но его спутники, испугавшись погоды и опасностей, заставили его возвратиться въ Англію.

Замѣчательное путешествіе Бартоломея Госнольда въ 1602 году, результатомъ котораго было открытіе мыса Кодъ и залива Сарыча (Бузардъ Бай или Надежды Госнольда-Госнольдсъ Гопъ) и постройка форта и магазина на Куттигункъ, было предпріятіемъ геніальнаго человѣка, пошедшаго по старой прямой дорогѣ Кабота къ ближайшему берегу сѣверной Америки и безуспѣшно пытавшагося основать новую колонію въ Новой Англіи. Его нельзя сравнить съ виргинскимъ предпріятіемъ; это была попытка внести въ дѣло колонизаціи поправку.

4. Открытіе Гвіаны было послѣднимъ, самымъ неудачнымъ и самымъ безплоднымъ изъ великихъ предпріятій изслѣдователей и колонизаторовъ царствованія Елисаветы. Ралейгъ также, какъ и многіе другіе, былъ преисполненъ обманчивой надеждой найти то богатое Перу, которое называли Гвіаной или Эльдорадо или имперіей Маноа, которое будто бы открыли авантюристы того времени и которое, по одной традиціи, ведетъ свое начало съ нашествія Пизарро и съ переселенія подданныхъ Инковъ съ южноамериканскихъ береговъ Тихаго океана на берега Атлатическаго. Въ 1594 году отправили на рекогнисцировку береговъ Гвіаны капитана Уиддона; 6 февраля 1595 года самъ Ралейгъ отправился съ главнымъ флотомъ, будто бы предназначеннымъ только для спасенія англичанъ въ Виргиніи. Прибывъ

къ Тринидаду, онъ сначала изслѣдовалъ входъ въ водный бассейнъ, который, какъ онъ надѣялся, приведетъ его въ самый центръ Маноа; но лоцмана оказались негодными; «если бы Богъ не послалъ намъ другой помощи, мы странствовали бы цѣлый годъ въ лабиринтѣ рѣкъ», пройдя 400 миль внутрь страны и описавъ все видѣнное имъ въ «Картѣ открытій» (Chart of Discovery), дивясь тропическимъ красотамъ рѣчного ландшафта—травѣ, деревьямъ, птицамъ, дикимъ звѣрямъ, «столь блестящимъ, что даже видѣть ихъ уже было увеселеніемъ» — сердце Ралейга «похолодѣло при видѣ великой ярости и увеличенія Ориноко» и онъ на время оставилъ свое предпріятіе, но не утратилъ своей надежды. Какъ и у изслѣдователей на сѣверозападѣ, такъ и у него неудачи, казалось, только усиливали надежды на будущій успѣхъ. Онъ убѣдился, что ни въ одной странѣ земного шара «солнце не озаряетъ такихъ богатствъ». Но ему пришлось испытать, что его надежды найти сказочно богатую землю не возбуждали особаго довѣрія, «потому что всякій ребенокъ говоритъ тоже самое». Эльдорадо осталось недостижимымъ, несмотря на повторенныя попытки Ралейга и Кеймиса въ 1596—97 году, потому, что его также нельзя найти на землѣ, какъ и идеальнаго государства философовъ:

Этими четырьмя примѣрами англійской энергіи въ дѣлѣ изслѣдованій и колонизаціи въ концѣ шестнадцатаго вѣка мы должны закончить нашъ краткій очеркъ изслѣдованій эпохи Елисаветы; относительно путешествій [1]) къ мысу Бретону и къ рѣкѣ св. Лаврентія,

---

[1]) Ср. 1) о путешествіяхъ къ свят. Лаврентію и пр.: отчетъ Джона Джемса въ письмѣ къ Бурлейгу, 14 сентября 1591 г., объ открытіи острова Рамеа у С. Мало; путешествія Гилля изъ Редрифа къ мысу Бретону на Marigold въ 1593 г.; Георга Дрэка изъ Аппшама къ Рамеа въ 1593 г.; Райса Джона изъ Бристоля на Grace къ св. Лаврентію въ 1594 г. Карла Лейфта къ мысу Бретона и Рамеа въ 1597 г 2. О путешествіяхъ въ южную Америку: Джемса Ланкастера въ Бразилію въ 1594 г., послѣднее путешествіе Томаса Кавендиша въ 1591—93 г. къ Магелланову проливу; экспедиція графа Кумберланда въ 1586 г., направлявшаяся въ южное море, но совершена немного дальше Ла-Платы и его же попытка въ 1594 г., остановившаяся у Азорскихъ острововъ. 3. Путешествія въ Вестъ-Индію: сэра Роберта Дудлея въ 1594 95; сэра Аміаса Престопа въ 1595 г., сэра Антонія Ширли въ 1596 — 97 и послѣднее путешествіе двухъ великихъ мореплавателей, Дрэка и Гавкинса въ 1595 г. 4. изъ другихъ путешествій: Ричарда Райнольдса и Томаса Даніеля въ 1591; Джона Бурофа въ 1592 и корабля „Товія“ въ 1593—всѣ неудавшіяся— къ западному берегу Африки. Изъ этихъ предпріятій, Престонъ „вступилъ“ въ Ямайку въ 1595, предпріятіе Ланкастера въ 1594 имѣло чисто военный интересъ и доказываетъ худшую сторону протестанскаго фанатизма англійскихъ моряковъ; путешествіе Дудлея 1594 г. замѣчательно по названіямъ кораблей: „Медвѣдь“, „Прыгунъ“, (Frisking), „Шептунъ“ (Earwig), вродѣ „Почему не я“ (Why not J) изъ флота Кумберланда въ

къ Бразиліи и рѣкѣ Плата, къ Вестъ-Индіи, къ Ньюфаундлену, къ Зеленому мысу и къ другимъ далекимъ частямъ океана, сдѣлавшагося теперь домомъ для англійскихъ моряковъ, относительно разныхъ попытокъ достичь южнаго моря или Тихаго океана, которыя не шли дальше Магелланова пролива или нѣкоторыхъ пунктовъ южноамериканскаго берега, относительно печальныхъ неудачъ, вродѣ путешествія графа Кумберланда и послѣдняго путешествія Кавендиша будетъ достаточно сказать, что они были наименѣе важными представителями типическихъ чертъ распространенія нашей національности въ ту эпоху. Сами по себѣ они интересны, но прибавляютъ по большей части только подробности къ различнымъ сторонамъ движенія, краткій очеркъ котораго мы дали; они были второстепенными примѣрами того движенія, которое наиболѣе проявилось въ изображенныхъ нами главнѣйшихъ и типичнѣйшихъ подвигахъ того времени; о всѣхъ нихъ можно прочитать у Гаклита, «въ этомъ прозаическомъ эпосѣ англійскаго народа, въ этой несравненной сокровищницѣ матеріаловъ для исторіи географіи, открытій и колонизаціи, въ лучшей коллекціи описаній подвиговъ героевъ, въ которыхъ проявилась новая эра» [1]).

Естествознаніе.

Уиттакера.

Описываемый нами теперь періодъ отмѣчается въ наукѣ изданіемъ знаменитаго трактата Жильберта о магнитѣ (1600). Вилльямъ Жильбертъ изъ Кольчестера (1540 — 1603) былъ медикомъ королевы Елисаветы; помимо даже своихъ изслѣдованій о магнетизмѣ, онъ отличался вообще научнымъ направленіемъ. Онъ напримѣръ, одинъ изъ немногихъ, признавшихъ теорію Коперника. Онъ проявилъ въ этомъ отношеніи болѣа научной проницательности, чѣмъ его младшій современникъ Бэконъ (1561—1626), который и вообще то былъ не особенно счастливъ въ своихъ мнѣніяхъ о тѣхъ идеяхъ, которыя получили потомъ значеніе въ спеціальной наукѣ. Бэконъ признавалъ

Вилльямъ Жильбертъ.

1594 г., О крушеніи „Товія“ близъ мыса Sprat въ 1597 г., когда люди, умирая, пѣли свои псалмы (Help, Lord, for good and godly men), читаешь, точно главу о пуританахъ Кромвеля.

[1]) Новое настроеніе всего лучше выражается слѣдующимъ признаніемъ Дудлея: „съ тѣхъ поръ, какъ я началъ помнить что нибудь, я утѣшался открытіями мореплавателей и я развивалъ въ себѣ это расположеніе, пока я не выросъ и не получилъ возможность самъ предпринять такое дѣло“.

значеніе произведенія Жильберта, но въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій говоритъ презрительно о его теоріяхъ и ставитъ его рядомъ съ тѣми, которые создаютъ философію природы на основаніи отдѣльной группы естественныхъ фактовъ. Такъ, напр., Жильбертъ, по мнѣнію Бэкона, готовъ истолковать все, какъ родъ магнетизма. Галилей оказался болѣе способнымъ оцѣнить его заслуги, какъ мыслителя Общія замѣчанія Жильберта относительно метода открытія истинъ естествознанія имѣютъ тоже направленіе, какъ и положенія самого Бэкона.

Главный его трактатъ «О магнитѣ и магнетическихъ тѣлахъ и о землѣ, какъ великомъ магнитѣ»—признается современными авторитетами содержащимъ описаніе всѣхъ основныхъ явленій этой науки; оно и до сихъ поръ произведеніе классическое. Онъ собралъ и провѣрилъ наблюденія древнихъ и тѣ, которыя были сдѣланы послѣ введенія компаса и прибавалъ къ нимъ свои собственныя наблюденія. Онъ составилъ и научную теорію на основаніи этихъ наблюденій. Онъ, какъ это доказываетъ самое заглавіе его книги, понималъ, что землю можно разсматривать какъ магнитъ и объяснять явленія магнитной иглы магнитными свойствами земли. Точка отправленія для такой теоріи давалась открытіемъ полярности магнита. Это было новымъ открытіемъ, такъ какъ явленіе магнитной полярности было неизвѣстно древнимъ; потому что хотя Лукрецій и замѣтилъ, что магнитъ иногда также отталкиваетъ, какъ и притягиваетъ, но, повидимому, онъ не зналъ о постоянномъ соединеніи и притяженія и отталкиванія, въ которомъ и состоитъ полярность. Жильбертъ систематическимъ изученіемъ магнетическихъ явленій, экспериментальнымъ и теоретическимъ, окончательно создалъ новую науку о магнетизмѣ. Въ теоріи этой науки положеніе, что земля есть большой магнитъ, и теперь есть основное.

Музыка.

Ростро.

Развитіе музыки, о которомъ мы говорили, описывая первые годы періода Тюдоровъ, продолжалось непрерывно до тѣхъ поръ, пока средневѣковой контрапунктъ не былъ замѣненъ зарей новаго искусства.

Развитіе англійскаго контрапункта.

Въ шестой англійской школѣ, современной «золотому вѣку» итальянскаго искусства, контрапунктъ достигъ высшаго развитія, какого ему было суждено достигнуть въ Англіи.

Создателемъ этаго новаго контрапункта былъ Христоферъ Тай

(ум. 1563) и лучшими украшеніями этой школы были Томасъ Таллисъ, Вилльямъ Бирдъ, Робертъ Уайтъ, Джонъ Баль, Ричардъ Фаррантъ, Орландо Жиббонсъ и великіе мадригалисты: Томасъ Морлей, Джонъ Доуландъ, Томасъ Уилксъ, Джонъ Уильби, Джонъ Бенетъ, Джонъ Уардъ, Михаилъ Эсте, Джонъ Гильтонъ, Томасъ Фордъ, Вилльямъ Коббольдъ, Томасъ Батесонъ, Георгъ Кирби и множество другихъ, едвали менѣе извѣстныхъ, сочиненія которыхъ теперь кажутся столь же свѣжими, какъ они казались слушателямъ въ то время, когда были написаны и, навѣрное, будутъ живы и въ будущемъ, когда многія позднѣйшія произведенія будутъ заслуженно забыты.

Христофоръ Тай.

Композиціи Тая отличаются скромнымъ достоинствомъ, достойнымъ того періода, когда онъ писалъ. Наиболѣе извѣстенъ онъ превосходной музыкой его образцоваго произведенія, озаглавленнаго: «Дѣянія апостоловъ, переведенныя англійскимъ метромъ, съ нотами къ каждой главѣ для пѣнія, а также для игры на лютнѣ» (1553). Англійскій метръ, правда, немного лучше короткаго стиха (doggerel), но «ноты» настолько хороши, что заслуживали бы примѣненія ихъ къ лучшимъ поэтическимъ произведеніямъ.

Томасъ Таллисъ.

Тамасъ Таллисъ (ум. 1585), наиболѣе извѣстный своими несравненными «Отвѣтами» и «Литаніей», соединялъ глубокое изученіе съ столь культивированнымъ и утонченнымъ вкусомъ, что его композиціи по изяществу превосходятъ произведенія всѣхъ его сотоварищей, не исключая даже Ричарда Фарранта или Орландо Жиббонса— и только этихъ двухъ послѣднихъ можно еще сравнить съ нимъ по граціозности концепціи и тонкости исполненія. Его пѣсни и гимны одинаково совершенны по формѣ и по красотѣ выраженія, а его замѣчательная пѣснь: «Не имамы иныя надежды» (Spem in alium non habui), съ своими пятиголосными хорами, въ которыхъ онъ пользуется громадной массой сорока независимыхъ голосовъ съ истинно замѣчательнымъ искусствомъ, есть настоящій монументъ художественной силы и учености.

Вилльямъ Бирдъ.

Вилльямъ Бирдъ (ум. 1623), знаменитый ученикъ Томаса Таллиса, соперничалъ съ своимъ учителемъ въ искусствѣ контрапункта, хотя не въ граціи выраженія. Его композиціи очень многочисленны и нѣкоторыя изъ его церковныхъ пѣсней одни изъ лучшихъ, употребляемыхъ теперь въ нашихъ храмахъ; наиболѣе извѣстенъ онъ своимъ канономъ: Non nobis Domine, — небольшимъ образцовымъ произведеніемъ, которое можно исполнять по крайней мѣрѣ на семь различныхъ ладовъ и столь прекраснымъ, что его и теперь еще поютъ на всѣхъ нашихъ большихъ публичныхъ банкетахъ какъ «молитву послѣ обѣда».

Ричардъ Фарранд и Орландо Жиббонс.

Немногія произведенія Ричарда Фарранта (ум. 1585), сохранившіяся до сихъ поръ, полны такой выразительности и красоты, что они заставляютъ насъ сожалѣть о томъ духѣ разрушенія, который

уничтожилъ во время великой революціи наши церковныя книгохранилища. Изъ композицій Орландо Жиббонса (ум. 1625) сохранилось большее количество. Онъ былъ послѣднимъ великимъ маэстро этой школы, если не считать знаменитыхъ мадригалистовъ, изъ которыхъ немногіе пережили его; съ нимъ въ Англіи умерла школа искусства контрапункта и замѣнена была новымъ стилемъ, который въ первую половину семнадцатаго столѣтія быстро распространялся во всей Европѣ.

Литература вѣка Елисаветы.

Сентсбюри.

При быстромъ обзорѣ Елисаветинской литературы, которая, повторяемъ, есть литература только послѣднихъ двадцати лѣтъ царствованія королевы — ограниченность мѣста, отведеннаго писателю объ этомъ предметѣ, въ нѣкоторомъ отношеніи составляетъ удобство, если только писатель съумѣетъ сосредоточиться и сосредоточитъ вниманіе читателя на своемъ предметѣ. Ни въ англійской, да и ни въ какой иной исторіи литературы, нѣтъ ничего подобнаго этому періоду, и чѣмъ полнѣе было бы его изложеніе, тѣмъ вѣроятнѣе, что важнѣйшія, наиболѣе цѣнныя и интересныя стороны предмета будутъ скорѣе затемнены, чѣмъ выяснены, если только нѣтъ мѣста, черезъ чуръ большого для чрезмѣрно старательнаго изложенія всѣхъ подробностей. Въ концѣ восьмидесятилѣтія шестнадцатаго вѣка—если даже включить въ этотъ періодъ и то замѣчательное произведеніе, о которомъ мы говорили въ послѣдней главѣ и большая часть котораго появилась въ теченіи двадцати или тридцати мѣсяцевъ до и послѣ конца 1580 года — всякій, не очень даже рѣшительный критикъ могъ бы утверждать, что Англія въ лучшую часть вѣка не имѣла великой литературы и что сомнительно, чтобы она и потомъ могла имѣть таковую. Теперь то, конечно, мы знаемъ, какое значеніе имѣли Сборникъ (Miscellany) Тоттеля, вклады Саквиля въ «Зеркало властей», юныя произведенія Спенсера, Сиднея, Ватсона и Лилли, и даже почтенныя попытки другихъ, упомянутыхъ въ предыдущей главѣ, авторовъ. Но вѣдь въ литературѣ также, какъ и во всемъ другомъ, цвѣтеніе не всегда необходимо приноситъ плоды—и въ литературѣ даже можетъ меньше, чѣмъ во всемъ другомъ, первое есть несомнѣнный предвѣстникъ вторыхъ.

Къ концу нашего періода не было ни одного — да и невозможно было бы и ожидать, чтобы былъ хоть одинъ — критикъ, который былъ бы способенъ указать, что въ теченіе полувѣка красоты англій-

ской литературы будутъ имѣть все туже окраску и будутъ простымъ продолженіемъ уже извѣстнаго въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ. И однако это такъ; и до настоящаго времени мы называемъ, да вѣроятно до тѣхъ поръ, пока будутъ люди, способные различить внѣшность литературныхъ явленій отъ ихъ сущности, и будутъ называть «Елисаветинской» литературой произведенія людей, нѣкоторые изъ которыхъ умерли черезъ семьдесятъ и болѣе лѣтъ послѣ того, какъ королева отправилась туда, куда раньше ея ушли Эссексъ и Марія Стюартъ.

Прежде чѣмъ попытаться указать въ немногихъ общихъ выраженіяхъ общія характерныя черты этаго центральнаго періода нашей литературы.—т. е. того краткаго времени, когда писатели собрали въ одномъ фокусѣ свои юныя и зрѣлыя силы и развили зародыши всей ихъ позднѣйшей зрѣлой и иногда даже перезрѣлой дѣятельности — необходимо дать краткій очеркъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ того времени и ихъ произведеній.

Періоды величайшей производительности.

Въ особенности слѣдуетъ отмѣтить одно обстоятельство. Мы указали, что до замѣчательнаго появленія первыхъ признаковъ жизни около 1580 года первая половина царствованія Елисаветы была не особенно богата положительно хорошими литературными произведеніями; а теперь мы должны указать, что даже и въ послѣдней половинѣ царствованія послѣдніе годы были плодотворнѣе первыхъ въ этомъ отношеніи. Въ восьмидесятыхъ годахъ вѣка, правда, появилась замѣчательная дѣятельность той группы, которую называютъ обыкновенно группой университетскихъ драматурговъ, величайшимъ изъ которыхъ былъ Марловъ; въ тоже время начался странный и съ литературной точки зрѣнія до сихъ поръ мало оцѣненный споръ «Мартина Марпрелата»: несомнѣнно, что тѣ-же авторы, которые писали драмы, и вѣроятно, если недостовѣрно, что тѣ-же авторы, которые писали памфлеты, написали также множество произведеній смѣшаннаго литературнаго рода: новеллы, соціальные эскизы и пр.— эти произведенія, хотя они и были написаны по большей части торопливо и нехудожественно, однако были интересны и многообѣщающи; можно сказать, что въ нихъ содержались зародыши большей части того матеріала—включая даже и литературную критику— который наполняетъ современные журналы. Но съ другой стороны, за исключеніемъ нѣкоторыхъ изъ произведеній Марлова, трудно въ это время указать хоть на одну изъ тѣхъ великихъ книгъ, которыми Елисаветинскій вѣкъ былъ извѣстенъ потомству. Напротивъ, девяностые года чрезвычайно богаты образцовыми произведеніями. Несомнѣнно, конечно, что нѣкоторыя изъ нихъ были написаны раньше; но принимая за критерій годъ дѣйствительнаго изданія, мы видимъ, что въ девяностыхъ годахъ появились: «Королева фей» и всѣ меньшія поэмы Спенсера, исключая «Календаря»; «Поэмы» и первыя

достовѣрныя піесы Шекспира, множество авторовъ сонетовъ, изъ которыхъ Шекспиръ и Спенсеръ были только главными, первыя историческія и другія поэмы Драйтона и Даніеля, сатиры Галля, Лоджа и Марстона, первыя пьесы Джонсона, Чапмана и Деккера, «Опыты» Бэкона и «Церковный строй» Гукера. Наврядъ ли можно найти другое такое десятилѣтіе, которое создало бы такое количество оригинальныхъ образцовыхъ произведеній разныхъ родовъ литературы. Я, по крайней мѣрѣ, не знаю другого такого десятилѣтія ни въ исторіи англійской литературы, ни въ исторіи какой-либо иной, съ которой я знакомъ.

Самое полное и завершенное произведеніе этого десятилѣтія было, безъ сомнѣнія, произведеніе Спенсера, умершаго въ 1599 году; онъ проявилъ свои достоинства за двадцать лѣтъ до этого времени, какъ мы уже видѣли; но въ полномъ цвѣту и во всей прелести его талантъ проявился между 1590 и 1600 годами. «Календарь пастуха» интересенъ; но было бы нелѣпо утверждать, что онъ столь же интересенъ, какъ Amoretti или «Гимны», не говоря уже о «Королевѣ фей». Правда, если бы за «Календаремъ» не послѣдовали другія произведенія Спенсера, возможно, что для строгихъ судей Спенсеръ не былъ бы великимъ поэтомъ, какимъ его признаютъ за его первое произведеніе, и навѣрное, онъ и не былъ бы дѣйствительно тѣмъ великимъ поэтомъ, какимъ мы его знаемъ теперь.

Faerie Queene.

«Королева фей» — изъ которой намъ извѣстна только половина, да блестящій отрывокъ «Пѣсня объ измѣнчивости» (Cantos of Mutability)—регистрирована или, говоря иначе, появленіе ея объявлено въ декабрѣ 1589 года. Появилась она нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе. Невозможно представить себѣ — хотя и хотѣлось бы представить это—какой эффектъ должно было произвести ея чтеніе. Мы не можемъ поставить себѣ въ положеніе людей того времени. Никакая умственная гимнастика не въ состояніи устранить тѣ условія, въ которыхъ мы живемъ и которыхъ они не знали; хотя, повидимому, и нѣсколько менѣе трудно, но въ дѣйствительности, вѣроятно, не менѣе невозможно возстановить тѣ условія, въ которыхъ жили они и которыя такъ далеки отъ насъ. Въ англійской литературѣ абсолютно не было ни одного первоклассnаго писателя, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, исключая одного Чосера; да и совсѣмъ не достовѣрно, чтобы Чосера знало и читало большинство тѣхъ, которые въ то время составляли читающую публику. Въ то время не было совсѣмъ и первоклассной нѣмецкой литературы; самый языкъ былъ очень мало извѣстенъ. Французская литература имѣла великолѣпное прошлое и великое будущее, но она находилась въ то время въ той же стадіи борьбы и попытокъ, какъ и англійская, или была только немного развитѣе этой послѣдней. Величайшіе изъ испанцевъ только начинали или приготовлялись писать; правда, были и

не пренебрегались тѣ образцы итальянской литературы, которыхъ никто не превзошелъ и съ которыми никто не сравнялся; но въ итальянской литературѣ господствовало понятіе, которое господствовало и въ Англіи также, какъ вездѣ, и которое могло оказаться непреодолимымъ препятствіемъ — да и на дѣлѣ оно оказалось серьезнымъ препятствіемъ—созданію чего нибудь дѣйствительно великаго въ туземныхъ литературахъ на новыхъ языкахъ. Это было понятіе о вѣчномъ и не подлежащемъ спору превосходствѣ классическихъ языковъ, и въ особенности латинскаго. Возрожденіе хотѣло быть и дѣйствительно было (хотя и въ меньшей степени, чѣмъ это обыкновенно предполагаютъ) возмущеніемъ противъ среднихъ вѣковъ. Но фактически оно даже превзошло средніе вѣка въ суевѣрномъ преклоненіи предъ древними языками. Отношеніе Данте къ Виргилію и Статіусу—которые, какъ поэты, ниже его:—первый много, а второй неизмѣримо—мало измѣнилось до конца семнадцатаго столѣтія; даже тѣ философы, которые хотѣли развѣнчать Аристотеля, для этого прибѣгали къ Платону, къ стоикамъ и къ Сексту Эмпирику. Самъ Бэконъ, какъ извѣстно, полагалъ, что народные языки годятся только какъ обыденныя орудія, непригодныя для изящной литературы. Самъ Спенсеръ, какъ мы уже говорили, не избѣгъ маніи насилованія англійскаго языка введеніемъ классическихъ метровъ; его главный литературный менторъ рѣзко осуждалъ его за то, что онъ написалъ «Королеву фей».

Тѣмъ не менѣе «Королева фей» все таки появилась и она была второй, если не первой, великой поэмой на англійскомъ языкѣ. Намъ незачѣмъ признавать Спенсера поэтомъ болѣе великимъ, чѣмъ Чосеръ, чтобы поставить «Королеву фей» выше «Кентербюрійскихъ разсказовъ». Въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, отношеніяхъ учитель имѣлъ преимущество, какъ поэтъ, надъ ученикомъ. Но въ другихъ отношеніяхъ величайшее произведеніе ученика на много превосходитъ всякое изъ отдѣльныхъ произведеній учителя. Въ немъ болѣе единства, болѣе глубокой и индивидуальной окраски, болѣе тонкой, хотя и менѣе примитивной прелести; и въ особенности оно имѣло прелесть индивидуальнаго и оригинальнаго и для нѣкоторыхъ, во всякомъ случаѣ, положительно несравненнаго стихосложенія. Длинные романы въ стихахъ—особенно длинные романы въ стихахъ въ аллегорической формѣ—не были новостью. Но насколько превзошли ихъ новыя качества именно этого романа?

Какое дѣйствіе произвело это произведеніе на современниковъ? На этотъ вопросъ мы не имѣемъ положительнаго отвѣта. Намъ извѣстно, что у Спенсера была цѣлая школа подражателей—главнымъ образомъ, хотя не исключительно, изъ его университета. Намъ извѣстно, что онъ имѣлъ большое и увеличивающееся вліяніе на его наслѣдниковъ поэтовъ, начиная съ Мильтона. Но намъ неизвѣстно,

Оцѣнка современниковъ.

что думали о немъ его современники, если оставить въ сторонѣ немногіе оффиціальные и оффиціозные панегирики, которые произносились и въ честь второразрядныхъ и третьеразрядныхъ современныхъ поэтовъ. Несомнѣнно, что въ то время были любопытные и старательные критики англійской литературы. Но они тоже страдали отъ того, такъ сказать, «косоглазія», о которомъ мы упомянули выше. Такъ напримѣръ, Уэббъ — писавшій, правда, только о «Календарѣ пастуха» — къ его неувядаемой чести назвалъ Спенсера «самымъ лучшимъ англійскимъ поэтомъ, какого я только читалъ», и потомъ, чтобы показать значеніе такой похвалы, онъ сравниваетъ Спенсера съ Габріелемъ Гарвеемъ; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что онъ былъ бы равенъ Виргилію и Теокриту, «еслибы не грубость нашего англійскаго языка» и наконецъ, въ третьемъ мѣстѣ онъ пытается перевести «Календарь» на англійскіе саффическіе стихи!

Такъ затуманены были представленія даже людей съ лучшими намѣреніями и съ самой искренней любовью къ литературѣ въ то время, когда появилась «Королева фей». Гальсъ, можетъ быть, правъ, говоря, что она «была принята съ крайней радостью и удивленіемъ». Будемъ надѣяться, что это такъ, ибо она заслуживала этого. Такой мелодіи никогда раньше не слыхали на англійскомъ языкѣ. Замѣчательная ткань воображенія, сотканная такъ искусно на ея страницахъ; блестящія созданія не только поэтической фантазіи, но и настоящаго характернаго воспроизведенія и этическаго построенія, замѣчательное искусство языка и метра (можетъ быть оба нѣсколько манерные и искусственные; но манерности изящной, искусственности замѣчательно выработанной); ученость, захватъ, очевидная сдержанность зрѣлаго таланта — все это появилось впервые въ Англіи. Всѣ эти свойства проявились и послѣ, въ окончаніи его «Королевы», въ соннетахъ, въ «Эпиталамѣ», въ «Гимнахъ» — во всѣхъ произведеніяхъ Спенсера, которыя онъ написалъ въ теченіе своей непродолжительной поэтической карьеры.

Марловъ и его группа.

Дѣятельность второй группы также, какъ и ея судьба, были отличны отъ дѣятельности и судьбы Спенсера. Хотя его конецъ былъ трагическимъ и въ жизни у него было не мало разочарованій, тѣмъ не менѣе, вообще говоря, эта жизнь была пріятной и любопытной. Онъ рано вступилъ въ лучшее общество и скоро былъ представленъ ко двору, онъ получилъ пенсію и большое помѣстье, и если бы не ирландское возстаніе, онъ, вѣроятно, умеръ бы достаточно зажиточнымъ провинціальнымъ дворяниномъ. Люди, работавшіе вмѣстѣ съ Марловомъ и создавшіе новую англійскую драму, были по большей части университетскими людьми. Лили, принадлежавшій къ этой группѣ внѣшнимъ образомъ, и сдѣлавшій свое дѣло раньше всѣхъ другихъ членовъ группы, Пиль и Лоджъ были оксфордцы; Марловъ, Гринъ и Нашъ были кембриджцы. О мѣстѣ образованія Кида ничего неизвѣстно

достовѣрно; но вѣроятно, что и онъ былъ университетскимъ человѣкомъ. Эти семь человѣкъ въ теченіи десяти лѣтъ, между 1580 и 1590 годами и нѣсколькихъ лѣтъ послѣдующаго десятилѣтія создали одинъ изъ оригинальнѣйшихъ и сильнѣйшихъ, хотя и полный недостатковъ, родовъ драматической поэзіи. Несомнѣнно, что всѣ они были знакомы съ произведеніями трагика Сенеки и одинъ изъ нихъ, Кидъ, перевелъ одну изъ главныхъ пьесъ континентальнаго подражателя Сенеки, «Корнелію» Роберта Гарнье. Мы уже раньше замѣтили, что, по мнѣнію многихъ критиковъ, громы и кровь, духи и ужасы всякаго рода, напыщенность языка и ходульность стиха, которыми отличаются произведенія группы, объясняются вліяніями этаго сильнаго, но нѣсколько искалеченнаго драматурга латинскаго «серебрянаго вѣка». Несомнѣнно, однако, то, что общій планъ ихъ драмъ не заимствовалъ ничего или заимствовалъ очень немного у Сенеки, но былъ, напротивъ, такимъ прямымъ возмущеніемъ противъ «правильной» трагедіи, какое только можно себѣ представить. Точно также они не обращались къ какой нибудь современной литературѣ, какъ къ противовѣсу древнимъ, какъ это часто дѣлали позднѣйшіе драматурги. Да имъ и не къ кому было обращаться, если мы не захотимъ преувеличивать тѣ незначительныя заимствованія, какія они дѣлали отъ старой мистеріи чрезъ посредство болѣе новыхъ интерлюдій и разныхъ смѣшанныхъ формъ этаго рода, о которыхъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ. Они, удержавъ акты, сцены и общее распредѣленіе драмы, бросили на вѣтеръ всяческія «единства», дали волю своему воображенію и придали театральную форму содержанію хроникъ и романовъ по такому методу, подобіе котораго можно, пожалуй, найти въ комедіи древнихъ, но навѣрное не въ трагедіи древнихъ. Они сдѣлали даже больше. Они отказались отъ величественныхъ и ходульныхъ десятистопныхъ стиховъ «Горбодука», они укоротили и отполировали громоздкій и слащавый четырехстопный стихъ и короткіе стихи (doggerels) старыхъ пьесъ, замѣнивъ ихъ самымъ величественнымъ стихомъ у Марлова и самымъ мягкимъ и нѣжнымъ у Пиля, какія только имѣются на англійскомъ языкѣ. Неудивительно, что бурность и сила дѣйствія, переданнаго въ такихъ небывало блестящихъ стихахъ, сдѣлали или по крайней мѣрѣ помогли сдѣлать театръ самымъ популярнымъ изъ развлеченій. Правда, что пьесы, изъ которыхъ самыми знаменитыми были «Докторъ Фаустъ», «Тамерланъ», «Малтійскій еврей» и «Эдуардъ Второй»—Марлова, «Судъ Париса», «Сказки старыхъ бабъ», «Давидъ и Бетсабъ»—Пиля, «Фріаръ Бэконъ»—Грина, «Испанская трагедія»—Кида—имѣли всѣ недостатки, какія только можетъ имѣть драма, кромѣ вялости. Хаотическое и невѣроятное дѣйствіе, характеры невыработанные, самая дикая болтовня діалоговъ, удивительное неприличіе фразеологіи и дѣйствія, встрѣчаются на каждомъ шагу. Поэты не могутъ или не хо-

тятъ держаться на высотѣ своей поэтической силы. Строки несравненной красоты, такой комбинаціи звучности и поэтическаго воображенія, съ которыми не могутъ сравниться произведенія ни одного изъ новыхъ поэтовъ, кромѣ Данте и Чосера, чередуются съ мишурными и неуклюжими рифмами. Кромѣ Марлова и иногда Пиля, ни одинъ изъ группы не можетъ держаться на высотѣ даже въ не особенно длинномъ монологѣ, да и самъ Марловъ не всегда можетъ сдѣлать это.

Цыганство драматурговъ.

Ничего не можетъ быть невѣрнѣе попытокъ судить о человѣкѣ по его произведеніямъ; но въ этомъ частномъ случаѣ, повидимому, была нѣкоторая связь между неправильной жизнью этихъ людей и неправильностями ихъ произведеній. Лили въ этомъ отношеніи также, какъ и въ другихъ, составлялъ исключеніе. Лоджъ, если онъ и былъ нѣкоторое время цыганомъ—что вѣроятно—, потомъ сдѣлался солиднымъ медикомъ; о личности Кида мы ничего почти не знаемъ. Но почти достовѣрно, что Марловъ, Гринъ, Пиль и Нашъ, и въ особенности трое первые, вели до чрезвычайности нерегулярную жизнь и кажется, что всѣ они дурно кончили, какъ это обыкновенно говорится. Несомнѣнно, что есть много преувеличеній въ традиціонныхъ разсказахъ о мошенническихъ дѣяніяхъ Пиля. Ни одинъ разсудительный человѣкъ безъ колебаній не повѣритъ разсказамъ—основаннымъ на странномъ соединеніи обвиненій враговъ и на сознаніи самихъ обвиняемыхъ—о буйствѣ, нищенствѣ и атеизмѣ Марлова, Грина и, въ меньшей степени, Наша. Но доказательства относительно общаго характера жизни Марлова и Грина слишкомъ убѣдительны, чтобы имъ можно было не вѣрить. Можетъ быть, ихъ жизнь не была до чрезвычайности преступной, но она была, какъ это обыкновенно называется, до крайности цыганской. Привычки и складъ жизни въ такомъ большомъ городѣ, какимъ тогда уже былъ Лондонъ, переполненномъ авантюристами всякаго рода и не имѣвшемъ при томъ порядочной полиціи, конечно, были не особенно поучительны и если имѣется достаточное количество литературныхъ преувеличеній въ любопытномъ рядѣ памфлетовъ (главнымъ образомъ Грина, Наша и Деккера), описывающихъ столичные нравы и въ постоянныхъ указаніяхъ на нихъ въ легкихъ піесахъ драматурговъ, кромѣ Шекспира, то все-таки Лондонъ при Елисаветѣ былъ по крайней мѣрѣ не болѣе нравственнымъ, чѣмъ любая столица въ древности или въ новое время. Драматурги, повидимому, всецѣло погрузились въ такую столичную жизнь, причемъ у нихъ къ этому примѣшивалась и личная и профессіональная жадность «видѣть жизнь», что, какъ извѣстно, съ незапамятныхъ временъ всегда составляло извиненіе для художника. Возможно, что тотъ вихрь настроеній, среди котораго они жили, до значительной степени обусловливалъ бурность и безпокойство ихъ генія. Кажется несомнѣннымъ, что онъ не давалъ имъ времени для исправленія и усовершенствованія ихъ произведеній и что вліяніе

его на ихъ жизнь, выражаясь мягко, не было благодѣтельнымъ. Пилю было не больше сорока лѣтъ, Грину только тридцать два, а Марлову меньше тридцати, когда они умерли, да и Нашъ навѣрное жилъ не дольше. И конецъ былъ прямо или косвенно ускоренъ именно распущенностью поведенія, что по крайней мѣрѣ несомнѣнно относительно Грина и Марлова.

Шекспиръ.

Чрезвычайно интересенъ вопросъ: въ какихъ отношеніяхъ съ этими людьми былъ Шекспиръ и каково настоящее отношеніе его дѣятельности къ ихъ дѣятельности? Классическое мѣсто по этому предмету— это постоянно цитируемое мѣсто изъ памфлета, который есть или предполагается быть послѣднимъ словомъ умирающаго Роберта Грина— хотя, можетъ быть, это послѣднее слово вложено въ его уста другими. Въ немъ, кромѣ жалостнаго описанія и извиненія предполагаемой дурной жизни Грина и разговора съ его дузьями и товарищами, имѣется рѣзкая тирада противъ «нѣкотораго выскочки, вороны украсившей себя нашими перьями», который считаетъ себя «единственнымъ потрясателемъ сцены (Shakescene) въ странѣ». Почти всевозможныя разсужденія и обсужденія—притомъ даже такія, которыя для простыхъ людей представляются совершенно непонятными—были примѣняемы къ Шекспиру и Шекспиріанцамъ и конечно возможно утверждать, что въ вышеприведенномъ мѣстѣ не имѣется никакого намека на него, что Shakescene, не смотря на соблазнительность сопоставленія съ именемъ Шекспира, есть просто презрительный варіантъ слова: лицедѣй, Scene-Shifter. Тѣмъ не менѣе можно допустить, что намекъ чрезвычайно возможенъ и даже вѣроятенъ. Если это, дѣйствительно, намекъ, то онъ сдѣланъ былъ въ 1592 году, когда Шекспиру было двадцать восемь лѣтъ, когда, какъ полагаютъ, онъ уже въ теченіи семи лѣтъ имѣлъ тѣ или другія связи съ театромъ и когда нѣкоторыя изъ его первыхъ произведеній появились на сценѣ—хотя мы и не знаемъ точно, какія именно — когда онъ, наконецъ, уже издалъ или готовилъ изданіе «Венеры и Адониса». Если это мѣсто памфлета Грина намекало дѣйствительно на Шекспира, то Четтль, издатель Грина, вскорѣ извинился за Грина, выдавъ, такъ сказать, похвальное свидѣтельство человѣку, на котораго нападалъ Гринъ. И мы имѣемъ очень любопытный противовѣсъ такому спору университетскихъ умниковъ (University Wits) относительно Shakescene въ рядѣ «Парнасскихъ» пьесъ, въ которыхъ встрѣчаемъ похвалы Шекспиру, какъ поэту и драматургу. Но слѣдуетъ замѣтить, что это было, кажется, нѣсколько позднѣе—навѣрное послѣ 1597 года.

Мы не располагаемъ мѣстомъ, чтобы заниматься здѣсь такими мелочами. Замѣтки «Парнасса», однако, особенно цѣнны, такъ какъ онѣ доказываютъ, что до конца столѣтія Шекспиръ былъ хотя и высоко цѣнимъ, но извѣстенъ онъ былъ только какъ авторъ любовныхъ поэмъ и пьесъ, вродѣ «Ромео и Жюльетта» и можетъ быть лег-

кихъ комедій и хроникъ. Это указаніе гораздо важнѣе, чѣмъ всѣ безконечные аргументы для опредѣленія точной хронологіи того, точныя даты чего опредѣлить невозможно. Потому мы безопасно можемъ признать (при отсутствіи всякихъ другихъ доказательствъ), что по возвращеніи Шекспира въ Стратфордъ, за два или за три года до конца шестнадцатаго вѣка, поэмы, нѣкоторые изъ его сонетовъ и нѣкоторыя изъ вышеупомянутыхъ пьесъ были единственными его произведеніями. Совершенно очевидно, что въ этихъ послѣднихъ онъ, какъ и всякій геніальный человѣкъ, былъ многимъ обязанъ своимъ предшественникамъ—какъ той группѣ писателей, о которой мы говорили, такъ и многимъ другимъ неизвѣстнымъ и малоизвѣстнымъ авторамъ. Количество драматическихъ произведеній, поставленныхъ въ то время, но никогда не напечатанныхъ и невыходившихъ изъ рукъ актеровъ, было громадно. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и не только въ драматическихъ хроникахъ, Шекспиръ несомнѣнно «переписывалъ» болѣе раннія произведенія другихъ и даже тамъ, гдѣ онъ не дѣлалъ этаго, онъ пользовался находившимися въ его распоряженіи образцами. Иногда онъ осмѣивалъ ихъ, а иногда копировалъ. Можно сказать, что иногда онъ на столько «воровалъ» ихъ громы, что этаго было достаточно для того, чтобы объяснить, если не оправдать, негодованіе Грина.

Его долгъ предшественникамъ.

Никто не сомнѣвается въ томъ, что Шекспиръ, предоставленный всецѣло себѣ самому, создалъ бы драму, равную любой изъ произведеній этаго рода; но также никто, кромѣ людей, разсматривающихъ литературу съ точки зрѣнія совершенно не исторической и не эстетической, не будетъ сомнѣваться и въ томъ, что имѣть предъ собой такіе образцы, какъ стихи Марлова и Пиля и драматическіе планы не только ихъ, но цѣлой толпы меньшихъ талантовъ—было неоцѣненной выгодой; такой выгодой, какая падаетъ на долю только высоко геніальныхъ людей, по той простой причинѣ, что только великій геній и можетъ и готовъ воспользоваться ей.

Елисаветинская драма и театръ.

Такимъ образомъ, благодаря ему и благодаря той замѣчательной группѣ его предшественниковъ, современниковъ и послѣдователей, дѣятельность которыхъ охватываетъ семидесятилѣтній періодъ, хотя лучшая часть этой дѣятельности совершена въ пятьдесятъ лѣтъ, развилось то, что мы называемъ обыкновенно Елисаветинской драмой. Много было написано о ея аксессуарахъ и условіяхъ; здѣсь намъ необходимо сказать немногое. Извѣстно достовѣрно, что сначала труппы актеровъ въ большинствѣ случаевъ (если не всегда) были «слугами» какого нибудь знатнаго лица—и въ то время это было почти необходимо въ виду защиты ихъ отъ разныхъ бѣдствій—покровительство котораго могло дать имъ безнаказанность и свободу ихъ дѣятельности, или представителями какого нибудь общественнаго учрежденія, подъ защитой котораго они могли давать свои представленія. Посте-

пенно и, конечно, довольно скоро любовь народа къ подобнаго рода развлеченіямъ вызывала необходимость удовлетворенія ея тѣмъ или инымъ способомъ. О формѣ тогдашняго театра можно скорѣй догадываться, чѣмъ сказать что нибудь опредѣленное; но по всей вѣроятности онъ устраивался на дворахъ тогдашнихъ гостинницъ съ ихъ этажами галерей. Эти дворы давали возможность устроить на нихъ и сцену и наиболѣе удобно помѣстить зрителей. Когда начали строить спеціальные театры, они строились по тому же плану, имѣвшему то удобство, что при немъ требовался минимумъ расходовъ на постройку, давалась возможность обойтись безъ искусственнаго освѣщенія (которое было и дорого, да и неудовлетворительно) и возможность давать представленія днемъ, что имѣло значеніе въ то время, когда люди ложились спать рано и когда улицы при наступленіи ночи отнюдь не были безопасными. Говоря другими словами, тогдашній театръ былъ устроенъ такъ, что партеръ или «колодезь» былъ открытъ, а подъ крышей были только галереи. Сцена была относительно большая; но она уменьшалась благодаря обычаю, долго существовавшему во всѣхъ европейскихъ странахъ, ставить для наиболѣе важныхъ зрителей стулья на сценѣ. Сценарія не было и онъ замѣнялся досками съ самыми первобытными описаніями. Но кажется, что этаго нельзя сказать относительно костюмовъ, которые отличались изяществомъ, вѣроятно дешевымъ. Доходы случайныхъ актеровъ были не велики и жизнь ихъ, вѣроятно, была трудная; намъ извѣстно изъ положительныхъ источниковъ, что суммы, платимыя театральнымъ поэтамъ, были очень незначительны. Но тѣ изъ актеровъ, которые были дольщиками въ труппѣ и которые не расточали своихъ сбереженій въ кутежахъ, могли скопить деньги; это доказывается примѣромъ самого Шекспира, Аллейна, Бербэжа и другихъ.

Жизнь Шекспира.

При такихъ то условіяхъ, при случайныхъ, но не болѣе поощряющихъ творчество, представленіяхъ въ домахъ знатныхъ людей, Шекспиръ и другіе, какъ упомянутые, такъ и тѣ, о которыхъ мы будемъ говорить дальше, драматурги создали англійскую драму. Собственно говоря, о самомъ Шекспирѣ намъ неизвѣстно ничего положительнаго. Онъ родился въ 1564 году, а умеръ въ 1616 году богатымъ домовладѣльцемъ въ Стратфордѣ на Авонѣ. Онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей; ему были должны, онъ получилъ или пытался получить долги; онъ страдалъ отъ литературнаго соперничества и наслаждался литературными комплиментами—все остальное, что намъ извѣстно, извѣстно изъ пустой и никуда негодной болтовни кумушекъ, по большей части долго спустя послѣ фактовъ, о которыхъ онѣ разсказывали, изъ неосновательныхъ заключеній и изъ разсказовъ о неважныхъ и для мыслящихъ людей неинтереспыхъ подробностяхъ—въ сущности же говоря, о немъ самомъ мы ничего не знаемъ. Да и вообще то говоря, наши свѣдѣнія о литераторахъ Елисаветин-

скаго вѣка самыя ничтожныя. О Спенсерѣ, человѣкѣ, находившемся въ постоянныхъ отношеніяхъ съ выдающимися личностями того времени, намъ извѣстно мало; о Бенѣ Джонсонѣ, литературномъ патріархѣ, посѣщавшемъ младшихъ литераторовъ въ такое время, когда литераторъ былъ уже болѣе почтенной и болѣе солидной особой, чѣмъ во времена Шекспира, мы знаемъ не особенно много. О Чапманѣ, Драйтонѣ, Даніелѣ и другихъ, которые всѣ по рожденію были джентльменами и имѣли нѣкоторое положеніе въ обществѣ, наши свѣдѣнія до чрезвычайности туманны. О большинствѣ другихъ Елисаветинскихъ драматурговъ и поэтовъ мы знаемъ только годъ ихъ поступленія въ университетъ и полученія степени, если они были университетскими людьми, годъ ихъ назначенія на должность, если они были чиновниками и иногда, но далеко не всегда, годы ихъ рожденія, брака и смерти. Даже о такихъ людяхъ, какъ Донне, который потомъ занималъ постъ болѣе важный, чѣмъ многія изъ англійскихъ епископствъ, и біографія котораго написана вскорѣ послѣ его смерти его личнымъ другомъ, свѣдѣнія почти также достовѣрны и опредѣленны, какъ мельканіе свѣта на стѣнѣ. Какимъ же образомъ мы можемъ ожидать, что узнаемъ — кромѣ, какъ по чистой случайности — что нибудь опредѣленное о Шекспирѣ, который родился въ маленькомъ городкѣ въ неродовитой семьѣ, въ университетѣ не былъ, не принадлежалъ ни къ какой изъ признанныхъ профессій, не служилъ, не имѣлъ связей съ какими либо знатными лицами—разсказы о такихъ его связяхъ только догадки—при жизни ничего не издалъ, кромѣ нѣсколькихъ юношескихъ поэмъ и провелъ послѣдніе двадцать лѣтъ своей не особенно долгой жизни въ своемъ родномъ городкѣ или, вѣрнѣе сказать, деревнѣ?

Съ другой стороны мы имѣемъ и знаемъ его произведенія и съ нашей стороны было бы ужъ очень глупо промѣнять даже наиболѣе сомнительныя и худшія изъ нихъ на біографію, хотя бы и такую подробную, какъ біографіи Байрона или Маколея. Можно быть неувѣреннымъ, какія именно произведенія Шекспира принадлежатъ періоду, описываемому въ этой главѣ, и какія изъ нихъ дѣйствительно принадлежатъ цѣликомъ самому Шекспиру. Для современнаго писателя это загадка, разрѣшить которую онъ не можетъ, да о рѣшеніи которой и не особенно заботится. Но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ эти годы — обыкновенно считаютъ двѣнадцать лѣтъ, отъ 1585 или 1586 до 1597 года — онъ создавалъ себя, какъ это говорится о знаменитыхъ англійскихъ литераторахъ позднѣйшаго времени—и въ то же время создавалъ англійскую драму. Дальше мы скажемъ нѣсколько словъ о характерѣ его драмъ и драмъ другихъ авторовъ, а теперь вернемся къ его товарищамъ на этомъ поприщѣ въ послѣдніе десять или пятнадцать лѣтъ шестнадцатаго столѣтія.

Старѣйшимъ изъ нихъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ важнѣйшимъ

былъ Георгъ Чапманъ, человѣкъ старше Шекспира лѣтъ на шесть, хотя онъ пережилъ его почти на двадцать лѣтъ, замѣчательный драматургъ, почтенный поэтъ и удивительный переводчикъ. Фактически невозможно для всякаго, имѣюшаго какое нибудь отношеніе къ сценѣ, совершенно избѣжать цыганскихъ обычаевъ и цыганскихъ заботъ; не избѣжалъ ихъ и Чапманъ; но кажется, что онъ сравнительно мало жилъ цыганской жизнью и вообще держался въ сторонкѣ. Но сцена, очевидно, сильно привлекала его; кажется, что онъ работалъ для нея, какъ въ царствованіе Елисаветы, такъ и въ царствованіе Карла I. Онъ былъ оксфордскій человѣкъ и, какъ доказываютъ его Гомеръ и другія вещи, не плохой ученый; но онъ никогда не могъ отдѣлаться отъ нѣкоторой совсѣмъ неученой грандіозности, отъ возвышенныхъ цѣлей, совсѣмъ не соотвѣтствующихъ его средствамъ, отъ тенденціи къ надутости діалоговъ и къ мелодраматичности въ дѣйствіи—отъ всѣхъ тѣхъ свойствъ, которыя Шекспиръ, испытавъ прелести этихъ театральныхъ Далилъ, довольно быстро побѣдилъ и переросъ. Георгъ Чапманъ.

Менѣе значительнымъ, чѣмъ Чапманъ, также, какъ и онъ, джентльменъ и оксфордскій человѣкъ, также какъ и онъ принадлежавшій къ кровавой и громовой трагической школѣ, поэтъ менѣе сильный, но сатирикъ рѣзкій и не безъ нѣкоторой силы, былъ Джонъ Марстонъ, время рожденія котораго неизвѣстно, но который, кажется, былъ еще молодымъ человѣкомъ въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, когда появились его сатиры и поэмы, за которыя онъ имѣлъ непріятности съ властями. Онъ писалъ много драмъ въ началѣ слѣдующаго столѣтія; кажется, принялъ посвященіе, отрекся отъ сцены и умеръ около того же времени, какъ и Чапманъ, около 1634 года. Ни у одного изъ англійскихъ драматурговъ—ни у Марлова и членовъ его группы, извѣстныхъ и анонимныхъ, ни у Кирила Турнера, самыя названія пьесъ котораго («Трагедія мстителя» и «Трагедія атеиста») говорятъ за себя, ни у Четтля и другихъ, вродѣ автора Шекспировскихъ апокрифовъ, написавшаго «Арденъ Февершамъ» и «Іоркширскую трагедію», даже у извѣстныхъ образцовыхъ типичныхъ драматурговъ того времени, о которыхъ мы будемъ говорить потомъ, у Вебстера и Форда, не замѣчается такого стремленія выставлять одни только ужасы, убійства, измѣны и ужаснѣйшіе грѣхи, какъ у Марстона. Джонъ Марстонъ.

Такое стремленіе менѣе проявляется у лично почти неизвѣстнаго Томаса Деккера, плодовитая дѣятельность котораго началась въ царствованіе Елисаветы и всегда отличалась пріятной и граціозной мягкостью. Оно не особенно выдается и у Веніамина Джонсона, о которомъ, какъ о самомъ выдающемся писателѣ слѣдующаго литературнаго періода, будемъ говорить послѣ, но котораго бурная юность начала замѣняться большимъ спокойствіемъ еще до воцаренія ко- Томасъ Деккеръ.

роля Іакова и котораго замѣчательная комедія Every Man in his Humour, во всякомъ случаѣ въ первоначальной редакціи, была написана за пять лѣтъ до смерти Елисаветы. Если мы скажемъ, что эти четыре автора были только наиболѣе выдающимися изъ значительнаго количества другихъ, мы получимъ нѣкоторое представленіе о необычайной плодовитости этого періода въ дѣлѣ драматическихъ произведеній — и такое представленіе, можетъ быть, будетъ болѣе живымъ, чѣмъ даваемое сухимъ перечисленіемъ авторовъ и ихъ произведеній или непонятными намеками.

Сонеты. По отношенію къ другимъ общимъ родамъ поэзіи въ этотъ періодъ было сдѣлано нѣсколько меньше, чѣмъ въ послѣдующій. Любопытно, что не только Спенсеръ, но и оба главные представители драматическихъ школъ, Марловъ и Шекспиръ, были и представителями этихъ другихъ родовъ поэзіи. Шекспиръ и Спенсеръ были главными изъ авторовъ, писавшихъ сонеты; а созданіе сонетовъ, вмѣстѣ съ развитіемъ, которое можно считать, такъ сказать, дополнительнымъ, сочиненій историческихъ поэмъ, составляло главную характерную черту развитія поэзіи въ концѣ царствованія Елисаветы. Два великіе «историка», т. е. авторы историческихъ поэмъ, Драйтонъ и Даніель, были также сонетчиками; третій такой «историкъ», Варнеръ, котораго обыкновенне ставятъ рядомъ съ этими двумя, кажется не писалъ сонетовъ. Но вообще говоря, «засахаренный сонетъ» былъ главнымъ удовольствіемъ и развлеченіемъ настоящаго поэта того времени. Мы уже говорили выше, что эту соблазнительную форму поэзіи ввели Уайттъ и Сюррей и что черезъ нѣсколько лѣтъ Сидней и Ватсонъ, за которыми вскорѣ послѣдовалъ и Спенсеръ, выразили новое поэтическое настроеніе въ изящной и свѣтлой поэтической формѣ. Но только въ послѣднее десятилѣтіе шестнадцатаго вѣка, и въ особенности въ теченіи четырехъ лѣтъ, 1593 — 1596, вліяніе сонета проявилось съ полной силой. Дата сонетовъ Шекспира также достовѣрно неизвѣстна, какъ и большинство другихъ обстоятельствъ относительно этой замѣчательной коллекціи; но не можетъ быть никакого сомнѣнія, что они написаны именно около этого времени. Относительно времени написанія сонетовъ другихъ авторовъ такихъ сомнѣній не имѣется; большинство сборниковъ, изданныхъ въ этомъ періодѣ, носитъ имя какой нибудь дѣйствительной или воображаемой возлюбленной поэта, какъ это было и съ первыми «вѣнками» французской «плеяды»; къ списку раньше указанныхъ подражаній слѣдуетъ присоединить парафразъ Депорта—Лоджа и любопытный «adespoton» подъ названіемъ «Зефирія».

Въ 1593 году появились «Парфенофилъ»—Варнавы Барнеса; «Ликія» — Жильса Флетчера старшаго, «Филлида» — Томаса Лоджа. Въ 1594 году «Авиза» — Виллогби, «Целія» — Перси, вышеупомянутая «Зефирія» неизвѣстнаго автора, «Діана»—Констебля, «Далія»—Да-

ніеля и «Идея»—Драйтона. Въ 1595 году появились «Алцилія» нѣкоего J. C., въ 1596 году Amoretti — Спенсера, «Діелла» — Линча, «Фидесса»—Гриффина и «Хлорида»—Смита.

Собственно говоря, не всѣ поэмы этихъ сборниковъ настоящіе сонеты, даже не всѣ сонеты изъ четырнадцати строкъ (quatorzain). Даже Ватсонъ писалъ сонеты въ восемнадцать строкъ, а его послѣдователи называли сонетомъ чуть ли не всякаго рода любовную поэму. Но все таки большинство дѣйствительно сонеты; между всѣми ними большое сходство и они составляютъ одинъ изъ замѣчательныхъ родовъ англійской поэзіи. Въ лучшихъ изъ сонетовъ Шекспира и Спенсера или въ той великолѣпной вещи, которая начинается строкой: Since there's no help, come let us kiss and part и находится въ нѣкоторыхъ изданіяхъ «Идеи»—Драйтона, хотя по стилю совершенно не походитъ на его произведенія, авторы достигаютъ высшаго совершенства этого рода поэзіи; остальные, при различныхъ степеняхъ достоинства, доказываютъ во всякомъ случаѣ существованіе высокаго поэтическаго тона и поэтическаго настроенія въ душѣ тогдашняго общества. Изъ другихъ главныхъ формъ, въ которыхъ проявились этотъ тонъ и это настроеніе, одна была очень родственна сонету, а другая оченъ далека отъ него. Эти два рода суть: пѣсни того времени, поэмы, которыя дѣйствительно предназначались для пѣнія съ акомпаниментомъ лютни и другихъ инструментовъ, и сатиры, которыя на время, по крайней мѣрѣ, были очень любимыми; сатиры Марстона, Донне, Лоджа и другихъ даютъ изображеніе нравовъ — изображеніе, къ которому слѣдуетъ, однако, относиться съ осторожностью и которыя несомнѣнно были подражаніемъ древнимъ; ибо, очевидно, что передъ глазами авторовъ всегда были Горацій, Ювеналъ и въ особенности Персій. По всей вѣроятности, особенно рѣзкій и растрепанный стиль этихъ сатиръ объясняется вліяніемъ именно Персія; а принимаемый ими нѣсколько насильственный тонъ нравственнаго негодованія заимствованъ ими у Ювенала.

Любопытно, что пѣсенная поэзія, произведеній которой было гораздо больше и которая имѣла гораздо больше прелести, чѣмъ сатиры, скоро вышла изъ моды, тогда какъ сатиры никогда вполнѣ не теряли своей популярности. Можетъ быть, это объясняется постепеннымъ исчезновеніемъ лютни, какъ общеупотребительнаго инструмента для увеселенія всякаго образованнаго джентльмена и лэди, такъ какъ лютня вышла изъ употребленія вскорѣ послѣ реставраціи (хотя старая система сохранялась Пеписомъ и другими). Пѣсни обыкновенно печатались съ нотами и такъ какъ послѣднія были уже не нужны, то естественно, что оказались ненужными и первыя. Вообще этотъ прекрасный родъ Елисаветинской литературы былъ открытъ чуть ли не позже всѣхъ остальныхъ и только въ самые послѣдніе годы онъ сдѣлался извѣстенъ кому нибудь, кромѣ спеціа- Лирика.

листовъ, и распространился при посредствѣ антологій или сборниковъ поэзіи среди массы обыкновенныхъ читателей. И однако поэтическія достоинства этого рода очень значительны, даже удивительны, и до сего времени есть нѣчто непонятное и даже не особенно умное въ томъ, что такія прекрасныя вещи, какія иногда встрѣчаются въ этихъ сборникахъ, приписываются людямъ, иногда совершенно неизвѣстнымъ или и извѣстнымъ, не не отличавшимся какими либо литературными талантами. Дѣло не въ томъ только, что пѣсни эти замѣчательно музыкальны, что онѣ звучатъ, какъ магическія лютни легендъ, сдѣланныя изъ костей мертвецовъ, съ струнами изъ волосъ умершихъ дѣвушекъ. Онѣ замѣчательны просто, какъ поэтическія произведенія даже безъ всякаго акомпанимента.

Проза. Для читателя проза этого періода можетъ быть менѣе интересна, чѣмъ поэзія, хотя въ первыхъ произведеніяхъ Ралейга, Бэкона и другихъ мы уже встрѣчаемъ предвѣстниковъ той великолѣпной стилистики, которая въ слѣдующемъ періодѣ поставила англійскую прозу на такую высоту, которой она никогда, ни раньше, ни позже, не достигала.

Дѣло, повидимому, было въ томъ, что несмотря на появленіе нѣкоторыхъ великихъ прозаиковъ, сама прозаическая литература находилась въ положеніи, на половину дезорганизованномъ, на половину въ положеніи реорганизирующейся, какой была и поэзія въ періодъ между Уайтомъ и Спенсеромъ. Мы уже въ предыдущихъ главахъ говорили о прозѣ первыхъ писателей эпохи возрожденія, главнѣйшимъ изъ которыхъ былъ Ашамъ, о приличномъ, разумномъ, но не особенно вдохновенномъ соединеніи въ ихъ прозѣ латинскаго порядка и англійской силы. Въ теченіи излагаемаго періода такая проза достигла высшей степени развитія въ «Церковномъ строѣ» Гукера, въ сочиненіи, относившемся къ послѣднему десятилѣтію шестнадцатаго вѣка, такъ какъ первое изданіе появилось въ 1594, а второе въ 1597 году. Съ извѣстной точки зрѣнія можетъ несомнѣнно казаться, какъ будто проза настолько же потеряла, насколько и выиграла, отступивъ отъ стиля Гукера, писавшаго замѣчательно хорошо и соединявшаго ясность, правильность и изящество съ полной свободой отъ сухости или педантства. Еслибы отвращеніе большинства образованныхъ англичанъ того времени отъ теологическихъ изслѣдованій и церковническихъ настроеній сопровождалось прекращеніемъ чтенія Гукера и великихъ богослововъ, слѣдовавшихъ за нимъ, то даже съ чисто литературной точки зрѣнія это было бы серьезной потерей. Но у него было, можетъ быть, нѣкоторое непадлежащее воспоминаніе о схоластикѣ—не по методу, не по предмету или цитатамъ, а по общему тону и плану фразеологіи. Онъ представляется намъ до нѣкоторой степени человѣкомъ, который также охотно сталъ бы писать по латини, какъ и по англійски, и который, даже пиша

по англійски, не можетъ вполнѣ отдѣлаться отъ образцовъ латинскаго стиля, отъ воспоминанія о латинскомъ синтаксисѣ. Тѣмъ не менѣе было бы не вѣрно, если бы мы вздумали утверждать, что у Гукера замѣчается какая либо принужденность; несомнѣнно, что его англійскій стиль благороденъ. Наиболѣе аргументативныя мѣста еще припахиваютъ тезами, которыя въ то время не отжили своего вѣка; историческія и реторическія мѣста припахиваютъ немного кафедрой, съ которой такъ часто проповѣдывалъ авторъ и которая все болѣе и болѣе привлекала къ себѣ талантливыхъ людей и все болѣе и болѣе удовлетворяла вкусамъ англичанъ. И однако на англійскомъ языкѣ немого такихъ замѣчательныхъ книгъ, какъ «Церковный строй», немного столь привлекательныхъ даже для такого читателя, который и не знатокъ этого предмета, да и мало о немъ безпокоится.

Эта умѣренная и ученая проза была представительницей наибольшаго развитія англійской прозаической литературы съ одной стороны, а съ другой представителемъ и выраженіемъ новыхъ настроеній являлся странный эвфуизмъ Лили, о которомъ мы говорили уже достаточно; вообще же проза все болѣе и болѣе становится орудіемъ общенія писателя съ публикой. Ей пользовались и въ крупныхъ и въ мелкихъ размѣрахъ и для самыхъ разнообразныхъ цѣлей. Ноллисъ въ своемъ деревенскомъ домѣ работалъ надъ своей громадной «Исторіей турокъ» — надъ книгой, которую нѣкоторые даже чрезъ полтораста лѣтъ послѣ его смерти считали самымъ замѣчательнымъ и крупнѣйшимъ историческимъ произведеніемъ, написаннымъ на англійскомъ языкѣ, и которая даже компетентными людьми считается замѣчательной книгой не по одной только ея величинѣ. Писатели по вопросамъ объ образованіи, о которыхъ мы также упоминали, создали свои планы обученія юношества и выработки чего то, подобнаго тому, что съ нѣкоторымъ успѣхомъ пытался сдѣлать Данте для Италіи — т. е. «просвѣщеннаго, кардинальнаго, куріальнаго и придворнаго» языка для Англіи. Одинаково замѣчательная, хотя и недолговѣчная школа литературной критики — до Драйдена почти не дѣлалось попытокъ продолжать начатое ими дѣло—состоявшая изъ Уэбба, Путтенгама, Кампіона и Даніеля, обращала тоже вниманіе на языкъ, спеціально по отношенію къ родамъ и орудіямъ англійской поэзіи. Отчеты о географическихъ изслѣдованіяхъ, игравшихъ такую большую роль въ тогдашней общественной жизни и возбуждавшихъ такой энтузіазмъ, излагались во всевозможныхъ формахъ — нѣкоторые изъ нихъ раньше или позже принимали формы извѣстныхъ сборниковъ Гаклита (изданномъ въ 1579 году) и Пёрчаса. Громадная и смѣшанная литература памфлетовъ, оказавшая намъ такія разнообразныя услуги, непрерывно развивалась и занималась всевозможными вопросами. Въ знаменитыхъ памфлетахъ «Мартина Марпрела-

Исторія, Памфлеты.

та», совпавшихъ съ временемъ нашествія Армады, эта литература памфлетовъ достигла такой высоты, проявила такія горячность и силу, которыхъ она никогда не достигала съ тѣхъ поръ, за исключеніемъ времени папистскаго заговора, и едва ли понятна теперешнимъ поколѣніямъ, старшіе члены которыхъ помнятъ, однако, первыя битвы изъ за Билля о реформѣ, агитацію противъ хлѣбныхъ законовъ—не говоря уже о позднѣйшихъ спорахъ. Появившись, какъ отпрыскъ или инцидентъ раздора между пресвитеріанами и прелатами, эта литература привлекла какимъ то не вполнѣ понятнымъ образомъ симпатіи или антипатіи нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ тогдашнихъ литераторовъ. Она пробила себѣ дорогу на сцену, (хотя это вскорѣ встрѣтило препятствіе, такъ что никакихъ слѣдовъ такой драматической литературы не сохранилось), она самымъ страннымъ образомъ примѣшалась къ литературному соперничеству лондонскихъ и кембриджскихъ литературныхъ кружковъ. Въ сущности эта литература была предвѣстницей позднѣйшихъ газетныхъ споровъ, причемъ полемика эта много оживилась, благодаря тайному печатанію, правительственному вмѣшательству и, наконецъ, благодаря немногимъ казнямъ. Разумѣется, наши теперешніе споры—это должны признать даже люди, не особенно восторгающіеся нашими «славными пріобрѣтеніями»—имѣютъ нѣкоторыя преимущества въ смыслѣ какъ удобствъ, такъ и послѣдствій.

Бэконъ.

Часто замѣчали—и этого замѣчанія никакъ нельзя опустить, говоря о развитіи нашей прозаической литературы — что величайшій послѣ Гукера прозаикъ, Френсисъ Бэконъ, былъ совершеннѣйшимъ еретикомъ и невѣрующимъ относительно англійской прозы. Разорвавъ съ тѣми традиціями уваженія къ англійскому языку, которыя даже такіе классики, какъ Ашамъ и Чекъ, проповѣдывали въ университетѣ, въ которомъ Бэконъ учился, онъ постоянно выражаетъ свое презрѣніе къ новымъ языкамъ, какъ орудіямъ литературы; онъ полагалъ, что все, написанное на этихъ языкахъ, осуждено на забвеніе и погибель. Онъ, вѣроятно—если бы только смѣлъ, и если бы его честолюбіе не было для него самой жизнью, такъ что онъ не могъ пренебрегать вкусами публики—писалъ бы по латыни и когда онъ смѣлъ, онъ и писалъ на этомъ языкѣ; а когда не смѣлъ, то переводилъ или отдавалъ переводить свои англійскія сочиненія на латинскій, считая его предохранителемъ отъ забвенія потомства. И однако никто изъ жившихъ тогда людей, за исключеніемъ Ралейга и лорда Брука (послѣдній несмотря на свое добровольное невѣжество былъ мастеромъ прекраснаго англійскаго стиля, мѣстами чисто Бэконовскаго), не могъ бы написать «Опыты», изданные Бэкономъ въ первой, неотдѣланной формѣ въ этотъ періодъ, въ 1597 году. Его болѣе разработанное произведеніе вышло позже—но уже и въ первомъ онъ проявилъ свою способность къ велико-

лѣпной фразеологіи, такъ сказать плотно облекающей идеи сочиненія, а не представляющей случайныхъ вышитыхъ одеждъ этихъ идей—которую и самъ онъ позже и другіе послѣ его разработали съ такимъ замѣчательнымъ успѣхомъ и которая у Мильтона, Тайлора и Броуна и множества другихъ писателей, нѣсколько менѣе талантливыхъ, обогатила нашъ языкъ неувядаемыми сокровищами. Было бы неосновательно утверждать что любовь Бэкона къ классикамъ не играла роли въ выработкѣ этой фразеологіи. Точность ея до извѣстной степени обусловливалась изученіемъ писателей Августовскаго вѣка, а роскошность фразы, можетъ быть, обусловливалась изученіемъ писателей эпохи классическаго упадка. Но главнымъ образомъ онъ, какъ это и всегда бываетъ, обязанъ двумъ причинамъ—своему собственному генію и пріобрѣтенной или развитой способности и духу вѣка.

Нѣсколькими словами объ этомъ духѣ вѣка мы и можемъ закончить нашъ краткій обзоръ Елисаветинской литературы.

Нѣкоторые критики, склонные болѣе или менѣе къ парадоксамъ—можетъ быть, даже всѣ, которые пытались отыскать и координировать въ литературѣ того или иного періода причины и слѣдствія—склонны сомнѣваться, можно ли по отношенію къ разнымъ литературнымъ эпохамъ утверждать что нибудь болѣе того, что въ одну изъ эпохъ большое количество людей, обладавшихъ замѣчательными способностями, писали книги, а въ другую эпоху такихъ людей не было или, если они и были, но ничего не писали. Но по отношенію къ разбираемому періоду можно попытаться занять иное положеніе къ этому вопросу, кромѣ такого чисто отрицательнаго. Можно сказать, что всѣ тѣ возбуждающія причины, о которыхъ мы говорили выше, вызывали литературную производительность; причемъ ко всѣмъ этимъ причинамъ слѣдуетъ присоединить и развивавшееся въ этомъ періодѣ и общераспространенное искусство печатанія. Измѣненія въ церкви,—благодаря которымъ въ каждомъ приходѣ появился семейный пасторъ вмѣсто одинокаго священника, причемъ этому пастору было необходимо давать своимъ дѣтямъ какое нибудь литературное образованіе—съ избыткомъ вознаградили за уничтоженіе монашескихъ орденовъ, которые въ эпоху, непосредственно предшествующую ихъ уничтоженію, навряд ли были особенно дѣятельными распространителями образованія. Хотя слишкомъ незначительная часть секуляризированныхъ церковныхъ доходовъ была посвящена образовательнымъ цѣлямъ, но та часть ихъ, которая прямо или косвенно (благодаря склонности мірянъ основывать коллегіи и грамматическія школы) пошла на это дѣло, не была незначительной—и это должно было имѣть не малое вліяніе на популяризированіе литературы. Это сразу создало небольшой классъ людей съ стремленіями учиться и писать и гораздо большій классъ людей, желавшихъ если не учиться, то по

крайней мѣрѣ читать. Прибавьте къ этому театръ, жгучіе общественные и церковные раздоры, возбудительное вліяніе крупныхъ политическихъ измѣненій, подготовлявшихся въ то время, хотя происшедшихъ уже въ семнадцатомъ вѣкѣ—и вамъ по крайней мѣрѣ представляется, что было бы странно, еслибы вѣкъ Елисаветы не создалъ великой литературы.

И однако, какъ и всегда, неизвѣстное, необъяснимое, элементы случайности и идіосинкразіи, играютъ значительную роль въ объясненіи литературныхъ явленій. Походы Александра могли, вѣдь, настолько же служить стимуломъ для развитія литературы, какъ и путешествіе Колумба, и однако они навряд ли вообще повліяли на нее; самыя подробныя объясненія римскаго августовскаго вѣка литературы даютъ, однако, возможность всякому болѣе или менѣе хорошо образованному скептику спрашивать: почему этотъ вѣкъ не наступилъ столѣтіемъ раньше или столѣтіемъ позже? Точно также и относительно Елисаветинскаго періода можно привести нѣкоторыя причины для объясненія его существованія, но невозможно составить сколько нибудь удовлетворительной и прочной цѣпи причинности. Остается просто тотъ фактъ, что тогда были люди, писавшіе стихами и прозой такъ, какъ раньше ихъ не писали, за исключеніемъ одного поэта. Рядомъ съ такими людьми было довольно большое количество меньшихъ, но достойныхъ вниманія, талантовъ—подражавшихъ или вводившихъ новшества, производившихъ эксперименты. Существовало еще большее количество людей воспринимающихъ—читателей; припомнимъ, что такое большое сочиненіе, какъ «Исторія» Ноллиса въ теченіе двадцати лѣтъ имѣло три изданія и что многія другія книги переиздавались постоянно — хотя можетъ быть, что каждое изданіе состояло изъ небольшого количества экземпляровъ. Должно было существовать какое либо вознагражденіе, ради котораго стоило заниматься писаніемъ книгъ и которое дѣлало возможнымъ занятіе литературой, какъ профессіей, хотя точныхъ и даже сколько нибудь опредѣленныхъ свѣдѣній по этому предмету, за исключеніемъ свѣдѣній о вознагражденіи драматурговъ, мы не имѣемъ.

Но въ особенности тутъ важно то неопредѣлимое и не подлежащее учету настроеніе, которое можетъ существовать и можетъ несуществовать, которое у посредственныхъ и незначительныхъ авторовъ проявляется сравнительно даже сильнѣе, чѣмъ у литературныхъ свѣтилъ, и благодаря присутствію или отсутствію котораго литературная эпоха бываетъ замѣтной или ничтожной. Средній уровень произведеній Елисаветинскаго періода отличается крайними неровностями. Многія изъ пьесъ даже знаменитыхъ авторовъ до крайности трудно читать цѣликомъ и, можетъ быть даже, что самая прочность ихъ репутаціи объясняется именно этимъ обстоятельствомъ. Дѣйствительно выдержанныхъ и ровныхъ произведеній немного, даже, повторяемъ,

изъ произведеній великихъ авторовъ. Многіе изъ недраматическихъ стиховъ манерны, аффектированы, нереальны; многіе просто глупы и тривіальны. Проза часто педантична, надута и часто скучна. Но всѣ эти признанія нисколько не препятствуютъ авторамъ Елисаветинскаго вѣка навсегда занимать то мѣсто въ исторіи литературы, которое обыкновенно приписывается имъ. Причина занимаемаго имъ мѣста не въ этомъ, и не въ томъ, что у крупныхъ изъ этихъ писателей встрѣчаются часто самыя ослѣпительныя красоты, что вся атмосфера этой литературы полна страсти, пафоса, смутныхъ обѣщаній и потенціальной силы. а скорѣе въ томъ, что у писателей, въ цѣломъ стоявшихъ много ниже этихъ великихъ авторовъ, мы постоянно встрѣчаемъ мѣста, наврядъ ли менѣе прекрасныя. Читая четверторазрядную Елисаветинскую драму, произведеніе какого нибудь сонетчика, очевидно написанное въ школѣ, какого нибудь прилежнаго учителя музыки, который написалъ нѣсколько стиховъ къ своей музыкѣ или, наоборотъ, какую нибудь мелодію къ своимъ стихамъ, мы почти навѣрное можемъ расчитывать встрѣтить блески и искорки настоящей поэзіи. Въ послѣднее десятилѣтіе девятнадцатаго вѣка написано гораздо больше книгъ, съ гораздо большими чисто формальными литературными достоинствами, чѣмъ въ послѣднее десятилѣтіе шестнадцатаго. Средній уровень достоинства книгъ въ наше время, вѣроятно, не ниже средняго уровня достоинства въ любой періодъ литературной исторіи. Но вы не находите въ нихъ — кромѣ развѣ произведеній истинно великихъ авторовъ—того блеска, того стимула, того отраднаго трепета, который охватываетъ читателя не только Шекспира и Спенсера, не только Марлова и Донне, но и Томаса Кампіона и капитана Тобіаса Юма.

Земледѣліе.

Протеро.

Характерной чертой конца царствованія Елисаветы можно считать то, что закончилась переходная стадія отъ земледѣлія къ овцеводству. Между этими двумя системами хозяйства было возстановлено равновѣсіе. Загораживанія полей продолжались въ теченіе всего шестнадцатаго вѣка, но къ концу обозрѣваемаго періода они не сопровождались тѣми условіями, которыя такъ сильно ухудшали нищету земледѣльческаго рабочаго. Оправдалась народная поговорка, что «бѣдному ремесленнику не бываетъ весело, когда джентльменъ становится овцеводомъ». Къ концу царствованія Елисаветы цѣны на англійскую шерсть упали и въ тоже время цѣны на зерно и мясо

Паденіе цѣны на шерсть.

быстро поднялись. Этимъ давался стимулъ земледѣлію, которое доставляло занятіе сельскому населенію.

Паденіе цѣнъ на шерсть составляетъ любопытную иллюстрацію того предѣла, до котораго былъ доведенъ процессъ загораживаній. Когда англійская шерсть впервые появилась на фламандскихъ рынкахъ, она отличалась тонкостью и продавалась дороже испанской. Она была необходимой для ткача. Самая лучшая шерсть была шерсть Райландскихъ или Герефордширскихъ овецъ, для которой рынкомъ былъ Леоминстеръ. Во времена Скельтона Элинора Румингъ, пивоварка въ Литергидѣ, получала за свой продуктъ натурой:

„Нѣкоторые до полна накладываютъ ей горшокъ
Доброй Лемстерской шерстью“.

У Давзабели Драйтона кожа «такая мягкая, какъ Лемстерская шерсть». Рабле заставляетъ Панурга торговать стадо Дингдонга и когда послѣдній восхваляетъ тонкость шерсти своихъ овецъ, переводчикъ (Motteux—1717) сравниваетъ ее съ Леминстерской шерстью. Немного ниже цѣнилась Котсоульдская шерсть. Овцы, которыхъ держали на пустошахъ и общинныхъ земляхъ, давали наиболѣе тонкую, хотя и не особенно изобильную шерсть. Это указываетъ еще Виргилій:

Si tibi lanicium curae, fuge pabula laeta.

О томъ же писалъ и Дайеръ:

„На обширныхъ воздушныхъ лугахъ и прекрасныхъ холмахъ,
Покрытыхъ травой, тминомъ и дикимъ клеверомъ,
Пасутся прекраснѣйшія стада овецъ“.

Когда общинныя земли начали загораживать, качество шерсти ухудшилось. Начали разводить болѣе тяжелыя породы, лучше приспособленныя къ жирнымъ пастбищамъ и дававшія болѣе грубое, но и болѣе изобильное руно. Англійская шерсть утратила свои выдающіяся качества и хотя за нее и давали еще высокія цѣны, она не была больше необходимостью для ткача. Уменьшеніе цѣнности шерсти должно было до значительной степени пріостановить превращеніе пахатной земли въ пастбище и по крайней мѣрѣ настолько же повліяло въ этомъ направленіи, какъ и парламентскіе акты. Послѣдній изъ этихъ актовъ, проведенный въ 1597 году, повелѣвалъ, чтобы вся пахатная земля, обращенная въ пастбище со времени воцаренія королевы Елисаветы, была снова подвергнута обработкѣ и чтобы ни одна пашня съ этихъ поръ не обращалась въ пастбище.

Колебанія въ цѣнѣ шерсти, вѣроятно, пріостановили уничтоженіе системы открытыхъ полей; когда снова начались огораживанія, мотивомъ этого снова было развитіе овцеводства. До тѣхъ поръ, пока

англійскіе фермеры не знали разведенія корнеплодовъ и искусственнаго травосѣянія, овцы въ зимніе мѣсяцы держались на подножномъ корму. Когда ихъ стали держать въ загонахъ, въ овцеводствѣ произошли измѣненія. Раньше животное цѣнилось больше за руно, чѣмъ за мясо. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ это измѣнилось; разведеніе овецъ для мяса стало выгоднѣе разведенія для шерсти. Начали разводить болѣе тяжелыхъ животныхъ и разведеніе корнеплодовъ давало фермеру средство содержать ихъ. Этотъ новый источникъ богатства былъ сильнымъ мотивомъ для уничтоженія покосовъ и общинныхъ земель и для замѣны системы открытыхъ полей компактными огороженными владѣніями, на которыхъ можно было разводить корнеплоды и откармливать ими овецъ для мяса.

Одновременно съ уменьшеніемъ выгодности овцеводства увеличилась цѣнность другихъ продуктовъ земледѣлія. Законодательство начало поощрять измѣненіе, обѣщавшее облегчить переполненный рабочій рынокъ и бѣдность земледѣльческихъ округовъ. Ограниченія вывоза были постепенно облегчены и иностранное зерно было обложено покровительственной пошлиной. Для землевладѣльцевъ, какъ ландлордовъ, такъ и іеменовъ, для копидольдеровъ и фермеровъ, настали времена благополучія. Даже земледѣльческіе рабочіе получили свою долю въ этомъ благополучіи, ибо, хотя заработная плата и оставалась низкой и повышалась только случайно съ паденіемъ покупательной способности денегъ, они были обезпечены занятіемъ и такимъ образомъ было устранено главнѣйшее изъ ихъ бѣдствій.

Увеличеніе производительности. Хмѣлеводство.

«Земля, говоритъ Гаррисонъ, стала болѣе плодородной и земледѣльцы болѣе трудолюбивы, болѣе старательны и болѣе искусны ради барышей». Внутреннія сообщенія стали легче, а благодаря новымъ дорогамъ появились и новые рынки. Начали обращать большое вниманіе на упавоживаніе. Въ Корнвалисѣ фермеры ѣздили за нѣсколько миль за пескомъ и привозили его на вьюкахъ; въ южномъ Валлисѣ для удобренія употребляли много морской капусты; въ Суссексѣ издалека и съ большими издержками возили известь. Въ Мидльэссексѣ и Гертфордширѣ на поля вывозили отбросы съ лондонскихъ улицъ. Сборъ съ акра увеличивался. На хорошо обработанномъ акрѣ собирали пшеницы въ среднемъ двадцать бушелей, ячменю тридцать два, а овса и бобовъ по сорока бушелей. Хмѣлеводство становится важной отраслью земледѣлія, хотя двустишіе, цитированное нами уже раньше:

„хмѣль, реформація, пиво и лавры
появились въ Англіи въ одинъ годъ“,

относитъ дату введенія хмѣля въ Англіи къ черезъ чуръ позднему времени. Хмѣль былъ заимствованъ фермерами восточныхъ графствъ

изъ Нидерландъ въ концѣ пятнадцатаго вѣка. Въ царствованіе Эдуарда VI хмѣлеводство было уже важной промышленностью, такъ что одинъ парламентскій актъ (1552 года) разрѣшалъ разведеніе хмѣля съ нѣкоторыми ограниченіями. Черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ этого появился первый трактатъ объ этомъ промыслѣ; Perfite Platforme of Hoppe Garden—Режинальда Скота изданъ въ 1576 году и содержитъ подробныя инструкціи о разведеніи, собираніи, сушкѣ и упаковкѣ хмѣля. Гастедъ съ своей «исторіи Кента» замѣчаетъ, что огороды превращены въ хмѣлевые сады; во времена Туссера хмѣль сильно воздѣлывался въ Суффолькѣ.

Отчасти улучшенія обусловливались несомнѣнно огораживаніемъ полей и тѣмъ новымъ стимуломъ, какой давался промышленной энергіи владѣніемъ отдѣльной фермой. Фицгербертъ и Туссеръ приводятъ примѣръ Эссекса и Суффолька для доказательства лучшей обработки загороженной земли. Извѣстное выраженіе: «Суффолькскіе порядки», кажется, указываетъ на раннее уничтоженіе тамъ открытыхъ полей. Норденъ въ своемъ «Описаніи Эссекса» (1594) называетъ его «садомъ Англіи, самой жирной землей, подобной Палестинѣ, текущей медомъ и млекомъ». Его «товары» были такъ «разнообразны и пріятны», что они представляли вознагражденіе за перемежающуюся лихорадку, схваченную имъ въ ея низменныхъ поляхъ. Къ этимъ показаніямъ можно прибавить показаніе «W. S., джентльмена», сочиненіе котораго «Подробное изслѣдованіе необычайныхъ жалобъ нашихъ сельчанъ» (Compendious Examination of extraordinary Complaints of our Countrymen) издано въ 1581 году. Хозяину, жалующемуся, что пахатную землю огораживаютъ и превращаютъ въ пастбище, что ренты повышаются и рабочіе не имѣютъ занятій, указывается, что въ наиболѣе процвѣтающихъ графствахъ, вродѣ Эссекса, Суффолька и Нортгамптоншира, загораживаній было всего больше [1]).

Богатство сельскаго дворянства.

Относительно процвѣтанія той части сельскихъ общинъ, которая или имѣла земли или арендовала ихъ, имѣется достаточное количество доказательствъ. Обыкновенная пища сельскаго джентльмена была изобильна, даже чрезмѣрна. Можно привести въ примѣръ обѣдъ, которымъ судья Шалловъ угощаетъ Фальстафа. Но можно привести и болѣе прямое доказательство. Гаррисонъ, писавшій въ концѣ пар-

[1]) Нужно припомнить, что въ то время совершенно не знали цѣны овецъ для пахоты. Потому двѣ отрасли земледѣлія, теперь соединенныя къ обоюдной ихъ выгодѣ, тогда были вполнѣ раздѣлены. Пахарь и лѣто и зиму могъ держать свой скотъ только на общинной или пастбищной землѣ, или свою землю онъ засѣвалъ пшеницей, ячменемъ, овсомъ и бобами. Другихъ жатвъ у него не было. Не было ни искуственной травы, ни моркови, ни свеклы; пока онѣ не заняли мѣста среди обычныхъ жатвъ, для которыхъ пахали землю, фермеръ не могъ узнать вѣрности поговорки, что „овцы превращаютъ песокъ въ золото“.

ствованія Елисаветы, разсказываетъ, что обычный обѣдъ провинціальнаго дворянина состоялъ изъ «четырехъ, пяти или шести блюдъ, когда у нихъ немного посѣтителей». Гервасій Маркгамъ, сочиненіе котораго «Англійская хозяйка» издано нѣсколько позднѣе, но написано около этого времени—даетъ указанія насчетъ «большого празднества», болѣе «скромнаго празднества или обычной пропорціи, какую всякій порядочный человѣкъ можетъ имѣть въ своемъ хозяйствѣ для угощенія вѣрныхъ и достойныхъ друзей». На «скромномъ празднествѣ» или въ «обыкновенной пропорціи» было «шестнадцать мясныхъ блюдъ, существенныхъ, а не пустыхъ, не на показъ». Къ этимъ шестнадцати полнымъ блюдамъ онъ прибавляетъ: «салаты, фрикассе, quelque chose, и разныя тѣста—столько блюдъ, чтобы составился полный столъ не менѣе тридцати двухъ перемѣнъ». Костюмъ провинціальныхъ дворянъ тоже былъ теперь болѣе дорогимъ и разнообразнымъ, такъ какъ они подражали «разнообразію вышивокъ и перемѣнѣ цвѣтовъ» французовъ. Епископъ Галль говоритъ въ своихъ «Сатирахъ», что они получили привычку оставлять свои деревенскіе дома ради городскихъ увеселеній и что «неблагодарная ласточка» строитъ «свое круглое гнѣздо» въ «высокихъ трубахъ, которыя должны бы быть указателями добраго гостепріимства».

Фермеры и рабочіе.

О іеменахъ или состоятельныхъ фермерахъ Гаррисонъ разсказываетъ, что «они обыкновенно жили богато, имѣли хорошіе дома и начали пріобрѣтать богатства». Въ ихъ домахъ была дорогая обстановка; они «выучились снабжать свои буфеты сервизами, свои складныя кровати коврами и шелковыми занавѣсками, а столы скатертями и тонкими салфетками». Старые люди отмѣчали такое распространеніе роскоши, «воздвигнутые въ послѣднее время во множествѣ трубы», большое улучшеніе жилищъ и перемѣны посуды, какъ напр. замѣну деревянныхъ тарелокъ металическими, а деревянныхъ ложекъ серебряными или оловянными. Сэръ Джонъ Огландеръ на островѣ Уайтѣ, сравнивая положеніе деревни въ концѣ царствованія Елисаветы и въ началѣ гражданскихъ войнъ, замѣчаетъ: «въ кошелькахъ іеменовъ тогда денегъ было также много, какъ теперь у лучшихъ изъ джентри; а у джентри денегъ было полно и долгу не было».

Домъ копигольдера описывается епископомъ Галлемъ неприглядными красками:

„Это, клянусь Богомъ, скверный шалашъ;
соломенная крыша его покрыта грязной сажей
на цѣлый дюймъ и свѣтитъ точно рожа у негра,
отъ дыма, выходящаго изъ печи безъ трубы;
у ногъ его кровати откармливается его скотинка,
внизу его свинья, а куры на перекладинкѣ“.

Но пища его, хотя и грубая, была, вѣроятно, болѣе изобильной, чѣмъ у современнаго рабочаго.

Въ одной изъ пасторалей Елисаветинской эпохи благородный охотникъ ищетъ убѣжища подъ кровлей пастуха. Пища была хороша, если даже мы примемъ во вниманіе нѣкоторую поэтическую вольность поэмы. Хозяинъ угощаетъ гостя всѣмъ лучшимъ, что у него есть: «чернымъ хлѣбомъ, ветчиной, молокомъ и творогомъ—онъ все поставилъ ему на столъ».

Вѣроятно, что въ это время ренты не были сильно повышены. Изъ памфлета В. С. (или Вильяма Стафорда), который мы уже цитировали, очевидно, что ландлордамъ было трудно поднять ренту до такого уровня, который вознаградилъ бы ихъ за увеличенные цѣны которыя они, въ качествѣ потребителей, платили за продукты земледѣлія.

Выгоды главнымъ образомъ получили сами обработывающіе землю; ихъ благосостояніе обусловливалось не развитіемъ науки, не увеличеніемъ экономіи, не улучшенными способами обработки, а быстрымъ возвышеніемъ цѣнъ на зерно и мясо. Оно обусловливалось прежде всего несправедливыми законами о рабочихъ, не позволявшими заработной платѣ подняться до естественнаго уровня и уменьшавшими такимъ образомъ расходы нанимателя на плату рабочимъ. Во вторыхъ оно обусловливалось внезапнымъ притокомъ благородныхъ металовъ и послѣдующимъ быстрымъ поднятіемъ цѣнъ. Но въ дѣйствительности нельзя было ожидать постояннаго благосостоянія до тѣхъ поръ, пока въ земледѣліи не были введены существенныя улучшенія, увеличившія количество его продуктовъ и въ то же время уменьшившія издержки производства. Единственнымъ нововведеніемъ въ хозяйствѣ шестнадцаго вѣка было хмѣлеводство. Въ первую половину семнадцатаго вѣка, наоборотъ, въ Англіи было введено множество улучшеній и новыхъ продуктовъ земледѣлія, дѣлавшихъ хозяйство выгоднымъ, хотя все это было принято англійскими земледѣльцами въ широкихъ размѣрахъ только черезъ полтораста лѣтъ.

Промышленность и торговля.

Саймса.

Во вторую половину царствованія Елисаветы національное богатство и національная торговля сильно увеличились; но не произошло никакихъ крупныхъ измѣненій въ промышленой политикѣ, не замѣчалось никакихъ новыхъ промышленныхъ тенденцій. Организація промышленности и торговли статутомъ объ ученикахъ и при посредствѣ торговыхъ компаній, покровительство туземной промышленности

и поощреніе ввоза серебра и золота, повышеніе цѣнъ и медленное повышеніе заработной платы въ деньгахъ, созданіе новыхъ мануфактуръ при помощи эмигрантовъ изъ Франціи и Нидерландъ—всѣ эти причины и факторы продолжали дѣйствовать во вторую половину царствованія и именно въ это время результаты ихъ сдѣлались очевидными. Мирная и экономная политика великой королевы помогала накопленію капиталовъ, поощреніе пиратовъ и авантюристовъ стимулировало стремленіе къ приключеніямъ и мореплаванію и косвеннымъ образомъ распространяло иностранную торговлю. Однимъ изъ наиболѣе характерныхъ фактовъ вѣка Елисаветы было то, что англійскіе дворяне хорошаго происхожденія и высокихъ качествъ занимались пиратствомъ. Частію это имѣло связь съ тѣмъ новымъ духомъ предпріимчивости, который былъ порожденъ эпохой возрожденія, а частію, можетъ быть, это объясняется и ослабленіемъ нравственныхъ узъ, сопровождавшимъ религіозный переворотъ. Не приходится удивляться, что люди, бѣжавшіе отъ преслѣдованій при Эдуардѣ VI и Маріи, иногда дѣлались пиратами изъ за куска хлѣба, или тому, что безсовѣстные авантюристы, вродѣ лорда Сеймура, увлекались въ эту профессію ея выгодами. Но въ царствованіе Елисаветы пиратство получило моральный и религіозный характеръ, благодаря его связи съ ненавистью къ Испаніи и къ Риму, такъ какъ многіе добрые протестанты считали такую ненависть чувствомъ и религіознымъ и патріотическимъ. Грабить испанцевъ для нихъ означало отомстить за мучениковъ инквизиціи и грабить враговъ самого Бога. Правительство поощряло это движеніе ради своихъ цѣлей. Оно понимало, что пираты составляютъ полезный резервъ для регулярнаго флота и было радо, что его врагамъ вредитъ безъ расходовъ и риска формальной войны. Въ началѣ царствованія такимъ орудіемъ пользовались главнымъ образомъ противъ Франціи; но морскіе волки скоро нашли, что испанскіе корабли представляютъ болѣе богатую добычу. Вражда между Франціей и Испаніей и желаніе обѣихъ имѣть Англію союзницей заставляло ихъ терпѣть такіе грабежи. Филиппъ, правда, прибѣгалъ, къ репрессаліямъ, но факты доказали, что это такая игра, въ которую англичане постоянно выигрывали. Филиппъ не могъ рѣшиться объявить войну, хотя испанскія сокровища и испанскіе подданые открыто продавались въ англійскихъ портахъ и за освобожденіе нѣкоторыхъ изъ плѣнниковъ требовали большихъ выкуповъ. Въ 1572 году, когда у правительства было только тринадцать вооруженныхъ кораблей, въ его флотѣ считалось 146 кораблей, изъ которыхъ 133 было вооруженныхъ; всѣ эти корабли составляли частную собственность и употреблялись для пиратства и торговли, но въ случаѣ надобности могли быть взяты на службу королевы.

Съ той же цѣлью усиленія своихъ морскихъ силъ правительство

поощряло рыбныя ловли. Мы уже говорили, что для этого оно требовало соблюденія постовъ, въ религіозную необходимость которыхъ оно само не вѣрило. Исландія была главнѣйшимъ изъ дальнихъ мѣстъ добычи для англійскихъ рыбаковъ. Гаклитъ разсказываетъ, что въ 1577 году у англичанъ было только пятнадцать кораблей, занятыхъ на рыбныхъ ловляхъ Ньюфаундлена; у французовъ 150, у испанцевъ 100 и у португальцевъ 50; но онъ прибавляетъ, что англійскіе корабли были лучше, давали законы остальнымъ и защищали ихъ отъ пиратовъ.

Китовый промыселъ.

Тотъ же авторъ сообщаетъ о начаткахъ англійскаго китоловства въ 1593 году. Русская кампанія вскорѣ ввела этотъ промыселъ въ кругъ своихъ правильныхъ занятій и хотя, повидимому, не знали еще о цѣнности китоваго уса, но получали значительные барыши отъ жира. Эта кампанія, однако, къ концу царствованія пришла въ упадокъ. Сэръ Вальтеръ Ралейгъ въ своихъ «Замѣчаніяхъ о торговлѣ и промыслахъ Англіи» (1603) сообщалъ королю Іакову, что около 1590 года множество хорошихъ англійскихъ кораблей плавало ежегодно къ Россіи, а въ 1600 туда отправились только четыре, а въ 1602 только два или три корабля. Въ это время Нидерланды обезпечили свою независимость отъ Испаніи и съ замѣчательной быстротой поправлялись отъ преслѣдованій и опустошеній ихъ бывшихъ правителей. Они фактически были теперь первой торговой націей въ мірѣ и вытѣснили англичанъ изъ многихъ отраслей иностранной торговли.

Въ первые годы описываемаго періода ихъ эммигранты продолжали еще оказывать неоцѣненныя услуги англійской промышленности. Разграбленіе Антверпена Альбой въ 1585 году завершило разореніе города, бывшаго до перваго разграбленія его въ 1567 году величайшимъ міровымъ рынкомъ. Значительное количество дѣлъ изъ Антверпена было перенесено въ Лондонъ, который теперь дѣлается центромъ транзитной торговли, получавшимъ большое количество товаровъ для новаго вывоза и устраивающимъ множество международныхъ финансовыхъ операцій. Но Нидерланды вскорѣ снова получили первенствующее мѣсто въ европейской торговлѣ и Амстердамъ занялъ то положеніе, которое раньше послѣдовательно занимали Брюгге и Антверпенъ. Въ промышленности же Англія непрерывно прогрессировала. Она уже не отправляла свою шерсть во Фландрію для переработки, за исключеніемъ только шерсти для тонкихъ издѣлій и въ особенности для окраски.

Торговля рабами. Африканская кампанія.

Англійская торговля неграми началась въ 1562 году Джономъ Гавкинсомъ. Онъ по подпискѣ снарядилъ три корабля и отплылъ съ ними къ Гвинейскому берегу. Тамъ онъ добылъ рабовъ и отвезъ ихъ въ Испаньолу. Продавъ свой живой грузъ, онъ закупилъ кожи, сахаръ, имбирь и перлы. Потомъ вернулся домой. Барыши отъ этой

операціи заставили его совершить еще два такія же путешествія и онъ получилъ въ награду разрѣшеніе присоединить къ своему гербу изображеніе негра, связаннаго веревками. Англичане того времени не чувствовали нравственнаго отвращенія къ работорговлѣ и, дѣйствительно, тѣ негры, которые были проданы европейцамъ, были бы иначе казнены какъ враги и преступники; и можно было доказывать, что они только выигрываютъ отъ такой операціи. Вскорѣ, конечно, купцы начали возить разныя бездѣлушки, чтобы соблазнять главъ туземцевъ продавать свободныхъ членовъ ихъ племенъ или вступать въ войны съ исключительной цѣлью добыванія плѣнныхъ; подобныя соображенія не безпокоили нашихъ предковъ. Даже королева безъ всякихъ колебаній участвовала въ рискѣ и въ барышахъ второго путешествія Гавкинса, и если Бурлейгъ и «не любилъ подобныя вещи», то это, повидимому, потому, что ему было извѣстно, что рабы продаются въ испанскихъ колоніяхъ въ противность испанскимъ законамъ, а не изъ состраданія къ бѣднымъ неграмъ.

Кромѣ негровъ англійскіе купцы торговали разными товарами и въ особенности ввозили въ Англію золото, перечеканиваемое въ гинеи. Въ послѣдствіи для веденія африканскаго торга образовалась кампанія Гвинейская или Африканская. Въ 1592 году Левантская или Турецкая Кампанія получила новую хартію. Эта кампанія была учреждена въ 1581 году, но привиллегіи были даны ей только на семь лѣтъ. Въ теченіе четырехъ лѣтъ, отъ 1588 до 1592, левантская торговля, повидимому, была свободна и когда была дана новая хартія, сдѣлали оговорку, дававшую не членамъ кампаніи возможность участвовать въ этой торговлѣ. Но и эта кампанія, какъ большинство другихъ, процвѣтала умѣренно. Деморализирующее вліяніе монополіи, энергическая конкуренція голландцевъ и колеблющаяся политика Турціи, вѣроятно, объясняютъ тотъ фактъ, что она не имѣла особеннаго успѣха.

Левантская кампанія.

Къ концу царствованія Елисаветы (31 декабря 1600 года) была учреждена Восточно-Индѣйская Кампанія, имѣвшая такой блестящій успѣхъ; но говорить о ней будетъ удобнѣе въ слѣдующей главѣ— гдѣ мы будемъ также говорить и объ американской торговлѣ, во времена Елисаветы незначительной.

Восточно-Индѣйская кампанія.

Въ теченіи описываемаго періода правительство Елисаветы продолжало регулировать и организировать различные домашніе промыслы. Акты, проведенные въ тридцать девятомъ и въ сорокъ третьемъ году царствованія, распространили и улучшили статутъ объ ученикахъ и энергично двинули впередъ реорганизацію двухъ вышеупомянутыхъ кампаній. Система дарованія патентовъ и монополій была также расширена, ею даже сильно злоупотребляли. Право исключительной торговли и промысловъ, сначала даруемое ради предполагаемыхъ интересовъ общества, теперь давалось фаворитамъ и прид-

Система монополій.

ворнымъ и продавалось ими тѣмъ, кто больше дастъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ монополіи продавались прямо короной ради доходовъ. Покупатели, естественно, пользовались монополіей, чтобы получать высокія цѣны и давать публикѣ недоброкачественные товары. Сначала монополіи ограничивались только ввозимыми изъ за границы предметами роскоши, но потомъ эту систему распространили на обыкновенные, даже необходимые товары—вродѣ соли, стали, угля, крахмала и кожи. Общество сильно негодовало и въ парламентѣ 1597 года рѣшительно приступили къ обсужденію этого вопроса. Королева «надѣялась, что ея любящіе и покорные подданные не захотятъ отнять у нея ея прерогативы» и обѣщала разсмотрѣть всѣ дарованные патенты и наблюдать, чтобы не совершалось никакихъ беззаконій. Но изъ этихъ обѣщаній ничего не вышло и при новомъ собраніи парламента въ 1601 году палата общинъ перешла къ рѣзкимъ нападеніямъ. Министры требовали, чтобы палата удовольствовалась петиціей и по крайней мѣрѣ одинъ изъ придворныхъ предложилъ отказаться отъ своихъ монополій. Но оппозиція упорствовала въ своихъ нападкахъ до тѣхъ поръ, пока королева не нашла за лучшее подчиниться и Сесиль объявилъ отъ ея имени, что всѣ существующіе патенты будутъ уничтожены и новыхъ не будетъ дано. Это объявленіе было принято съ благодарностью, на которое королева отвѣтила: «я имѣю болѣе причинъ благодарить васъ, чѣмъ вы меня, потому что еслибъ я не получила отъ васъ свѣдѣній, я могла бы подвергнуться опасности ошибки только изъ недостатка надлежащихъ свѣдѣній». Елисавета знала, когда слѣдовало уступить и умѣла уступать съ граціей: но интересно отмѣтить, что она, такъ часто насиливавшая желанія подданныхъ въ дѣлахъ религіозныхъ и политическихъ, уступила имъ въ вопросѣ чисто коммерческомъ.

Окончательное уничтоженіе монополій.

Королева, однако, не исполнила своихъ обѣщаній. Нѣкоторые изъ наиболѣе ненавистныхъ патентовъ были уничтожены, но большинство ихъ осталось неприкосновенными и этотъ вопросъ сдѣлался предметомъ спора между Стюартами и парламентами. Только въ 1624 году парламентскій актъ окончательно призналъ дарованіе монополій незаконнымъ, но даже тогда были сдѣланы исключенія для изобрѣтеній и нѣкоторыхъ указанныхъ въ актѣ товаровъ.

Проценты.

Ростъ торговаго духа въ Англіи доказывается измѣненіемъ общественнаго мнѣнія относительно взиманія процентовъ. Въ 1545 году прошелъ парламентскій актъ, согласно съ традиціонной моралью осуждавшій, правда, всякія процентные займы, но практически отступавшій отъ этаго принципа и только старавшійся устранить ростовщическіе проценты. Черезъ семь лѣтъ прежнее осужденіе процентовъ было повторено; но въ 1571 году парламентъ вернулся снова къ опредѣленіямъ 1545 года. Законнымъ размѣромъ процентовъ въ то время было признано 10 на 100, а въ 1624 году восемь

на сто. Накопленіе богатства и въ особенности въ формѣ денегъ увеличило желаніе отдавать подъ проценты, а увеличивающееся стремленіе къ приключеніямъ и увеличеніе торговыхъ предпріятій одновременно увеличивали желаніе занимать и готовность платить за это. Въ средніе вѣка заемъ предполагалъ несчастіе или расточительность и отдача на проценты вообще была равнозначительна пользованію несчастіемъ или безуміемъ ближняго. Поэтому понятно, что взиманіе процентовъ такъ сильно осуждалось церковью и общественнымъ мнѣніемъ. Но въ промышленный вѣкъ желаніе занимать даже на проценты часто происходило отъ возникновенія новой выгодной торговли; оно уже не было лишнимъ шагомъ къ окончательному паденію расточителя, а, наоборотъ, шагомъ къ обогащенію. Старое представленіе о процентахъ долго владѣло умами людей, но отдача денегъ на проценты во многихъ случаяхъ была такъ удобна и выгодна для обѣихъ договаривающихся сторонъ и для всего общества, что и законодательство и общественное мнѣніе въ этомъ вопросѣ измѣнились. Законодательство все еще продолжало осуждать взиманіе процентовъ, но фактически оно ограничивалось мѣрами предупрежденія противъ чрезмѣрныхъ процентовъ. Слѣдующимъ шагомъ было естественно появленіе посредниковъ, исполнявшихъ нѣкоторыя изъ тѣхъ функцій, которыя исполняютъ банки. Золотыхъ дѣлъ мастера начали занимать деньги на проценты и давали ихъ за высшіе проценты торговцамъ. Они сдѣлались такимъ образомъ связующимъ звеномъ между заимодавцами и желавшими занять для торговыхъ цѣлей или для увеличенія своихъ помѣстій. Несомнѣнно, что сначала золотыхъ дѣлъ мастера играли роль простыхъ хранителей накопленій своихъ кліентовъ, но они вскорѣ начали утилизировать эти накопленія также, какъ теперь банкиры распоряжаются довѣренными имъ деньгами. Само правительство начало занимать у банкировъ на небольшіе сроки, пока не получитъ налоговъ и другихъ доходовъ. Въ Венеціи банкъ былъ уже въ двѣнадцатомъ столѣтіи, въ Генуѣ въ четырнадцатомъ; Амстердамскій банкъ, основанный въ 1609 году, вскорѣ превзошелъ всѣхъ соперниковъ.

Положеніе рабочихъ.

Несомнѣнно, что развитіе торговли и промышленности въ царствованіе Елисаветы принесло пользу главнымъ образомъ среднимъ и высшимъ классамъ. Дѣйствительная заработная плата навряд ли увеличилась, тогда какъ цѣна всѣхъ товаровъ возросла. Такъ, если сравнить распредѣленіе заработной платы властями въ Рутландширѣ за 1564 и за 1610 годы, мы получимъ слѣдующіе результаты:

	1564 г.	1610 г.
Обыкновенный рабочій (лѣтомъ) . .	9 д.	9—10 д.
» » (зимой) . .	8 »	8 »
Земледѣльческій » (лѣтомъ) . .	7 »	7 »

	1564 г.	1610 г.
Земледѣльческій рабочій (зимой) . .	6 д.	6 д.
Косарь	— »	10 »
Жнецъ	— »	10 »

Мы видимъ, что увеличилась немного только лѣтняя плата рабочаго, да можетъ быть вознагражденіе за болѣе искусный трудъ фермерскаго рабочаго. А въ это время пшеница поднялась отъ 19 шиллинговъ $9^3/_4$ д. за четверть до 2 ф. 4 д.; солодъ отъ 10 ш. 8 д. до 13 ш. $3^3/_4$ д., а всѣ цѣны вообще поднялись болѣе, чѣмъ на 50%. Съ другой стороны слѣдуетъ замѣтить, что на товары, потребляемые рабочими, повышеніе цѣнъ было нѣсколько меньшимъ сравнительно съ повышеніемъ цѣнъ товаровъ, потребляемыхъ высшими и средними классами; заработная плата, вѣроятно, повышалась фактически быстрѣе, чѣмъ показываютъ распредѣленія ея властями и было, повидимому, больше постоянства въ занятіяхъ рабочихъ. Кромѣ того, у нѣкоторыхъ изъ рабочихъ были коровы и вообще они болѣе занимались своей собственной земледѣльческой работой и такимъ образомъ нѣсколько выигрывали отъ повышенія цѣнъ. Если сравнить десятилѣтіе, начинающееся 1583 годомъ съ десятилѣтіемъ, начинающимся 1603 годомъ, мы найдемъ, что пшеница, которая, слѣдуетъ помнить, не была продуктомъ потребленія рабочихъ, увеличилась въ цѣнѣ на 50%, а овесъ только на 25%. Въ тотъ же періодъ солодъ увеличился въ цѣнѣ на 30%, а средняя цѣна овцы на 25%, тогда какъ заработная плата за обыкновенный трудъ увеличилась только на *три* процента. Несомнѣнно, что такая разница далеко перевѣшивала тѣ уравновѣшивающія условія, на которыя мы указали; такъ что мы, хотя и съ нѣкоторыми колебаніями, должны придти къ заключенію, что матеріальное положеніе рабочихъ классовъ ухудшилось въ описываемый нами двадцатилѣтній періодъ; если же сравнить его съ положеніемъ во вторую половину пятнадцатаго вѣка, мы найдемъ, что такое ухудшеніе было даже очень значительнымъ.

Вліяніе денежнаго обращенія.

Менѣе легко опредѣлить, насколько это ухудшеніе обусловливалось пониженіемъ цѣны денегъ. Якобсъ разсчитываетъ, что въ началѣ столѣтія весь запасъ серебряной и золотой монеты во всей Европѣ былъ равенъ 34 милліонамъ фунтовъ; прибавочное количество монеты изъ новыхъ рудниковъ, принявъ во вниманіе утерю въ вѣсѣ отъ употребленія, онъ оцѣниваетъ въ 138 милліоновъ. Но изъ этого количества много шло въ Азію, много употреблялось на цѣли промышленности и искусства и для иныхъ цѣлей, кромѣ чеканки. Это количество Якобсъ оцѣниваетъ въ 42 милліона. Стало быть въ концѣ столѣтія въ Европѣ монеты было около 130 милліоновъ фунтовъ, сравнительно съ 34 милліонами въ началѣ его. Не легко опредѣ-

лить, сколько именно изъ этого количества монеты обращалось въ Англіи. Елисавета въ теченіи сорока четырехъ лѣтъ своего царствованія чеканила ежегодно въ среднемъ 125,311 фунтовъ—107,240 ф. серебра и 18,071 ф. золота, что для всего царствованія составитъ 5,513,717 фунтовъ. Изъ этого количества при общей перечеканкѣ было выпущено монетнымъ дворомъ только 733,248 фунтовъ. Потому не удивительно, что цѣны сильно возрасли; но вліяніе этого на положеніе рабочихъ, повидимому, противорѣчило обычному взгляду, будто такое повышеніе приноситъ пользу рабочимъ классамъ. Въ дѣйствительности кажется, что всѣ быстрыя колебанія имѣютъ противоположное дѣйствіе—будутъ ли цѣны падать или повышаться.

Слѣдующая таблица показываетъ средніе цѣны главныхъ товаровъ, высчитанныя Торольдомъ Роджерсомъ для двухъ десятилѣтій, 1583—1593 и 1603—1613.

	1583—93 г.	1603—13 г.
Пшеница (четверть) . .	1 ф. 3 ш. $8^1/_9$ д.	1 ф. 15 ш. $3^1/_2$ д.
Ячмень	— » 12 » $10^1/_2$ »	— » 19 » 5 »
Овесъ	— » 8 » 1 »	— » 11 » $10^3/_4$ »
Солодъ	— » 14 » 5 »	— » 19 » 10 »
Сукно (12 ярдовъ) . . .	1 » 1 » 7 »	1 » 4 » 2 »
Бархатъ (ярдъ)	1 » — » $6^1/_4$ »	1 » 3 » $1^1/_2$ »
Полотно (12 ярдовъ) . .	1 » 18 » $9^3/_4$ »	1 » 13 » $5^1/_4$ »
Парусина	— » 9 » 3 »	— » 8 » $8^3/_4$ »
Желѣзо	1 » 4 » 7 »	1 » 12 » 8 »
Свинецъ	— » 12 » $9^3/_4$ »	— » 15 » 4 »
Сахаръ (12 фун.) . . .	— » 17 » $1^1/_4$ »	1 » — » $3^1/_6$ »
Рисъ	— » 5 » 9 »	— » 6 » $^3/_4$ »
Сельди (120)	— » 2 » 8 »	— » 3 » $7^1/_4$ »
Устрицы (120) . . .	— » — » $7^1/_2$ »	— » — » 9 »
Соленая сельдь (120) .	3 » 4 » 3 »	3 » 3 » 2 »
Свѣчи (12 ф.)	— » 3 » $6^1/_2$ »	— » 4 » $^3/_4$ »
Бобы	— » 16 » 11 »	— » 19 » 2 »
Горохъ	— » 16 » $7^1/_2$ »	— » 17 » $5^1/_4$ »
Быкъ (высшая цѣна) . .	4 » 7 » 1 »	6 » 9 » 8 »
Овцы (средняя)	— » 7 » $9^1/_4$ »	— » 9 » $^1/_2$ »
Лошадь (высшая) . . .	11 » 4 » 1б »	11 » 16 » 2 »

Среднія еженедѣльныя заработныя платы въ тѣ-же десятилѣтніе періоды были таковы:

	1583—93 г.	1603—13 г.
Плотники	5 ш. $11^1/_2$ д.	6 ш. $^1/_2$ д.
Каменьщики	5 » 11 »	6 » $8^1/_2$ »
Пильщики	5 » $3^1/_2$ »	5 » $9^1/_2$ »
Женщины	1 » $11^3/_4$ »	2 » 6 »

Измѣненіе экономическаго положенія Англіи.

Теперь мы можемъ въ краткихъ словахъ обрисовать экономическое движеніе при Елисаветѣ. Въ цѣломъ это былъ періодъ крупнаго торговаго прогресса. Населеніе Англіи непрерывно увеличивалось, а ея богатство увеличивалось еще быстрѣе. Наша страна, бывшая раньше почти чисто земледѣльческой и скотоводческой, теперь вступила на то поприще, которое сдѣлало ее въ восемнадцатомъ вѣкѣ передовой націей, какъ по промышленности, такъ и по торговлѣ; но земледѣліе все таки оставалось нашей главной промышленностью и мы отставали отъ голландцевъ почти во всѣхъ отрасляхъ торговли. Такой прогрессъ былъ начатъ и сдѣланъ возможнымъ возстановленіемъ денежнаго обращенія. Онъ поддерживался прибытіемъ искусныхъ рабочихъ эммигрантовъ, повышеніемъ цѣнъ и особенно ростомъ народной энергіи. Онъ поддерживался непосредственно мирной и экономной политикой королевы, а посредственно опустошеніями, произведенными у нашихъ соперниковъ за границей религіозными войнами. Онъ проявился въ распространеніи роскоши и блеска въ послѣдніе годы царствованія.

Раздѣлъ продукта. Рабочіе.

Съ другой стороны слѣдуетъ помнить, что почти все увеличеніе естественныхъ богатствъ было захвачено высшими и средними классами. Заработная плата въ деньгахъ увеличилась, но дѣйствительная поденная плата (измѣряемая товарами, которые можно было пріобрѣсти на эту плату) несомнѣнно уменьшилась. Вѣроятно, что такое уменьшеніе нѣсколько уравновѣшивалось большимъ постоянствомъ занятій рабочихъ, но все таки рабочему было хуже, чѣмъ его предку въ концѣ пятнадцатаго вѣка и наврядъ ли лучше, чѣмъ его отцу въ началѣ царствованія Елисаветы. Несмотря на великій авторитетъ Торольда Роджерса, я не думаю, чтобы положеніе рабочихъ непрерывно ухудшалось въ теченіе шестнадцатаго вѣка. Я скорѣе склоненъ утверждать, что оно ухудшалось до 1560 года, что потомъ на нѣсколько лѣтъ оно улучшилось, а потомъ до конца столѣтія оставалось безъ измѣненій.

Средніе классы.

Классы, стоящіе непосредственно выше рабочихъ, классъ мелкихъ фермеровъ, лавочниковъ, мелкихъ нанимателей естественно много выигралъ отъ повышенія цѣнъ. Люди, покупающіе для перепродажи— продаютъ ли они въ той же формѣ, въ которой купили продуктъ, или переработали его своими силами или при посредствѣ силъ природы,—очевидно получаютъ нѣчто большее, чѣмъ естественные плоды ихъ промышленности, если между временемъ покупки и временемъ продажи цѣны поднимаются. Потому неудивительно, что въ царствованіе Елисаветы средніе классы сильно выросли, какъ численно, такъ и по ихъ богатству. Эти классы были наиболѣе склонными къ пуританству, который до конца царствованія Елисаветы становится важнымъ факторомъ національной жизни, хотя у него было и мало представителей въ палатѣ общинъ и еще меньше въ палатѣ лордовъ.

Среди высшихъ классовъ мы находимъ много доказательствъ увеличенія благосостоянія. Повышеніе рентъ, правда, не было пропорціонально общему повышенію цѣнъ; но высшіе классы помѣщали капиталы и въ торговыя и буканерскія предпріятія того времени, что несмотря на частыя потери приносило имъ въ цѣломъ большіе барыши. Кромѣ того благодаря распространенію торговли цѣны многихъ заграничныхъ предметовъ роскоши въ дѣйствительности пали, а другія поднялись немного. Высшіе классы теперь жили въ каменныхъ и кирпичныхъ домахъ, съ каминами и стеклянными окнами, съ коврами, подушками и другими предметами комфорта, которые до царствованія Елисаветы были почти недоступной роскошью; соотвѣтственное улучшеніе произошло и въ ихъ пищѣ и въ одеждѣ. Высшіе классы.

Пауперизмъ.

Тевиисъ.

Реформація во всякомъ случаѣ дѣлала соціальное законодательство во время царствованія Елисаветы необходимостью. Но и помимо этого, во всѣхъ сферахъ экономической дѣятельности произошли громадныя измѣненія и естественныя бѣдствія переходнаго періода отягчались трудной и крупной проблемой денежнаго обращенія. При такихъ то условіяхъ законы о бѣдныхъ, исторію которыхъ мы разсказали выше, получили ту форму, въ которой они, несмотря на всѣ ихъ недостатки, оставались по существу неизмѣнными въ теченіи почти двухсотъ пятидесяти лѣтъ. Статуты о бѣдныхъ во время царствованія Елисаветы не были дѣломъ филантроповъ, стремившихся къ своимъ благороднымъ цѣлямъ. Тѣ-же самыя лица, тѣ-же комитеты лордовъ и общинъ, въ одну и ту же сессію парламента, совѣщались и боролись изъ за биллей объ увеличеніи пахоты, о регулированіи промышленности, о поощреніи навигаціи изъ за биллей о наказаніи бродягъ, объ устройствѣ смирительныхъ домовъ и о помощи бѣднымъ. Такимъ образомъ «Законы о бѣдныхъ» Елисаветы можно считать частью единой экономической системы.

Первый изъ нихъ (5 Елисаветы) подобно Статуту объ ученикахъ былъ внесенъ въ палату лордовъ. Въ этой палатѣ онъ прошелъ 16 марта 1563 года, отосланъ въ палату общинъ, гдѣ были къ нему прибавлены нѣсколько поправокъ и двѣ оговорки, и исправленный билль былъ прочитанъ въ третій разъ въ палатѣ лордовъ 6 апрѣля 1563 года. Въ обѣихъ палатахъ билль прошелъ всѣ стадіи обсужденія менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ. Онъ сдѣлалъ важныя измѣненія въ Первый законъ Елисаветы о бѣдныхъ.

законодательствѣ, какимъ оно было въ концѣ царствованія Маріи, и характеръ этихъ измѣненій доказываетъ, что затрудненія съ тѣхъ поръ обострились.

Сборщиковъ начали выбирать не на Рождествѣ, а лѣтомъ; мэры, балльи, викаріи, кураты и другія перечисленныя въ актѣ власти, не исполнившіе своихъ обязанностей по отношенію къ выбору сборщиковъ, подвергались штрафу въ сорокъ шиллинговъ. Штрафъ за отказъ отъ службы увеличили до 10 фунтовъ, причемъ эти штрафы взимались на основаніи даже простого свѣдѣнія, даваемаго церковными попечителями какому-нибудь счетному суду. Сами церковные попечители, не предъявившіе такихъ псковъ, подвергались штрафу въ 20 фунтовъ. Въ случаѣ обмана сборщиковъ, обманувшій подвергался уже не церковному наказанію (выговору епископа), а тюремному заключенію и сборы въ пользу бѣдныхъ теперь были сдѣланы принудительными. Отказывавшіеся давать эти взносы и уговаривавшіе другихъ не давать, послѣ надлежащаго увѣщанія ихъ пасторомъ и потомъ епископомъ, должны были появиться съ залогомъ въ 10 фунтовъ предъ судьями, которые въ случаѣ ихъ упорства отправляли ихъ въ тюрьму. Умѣренность этого наказанія и чрезвычайно мягкія средства для побужденія отказавшихся составляли странный контрастъ съ наказаніемъ администраторовъ, не исполнявшихъ опредѣленій акта, что доказываетъ, какъ неохотно прибѣгало правительство къ принудительнымъ мѣрамъ.

Отвергнутый билль 1511 г.

Въ слѣдующіе восемь лѣтъ было много заботъ и внутри государства и заграницей; и количество бѣдныхъ и бродягъ не только не уменьшилось, а увеличилось до ужасающихъ размѣровъ. Билль о наказаніи бродягъ былъ прочитанъ въ первый разъ въ палатѣ общинъ 4 декабря 1566 года. 30 числа того же мѣсяца мы читаемъ любопытную замѣтку по поводу этого вопроса: «милостыня, даваемая бѣднымъ въ этотъ день доходила до суммы 19 фунтовъ 10 шиллинговъ уплачиваемой Генрихомъ Ноллисомъ старшимъ и Гримстономъ, двумя членами этой палаты» [1]). Въ 1569 году Частный Совѣтъ приказалъ произвести изслѣдованіе о бродягахъ, такъ какъ «королева и ея Совѣтъ сомнѣвались относительно нѣкоторыхъ ушедшихъ на сѣверъ и въ другія части страны». Изслѣдованіе, сдѣланное въ одинъ день въ разныхъ частяхъ страны, указало, что «безхозяйныхъ» людей не меньше 13.000. Лондонское Сити тоже приняло мѣры для отысканія и наказанія бродягъ [2]). Черезъ два или три года послѣ сѣвернаго возстанія боялись голода и многіе не только въ сѣверныхъ графствахъ, но и въ другихъ мѣстахъ, были въ крайней нуждѣ. «Я ѣздилъ эти три недѣли каждый день, кромѣ воскре-

---

[1]) Journals—D'Ewes.

[2]) History of Vagrants and Vagrancy—Рибтона Тёрнера.

сенья — писалъ 6 сентября 1571 года Томасъ Гаргревъ графу Суссексу.—И никогда не слыхалъ такихъ общихъ жалобъ на бѣдность, какъ теперь» [1]). Правительство понимало, что необходимы новыя законодательныя мѣры. Вопросъ о бѣдныхъ уже обратилъ на себя вниманіе Частнаго Совѣта. Лордъ мэръ и лондонскій епископъ составили инструкціи и для совѣщанія относительно имѣвшихъ быть принятыми мѣръ и относительно лицъ совѣта, которыхъ слѣдовало спросить, былъ назначенъ Джемсъ Крофтсъ [2]). Когда 13 апрѣля 1571 года внесли въ палату общинъ билль противъ бродяжества и о помощи бѣднымъ, интересъ къ нему былъ такой, что при первомъ уже чтеніи «начались оживленные дебаты, что было необычно до второго чтенія» [3]). Одинъ изъ членовъ, указывая, что о бѣдныхъ слѣдуетъ заботиться, доказывалъ, что внесенный въ палату билль былъ «чрезмѣрно суровымъ и кровавымъ» и что возможно, «при нѣкоторомъ трудѣ судей, помочь всякому въ его домѣ и остановить его отъ бродяжества», оправдывая свое мнѣніе ссылкой на опытъ Ворчестершира. Сесиль сказалъ, что «радъ бы былъ, еслибы во всякомъ городѣ былъ Бридуэль, и чтобы всякій пьяница въ графствѣ давалъ ежегодно по двѣнадцати пенсовъ на его содержаніе». Вильсонъ, авторъ извѣстнаго трактата о процентахъ, доказывалъ, что «мы необходимо должны имѣть бѣдныхъ, ибо такъ сказалъ Христосъ, до втораго Его пришествія». Онъ потомъ говорилъ о помощи бѣднымъ въ большей части христіанскихъ странъ и заключилъ слѣдующими словами: «нигдѣ нѣтъ такого легкомыслія и разнузданности, какъ здѣсь... Это не милосердіе давать людямъ, которыхъ мы не знаемъ, ибо они чужіе для насъ». Билль прошелъ въ палатѣ общинъ, но былъ отвергнутъ или оставленъ въ палатѣ лордовъ.

Второй билль, впослѣдствіи сдѣлавшійся закономъ, читался въ первый разъ у лордовъ 12 мая 1572 года; черезъ пять дней прошло третье чтеніе и 18 числа былъ отправленъ въ палату общинъ. Тамъ начались затрудненія; 24 мая нашли необходимымъ имѣть совѣщаніе съ лордами относительно поправокъ палаты, но лорды остались при своемъ мнѣніи. Они сильно противились включенію въ число бродягъ и бездѣльныхъ шатуновъ, «фехтовальщиковъ, медвѣжатниковъ, актеровъ въ интерлюдіяхъ и министрелей» — ненавистныхъ пуританскимъ коммонёрамъ. 30 мая палата общинъ рѣшила, что словъ: «министрели, медвѣжатники, разнощики и пр.» не слѣдуетъ вычеркивать изъ билля, они «должны оставаться въ немъ, опредѣляемыя рѣшеніемъ мировыхъ судей такимъ образомъ, какъ разсмотрѣлъ и рѣшилъ комитетъ — съ такимъ условіемъ, что если лорды

Второй билль (1572).

---

[1]) Chapters of Yorkshire History—Картрайта.
[2]) Acts of Privy Council (1591—1592).
[3]) Journals—D'Ewes.

не согласятся на такое опредѣленіе, то эта палата не будетъ связана рѣшеніемъ и можетъ измѣнить его по своей волѣ, если найдетъ сіе необходимымъ [1]). Палата общинъ добилась своего и билль сдѣлался закономъ [2]).

Второй законъ Елисаветы о бѣдныхъ.

Этотъ второй законъ Елизаветы о бѣдныхъ былъ самымъ выработаннымъ изъ всѣхъ законовъ съ тѣхъ поръ, какъ этотъ вопросъ началъ привлекать вниманіе правительства. Онъ замѣчателенъ также и тѣмъ, что еще разъ прибѣгалъ къ суровымъ мѣрамъ для наказанія бродягъ. Ихъ полагалось «свирѣпо сѣчь» и прокалывать раскаленнымъ желѣзомъ ихъ правое ухо, если они не найдутъ кого-нибудь, кто подъ опасеніемъ штрафа въ 5 фунтовъ захочетъ взять ихъ на годъ въ свою службу. Въ случаѣ обращенія къ бродяжеству въ теченіе шестидесяти дней послѣ наказанія, они подвергаются смерти фелона, если какой-нибудь честный человѣкъ, имѣющій 10 ф. въ имуществѣ или сорокъ шиллинговъ въ землѣ или какой-нибудь хозяинъ, одобренный мировымъ судьей, не возьметъ преступника на службу на два года съ обязательствомъ за него въ 10 фунтовъ; изъ чего можно заключить, что жизнь бродяги въ то время оцѣнивалась, какъ служба рабочаго за два года. Интересно указать, съ какими разрядами людей правительство намѣрено было обращаться такимъ образомъ. Жалобы, что билль 1571 года, несомнѣнно еще болѣе суровый, былъ чрезмѣрно свирѣпъ и кроваво, были основательны. Терминъ: «бродяга» по опредѣленію акта примѣнялся къ слѣдующимъ разрядамъ лицъ: 1) къ нищимъ, бродившимъ по странѣ безъ достаточнаго разрѣшенія властей; 2) къ тѣмъ, которые занимались недозволенными играми, къ физіономистамъ, гадалщикамъ по рукѣ и т. д.; 3) къ здоровымъ людямъ, не имѣвшимъ земли или хозяина, не занимавшимся ни торговлей, ни промысломъ и не могшимъ объяснить, какъ они добываютъ средства существованія; 4) къ фехтовальщикамъ, медвѣжатникамъ, актерамъ въ интерлюдіяхъ и министрелямъ, не принадлежавшимъ какому-нибудь лорду, къ разнощикамъ, мѣдникамъ, мелкимъ торговцамъ, бродившимъ вездѣ безъ разрѣшенія мировыхъ судей; къ здоровымъ рабочимъ, бездѣльничавшимъ и отказывавшимся работать за тѣ «разсудительныя платы, которыя опредѣлены и обычно платятся въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ подобныя лица»; 6) поддѣлыватели разрѣшеній, паспортовъ и всѣ употребляющіе такіе поддѣльные документы завѣдомо; 7) ученики университетовъ, просившіе милостыню безъ разрѣшенія университетскихъ властей; 8) корабельщики, выпрашивающіе пособій, какъ потерпѣвшіе на морѣ, кромѣ такихъ лицъ, относительно помощи которымъ опредѣляетъ этотъ

---

[1]) Journals—D'Ewes.

[2]) 14 Елисаветы, дополненъ 18 Елис. Продолженіе обоихъ актовъ—29 Елис, 31 Елис., и 35 Елис.

актъ и 9) освобожденные арестанты, нищенствующіе безъ разрѣшенія отъ двухъ судей.

Отношеніе этого закона къ статуту объ ученикахъ.

Включеніе въ число преслѣдуемыхъ здоровыхъ рабочихъ, не желавшихъ работать за разсудительную плату, уясняетъ намъ цѣли, преслѣдуемые Статутомъ объ ученикахъ. «Разсудительная плата, опредѣленная и обычно платимая» — это заработная плата, опредѣляемая или предполагаемая, какъ опредѣленная, мировыми судьями, уполномочиваемыми на сіе этимъ актомъ. Такимъ образомъ мировымъ судьямъ давалось сильное орудіе для принужденія упорныхъ рабочихъ, если только они хотѣли пользоваться своими полномочіями. «Разсудительная плата» — это не то, что современные рабочіе называютъ «плата, на которую едва можно жить», а плата, казавшаяся властямъ разсудительной и приличной для положенія рабочаго. Чтобы вполнѣ понять, какое дѣйствіе на рабочіе классы имѣлъ этотъ законъ, было бы необходимо подробно узнать, какъ исполнялись статьи статута о заработной платѣ. Такое обсужденіе здѣсь невозможно; намъ достаточно будетъ сказать, что, насколько извѣстно, судьи не исполняли своихъ обязанностей съ такой регулярностью и настоятельностью, какія отъ нихъ требовались [1]). Законъ о бѣдныхъ дополнялъ Статутъ объ ученикахъ не въ однихъ только статьяхъ, прямо относившихся къ регулированію заработной платы. Актъ 1572 года опредѣлялъ отнимать у бродягъ ихъ дѣтей и отдавать ихъ въ ученье земледѣлію и промысламъ или на обыкновенную службу. Въ такихъ случаяхъ и дѣти и ихъ хозяева или хозяйки были связаны опредѣленіями Статута объ ученикахъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ было обычнымъ дѣломъ декламировать о правахъ бѣдныхъ на занятіе и помощь, гарантированныхъ имъ при Елисаветѣ. Но ничего не было столь чуждымъ цѣлямъ тогдашнихъ государственныхъ людей, какъ намѣреніе дать такія гарантіи. Они приняли принципъ принудительной помощи бѣднымъ очень неохотно, очень медленно и только послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ обойтись безъ такого принужденія; для того, чтобы отдѣлаться отъ зла, которое угрожало сдѣлаться общественнымъ бѣдствіемъ, а не для того, чтобы удовлетворить требованіямъ справедливости и права. Точно также и планы доставить бѣднымъ работу были построены не на томъ принципѣ, что всякій безработный, какова бы ни была причина его безработности, имѣетъ право на трудъ, а на томъ, что онъ заслуживаетъ всяческихъ суровыхъ наказаній. Конечно лучше утилизировать его трудъ, сдѣлать его полезнымъ государству, заставить его работать, чѣмъ сѣчь, уродовать или даже убивать его.

---

[1]) Авторъ этой статьи подробно обсуждалъ статутъ объ ученикахъ въ книгѣ English Trade and Finance (1892) и въ Economie Journal (декабрь, 1892 г.).

Помощь бѣднымъ.

Опредѣленія акта 1572 года о помощи бѣднымъ были зрѣло обдуманы. Принужденіе лицъ, отказавшихся давать эту помощь, сдѣлалось болѣе дѣйствительнымъ. Съ обывателей собирался еженедѣльный налогъ и теперь имъ не предоставлялось самимъ опредѣлять его размѣры. Правда, если они имѣли возраженія противъ размѣра наложенныхъ на нихъ сборовъ, они имѣли право аппелировать къ суду четвертныхъ сессій; но отказъ платить по раскладкѣ, сдѣланной судьями, наказывался тюремнымъ заключеніемъ. Ежегодно назначались сборщики и надзиратели. Штрафъ за отказъ отъ службы сборщикомъ снова доведенъ до размѣровъ, признанныхъ достаточными въ царствованіе Маріи, т. е. до 40 шиллинговъ; отказъ отъ службы надзирателя влекъ за собой штрафъ въ 10 шил. Для старыхъ и больныхъ бѣдныхъ должны были устроить дома; бѣдныхъ регистрировали и каждомѣсячно производилась повѣрка ихъ, причемъ чужихъ отправляли на родину или въ мѣсто, гдѣ они жили послѣдніе три года. Статутъ былъ принятъ на семь лѣтъ, а съ этого срока до конца слѣдующаго парламента. Но задолго до окончанія срока, въ 1576 году, онъ былъ дополненъ другимъ актомъ «для устраненія бездѣльничества и для того, чтобы заставить бѣдныхъ работать». Мать и предполагаемый отецъ незаконнорожденнаго ребенка обязывались содержать его и такъ какъ тяжелыя издержки на отправку бродягъ и шатуновъ въ тюрьмы заставляли не обращать на нихъ вниманія, то актъ опредѣлялъ, чтобы издержки препровожденія бродягъ падали на тѣ общины, чрезъ которыя ихъ препровождали. Опредѣленія относительно понужденія бѣдныхъ къ работѣ, несомнѣнно, породили бы болѣе паупперовъ, чѣмъ помогли имъ, если бы они могли исполняться. Сборщиковъ поставали въ положеніе факторовъ или посредниковъ въ такъ называемомъ домашнемъ производствѣ. Изъ собираемыхъ для этой цѣли налоговъ и изъ добровольныхъ сборовъ для приведенія этого закона въ исполненіе они должны были покупать сырые матеріалы: шерсть, конопляю, ленъ и такъ далѣе. Эти матеріалы они должны были раздавать бѣднымъ, которые и обрабатывали ихъ по домамъ. За ихъ работу сборщики должны были платить по качеству работы и потомъ продавать товары на рынкѣ, какъ дѣлаетъ это всякій посредникъ. Если бѣдные отказывались отъ такого вспомоществованія, то на основаніи опредѣленій акта сборщикъ могъ отправлять ихъ въ смирительный домъ. Тамъ имъ давали «удобную одежду, надлежащую пищу и работу» и наказывали по усмотрѣнію надзирателя дома.

Смирительные дома.

Сохранился одинъ интересный [1]) документъ, указывающій на устройство тогдашнихъ смирительныхъ домовъ на основаніи вышеупомяну-

---

1) Напечатанъ въ State of Poor—Едена, Извлеченія въ Vagrants and Vagrancy—Рибтона Тёрнера.

таго закона. Суффолькскіе судьи составили подробныя инструкціи для управленія домомъ въ Бюри. Они назначили во всякой сотнѣ лицо (forren officer) для отыскиванія бродягъ и для захвата ихъ съ помощью констебля. Бродягъ послѣ принятія ихъ въ домъ сѣкли и заковывали и потомъ заставляли работать. Сѣчь полагалось бичемъ, свитымъ изъ двухъ веревокъ, безъ узловъ. Упорныхъ ожидало болѣе суровое наказаніе. Судьи повидимому предусмотрѣли всякую подробность управленія домомъ; съ точностью опредѣлялись пища арестантовъ и обязанности служащихъ. Съ этими инструкціями можно сравнить правила Христова госпиталя въ Ипсвичѣ, введенныя въ 1594 году [1]). Къ этому же періоду относятся свидѣтельства о займахъ, пожертвованіяхъ деньгами и матеріалами и т. д. для понужденія бѣдныхъ къ работѣ; вообще, кажется, было много попытокъ исполнить этотъ законъ. Церковныя власти не переставали указывать богатымъ на ихъ обязанность щедро давать помощь бѣднымъ и даже для этой цѣли «воздерживаться отъ обѣдовъ по средамъ, пятницамъ и постнымъ днямъ» [2]).

Парламентъ и законъ о бѣдныхъ.

Переходимъ къ предпослѣднему парламенту королевы Елисаветы, который окончательно подтвердилъ для всѣхъ практическихъ цѣлей главныя опредѣленія «стараго закона о бѣдныхъ». Сессія 1597—98 года была посвящена соціальному законодательству. Она началась 5 ноября 1597 года предложеніемъ Бэкона [3]) противъ огораживаній полей; онъ внесъ два билля, «написанные не очищеннымъ перомъ, а очищеннымъ сердцемъ, свободные отъ чувства и отъ аффектаціи». Для разсмотрѣнія вопроса былъ назначенъ комитетъ палаты. Палату приглашали «разсмотрѣть различныя великія и ужасныя злоупотребленія бездѣльныхъ и бродячихъ людей и несчастное положеніе хорошихъ и добрыхъ подданныхъ сего королевства». Этотъ вопросъ тоже былъ переданъ въ комитетъ Бэкона. Но уже черезъ шесть дней сэръ Френсисъ Гастингсъ жаловался, что они такъ много занимаются изгородями и пахотой, что не обращаютъ вниманія на наказаніе шатуновъ и на помощь бѣднымъ и просилъ позволенія внести два или три билля по этому предмету, приготовленныхъ различными членами палаты. Было бы утомительно описывать подробно работу этой важной парламентской сессіи и излагать исторію многочисленныхъ биллей о бѣдныхъ, внесенныхъ въ палату. Къ 22 ноября предъ комитетомъ, состоявшимъ изъ Сесиля, Бэкона, Роберта Брота и другихъ лицъ, назначенныхъ 19 числа, было не меньше одиннадцати биллей по этому предмету. Слѣдуетъ помнить,

---

[1]) Annals of Ipswiche—Бэкона.

[2]) См. Циркулярное посланіе архіепископа Уитгифта къ епископамъ.

[3]) До этого предложенія читался въ первый разъ билль о перекупщикахъ и скупщикахъ.

что многіе другіе билли по соціальнымъ и экономическимъ вопросамъ, а также частные билли о госпиталяхъ, о требованіяхъ возвращенія пустошей, были разсматриваемы въ ту же сессію—и тогда мы получимъ нѣкоторое представленіе о работахъ этого парламента Елисаветы. Комитетъ, разсматривавшій различные билли о бѣдныхъ, обыкновенно засѣдалъ въ Миддль-Темпль-Голль. Изъ многочисленныхъ биллей, разсмотрѣнныхъ палатой, выберемъ два: одинъ бияль о помощи бѣднымъ, а другой объ устройствѣ смирительныхъ домовъ.

Лорды и общины.

При второмъ чтеніи первый билль былъ совершенно передѣланъ и въ новой его формѣ прошелъ въ палатѣ общинъ 13 декабря 1597 года. Въ палатѣ лордовъ онъ былъ исправленъ, проведенъ послѣ отсрочки засѣданій (20 декабря—11 января); поправки и оговорки лордовъ были обсуждаемы палатой общинъ и билль окончательно сдѣлался закономъ. Проведеніе билля о смирительныхъ домахъ было труднѣе, потому что обѣ палаты были сильно заинтересованы въ этомъ дѣлѣ. До принятія его палатой общинъ было внесено множество поправокъ. Тамъ онъ прошелъ 5 декабря, но и лорды не желали пропустить его безъ обсужденія. Комитетъ, которому онъ былъ переданъ 8 декабря, получилъ полномочіе призывать на свои совѣщанія тѣхъ изъ палаты общинъ, съ кѣмъ они найдутъ нужнымъ посовѣтываться объ усовершенствованіи билля. Въ третій разъ его читали въ день отсрочки засѣданій 20 декабря. Когда общины начали разсматривать поправки лордовъ, то противъ этихъ поправокъ явились сильныя возраженія и обсужденіе было передано 12 января комитету, состоявшему изъ Ралейга, Сесиля, Бэкона и другихъ. На слѣдующій день Ралейгъ предложилъ совѣщаніе съ лордами. Появившись въ палату лордовъ, чтобы просить о такомъ совѣщаніи, онъ и сопровождавшіе его члены палаты пришли въ негодованіе отъ пріема ихъ лордами—«не похожаго на прежнюю и обычную вѣжливую манеру ихъ сіятельствъ сходить внизъ къ рѣшеткѣ къ членамъ этой палаты общинъ; всѣ они сидѣли очень торжественно въ своихъ пышныхъ мантіяхъ и всѣ съ покрытыми головами и лордъ хранитель печати тоже сидѣлъ также съ покрытой головой». Это предполагаемое оскорбленіе было объяснено удовлетворительно для оскорбленныхъ коммонёровъ, но инцидентъ во всякомъ случаѣ не располагалъ къ примиренію. Неудовольствія между двумя палатами обострились въ силу непочтительности, съ которой лорды приняли жалобы общинъ, что они послали свои поправки оттиснутыми на пергаментѣ, а не написанными на бумагѣ. Результатъ совѣщанія былъ неудовлетворителенъ и не удивительно, что 17 января 1598 года послѣ третьяго чтенія поправокъ, билль былъ подвергнутъ обсужденію и послѣ разныхъ рѣчей и аргументовъ за и противъ былъ отвергнутъ. За билль голосовали 66 членовъ, противъ него 106. Но вопросъ не былъ оставленъ. Лорды провели свой собственный билль

о наказаніи шатуновъ, бродягъ и упорныхъ нищихъ Онъ въ теченіе трехъ недѣль передавался изъ одной палаты въ другую, но наконецъ сдѣлался закономъ.

Третій законъ Елисаветы о бѣдныхъ.

Эти два парламентскіе акта составляютъ третій законъ Елисаветы о бѣдныхъ. Послѣдній актъ о наказаніи бродягъ мягче предыдущихъ и несомнѣнно, что этой сравнительной мягкостью онъ обязанъ лордамъ, которые, повидимому, все время относились къ бѣднякамъ бродягамъ милостивѣе, чѣмъ общины. Актъ о помощи бѣднымъ опредѣлялъ, чтобы надзиратели и церковные попечители выбирались каждогодно на пасхѣ. И въ этомъ актѣ мы встрѣчаемъ всѣ знакомыя намъ особенности «стараго закона о бѣдныхъ». Мы находимъ и принципъ помощи изъ фонда, собираемаго принудительно, доставленіе занятій бѣднымъ въ формѣ обработки ими шерсти, льна и пр., отдачу дѣтей пауперовъ въ ученики, помощь бѣднѣйшимъ приходамъ и аппеляцію къ суду четвертныхъ сессій. Опредѣлялось также, что родители или дѣти обязаны поддерживать своихъ родныхъ и что для арестантовъ въ тюрьмѣ Королевской Скамьи и въ Маршальзи и для госпиталей и богадѣленъ должны собираться спеціальные налоги.

Четвертый и послѣдній законъ Елисаветы о бѣдныхъ.

Этотъ актъ долженъ былъ дѣйствовать до окончанія слѣдующаго парламента. Потому послѣдній парламентъ Елисаветы былъ долженъ пересмотрѣть вопросъ о помощи бѣднымъ. 5 ноября 1601 года Робертъ Вротъ обратилъ вниманіе на этотъ вопросъ, но почти до конца сессіи ничего не было сдѣлано. Билль о помощи бѣднымъ, знаменитый «старый законъ о бѣдныхъ» (43 Елисаветы) былъ торопливо, меньше, чѣмъ въ недѣлю, проведенъ въ обѣихъ палатахъ. Дополнительный законъ о наказаніи бродягъ и устройствѣ смирительныхъ домовъ, предложенный до конца первой сессіи парламента 1601 года, былъ оставленъ. Онъ былъ возобновленъ и исправленъ въ первый годъ Іакова I. На вопросъ, почему такая важная мѣра обратила столь мало вниманія въ 1601 году, можно отвѣтить, что парламентъ считалъ существовавшій законъ удовлетворительнымъ. Сесиль, когда онъ въ отвѣтъ на предложеніе, чтобы ни одинъ частный билль не могъ проходить чрезъ палату, если предлагающіе его не дадутъ что нибудь бѣднымъ, сказалъ: «наши нищіе обезпечены» — выразилъ только общее мнѣніе палаты [1]).

---

[1]) Historical Collections—Тоунсенда.

Общественное здравіе.

Крейгтона.

Главнымъ нарушителемъ общественнаго здравія при Елисаветѣ была чума. Насколько значительно она вліяла на смертность—это видно изъ статистическихъ данныхъ о Лондонѣ въ пятилѣтній періодъ (1578—1582). Въ теченіе этого періода погребеній было на тридцать три процента больше, чѣмъ крещеній—иначе говоря, каждогодно умирало на треть больше, чѣмъ родилось. Этотъ излишекъ смертныхъ случаевъ всецѣло объясняется чумной эпидеміей. Въ одинъ изъ этихъ годовъ (1580) чумы не было и въ каждомъ изъ мѣсяцевъ этого года, кромѣ іюля (когда свирѣпствовала одна изъ инфлюэнцъ шестнадцатаго вѣка, прозванная «кроткимъ исправленіемъ»), крещеній было больше, чѣмъ погребеній; за весь годъ количество рожденій превышало количество смертныхъ случаевъ на двадцать пять процентовъ. Изъ этого, кажется, можно сдѣлать выводъ, что, за исключеніемъ чумы, общественное здравіе въ Лондонѣ въ это время было удовлетворительно. Въ статистикѣ жизни въ позднѣйшее время (если только ей можно довѣрять) мы до начала настоящаго столѣтія не находимъ ни одного года, когда количество крещеній на четверть превышало бы количество погребеній, хотя въ настоящее время каждогодно имѣется такое превышеніе и въ большинствѣ годовъ оно больше. Вѣроятно, что въ послѣднюю половину царствованія Елисаветы были два періода въ восемь или девять лѣтъ каждый (1583—92 и 1594—1602 годы), когда отсутствіе чумы или слабость этой эпидеміи дѣлали то, что количество рожденій превышало количество смертей настолько же, какъ въ 1580 году. Но такое превышеніе въ годы, свободные отъ эпидеміи, болѣе чѣмъ уравновѣшивалось смертностью въ одинъ чумный сезонъ. Такъ отъ іюня до конца года (1563) отъ чумы въ 108 приходахъ Сити и пригородовъ умерло 17404 человѣкъ, а въ 11 внѣшнихъ приходахъ 2732, т. е. всего 20136 чел. а смертность отъ другихъ причинъ равнялась 3524—причемъ несомнѣнно, что изъ этого числа нѣкоторые въ дѣйствительности умерли отъ чумы. Другая большая эпидемія была въ 1593 году, когда количество смертей отъ нея было 15003, а отъ другихъ причинъ 10883—причемъ вѣроятно, что изъ этого послѣдняго числа половина умерла тоже отъ чумы. Два раза въ царствованіе Елисаветы столица отъ чумной эпидеміи теряла отъ шестой до пятой части своего населенія; въ другіе же годы царствованія смертность отъ обыкновенныхъ причинъ болѣе чѣмъ удвоилась чумной эпидеміей. Изъ другихъ городовъ въ это царствованіе чумная

эпидемія была въ Норвичѣ, Ярмутѣ, Раѣ, Бристолѣ, Плимутѣ, Тотнесѣ и Тивертопѣ; она была очень сурова въ сѣверныхъ графствахъ въ 1596—97 году во время голода.

Эпидемія свирѣпствовала во всѣхъ частяхъ Лондона и смертность отъ нея, вѣроятно, была бы большой во всѣхъ классахъ общества, если бы богатые не искали спасенія въ бѣгствѣ, когда эпидемія становилась особенно сильной, лѣтомъ и осенью. Но лучшія части Лондона страдали главнымъ образомъ отъ сосѣдства съ другими. При всѣхъ большихъ эпидеміяхъ, насколько извѣстно, начиная съ 1563 года, зараза начиналась въ бѣдныхъ и перенаселенныхъ окраинахъ Сити, въ кольцѣ приходовъ за стѣнами. Одинъ писатель 1564 года говоритъ, что на его памяти чума два раза начиналась въ приходѣ Св. Гроба, за Ньюгетомъ, оттого что тамъ «много продавцевъ плодовъ, бѣдняковъ и вонючихъ улицъ, какъ Турнагенъ-Лэнъ, идущій по скату къ Флитъ Дитчъ и кончающійся у ея края, Угольной переулокъ и другія подобныя мѣста». Для прекращенія роста этихъ чумныхъ гнѣздъ издана была прокламація 1580 года, воспрещавшая новыя постройки по радіусу въ три мили отъ воротъ Сити, а также раздѣленіе домовъ на два или на три помѣщенія. Боязнь, что чума начнется среди этого многолюдства и оттуда распространится въ Сити и по всему королевству, была признаннымъ мотивомъ этого замѣчательнаго приказа. Пригороды Сити (Liberties) были въ то время трущобами, стоявшими почти внѣ муниципальнаго контроля, хотя юрисдикція мэра и распространялась до заставъ Свободы. Мѣсто за стѣнами застраивалось безъ всякаго правильнаго плана также, какъ и Сити въ прежнее время. Около 1540 года были вымощены три главныя перекрещивающіяся улицы западнаго Лондона (Western Liberty) Шоэ Ленъ, Феттеръ-Лэнъ и Чансери-Лэнъ. Между этими улицами и соотвѣтствующими главными артеріями въ другихъ приходахъ мѣсто было застроено плохими домами, раздѣленными запутанными переулками. Тотъ же процессъ неправильныхъ построекъ шелъ и дальше въ поляхъ; дороги и прилегающія къ нимъ поля были «зачумлены, какъ выражается Джонъ Стоу, грязными коттеджами и другими пристройками, загородками и навозными кучами вопреки всѣмъ воспретительнымъ прокламаціямъ и парламентскимъ актамъ, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не осталось достаточной дороги для разъѣзда повозокъ и прогона скота».

Ростъ Лондона. Трущобы.

Прокламація 1580 года была въ сущности признаніемъ со стороны Сити ея неспособности къ управленію дальше извѣстныхъ границъ. Она не остановила роста Лондона и, въ силу ея, три четверти столицы были оставлены безъ всякаго санитарнаго надзора.

Было бы ошибкой на основаніи антисанитарнаго состоянія перенаселенныхъ приходовъ за стѣнами дѣлать заключеніе, что въ то время совсѣмъ не было санитарныхъ знаній. Помимо карантиновъ

Санитарныя мѣры въ городахъ.

отъ чумы, о которыхъ мы уже говорили раньше, много было сдѣлано для радикальнаго оздоровленія города. Опасность отбросовъ и грязи всегда сознавалась. Сначала противъ этого зла боролись вчинаніемъ исковъ частными лицами (at his suit that will complain); но во времена Тюдоровъ изъ числа гражданъ начали выбирать нѣсколькихъ человѣкъ, какъ представителей всѣхъ остальныхъ, въ качествѣ санитаровъ (мусорщиковъ—Scavengers). Гукеръ изъ Эксетера говоритъ, что мусорщики «необходимые чиновники, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одинъ благоустроенный городъ, потому что они извѣщаютъ магистратъ обо всемъ вредномъ для здоровья и для физическаго благосостоянія общества и они составляютъ средство для исправленія сего. Потому они и названы Scavengers, т. е. указатели или доносители, какъ показываетъ ихъ названіе». Однимъ словомъ, это были санитарные смотрители. О выборѣ на эту службу въ Ипсвичѣ намъ извѣстно съ 1549 года, причемъ за городомъ были указаны четыре мѣста для свалки нечистотъ и отбросовъ. Стоу въ «Обзорѣ Лондона» указываетъ на число мусорщиковъ въ каждомъ приходѣ Сити вмѣстѣ съ числомъ альдерменовъ и совѣтниковъ. Въ Эксетерѣ въ число ихъ обязанностей входило сопровожденіе въ церковь мэра по воскресеньямъ. Эксетерскіе мусорщики имѣли своихъ служащихъ, подчиненныхъ имъ, которые можетъ быть занимались фактически очищеніемъ улицъ; но вѣроятнѣе, что эта обязанность лежала всецѣло на самихъ домохозяевахъ, за исключеніемъ времени чумной эпидеміи, когда магистратъ, повидимому, бралъ на себя нѣкоторыя изъ элементарныхъ обязанностей муниципальной полиціи, вродѣ подметанія улицъ черезъ день.

Мѣстныя санитарныя власти.

Въ небольшихъ городахъ и въ деревняхъ старые помѣстные суды (Manor Court) долго еще составляли систему мѣстнаго санитарнаго управленія. Вотъ примѣръ записей помѣстнаго суда замка Комбе въ Уильтширѣ отъ 1590 года:

«Обыватели западной улицы должны убрать грязь и соръ отъ конца дома Джона Дэвиса до праздника св. Андрея апостола и положить его не меньше, какъ на футъ отъ дороги, подъ опасеніемъ штрафа въ 3 шиллинга 4 д.

«Никто не долженъ класть сору или грязи ниже дома Христофора Безаса, подъ опасеніемъ штрафа въ 12 д.

«Никто не долженъ пакостить въ церковномъ дворѣ и ни на одной изъ улицъ, подъ опасеніемъ штрафа въ 12 д.».

«Перчаточники не должны мыть кожъ и отбрасывать соръ и грязь въ воду, идущую у ихъ домовъ, подъ опасеніемъ штрафа въ 10 ш.».

Тѣ же обычаи помѣстныхъ судовъ для устраненія антисанитарныхъ условій дѣйствовали въ нѣкорыхъ приходахъ Англіи въ то время, когда, около тридцати лѣтъ тому назадъ, вошелъ въ силу первый актъ о мѣстномъ управленіи.

Помимо чумы, причина которой была неустранима при тогдашнихъ санитарныхъ условіяхъ, имѣется много явленій, указывающихъ, насколько въ шестнадцатомъ вѣкѣ были элементарны свѣдѣнія относительно предупрежденія болѣзней. Гукеръ, разсказывающій объ обязанностяхъ санитарныхъ смотрителей въ Эксетерѣ, сообщаетъ о любопытномъ инцидентѣ, происшедшемъ въ ассизахъ этого города въ мартѣ 1586 года. Сэръ Бернардъ Дрэкъ взялъ на морѣ португальскій корабль, нагруженный сельдями изъ Ньюфаундлена, и привелъ свой призъ въ Дармутъ. Тридцать восемь человѣкъ экипажа были посажены въ «глубокую и вонючую темницу» Эксетерскаго замка; и они сами, и ихъ платье были грязны послѣ рыбной ловли и, повидимому, о нихъ не заботились до ихъ освобожденія изъ темницы. Нѣкоторые изъ нихъ умерли, другіе сошли съ ума. Отъ нихъ зараза распространилась и на другихъ арестантовъ и многіе изъ нихъ перемерли. Когда наступилъ день суда, португальцы были такъ слабы и больны, что ихъ пришлось тащить въ судъ. Ихъ оголодавшій видъ возбудилъ состраданіе въ зрителяхъ и въ особенности въ предсѣдателѣ суда, главномъ судьѣ сэрѣ Эдмундѣ Андерсонѣ, который «по сему поводу отдалъ приказъ о лучшемъ порядкѣ содержанія всѣхъ арестантовъ и о болѣе частыхъ засѣданіяхъ» — т. е. разъ чрезъ каждые три мѣсяца. Необходимость такой реформы была доказана послѣдующими фактами. Черезъ четырнадцать дней послѣ суда у нѣкоторыхъ лицъ, бывшихъ на засѣданіи, появились симптомы злостнаго тифа. Констебли, полицейскіе надзиратели, сборщики десятинъ, присяжные (одиннадцать изъ двѣнадцати) и многіе изъ обывателей Эксетера умерли отъ тифа, а также одинъ изъ судей и многіе Девонскіе дворяне: два Кайри, Вальдронъ, Бассетъ, Фортескью, Чичестеръ, Рисдонъ и самъ Бернардъ Дрэкъ чрезъ нѣсколько дней по возвращеніи въ свой домъ въ Кредитонѣ. Подобный же случай девять лѣтъ раньше произошелъ въ Оксфордѣ. Тюрьма Королевской Скамьи въ Соутваркѣ всегда была переполнена и тамъ всегда свирѣпствовала «тюремная болѣзнь», отъ которой въ шесть лѣтъ умерло сто человѣкъ. Отчеты о слѣдствіяхъ коронеровъ въ Ньюгетѣ показываютъ, что среди арестантовъ многіе умирали отъ чахотки (pining sickness), многіе отъ «заразной лихорадки» или «кровоизліяній». Только въ благополучное царствованіе Георга II подобные случаи «черныхъ ассизовъ» и тюремной горячки снова появляются въ нашей исторіи.

Тюремныя горячки.

Жизнь на корабляхъ представляетъ другое свидѣтельство о состояніи общественнаго здравія. Черезъ двѣ или три недѣли послѣ пораженія Армады англійскіе корабли стояли на якорѣ у Маргета и ихъ экипажъ такъ страдалъ отъ болѣзней, что было невозможно перевести корабли къ Дувру. Адмиралъ, лордъ Говардъ, писалъ: «заболѣваютъ сегодня, а завтра умираютъ» — а въ другомъ письмѣ:

Санитарное состояніе флота.

«печальное зрѣлище видѣть, какъ люди умираютъ на улицахъ Маргета». Корабль «Елисавета Іона» потерялъ половину экипажа. Изъ людей, приведенныхъ сэромъ Ричардомъ Тоунсендомъ, въ живыхъ остался только онъ самъ. «Полагали, что болѣзнь сначала появилась отъ гнилой провизіи и недостатка одежды, а потомъ она сдѣлалась заразной».

Экипажъ пятидесяти кораблей самой Армады, избѣжавшихъ погибели, вернулся въ Корунну и Сантандеръ въ такомъ болѣзненномъ состояніи, что жители не пустили къ себѣ матросовъ. Это были, вѣроятно, примѣры корабельной лихорадки или дисентеріи, а у испанцевъ, можетъ быть, и настоящей чумы. Болѣе обычной болѣзнью, почти неизбѣжной при плаваніи, продолжавшемся три мѣсяца или больше, была цынга. Ричардъ Гавкинсъ полагаетъ, что десять тысячъ человѣкъ погибло отъ нея въ теченіе двадцати лѣтъ, когда онъ былъ въ морѣ. «Это морская чума и погибель моряковъ». Въ первомъ плаваніи Ланкастера для Восточно-индѣйской кампаніи въ 1601 году экипажъ его адмиральскаго корабля находился, сравнительно говоря, въ добромъ здравіи, пока онъ получилъ возможность высадить его на мысѣ Доброй Надежды—и это потому, что онъ давалъ матросамъ лимонный сокъ, пока у него не вышелъ его небольшой запасъ. На другихъ корабляхъ послѣ трехмѣсячнаго плаванія экипажъ былъ такъ изуродованъ скорбутомъ и такъ уменьшился, что онъ едва въ состояніи спустить якорь или лодки. Въ письмѣ отъ одного изъ моряковъ Ланкастера, видѣнномъ Пёрчасомъ нѣсколько лѣтъ спустя, разсказывается такой случай: береговой крейсеръ изъ Ипсвича, называемый Amitie, былъ въ королевской службѣ два года (около 1600 года) на сѣверномъ берегу Исландіи и въ это время онъ изъ сорока человѣкъ своего экипажа потерялъ отъ скорбута тридцать два матроса, несмотря на то, что имѣлъ возможность добывать свѣжую провизію и другую помощь.

Не мѣшаетъ отмѣтить и другую сторону состоянія общественнаго здравія. Въ Лондонѣ было два госпиталя, св. Варфоломея и св. Ѳомы; оба они были церковными учрежденіями, послѣ уничтоженія монастырей сохранившимися для бѣдныхъ больныхъ. Вилльямъ Клоуэсъ, медикъ перваго изъ этихъ госпиталей, въ книгѣ 1579 года сообщаетъ о родѣ паціентовъ, лежавшихъ въ то время въ госпиталѣ, такія свѣдѣнія, которыя возбуждаютъ удивленіе. Три четверти паціентовъ были сифилитики. «Я не говорю ничего о госпиталѣ св. Ѳомы и другихъ больницахъ этого города, гдѣ ихъ ежедневно множество. Въ домѣ св. Варфоломея рѣдко случается, чтобы изъ двадцати больныхъ было меньше пятнадцати съ язвами». Вмѣстѣ съ тремя другими врачами госпиталя онъ въ пять лѣтъ вылѣчилъ больше тысячи такихъ больныхъ. Причиной такого печальнаго положенія дѣлъ онъ считаетъ большое количество шатуновъ и бродягъ и многочисленныя непри-

личныя пивныя, которые «представляютъ гнѣздо и прибѣжище для такихъ грязныхъ созданій».

Общественная жизнь.

Батесона.

Королева проявляла свое пониманіе того, что театръ можетъ являться руководителемъ общественнаго мнѣнія, когда въ первый годъ царствованія издала прокламацію, запрещавшую на время всякія представленія пьесъ и интерлюдій. Во второй прокламаціи требовалось для представленій въ городахъ разрѣшенія мэра, а въ селахъ лорда—лейтенанта и двухъ мировыхъ судей. Далѣе, актерамъ было запрещено касаться вопросовъ о религіи и управленіи. Дудлей, впослѣдствіи лордъ Лейчестеръ, немедленно просилъ разрѣшенія для своей труппы актеровъ. До сихъ поръ мальчики королевской капеллы или большихъ городскихъ школъ, молодые адвокаты Inns of Courts, студенты университетовъ и люди изъ свиты придворныхъ были единственными актерами въ новыхъ комедіяхъ и трагедіяхъ, написанныхъ по классическимъ образцамъ, которыя теперь были въ модѣ при дворѣ [1]). Народъ посѣщалъ мистеріи и моральныя пьесы при религіозныхъ празднествахъ, и слышалъ тамъ много намековъ на теологическіе споры; онъ посѣщалъ также драматизированныя хроники, въ которыхъ вмѣсто аллегорическихъ абстракцій пороковъ и добродѣтелей, какъ было раньше, фигурировали историческія личности; въ началѣ царствованія онъ толпился, чтобы увидать новыя интерлюдіи, вродѣ тѣхъ, которыя писалъ Гейвудъ, гдѣ впервые были введены выдуманныя лица, напоминающія дѣйствительную жизнь. Моральная интерлюдія замѣнилась фарсомъ; но пока у народа не было ни комедій, ни трагедій и въ первые пятнадцать лѣтъ царствованія Елисаветы то, что мы называемъ драмой, было исключительно достояніемъ двора. Смотритель увеселеній королевы (Ieoman of Revels) имѣлъ «актерскій сундукъ» (acting—box), который долженъ былъ удовлетворять потребности всей страны; маски, костюмы и пр. изъ этого сундука давались взаймы школамъ, корпораціямъ адвокатовъ, университетамъ, а также и провинціальнымъ актерамъ; но тамъ эти принадлежности часто портились «въ силу накопленія народа, а также отъ грязи самихъ актеровъ, которые по большей части принадлежали къ самому подлому разряду людей [2]).

---

[1]) Fleay—Cronicle History of London Stage.

[2]) Collier—English dramatic Poetry.

Но вскорѣ дворяне, школы и королевскіе актеры поняли, что общественными представленіями можно зарабатывать не мало денегъ и для этой цѣли начали устраивать сцены на дворахъ гостинницъ, публика же помѣщалась въ галлереяхъ гостинницъ. Въ Лондонѣ наиболѣе извѣстными театрами-гостинницами были «Белль» на Грэсьозъ-Стритѣ (теперь Грэсъ-Чёрчъ Стритъ) «Буллъ» на Бишопсгэтъ Стритѣ и «Белль Соважъ» на Людгатъ Гиллѣ.

Городскія власти очень дорожили своимъ правомъ разрѣшать представленія, такъ какъ полагали, что большія сборища могли быть причиной распространенія чумы, Гарисонъ въ своей «Хронологіи» 1572 г. пишетъ, что по сей причинѣ представленія на время были изгнаны изъ Лондона. Онъ прибавляетъ: «дай Господи, чтобы эти представленія были изгнаны совсѣмъ, какъ школы безбожія и чтобы театры были срыты, какъ непотребные дома». Но въ 1574 году королева уговаривала лондонское Сити позволить труппѣ Лейчестера играть въ Лондонѣ за исключеніемъ времени общаго моленія или эпидеміи чумы. Въ слѣдующемъ году общинный совѣтъ жаловался на «необыкновенное скопленіе большихъ количествъ народа, особенно молодежи, на представленіяхъ, интерлюдіяхъ и зрѣлищахъ, на грубое злоупотребленіе въ гостинницахъ, имѣющихъ комнаты и тайныя мѣста, рядомъ съ открытой сценой и галлеріями, на потерю денегъ бѣдными людьми отъ воровъ и отъ соблазновъ» и воспретилъ всѣ представленія, кромѣ представленій въ частныхъ домахъ на праздникахъ и свадьбахъ.

Въ отвѣтъ на жалобы актеровъ лордъ мэръ разрѣшилъ имъ играть, когда смертность была не выше пятидесяти человѣкъ въ недѣлю. Чтобы уклониться отъ такихъ стѣснительныхъ распоряженій, актеры рѣшили построить домъ, приспособленный къ драматическимъ представленіямъ внѣ границъ Сити, въ предмѣстьи Галлиуэлѣ, въ поляхъ Шоредитчъ, въ любимомъ мѣстѣ упражненій въ стрѣльбѣ изъ лука, Гаррисонъ въ «Хронологіи» за 1572 годъ говоритъ о «театрахъ»: «это очевидный признакъ худыхъ временъ, когда актеры стали такъ богаты, что могутъ строить подобные дома». Слово «театръ» могло означать здѣсь не домъ, приспособленный къ драматическимъ представленіямъ, а просто сцену, pageant-house, какъ тогда говорили, которая, когда ее употребляли для моральныхъ пьесъ, была иногда въ три этажа и очень изящна. Если же этотъ терминъ употребленъ тутъ въ современномъ его смыслѣ и если Гаррисонъ дѣйствительно писалъ это въ 1572 году, то это первое указаніе на такіе дома. Въ Perambulation of Kent — Ламбарда 1576 года мы читаемъ: «отправляющіеся въ Парисъ-Гарденъ, въ Белль-Соважъ и въ «театръ», чтобы видѣть медвѣжьи бои, интерлюдіи или фехтованье, должны уплатить пенни у воротъ, другое у входа на подмостки и третье за удобное сидѣнье».

Это первое упоминаніе о домѣ, именуемомъ «театръ на Голлиуэль-

Лэнъ въ Шоредитчѣ, первомъ построенномъ въ Лондонѣ. Около этаго же времени построена «Куртина» въ Моорсфильдѣ въ Шоредитчѣ. Оба дома были, собственно, въ провинціи и окружены полями. Названіе «куртина» принадлежало раньше участку земли, на которомъ былъ построенъ театръ. Куртенъ Роу существовалъ еще въ 1745 г., теперь тутъ Глочестеръ-Стритъ. Сначала представленія разрѣшались только одинъ день въ недѣлю, по воскресеньямъ; въ 1578 году «театръ» и «Куртина» были совершенно переполнены и богослуженіе нарушалось трескомъ барабана, которымъ собирали зрителей. Въ 1583 году труппы королевскихъ актеровъ подъ управленіемъ двухъ главныхъ актеровъ Лейчестера, Бурбежа и Ланегама, играла въ «Театрѣ» и получила право называться «актерами королевы» — титулъ раньше дававшійся всѣмъ игравшимъ предъ королевой.

Драма въ университетахъ. Лондонскіе театры.

При Елисаветѣ университеты поощряли драму; въ Кембриджѣ и въ Оксфордѣ давались представленія англійскихъ и латинскихъ пьесъ, новыхъ и старыхъ авторовъ. Въ Кембриджѣ въ честь посѣщенія королевы въ воскресенье послѣ полудня въ капеллѣ Королевской коллегіи играли Aulularia—Плавта [1]). Гаррингтонъ замѣчаетъ, что «мудрѣйшіе, хотя не очень мудрые, люди въ Кембриджѣ считали, что хорошо написанныя комедіи и особенно трагедіи дѣло доброе». Въ 1587 году Марловъ и Гринъ покинули Кембриджъ и уѣхали въ Лондонъ, гдѣ создали новую драму. Въ то время піесы не долго держались на сценѣ и театры соперничали одинъ съ другимъ въ пріисканіи новыхъ пьесъ образованныхъ драматурговъ. Это соперничество въ свою очередь вело къ увеличенію числа театровъ, и въ 1592 году въ Банксайдѣ въ Соутваркѣ была построена «Роза». Въ этомъ году въ этомъ театрѣ игралъ Шекспиръ, какъ членъ труппы лорда Стренджа, подъ управленіемъ Генслоу. Въ 1594 году труппа графа Эссекса играла «Тита Андроника» Шекспира, пьесу, возмутительная фабула которой очень подходила къ любви тогдашней публики къ ужасамъ. Въ 1594 году Шекспиръ игралъ въ Гринвичѣ предъ королевой и въ Грей Иннъ въ своей «Комедіи ошибокъ». Расчитываютъ, что изъ двадцати восьми пьесъ, игранныхъ предъ королевой труппой лорда камергера, двадцать были написаны Шекспиромъ [2]). Современный писатель разсказываетъ, что между мартомъ и іюлемъ 1592 года первую часть Генриха VI пересмотрѣло десять тысячъ народа; преувеличено это или нѣтъ, но очевидно, что чувствовалась потребность въ большемъ количествѣ театровъ, потому что въ 1596 году Бурбэжъ, товарищъ Шекспира по сценѣ, купилъ большой домъ у Блакфріаровъ и обратилъ его въ частный театръ; до конца столѣтія въ Банксайдѣ были построены два новые

---

[1]) Nichols-Progresses.

[2]) Fleay—Life of Shakespeare.

большіе театра. Избранный для постройки округъ былъ чрезвычайно грязнымъ, его называли «шпулькой предмѣстья епископа Винчестерскаго» и онъ пользовался дурной репутаціей; но такъ какъ въ новые театры «Глобъ» и «Фортуна» можно было проѣхать на лодкахъ, то неудобства ихъ посѣщеній были все же меньше, чѣмъ «Театра» и «Куртины» далекаго Шоредитча. Новые театры не были подражаніемъ классическихъ образцовъ, описанныхъ Витрувіемъ, какъ современные имъ итальянскіе театры; они также, какъ старый «Театръ» и «Куртина», были построены по плану, который считаютъ подражаніемъ распредѣленія двора гостинницъ, гдѣ пристройки у дома составляли готовые балконы, галлереи и ложи. Партеръ наполнялся бѣдной частью публики; она стояла прямо противъ сцены, представлявшей небольшія подмостки.

Изъ показаній современниковъ [1]) можно заключить, что «Глобъ» не весь былъ подъ кровлей; только галереи были подъ соломенной крышей; но представленія бывали и зимой, такъ какъ извѣстно, что было одно представленіе въ февралѣ. Театръ этотъ былъ построенъ въ 1598 году актеромъ Бурбэжемъ изъ матеріаловъ «Театра», срытаго въ то время. Онъ находился близь сада, гдѣ были медвѣди, и на его вывѣскѣ былъ изображенъ Атласъ, поддерживающій земной шаръ («Глобъ»). Онъ былъ восьмиугольный и построенъ изъ лѣса и драни и оштукатуренъ. «Фортуна» между Кроссъ Стритъ и Гольдингъ Лэнъ была построена конкурентомъ Бурбэжа, Аллейномъ въ 1599 году и стоила 520 фунтовъ. Существуетъ контрактъ [2]) постройки, изъ котораго видно, что этотъ театръ былъ квадратнымъ, въ 80 футовъ снаружи и 55 внутри, въ три этажа, «съ четырьмя удобными отдѣленіями для джентльменскихъ комнатъ и другими отдѣленіями для мѣстъ въ два пенни» и съ сидѣньями во всемъ театрѣ. Надъ сценой была кровля, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ, повидимому, былъ похожъ на «Глобъ».

Эти два театра, въ которыхъ въ 1600 году только и были разрѣшены представленія, являлись крупными общественными и политическими центрами того времени. «Глобъ» былъ мѣстомъ свиданія для людей, участвовавшихъ въ Эссекскомъ возстаніи. Смотритель увеселеній (Master of Revels) былъ драматическимъ цензоромъ; въ 1581 году была сдѣлана попытка устранить возможность для политическихъ партій пользоваться сценой и приказано было одному духовному лицу и одному государственному человѣку помогать цензору. Тѣмъ не менѣе на трактаты Мартина Марпрелата отвѣчали со сцены и пьесы были переполнены политическими намеками, которые страха ради властей, дѣлались въ такихъ темныхъ выраженіяхъ, что

---

1) Wilkinson—Londina Illustrata.

2) Halliwell—Phillips—Outlines of Life of Shakespeare.

теперь они почти непонятны. Всякій образованный человѣкъ считалъ своею обязанностью чтеніе новыхъ пьесъ и въ своихъ разговорахъ цитаты изъ шедшихъ на театрѣ пьесъ. Онъ долженъ былъ «говорить по печатному» и имѣть у себя большой складъ хорошо написанныхъ пьесъ. Франты сходились въ театрахъ; въ частныхъ театрахъ, вродѣ театра Бурбэжа у Блакфріаровъ, они нанимали мѣста на сценѣ, гдѣ могли показывать публикѣ свои костюмы и свое искусство нюхать табакъ.

„Руфъ, придворный, въ театрѣ
Оставляетъ лучшее мѣсто, съ котораго виднѣе—
И или переходитъ на сцену,
Или чрезъ рѣшетку показываетъ свое двойное лицо.
Потому что шумливый выводокъ адвокатскихъ корпорацій
За большую цѣну наполняетъ частныя комнаты,
А тѣ мѣста, гдѣ всѣ могутъ сидѣть,
Онъ въ своемъ великолѣпіи презираетъ“ [1]).

Другимъ любимымъ мѣстомъ, откуда было плохо видѣть, но зато гдѣ васъ могли лучше видѣть, была ложа рядомъ съ балкономъ сзади сцены, гдѣ помѣщались неигравшіе въ пьесѣ актеры. Въ царствованіе Елисаветы цѣны были отъ пенни до шиллинга; въ слѣдующее царствованіе онѣ увеличились. Часто упоминаются мѣста или ложи въ два пенни и галлерея въ два пенни; но кажется, что обычной цѣной было шесть пенсовъ. Въ частномъ театрѣ у св. Павла не было мѣстъ дешевле четырехъ пенсовъ и публика была избранной.

«Тамъ человѣкъ не задохнется отъ запаха чеснока и не замарается объ измазанную дрожжами куртку пивовара».

Въ 1585 году одинъ голландецъ разсказывалъ, что «актеры могли сразу сдѣлать сборъ въ 10—12 фунтовъ, особенно если играютъ что нибудь новое, когда плата двойная. Они играютъ почти каждый день несмотря на то, что представленія воспрещены въ пятницу и въ субботу; это воспрещеніе не соблюдается» [2]). Средній ежедневный расходъ на представленія оцѣнивался въ сорокъ пять шиллинговъ; новая пьеса стоила обыкновенно 6 фун. 13 ш. 4 д., хотя частный театръ съ охотой заплатилъ бы и вдвое больше. Показанія относительно заработка актеровъ неопредѣленны, но кажется, что сборы дѣлились по долямъ или частямъ долей; собственники театра получали извѣстное количество долей, другіе три четверти или половину доли; а болѣе бѣдные, плохіе актеры или наемники около 6 шил. въ недѣлю, по показанію School of Abuse—Госсона, 1578 года. Малонъ считаетъ, что хорошій актеръ могъ получить 90 фун-

---

[1]) Epigrams—сэра Джона Дэвиса.
[2]) Rye—England as seen by Foreigners.

товъ въ годъ [1]); «шесть пенсовъ въ день въ Пирамѣ или ничего» — иногда равнялись пожизненной пенсіи, какую получилъ отъ королевы Престонъ за его игру въ «Дидонѣ» въ Королевской коллегіи въ Кембриджѣ [2]).

Представленія въ театрахъ.

Обыкновенно представленіе начиналось въ часъ и такъ какъ общественные театры были не крытые, то представленіе шло только днемъ. Только частные театры въ домахъ давали вечернія представленія. О пьесахъ въ городѣ вывѣшивали объявленія и въ знакъ того, что представленіе начинается, выкидывали флагъ. Въ антрактахъ всѣ классы общества ѣли фрукты, особенно яблоки, щелкали орѣхи, играли въ карты и курили. Присутствовали и дамы, замаскированными, когда маски вошли въ моду. Но женщины не играли на сценѣ. Полъ сцены усыпался тростникомъ, впереди ея занавѣсь, откидываемая съ боковъ.

Сценарій.

Много спорили [3]) объ устройствѣ сценарія въ царствованіе Елисаветы; можно привести множество указаній, повидимому доказывающихъ, что сценическіе эффекты были самые примитивные, хотя другія показанія, повидимому, доказываютъ существованіе декорацій. Сэръ Филиппъ Сидней смѣется надъ писанными карточками, употребляемыми для объясненія представляемыхъ сценъ; но можетъ быть, что онъ говоритъ только о деревенскихъ театрахъ. Несомнѣнно, что въ царствованіе Елисаветы уже были опускныя двери и въ 1592 году имѣется указаніе, что Венеру спускали съ потолка, «когда она скажетъ свое—говоритъ сценическій реквизитъ—то, если это возможно, пусть съ потолка спустятъ колесницу и на ней поднимутъ ее». Указанія въ драмахъ Шекспира доказываетъ, что употребляли стѣны и зубчатыя стѣны, съ которыхъ говорили актеры; подробныя описанія, дѣлаемыя его персонажами, тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ они находятся, были бы смѣшны, еслибы предметы, о которыхъ они говорятъ, не были представлены на сценѣ. Несомнѣнно, что при большихъ маскарадахъ и зрѣлищахъ для королевы употреблялся сценарій и можно предположить, что къ концу царствованія онъ употреблялся и на сценѣ, если для него было мѣсто.

Англійскіе актеры и ихъ игра были знамениты во всей Европѣ; они уже въ 1591 году посѣщали большіе города Германіи и Нидерландъ и въ 1597 году труппа англійскихъ актеровъ играла въ теченіи семи дней предъ дворомъ въ Штутгартѣ. Любители скоро начали играть драмы Шекспира и въ 1607 году матросы во время утомительнаго плаванія въ восточную Индію представляли Ричарда II и Гамлета; капитанъ позволилъ это людямъ, «чтобы удержать ихъ отъ праздности, непозволенныхъ игръ или отъ сна» [4]).

---

[1]) Historical Account of English Stade.
[2]) Nichols-Progresses.
[3]) Collier—English dramatic Poetry; Drake—Shakspeare and his Times.
[4]) Rye—op. cit.

Въ театрахъ, какъ сказано, курили; къ концу царствованія ку- Табакъ.
ренье сдѣлалось общераспространеннымъ. Полагаютъ, что въ Англію табакъ былъ ввезенъ впервые Джономъ Гавкинсомъ въ 1565 году, Стоу въ «Анналахъ» указываетъ на 1577 годъ, какъ на время появленія табака; но несомнѣнно, что въ медицинѣ онъ употреблялся раньше. Въ 1573 году въ своей «Хронологіи» Гаррисонъ пишетъ: «Въ эти дни пріемъ дыма индѣйской травы, именуемой табакомъ, при посредствѣ инструмента, похожаго на маленькій ковшъ, откуда дымъ проходитъ черезъ ротъ въ голову и желудокъ, очень употребителенъ въ Англіи противъ ревматизма и нѣкоторыхъ иныхъ болѣзней въ легкихъ и во внутренностяхъ—и не безъ пользы». Въ 1587 году онъ жалуется на то, что табакъ не дѣйствуетъ, «въ силу, можетъ быть, отвращенія нашей конституціи къ его дѣйствію». Спенсеръ и Лили пишутъ о табакѣ, какъ о медицинскомъ средствѣ; странно, что Шекспиръ нигдѣ не упоминаетъ о немъ.

Примѣръ сэра Вальтера Ралейга сдѣлалъ куренье модньмъ въ Англіи.

Въ 1586 году трое капитановъ обратили на себя большое вниманіе на улицахъ Лондона тѣмъ, что «пили» табакъ въ формѣ скрученныхъ листовъ или «сигаръ». Черезъ десять лѣтъ выучиться «пить» или «брать» табакъ было уже необходимой частью воспитанія джентльмена. Лоджъ въ 1596 году говоритъ о легкомысленномъ человѣкѣ, который душитъ васъ въ своихъ объятіяхъ, цѣлуетъ въ щеки и съ божбами кричитъ; «я люблю васъ, вы это знаете, мой милый. Пойдемъ въ мою комнату за трубкой табаку—нѣтъ никого на свѣтѣ, кого бы я такъ уважалъ». Въ 1698 году Чамберленъ [1]) замѣчаетъ, что нѣкоторые сумашедшіе парни курятъ табакъ на пути въ Тибурна, гдѣ ихъ повѣсятъ. Ралейгъ въ слѣдующее царствованіе тоже курилъ трубку передъ тѣмъ, какъ идти на эшафотъ, чѣмъ «нѣкоторыя солидныя личности были скандализированы», но, замѣчаетъ его біографъ Обрей—я полагаю, что это было хорошо и прилично для успокоенія духа».

Разсказъ о томъ, что нѣкоторые, видя Ралейга курящимъ, подумали, что онъ горитъ и вылили на него горшокъ пива, чтобы затушить пожаръ, кажется апокрифическимъ. Въ 1598 году Гентцеръ, чужестранецъ, посѣтившій Англію, говоритъ, что «на медвѣжьихъ бояхъ и повсюду англичане постоянно курятъ «никотиновую траву» и такимъ образомъ: у нихъ для этой цѣли есть глиняныя трубки, въ одинъ конецъ ея они кладутъ сухую траву—такую сухую, что ее можно истереть въ порошокъ, и зажегши ее, они тянутъ дымъ въ ротъ и снова выпускаютъ чрезъ ноздри и вмѣстѣ съ нимъ много

---

[1]) Letters, Camden Society.

флегмы и истеченій изъ головы» [1]). Вскорѣ послѣ введенія табака онъ продавался за 3 шиллинга унція—т. е. по крайней мѣрѣ по 18 шиллинговъ на теперешніе деньги. Всякій курильщикъ носилъ съ собой сложный аппаратъ: щипцы, затравку и тому подобное. Обрей разсказываетъ, что трубки сначала дѣлали изъ серебра, а бѣдные довольствовались орѣховой скорлупой и соломинкой. Одна трубка служила нѣсколькимъ лицамъ и передавалась вокругъ стола. Нѣкоторыя хозяйки давали трубки за 3 д. Въ началѣ семнадцатаго вѣка куренье встрѣтило сильное осужденіе, особенно пуританъ, и въ 1602 году была издана книга: «Работа для трубочистовъ или предупрежденіе табаконистамъ». Табаконистами называли курильщиковъ [2]).

Городская жизнь.

Кромѣ куренья и посѣщенія театра у свѣтскихъ людей были другія средства, невинныя и иныя, для препровожденія времени. Распредѣленіе для праздныхъ людей, по показанію сэра Джона Гарринг-тона, было такое: утромъ шахматы, послѣ обѣда карты, потомъ упражненія оружіемъ и кости, физическія упражненія, теннисъ; согрѣвшись, человѣкъ охлаждается шашками, игрой въ триктракъ или на билліардѣ, утомленный всѣмъ этимъ, онъ отправляется на интерлюдію или въ театръ — вѣроятно, на вечернее представленіе въ частномъ театрѣ.

Въ одной изъ «Эпиграмъ» Дэвиса жизнь бездѣльнаго человѣка изображена такъ:

„Встаетъ онъ въ десять, а въ одиннадцать
Идетъ къ Жильсу, гдѣ обѣдаетъ до часу.
Потомъ смотритъ драму до шести и въ семь ужинаетъ,
И послѣ ужина прямо ложится въ постель.
И спитъ до слѣдующаго дня,
А потомъ обѣдаетъ и смотритъ комедію,
А потомъ ужинаетъ и снова въ постель—
И такъ безъ измѣненій ведетъ онъ жизнь“.

«Жильсъ»—это ресторанъ или «ординарій», вѣроятно близъ св. Жильса у Криппльгэта. Деккеръ въ своей Gull's Horn-Book, написанной въ началѣ слѣдующаго царствованія, рекомендуетъ франту при выборѣ ординарія искать наиболѣе извѣстнаго и дорогого. Обѣдъ въ шиллингъ былъ хорошимъ, адвокаты обѣдали за три пенса.

Много времени проводилось у цирюльника — особенно, когда въ концѣ царствованія въ модѣ были длинные волосы и локоны (love-locks). Формы бороды были очень разнообразны и цирюльникъ спрашивалъ: «угодно вамъ, чтобы видъ у васъ былъ свирѣпый или пріятный»? Усы закручивали, какъ два рога и, если возможно, то до

---

[1]) Rye.

[2]) Fairholt-Tobacco, ifs History and Associations.

самого лба; лицо обмывалось благовоніями и тогда, какъ говоритъ Стеббъ, самъ цирюльникъ не зналъ, кто его кліентъ [1]). Въ концѣ царствованія костюмъ не отличался ничѣмъ существеннымъ отъ того, который носили въ началѣ, но измѣненія въ подробностяхъ были постоянными.

Спортъ и игры не были въ такой модѣ у лондонцевъ, какъ въ провинціи; игра на билліардѣ, въ кости и въ карты до значительной степени замѣняла ихъ. Главнымъ физическимъ упражненіемъ была верховая ѣзда; для забавы и упражненія въ Лондонѣ еще практиковались въ стрѣльбѣ изъ лука. Всѣ носили кинжалы; свѣтскіе люди учились фехтованію на рапирахъ, шпагахъ и сабляхъ. Въ 1565 году королева издала прокламацію для надзора за школами фехтованія, гдѣ «толпа и простой народъ учится играть всякаго рода оружіемъ»; въ этой прокламаціи опредѣлялась величина рапиры и кинжала. Къ концу царствованія улицы были переполнены бездѣльными слугами съ гербами своихъ господъ, готовыми драться за нихъ на улицахъ. «Добрый парень», «веселый грекъ» всегда былъ «грѣшнымъ, буйнымъ и ищущимъ ссоры драчуномъ». Игры.

Регентъ Стритомъ при Елисаветѣ былъ Чипсайдъ — прекрасная, широкая, мощенная улица, на южной сторонѣ которой стоялъ рядъ прекрасныхъ домовъ, называемый Гольдсмитсъ Роу. Гольборнъ замѣнялъ тогда теперешній Кенсингтонъ и славился садами и свѣжимъ воздухомъ. У Павла, т. е. въ соборѣ св. Павла, святилищѣ для должниковъ, каждодневно былъ «церковный парадъ». Здѣсь модный портной получалъ заказы и за коллонами снималъ мѣрки. Туда люди ходили показывать свои костюмы; здѣсь хорошо одѣтые господа спускали съ плеча свои плащи, чтобы показать завистникамъ ихъ богатую подкладку, сжимая плащъ сзади въ рукахъ, точно человѣкъ разъяренный чѣмъ нибудь. Другимъ убѣжищемъ для неоплатныхъ должниковъ было «Уитфріары» или «Алзатіа»; тутъ собирались отбросы общества. Въ сосѣдствѣ Маркъ или Мартъ Лэна (Фенчёрчъ Стритъ) было много модныхъ домовъ, напримѣръ Френсиса Вальсингама и одинъ изъ домовъ Эссекса въ Ситингъ-Лэнъ. Домъ Бурглея былъ въ Странднѣ; тамъ же былъ и домъ Лейчестера, впослѣдствіи занимаемый Эссексомъ [2]). Улицы.

Каждая торговля имѣла свой кварталъ и на каждой лавкѣ былъ особый знакъ (вывѣска). Шляпники и мелочники помѣщались въ прекрасныхъ домахъ на Лондонскомъ мосту — единственномъ тогда. Оптовые и колоніальные торговцы занимали Буклерсбюри; мясники, содержатели таверенъ и повара—въ Истчипѣ, гдѣ была и гостинница Фальстафа (Кабанья голова). Таверна актеровъ «Сирена» (Mermaid) Лавки.

[1]) F. Stubbes—часть II.

[2]) Wheatley and Cunningham—London, Past and Present.

находилась въ Чипсайдѣ; книготорговцы находились въ церковномъ дворѣ св. Павла. Множество хорошихъ лавокъ помѣщалось въ верхнемъ этажѣ новой королевской биржи; но внизу оказалось помѣстить лавки неудобно, такъ какъ тамъ было темно. Большинство лавокъ, за исключеніемъ лавокъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, было безъ стеклянныхъ оконъ, потому было невозможно выставлять товары. Много жаловались на шумъ и грязь лондонскихъ улицъ. Темза тоже была грязна и извѣстно, что вымытое въ ней платье пріобрѣтало особый запахъ. Знакомымъ всѣмъ зрѣлищемъ на лондонскихъ улицахъ были проводы воды при соединеніи улицъ, водовозы или cobs съ своими бочками, продававшіе воду всѣмъ не желавшимъ самимъ отправляться за ней къ водопроводамъ, и въ нѣкоторыхъ всѣмъ извѣстныхъ мѣстахъ аппаратъ для наказанія преступниковъ украшалъ улицы. На Корнгилѣ находились колодки, позорный столбъ и клѣтка; у Темзы позорный стулъ (cucking-stols) для ругательницъ; на лондонскомъ мосту въ 1598 году на одной изъ его башенъ было выставлены тридцать головъ измѣнниковъ.

Ѣзда верхомъ и на лодкахъ была обычнымъ средствомъ передвиженія. Свѣтскіе люди никогда не ходили пѣшкомъ, такъ какъ отъ этого могли бы пострадать ихъ башмаки. Дэвисъ пишетъ:

„Фаустусъ, ни лордъ, ни рыцарь, ни мудрый, ни старый,
Вездѣ по городу ѣздитъ верхомъ—
Онъ ѣдетъ въ Фильдсъ смотрѣть представленіе,
Ѣдетъ и къ рѣкѣ, чтобы сѣсть тамъ въ лодку,—
Ѣдетъ къ Павлу, ѣдетъ и въ ординарій“.

При Елисаветѣ лодочники замѣняли извозчиковъ позднѣйшаго времени или теперешнихъ кэбмановъ. На рѣкѣ было множество пристаней, по свидѣтельству Гаррисона, на ней было 2000 яликовъ и 3000 человѣкъ кормилось ремесломъ перевозчиковъ.

Лондонскіе виды.

Наиболѣе привлекательными для посѣтителей Лондона были монументы Вестминстера и св. Павла, показываемые и объясняемые чичероне; видъ Лондона съ вершины поврежденной колокольни Павла, за плату въ пенни (Деккеръ рекомендуетъ своему Gull вырѣзать тамъ свое имя), а также вооруженіе въ Тоуэрѣ. Въ зоологическомъ саду въ Тоуэрѣ въ 1598 году были три львицы, одинъ левъ, тигръ, рысь, дикообразъ и орелъ; ихъ держали въ особомъ мѣстѣ, «устроенномъ для этой цѣли на средства королевы съ деревянными рѣшетками» [1]). Многіе посѣщали Гамптонъ Куртъ и Виндзорскій замокъ. Любители музыки посѣщали вечернее моленіе у св. Павла, гдѣ играли на прекрасномъ органѣ съ аккомпанименто̀мъ другихъ инструментовъ. Англійское хоровое пѣніе было знаменитымъ.

[1]) Кау.

Въ капеллѣ Виндзорскаго замка герцогъ Вюртембергскій «болѣе часа слушалъ прекрасную музыку, обычное богослуженіе и англійскую проповѣдь. Музыка, особенно органъ, была чрезвычайно хороша, потому что одновременно слышались звуки корнета, флейтъ, трубъ и другихъ инструментовъ; въ тоже время маленькій мальчикъ пѣлъ такъ сладко и издавалъ своимъ маленькимъ горлышкомъ такіе чарующіе звуки, что было истинно удивительно слушать его». Скрипки въ тавернахъ, оркестры въ театрахъ и пѣніе балладъ на улицахъ были музыкой для бѣдныхъ. Аудиторія пѣвца балладъ, «который стоялъ постоянно у Темпль Баръ и пѣлъ для черни пѣсни пивной», описана Джономъ Дэвисомъ:

„Тутъ стоитъ носильщикъ, а тутъ продавщица устрицъ,
Которая перестала выкрикивать и остановилась слушать его;
А тутъ готовъ уже съ своимъ ножемъ и карманникъ“,

который отрѣзываетъ пришитые снаружи карманы, а рядомъ стоитъ констебль, забывшій свои обязанности арестовать вора. Гентцнеръ въ 1598 году говоритъ, что «англичане очень любятъ шумную музыку, оглушительную для уха, а также стрѣльбу изъ пушекъ, барабанный бой и звонъ колоколовъ; многіе въ Лондонѣ, коли имъ попадетъ въ голову, отправляются на колокольню и ради развлеченія звонятъ въ колокола по цѣлымъ часамъ». Въ богатыхъ тавернахъ за обѣдомъ любимой музыкой была игра на корнетѣ и на волынкѣ.

Лондонскія женщины.

Обязанностями провинціальной женщины были хорошее хозяйничанье и гостепріимство; въ Лондонѣ люди не были, напротивъ, гостепріимными. Люди всѣхъ общественныхъ положеній обѣдали въ ординаріяхъ, а ужинали въ тавернахъ [1]). Гаррисонъ жалуется, что въ Лондонѣ «всякій для себя и никто для всѣхъ» и что «люди извиняютъ свою скупость недостаткомъ помѣщенія. Въ возмездіе за жирнаго каплуна или за изобиліе мяса и баранины, которыми лондонцевъ угощаютъ въ провинціи, послѣдніе считаютъ уже важнымъ угощеніемъ чашу вина или пива, съ салфеткой, чтобы вытеретъ губы, да слова: отъ души привѣтствую васъ». Замужнія женщины свободно ходили по магазинамъ; о нихъ одинъ голландецъ пишетъ:

«Онѣ хорошо одѣваются, любятъ веселье и обыкновенно предоставляютъ слугамъ хозяйственные заботы и трудъ. Онѣ, разодѣтыя въ лучшія платья, сидятъ передъ дверьми, чтобы людей видѣть и себя показать. На банкетахъ и праздникахъ онѣ царятъ. Онѣ проводятъ время въ прогулкахъ и верховой ѣздѣ, въ игрѣ въ карты, въ посѣщеніяхъ друзей, веселятся съ ними на родинахъ, крестинахъ, церковныхъ праздникахъ и похоронахъ; и все это съ разрѣшенія и съ вѣдома мужей—таковъ обычай. Вотъ почему Англію называютъ

---

1) Crowley—Select Works.

раемъ замужнихъ женщинъ. Незамужнихъ дѣвушекъ держатъ болѣе строго, чѣмъ въ Нидерландахъ [1]).

Англію называли чистилищемъ для слугъ и адомъ для лошадей, потому что съ слугами обращались грубо, а лошади работали до изнеможенія. Рай же замужнихъ женщинъ былъ, можетъ быть, нѣсколько однообразнымъ и для разнообразія въ занятіяхъ этого рая были сильно въ модѣ игры въ карты. Гаррингтонъ [2]) говоритъ, что мужчинамъ и женщинамъ позволительно играть въ карты, такъ какъ мужчины не могутъ всегда разговаривать, а женщины всегда шить. Королева подавала примѣръ, усердно занимаясь науками, и въ началѣ ея царствованія ея примѣру слѣдовали многія; но въ 1587 году Гаррисонъ различалъ «старыхъ» придворныхъ дамъ, избѣгавшихъ праздности, работавшихъ или читавшихъ Писаніе, англійскіе или иностранные разсказы, писавшихъ сами цѣлые томы, или переводившихъ на англійскій и латинскій языки и «молодыхъ», употреблявшихъ свое время на «игру на лютнѣ, цитрѣ, на пѣніе и всякаго рода музыку ради увеселенія».

По свидѣтельству Стеббса молодыя дѣвушки любили «показывать застѣнчивость въ манерахъ, жеманность въ словахъ, ходили на цыпочкахъ, точно козочки, и проявляли кокетство и дѣтскость, когда выходили изъ дому съ шелковыми шарфами, наброшенными на лица и развѣвавшимися по вѣтру или когда ѣхали верхомъ въ бархатныхъ маскахъ съ двумя вырѣзанными для глазъ щелками». Это мѣсто напоминаетъ мѣсто изъ Гамлета: «Богъ далъ вамъ лицо, а вы дѣлаете себѣ другое; вы подпрыгиваете, вы семените ножками, вы лепечете и искажаете названія божьихъ созданій и свою похотливость называете невѣденіемъ». Много безнравственности происходили отъ раннихъ браковъ, обычныхъ въ свѣтскомъ обществѣ. Ношеніе масокъ въ общественныхъ мѣстахъ, сдѣлавшееся обычнымъ въ концѣ царствованія не улучшило нравственный уровень высшихъ классовъ.

Общественная нравственность.

Стыдливость не была чужда обществу того времени, но она была только поверхностной. Подобно фальшивымъ волосамъ и раскрашенному лицу королевы, подобно ея лживости и двусмысленностямъ, эта стыдливость была внѣшностью, никого не обманывавшей. Гаррингтонъ, любимый крестникъ Елисаветы, такимъ образомъ бичуетъ слабости свои и своихъ товарищей: «Мы такъ парадно выступаемъ, что насъ можно принять за лучшихъ людей, чѣмъ мы суть на дѣлѣ; у насъ такъ много подложенныхъ ватой и подстеганныхъ одеждъ, что мы кажемся лучше сложенными, съ болѣе широкими плечами, съ болѣе тонкой таліей; мы брѣемся, чтобы казаться моложе, употребляемъ и внутрь и снаружи духи, чтобы лучше пахнуть, носимъ

---

[1]) Ray.

[2]) Nugae Antiquae.

пробочные каблуки, чтобы казаться выше, вѣжливо раскланиваемся, чтобы казаться добрѣе, низко кланяемся, чтобы казаться смиреннѣе, и важно и серьезно разговариваемъ, чтобы казаться умнѣе и набожнѣе» [1]).

Это былъ свѣтскій вѣкъ и прежде всего практическій вѣкъ—практическій и свѣтскій даже въ своихъ взглядахъ на религію. «Мнѣ все равно, что вы тамъ говорите мнѣ о Богѣ, лишь бы на моей сторонѣ были мой государь и законы моего королевства»—говорилъ одинъ англичанинъ, только что возвратившійся изъ Италіи. Можетъ быть, подобные взгляды были исключеніемъ, потому что поговорка гласитъ, что «итальянизированный англичанинъ—это воплощенный дьяволъ». Толпа шла слушать проповѣди, потому что это было въ модѣ; но многіе жаловались, что моднымъ было и безбожіе. Въ разговорахъ, даже въ парламентскихъ дебатахъ часто цитировали Писаніе, но вообще то религіозность того времени ограничивалась словами. Только пуританская революція уничтожила внѣшніе признаки свѣтскости, подбиванье ватой, подстегиванье, духи и пробочные каблуки и сдѣлала все возможное, чтобы вложить въ человѣческое сердце истинно религіозныя чувства.

ИСТОЧНИКИ 1584—1603.

Общая исторія.

Главные источники тѣ же, что и для главы XI; съ прибавленіемъ History of United Netherlands—Мотлея. О пораженіи Армады см. томы, изданные Navy Records Society.

Отдѣльные предметы.

Религія. Кромѣ источниковъ, приведенныхъ въ текстѣ, предисловія Кебля къ его изданію Гукера и Арбера къ изданію Marprelate Tracts. См. также Перри—Hist. of Church of England; Гейлинъ—Hist. of Presbytery; Маскелль—Martin Marprelate. Относительно спора объ управленіи церковью: State Papers, Domestic, Hatfield House MSS.; Протеро—Selection of Constit. Documents, 1559—1603; Страйпъ—Memorials, 6 томовъ, Annals, 7 томовъ, Lifes Кранмера, Паркера, Уитгифта и другихъ церковныхъ сановниковъ; Zürich Letters, 4 т.; Ниль—Hist. of. Puritans; Марсденъ—Early Puritans; Жильбертъ Чайльдъ—Church and State under Tudors.

---

[1]) Ibid.

Военное искусство. Грозъ—Military Antiquities; Лонгманъ—Archery. Изъ оригинальныхъ источниковъ Смитъ—Discourses, 1590; Барвикъ — Brief Discourse, 1594; Рожеръ Вилльямсъ—Brief Discourse of War., 1590.

Открытія и изслѣдованія, 1558 — 1603. Гаклитъ — Voyages; Пёрчасъ—Pilgrims; Гаррисъ—Voyages. Оригинальныя сочиненія путешественниковъ, кромѣ тѣхъ, что у Гаклита: Флетчеръ—Russ Commonwealth; Works—Жерома Горсея; Парри—Travels of Anthony Shirley in Persia; первые отчеты Восточно-Индѣйской кампаніи; Банкрофтъ — Hist. of America; Броунъ — Genesis of United States; Эльфинстонъ—British Power in Jndia; ФоксъБоурнъ - English Seamen under Tudors.

Экономическая исторія, санитарная наука и Общественная жизнь см. главу XI.

Ирландія. См. гл. XI, Pacata Hibernia, изд. 1810 г. и Kilkenny Archaeol. Journal, 1856—57.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
ЦКП РСФСР
Инвент. №
193 г.